This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

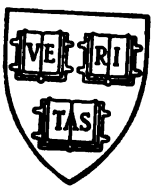
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Ch 294.49.5



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

St Petersburg, Khaliansxaia 23
12/25. XII. 1904.

Dear Sir.

I have the pleasure to forward you, under separate cover, a copy of the Russian translation of the Sarat Chandra Das's „Journey to Lhasa and Central Tibet", which has been edited by you in 1902.

This translation has been published under my editorship by the special authorization of the Royal Geographical Society in London.

I am, Sir,

Your most obedient servant

W. L. Kotwicz,

of the Imperial University,

St Petersb

П

Путешествіе

въ Тибетъ.

Саратъ Чандра Дасъ.

SARAT CHANDRA DAS

Саратъ Чандра Дасъ.

Путешествіе въ Тибетъ.

Съ 2 картами, 2 планами Лхасы, 4 литографированными картинами и 50 рисунками.

„PUTESHESTVIE V TIBET"

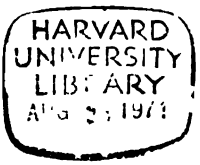
Переводъ съ англійскаго

подъ редакціею

Вл. Котвича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Картографическаго заведенія А. Ильина.
1904.

Ch 294.49.5



Типографія Товарищ. „Общественная Польза". С.-Петербургъ, В. Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе IX

Предисловіе Рокхиля къ англійскому изданію XXXVIII

Отчетная карта Тибетскаго плоскогорія XLV

Глава I. Путешествіе изъ Дарджилина въ Ташилхуньпо . 1—60

Отъѣздъ изъ Дарджилина, 1. Рѣка Руммамъ, 3. Племя лимбу, 5. Жрецы этого племени, 10. Брачные обряды, 14. Перевалы Ду-ла, 22, и Богто-ла, 23. Снѣжная буря, 24. Преданіе о перевалѣ Сэмарумъ, 28. Чома Канькаръ (Эверестъ), 28. Деревня Канпа-чань, 33. Преданіе о племени магаръ, 37. Монастырь Маньдинъ-гомба, 41. Страшная ночь у Бѣлой пещеры, 47. Гора Канлачэнь, 48. Деревни Таширабка, 51, и Танлунъ, 56. Прибытіе въ Ташилхуньпо, 60.

Глава II. Пребываніе въ Ташилхуньпо . . . . . 61—92

Видъ Ташилхуньпо, 61. Отсутствіе министра, пригласившаго автора, 61. Пріемъ, оказанный послѣднему, 62. Недовольство населенія, 65. Визитъ у секретаря министра, 66. Столкновеніе китайскаго амбаня съ населеніемъ, 67. Пріѣздъ кашмирскаго посольства, 69. Лѣченіе тибетскаго чиновника, 72. Паньчэнь-риньпочэ и Далай-лама, 73. Секты въ Тибетѣ, 75. Иллюминація, 76. Пріемъ воплощенца въ монашескую общину, 77. Годовщина восшествія на престолъ богдохана, 81. Портной, 84, 90. Отъѣздъ амбаня, 85. Нищіе, 85. Прекращеніе пограничной торговли, 86. Приключеніе съ Лхагпа-цэриномъ, 86. Гончарный промыселъ, 89. Непальская торговля, 91.

Глава III. Поѣздка въ Донцэ . . . . . 93—135

Отъѣздъ П'урчуна къ сиккимской границѣ и автора въ Донцэ, 93. Деревня Таши-чжяньца, 93. Деревня Чянъ-чу и гостепріимство Дэба-шики, 94. Деревня Ташигань, 99. Прибытіе въ Донцэ и свиданіе съ министромъ, 103. Цугла-канъ, 105. Занятія съ министромъ, 109. Пріемъ дахпоня П'ала, 109. Поѣздка въ Чжяньцэ, 112. Свѣдѣнія, собранныя Учжѣнь-чжяцо, 114. Тибетское войско, 115. Возвращеніе въ Донцэ, 122. Разсказъ о двухъ друзьяхъ, 123. Посѣщеніе Чягъ-цзо-пы и предсказаніе авторомъ судьбы, 128. Отъѣздъ министра и автора въ Ташилхуньпо, 132.

Глава IV. Пребываніе въ Ташилхуньпо и приготовленіе къ путешествію въ Лхасу . . . . . 136—158

Попытка продать жемчугъ, 136. Литографскій прессъ, 137. Новый годъ у простонародья, 140. Занятія съ министромъ, 142. Отъѣздъ Учжѣня и П'урчуна къ сиккимской границѣ за вещами, 145. Переходъ автора во дворецъ министра, 146. Черношапочный танецъ, 149. Прогулка по Ташилхуньпо, 151. Монастырскія школы, 154. Отъѣздъ министра и автора въ Донцэ къ Лхачамъ, женѣ дахпоня П'ала, 156. Возвращеніе въ Ташилхуньпо, 158.

Глава V. Путь изъ Ташилхуньпо въ Самдинъ и далѣе въ Лхасу. 159—189

Отъѣздъ автора въ Донцэ, 159. Появленіе оспы въ Тибетѣ, 162. Отъѣздъ въ Лхасу, 163. Болѣзнь автора 168. Прибытіе въ монастырь Самдинъ для лѣченія у Дорчжэ п'агио, 169. Обряды съ цѣлью вымолить выздоровленіе, 172. Выздоровленіе, 174. Осмотръ достопримѣчательностей Самдина, 174. Свѣдѣнія о Дорчжэ п'агио, 176. Отправленіе въ Лхасу, 179. Городъ Палти, 180. Оракулъ Начунъ-чойчжіонъ, 188.

Глава VI. Пребываніе въ Лхасѣ . . . . . 190—224

Въѣздъ въ Лхасу, 190. Планъ Лхасы, 192. Дворецъ Лхачамъ (Баньчжѣ-шагъ), 193. Главный лхасскій храмъ Чжо-к'анъ, 194. Статуя Будды (Чжо-во), 196. Статуя Авалокитешвары, 198. Преданіе объ ученикѣ Миларапы, 200. Храмъ Рамочэ, 201. Разсказъ о регентѣ Цомолинъ, 204. Вторично въ Чжо-к'анѣ, 205. Выборъ воплощенцевъ, 207. Вторично въ Баньчжѣ-шагѣ, 210. Опять въ Чжо-к'анѣ, 212. Лхасскіе нищіе, 213. Аудіенція у Далай-ламы, 215. Достопримѣчательности Поталы, 221.

Глава VII. Административное устройство области Лхасы . 225—254

Далай-лама и его свѣтская власть, 225. Регентъ, 228. Помощникъ регента, 229. Министры, 229. Свѣтскіе чиновники, 230. Духовные чиновники, 231. Цзонпони (префекты) и низшіе органы, 231. Китайскій амбань и отношенія Тибета къ Китаю, 233. Войска, 236. Доходы лхасскаго правительства, 239. Повинность улагъ, 240. Налоги и сборы, 241. Курьерская служба, 243. Судопроизводство, 233, 244. Дѣловые порядки, 250. Отношеніе къ иностранцамъ, 252.

Глава VIII. Возвращеніе въ Ташилхуньпо и посѣщеніе Учжѣньчжяцо боньбоскаго монастыря Ричжялъ Шэньдаръ . 255—275

Отъѣздъ изъ Лхасы, 255. Посѣщеніе медицинской школы Чагпори, 255. Прибытіе въ Донцэ, 256. Племя гологъ, 257. Басня объ ослѣ и леопардѣ, 258. Лѣтнія молитвенныя церемоніи (моньламъ), 259. Освященіе новаго дома, 263. Смерть Паньчэнь-риньпочэ, 264. Поѣздка Учжѣня въ монастырь Ричжялъ Шэньдаръ и свѣдѣнія о боньбо, 266. Посѣщеніе имъ монастыря Сакья, 272.

Глава IX. Погребеніе Паньчэнь-риньпочэ. Посѣщеніе большого монастыря Самъѣ и области Ярлунъ . . . . . 276—303

Отъѣздъ въ Ташилхуньпо, 276. Перенесеніе тѣла Паньчэнь-риньпочэ въ Ташилхуньпо 277. Поѣздка въ Самъѣ, 279. Описаніе этого монастыря, 285. Въ области Ярлунъ, 291. Монастырь Дэнса-тилъ, 291. Городъ Цэтанъ, 294. Монастырь Шэтагъ, 298. Возвращеніе въ Ташилхуньпо, 303.

Глава X. Посѣщеніе монастыря Сакья и возвращеніе въ Индію 304—314

Отъѣздъ изъ Ташилхуньпо, 304. Прибытіе въ Сакья, Сакьяскіе іерархи, 306. Отправленіе въ дальнѣйшій путь, 309. К'амба-цзонъ, 311. Возвращеніе въ Дарджилингъ, 314.

Глава XI. Сословія и бытъ тибетцевъ. . . . . 315—338

Дѣленіе на классы, 315. Брачные церемоніи и обычаи 317. Разводъ, 320. Поліандрія, 321. Похоронные обычаи, 322. Лѣкаря, 328. Оспа, 328. Водобоязнь, 328. Зобъ, 329. Укушеніе змѣи, 329. Параличъ, 330. Проказа, 330. Водянка, 331. Зубная боль, 33 .. Игры, 332. Празднества, Новогоднія празднества, 333.

Планъ Лхасы, составленный L. A. Waddell'емъ по туземнымъ источникамъ, и указатель къ нему. . . . . 339—341

Алфавитный указатель личныхъ и географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ, встрѣчающихся въ описаніи путешествія и въ примѣчаніяхъ къ нему . . . . . 343—356

Карта маршрутовъ автора по Сиккиму и Тибету въ 1879 и 1882 гг.

ВВЕДЕНІЕ.

Тибетъ, эта «страна снѣговъ», священный центръ ламаизма, куда съ глубокимъ благоговѣніемъ обращаютъ свои взоры милліоны обитателей Азіи и даже Европы, уже почти цѣлое столѣтіе привлекаетъ къ себѣ вниманіе и всего цивилизованнаго міра своею таинственностью и недоступностью. Истекшій вѣкъ былъ свидѣтелемъ все учащавшихся попытокъ проникнуть въ эту неизвѣданную страну. За это нелегкое и опасное предпріятіе пробовали браться различно и со всевозможныхъ сторонъ. Отдѣльные путешественники, то явно, то переодѣвшись туземцами, отважно пытались открыть тайны, которыя хранитъ въ своихъ нѣдрахъ эта страна-отшельникъ; съ тою же цѣлью посылались хорошо организованныя научныя экспедиціи, которыя снабжались достаточною туземною и европейскою охраною; наконецъ, въ наши дни предпринята настоящая военная экспедиція, которая для открытія себѣ пути избиваетъ своимъ усовершенствованнымъ оружіемъ сотни беззавѣтно преданныхъ своей родинѣ людей, самоотверженно пытающихся своею грудью задержать дальнѣйшее движеніе пришельцевъ.

Успѣхъ, съ которымъ тибетцы донынѣ оберегали свои святыни отъ алчныхъ взоровъ иностранцевъ и который побудилъ англичанъ прибѣгнуть, какъ къ ultima ratio, къ массовому избіенію беззащитныхъ туземцевъ, объясняется тѣмъ могущественнымъ содѣйствіемъ, какое человѣкъ встрѣтилъ въ природѣ. При отсутствіи этого условія всѣ другія знаменитыя запретныя страны, какъ Китай, Японія, Корея, уже давно должны были открыть свои двери евро-

пейцу, которому тѣсно стало на его родинѣ. Особнякомъ стоитъ нынѣ въ самомъ сердцѣ Азіи одинъ только Тибетъ, хранимый отъ любопытныхъ взоровъ и алчныхъ замысловъ иноземцевъ безграничными пустынями и величайшими въ мірѣ неприступными горами, которыя фантазія туземцевъ населила грозными для врага божествами.

И дѣйствительно, по своей природѣ Тибетъ представляетъ единственную въ мірѣ страну. Это высочайшее на земномъ шарѣ плоскогоріе почти въ 2 милліона квадратныхъ километровъ, поднимающееся въ среднемъ на 13.000 футовъ надъ уровнемъ океана. Оно ограничено на сѣверѣ и югѣ такими величественными горными цѣпями, какъ Кунь-лунь и Гималаи; на востокѣ и на западѣ оно представляетъ собою альпійскую горную страну, характеризующуюся высокими горами, глубочайшими падями и малодоступными долинами съ очень рѣдкими путями сообщенія.

Въ физическомъ отношеніи Тибетъ можно раздѣлить на двѣ части: страну озеръ и страну рѣкъ. Первая занимаетъ сѣверо-западную холмистую часть Тибета (такъ называемое Хачи, часть Чанъ-тана), состоящую изъ ряда неглубокихъ котловинъ, раздѣленныхъ плоскими водораздѣлами. Каждая такая котловина является замкнутымъ бассейномъ съ озеромъ по срединѣ; въ озерахъ вода горько-соленая. Рѣкъ сколько-нибудь значительной длины здѣсь нѣтъ, атмосферныхъ осадковъ очень мало, и климатъ отличается крайнею сухостью и суровостью. Почва преимущественно глинистая, иногда глинисто-песчаная, покрытая черною галькою; растительность почти совершенно отсутствуетъ. Вообще это самая безплодная и недоступная часть тибетскаго нагорья, крайне рѣдко населенная, а мѣстами и совершенно пустынная.

Остальная часть разсматриваемаго плоскогорія, страна рѣкъ, представляется болѣе удобной для культурной жизни. Горы здѣсь имѣютъ болѣе ясно выраженный характеръ; здѣсь формируются такія громадныя рѣки, какъ Хуанъ-хэ, Янъ-цзы-цзянъ (Муръ-усу, Дрэ-чу, Да-цзянъ), Мэконгъ (Лунъ-цань-цзянъ), Салуэнъ (Намъ-конъ), Брахмапутра (Цанъ-по), Индъ. Здѣсь мы равнымъ образомъ имѣемъ рядъ долинъ, но онѣ лучше орошены, климатъ не столь уже сухъ, растительность богаче; юго-восточная часть покрыта лѣсами. Наибольшимъ плодородіемъ отличается бассейнъ Брахмапутры, гдѣ сосредоточивается культурная жизнь страны, и гдѣ

находятся важнѣйшіе ея центры: Лхаса, Шигацэ, Чжэньцэ (Гянцэ) и Чэтанъ.

Описанное плоскогоріе съ его окраинными возвышенностями населено народомъ, говорящимъ однимъ языкомъ (съ многими нарѣчіями), причисляемымъ къ индо-китайской группѣ языковъ; себя это населеніе называетъ общимъ именемъ *бодъ* (произносится *бö*), но изъ него выдѣляются группы, носящія еще и отдѣльныя названія (не этническія): чанъ-па—жители Чанъ-тана между оз. Панъ-гонъ и Тэнгри-норъ (Намъ-цо), хоръ-па (хорба)—жители страны между Нагъ-чу (у Тэнгри-нора), Куку-норомъ и Дацзянь-лу; догъ-па (докпа)—кочевыя племена (въ противоположеніи земледѣльцамъ). Въ старину тибетскія племена образовывали самостоятельный политическій организмъ; въ настоящее же время большая часть занятыхъ ими земель входитъ въ составъ имперіи, подвластной Дай-цинской династіи Китая, а сравнительно небольшіе окраинные участки причисляются къ Ладаку, Непалу, Сиккиму, Бутану и Бирмѣ; общая численность тибетцевъ, вѣроятно, не многимъ превышаетъ 3 милліона душъ, хотя нѣкоторые писатели насчитываютъ до 8 милліоновъ.

Въ сѣверо-восточной части Тибетскаго плоскогорія тибетцы перемѣшиваются съ монголами; небольшое количество послѣднихъ (дамъ-сокъ) живетъ также въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ Лхасы.

Территорія съ тибетскимъ населеніемъ, подвластная съ начала XVII столѣтія Дай-цинамъ и извѣстная нынѣ подъ именемъ Тибетъ, пользовалась въ началѣ полною автономіею подъ верховнымъ управленіемъ Далай-ламы и раздѣлялась на четыре провинціи: У (Уй), Цанъ (Цзанъ), К'амъ и Нгари (К'орсумъ). Однако съ теченіемъ времени Дай-цины, слѣдуя своей общей политикѣ въ отношеніи инородцевъ, стали постепенно, почти незамѣтно для самихъ тибетцевъ, усиливать свою власть надъ ихъ территоріею, при чемъ часть ея подчинили надзору властей сосѣднихъ провинцій Собственнаго Китая, для наблюденія же надъ болѣе отдаленными отъ послѣдняго землями назначили въ Лхасу своего постояннаго представителя (амбаня). Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались мѣры къ ослабленію власти Далай-ламы и къ устраненію его отъ дѣйствительнаго участія въ управленіи. Кромѣ того, другіе высшіе іерархи Тибета стали претендовать на верховную власть надъ раз-

ными областями въ ущербъ правамъ Далай-ламы, и китайское правительство отнеслось къ подобнымъ притязаніямъ довольно благосклонно.

Въ настоящее время территорія, населенная тибетцами и входящая въ составъ Китая, дѣлится на рядъ почти независимыхъ другъ отъ друга владѣній, которыя въ порядкѣ подчиненія центральному правительству въ Пекинѣ распадаются на три слѣдующія группы.

Сѣверо-восточная часть указанной территоріи (включая сюда Куку-норъ и Амдо), населенная, кромѣ тибетскихъ кочевыхъ поколѣній, еще и монголами, подчинена вѣдѣнію китайскаго амбаня, который проживаетъ въ г. Си-нинѣ (въ провинціи Гань-су).

Юго-восточный уголъ включенъ въ составъ китайской провинціи Сы-чуань и подчиненъ непосредственно генералъ-губернатору послѣдней. Важнѣйшими городами здѣсь являются Батанъ, Литанъ и Да-цзянь-лу (Дарчэньдо).

Вся остальная часть разсматриваемой территоріи, значительно превосходящая по своимъ размѣрамъ двѣ другихъ и составляющая Собственный Тибетъ, закрытый для иностранцевъ, находится подъ надзоромъ лхасскаго амбаня. Донынѣ въ памяти народа, повидимому, крѣпко держится дѣленіе Собственнаго Тибета на 4 провинціи (У, Цанъ, К'амъ и Нгари), но въ административномъ отношеніи это историческое дѣленіе уже утратило въ значительной степени практическое значеніе. Въ дѣйствительности онъ является въ настоящее время раздѣленнымъ на нѣсколько автономныхъ владѣній, установить точныя границы которыхъ не представляется однако возможнымъ въ виду существованія спорныхъ областей.

Главное изъ этихъ владѣній составляютъ земли, признающія надъ собою власть Далай-ламы; общую численность подвѣдомственнаго ему населенія французскій путешественникъ Дютрейль де Ренсъ опредѣляетъ въ $1^1/_2$ милліона душъ, въ томъ числѣ 300 тысячъ монаховъ. Центромъ этого владѣнія является провинція У, но въ составъ его входятъ области и другихъ провинцій, и вообще Далай-ламское правительство не упускаетъ случая къ расширенію своей власти.

Затѣмъ слѣдуетъ область, подчиненная второму тибетскому

святителю Паньчэнь-риньпочэ, пребывающему въ монастырѣ Ташилхуньпо близъ г. Шигацэ. Ему подчиняется до 100 тысячъ человѣкъ, проживающихъ преимущественно въ провинціи Цанъ; но его авторитетъ распространяется и на другія мѣстности; такъ, напримѣръ, извѣстно, что именно онъ, а не Далай-лама, назначаетъ настоятелей монастырей племени гологъ въ Амдо.

Глава секты сакья, имѣющій резиденцію въ монастырѣ того же имени, пользуется правами по управленію послѣдователями этой секты. Равнымъ образомъ и приверженцы старой религіи (боньбо), живущіе главнымъ образомъ въ области Чжядэ (въ провинціи К'амъ), не признаютъ надъ собою власти буддійскихъ іерарховъ, образуя автономныя владѣнія.

Всѣ эти многочисленныя владѣнія Собственнаго Тибета объединяются между собою общею зависимостью отъ лхасскаго амбаня. Кромѣ того, вліяніе и могущество желтошапочной буддійской секты гэлугъ-па здѣсь настолько велико, что ея глава Далай-лама распространяетъ свой авторитетъ, какъ духовный, такъ отчасти и политическій, на всю территорію, населенную тибетцами.

Сношенія Тибета съ сосѣдними странами, при описанныхъ выше топографическихъ его особенностяхъ, представляютъ громадныя трудности, и главную изъ нихъ составляетъ отсутствіе удобныхъ путей сообщенія.

То, что разумѣется въ Тибетѣ подъ именемъ *ламъ* («дорога») или даже *чжя-ламъ* («большая дорога»), представляетъ на дѣлѣ узкую тропинку, идущую по глубокимъ лощинамъ, пересѣченнымъ мѣстами бурными потоками, очень трудно, а подчасъ и вовсе не переходимыми въ бродъ; мосты же на подобныхъ потокахъ попадаются сравнительно очень рѣдко. Часто дорога идетъ по крутымъ утесамъ, достигающимъ иногда 16.000 футовъ и болѣе высоты, со склонами, покрытыми толстымъ слоемъ снѣга. Въ другомъ мѣстѣ она узкою лентою (шириною подчасъ не болѣе фута) вьется по карнизу скалы, нависшей надъ пропастью и къ тому же покрытой льдомъ или скользкою грязью. Мѣстами дорога до такой степени загромождена обломками скалъ и камнями или, наоборотъ, такъ изрѣзана ямами и рытвинами, что два нагруженныхъ быка или яка едва могутъ пройти рядомъ. Для такихъ дорогъ лучшимъ животнымъ является якъ. Благодаря своей громадной

тяжести, онъ продавливаетъ ледъ и такимъ образомъ не скользитъ по нему; кромѣ того, огромная масса туловища этого животнаго, при короткихъ ногахъ, сообщаетъ ему необыкновенную устойчивость, благодаря чему онъ спокойно проходитъ по самымъ опаснымъ мѣстамъ. Для яка не надо брать никакого корма: онъ легко довольствуется небольшимъ количествомъ сухой и жесткой травы, и это его качество является особенно цѣннымъ на пустынныхъ дорогахъ, почти лишенныхъ растительности, какими является большая часть тибетскихъ дорогъ. Но зато яки очень лѣнивы и упрямы, вслѣдствіе чего они годятся лишь для небольшихъ переходовъ; кромѣ того, ихъ нельзя употреблять для перевозки тяжелыхъ и въ особенности хрупкихъ грузовъ, такъ какъ они не идутъ ровной вереницей, какъ ходятъ лошади или верблюды, а слѣдуютъ обыкновенно безпорядочной толпою, тѣснясь и безпрестанно толкая другъ друга. Въ горахъ съ ними не пройти больше 13—14 верстъ въ сутки, на ровномъ же мѣстѣ— до 25 верстъ, тогда какъ лошадь проходитъ почти вдвое столько. Въ виду этого туземцы нерѣдко предпочитаютъ лошадей, хотя послѣднія обходятся дороже, и притомъ ихъ труднѣе прокормить.

Всѣ большія дороги Тибета Дютрейль де Ренсъ дѣлитъ на пять группъ. Первую группу составляютъ дороги, соединяющія Лхасу съ Си-ниномъ (по-тибетски Силлинъ или Зилинъ) и Ланьчжоу. Самая западная изъ этихъ дорогъ проходитъ чрезъ Нагъ-чу, переправу Чумаръ Рабдунь черезъ рѣку Муръ-усу и княжество Цзунъ-цзасака въ Цайдамѣ. Хотя этотъ путь длиннѣе другихъ дорогъ этой группы, однако онъ наиболѣе посѣщается, такъ какъ представляетъ собою единственный путь, безопасный отъ нападеній разбойниковъ. По этой дорогѣ слѣдуютъ въ Тибетъ богомольцы изъ Монголіи и сѣвернаго Китая. Протяженіе дороги 1860 километровъ; яки проходятъ это разстояніе въ 108 дней (20 дней отъ Лхасы до Нагъ-чу, 88—отъ Нагъ-чу до Си-нина) Населенныя мѣстности вдоль этой дороги встрѣчаются лишь на разстояніи первыхъ 90 верстъ отъ Лхасы и 75 верстъ отъ Синина до монастыря Тань-каръ (Донкаръ); на всемъ остальномъ протяженіи пути есть только два небольшихъ поселенія: Нагъ-чу и ставка Цзунъ-цзасака, а 800 километровъ проходятъ по совершенно безлюдному раіону. Зато мѣстности, по которымъ пролегаетъ эта дорога, несмотря на значительную высоту, довольно

удобопроходимы, благодаря, между прочимъ, отсутствію глубокихъ рытвинъ.

Въ прежнія времена существовала еще другая болѣе прямая дорога, но она была заброшена вслѣдствіе частыхъ разбоевъ, совершавшихся здѣсь тибетскимъ племенемъ гологъ; отъ описанной выше дороги она отдѣляется немного южнѣе переправы Чумаръ Раблунь, затѣмъ поворачиваетъ къ озерамъ Чжаринъ-норъ и Оринъ-норъ и, пройдя между этими озерами, направляется въ Тань-каръ. Длина дороги около 1700 километровъ, изъ коихъ 1300 проходятъ по совершенной пустынѣ.

Третій путь, открытый впервые французомъ Гренаромъ, идетъ мимо истоковъ р. Мэконга и далѣе на монастырь Таши-гомба, Чжѣкуньдо и Тань-каръ. Этотъ путь длиною приблизительно въ 1780 километровъ; пустынныя мѣстности вдоль него занимаютъ лишь 580 верстъ.

Отъ этой дороги у монастыря Ла-бугъ отдѣляется важный въ торговомъ отношеніи путь, идущій почти на всемъ своемъ протяженіи по населеннымъ мѣстамъ; онъ ведетъ черезъ монастырь Лабранъ и городъ Хо-чжоу въ Лань-чжоу, являющійся крупнымъ торговымъ центромъ для сѣверо-восточнаго Тибета. Этотъ путь, имѣющій въ длину 2045 километровъ, проходитъ по странѣ гологовъ, которые разрѣшаютъ пользоваться имъ только караванамъ, идущимъ изъ Лабрана, подобно тому, какъ по второй изъ описанныхъ дорогъ они позволяютъ проѣзжать только великому ламѣ изъ Ташилхуньпо при совершаемой имъ чрезъ каждые три года поѣздкѣ въ Пекинъ, а по дорогѣ, изслѣдованной Гренаромъ, лишь караванамъ, идущимъ изъ монастырей, находящихся въ окрестностяхъ Чжѣкуньдо.

Вторая группа дорогъ соединяетъ Лхасу съ Да-цзянь-лу (Дарчэньдо) на границѣ китайской провинціи Сы-чуань. Такихъ дорогъ всего три. Самая южная и кратчайшая, но зато и представляющая наиболѣе трудностей, проходитъ чрезъ Чжямдо (Гямда), Лхари и Чямдо; протяженіе ея 1650 километровъ, яки проходятъ ее въ $3^1/_2$ мѣсяца. Вторая дорога ведетъ чрезъ Согъ-цзонъ и Чямдо. Эта дорога посѣщается сравнительно очень мало. Наконецъ, третья дорога, наиболѣе сѣверная, проходитъ мимо истоковъ р. Мэконгъ и далѣе черезъ г. Чжѣкуньдо. Хотя она почти на 200 километровъ длиннѣе первой изъ описанныхъ дорогъ, но

ею чаще всего пользуются, такъ какъ она несравненно удобнѣе. Лхасскій амбань однако всегда слѣдуетъ по первой дорогѣ въ виду того, что она проходитъ по наиболѣе богатымъ и заселеннымъ мѣстностямъ. Къ этой же группѣ можно отнести и дорогу, ведущую изъ Сунъ-пань-тина въ Чямдо чрезъ монастырь Цзогъ-чэнь, протяженіемъ въ 860 километровъ. Отъ этой дороги отдѣляется вѣтвь на Чжѣкуньдо; этотъ путь однако не открытъ для правильнаго торговаго движенія, и имъ пользуются главнымъ образомъ сунъ-паньскіе контрабандисты, которые находятся въ дружескихъ отношеніяхъ съ мѣстными разбойниками.

Третья группа дорогъ соединяетъ Лхасу съ Ли-цзяномъ въ китайской провинціи Юнь-нань. Разстояніе между этими пунктами составляетъ 1500 километровъ, при чемъ путь идетъ по долинѣ рѣки Цанъ-по (Брахмапутра). Эта область Тибета изслѣдована крайне мало.

Къ четвертой группѣ относятся дороги, которыя соединяютъ Лхасу съ Индіей. Наиболѣе удобная изъ этихъ дорогъ, по взаимному соглашенію между китайскимъ и тибетскимъ правительствами, закрыта для движенія. Эта дорога имѣетъ въ длину 520 километровъ, и по ней въ девять дней можно изъ Лхасы верхомъ доѣхать до Дарджилина, главнаго города Сиккима и конечнаго пункта англійской желѣзной дороги. Открыты для движенія лишь дороги, проходящія чрезъ Бутанъ и Непалъ. Отъ Лхасы до столицы Бутана—Тассисудона (Ташичо-цзонъ) всего лишь около 400 килом., до Катманду же, столицы Непала, около 850 километровъ, при чемъ во второмъ случаѣ дорога идетъ на Чжяньцэ, Ташилхуньпо, Сакья и Тинри. Наконецъ, четвертая дорога идетъ изъ Лхасы въ Ассамъ чрезъ Чэтанъ, но движеніе по этой дорогѣ очень незначительно.

Пятую и послѣднюю группу составляютъ двѣ дороги, ведущія изъ Лхасы въ Ле (Leh) въ Ладакѣ, при чемъ первая изъ нихъ идетъ чрезъ Ташилхуньпо, Гартокъ и Рудокъ, вторая—чрезъ Сэньчжа-цзонъ, Омбо и Рудокъ. Почти все торговое движеніе совершается по первой дорогѣ, которая, хотя и немного длиннѣе (2140 килом.) второй (1880 километровъ), но зато проходитъ по болѣе богатымъ и населеннымъ мѣстностямъ Тибета. По этой дорогѣ обыкновенно слѣдуютъ въ Лхасу посольства изъ Ладака. Яки проходятъ этотъ путь въ 4 мѣсяца, лошади въ два съ по-

ловиною мѣсяца; лица же, ѣдущія по казенной надобности, и правительственные курьеры, которые слѣдуютъ безостановочно день и ночь, мѣняя лошадей на каждой станціи, проѣзжаютъ все разстояніе въ 18 дней, дѣлая приблизительно по 120 километровъ въ сутки.

Имѣется еще нѣсколько дорогъ, ведущихъ изъ Лхасы и Ташилхуньпо въ Китайскій Туркестанъ, но эти дороги не имѣютъ торговаго значенія [1]).

По большей части описанныхъ выше дорогъ, сходящихся съ разныхъ сторонъ въ Лхасѣ, иностранные путешественники пытались проникнуть въ этотъ городъ, и до начала XIX столѣтія эти попытки не встрѣчали никакого противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей.

Насколько извѣстно, первымъ европейцемъ, посѣтившимъ Тибетъ, былъ монахъ Одорикъ изъ Порденоне, который на возвратномъ пути изъ Пекина, гдѣ онъ прожилъ 3 года, проникъ черезъ Шэнь-си около 1325—1326 г. въ главный городъ Тибета, вѣроятно, Лхасу, и прожилъ тамъ нѣкоторое время. Разсказъ объ этомъ путешествіи, довольно впрочемъ бѣдный положительными свѣдѣніями, опубликованъ полковникомъ H. Yule въ его трудѣ: «Cathay and the Way Thither» (I. pp. 1—162).

Послѣ Одорика прошло три столѣтія прежде, чѣмъ кто-либо изъ европейцевъ вновь рѣшился посѣтить Тибетское плоскогоріе. Только въ 1624 г. іезуитъ Антоніо Андрада проникъ туда изъ Индіи (Агра), переваливъ черезъ Гималаи къ верховьямъ Ганга (озеру Манасароваръ), откуда черезъ Рудокъ направился въ Кукуноръ и далѣе въ Китай. Описаніе этого путешествія появилось на португальскомъ языкѣ въ Лиссабонѣ; въ переводѣ на французскій языкъ оно помѣщено у Péron и Billecocq въ «Recueil de Voyages du Tibet».

Слѣдующее путешествіе, въ обратномъ направленіи, было совершено также іезуитами австрійцемъ Грюберомъ (Grueber) и

---

[1]) Подробности о дорогахъ въ Тибетѣ имѣются въ слѣдующихъ трудахъ: J.-L. Dutreuil de Rhins et F. Grenard, Mission scientifique dans la Haute Asie, Deuxième partie, pp. 377—380; G. Sandberg, An Itinerary of the Route from Sikkim to Lhassa (Calcutta, 1901), Douglas W. Freshfield, The Routes to Tibet (Geographical Journal, January 1904), O'Connor, Routes in Sikhim (1900).

французомъ Дорвилемъ (Dorville) въ 1661 г. Отправившись изъ Пекина черезъ Си-нинъ и Нагъ-чу, они посѣтили Лхасу, гдѣ пробыли 2 мѣсяца, послѣ чего проѣхали въ Агру черезъ Непалъ. Разсказъ Грюбера, содержащій не мало интересныхъ свѣдѣній о Тибетѣ, помѣщенъ у Кирхера въ «China Illustrata» и у M. Thévenot въ «Relations de divers voyages curieux qui n'ont point été publiées».

За Грюберомъ послѣдовали снова два іезуита тосканецъ Дезидери (H. Desideri) и португалецъ Фрейре (M. Freyre), которые проникли въ 1716 г. въ Лхасу изъ Сиккима. Дезидери пробылъ въ Лхасѣ до 1729 г. Его весьма цѣнныя записки о Тибетѣ донынѣ остаются въ рукописи.

Въ бытность Дезидери въ Лхасѣ, а именно въ 1719 г., туда проникли капуцины (въ числѣ 13 человѣкъ) во главѣ съ Францискомъ-Ораціо делла Пенна (Orazio della Penna), которые основали въ столицѣ Тибета миссію, процвѣтавшую до 1760 г. Ораціо делла Пенна провелъ болѣе четверти вѣка въ Тибетѣ, изучивъ превосходно эту страну и языкъ ея населенія. Сообщенныя имъ свѣдѣнія, имѣющія весьма важное значеніе, были неоднократно издаваемы и, между прочимъ, послужили основаніемъ для извѣстнаго труда Georgi: «Alphabetum Tibetanum» (Roma, 1762). Въ римской Congregatio de propaganda fide, вѣроятно, донынѣ хранятся цѣнные матеріалы, собранные капуцинскою миссіею въ Тибетѣ.

Очень мало извѣстно о любопытныхъ путешествіяхъ, совершенныхъ голландцемъ Самуиломъ Ванъ де Путте (Samuel Van de Putte). Около 1730 г. онъ проникъ изъ Индіи въ Лхасу, гдѣ прожилъ долгое время, изучивъ тибетскій языкъ; отсюда онъ ѣздилъ въ Пекинъ въ составѣ тибетскаго посольства и вновь вернулся въ столицу Тибета, а затѣмъ въ Индію.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія англійская Остъ-Индская компанія уже прочно утвердилась въ сѣверной Индіи, и одинъ изъ ея умнѣйшихъ генералъ-губернаторовъ Уорренъ Гастингсъ (Warren Hastings) задумалъ завязать торговыя сношенія съ Тибетскимъ плоскогоріемъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ въ 1774 г. въ Шигацэ Георга Богля (George Bogle), которому удалось заручиться расположеніемъ великаго ламы Ташилхуньпо, Паньчэньриньпочэ. Въ это время однако китайскій императоръ Цянь-лунъ,

желая установить болѣе прочную и тѣсную связь между Тибетомъ и Китаемъ, предпринялъ въ этомъ направленіи рядъ мѣръ и, между прочимъ, рѣшилъ положить предѣлъ самостоятельнымъ сношеніямъ Тибета съ сосѣдними странами. Въ виду этого миссія Богля встрѣтила противодѣйствіе со стороны китайскихъ чиновниковъ въ Лхасѣ.

Для продолженія переговоровъ, начатыхъ Боглемъ, Уорренъ Гастингсъ командировалъ въ 1783 г. капитана Самуила Тернера (Samuel Turner). Эта миссія равнымъ образомъ не дала желательныхъ для англичанъ результатовъ, но за то Тернеръ оставилъ подробное описаніе своего пребыванія въ Тибетѣ и того предупредительнаго пріема, который онъ встрѣтилъ въ Шигацэ, въ книгѣ: «An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama» (London, 1800).

Въ 1792 г. Тибетъ подвергся нападенію со стороны гуркасцевъ, завладѣвшихъ Непаломъ, и китайское правительство заподозрило участіе въ этомъ дѣлѣ англичанъ. Это обстоятельство послужило причиною окончательнаго закрытія Тибета для сношеній съ Индіей, и мѣра эта была распространена также и на тибетскую границу съ остальными странами. Политика замкнутости, начало которой необходимо такимъ образомъ приписать главнымъ образомъ китайскому правительству, была затѣмъ усвоена и туземными властями Тибета и поддерживается ими, за одно съ этимъ правительствомъ, во всей строгости донынѣ, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ довольно подробно говоритъ авторъ печатаемаго ниже труда.

Несмотря на строгія мѣры, принятыя для преграждения доступа иностранцамъ въ Тибетъ, туда вскорѣ же проникъ англичанинъ Маннингъ (Thomas Manning). Ему удалось, благодаря своимъ медицинскимъ познаніямъ, заручиться расположеніемъ одного китайскаго генерала въ П'ари-цзонѣ (на границѣ Тибета съ Бутаномъ), и этотъ генералъ въ 1811 г, пригласилъ Маннинга сопровождать его въ Лхасу. Маннингъ провелъ въ Лхасѣ нѣсколько мѣсяцевъ и, между прочимъ, имѣлъ возможность видѣть Далай-ламу. Затѣмъ однако онъ, по спеціальному приказанію изъ Пекина, былъ высланъ обратно въ Индію. Отрывочный дневникъ Маннинга былъ изданъ вмѣстѣ съ болѣе цѣннымъ отчетомъ Богля C. R. Markham'омъ въ книгѣ: «Narratives of the Mission of George Bogle to

Tibet, and of the Journey of Thomas Manning to Lhasa» (London, 1875).

Послѣ Маннинга только лазаристамъ Гюку (Huc) и Габэ (Gabet) удалось въ 1846 г. пробраться переодѣтыми изъ сѣвернаго Китая въ Лхасу, слѣдуя по западной изъ дорогъ, соединяющихъ Си-нинъ со столицею Тибета. Въ этой послѣдней Гюкъ и Габэ прожили нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ они были узнаны и, по приказанію китайскаго амбаня, выпровождены въ Да-цзянь-лу по южной дорогѣ, ведущей на Чжямдо, Лхари и Чямдо. Описаніе этого крайне интереснаго путешествія, изданное Гюкомъ подъ заглавіемъ: «Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846» (Paris, 1850—53), получило широкую извѣстность и было переведено на многіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій (Гюкъ и Габэ, «Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ къ столицѣ Тале-Ламы»).

Попытки проникнуть внутрь Тибета, которыя дѣлались въ теченіе XIX столѣтія другими иностранцами, терпѣли неизмѣнно неудачи. Первоначально эти попытки дѣлались главнымъ образомъ съ юга изъ Индіи, но здѣсь надзоръ вдоль границъ Тибета оказывался настолько бдительнымъ, что путешественники должны были ограничиться изслѣдованіемъ сосѣднихъ съ этою страною мѣстностей и собраніемъ разспросныхъ свѣдѣній о Тибетѣ. Къ числу такихъ путешественниковъ и изслѣдователей относятся Brian H. Hogson, Д-ръ Campbell, Д-ръ Hooker («Himalayan Journals»), Alexander Çunningham, Wilson, Ashley Eden, Wilcox (1826 г.), Д-ръ Griffiths (1836 г.), Krick (1852), T. T. Cooper (1870) и въ новѣйшее время Needham (1885), L. A. Waddell («Buddhism of Tibet», London, 1895; «Among the Himalayas», London, 1900), Douglas W. Freshfield («Round Kangchenjunga», London, 1903), Donaldson и много другихъ.

Изъ лицъ, занимавшихся изслѣдованіемъ Тибета съ западной стороны, особенно извѣстны братья Адольфъ и Германъ Шлагинтвейты («Results of a Scientific Mission to India and High Asia, 1854—58», Leipzig, 1861—66; «Buddhism in Tibet», 1863). Здѣсь также слѣдуетъ упомянуть о знаменитомъ венгерцѣ Александрѣ Чома (Csoma de Körös), который всецѣло посвятилъ себя изученію тибетской литературы и долгіе годы провелъ у преддверій Ти-

бета, готовясь къ путешествію внутрь этой страны; только смерть помѣшала осуществленію этого предпріятія.

Непосредственно послѣ Маннинга и Гюка удачныя, но небольшія экскурсіи въ юго-западный уголъ Тибета къ озерамъ Манасароваръ (Цо-Мап'амъ) и Ракасъ-талъ (Цо-Ланакъ) удалось совершить Муркрофту въ 1812 г. (W. Moorcroft, «A Journey to Lake Manassarovara in Little Tibet», Journ. As. Soc. of Bengal, XII, p. 375) и Стрэчи совмѣстно съ Винтерботтомомъ въ сентябрѣ 1848 г. (R. Strachey, «Narrative of a Journey to the Lakes Rakas-tal and Manasarovar in Western Tibet», Geograph. Journal, 1900, №№ 2, 3, 4).

На востокѣ изслѣдованію подвергалась населенная тибетцами территорія, подвластная Сы-чуаньскому генералъ-губернатору, благодаря тому, что на эту территорію, какъ входящую въ составъ Собственнаго Китая, полный запретъ для иностранцевъ распространенъ не былъ. Сюда путешественники обыкновенно проникали черезъ Да-цзянь-лу изъ Собственнаго Китая. Такъ, въ 1868 г. этимъ путемъ доходилъ до Батана Куперъ (T. T. Cooper, «Travels of a Pioneer of Commerce», 1871), а въ 1877 г. капитанъ Джиль (Wm. Gill, «River of Golden Sands», 1880), который изъ Батана направился въ Юнь-нань и Бирму. Были здѣсь также Праттъ, («To the Snows of Tibet throngh China», 1891), г-жа Бишопъ (Isabella L. Bird) и многіе другіе. Болѣе всего однако надъ изученіемъ этой страны потрудились французскіе миссіонеры съ тѣхъ поръ, какъ они учредили миссію въ Бонга. На короткое время они были допущены въ Чямдо и Гартокъ; въ настоящее же время они дѣйствуютъ главнымъ образомъ въ Батанѣ и къ югу отъ него. Сообщенныя ими свѣдѣнія дали возможность о. Desgodins составить весьма цѣнный очеркъ Тибета: «Le Thibet d'après la correspondence des Missionnaires» (Paris, 1885) и издать подробный словарь: «Dictionnaire thibétain-latin-français par les missionnaires catholiques de Thibet» (Hongkong, 1899).

Большое значеніе для изслѣдованія Восточнаго Тибета имѣла экспедиція, снаряженная графомъ Сэчэни (Béla Széchenyi) въ 1877 г. на Дальный Востокъ. Въ ней, кромѣ Сэчэни, приняли участіе Густавъ Крейтнеръ въ качествѣ топографа, и Людвигъ Лочи (Loczy) въ качествѣ геолога и ботаника. Эта экспедиція прибыла въ іюнѣ 1899 г. въ Си-нинъ, откуда въ теченіе 2 мѣ-

сяцевъ совершала поѣздки по разнымъ мѣстамъ Амдо и Кукунора. Затѣмъ путешественники цо китайской территоріи проѣхали въ Да-цзянь-лу и Батанъ и, изслѣдовъ горную страну къ югу отъ этого послѣдняго пункта, направились въ г. Б'амо. Результатомъ этой экспедиціи явилась книга Крейтнера: «Im fernen Osten, Reise des Grafen Béla Széchenyi in Indien, Japan, China, Tibet und Burma» и «Die Wissenschaftlichen Ergebnisse der Reisen des Gr. B. Széchenyi in Ost-Asien, 1877—1880» (1898).

Совершенно новая эпоха въ изслѣдованіи Тибета началась съ тѣхъ поръ, какъ русскіе путешественники вновь обратили вниманіе міра на возможность проникновенія далеко вглубь Тибета съ сѣвера по пути, по которому уже раньше проходили католическіе миссіонеры. Это направленіе представляетъ то преимущество, что сѣверный Тибетъ (Чанъ-танъ) населенъ крайне рѣдко, линія тибетскихъ сторожевыхъ пограничныхъ постовъ значительно удалена къ югу, и при пустынности страны здѣсь легче, какъ показалъ опытъ, обмануть бдительность тибетцевъ и подойти на сравнительно близкое разстояніе къ Лхасѣ. Со времени Н. М. Пржевальскаго, впервые воспользовавшагося послѣ долгаго промежутка сѣвернымъ направленіемъ для проникновенія въ Тибетъ, не проходило почти и года, чтобы туда не была снаряжена экспедиція съ сѣвера, сѣверо-запада или сѣверо-востока; предпринимавшіяся въ то же время европейцами съ другихъ сторонъ путешествія въ эту страну дали очень мало положительныхъ результатовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ краткому обозрѣнію того, что выполнили русскіе въ дѣлѣ изслѣдованія Тибета, нельзя не упомянуть о первыхъ ихъ, хотя и безсознательныхъ, попыткахъ проникновенія въ Тибетъ. Попытки эти были предприняты алтайскими старовѣрами въ поискахъ бѣловодья. Одна изъ ихъ партій, состоявшая изъ 130 человѣкъ, отправилась изъ Томской губерніи въ 1860 г. и по совершенно не изслѣдованнымъ въ то время мѣстностямъ (въ значительной части онѣ не изслѣдованы и донынѣ) чрезъ бассейнъ рѣки Тарима (оз. Лобъ-норъ и г. Чархалыкъ къ юго-западу отъ этого озера) доходила до предгорій Тибета, гдѣ затѣмъ производилъ свои изслѣдованія Н. М. Пржевальскій. Географическія названія, сообщенныя помянутою партіею, отличаются въ общемъ большою точностью (Г. Е. Грумъ-Гржимайло,

«Въ поискахъ бѣловодья». С.-Петербургскія вѣдомости, 1903, № 348).

Однако начало научному изслѣдованію Тибета русскими было положено величайшимъ изъ путешественниковъ по Центральной Азіи Н. М. Пржевальскимъ. Несмотря на страстное желаніе достигнуть Лхасы, Пржевальскому удалось изслѣдовать лишь сѣверо-восточный Тибетъ въ естественно-историческомъ отношеніи. На это дѣло онъ посвятилъ очень много трудовъ во время своихъ путешествій по Центральной Азіи. Во время первой изъ своихъ экспедицій Пржевальскій съ М. А. Пыльцевымъ прошелъ въ 1872—3 гг. съ сѣверо-запада къ оз. Куку-нору, затѣмъ черезъ Цайдамъ къ рѣкѣ Муръ-усу (Янъ-цзы-цзяну). Недостатокъ средствъ заставилъ его повернуть обратно. Результатомъ этого путешествія явилась книга: «Монголія и страна тангутовъ» (Спб., 1876).

Во время второго путешествія Пржевальскій вмѣстѣ со своимъ спутникомъ Ф. Л. Эклономъ, направившись въ концѣ 1876 года черезъ бассейнъ Тарима и г. Чархалыкъ къ границамъ Тибета, изслѣдовалъ горную цѣпь Алтынъ-тагъ. Это путешествіе описано въ статьѣ: «Отъ Кульджи за Тянь шань и на Лобъ-норъ» (1877 г.).

Исходнымъ пунктомъ третьяго путешествія, предпринятаго Пржевальскимъ при участіи Эклона и В. И. Роборовскаго, послужилъ Зайсанскій постъ, откуда экспедиція черезъ Гоби и Цайдамъ проникла въ Тибетъ, достигнувъ въ октябрѣ 1879 года рѣки Муръ-усу. При дальнѣйшемъ движеніи она была задержана у поселенія Напчу (Нагъ-чу, Нья-чук'а) тибетскимъ сторожевымъ отрядомъ, вслѣдствіе чего должна была въ концѣ того же года направиться въ обратный путь. Однако, прежде чѣмъ возвратиться въ Россію, путешественники изслѣдовали до іюня 1880 г. малоизвѣстныя мѣстности бассейна Куку-нора и Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), не дойдя однако до ея истоковъ. Описалъ Пржевальскій это путешествіе въ трудѣ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки» (Спб., 1883).

Четвертое путешествіе было предпринято Пржевальскимъ совмѣстно съ В. И. Роборовскимъ и П. К. Козловымъ. Выступивъ изъ Кяхты въ октябрѣ 1883 г., путешественники 17 мая слѣдующаго года достигли истоковъ Желтой рѣки и подробно обслѣдовали эту совершенно неизвѣстную область. Подвергшись нападенію со сто-

роны мѣстныхъ тибетскихъ племенъ, экспедиція въ августѣ 1884 г. двинулась въ обратный путь на Лобъ-норъ, при чемъ еще разъ сдѣлала попытку пробраться черезъ Кунь-лунь (г. Полу) на Тибетское плоскогоріе, но неудачно. Въ результатѣ этого путешествія явился трудъ: «Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима» (Спб., 1888).

Результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго составили цѣлую эпоху въ дѣлѣ изслѣдованія Центральной Азіи, включая сюда и сѣверныя области Тибета. Онъ первый пролилъ яркій свѣтъ на природу этихъ областей. Выдающіяся заслуги этого «перваго изслѣдователя природы Центральной Азіи» вполнѣ признаются во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Завѣтная мечта Н. М. Пржевальскаго пробраться въ Лхасу заставила его выработать планъ новаго путешествія въ Тибетъ, но среди приготовленій къ этому предпріятію его застигла смерть, послѣдовавшая въ Караколѣ (нынѣ Пржевальскѣ) въ октябрѣ 1888 г. Однако идея этого путешествія оставлена не была. И. Русское Географическіе Общество, подъ эгидою котораго совершалъ свои путешествія Пржевальскій, снарядило такъ называемую Тибетскую экспедицію, въ которой, подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова, приняли участіе прежніе спутники Пржевальскаго: Роборовскій и Козловъ и геологъ К. И. Богдановичъ. Экспедиція Пѣвцова изслѣдовала весною 1890 г. въ разныхъ мѣстахъ Кунь-луньскую горную систему, проникая также и на Тибетское плоскогоріе. Результаты этой экспедиціи изданы въ видѣ «Трудовъ Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова» (3 части).

Дальнѣйшее продолженіе начатаго Н. М. Пржевальскимъ дѣла выпало на долю его бывшихъ спутниковъ, В. И. Роборовскаго и П. К. Козлова. Первый изъ нихъ сталъ въ 1893 г.. во главѣ новой экспедиціи И. Русскаго Географическаго Общества, въ которой принялъ также участіе Н. В. Козловъ и переводчикъ Ладыгинъ. Въ концѣ 1894 г. экспедиція прибыла въ Цайдамъ, имѣя въ виду проникнуть возможно далѣе на югъ, по направленію къ провинціи Сы-чуань. Не доходя однако рѣки Хуанъ-хэ, путешественники, въ виду болѣзни Роборовскаго, должны были въ январѣ 1895 г. повернуть обратно. Описаніе этой экспедиціи

дано въ «Трудахъ экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго» (3 части).

Болѣе обширный раіонъ Тибета охватила экспедиція П. К. Козлова, въ которой принимали участіе А. Н. Казнаковъ и упомянутый выше Ладыгинъ. Весною 1900 г. она черезъ Цайдамъ вышла къ рѣкѣ Дрэ-чу (верховье Янъ-цзы-цзяна). Перейдя черезъ нее, экспедиція направилась къ Чжѣкуньдо и затѣмъ, свернувъ съ дороги, по которой раньше слѣдовали другіе путешественники, двинулась на югъ, желая выйти къ Чямдо. Въ небольшомъ разстояніи отъ этого города она подверглась нападенію со стороны туземцевъ и должна была свернуть на востокъ. Зиму экспедиція провела въ долинѣ р. Ра-чу, притока р. Чямдо-чу, дѣлая экскурсіи въ разныя стороны. Весной 1901 г. она продолжала дальнѣйшее движеніе на востокъ, но затѣмъ повернула назадъ и въ концѣ мая достигла озера Оринъ-цо.

Къ описаннымъ русскимъ экспедиціямъ тѣсно примыкаютъ еще двѣ: Г. Н. Потанина и братьевъ Грумъ-Гржимайло.

Въ экспедиціи Г. Н. Потанина 1884 — 1886 гг. принимали участіе зоологъ Березовскій и топографъ Скасси. Экспедиція эта подробно изслѣдовала въ 1885 г. область Амдо. Результатомъ ея явился трудъ Г. Н. Потанина: «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія» (Спб., 1893; 2 т.).

Вторая изъ помянутыхъ экспедицій была совершена въ 1889—1890 гг. братьями Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло, которые изслѣдовали нѣкоторыя мѣстности въ бассейнѣ Куку-нора (Г. Е. Грумъ-Гржимайло, «Описаніе путешествія въ Западный Китай», 2 т.).

Нельзя не упомянуть также о сдѣланной въ 1890 г. капитаномъ Б. Л Громбчевскимъ попыткѣ проникнуть въ западный Тибетъ изъ Полу; попытка эта однако потерпѣла неудачу.

Всѣ перечисленныя путешествія, совершенныя подъ эгидою и благодаря стараніямъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, имѣли громаднѣйшее значеніе для изученія Центральной Азіи. Что касается въ частности Тибета, то русскія экспедиціи охватили лишь окраинную горную систему Куньлуня и почти весь сѣверо-восточный уголъ Тибета, входящій въ вѣдѣніе си-нинскаго амбаня. Выдающейся чертою всѣхъ этихъ

экспедицій является громадное научное значеніе собранныхъ ими данныхъ въ ботаническомъ, зоологическомъ, геологическомъ и метеорологическомъ отношеніяхъ. Кромѣ того, экспедиціями неизмѣнно производились съемки. Г. Н. Потанинъ и Г. Е. Грумъ-Гржимайло много вниманія удѣлили также выясненію этнографическихъ вопросовъ.

Столь блестящіе результаты работъ нашихъ экспедицій не могли не обратить вниманія на сѣверный Тибетъ и иностранцевъ. И, дѣйствительно, какъ уже упомянуто выше, съ средины 80-хъ годовъ начинается цѣлый рядъ попытокъ со стороны иностранцевъ проникнуть въ Тибетъ съ сѣвера. Однако экспедиціи эти, при рѣдкой смѣлости ихъ руководителей, въ значительномъ большинствѣ случаевъ были обставлены гораздо хуже какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ спеціальныхъ познаній путешественниковъ, а потому ихъ труды, за исключеніемъ работъ Свенъ Гедина, Рокхиля и Дютрейль де Ренса, представляютъ чаще всего лишь разсказъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ, имѣющій значеніе, главнымъ образомъ, благодаря неизвѣстности посѣщенныхъ ими мѣстностей.

Первымъ изъ этихъ путешественниковъ былъ, повидимому, англичанинъ Кэри (A. Carey), который во время своей экспедиціи по Центральной Азіи въ 1885—1887 гг. перешелъ вмѣстѣ съ Dalgleish'емъ, Алтынъ-тагъ и изслѣдовалъ сѣверную часть Тибетскаго плоскогорія, пересѣкши при этомъ маршрутъ Пржевальскаго. Пройдя затѣмъ на востокъ вдоль подножія Кунь-луня, Кэри пересѣкъ западную дорогу, ведущую изъ Си-нина въ Лхасу, и достигъ рѣки Ма-чу (верхнее теченіе р. Хуанъ-хэ). Отсюда онъ повернулъ на сѣверъ. Отчетъ его «Journey round Chinese Turkestan» напечатанъ въ Proceed. R. Geogr. Soc. (December 1887).

Въ 1889 г. американскій дипломатъ Рокхиль (William Woodville Rockhill), проживъ нѣкоторое время въ амдоскомъ монастырѣ Гумбумъ, обогнулъ весной 1889 г. съ сѣвера озеро Куку-норъ и затѣмъ, изслѣдовавъ часть Цайдама, направился черезъ верховья р. Хуанъ-хэ къ рѣкѣ Дрэ-чу (Янъ-цзы-цзянъ), которую онъ и пересѣкъ къ сѣверу отъ важнаго торговаго центра Чжѣ-куньдо (Gyekundo). Отсюда онъ отправился по долинѣ рѣки Дрэ-чу и подъ 32° 30′ перешелъ въ бассейнъ рѣки Чжа-чу, а въ іюнѣ того же года достигъ Да-цзянь-лу. Результатомъ его поѣздки

явился трудъ: «The Land of the Lamas. Notes of a Journey through China, Mongolia and Tibet» (London, 1891), переведенный на русскій языкъ въ приложеніи къ журналу «Міръ Божій» за 1901 г. подъ заглавіемъ: «Въ страну ламъ».

Въ ноябрѣ 1889 г. французъ Бонвало (Gabriel Bonvalot), сопровождаемый принцемъ Генрихомъ Орлеанскимъ и бельгійскимъ миссіонеромъ Dedeken, выступили изъ Чархалыка (къ югозападу отъ Лобъ-нора) и, слѣдуя по совершенно не изслѣдованной мѣстности въ южномъ направленіи, достигли въ началѣ февраля 1890 г. сѣвернаго берега Тэнгри-нора. Затѣмъ путешественники двинулись дальше на югъ по направленію къ Лхасѣ, но близъ Си-нинской дороги были остановлены тибетскими властями, которыя заставили ихъ направиться на востокъ по средней «чайной» дорогѣ черезъ область Чжядэ. Пройдя черезъ городъ Чямдо, Бонвало со своимъ спутникомъ прибыли въ Дацзянь лу въ іюнѣ. Путешествіе это описано Бонвало въ книгѣ «De Paris au Tonkin à travers le Tibet inconnu» (Paris, 1892), которая переведена на русскій языкъ подъ названіемъ: «Невѣдомая Азія» (Ташкентъ, 1897).

Въ началѣ іюля 1891 г. капитанъ бенгальской кавалеріи Боуэръ (H. Bower), въ сопровожденіи W. G. Thorold'a, вступилъ въ Тибетъ изъ Ладака черезъ пограничный перевалъ Ланакъ-ла. Отсюда, слѣдуя въ общемъ восточномъ направленіи, прошли мимо озеръ Хорпа-цо и Ару-цо, послѣ чего, повернувъ на юго-востокъ, пересѣкли Чанъ-танъ и достигли озера Чжяринъ-цо. Здѣсь Боуэръ былъ остановленъ тибетскимъ пастушескимъ племенемъ, которое заставило его направиться сначала на сѣверъ, а потомъ на востокъ черезъ область Чжядэ. Пройдя Чямдо, онъ въ февралѣ 1892 г. прибылъ въ Да-цзянь-лу. Разсказъ о своемъ путешествіи Боуэръ издалъ подъ заглавіемъ: «Diary of a Journey across Tibet» (Calcutta, 1893).

Въ 1891 году Рокхиль совершилъ второе путешествіе въ Тибетъ. Отправившись, какъ и въ первое свое путешествіе, изъ Гумбума въ февралѣ, онъ обогнулъ Куку-норъ съ юга и, снова прослѣдовавъ черезъ Цайдамъ, вступилъ въ горную страну, составляющую сѣверную окраину Тибета. Держась въ общемъ юго-западнаго направленія, онъ прошелъ бассейнъ истоковъ р. Дрэ-чу и пересѣкъ маршруты Бонвало и Боуэра. Близъ озера Намру-цо

онъ былъ задержанъ и принужденъ направиться на востокъ. Неоднократно пересѣкши здѣсь маршруты только что названныхъ путешественниковъ, онъ черезъ Чямдо вышелъ къ Да-цзянь-лу. Дневникъ этого путешествія опубликованъ въ книгѣ: «Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892» (Washington, 1894). Кромѣ того, на основаніи собранныхъ имъ коллекцій Рокхиль написалъ изслѣдованіе: «Notes on the ethnology of Tibet, based on the Collection in United States National Museum» (Report of National Museum, 1893).

Англійская миссіонерша миссъ Тэйлоръ (Miss Annie Taylor) отправилась въ сентябрѣ 1892 г. изъ амдоскаго монастыря Лабранъ и, пересѣкши рр. Хуанъ-хэ и Дрэ-чу (послѣднюю близъ того мѣста, гдѣ черезъ нее переправлялся Рокхиль въ 1889 г.), достигла города Чжѣкуньдо. Отсюда она направилась къ городу Чямдо, но, не доходя послѣдняго, повернула на западъ и вышла на Си-нинскую дорогу сѣвернѣе города Нагъ-чу. Будучи здѣсь задержана тибетскими властями, миссъ Тэйлоръ повернула назадъ въ Чжѣкуньдо и, слѣдуя по большой дорогѣ, по которой раньше шелъ Рокхиль, прибыла въ городъ Да-цзянь-лу. Краткій ея дневникъ помѣщенъ въ книгѣ William Carey: «Travel and Adventure in Tibet including the Diary of Miss Annie R. Taylor's Remarkable Journey from Tau-Chau to Ta-Chien-Lu through the heart of the Forbidden Land» (London, 1902).

Въ 1893 г. французы Дютрейль де Ренсъ (J.-L. Dutreuil de Rhins) и Гренаръ (F. Grenard), выступивъ изъ Чэрчэня, направились на югъ съ цѣлью достигнуть Лхасы. Пройдя рядъ низкихъ хребтовъ и миновавъ множество озеръ, они подъ 32° 30′ повернули на юго-востокъ и, пройдя къ сѣверу отъ озеръ Чаргатъ-цо и Чжяринъ-цо, достигли въ ноябрѣ восточнаго берега Тэнгринора. Здѣсь они были остановлены тибетцами и, напрасно потративъ 6 недѣль, стараясь добиться разрѣшенія посѣтить Лхасу, направились къ Нагъ-чу и далѣе по еще не изслѣдованной дорогѣ въ Чжѣкуньдо, котораго они достигли въ маѣ 1894 года, пересѣкши путь Рокхиля близь монастыря Таши-гомба. Изъ Чжѣкуньдо путешественники двинулись на сѣверъ по направленію къ Куку-нору, но по дорогѣ близъ Тунбумдо Дютрейль де Ренсъ былъ убитъ 5 іюня (нов. ст.) разбойничьимъ тибетскимъ племенемъ; Гренаръ же благополучно до-

стигъ Куку-нора. Результатомъ этого путешествія явились цѣнныя карты и важный въ научномъ отношеніи отчетъ, изданный французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія: „J.-L. Dutreuil de Rhins. Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890—1895. Deuxième partie: Le Turkestan et Tibet. Etude etnographique et sociologique par F. Grenard“ (Paris, 1898).

Англичанинъ Литтльдэль (St. George R. Littledale), сопутствуемый женой, выѣхалъ въ началѣ 1895 г. изъ Чэрчэня на югъ къ верховьямъ рѣки Чэрчэнь-дарья, а затѣмъ черезъ Чанъ-танъ къ озеру Чжяринъ-цо. Отсюда съ большими затрудненіями онъ достигъ Тэнгри-нора и быстрымъ движеніемъ успѣлъ достигнуть пункта, находящагося въ 50 миляхъ отъ Лхасы; задержанный здѣсь тибетскими властями, онъ вынужденъ былъ повернуть на западъ и, слѣдуя по дорогѣ, параллельной маршруту Боуэра, осенью достигъ Ладака. На своемъ пути Литтльдэль производилъ съемку и составилъ цѣнную ботаническую коллекцію. Краткій отчетъ о поѣздкѣ Литтльдэля, которому удалось болѣе всѣхъ другихъ новѣйшихъ путешественниковъ приблизиться къ Лхасѣ, помѣщенъ въ Geographical Journal, 1896 (vol. VII).

Капитанъ Вельби (M. S. Wellby) и лейтенантъ Малькольмъ (Malcolm) въ маѣ 1896 года проникли въ Тибетъ изъ Ладака черезъ перевалъ Ланакъ-ла и, слѣдуя вдоль сѣверной окраины Чанъ-тана по совершенно пустыннымъ, въ значительной части не изслѣдованнымъ мѣстностямъ съ большими лишеніями достигли сѣвернаго истока р. Дрэ-чу—Чумара и затѣмъ вскорѣ прибыли въ Танькаръ. Путешествіе это описано капитаномъ Вельби въ книгѣ: «Through unknown Tibet» (London, 1898).

Почти въ одно время съ этими путешественниками и также изъ Ладака направился въ Тибетъ англійскій капитанъ Дизи (H. H. P. Deasy), вмѣстѣ съ Арнольдомъ Пике (Pike), черезъ перевалъ Ланакъ-ла. Онъ посѣтилъ озеро Ѣшиль-куль и открытыя Боуэромъ озера Ару-цо и Чаролъ-цо, но затѣмъ былъ остановленъ тибетцами, которые заставили путешественника вернуться въ Ладакъ. Это путешествіе представляетъ исключительный интересъ въ виду того, что Дизи на всемъ пути производилъ тріангуляціонныя работы. Въ 1898 г. онъ связалъ эти работы у озера Ѣшиль-куль съ тѣми, которыя были имъ выполнены въ восточномъ Туркестанѣ въ 1897—1898 гг. Описаніе своихъ путеше-

ствій Дизи далъ въ книгѣ: «In Tibet and Chinese Turkestan. Being the Record of three Years' Exploration» (London, 1901).

Въ 1896 г. шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ направился въ сѣверный Тибетъ изъ Копа, находящагося къ югу отъ Чэрчэня, и, двигаясь по неизслѣдованной мѣстности, проникъ въ долину сѣверныхъ истоковъ Дрэ-чу, откуда повернулъ въ Цайдамъ. Описаніе этого путешествія издано на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ: «Въ сердцѣ Азіи.—Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ.—Путешествіе Свена Гедина въ 1893—1897 годахъ» (Спб., 1899).

Смѣлую попытку проникнуть въ Тибетъ съ юга сдѣлалъ Сэвэджъ Лендоръ (A. Henry Savage Landor) въ 1897 г. Онъ направился въ эту страну изъ такъ называемыхъ сѣверо-западныхъ провинцій Индіи черезъ перевалъ Lumpiya Lek, обогнулъ съ юга озера Ракасъ-талъ и Манасароваръ и направился на востокъ въ долину Брахмапутры. У села Дуксамъ онъ однако былъ задержанъ, подвергнутъ истязаніямъ и тѣмъ же путемъ выпровожденъ изъ Тибета. Описаніе своихъ злоключеній путешественникъ далъ въ книгѣ: «In the Forbidden Land. An Account of a Journey in Tibet, Capture by Tibetan Authorities, Imprisonment, Torture and ultimate Release» (London, 1898).

Въ 1898 г. канадскій миссіонеръ P. Rijnhart предпринялъ вмѣстѣ со своею женою-докторомъ (Dr. Susie C. Rijnhart) и малолѣтнимъ сыномъ путешествіе въ Тибетъ съ миссіонерскими цѣлями. Въ августѣ они выѣхали изъ Тань-кара и, слѣдуя по крайней западной дорогѣ, прибыли въ Нагъ-чу, потерявъ по дорогѣ ребенка. Въ Нагъ-чу путешественники были задержаны и, подобно своимъ предшественникамъ, направились на востокъ. Недалеко отъ монастыря Таши-гомба они сбились съ дороги; миссіонеръ Rijnhart отправился искать какого-либо жилья, но больше уже не возвращался. Его жена, послѣ тщетнаго ожиданія, продолжала путь одна и вышла къ Да-цзянь-лу. Свое путешествіе она описала въ книгѣ: «With Tibetans in Tent and Temple. Narrative of four Years' Residence on the Tibetan Border and of a Journey into the far Interior» (London, 1902).

Въ 1899 г. баденцы Футтереръ и Гольдереръ, во время предпринятой ими поѣздки черезъ всю Азію, посѣтили область, лежащую между озеромъ Куку-норомъ и р. Хуанъ-хэ. Путешествіе

это описано Футтереромъ въ книгѣ: «Durch Asien. Erfahrungen, Forschungen und Sammlungen während der von Amtmann Dr. Holderer unternommenen Reise» (Berlin, 1901—1903).

Въ 1901 г. во время своего второго путешествія въ Центральную Азію Свенъ Гединъ выступилъ изъ Чархалыка на югъ, желая пересѣчь Тибетъ по діагонали къ верховьямъ рѣки Инда. Подойдя къ Лхасѣ на разстояніе 14 дней пути, Свенъ Гединъ покинулъ свой караванъ и, переодѣвшись монголомъ, быстро двинулся по направленію къ Лхасѣ, однако въ 5 дняхъ пути отъ этого города, у озера Бумъ-цо, онъ былъ задержанъ. Соединившись со своимъ караваномъ, Свенъ Гединъ отправился на западъ по странѣ, которую прошли Наинъ Сингъ, Боуэръ и Литтльдель; въ декабрѣ того же года онъ достигъ Ладака. Описаніе этого путешествія вышло на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на англійскомъ: «Central Asia and Tibet towards the Holy City of Lassa (London, 1903).

Закрывая Тибетъ для иностранцевъ, пекинское и мѣстное правительства сдѣлали однако изъятіе въ пользу уроженцевъ Азіи, исповѣдывающихъ буддизмъ. Этимъ обстоятельствомъ не замедлили воспользоваться европейцы для полученія свѣдѣній о запретной для нихъ самихъ странѣ. Первый опытъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ англичанами въ Индіи около 1865 года. По иниціативѣ полковника T. G. Montgomerie, индійское бюро Trigonometrical Survey начало подготовлять туземцевъ, англійскихъ подданныхъ, для самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій, послѣ чего они посылались въ Тибетъ и другія страны въ Гималаяхъ, куда былъ затрудненъ доступъ европейцамъ. Эти «пундиты» (ученые) изъ осторожности именовались лишь условными буквами. Переодѣтые и снабженные необходимыми матеріалами и инструментами отъ означеннаго бюро, они свободно проникали въ Тибетъ и производили тамъ свои изслѣдованія. Пундиты прошли эту страну въ разныхъ направленіяхъ, и на основаніи, главнымъ образомъ, ихъ съемокъ долгое время изображался Центральный Тибетъ на картахъ. Изъ такихъ пундитовъ болѣе всего прославились Наинъ Сингъ (A—), Кишэнъ Сингъ (A—k), лама Учжѣнь-чжяцо (Ugyen-gyatso) и Саратъ Чандра Дасъ.

Наинъ Сингъ въ теченіе десятилѣтія съ 1865 по 1875 гг. совершилъ три путешествія въ Тибетъ, при чемъ изслѣдовалъ

западную провинцію Тибета Нгари и дважды прошелъ по центральнымъ областямъ этой страны съ запада на востокъ—разъ (1865—1866 гг.) по долинѣ р. Цанъ-по, а другой (1874—1875 гг.) по линіи оз. Панъ-тонъ и Тэнгри-норъ. Онъ дважды посѣтилъ Лхасу и въ 1866 г. былъ принятъ на аудіенціи Далай-ламою.

Кишэнъ Сингъ совершилъ свое путешествіе по Тибету въ 1878—1882 гг., при чемъ оно охватило восточный Тибетъ съ четырехъ сторонъ, такъ что маршрутъ его образуетъ четыреугольникъ съ вершинами: Лхаса, Са-чжоу (къ сѣверу отъ Цайдама), Да-цзянь-лу и граница Ассама. Онъ посѣтилъ осенью 1878 г. Лхасу, при чемъ составилъ планъ этого города, который помѣщенъ ниже на стр. 192. Отчетъ объ этомъ путешествіи изданъ подъ заглавіемъ: «Report on the Explorations in Great Tibet and Mongolia, made by A—k in 1879—1882 in connection with the Trigonometrical Branch, Survey of India» (Dehra Dun, 1884).

О дѣятельности и заслугахъ Учжѣнь-чжяцо и Саратъ Чандра Даса подробно говоритъ ниже (стр. XXXVIII) Рокхиль. Саратъ Чандра Дасу мы обязаны, несомнѣнно, наиболѣе интересными и надежными свѣдѣніями о центральномъ Тибетѣ, которыя изложены въ книгѣ: «Journey to Lhasa and Central Tibet» (London, 1902). Эта книга и издается нынѣ въ переводѣ на русскій языкъ.

Въ не менѣе благопріятныхъ условіяхъ для изслѣдованія Тибета при помощи инородцевъ-ламаитовъ находится Россія, въ которой проживаетъ значительное количество (около 400.000 душъ) бурятъ и калмыковъ, исповѣдывающихъ буддизмъ. Эти инородцы, особенно же буряты, съ давнихъ поръ поддерживаютъ сношенія со своимъ духовнымъ главою въ Тибетѣ, Далай-ламой. Каждый годъ изъ бурятскихъ степей ѣздятъ въ Тибетъ богомольцы для поклоненія святынямъ этой страны и иногда проживаютъ тамъ подолгу, изучая въ большихъ монастыряхъ разные предметы, имѣющіе отношеніе къ буддизму. Рѣже ѣздятъ въ Тибетъ калмыки. До недавняго времени русско-подданные ламаиты ѣздили въ Тибетъ, изъ опасенія какихъ-либо затрудненій, подъ видомъ халхасцевъ (жителей сѣверной Монголіи въ Китаѣ), но около 15 лѣтъ тому назадъ они добились отъ тибетскихъ властей признанія за ними права на посѣщеніе Тибета, несмотря на ихъ принадлежность къ русскому подданству.

Въ Россіи донынѣ не дѣлалось попытокъ спеціальной подго-

товки нашихъ инородцевъ для путешествія въ Тибетъ, по примѣру англичанъ въ Индіи, но нѣкоторыя изъ бывавшихъ въ «странѣ снѣговъ» лицъ составляли описанія своихъ поѣздокъ. Такихъ описаній въ печати появилось немного, при чемъ два изъ нихъ изданы А. М. Позднѣевымъ: разсказъ бурятскаго хамболамы Заяева объ его поѣздкѣ въ Тибетъ, совершенной въ 1741 г., помѣщенъ въ бурятскомъ текстѣ (безъ перевода) въ «Монгольской хрестоматіи для начальнаго преподаванія» А. Позднѣева (Спб., 1900), а сказаніе о такой же поѣздкѣ калмыка База Мöнкöчжуева (1891—1894) издано имъ же, Позднѣевымъ, въ калмыцкомъ текстѣ съ переводомъ и примѣчаніями («Сказаніе о хожденіи въ тибетскую страну мало-дöрбöтскаго База-бакши» (Спб., 1897).

Кромѣ поѣздокъ этихъ двухъ лицъ, заслуживаютъ большого вниманія поѣздки, которыя были предприняты въ 1899 г. бурятомъ Гонбожабомъ Цыбиковымъ, окончившимъ факультетъ восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и калмыкомъ Овшэ Норзуновымъ. Оба эти лица были снабжены фотографическими аппаратами, при помощи которыхъ они сдѣлали массу снимковъ въ Лхасѣ и другихъ пунктахъ Тибета. Снимки эти имѣютъ большое значеніе, такъ какъ донынѣ сниманіемъ фотографій тамъ, насколько извѣстно, почти никто не занимался. Снимки эти хранятся въ Географическомъ Обществѣ, которое опубликовало въ своихъ «Извѣстіяхъ» (т. XXXIX, вып. III) перечень ихъ съ краткими поясненіями и дало воспроизведеніе 8 фотографій О. М. Норзунова. Въ томъ же выпускѣ извѣстій помѣщенъ предварительный отчетъ о поѣздкѣ Г. Цыбикова, продолжавшейся съ лѣта 1900 г. по осень 1901 г.

Къ описанной группѣ путешествій, совершенныхъ въ Тибетъ уроженцами Азіи, необходимо отнести также поѣздку японскаго бонзы Экой Кавагучи. Изучивъ тибетскій языкъ, Кавагучи подъ видомъ китайскаго врача тайно проникъ черезъ Непалъ въ Тибетъ въ іюлѣ 1899 г. Пропутешествовавъ, для отклоненія отъ себя подозрѣній, нѣкоторое время по западному Тибету, онъ по пути Наинъ Синга (1865—1866 гг.) направился въ Шигацэ и Лхасу, гдѣ и прожилъ до мая 1902 г., когда онъ былъ наконецъ узнанъ и принужденъ бѣжать. Краткія свѣдѣнія объ этомъ пу-

тешествіи помѣщены въ январской книжкѣ журнала «Century Magazine» за текущій годъ и въ № 2 «Новаго журнала иностранной литературы, науки и искусства» за тотъ же годъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на послѣднемъ фазисѣ отношеній европейцевъ къ Тибету—англійской военной экспедиціи въ эту страну, не имѣющей своею цѣлью мирнаго изслѣдованія Тибета или же установленія болѣе тѣснаго общенія, чѣмъ то, которое обезпечено Англіи Калькуттскимъ договоромъ 1890 г., установившимъ пограничную линію между Тибетомъ и подвластнымъ Англіи Сиккимомъ, и Дарджилинскими правилами 1893 г. открывшими англичанамъ для торговли тибетскій пограничный городокъ Ятунъ съ предоставленіемъ имъ права свободнаго проживанія въ этомъ пунктѣ. Тутъ дѣло идетъ о включеніи Тибета въ сферу англійскаго политическаго вліянія и искорененіи всякихъ слѣдовъ вліянія Россіи, какъ это открыто заявлялось англійскими политическими дѣятелями. Затѣянное англичанами съ этою цѣлью предпріятіе все болѣе осложняется; первоначально объявленный ими, съ виду какъ будто скромный, планъ дѣйствій въ Тибетѣ все расширяется и грозитъ распространиться нынѣ на священный центръ Тибета— Лхасу. При такихъ условіяхъ наше общество едва ли можетъ относиться безразлично къ дѣйствіямъ нашихъ соперниковъ, явно направленнымъ противъ насъ. Правильная оцѣнка того или другого ихъ шага и возможныхъ его послѣдствій въ будущемъ, конечно, немыслима безъ самаго обстоятельнаго и всесторонняго знанія мѣстныхъ условій.

Между тѣмъ почерпнуть необходимыя для того свѣдѣнія, при современномъ состояніи нашей литературы о Тибетѣ, негдѣ, такъ какъ центральный Тибетъ, служащій ареною дѣятельности англичанъ, русскими изслѣдователями, какъ то указано выше, почти еще совершенно не затронутъ [1]). Поэтому мнѣ казалось вполнѣ своевременнымъ ознакомить русское общество съ новѣйшимъ, по времени появленія, трудомъ изъ этой области, принадлежащимъ Саратъ Чандра Дасу: «Journey to Lhasa and Central Tibet». Выдающіяся качества этого труда выяснены въ печатаемомъ ниже предисловіи извѣстнаго путешественника по Тибету

---

[1]) Г. Цыбиковъ, посѣтившій Лхасу и другіе пункты центральнаго Тибета, далъ пока лишь краткій предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ.

Рокхиля, прекрасно знающаго эту страну, ея населеніе, религію и языкъ. Важность этого труда явствуетъ уже и изъ того обстоятельства, что онъ считался англійскимъ правительствомъ долгое время строго секретнымъ, и лишь по истеченіи 20 лѣтъ по его составленіи Лондонское Географическое общество получило разрѣшеніе на опубликованіе этого труда. Редактированіе его общество поручило только что названному Рокхилю, который снабдилъ разсказъ Саратъ Чандра Даса обстоятельными примѣчаніями, окончивъ это дѣло въ 1899 г.

Въ изданіи этого труда произошла задержка, и онъ появился лишь въ 1902 г., но къ примѣчаніямъ къ нему уже не было сдѣлано добавленій на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій о Тибетѣ, опубликованныхъ въ промежуткѣ времени между 1898 и 1902 гг.; кромѣ того, не были почти совершенно использованы русскія работы, дающія свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ, которыхъ касается Саратъ Чандра Дасъ. Поэтому, издавая, съ разрѣшенія Лондонскаго Географическаго общества, переводъ труда индійскаго путешественника, я считалъ полезнымъ внести разныя дополненія и поправки (они отмѣчены буквами *ред.)*, которыя обусловливались указаннымъ выше обстоятельствомъ, а равно желаніемъ объяснить разные малоизвѣстные термины (преимущественно буддійскіе). При этомъ были сохранены въ точности всѣ примѣчанія Рокхиля, и лишь въ немногихъ случаяхъ, для удобства читателя, былъ измѣненъ порядокъ распредѣленія сообщаемаго имъ матеріала. Примѣчанія Рокхиля такъ же, какъ и въ англійскомъ текстѣ, обозначены иниціалами (W. R.), а примѣчанія автора—(S. C. D).

Даты всѣ сохранены по новому стилю.

Не могу также сказать нѣсколькихъ словъ о принятой мною системѣ транскрипціи тибетскихъ словъ и названій. При сравнительно недостаточномъ знакомствѣ европейцевъ съ тибетскимъ языкомъ и его нарѣчіями, пока еще ни въ европейской ни въ русской литературѣ не установилось вполнѣ опредѣленной транскрипціи, которую бы можно было считать общепризнанною. Въ русской литературѣ наблюдается преобладаніе того произношенія тибетскихъ словъ, которое намъ слышится въ устахъ монголовъ, являвшихся донынѣ главными посредниками между нами и тибетцами. По отзыву лицъ компетентныхъ, это произношеніе очень близко подходитъ къ лхасскому выговору. Было бы поэтому вполнѣ

цѣлесообразно для русской транскрипціи принять за основаніе именно монгольское произношеніе.

Примѣнить однако этотъ принципъ къ транскрипціи словъ, встрѣчающихся у Саратъ Чандра Даса, я не рискнулъ и вотъ по какимъ основаніямъ. Авторъ даетъ свои названія не по лхасскому произношенію, а по какому-то другому, по всей вѣроятности, одному изъ болѣе южныхъ, при томъ изрѣдка слегка ихъ разнообразнитъ. Между тѣмъ громадное количество этихъ названій должны были появиться въ русской литературѣ впервые, а потому установить монгольское произношеніе каждаго такого слова (особенно при отсутствіи въ текстѣ тибетскаго начертанія его и зачастую невозможности найти въ словаряхъ такое начертаніе) представлялось очень рискованнымъ. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что лхасское произношеніе, которому соотвѣтствуетъ монгольское, въ настоящее время, повидимому, уже не различаетъ нѣкоторыхъ звуковъ, продолжающихъ еще существовать въ другихъ нарѣчіяхъ и, между прочимъ, въ томъ, которымъ пользовался авторъ. Вводить поэтому, въ угоду монгольскому произношенію, соотвѣтственныя измѣненія мнѣ казалось нежелательнымъ, тѣмъ болѣе, что при затруднительности установить настоящее монгольское произношеніе всѣхъ словъ и нѣкоторой неустановленности русской транскрипціи самыхъ монгольскихъ словъ, здѣсь легко было впасть во вредныя по существу заблужденія. Поэтому я предпочелъ по возможности близко передавать англійскую транскрипцію тибетскихъ словъ, примѣнительно къ той системѣ, которая установилась у русскихъ ученыхъ въ области языковъ народовъ Восточной Азіи. Соотвѣтственно этому мною принята слѣдующая таблица переложенія англійской транскрипціи тибетскихъ словъ на русскую:

n — *нь*
ng — *нъ*
ts — *ц*
bh, *gh*, *kh*, *ph*, *th* — *б'*, *г'*, *к'*, *п'*, *т'*
lh — *лх*
j — *чж*
dj — *цз*
yi — *ьи*

Отступленіе отъ общаго принципа допущено лишь для сочетанія *ду*, которое передано повсюду, какъ *чж* съ послѣдующимъ іотированнымъ гласнымъ (*я*, *ю*, *ѣ*).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ русской литературѣ имѣлись общепринятыя тибетскія названія въ монгольскомъ произношеніи, они указывались параллельно въ примѣчаніяхъ.

Рисунки исполнены по клише, которыя были изготовлены для англійскаго изданія и затѣмъ любезно предоставлены Лондонскимъ Географическимъ обществомъ для русскаго изданія. Кромѣ того, въ послѣднемъ изданіи помѣщено 8 упомянутыхъ выше фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ О. М. Норзуновымъ и 23 рисунка, воспроизведенныхъ по указаннымъ въ текстѣ источникамъ. Изготовлены заново имѣвшіяся въ англійскомъ изданіи карта маршрутовъ Саратъ Чандра Даса, его портретъ и 4 раскрашенныхъ туземныхъ картины, изображающія Ташилхуньпо, Шигацэ, храмъ Чжо-к'анъ и Поталу. Составлена схематическая карта Тибета съ указаніемъ важнѣйшихъ маршрутовъ путешественниковъ. Приложенъ также планъ Лхасы, составленный L. A. Waddell'емъ и помѣщенный въ мартовскомъ номерѣ журнала «Geographical Journal» за текущій годъ.

Переводъ англійскаго текста сдѣланъ студентомъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института А. Ѳ. Дубровинымъ при ближайшемъ участіи Н. Н. Субботина. Схематическая карта Тибета составлена Л. И. Бородовскимъ. Указатель собственныхъ именъ и иностранныхъ словъ принадлежитъ Ч. М. Войшвилло.

Май 1904 года. **Вл. Котвичъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ АНГЛІЙСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Саратъ Чандра Дасъ родился въ 1849 году въ восточномъ Бенгалѣ, въ городѣ Читтагонѣ въ индійскомъ семействѣ, принадлежащемъ къ медицинскому сословію (*вайдья*). Образованіе свое онъ получилъ въ Президентской коллегіи (Presidency College) въ Калькуттѣ. Здѣсь онъ познакомился съ нынѣшнимъ директоромъ народнаго просвѣщенія Бенгала сэромъ Альфредомъ Крофтомъ, который очень полюбилъ его и съ этого времени сдѣлался постояннымъ руководителемъ Саратъ Чандра Даса во всѣхъ его географическихъ и литературныхъ работахъ, и только благодаря ходатайству Крофта онъ получилъ возможность совершить свои столь важныя путешествія въ Тибетъ.

Въ 1874 году, будучи еще на инженерномъ отдѣленіи Калькуттской коллегіи, Саратъ Чандра Дасъ уже былъ назначенъ начальникомъ только что открытой въ то время въ Дарджилингѣ, по приказанію тогдашняго бенгальскаго губернатора сэра Георга Кэмпбелля, Б'утійской школы (Bhutia Boarding School). Саратъ Чандра сразу же съ необычайною ревностью принялся за изученіе тибетскаго языка; вскорѣ у него установились дружескія отношенія съ Сиккимскимъ рачжею и многими вліятельными сиккимскими ламами, при чемъ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ онъ совершилъ цѣлый рядъ поѣздокъ по Сиккиму.

Въ 1878 году лама Учжѣнь-чжяцо, состоявшій преподавателемъ тибетскаго языка въ Б'утійской школѣ, былъ командированъ въ Лхасу и Ташилхуньпо съ дарами отъ своего монастыря. Этимъ случаемъ воспользовались для того, чтобы узнать, нельзя ли получить отъ тибетскаго правительства разрѣшеніе для Саратъ Чандра Даса посѣтить Тибетъ. Учжѣню посчастливилось устроить дѣло такъ удачно, что первый министръ Паньчэнь-риньпочэ въ

Ташилхуньпо пригласилъ Саратъ Чандра посѣтить этотъ крупный центръ ламайской учености, о которомъ намъ сообщили столько интереснаго Джорджъ Богль и Самуэль Тернеръ; затѣмъ въ видахъ большей безопасности, а также для того, чтобы оправдать въ глазахъ подозрительныхъ ламъ и китайцевъ присутствіе въ странѣ Саратъ Чандра Даса, министръ приказалъ записать его студентомъ на богословское отдѣленіе мѣстнаго монастыря. Вмѣстѣ съ тѣмъ Учжѣнь получилъ у перваго министра для Саратъ Чандра паспортъ, согласно которому ему предоставлялась полная свобода войти въ Тибетъ по любой дорогѣ, и которымъ обезпечивался также свободный проѣздъ до Шигацэ.

Запасшись такимъ документомъ, Саратъ Чандра въ іюнѣ 1879 года, въ сопровожденіи ламы Учжѣнь-чжяцо, отправился въ Ташилхуньпо; тамъ онъ пробылъ почти полгода въ гостяхъ у перваго министра, при содѣйствіи котораго ему удалось тщательно ознакомиться съ богатымъ собраніемъ книгъ въ большихъ библіотекахъ монастыря; ему также удалось вывезти въ Индію богатую коллекцію различныхъ сочиненій на тибетскомъ и санскритскомъ языкахъ. Во время этой поѣздки Саратъ Чандра также изслѣдовалъ остававшуюся въ то время совершенно неизученною мѣстность къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Каньчаньчжинга, отмѣчая съ большою тщательностью разстоянія, а равно мѣстонахожденіе различныхъ посѣщенныхъ имъ пунктовъ. Важнымъ результатомъ его поѣздки явилось также установленіе дружественныхъ сношеній съ либеральнымъ и вліятельнымъ въ Тибетѣ первымъ министромъ, который очень заинтересовался успѣхами западной цивилизаціи и ея удивительными открытіями, о которыхъ онъ много слышалъ отъ Саратъ Чандра; при прощаніи онъ даже просилъ послѣдняго еще разъ посѣтить Ташилхуньпо и разсказать ему еще о различныхъ чудесахъ запада.

Отчетъ объ этой первой поѣздкѣ былъ напечатанъ бенгальскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ возвращенія Саратъ Чандра, при чемъ предисловіе было написано его другомъ сэромъ Альфредомъ Крофтомъ. Такъ какъ при этой поѣздкѣ авторъ ѣхалъ по той же дорогѣ, что и во время второго болѣе продолжительнаго своего путешествія въ Тибетъ, совершеннаго въ 1881—82 г.г., и такъ какъ во время первой поѣздки онъ занимался почти исключительно вопросами историческаго и религіоз-

наго характера, то мы не помѣстили перваго его отчета въ настоящей книгѣ, включивъ въ примѣчанія лишь тѣ данныя, относящіяся къ географіи и этнографіи Тибета, которыхъ нѣтъ во второмъ болѣе подробномъ отчетѣ.

Весь 1880 годъ Саратъ Чандра провелъ у себя на родинѣ въ Дарджилинѣ, занимаясь обработкой различныхъ относящихся къ исторіи, религіи, этнологіи и фольклору Тибета матеріаловъ, которые онъ успѣлъ собрать во время своей поѣздки. Большая часть этихъ матеріаловъ имѣетъ большую научную цѣнность для лицъ, занимающихся изученіемъ Востока; они были опубликованы въ Журналѣ Бенгальскаго Азіатскаго Общества (Journal of the Bengal Asiatic Society) и въ Журналѣ Индійскаго Общества буддійскихъ текстовъ (Journal of the Budhist Text Society of India). Послѣдній журналъ основанъ въ 1892 г. Саратъ Чандра Дасомъ, который и состоитъ его секретаремъ со дня основанія,

Согласно обѣщанію, данному имъ первому министру Паньчэньриньпочэ, Саратъ Чандра въ ноябрѣ 1881 года предпринялъ второе путешествіе въ Тибетъ; ему снова сопутствовалъ Учжѣньчжяцо, который являлся въ одно и то же время секретаремъ, составителемъ коллекцій и топографомъ; впрочемъ, большая часть съемокъ, включая сюда и весьма важную съемку озера Палти (Ямдо-цо), была произведена самимъ Саратъ Чандра. Главной своей квартирою Саратъ Чандра снова сдѣлалъ Ташилхуньпо и отсюда уже совершалъ поѣздки по обоимъ берегамъ рѣки Цанъпо, въ предѣлахъ отъ Сакья на западѣ до Самъѣ и Цэтана на востокѣ. Во время этихъ поѣздокъ ему посчастливилось посѣтить на короткое время и самую Лхасу, что до него удалось сдѣлать только двумъ туземнымъ изслѣдователямъ — одинъ разъ въ 1866 году Наинъ Сингу и второй разъ Кишэнъ Сингу въ 1878 году, при чемъ послѣдній составилъ подробный планъ всего города и его окрестностей. Саратъ Чандра былъ принятъ на аудіенціи Далай-ламою и посѣтилъ много важныхъ памятниковъ Лхасы, но по различнымъ причинамъ, главнымъ же образомъ изъ осторожности, ему не позволили осмотрѣть многихъ самыхъ интересныхъ мѣстъ какъ въ самой Лхасѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Но во всякомъ случаѣ составленныя имъ цѣнныя замѣтки о его путешествіи являются весьма существеннымъ дополненіемъ къ описаніямъ, оставленнымъ намъ прежними путешественниками.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ столицѣ Тибета Саратъ Чандра посѣтилъ долину Ярлуна,которая считается колыбелью тибетской цивилизаціи, при чемъ со свойственной ему тщательностью заносилъ въ свои замѣтки различныя весьма цѣнныя свѣдѣнія относительно тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ. Въ январѣ 1883 года Саратъ Чандра послѣ четырнадцатимѣсячнаго отсутствія снова возвратился въ Индію.

Отчетъ объ его поѣздкѣ, по распоряженію бенгальскаго правительства,былъ изданъ двумя отдѣльными книгами подъ заглавіями: «Разсказъ о поѣздкѣ въ Лхасу» и «Разсказъ о поѣздкѣ вокругъ озера Палти (Ямдокъ) и въ Лхок'а, Ярлунъ и Сакья» («Narrative of a Journey to Lhasa» и «Narrative of a Journey Round Lake Palti (Yamdok) and in Lhokha, Yarlung and Sakya»). По различнымъ соображеніямъ индійское правительство держало эти документы въ строжайшемъ секретѣ, и лишь въ 1890 году въ іюльской книжкѣ журнала Contemporary Review впервые были помѣщены выдержки изъ отчета Саратъ Чандра, касавшіяся исключительно этнологіи Тибета, а пять лѣтъ спустя въ августовской книжкѣ журнала Nineteenth Century было помѣщено еще нѣсколько выдержекъ изъ отчета Саратъ Чандра. Оба названныхъ отчета, лишь съ немногими несущественными измѣненіями и добавленіями, которыя оказалось необходимымъ въ нихъ внести для связи въ разсказѣ, и составляютъ содержаніе настоящей книги.

Когда въ 1885 году индійское правительство собиралось снарядить посольство въ Тибетъ и отправило въ Пекинъ покойнаго Кольмана Маколея, чтобы испросить разрѣшенія китайскаго правительства на отправленіе такого посольства, Саратъ Чандра сопровождалъ г. Кольмана въ его поѣздкѣ въ столицу Китая, при чемъ ему пришлось пробыть въ Пекинѣ нѣсколько мѣсяцевъ (въ первой половинѣ 1885 года). Въ то время я и познакомился въ Пекинѣ съ Бабу, къ которому меня сильно влекло мое старинное стремленіе къ изученію Тибета. Въ Пекинѣ Саратъ Чандра жилъ въ кумирнѣ, находящейся за воротами Ань-динъ и называемой Си-хуанъ-сы, гдѣ обыкновенно останавливаются всѣ тибетскіе торговцы. Онъ носилъ то же платье, какое обыкновенно носятъ ламы въ Китаѣ; называли его здѣсь ламою изъ Ка-чэ (Кашмира). Благодаря своему знанію тибетскаго языка и продолжительнымъ путешествіямъ въ эту страну, а также благодаря своему

любезному и предупредительному обхожденію, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе многихъ ламъ и, между прочимъ, Чжанъцзя-хутухты, главы ламайской церкви въ Китаѣ. Если бы предположеніе о посылкѣ въ Тибетъ посольства осуществилось, Саратъ Чандра Дасъ сопровождалъ бы посольство и могъ бы оказать ему большія услуги. Однако этому проекту не суждено было осуществиться, и съ этого времени Бабу всю свою энергію направилъ на изданіе тибетскихъ текстовъ и на подготовку другихъ работъ по буддизму. Живетъ онъ въ Дарджилинѣ и состоитъ на службѣ бенгальскаго правительства, занимая должность правительственнаго переводчика тибетскаго языка.

За услуги, оказанныя Саратъ Чандра г. Маколею въ бытность послѣдняго въ Пекинѣ, индійское правительство пожаловало ему титулъ Rai Bahadur и, кромѣ того, онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена индійской имперіи (Order of the Indian Empire). Въ 1887 году Лондонское Географическое Общество (Royal Geographical Society) въ награду за его географическія изслѣдованія присудило ему премію «Back Praemium».

Послѣ возвращенія изъ поѣздки въ Тибетъ въ 1882 г., Саратъ Чандра написалъ массу научныхъ работъ, представляющихъ громадную цѣнность для лицъ, желающихъ заниматься изученіемъ Тибета. Кромѣ того, имъ вывезено изъ Тибета свыше двухсотъ рукописей и ксилографовъ, которые онъ разыскалъ въ большихъ тибетскихъ библіотекахъ; многія изъ этихъ сочиненій написаны на санскритскомъ языкѣ, но уже много столѣтій тому назадъ были утеряны въ Индіи. Изъ этихъ сочиненій Саратъ Чандра почерпнулъ матеріалъ для изданныхъ имъ цѣнныхъ работъ, одинъ перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Кромѣ перевода на англійскій языкъ массы тибетскихъ текстовъ, имъ изданы еще на санкритскомъ языкѣ для «Bibliotheca Indica» поэма Кшемендры «Avadana Kalpalata», которую ему посчастливилось отыскать въ Лхасѣ, и на тибетскомъ языкѣ одно весьма цѣнное историческое сочиненіе; затѣмъ слѣдуютъ исторія до-буддійской или боньской религіи въ Тибетѣ, весьма цѣнное туземное сочиненіе по грамматикѣ и еще масса другихъ работъ, перечислять которыя нѣтъ возможности. Въ настоящее время онъ занятъ составленіемъ тибетско-англійскаго словаря, въ которомъ, какъ онъ сказалъ мнѣ,

будетъ около 2000 страницъ, не считая приложеннаго къ нему санскритско-англійскаго указателя буддійскихъ терминовъ [1]).

Этой краткой замѣтки о литературныхъ трудахъ Саратъ Чандра достаточно, чтобы показать, что труды его на литературномъ поприщѣ не менѣе цѣнны, чѣмъ его географическія работы. Лично я безгранично признателенъ ему за тѣ цѣнныя свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ мнѣ въ бытность въ Пекинѣ и которыя впослѣдствіи оказались мнѣ очень полезными во время моихъ путешествій по Тибету, и я въ высшей степени радъ тому обстоятельству, что Лондонское Географическое Общество, поручивъ мнѣ дѣло изданія трудовъ Саратъ Чандра, дало мнѣ возможность публично выразить ему мою благодарность и, кромѣ того, какъ я надѣюсь, помочь ему занять мѣсто рядомъ съ Чома де Кöрöсъ, которое принадлежитъ ему по праву, какъ одному изъ величайшихъ піонеровъ въ дѣлѣ изученія и изслѣдованія Тибета.

Настоящее введеніе будетъ неполнымъ, если я еще не скажу здѣсь нѣсколькихъ словъ о вѣрномъ спутникѣ и помощникѣ Бабу—въ обоихъ его путешествіяхъ въ Тибетъ,—ламѣ Учжѣнь-чжяцо. Этотъ лама, уроженецъ Сиккима и родственникъ мѣстной королевской фамиліи, родился въ Янганѣ въ 1851 году; десяти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ монастырь Пэма-янцэ, гдѣ въ продолженіе 12 лѣтъ проходилъ обычный курсъ монастырскаго ученія. Въ 1873 году Учжѣнь, въ свитѣ сиккимскаго рачжи, впервые посѣтилъ Дарджилинъ и вскорѣ, въ томъ же самомъ году, рачжа, по просьбѣ коммиссара г. Эдгара, назначилъ его учителемъ тибетскаго языка въ Б'утійской школѣ, которую предполагалось въ то время открыть въ Дарджилинѣ. Нѣкоторое время Учжѣнь состоялъ при коммиссарѣ и сопровождалъ послѣдняго во время его поѣздки въ Сиккимъ. Въ 1874 году онъ вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей преподавателя тибетскаго языка въ означенной школѣ и пробылъ въ этой должности до 1878 года, когда онъ, какъ уже сказано выше, былъ посланъ въ Тибетъ съ дарами отъ своего монастыря главѣ тибетской церкви. Во время своего пребыванія въ Дарджилинѣ онъ научился пользоваться то-

---

[1]) Словарь этотъ уже изданъ въ 1902 г. въ Калькуттѣ подъ заглавіемъ „Tibetan-English Dictionary with Sanskrit Synonyms. Revised and edited by G. Sandberg and A. W. Heyde“ (4°, XXXIV+1353 p.) (*ред.*).

пографскими инструментами, которые обыкновенно употребляютъ отправляемые за границу топографы; точность, которою отличается выполненная Учжѣнемъ работа, указываетъ на правильность пріемовъ обученія и на личныя его дарованія. Изъ этой поѣздки Учжѣнь привезъ съ собою паспортъ, благодаря которому Чандра Дасъ имѣлъ возможность совершить оба свои путешествія въ Тибетъ, при чемъ ему въ обѣихъ поѣздкахъ сопутствовалъ Учжѣнь, неоднократно оказывавшій ему весьма цѣнныя услуги.

Въ 1882 году Саратъ Чандра произвелъ точную съемку и измѣреніе озера Палти [1]); сэръ Альфредъ Крофтъ призналъ эти работы столь важными, что въ 1883 году командировалъ въ ту же мѣстность Учжѣня съ порученіемъ тщательно провѣрить и по возможности дополнить съемку, произведенную Саратъ Чандра. Учжѣнь успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе, при чемъ ему удалось дополнить работу Саратъ Чандра Даса въ этой области лишь съемкой незначительнаго пространства въ юго-восточномъ углу озера, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ констатировалъ большую точность прежней съемки. Кромѣ того, Учжѣнь изслѣдовалъ долину Лхобрака (Манасъ) и снова посѣтилъ Лхасу, послѣ чего возвратился въ Индію чрезъ Танъ-ла и долину Чумби, прибывъ въ декабрѣ 1883 года въ Дарджилинъ. Отчетъ объ этомъ путешествіи составленъ полковникомъ, нынѣ сэромъ, Томасомъ Гольдичъ и напечатанъ въ «Report of the Explorations in Sikkim, Bhutan and Tibet from 1856 to 1886», изданномъ въ 1889 году индійскимъ Trigonometrical Survey. Сочиненіе это часто цитируется въ примѣчаніяхъ къ настоящему труду.

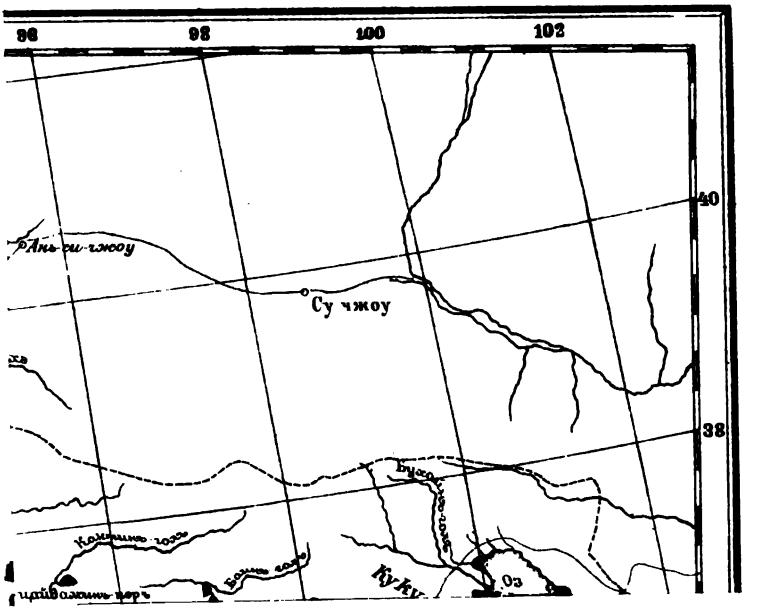
За всѣ свои заслуги Учжѣнь получилъ отъ индійскаго правительства титулъ Rai Bahadur, серебряную медаль и, сверхъ того, еще денежную награду; затѣмъ онъ былъ назначенъ главнымъ переводчикомъ тибетскаго языка при индійскомъ правительствѣ; эту должность онъ занималъ и во время послѣдней сиккимской экспедиціи; кромѣ того, онъ много помогалъ Саратъ Чандра въ дѣлѣ изданія тибетскихъ текстовъ.

W. W. Rockhill.

Block Island, U. S. A.
27 іюля 1899 г.

---

[1]) Въ честь сэра Альфреда Крофта Саратъ Чандра Дасъ назвалъ это озеро—Ямдо Крофтъ. См. Journ. Buddh. Text Soc., IV, pt. III, p. IV.


96
98
100
102
40
38
Ань-си-чжоу
Су чжоу
Ку-ку
оз

Буддійская молитва: „омъ-мани-падмэ-хумъ“, изображенная санскритскими буквами.

ГЛАВА I.

Путешествіе изъ Дарджилина въ Ташилхуньпо.

7-го ноября 1881 г.

Была свѣтлая лунная ночь, когда я выѣхалъ изъ Дарджилина [1]), и лишь показавшіяся кое-гдѣ на небѣ темныя тучки предвѣщали дождь. Мы часто съ безпокойствомъ оглядывались на горныя вершины восточнаго Непала, чтобы убѣдиться, не начинаютъ ли онѣ покрываться снѣгомъ. Съ того самаго момента, какъ я покинулъ свой домъ въ Дарджилинѣ, во мнѣ началась борьба двухъ чувствъ: страха передъ смертью въ снѣгахъ и надежды на преодолѣніе тѣхъ препятствій, которыя поставила мнѣ природа на моемъ пути. Я посылалъ прощальный привѣтъ моей родинѣ, почти безъ всякой надежды когда-либо вновь ее увидѣть.

Я ѣхалъ молча и, къ большой своей радости, не встрѣтилъ никого за исключеніемъ двухъ-трехъ б'утіевъ [2]), направлявшихся къ Дарджилину. Въ ночной тиши мы могли слышать пѣсни рабочихъ въ Такварѣ [3]) и звуки ихъ дудокъ и барабановъ. Приблизившись къ рѣкѣ, которая въ это время года была довольно широка, я встрѣтилъ ламу Учжѣнь-чжяцо, дожидавшагося меня тамъ, чтобы помочь мнѣ переправиться. По тремъ или

---

[1]) О Дарджилинѣ, какъ санаторіи, см. Hooker, Himalayan Journals (1854), I, p. 115.

[2]) Bhutia—названіе одного изъ тибетскихъ племенъ (*ред.*).

[3]) Небольшое поселеніе къ сѣверу отъ Дарджилина (*ред.*).

четыремъ бамбуковымъ жердямъ, перекинутымъ свободно черезъ главный потокъ, мы перебрались, хотя и не безъ затрудненій, на противоположный берегъ. Затѣмъ съ помощью одного расторопнаго б'утія, сопровождавшаго насъ, я медленно подвигался впередъ по узкой скользкой дорожкѣ до поло-

Мостъ въ Бри близъ Янъ-яна.

вины второго часа, когда наконецъ достигъ деревни Гокъ. Въ настоящее время эта деревня совершенно покинута, и вмѣсто находившихся здѣсь раньше дюжины лавокъ и красивой буддійской кумирни теперь мы нашли лишь коровій загонъ, въ которомъ храпѣлъ непалецъ. Сюда обыкновенно являлись изнутри страны торговцы для крупныхъ закупокъ кукурузы и кардамона, съ тѣмъ чтобы потомъ перепродать свой товаръ на дарджилинскомъ базарѣ.

Разостлавъ свои одѣяла на травѣ вблизи загона, мы сдѣлали попытку отдохнуть, но неровность почвы, насѣкомыя, которыя ползали по мнѣ, колючки терновника и травы, пронизывавшія тонкое одѣяло, на которомъ я лежалъ, сильный дождь, который промочилъ насъ насквозь,— не дали намъ уснуть, и въ 4 часа утра мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Тропа, по которой мы шли, имѣла не болѣе одного фута въ ширину и была сплошь покрыта длинною травою. Засвѣтивъ свой дорожный фонарь, я отправился слѣдомъ за своимъ проводникомъ П'урчуномъ, который несъ мое ружье, привязавъ его сверху къ тюку съ нашимъ багажемъ. Наконецъ, на разсвѣтѣ, преодолѣвъ много преградъ на своемъ пути, мы достигли долины рѣки Руммамъ.

8-го ноября.

Рѣка Руммамъ — одинъ изъ главныхъ притоковъ Большого Рунгита— беретъ начало въ горахъ Синли и образуетъ границу между британскими владѣніями и независимою областью Сиккимъ на сѣверо-западѣ, такъ что вся страна вправо (къ югу) отъ этой рѣки принадлежитъ британскому правительству. Рѣка представляла бурный потокъ, и единственнымъ средствомъ переправы черезъ нее былъ легкій пѣшеходный мостъ изъ нѣсколькихъ бамбуковыхъ жердей, закинутыхъ на большую каменную глыбу, лежащую по срединѣ рѣки, и укрѣпленныхъ при помощи камней. Въ холодное время года лепча и лимбу [1]) ловятъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣки рыбу, иногда крупныхъ размѣровъ, которую лепча продаютъ на дарджилинскомъ базарѣ. Здѣсь было изобиліе деревьевъ sal, а на склонахъ холмовъ мы видѣли кардамонъ и хлопокъ, готовые къ сбору. Тамъ, гдѣ эти растенія занимали болѣе обширныя пространства, были разставлены сторожа, которые отпугивали обезьянъ и медвѣдей бамбуковыми хлопушками. Мнѣ передавали, что кромѣ небольшого вида обезьянъ, изъ которыхъ мы видѣли нѣсколькихъ, въ этой долинѣ водится и крупная ихъ порода, и что онѣ составляютъ грозу крестьянъ и одиноко путешествующихъ женщинъ [2]). Для

---

[1]) Названіе племенъ; см. ниже на стр. 4, 6 и 9. (*Ред.*).

[2]) Хукеръ (op. cit., II, p. 37) упоминаетъ, что онъ видѣлъ стаю большихъ обезьянъ въ долинѣ Ламтэнъ (9.000 фут. выс.) въ Сиккимѣ. Далѣе (ibid., p. 108) онъ говоритъ, что въ наиболѣе снѣжной части Сиккима (близъ перевала Тунькра-ла) „большія обезьяны также водятся на опушкахъ сосновыхъ лѣсовъ, а равно Ailurus ochraceus, интересное животное съ длиннымъ хвостомъ, свойственное Гималаямъ и представляющее нѣчто среднее между медвѣдемъ-карликомъ и бѣлкою“. Большія обезьяны водятся также и въ Восточномъ Тибетѣ на высотѣ 9.000 фут. (W. R.).

*

истребленія этихъ обезьянъ лепча употребляютъ кутру и другіе ядовитые коренья, которые они примѣшиваютъ къ вареным съѣдобнымъ кореньямъ или къ рису.

Приближаясь къ мосту, мы встрѣтили около 20 человѣкъ, несшихъ апельсины на дарджилинскій базаръ, но мнѣ удалось, къ счастью, пройти не замѣченнымъ ими. Послѣ непродолжительнаго отдыха, во время котораго я позавтракалъ и перемѣнилъ свой индійскій костюмъ на тибетскій, мы снова двинулись въ путь, оставивъ дорогу, ведшую въ Митоганъ, вправо отъ себя. Повсюду встрѣчаются въ изобиліи антилопы и дикія козы, но деревенскіе жители рѣдко охотятся за ними: они такъ бѣдны, что врядъ ли даже у всего населенія найдется дюжина кремневыхъ ружей. Здѣсь много поселенцевъ изъ непальцевъ; я видѣлъ нѣсколькихъ брахмановъ и четри, которые живутъ преимущественно продажею молока и масла. Мы неоднократно проходили мимо тощихъ полей, вспаханныхъ на террасахъ вдоль горныхъ склоновъ; здѣсь въ плугъ впрягаютъ быковъ. Что касается б'утіевъ, то они не имѣютъ обыкновенія устраивать поля по склонамъ холмовъ и не употребляютъ плуговъ, а обыкновенно пользуются для обработки своихъ полей такими примитивными орудіями, какъ мотыки или дубовые колья, вслѣдствіе чего сборъ получается скудный. Племя лимбу [1]) пашетъ землю въ теченіе трехъ лѣтъ подрядъ, а затѣмъ оставляетъ ее подъ паромъ на слѣдующіе три года, послѣ чего сорная трава срѣзается и сжигается, а земля снова обрабатывается.

Поднявшись на нѣсколько холмовъ по крутымъ тропинкамъ, мы достигли вершины горнаго кряжа, на которой возвышались мэньдонъ и чортэнь [2]).

---

[1]) Лепча называютъ ихъ *чунъ*. Это племя не раздѣлено на сословія, но оно состоитъ изъ нѣсколькихъ поколѣній. Всѣ они считаютъ себя самыми древними обитателями долины р. Тамбуръ, хотя у нихъ и существуетъ преданіе о томъ, что они переселились сюда изъ Тибета. См. Hooker, op. cit., I, p. 137.

[2]) Было бы, быть можетъ, правильнѣе транскрибировать *мандонъ* (отъ тибетскихъ словъ *манъ*—„много" и *донъ*—„камни"). *Чортэнъ*—состоитъ изъ словъ *мчодъ*—„приношеніе", „жертвоприношеніе" и *ртэнъ*—„вмѣстилище". Обыкновенно это слово произносится—*чуртэнъ* (Chürten). (W. R).

Чортэнь болѣе извѣстенъ у насъ подъ санскритскимъ названіемъ *ступа (чайтья)* или монгольскимъ *субурганъ* (кит. *та*); первоначально онъ имѣлъ своимъ назначеніемъ служить хранилищемъ мощей; нынѣ это большею частью кенотафія, сооружаемая въ честь Будды и буддійскихъ святыхъ. Обыкновенно чортэни представляютъ собою солидныя каменныя сооруженія, но часто изготовляются въ миніатюрѣ изъ металла, дерева или глины.

Мэньдонъ—длинныя сооруженія изъ камней въ видѣ вала или стѣны,

Отсюда открывается живописный видъ на долину Д'урамдѣнь, усѣянную многочисленными постройками, и сосѣднюю съ нею страну. Этотъ пунктъ у пахиріевъ носитъ названіе Мани-дара, а у б'утіевъ—Чортэнь-ганъ; оба эти названія означаютъ: «хребетъ священной ступы». Здѣсь мы остановились

Чортэнь и мэньдонъ въ Ладакѣ. (*Waddell, Buddhism of Tibet*).

около ручья и купили себѣ у лимбу двѣ бутылки пива изъ мурвы [1]) и овощей.

9-го ноября.

Нашъ путь пролегалъ по удобной тропинкѣ мимо жилищъ племени лимбу, передъ которыми виднѣлись хлѣвы для овецъ и свиней, а кругомъ—небольшое количество козъ и коровъ. Кстати сказать, у этого племени домашняя птица не столь крупна, какъ у б'утіевъ.

тянущіяся вдоль дороги иногда болѣе версты. На лицевой сторонѣ мэньдона обыкновенно вырѣзывается молитва *мани* (*омъ-мани-падмэ-хумъ*). См. Waddell, Buddhism of Tibet or Lamaism (London, 1895), pp. 262–264; А. Позднѣевъ, Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи (Спб., 1887), стр. 58–61 (*ред.*).

[1]) Пиво это приготовляется изъ проса, на половину перебродившаго. Мурва—это Eleusine coracana. См. Hooker, op. cit., I, pp. 133, 175 (W. R.)

Во время своего путешествія мнѣ не разъ приходилось слышать о разныхъ обычаяхъ этого племени [1]). Самымъ интереснымъ изъ этихъ обычаевъ является барабанный бой, сопровождающій даже самые заурядные случаи. Каждое семейство племени лимбу, будь оно бѣдно или богато, имѣетъ похожій на тамбуринъ барабанъ, въ который бьютъ, напр., при выходѣ изъ родной деревни или при возвращеніи туда; жена или дѣти ударяютъ въ эти барабаны въ честь главы семьи, когда онъ выходитъ; послѣдній дѣлаетъ то же, покидая свой домъ.

Переваливъ черезъ хребетъ, мы вошли въ болѣе богатую страну, на что указывало обиліе растительности и деревьевъ. Мы видѣли пышно росшій высокій тростникъ и довольно большую рощу плантаціонныхъ деревьевъ, свидѣтельствовавшихъ о тепломъ климатѣ страны.

10-го ноября.

Небо было покрыто облаками, и воздухъ наполненъ туманомъ, когда мы отправились въ путь. Вдоль береговъ потоковъ, черезъ которые мы

---

[1]) Страна, лежащая между рѣками Арунь и Тамбуръ, носитъ у непальскихъ туземцевъ названіе Лимбуду, а народъ, живущій тамъ съ незапамятныхъ временъ, называется ими лимбу, хотя эти послѣдніе сами называютъ себя именемъ акт'анга. Точно также племена, населяющія Кирантa, или области, лежащія между рѣками Дудкоси и Арунь, называются киратъ, и имя это такъ же древне, какъ и имя великаго индускаго божества Махадэва. Сѣверное племя киратъ и южное лимбу были извѣстны древнимъ подъ именемъ кирата вслѣдствіе того, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ они занимались охотою и торговлей съ жителями равнинъ мускусомъ, хвостами яковъ, кардамономъ и проч.

Тибетцы и б'утіи Непала и Сиккима называютъ племя лимбу именемъ цанъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что послѣднее переселилось сюда изъ тибетской провинціи Цанъ. Какъ устныя преданія, такъ и письменные памятники племени лимбу говорятъ, что это племя переселилось сюда (въ Лимбуанъ) отчасти изъ провинціи Цанъ въ Тибетѣ и изъ Каши въ Мадья-Дэшъ, отчасти же появилось отъ подножія громаднаго утеса, возвышающагося у деревни П'эдахъ къ сѣверо-востоку отъ Цаньцура. Такимъ образомъ народъ племени лимбу дѣлится на три большихъ поколѣнія, сообразно съ ихъ первобытными поселеніями—Цанъ, Каши и П'эдахъ. Первая вѣтвь, происходящая изъ Цана, распространилась по Тамбуръ-К'ола, П'алунъ, Мирва-К'ола, Маива и Янрубъ и получила у тибетцевъ названіе цанъ-моньпа или лимбу, обитающихъ въ ущельяхъ. Тѣ, которые пришли изъ Каши, заняли Чайбиса, Кай-К'ола и Цолькаръ. Явившіеся отъ подножія утеса П'эдахъ стали называться байп'ута. Имя мѣстности, посреди которой стоитъ упомянутый огромный утесъ вышиною въ 600 футъ,—П'эдахъ

должны были переходить, росли высокія сосны и гигантскіе папоротники, а самые берега были покрыты густымъ валежникомъ, мелкимъ папоротникомъ и индѣйскимъ тростникомъ, а съ возвышеній падала вода въ видѣ водопадовъ. Прокладывая себѣ путь черезъ густой лѣсъ, покрывающій хребетъ Хи и состоящій изъ величественныхъ дубовъ, сосенъ и магнолій, почти совершенно закрывавшихъ отъ насъ небо, мы, послѣ часового крутого подъема, подошли къ чортэню Риши, вблизи котораго находится покрытый мхомъ мэньдонъ; отсюда начинается перевалъ Хи-ла [1]), съ котораго открывается прекрасный видъ на юго-западный Сиккимъ, включая сюда горы Тонло и Синли, а также холмы Дарджилина. Кругомъ въ чащѣ видны были слѣды кабановъ, а деревья были усѣяны обезьянами, питающимися жолудями.

Приблизительно около часа пополудни мы достигли вершины горнаго кряжа, поднимающагося на 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Перейдя нѣсколько ручейковъ, впадающихъ въ рѣку Риши, мы пришли къ какимъ-то загонамъ для скота; здѣсь я хотѣлъ было немного отдохнуть. Однако сонъ оказался невозможнымъ, такъ какъ я замѣтилъ быстро, но мѣрно

Панги-лома, что, вѣроятно, является искаженіемъ словъ *П'эдухъ Панги-Лунна*, т. е. „пастбище въ П'эдухъ".

Байп'ута лимбу были самыми могущественными и многочисленными; ихъ вождь, рачжа Хань, владѣлъ восточнымъ Непаломъ. Всѣ племена лимбу такъ же, какъ и кирата, платили ему дань и отправляли воинскую повинность, на подобіе того, какъ это было въ Европѣ въ эпоху феодализма. Когда могущество этого рода пало, третье изъ указанныхъ выше поколѣній взяло верхъ и истребило приверженцевъ прежнихъ правителей. Послѣ паденія династіи, основанной рачжою Хань, во всемъ восточномъ Непалѣ господствовала анархія до тѣхъ поръ, пока изъ поколѣнія Срисоб'а не возвысился одинъ весьма могущественный человѣкъ, по имени Маранъ, который сумѣлъ объединить различныя поколѣнія и сдѣлался царемъ по выбору надъ всѣми поколѣніями аборигеновъ восточнаго Непала. Только южная часть этой страны осталась подъ властью Неварскаго вождя. Послѣ смерти рачжи Мохани, одного изъ замѣчательнѣйшихъ преемниковъ Марана, племя лимбу опять подпало анархіи, продолжавшейся болѣе столѣтія. Наконецъ, вѣроятно въ IX вѣкѣ, явился знаменитый Сричжанга, обоготворенный герой племени лимбу. Б'утіи, живущіе по южную сторону Гималаевъ, отождествляютъ его съ воплощеніемъ Падма-Самб'авы (извѣстный буддійскій дѣятель VIII в., способствовавшій своими чудесами утвержденію буддизма въ Тибетѣ и нынѣ тамъ боготворимый. *Ред.*) и приписываютъ ему введеніе искусства письма и изобрѣтеніе алфавита. Преданіе приписываетъ введеніе этого искусства также рачжѣ Марану, а Сричжангѣ — его возобновленіе (S. C. D.). См. Gazetteer of Sikkim, pp. 36—38.

[1]) *Ла*—тибетское слово, означающее „перевалъ" (*ред.*).

ползавшихъ по землѣ червей [1]), возбудившихъ во мнѣ сильное отвращеніе. Въ 4 часа дня мы начали спускаться съ вершины хребта, на которой

Тростниковый мостъ черезъ р. Рунгитъ.

возвышается ларцэ [2]). Здѣсь растутъ карликовые бамбуки съ навѣшанными на нихъ красными лоскутьями; вблизи этихъ украшенныхъ бамбуковъ П'ур-

---

[1]) Хукеръ (op. cit , I, p. 107) пишетъ: „Они (черви) жалятъ черезъ толстые шерстяные чулки и даже брюки и забираются въ башмаки, свертываясь тамъ въ небольшіе мягкіе клубки". Далѣе (p. 167) онъ упоминаетъ, что черви эти водятся въ большихъ количествахъ на высотѣ до 7.000 футъ, что выше 3.000 футъ встрѣчается небольшой черный видъ ихъ, а ниже— желто-коричневые, попадающіеся въ одиночку (W. R.). Черви водятся на всѣхъ высотахъ, по крайней мѣрѣ до 10.000 футъ.

[2]) *Ла*—„перевалъ", *рцэ*—„вершина". Обыкновенно, ларцэ представляютъ изъ себя груды камней, съ воткнутыми въ нихъ шестами, которые увѣшаны лоскутьями (W. R.). Ларцэ извѣстны въ русской литературѣ подъ монгольскимъ названіемъ *обо* (*ред.*).

чунъ произнесъ *лха-солъ* [1]) или воззваніе къ горнымъ божествамъ. Мы остановились на ночь у подножія огромнаго дуба, среди небольшой поляны въ джунгляхъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ деревни Линчамъ. Здѣсь мы увидѣли ползучія крапивныя растенія гигантскихъ размѣровъ [2]): нѣкоторыя изъ нихъ имѣли болѣе 100 футовъ въ длину. Крапивныя деревья также встрѣчаются въ изобиліи въ этомъ лѣсу, а наши слуги нашли и обыкновенную крапиву, изъ нѣжныхъ листьевъ которой можно готовить прекрасный супъ.

11-го ноября.

Небо было покрыто облаками; шелъ дождь и въ то же самое время сіяло солнце—явленіе, которое б'утіи называютъ *мэтогъ-чарпа*, или «цвѣточный дождь». Въ деревнѣ Хи, мимо которой мы проходили, имѣется нѣсколько домовъ, принадлежащихъ б'утіямъ, лепча [3]) и лимбу. Послѣднее племя живетъ, кажется, зажиточно: оно воздѣлываетъ рисъ на искусственно орошаемыхъ террасахъ; пашутъ плугами, запряженными буйволами. Въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ рѣки Калай (она также называется Kalhait) мы увидѣли тщательно огороженные участки земли, гдѣ росъ кардамонъ. Рѣка Калай, теченіе которой даже въ это время года отличается значительной быстротою, беретъ начало у перевала черезъ горы Синли и, пройдя

---

[1]) *Лха*—„богъ"; *солъ*—„просить, молиться". Я обыкновенно слышалъ слѣдующее воззваніе: *лха чжя ло*, *лха чжя ло*, т. е. „боже, (дай мнѣ жить) 100 лѣтъ!" (W. R.).

[2]) Гигантская крапива—Urtica heterophylla (? Girardinia heterophylla Dene.—*Ред.*). Hooker, op. cit., I, p. 182. Волокна нѣкоторыхъ крапивныхъ растеній служатъ для изготовленія тетивы для луковъ, другихъ—для шитья или пряжи; многіе же виды ихъ, особенно мелкіе сочные, встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ, употребляются въ пищу сырыми или же въ видѣ супа. Urtica crenulata (? Laportea crenulata Gaud.—*Ред.*), или крупная кустарниковая крапива, также растетъ въ этихъ мѣстахъ. Hooker, op. cit., II, p. 188 (W. R.).

[3]) Относительно племени лепча см. Dr. A. Campbell, Jour. Anth. Inst., I, p. 128 et seq. Кемпбелль помѣстилъ также нѣсколько цѣнныхъ статей о племени лимбу въ Jour. Asiat. Soc. of Bengal за 1855 и другіе годы, а также въ I томѣ Jour. Anth. Inst. Хукеръ (op. cit., I, p. 127—136) говоритъ о лепча слѣдующее: „Они или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя ихъ поколѣнія называютъ себя *рокъ* и *арратъ*, а занимаемую ими страну—*Дичжонъ*. Поліандрія имъ неизвѣстна, полигамія встрѣчается рѣдко. Бракъ совершается посредствомъ купли. Мертвыхъ сожигаютъ или хоронятъ. Гаданіе производится по внутренностямъ домашнихъ птицъ (p. 135). У нихъ нѣтъ религіи, хотя они и признаютъ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ" (W. R).

извилистымъ теченіемъ 20 миль, впадаетъ въ Большой Рунгитъ у подножія горы Ташидинъ. Вдоль береговъ рѣки находится много деревень; онѣ расположены на хребтахъ, являющихся какъ бы боковыми отрогами кряжа, который тянется по обѣимъ сторонамъ рѣки Калай съ запада на востокъ, отдѣляя отъ себя, большею частью на югъ, горныя цѣпи. По обѣимъ сторонамъ р. Калай высятся величественныя деревья, растущія на ея крутыхъ берегахъ, кажущихся неприступными, если смотрѣть на нихъ съ рѣки. Черезъ послѣднюю перекинутъ мостъ, состоящій изъ двухъ длинныхъ крѣпкихъ бамбуковымъ стволовъ, уложенныхъ на большой каменной глыбѣ, находящейся по срединѣ рѣки, и укрѣпленныхъ при помощи камней.

Въ неглубокомъ мѣстѣ рѣки были вколочены колья съ цѣлью укрѣпленія бамбуковыхъ сѣтей для ловли рыбы. Этотъ потокъ славится вкусною рыбою. Здѣсь мы увидѣли у нѣкоторыхъ хижинъ лимбу деревья *на-дагъ-шигъ* [1]), листья которыхъ употребляются для отравленія рыбы, кишащей въ застойной водѣ.

У племени лимбу существуетъ пять классовъ жрецовъ, которые отправляютъ какъ религіозныя, такъ и свѣтскія церемоніи. Классы эти слѣдующіе: п'эданба, бичжуа, дами, байданъ и сричжанга [2]).

Жрецы п'эданба пользуются привиллегіей въ дѣлѣ совершенія религіозныхъ церемоній, толкованія предзнаменованій и предсказыванія судьбы. Бичжуа изучаютъ шаманскіе обряды, характерную черту которыхъ составляютъ фантастическіе танцы. Третій классъ жрецовъ занимается исключительно колдовствомъ и, какъ говорятъ, можетъ изгонять злыхъ духовъ черезъ ротъ. Четвертый классъ, носящій названіе байданъ, представляетъ изъ

---

[1]) Можетъ быть, *нья-дугъ-шингъ* („*нья*"—рыба, „*дугъ*"—ядъ, „*шингъ*"—дерево). Хукеръ (op. cit. I, p. 168) говоритъ, что въ Сиккимѣ растутъ Aconitum и Convallaria, дающія ядъ Bikh. (W. R.). Dymock (The veget. Materia medica, Bombay, 1885, p. 1) опредѣляетъ растеніе, дающее ядъ Bikh, какъ Aconitum ferox Wall.; указаніе на ядовитость Convallaria основано, очевидно, на недоразумѣніи (*ред.*).

[2]) Dr. Hooker говоритъ, что „при совершеніи похоронныхъ церемоній племя лимбу пользуется услугами жрецовъ бичжуа изъ племени лепча, но оно имѣетъ для этой цѣли и своихъ собственныхъ жрецовъ, называемыхъ п'эданбо (Phedangbos); они, повидимому, принадлежатъ къ болѣе высокому классу, нежели бичжуа". Описаніе dr. Hooker'омъ бичжуа и религіозныхъ вѣрованій племени лепча съ полною очевидностью показываетъ, что они исповѣдуютъ ту же религію, что и боньбо въ Тибетѣ. (W. R.). Боньбо—приверженцы древней религіи тибетскихъ племенъ, оказавшей сильное вліяніе на буддизмъ, который проникъ въ Тибетъ въ VII в. по Р. Хр. Эту религію сравниваютъ съ китайскимъ даосизмомъ (*ред.*).

себя врачей; ихъ названіе, несомнѣнно, происходитъ отъ санскритскаго слова *байдья*. Пятый классъ, являющійся самымъ важнымъ, обладаетъ исключительной привиллегіей толкованія священныхъ книгъ и изученія религіозныхъ обѣтовъ и обрядовъ. Сообщившій мнѣ эти свѣдѣнія, хотя и принадлежитъ самъ къ пятому классу, но въ то же самое время совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ и обязанности прочихъ 4-хъ классовъ, вслѣдствіе чего пользуется большой популярностью среди лимбу, которые считаютъ его одареннымъ божественными свойствами.

Оставивъ берега р. Калай, мы продолжали нашъ трудный путь черезъ высокую траву и тростникъ, изобилующій кабанами и дикобразами [1]). Эти послѣдніе, какъ говорятъ, приносятъ много вреда полямъ, засѣяннымъ рѣдькою и стручковыми овощами, а также уничтожаютъ дикій ямсъ, которымъ главнымъ образомъ питаются туземцы. Когда мы поднялись на высоту приблизительно въ 3000 футовъ надъ уровнемъ р. Калай, передъ нами открылся прекрасный видъ на Пэмаяицэ, Яньтанъ, Хи, Сакянъ и другія деревни, расположенныя на высокихъ плоскихъ хребтахъ по обоимъ берегамъ рѣкъ Калай и Ратонъ; вправо отъ насъ находилась деревня Линчамъ со своими апельсинными рощами и многочисленными мурвовыми полями. Мы остановились вблизи жилища одного лимбу. Наши кули стали рвать растущій по разсѣлинамъ скалъ дикій лукъ (*лагогъ*) [2]), которымъ они приправляли свои кушанья. Этотъ лукъ имѣетъ запахъ обыкновеннаго чеснока, но онъ и въ половину не такъ крѣпокъ и придаетъ говядинѣ особый вкусъ. Лагогъ, какъ говорятъ, вызываетъ кашель.

12-го ноября.

Мы продолжали идти впередъ по едва замѣтной тропинкѣ, проходя мимо полей, засѣянныхъ кукурузою, и мимо жалкихъ жилищъ племени лимбу. По пути мы встрѣтили женщину, несшую корзину, наполненную дикими абрикосами. Въ 2 часа пополудни мы достигли вершины горнаго кряжа, на концѣ котораго, вправо отъ насъ, возвышался монастырь Саннагъ Чойлинъ (произносится: *Чангачэллинъ*); возлѣ же тропинки, по ко-

---

[1]) Ср. Hooker, op. cit., I, p. 205 (W. R.).

[2]) Тибетское слово *лагогъ* обыкновенно переводится, чеснокъ. Я слышалъ, какъ китайцы называли этотъ лукъ *чунъ*. Дикія луковицы очень распространены въ сѣверномъ Тибетѣ, на возвышенностяхъ въ 15.000 футовъ и болѣе (W. R.). Наиболѣе обыкновеннымъ видомъ въ Тибетѣ и Тянь-шанѣ является лукъ съ бѣлыми или желтыми цвѣтами (Allium Semenovi Rgl.). Въ западномъ Тибетѣ найденъ A. Jacquemontii Rgl., луковицы котораго употребляются въ пищу (*ред.*).

торой мы шли, находился покрытый ихомъ чортэнь. Слѣдуя черезъ густой дубовый и сосновый лѣсъ и прокладывая себѣ путь черезъ чащу крапивныхъ деревьевъ и мелкій кустарникъ, мы достигли, послѣ 2-часовой ходьбы, небольшой деревни Тале, состоявшей приблизительно изъ 20 домовъ, вокругъ которыхъ паслись кобылицы, буйволы, свиньи и много коровъ. Жителямъ деревни очень хотѣлось достать у насъ соли въ обмѣнъ на *чанъ* [1]), потому что въ октябрѣ мѣсяцѣ выпалъ снѣгъ, который и помѣшалъ солянымъ торговцамъ изъ Янпупа прибыть въ Тале [2]), почему въ соли здѣсь ощущался недостатокъ. Однако мы принуждены были отклонить эту просьбу, такъ какъ нашъ запасъ соли былъ разсчитанъ на удовлетвореніе лишь собственной потребности.

13-го ноября.

Нашъ путь лежалъ черезъ деревню Тале, по направленію къ рѣкѣ Ринби, теченіе которой по быстротѣ не уступаетъ р. Калай. Черезъ р. Ринби перекинутъ крѣпкій бамбуковый мостъ; но мы предпочли перейти по нѣсколькимъ бамбукамъ, положеннымъ одинъ возлѣ другого въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки. Къ сѣверо-западу отъ деревни Тале на одномъ изъ параллельныхъ хребтовъ, тянущихся къ сѣверу отъ вышеупомянутаго горнаго кряжа, находится деревня Намбура. Около пяти миль мы шли вдоль берега рѣки по извилистой тропинкѣ и наконецъ, немного ниже деревни Намбура, опять перешли на правый берегъ рѣки. Тропинка шла по карнизу скалы, и мы съ большимъ трудомъ подвигались впередъ по скользкому утесу, стараясь ставить ноги въ трещины скалъ и держась руками за траву и ползучія растенія. Затѣмъ, слѣдуя по теченію рѣки, мы стали спускаться по направленію къ деревнѣ Ринби. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли деревни Тале, Намбура и много другихъ, раскинутыхъ по горнымъ склонамъ на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ нами.

Слѣдуя далѣе, мы прошли подъ огромнымъ утесомъ, у подножія ко-

---

[1]) *Чанъ*—это національный тибетскій напитокъ, приготовляемый изъ полупереброди вшаго ячменя. О способѣ его приготовленія Jaeschke, въ Tibetan—English Dictionary подъ словомъ *чанъ*, говоритъ слѣдующее: „Когда сваренный ячмень охладѣетъ, къ нему прибавляютъ извѣстное количество *п'абсъ* (дрожжи, приготовляемыя въ Балти изъ муки, смѣшанной съ инбиремъ и аконитомъ), послѣ чего ячмень ставятъ на 2 или 3 дня, пока не начнется процессъ броженія; въ это время онъ называется *чумъ*. Когда онъ достаточно перебродитъ, въ него вливаютъ воды, и пиво считается готовымъ къ употребленію“. (W. R.).

[2]) О торговлѣ солью черезъ долину р. Ратонъ см. Hooker, op. cit., I, p. 340—350.

тораго бурно текла рѣчка по вырытой ею въ скалѣ рытвинѣ; чрезъ эту рѣчку мы перебрались при помощи бамбуковыхъ стволовъ и деревянныхъ лѣстницъ. Взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ нѣсколько жирныхъ фазановъ и тибетскую красную рубаху, спрятанную въ ущельѣ скалы, вѣроятно, какимъ-нибудь птицеловомъ (shikaris). Въ этихъ лѣсахъ въ изобиліи водятся птицы различныхъ цвѣтовъ, въ особенности же нѣсколько видовъ фазановъ, и сюда часто являются птицеловы, зарабатывающіе себѣ средства къ существованію продажею птицъ въ Дарджилинѣ.

Пройдя еще около мили, мы достигли деревни Ринби, расположенной на живописной равнинѣ, окаймленной скалистыми горами; къ сѣверу и востоку, гдѣ-то далеко подъ нами, шумѣла рѣка Ринби; дикія индійскія смоковницы, гигантскій тростникъ и многочисленные дубы и сосны покрывали холмы, расположенные по другую сторону потока. Здѣсь находится около полудюжины домовъ, принадлежащихъ лимбу, которые разводятъ здѣсь рисъ, кукурузу, мурву и другіе виды проса.

Лишь только П'урчунъ сложилъ на землю свой багажъ, онъ побѣжалъ въ домъ одного своего знакомаго съ цѣлью купить для меня нѣсколько бутылокъ пива и вскорѣ вернулся съ тремя, хорошо зная, что одна изъ нихъ придется на его долю. Мы раскинули свою палатку на ровномъ мѣстѣ, неподалеку отъ рѣки, и я, разостлавъ одѣяла, растянулся поудобнѣе, забывъ о тягостяхъ путешествія. Мои слуги разбрелись: одни пошли собирать сухой валежникъ для костра, другіе—дикія съѣдобныя растенія; нѣкоторые отправились купить овощей для вечерней трапезы. Кругомъ царила глубокая тишина, нарушаемая лишь шумомъ быстраго горнаго потока.

14-го ноября.

Утро было ясно; повсюду открывался величественный видъ, и хотя мои глаза и привыкли къ картинамъ горной природы, тѣмъ не менѣе я всегда съ восхищеніемъ любовался ея дикимъ величіемъ. Мы долго съ нетерпѣніемъ ожидали П'урчуна, котораго я послалъ въ деревню Намбура для покупки провизіи; такъ какъ онъ не явился и къ полудню, то мы должны были отказаться отъ продолженія путешествія въ этотъ день. Къ вечеру П'урчунъ вернулся наконецъ, нагруженный рисомъ, кукурузою, мурвою, яйцами, овощами и проч., и ведя овцу, купленную имъ, по его словамъ, за 4 рупіи [1]). П'урчунъ былъ очень пьянъ, но самъ сознавалъ это и усердно просилъ извиненія; наконецъ послѣ многократныхъ поклоновъ и высовыванія

[1]) Рупія—индійская серебряная монета, цѣнностью нынѣ приблизительно въ 60 коп.; она равняется 16 анна (*ред.*).

языка по тибетскому обычаю снова куда-то исчезъ. Лимбу просили насъ дать имъ соли, въ которой они очень нуждались, въ обмѣнъ на растущее здѣсь въ изобиліи ползучее красильное растеніе *цуо* [1]), котораго у нихъ имѣлись большіе запасы; однако мы, какъ и прежде, принуждены были отказать.

П'урчунъ весьма сожалѣлъ о томъ, что одинъ изъ его хорошихъ друзей ушелъ въ дальнюю деревню на свадьбу, такъ какъ онъ могъ бы оказать намъ большія услуги.

Тибетское привѣтствіе.
(*Bower, A Journey across Tibet*).

Брачные обряды племени лимбу весьма любопытны и интересны. Нѣкоторыя изъ племенъ передъ свадьбой совѣтуются съ гадателями.

Когда молодой лимбу собирается жениться на какой-либо дѣвушкѣ, женихъ и невѣста сходятся, безъ вѣдома своихъ родителей, гдѣ-нибудь—напримѣръ, на рынкѣ, если онъ близокъ—съ цѣлью состязаться въ пѣніи остроумныхъ пѣсенъ, при чемъ отъ молодого человѣка требуется, чтобы онъ показалъ свое превосходство надъ своей соперницею. Если его побѣдитъ дѣвушка, руки которой онъ ищетъ, ему приходится со стыдомъ убѣгать; если же побѣда остается за женихомъ, то послѣдній беретъ дѣвушку за руку и ведетъ ее въ свой домъ безъ дальнѣйшихъ брачныхъ церемоній, но обыкновенно въ сопровожденіи ея подруги. Бываетъ, что молодой человѣкъ, зная превосходство голоса своей невѣсты, подкупаетъ ея подругъ, чтобы послѣднія признали его побѣдителемъ въ этомъ состязаніи.

---

[1]) *Цосъ* (чит. *цо*) по-тибетски значитъ „краска". Здѣсь, повидимому, разумѣется желтая краска, приготовляемая изъ symplocos. См. Hooker, op. cit., II, p. 41, и Jour. R. As. Soc., 1891, p. 218 (W. R.).

Другой способъ пріобрѣтенія себѣ жены требуетъ свиданія съ дѣвушкой въ домѣ ея родителей, куда легко получить свободный доступъ, поднеся подарокъ кому-либо изъ близкихъ родственниковъ дѣвушки, живущихъ вмѣстѣ съ нею. Такимъ подаркомъ, извѣстнымъ на языкѣ лимбу подъ названіемъ *п'уданъ*, является туша свиньи. Когда совершается брачный обрядъ, женихъ, если онъ достаточно богатъ, убиваетъ буйвола и свинью и подноситъ ихъ съ прикрѣпленной ко лбу туземной монетой родителямъ своей невѣсты.

Среди низшихъ классовъ родители невѣсты рѣдко знаютъ что-либо относительно ея замужества, пока дѣвушка не придетъ къ нимъ изъ дома ея похитителя. Затѣмъ совершаются брачныя церемоніи. Друзья и родственники брачущихся собираются въ какомъ-либо большомъ дворѣ, при чемъ каждый изъ гостей приноситъ въ качествѣ подарка корзину риса, бутылку мурвы или водки. Затѣмъ женихъ начинаетъ бить въ барабанъ, подъ звуки котораго танцуетъ невѣста, при чемъ въ этомъ танцѣ принимаютъ участіе и присутствующіе. По окончаніи танца, жрецъ п'эданба совершаетъ нѣкоторые религіозные обряды, начавъ ихъ слѣдующею мантрою [1]): «Согласно наставленіямъ, дошедшимъ до насъ отъ древнихъ временъ, и сообразно съ дѣяніями патріарховъ, мы сочетаемъ въ сегодняшній день нашихъ сына и дочь узами брака». Въ то время, какъ жрецъ повторяетъ эту формулу, женихъ кладетъ свою руку въ руку невѣсты, при чемъ онъ держитъ пѣтуха, а она курицу, которыхъ они потомъ вручаютъ п'эданба. Послѣ того какъ закончится чтеніе обрядовой формулы, птицъ рѣжутъ и головы ихъ выбрасываютъ прочь, съ тѣмъ чтобы кто-нибудь подобралъ ихъ и взялъ себѣ, а кровь собираютъ на листъ смоковницы и гадаютъ по ней. На другой листъ наливается растворъ киновари, въ которой женихъ обмакиваетъ средній палецъ своей руки и, проведя имъ передъ лицомъ жреца, подноситъ его къ кончику носа своей невѣсты, произнося при этомъ: «Отнынѣ, дѣвушка, ты—моя жена» и, повторивъ еще разъ громко: «Дѣвушка, ты—моя жена», онъ дѣлаетъ на ея бровяхъ знакъ киноварью.

На слѣдующее утро жрецъ взываетъ къ какому-либо доброму духу и говоритъ новобрачнымъ: «Отнынѣ вы оба должны жить, какъ мужъ и жена, все время, пока вы остаетесь на этой землѣ», на что новобрачные даютъ соотвѣтствующій отвѣтъ: «Мы исполнимъ такъ, какъ вы приказы-

---

[1]) *Мантра*—это краткія молитвы къ божествамъ или обрядовыя формулы, которымъ буддисты приписываютъ таинственную силу (*ред.*).

ваете». Если бы жрецъ, произнося вышеуказанную формулу, не указалъ при этомъ періода настоящей жизни, бракъ считался бы несчастнымъ; для того, чтобы сдѣлать его счастливымъ, необходимо совершеніе дальнѣйшихъ обрядовъ, которые открываютъ для жреца новые источники доходовъ.

На брачномъ пиру каждому гостю прежде всего подносится мурва; въ качествѣ мясного обыкновенно подается свинина; въ концѣ же пира каждому изъ присутствующихъ предлагается чашка съ рисомъ.

Только по окончаніи всѣхъ брачныхъ церемоній невѣста въ первый разъ освобождается изъ рукъ своего похитителя и возвращается къ своимъ родителямъ, которые показываютъ видъ, будто ничего не знаютъ о происшедшемъ. По истеченіи двухъ или трехъ дней послѣ возвращенія молодой въ домъ родителей, туда является посредникъ, или *парми*[1]), для того, чтобы урегулировать отношенія молодого къ родителямъ молодой. Онъ обыкновенно приноситъ съ собою въ подарокъ родителямъ молодой три вещи: бутылку водки, свиную тушу и серебряную монету. Когда посредникъ собирается поднести эти подарки, родители должны прійти въ негодованіе и угрожать ему побоями, но тотъ упрашиваетъ ихъ не дѣлать этого и старается умилостивить ихъ при помощи второй рупіи. Тогда родители молодой сердито обращаются къ посреднику со словами: «Зачѣмъ вы похищаете нашу дочь?» и другими подобными вопросами. Когда гнѣвъ родителей поутихнетъ, посредникъ передаетъ плату за невѣсту. Эта плата бываетъ различна—отъ 10 до 120 рупій, сообразно съ состояніемъ жениха, но во всякомъ случаѣ къ ней неизмѣнно добавляется свинья. Кромѣ этого, дѣлается подарокъ, обыкновенно въ видѣ 12 рупій или равноцѣнной вещи, деревенскимъ старшинамъ. Этотъ подарокъ извѣстенъ у племени лимбу подъ именемъ *тураимбагъ*, т. е. удовлетвореніе родителей за кражу ихъ дочери; хотя онъ въ сущности предназначается для родителей, но нынѣ его присваиваютъ себѣ деревенскія власти.

Подобно тибетцамъ, лимбу подносятъ бѣлый бумажный к'атагъ[2]) всѣмъ,

---

[1]) *Парми*, повидимому, состоитъ изъ тибетскихъ словъ: *баръ*—„средина" и *ми*—„человѣкъ" (W. R.).

[2]) *К'атакъ*, извѣстный въ русской литературѣ болѣе въ монгольскомъ произношеніи—*хадакъ*, представляетъ собою длинный узкій платокъ или шарфъ, подносимый въ знакъ почтенія, дружбы или благопожеланія. К'атаги бываютъ шелковые и бумажные разныхъ цвѣтовъ: желтаго, чернаго, бѣлаго или, что бываетъ чаще всего, по крайней мѣрѣ въ Монголіи, синяго. Обыкновенная длина ихъ отъ $1^1/_2$ аршина до 2 саженъ. Часто по срединѣ бываетъ выткано изображеніе разныхъ буддійскихъ божествъ, въ особенности покровителя долгоденствія. Бываютъ и короткіе к'атаги (въ 1 арш.) съ затканными цвѣтами (*ред.*).

кто такъ или иначе интересуется женитьбою. Когда приходитъ время передачи родителями своей дочери посреднику (парни), они должны воскликнуть: «Увы, наша дочь исчезла! Ея нельзя найти! Кто-нибудь пусть пойдетъ и отыщетъ ее!» Затѣмъ уплачивается еще пара серебряныхъ монетъ, и одинъ изъ родственниковъ находитъ исчезнувшую дочь, которая обыкновенно скрывается въ кладовой, и она передается посреднику. Въ настоящее время невѣста чаще выходитъ сама изъ своего убѣжища, но дѣлаетъ это не ранѣе, чѣмъ будетъ уплачена за нее вся выкупная сумма [1]).

15-го ноября.

Жители деревни старались отсовѣтовать намъ попытку перейти черезъ находившіеся на нашемъ пути горные перевалы, на которыхъ всѣ тропинки были занесены снѣгомъ; они говорили, что намъ будетъ удобнѣе остановиться въ Ринби, гдѣ легко можно доставать провизію. Однако если бы я остался здѣсь, то, во-первыхъ, объ насъ распространились бы разные слухи, которые могли бы навлечь на насъ подозрѣніе пограничной тибетской стражи, и, во-вторыхъ, мы не могли бы располагать свѣдѣніями, когда снѣгъ отвердѣетъ настолько, чтобы мы могли продолжать путь, такъ какъ перевалы находились въ разстояніи 3—4 дней пути отъ деревни. Мы рѣшили поэтому попытаться перейти черезъ перевалъ Ямпунъ-ла, гдѣ пока еще не было снѣга. Наши кули дали понять жителямъ этой деревни, что мы охотники (П'урчунъ, съ его охотничьимъ ружьемъ и сумкою съ патронами, какъ будто подтверждалъ это) и лишь постольку интересуемся перевалами, поскольку это необходимо для того, чтобы пройти въ Канпа-чань, гдѣ больше дичи, и что если бы мы не попали въ Намга-цаль, то намъ, по всей вѣроятности, пришлось бы вернуться въ Дарджилинъ черезъ Чжонри.

Мы прошли позади деревни, гдѣ находилось нѣсколько большихъ кипарисовъ и одинокое дерево можжевельника, которое жители ошибочно называютъ *чаньдань* [2]), т. е. сандальнымъ деревомъ. Неподалеку отъ деревни

---

[1]) Сравни Hooker, op. cit., I, pp. 137, 138. Говоря о похоронныхъ обрядахъ племени лимбу, Хукеръ пишетъ: „Они оплакиваютъ, сжигаютъ и хоронятъ покойниковъ, сооружая надъ могилою насыпь, воздвигая каменный памятникъ и обнося ее заборомъ. Затѣмъ по землѣ они разбрасываютъ яйца и камешки“ (W. R.).

[2]) Деревья и кустарники, распространяющіе ароматъ или имѣющіе благоухающіе цвѣты, часто называются въ Тибетѣ *чаньдань*. Напримѣръ, въ Гумбумѣ (монастырь въ Амдо—*ред.*) извѣстное дерево, которое, какъ

мы пересѣкли дорогу, ведущую къ Дэчань-п'угъ («пещера блаженства»). Эта пещера представляетъ собою углубленіе въ громадной скалѣ, служащее притономъ многочисленныхъ демоновъ и злыхъ духовъ. По дорогѣ мы видѣли лимбу, занятыхъ выдѣлкою бамбуковыхъ циновокъ или собираніемъ ивняка для покрытія своихъ жилищъ. Дорога вдоль берега рѣки не представляла затрудненій; ручейки, впадающіе въ эту рѣку, были снабжены мостиками, а крутые берега представляли собою каменныя плотины; въ скалахъ, гдѣ это представлялось необходимымъ, были высѣчены ступеньки.

Къ часу дня мы пришли въ Паонтанъ, гдѣ и остановились въ какомъ-то жалкомъ пристанищѣ для путешественниковъ (*донъ-к'анъ*). Шелъ мелкій дождь; намъ пришлось готовить себѣ пищу въ убогомъ сараѣ, гдѣ не было возможности даже стоять прямо и гдѣ муравьи и стоножки ползали повсюду, а отъ дыма и пыли, поднятой раздувальными мѣхами, мы почти задыхались. Хотя у насъ была палатка, однако упрямство моихъ слугъ заставило меня отказаться отъ комфорта, который она могла дать: для нихъ донъ-к'анъ представлялъ вполнѣ удобное помѣщеніе, и они настаивали на томъ, чтобы и я воспользовался имъ.

У одного изъ проживавшихъ здѣсь по близости пастуховъ, оказавшагося двоюроднымъ братомъ П'урчуна, этотъ послѣдній купилъ молока, сыра, мурвы и прекрасной рыбы. Освѣжившись пивомъ, мы сѣли и стали прислушиваться къ пѣнію и декламаціи двухъ нашихъ спутниковъ, Чжордана и Тоньзана, которые немного подвыпили. Хотя эти люди и несли теперь мой багажъ, но на своей родинѣ они пользовались уваженіемъ и согласились взять на себя роль слугъ только въ видѣ личной услуги мнѣ въ виду того, что я боялся довѣрить секретъ своего путешествія чужимъ людямъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ Чжордана и по истинѣ удивлялся тому, что даже нецивилизованныхъ обитателей горъ вино можетъ вдохновить такимъ краснорѣчіемъ. Потокъ его краснорѣчія прерывался цитатами

говорятъ, выросло изъ волосъ, сбритыхъ съ головы Цонк'апа (Цзунхава — основатель желтошапочнаго буддизма или ламаизма, 1357—1420 г. по Р. Хр., *ред.*) и которое, по всей вѣроятности, не что иное, какъ Syringa, носитъ названіе *чаньдань* (или *чаньдань*) *карпо* (W. R.). По поводу этого примѣчанія Рокхилл необходимо имѣть въ виду, что Lòczy, одинъ изъ участниковъ экспедиціи въ Тибетъ графа Сэчэни, привезъ образчики цвѣтовъ священнаго гумбумскаго дерева, которое оказалось Ligustrina amurensis, Rupr. Это красивое дерево въ изобиліи встрѣчается въ горахъ близъ Пекина (*ред.*).

изъ книги: «*Риньчэнь Тэньва*» [1]), или «Драгоцѣнныя четки»; вотъ одинъ изъ куплетовъ:

„Всѣхъ здѣсь собравшихся прошу внимать.
„Орелъ—царь птицъ; когда онъ поднимается, всѣ поднимаются.
„Левъ—царь звѣрей; когда онъ прыгаетъ, всѣ прыгаютъ.
„Пьющій—принцъ краснорѣчія; когда онъ говоритъ, всѣ слушаютъ".

Въ послѣднемъ стихѣ у Чжордана аналогія оказалась нарушенной, такъ какъ онъ долженъ былъ сказать: «Когда онъ говоритъ, всѣ говорятъ»; но такъ какъ это была цитата, то онъ не рискнулъ взять на себя смѣлость измѣнить текстъ.

16-го ноября.

Сегодня я отправилъ Чжордана и Тоньзана въ Дарджилинъ съ письмами и своимъ индійскимъ платьемъ, а самъ отправился въ дальнѣйшій путь и, пройдя около мили по теченію рѣки Ринби, поднялся на перевалъ Лунмола, густо заросшій карликовымъ бамбукомъ и покрытыми мхомъ исполинскими дубами.

Въ два часа пополудни мы подошли къ Чоньчжому—мѣсту сліянія двухъ главныхъ истоковъ рѣки Ринби, гдѣ находится хорошій мостъ на крѣпкихъ устояхъ изъ каменныхъ глыбъ. Русло рѣки здѣсь покрыто густымъ зеленымъ мхомъ. Мы остановились немного далѣе, въ мѣстности, называемой Кэта, посреди дремучаго лѣса, изобилующаго медвѣдями, кабанами и сиккимскими леопардами. Такъ какъ я отослалъ свою палатку обратно въ Дарджилинъ, то для защиты отъ непогоды мы должны были устроить себѣ прикры-

---

[1]) Это сочиненіе Сакья-пандиты, носящее санскритское названіе: „Subhashita ratna nidhi", хорошо извѣстно оріенталистамъ по переводу, сопровождающему тибетскій текстъ, изданный Csoma de Körös въ XXIV и XXV тт. Jour. Bengal Asiat. Soc., и по французскому переводу извлеченія, сдѣланному Ph. E. Foucaux и опубликованному подъ заглавіемъ: „Le trésor des belles paroles" (Paris, 1858). Подлинное сочиненіе состоитъ изъ 454 строфъ, изъ которыхъ Csoma перевелъ только первыя 234. Индійское имя Сакья-пандиты—Ананда Д'ваджа; онъ жилъ въ XIII в. Тибетское имя его получило начало отъ монастыря Сакья, близъ Ташилхуньно, гдѣ Сакья-пандита жилъ (W R.). Въ 1247 году Сакья-пандита былъ приглашенъ Годаномъ, братомъ знаменитаго монгольскаго императора Хубилая, и провелъ остатокъ своей жизни (умеръ въ 1253 г.) среди монголовъ, содѣйствуя распространенію среди нихъ буддизма. Ему приписываютъ изобрѣтеніе монгольскаго алфавита, въ которомъ однако, по словамъ монгольскихъ писателей, оказались необходимыми весьма значительныя дополненія (*ред.*)

*

тіе изъ постельнаго бѣлья. На деревьяхъ мы развѣсили мясо и рыбу, которыя всю ночь приманивали совъ и мышей.

17-го ноября.

Наши сердца лихорадочно бились, когда мы отправились въ дальнѣйшій путь черезъ густой лѣсъ и кустарникъ, такъ какъ намъ сказали, что на перевалѣ Синли-ла недавно были убиты два непальскихъ дровосѣка. Въ предыдущемъ году тигръ напалъ въ Чжонри на стадо яковъ и зарѣзалъ 12 головъ, и мы боялись, какъ бы онъ снова не вздумалъ сдѣлать нападенія на ямпунскихъ яковъ. Проходя мимо оградъ, раздѣляющихъ участки различныхъ собственниковъ, мы нашли фазана, пойманнаго за шею при помощи волосяного силка. Дорога была крута и камениста. Холодъ пронизывалъ насъ до костей.

Къ полудню мы достигли пояса рододендроновъ и, пройдя черезъ сосновый лѣсъ, гдѣ спугнули фазановъ и другихъ птицъ съ красивыми перьями, мы приблизились къ покрытому снѣгомъ хребту. Отсюда мы начали подниматься по крутой тропинкѣ, гдѣ, какъ намъ разсказывали, сиккимскія войска изъ племени лепча отразили вторгшихся гуркасцевъ [1]), стрѣляя въ нихъ изъ луковъ и скатывая на нихъ цѣлыя скалы. Послѣ этой трудной части пути, подъемъ сдѣлался болѣе равномѣрнымъ и легкимъ. Здѣсь мы видѣли ульи, которые по своей формѣ отличаются отъ встрѣчающихся въ долинѣ, напоминая собою большіе бѣлые грибы, выступающіе изъ скалъ.

Въ 2 часа пополудни мы достигли деревни Докъ у Ямпуна, расположенной на подвѣтренной сторонѣ горной цѣпи. Длинный мэньдонъ указывалъ на путь къ деревнѣ, а развѣвавшіеся флаги—на мѣстонахожденіе домовъ и загоновъ для яковъ. Искрившіеся на солнцѣ участки, покрытые снѣгомъ и льдомъ, издали придавали деревнѣ прелестный видъ; но при приближеніи къ ней вся прелесть исчезла, такъ какъ пунктъ этотъ оказался покинутымъ и заброшеннымъ. Не было ни одного живого существа—ни яковъ ни собакъ, и лишь однѣ голодныя вороны сидѣли на шестахъ съ флагами и крышахъ. Деревня состояла всего лишь изъ дюжины домовъ, очень грубо построенныхъ изъ каменныхъ глыбъ; крыши этихъ жилищъ были сдѣланы изъ сосновыхъ досокъ, прижатыхъ сверху камнями. Болѣе обширные дома были заперты на замокъ, двери остальныхъ домовъ были завязаны веревками. Въ каждомъ домѣ виднѣлись кучи красильныхъ растеній, которыя туземные жители мѣ-

---

[1]) Гурка—воинственное племя, покорившее въ XVIII ст. Непалъ и нынѣ тамъ господствующее (*ред.*).

няютъ на соль, привозимую сюда изъ восточнаго Непала въ лѣтніе мѣсяцы и въ ноябрѣ послѣ перваго снѣга. Жители западнаго Сиккима, изъ племенъ лимбу и лепча, приходятъ сюда ежегодно за покупкою соли, шерсти, чаю и тибетской глиняной посуды въ обмѣнъ на мурву, кукурузу, красильныя растенія и другіе мелкіе товары, годные для дарджилинскаго рынка.

Сиккимскій солдатъ.

18-го ноября.

Перевалъ Ямпунъ-ла хотя и не высокъ, но имѣетъ очень трудный подъемъ; растительность на его склонахъ не столь пышна, какъ на перевалѣ

Чжонри-ла, который равенъ ему по высотѣ. Къ сѣверу цѣпь горъ поднимается къ уровню снѣговъ знаменитой вершины Канчань, пугала горныхъ жителей, называющихъ ее К'умба Карна. Всюду, за исключеніемъ только восточной стороны, глазъ встрѣчалъ лишь снѣгъ. Когда я спускался по направленію къ юго-западной сторонѣ Ду-ла («Чертовой горы»), мои глаза устремились внизъ въ глубокое ущелье, по которому неслась р. Ринби съ несмолкаемымъ ревомъ. Снѣжные потоки, берущіе начало на перевалѣ Ямпунъ-ла, направляются къ небольшому озеру, называемому Тама-чу, такъ какъ оно имѣетъ форму полумѣсяца; жители Непала даютъ этому озеру имя Лампокри.

Подъемъ на перевалъ Ду-ла оказался весьма труднымъ. Учжѣнь жаловался на головную боль и одышку, заявляя, что онъ страдаетъ «горной болѣзнью» (*ла-дугъ*). Въ довершеніе нашихъ бѣдъ, подулъ вѣтеръ съ такою силою, что нѣсколько разъ опрокинулъ меня на землю. Одинъ изъ нашихъ кули безпомощно упалъ съ окоченѣвшими ногами. Я далъ ему свои сапоги и кабульскіе чулки, надѣвъ самъ новые тибетскіе сапоги. Прямая дорога въ Гумо-танъ была занесена снѣгомъ, вслѣдствіе чего мы должны были сдѣлать обходъ по сѣверному и западному бокамъ перевала. Снѣгъ превратился въ ледъ, и путь сдѣлался очень опаснымъ. Я шелъ, какъ только могъ, работая и ногами и руками. Ущелье, вдоль котораго мы шли, было такъ глубоко, что глазъ утомлялся, слѣдя за его извилинами. Снѣга этого ущелья питаютъ верховья р. Іонъ-цзо-чу, протекающей мимо перевала Чжонри-ла. Спускъ съ перевала былъ гораздо опаснѣе подъема; мои кули, привыкшіе къ подобнаго рода путешествіямъ, вскорѣ оставили меня далеко позади себя.

Покинувъ снѣга перевала Ду-ла, мы увидѣли опять глубокія ущелья, заполненныя сосновымъ лѣсомъ; онъ кое-гдѣ чередовался съ участками пастбищъ, надъ которыми свѣшивались острыя скалы.

Вновь мы начали переходъ черезъ горы, за которыми лежитъ Гумо-танъ, ближайшій пунктъ нашей остановки, въ глубокомъ ущельѣ, на 2.000 футовъ ниже насъ. Мы шли по глетчеру и около шести часовъ вечера достигли покрытаго прекраснымъ лѣсомъ ущелья Гумо-танъ, который оказался залитымъ водою потока, образовавшагося изъ снѣга, тающаго въ сѣверо-восточной части ущелья. По ту сторону утеса, возвышающагося надъ Гумо-таномъ, находится Лачми-покри, или «Озеро рока», которое, говорятъ, содержитъ въ себѣ золото и драгоцѣнные камни. Оно занимаетъ пространство въ одну милю въ окружности, отличается чернымъ цвѣтомъ своей воды, и въ его глубинахъ, какъ передаютъ туземцы, водятся гиппопотамы.

19-го ноября.

Перейдя неглубокій потокъ, текущій къ востоку и несущій свои воды въ р. Ратонъ, мы начали подниматься на перевалъ Богто-ла. Пихты и можжевельникъ различнаго вида свѣшивались надъ нашей дорогою, которая пролегала вдоль края сухого обледенѣвшаго канала, по дну котораго струился потокъ. Отсюда идутъ двѣ тропинки, ведущія къ единственному зданію, имѣющемуся на склонахъ перевала Богто-ла. Одна изъ этихъ тропинокъ тянется вдоль теченія рѣчки, берущей начало изъ озера Цо-нагъ; по ней обыкновенно слѣдуютъ ямпунскіе пастухи и торговцы солью изъ Янма. Дорожкою, по которой мы шли, рѣдко пользуются, такъ какъ вдоль нея встрѣчается растеніе *дугъ-шинъ* [1]), смертельно поражающее яковъ и барановъ, которые его отвѣдаютъ. Здѣсь фазаны питаются ягодами рододендроновъ. Тутъ же мы видѣли и стада дикихъ барановъ. Прежде, нежели мы достигли вершины горы, рододендроны и можжевельникъ исчезли, и мы видѣли кое-гдѣ въ разсѣлинахъ скалъ лишь скудную растительность, походившую на лишаи и мохъ [2]).

Такъ какъ въ послѣдніе дни мы имѣли лишь скудную пищу, состоявшую изъ риса и чая, мы, конечно, были плохо подготовлены къ тѣмъ усиліямъ, какія требовались для подъема на крутыя высоты. Я съ трудомъ прошелъ полмили, страдая отъ сильной головной боли и постоянной тошноты; наконецъ я упалъ на землю совершенно изнеможеннымъ, почти бездыханнымъ. Мои кули страдали еще болѣе моего, такъ какъ я несъ на себѣ одно только надѣтое на меня тяжелое платье, а они, кромѣ того, несли и багажъ.

Дулъ весьма холодный пронизывающій вѣтеръ, а по небу ходили черныя тучи. Приготовили чай; я выпилъ его немного, но положительно ничего не хотѣлъ ѣсть, хотя П'урчунъ и настаивалъ на томъ, чтобы я съѣлъ замороженное яйцо и сушеныхъ фруктовъ. Закутавшись во всѣ свои одѣяла, я легъ на землю, уперевъ ноги въ одинъ изъ тюковъ для того, чтобы предохранить себя отъ паденія въ пропасть. Ночь прошла для меня тревожно, и спалъ я плохо, но спутники мои спали крѣпкимъ сномъ.

20-го ноября.

Небо было пасмурно; дулъ легкій вѣтеръ. Мой проводникъ, предвидя снѣжную бурю, съ неохотою взялъ на плечи свой тюкъ, пропѣвъ нѣсколько молитвъ (мантра), и мы, покинувъ это страшное мѣсто, назы-

---

[1]) *Дугъ*—„ядъ"; *шинъ*—„дерево" (W. R.).

[2]) Сравни Hooker, op. cit., I, p. 254.

ваемое откосомъ Нога, начали подниматься на перевалъ. Пройдя нѣсколько сотъ ярдовъ, мы пришли къ небольшому озеру Цо-нагъ-цо, теперь промерзшему до самаго дна, имѣющему овальную форму, длиною въ 400 и шириною въ 200 ярдовъ. Миновавъ это озеро, мы начали подниматься на уступы, которые были покрыты льдомъ. Видъ поражалъ своимъ крайне дикимъ величіемъ; царила мертвая тишина: не было слышно ни журчанія воды, ни шума отъ случайнаго паденія какой-либо снѣжной лавины. Всѣ молчали, устремивъ свое вниманіе на путь, пролегавшій по скользкой поверхности горы.

Пройдя еще около мили, мы подошли къ другому замерзшему озеру. Мой проводникъ побѣжалъ впередъ и, взявъ нѣсколько комьевъ снѣга и льда, разбросалъ ихъ по поверхности озера, чтобы указать намъ путь, по которому мы должны были идти, а равно предохранить насъ отъ паденія. Это небольшое озеро было такой же величины, какъ и только что описанное; въ священныхъ книгахъ Сиккима оно упоминается, какъ предметъ особенной святости. Называютъ это озеро Цо-домъ-донма, т. е. «Озеро павлиньихъ пятенъ», и глазъ экзальтированнаго почитателя можетъ усмотрѣть въ пузыряхъ, имѣющихся во льду, нѣчто похожее на пятна.

Прямо передъ нами возвышалась величественная вершина Чумбокъ-ла. Тучи быстро неслись теперь по небу, застилая собою солнце, и черезъ полчаса заволокли все небо. Смѣлость покинула нашего донынѣ безстрашнаго проводника.

«Зачѣмъ намъ идти далѣе, сэръ?» обратился онъ ко мнѣ: «въ этой пустынной мѣстности насъ ожидаетъ смерть. Еще одинъ часъ, и мы погибнемъ».

— Что вы подъ этимъ разумѣете, П'урчунъ? спросилъ я: гдѣ вы видите смерть?

«Сэръ, посмотрите на небо: эти тучи, которыя вы видите, вскорѣ засыплютъ насъ глубоко снѣгомъ, изъ-подъ котораго никто не будетъ въ силахъ спасти насъ; если вы избѣжите снѣга по эту сторону перевала, то онъ захватитъ васъ далѣе».

Говоря это, П'урчунъ дрожалъ и казался блѣднымъ и удрученнымъ. Затѣмъ онъ вскрикнулъ и сказалъ: «Увы, сэръ, мы, *понь-іогъ* («господинъ и слуга»), погибнемъ, если не вернемся въ Богто-ла. Тучи зловѣщи; онѣ указываютъ вамъ вернуться въ Богто-ла». Онъ, плача, какъ дитя, повторялъ свою просьбу, но тщетно: я заявилъ ему и кули, что не намѣренъ сдѣлать ни шага назадъ, и что всѣ его просьбы безцѣльны. Въ теченіе часа мы едва ли достигли бы Богто, и если бы въ это время

пошелъ снѣгъ, намъ врядъ ли удалось бы избѣжать гибели. Кромѣ того, предложеніе П'урчуна не улучшало нашего положенія, такъ какъ намъ пришлось бы вторично пройти то разстояніе, которое мы уже сдѣлали; тутъ могла случиться новая снѣжная мятель, и мы должны были бы опять возвращаться обратно.

Уступивъ въ концѣ концовъ моимъ доводамъ, П'урчунъ пошелъ впередъ. Я взялъ на себя предводительство и съ новою энергіей сталъ карабкаться на откосъ, и черезъ часъ времени мы уже стояли на вершинѣ перевала. Тучи разсѣялись, и намъ улыбнулось голубое небо, а вновь показавшееся солнце разогнало всѣ наши опасенія. Влѣво отъ насъ возвышалась гора Суньдубъ-п'угъ, а направо виднѣлись высокія вершины горы Канла-чжанъ-ма; въ непальской области Шаръ-К'амбу надъ туманомъ высоко поднималась закругленная гора Лапъ-чьи. Находившаяся передъ нами долина перевала Чумбокъ-ла называется Чу-лонькіокъ («Водяная ложка»), потому что въ ней собираются воды, сбѣгающія съ окружныхъ горъ, въ бассейнъ, похожій на ложку.

Едва я успѣлъ поздравить себя съ счастливымъ подъемомъ на вершину перевала, какъ мой проводникъ, теперь уже улыбавшійся, положилъ свои руки на ремни (*намбо*), которыми была связана его ноша, и, произнеся свою обычную молитву (*лха-солъ*), тронулся въ дальнѣйшій путь. Спускъ былъ сопряженъ съ крайнею опасностью, такъ какъ онъ шелъ по снѣгу, на которомъ не было видно ни одной тропинки. Проводникъ всюду изслѣдовалъ снѣгъ, ища дороги, но, не найдя таковой, пошелъ по кружному направленію, которое казалось наиболѣе удобнымъ его опытному глазу.

Послѣ получасовой ходьбы мы увидѣли, что очень мало подвинулись впередъ и къ тому же наткнулись на слѣды тибетскаго длиннохвостаго леопарда (*сахъ*). Я былъ удивленъ, какимъ образомъ этотъ звѣрь могъ пройти по рыхлому снѣгу, ни разу не провалившись въ него; но мои люди объяснили это тѣмъ, что приписали звѣрю сверхъестественную силу, говоря, что это былъ дьяволъ въ образѣ леопарда.

Послѣ часовой борьбы со снѣгомъ, я окончательно выбился изъ силъ и не могъ продолжать пути. Проводникъ развязалъ багажъ и уложилъ ломкія вещи въ одинъ тюкъ, а платье и провизію—въ другой. Послѣдній тюкъ онъ спустилъ внизъ по откосу, отчего образовалась стезя, по которой я и шелъ до того мѣста, гдѣ тюкъ зацѣпился за выступъ скалы. Затѣмъ я сталъ катиться внизъ по немного отвердѣвшему снѣгу, направляя свои движенія при помощи локтей такъ, чтобы избѣжать на своемъ пути неровностей.

Въ $3^1/_2$ часа пополудни мы уже настолько глубоко спустились въ ущелье долины Чу-лонькіокъ, что начали замѣчать кое-гдѣ между снѣговъ полосы травы. Между прочимъ я увидалъ альпійское растеніе *упала* [1]) съ большими розовыми листьями, какъ у водяной лиліи, на верхушкѣ; ихъ качалъ вѣтеръ, который снова началъ дуть. Кули теперь быстро подвигались впередъ, оставивъ меня далеко позади себя, но постепенное появленіе травы, рододендроновъ и кустовъ можжевельника подняло мой духъ, и я продолжалъ идти впередъ, хотя и приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дыханіе. Продолжая свой путь среди рододендроновъ, можжевельника и разныхъ кустарниковыхъ растеній, издававшихъ пріятный ароматъ, мы наконецъ подъ вечеръ достигли большой скалы, подъ которою и расположились на ночь. Неподалеку протекалъ ручей, въ 4 фута шириною, который, какъ говорятъ, служитъ истокомъ знаменитой рѣки въ Непалѣ — Кабили, питающейся водами горъ Чумбокъ и Сэмарумъ.

21-го ноября.

Хотя проснувшись я все еще чувствовалъ себя очень слабымъ и истощеннымъ, тѣмъ не менѣе пришлось немедленно отправиться далѣе безъ завтрака, такъ какъ мои кули тронулись въ путь рано утромъ, опасаясь, какъ бы прекрасное утро не смѣнилось дурнымъ днемъ. Одѣвшись полегче для того, чтобы было удобнѣе подниматься на горы, я двинулся въ путь вслѣдъ за П'урчуномъ. Сначала дорога не представляла особенныхъ затрудненій, хотя и шла то въ гору то подъ гору черезъ горные увалы въ 500 — 600 футовъ высотою. Послѣ нѣсколькихъ миль пути мы достигли чего-то похожаго на ворота, образованныя двумя выступами скалы, за которыми начиналась область со скудною растительностью, что всегда встрѣчается непосредственно передъ самою снѣговою линіей. Здѣсь мы остановились на короткое время и напились чаю; затѣмъ, возобновивъ свой путь, мы послѣ двухчасовой утомительной ходьбы по льду и тающему снѣгу достигли вершины перевала Сэмарумъ. Этотъ перевалъ защищенъ съ юга и запада весьма неровнымъ утесомъ, напоминавшимъ по цвѣту и по формѣ

---

[1]) *Утпала* или *удпала*—индійскій голубой лотусъ, употребляемый, между прочимъ, въ медицинѣ. Ёшке (Jaeschke) въ Tibetan-English Dictionary говоритъ: „Въ Ладакѣ подъ этимъ названіемъ извѣстно Polemonium caeruleum“ (W. R.).

Сэмарину и сосѣднія снѣжныя горы.

распростертыя крылья орла. Это сходство внушило мнѣ какое-то странное чувство страха. Сидя на вершинѣ горы, я любовался, несмотря на свою

усталость и нездоровье, величіемъ открывавшагося передо мною вида. Ни одинъ поэтъ не могъ бы вполнѣ передать красотъ природы въ этомъ уголкѣ міра, ни одна кисть не въ состояніи изобразить его романтическихъ картинъ.

Существуетъ легенда, что много лѣтъ тому назадъ на этомъ перевалѣ одинъ хитрый и дальновидный лимбу изъ Тамбуръ-К'ола спряталъ подъ скалами красный глиняный сосудъ, наполненный древеснымъ углемъ; это онъ сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы закрѣпить свои права наслѣдства на всю крайнюю восточную часть Непала, называемую Янгоро, въ составъ которой входятъ и горы Синли-ла. Объ этихъ притязаніяхъ онъ упомянулъ въ своей послѣдней волѣ (завѣщаніи). Нѣсколько лѣтъ спустя изъ-за упомянутой земли возникли междоусобія между лимбу, населяющими Тамбуръ-К'ола и Янгоро, и продолжались почти 12 лѣтъ, при чемъ больше всего страдало поколѣніе гуруянъ. Пася свой скотъ на оспариваемой землѣ, обѣ стороны крали другъ у друга скотину, считая это рентою за право пользованія пастбищемъ. Въ концѣ концовъ рачжа Чамбисн, управлявшій Б'атгаономъ, рѣшилъ споръ въ пользу янгорскихъ лимбу, такъ какъ къ тому времени обнаружилась продѣлка лимбу изъ Тамбуръ-К'ола.

Съ перевала Сэмарумъ я увидѣлъ Чома Канькаръ («Господинъ снѣговъ»), знаменитую священную гору буддистовъ, возвышающуюся надъ Лапъ-чьи; она состоитъ изъ трехъ пиковъ, изъ которыхъ самый высокій имѣетъ куполообразную форму, два другихъ же, возвышающихся одинъ возлѣ другого, представляютъ собою усѣченный конусъ [1]). Къ сѣверозападу отъ этихъ пиковъ показались горы области Шаръ-К'амбу, на половину скрытыя поднявшимся туманомъ; къ западу, за огромною бездною,

---

[1]) *Чома Канькаръ* (Choma Kankar, Joma gangs dkar—„Госпожа бѣлаго снѣга")—это тибетское названіе самой высокой горы міра (29,002 фут.), обыкновенно называемой *Эверестъ* въ честь учредителя индійскаго топографическаго бюро англичанина Everest, впервые выяснившаго высоту этой горы. Извѣстный изслѣдователь Индіи Schlagintweit сообщилъ индійское названіе горы Эверестъ—*Гауризанкаръ*, но правильность этого наименованія оспаривается нѣкоторыми изслѣдователями (Waddell). Тибетское названіе *Чома Канькаръ* впервые сообщено нашимъ авторомъ, но оно вначалѣ было пріурочено не къ Эвересту, а къ другой болѣе низкой горѣ, извѣстной подъ названіемъ Макалу или пикъ № XIII. Подробности о названіяхъ горы Эверста имѣются въ статьяхъ Waddell'я (Geographical Journal, 1898), Schlagintweit'a (Petermanns Geographische Mitteilungen, 1901, Heft II). *Лапъ-чьи* (Lap-chyi)—повидимому, тибетское названіе хребта, высшей точкою котораго является Чома Канькаръ или Эверестъ (*ред.*)

образуемою долиною Тамбуръ, виднѣлись долины Фэйлепъ, Ялунъ и Д'унькота, но очертанія ихъ терялись въ общемъ туманѣ.

П'урчунъ тщетно старался отыскать дорогу: все было занесено снѣгомъ, по которому намъ и пришлось скатиться внизъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Почувствовавъ здѣсь подъ своими ногами твердую почву,

Г. Чома Канькаръ (Эверестъ). *(K. Boeck, Durch Indien ins verschlossene Land Nepal).*

мы двинулись впередъ, таща за собою свой багажъ. Я замѣтилъ слѣды кроликовъ [1]), снѣжныхъ леопардовъ и птицъ, называемыхъ *чамданъ* (по всей вѣроятности, снѣжныхъ фазановъ). Черезъ нѣкоторое время оказалось, что дальше уже нельзя идти внизъ по склону горы, въ виду чего П'урчунъ двинулся въ обходъ черезъ лежавшую вправо отъ насъ возвышенность съ обнаженною скалистою вершиною высотою въ 40—50 футовъ. Отсюда мы спустились съ большими затрудненіями, бросивъ внизъ свою поклажу и скатившись сами по глубокому рыхлому снѣгу.

---

[1]) Это, вѣроятно, были зайцы (W. R.).

Въ 4 часа пополудни мы вышли изъ области снѣга и снова встрѣтили растительность. Послѣ короткаго отдыха мы отправились далѣе вдоль берега пріятно журчавшаго ручья, считающагося вторымъ истокомъ р. Кабили, хотя онъ и впадаетъ въ потокъ Намга, берущій свое начало у перевала Канла Нанмо, вблизи Чжонри. Снѣгъ, покрывавшій землю на нѣсколько миль у подножія перевала Канла по обѣимъ сторонамъ р. Намга, указывалъ намъ, что этотъ перевалъ непроходимъ. Такіе ранніе снѣга называются здѣсь *шинса-пихмо*. Дорога шла между карликовыми рододендронами, можжевельникомъ и колючими кустарниковыми растеніями съ красными плодами. Рѣка, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она суживалась, была покрыта льдомъ. Въ отдаленіи блистали въ лучахъ заходящаго солнца покрытые соснами бока горы Чжуонга, по которымъ протекала рѣка Ялунъ. Мы съ трудомъ подвигались впередъ, и около 6 часовъ пополудни достигли широкой равнины, называемой Намга-цаль («Роща радости»); перейдя затѣмъ рѣку по деревянному мосту восточно-непальскаго типа, приблизительно въ 40 ф. длиною, мы вскорѣ расположились на ночь подъ развѣсистыми вѣтвями высокаго кедра (*дунъ-шинъ*). Намга-цаль получила свое названіе, какъ мнѣ говорили, отъ того, что великій буддійскій патріархъ Сиккима—Лха-цунь провелъ здѣсь нѣсколько дней для отдыха послѣ своего перваго утомительнаго путешествія изъ Тибета, предпринятаго для обращенія *лхопа* («южане»). Патріархъ былъ такъ восхищенъ этимъ мѣстомъ, что приказалъ своимъ ученикамъ считать его священнымъ и совершать здѣсь ежегодно религіозныя церемоніи въ пещерѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Мы могли видѣть эту пещеру съ того мѣста, гдѣ остановились на ночлегъ; къ ней, какъ намъ говорили, донынѣ приходятъ на поклоненіе буддисты изъ Сиккима и Восточнаго Непала.

22-го ноября.

Перейдя два потока съ болотистыми берегами, мы стали подниматься вверхъ черезъ чащу рододендроновъ, въ которой видѣли много зеленыхъ фазановъ, похожихъ цвѣтомъ на зеленыхъ попугаевъ, со шпорами на лапкахъ и яркою, довольно широкою красною линіею вокругъ глазъ. По своей величинѣ они превосходили домашнихъ курицъ [1]). Идя далѣе, мы приблизились къ р. Ялунъ, которую перешли по прочному мосту, построен-

---

[1]) Хукеръ, op. cit., I, p. 255, сообщаетъ, что онъ встрѣтилъ подобныхъ фазановъ близъ перевала Нанго-ла. Самецъ имѣлъ на каждой ногѣ отъ 2 до 5 шпоръ, сообразно своему возрасту (W. R.). Ithagenes Cruentus.

ному изъ кедровыхъ стволовъ и еловыхъ досокъ, а затѣмъ начали подниматься на крутую и высокую гору Чуньчжорма («Собраніе каскадовъ»). На одномъ изъ болѣе низкихъ склоновъ великой горы Каньчаньчжинга въ глухомъ мѣстѣ среди лѣсовъ стоитъ небольшой монастырь, называемый Дэчань-ролпа. Говорятъ, что предшественникъ теперешняго настоятеля этого монастыря посѣтилъ На-Пэматанъ, рай племени лепча, въ который попали только семь семействъ и который находится между Чо-Каньчань и Чо-Каньчаньчжинга.

Въ трехъ миляхъ къ западу отъ Дэчань-ролпа-гомба [1]) находится деревня Ялунъ, гдѣ живетъ 12 семействъ, которыя лѣтомъ пасутъ яковъ въ долинѣ р. Ялуна, а зиму проводятъ въ Яньку-танъ, въ долинѣ р. Кабили [2]).

Пройдя мимо двухъ небольшихъ озеръ Цо-чунъ-донька, мы поднялись на горы того же имени и наконецъ достигли, черезъ перевалъ Нанго-ла, вершины Чуньчжорма, подъ каковымъ названіемъ извѣстна часть перевала между Нанго-ла и Миркань-ла, откуда начинается дорога въ Непалъ, идущая на К'ань-до-п'угъ. Отъ перевала Миркань-ла намъ пришлось подняться на нѣсколько утесовъ, называемыхъ Тамирань-кукябъ, главный изъ которыхъ олицетворяетъ собою, какъ говорятъ, грозное божество Тамдринъ или Харьягриха [3]). По своей формѣ этотъ утесъ похожъ на лошадиную голову (*тамгринъ*), обращенную къ Каньчаньчжинга. Во время спуска мы нашли траву на перевалѣ Панбола, а на Зинань-ла можжевельникъ и рододендроны. Къ 7 часамъ пополудни мы достигли Муданъ-п'угъ, при чемъ часть дороги П'урчунъ несъ меня на своихъ плечахъ.

23-го ноября.

Наша дорога лежала вдоль обширной морены, огромные красноватые валуны которой были покрыты ползучимъ тамарискомъ и карликовымъ можжевельникомъ. Послѣ мили пути мы достигли Маньда-п'угъ—ущелья между двухъ гигантскихъ валуновъ, склонившихся другъ къ другу; здѣсь мы позавтракали рисомъ и напились чаю, заправленнаго масломъ. Растительность становилась все лучше по мѣрѣ приближенія къ перевалу Маньда-ла, а видъ густыхъ зеленыхъ рощъ въ глубокихъ долинахъ давалъ нашимъ взорамъ

---

[1]) *Гомба* (пишется—*дгоньпа*) по-тибетски значитъ „монастырь" (*ред.*).

[2]) Ср. Hooker, op. cit., I, 275 (W. R.).

[3]) Это божество, обыкновенно называемое по-тибетски Тамдинъ и по-санскритски Хаягрива („лошадиная шея"), считается покровителемъ господствующей нынѣ въ Тибетѣ буддійской секты гэлугпа (*ред.*).

возможность отдохнуть отъ долговременнаго созерцанія голыхъ скалъ. Отъ перевала Тама-ла, гдѣ мы видѣли пастуховъ, караулившихъ стада мелкаго скота и нѣсколькихъ яковъ, идетъ спускъ въ долину Яматари; вершина этой возвышенности посвящена грознымъ богинямъ Мамо; прохожими были навѣшаны здѣсь въ честь ихъ на кустахъ рододендроновъ бѣлые и красные флажки. Съ этого мѣста открывается прелестный видъ на долину Канпа-чань.

Зять П'урчуна, Дао Намчжялъ, замѣтивъ, что я крайне утомленъ, взялъ меня къ себѣ на плечи и несъ такъ вплоть до сѣверо-западной стороны перевала Тама-ла. Вскорѣ мы вошли въ ровную долину, поросшую травой, рододендронами и папоротниками. П'урчунъ считалъ эту долину особенно счастливой для себя мѣстностью, такъ какъ лѣтъ 35 тому назадъ его родители встрѣтили здѣсь знаменитаго ботаника Хукера (Hooker), изслѣдовавшаго въ то время Непалъ. Мать П'урчуна привела тогда своего мужа, потерявшаго зрѣніе отъ бѣлизны снѣга, къ названному доктору, который не только далъ превосходное лѣкарство, но и подарилъ хорошенькую монету для того, чтобы родители повѣсили ее на шею П'урчуну, тогда еще грудному ребенку [1]).

Около 2 часовъ пополудни мы достигли рѣки Ямата-ри, образуемой ручьями, вытекающими изъ Каньчаньчжинга. Ущелье, по которому течетъ эта рѣка, очень красиво. Поверхъ крутыхъ скалъ, поднимающихся по обѣимъ сторонамъ, тянутся синіе глетчеры, у подножія же скалъ стоятъ лѣса пихтъ и лиственницъ, покрытыхъ нависшимъ мхомъ, развѣвающимся при дуновеніи вѣтерка, подобно птичьимъ перьямъ. У самой деревни Канпа-чань (Чжюнь-саръ) намъ пришлось перейти рѣку Ямата-ри по маленькому мостику; затѣмъ показалась названная деревня съ ея деревянными хижинами. Нѣкоторые дома были пусты; на порогахъ другихъ сидѣли старыя бабы съ зобами, грѣясь на солнцѣ и занимаясь пряжею шерсти. Это была родная деревня П'урчуна; онъ прибылъ туда раньше насъ и теперь вышелъ намъ навстрѣчу совершенно пьяный. Онъ повелъ насъ въ домъ своей матери, гдѣ по срединѣ пылалъ огонь, разведенный изъ сучьевъ рододендроновъ и пахучихъ пихтъ. Было приготовлено тибетское пиво *чанъ* въ деревянныхъ бутылкахъ, и мать П'урчуна, какъ только мы усѣлись на приготовленныхъ для насъ подушкахъ, влила въ эти бутылки немного кипятку. Было сожжено немного сухого можжевельника и сосны въ качествѣ куренія; передъ нами были поставлены зажженныя курительныя свѣчи. Подали на двухъ

---

[1]) См. Hooker, op. cit, I, p. 263.

мѣдныхъ блюдахъ красноватый картофель, затѣмъ рисъ и вареную баранину, при чемъ рисъ былъ завернутъ въ большіе листья какого-то горнаго растенія. Когда наступила ночь, мы сѣли вокругъ огня; передъ каждымъ изъ насъ было поставлено по бутылкѣ мурвы, однако усталость скоро дала себя почувствовать, и я уснулъ.

24-го ноября.

Деревня Канпа-чань [1]) расположена по террасамъ горъ, обращеннымъ къ юго-западу; дома ея обнесены низкими каменными стѣнами. Внизу протекаетъ р. Канчань, въ которую здѣсь впадаетъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. По обѣимъ сторонамъ деревни круто возвышаются горы, покрытыя снѣгомъ и льдомъ. Нижніе склоны этихъ горъ покрыты густымъ лѣсомъ поросшихъ мхомъ деревьевъ—серебристыхъ пихтъ, гималайскихъ кедровъ и лиственницъ. Можжевельникъ и кусты рододендроновъ окружаютъ деревню. Вокругъ раскинуты засѣянныя ячменемъ [2]) поля, надъ которыми носились стаи дикихъ голубей.

Возвратившись съ прогулки, я засталъ двухъ человѣкъ, ожидавшихъ меня съ тѣмъ, чтобы пригласить къ себѣ отвѣдать пива; принявъ это приглашеніе, я отправился сначала къ одному изъ нихъ, по имени Чжорчжя. Когда я усѣлся на толстое сидѣніе, имѣвшее видъ матрапа и покрытое ковромъ изъ провинціи К'амъ, передо мною поставили бутылку пива изъ мурвы, на верхушкѣ которой былъ положенъ кусочекъ масла [3]). Сначала пили чай, которымъ меня угощала хозяйка изъ фарфоровой чашки,—такая форма учтивости соблюдается тибетцами лишь по отношенію къ людямъ высшаго класса; лица же равнаго или низшаго общественнаго положенія по сравненію съ хозяиномъ употребляютъ деревянныя чашки, которыя каждый носитъ у себя за пазухою. Послѣ этого передъ нами былъ поставленъ на маленькомъ столикѣ картофель, поджаренная кукуруза, молоко и масло, и мы охотно всего отвѣдали. Нашъ хозяинъ не совѣтовалъ мнѣ идти на Валлунъ, такъ какъ, увѣрялъ онъ, я могу встрѣтить тамъ массу затруд-

---

[1]) Хукеръ называетъ ее Камбачэнь (op. cit., I, p. 257) и даетъ высоту ея въ 11.380 фут. надъ уровнемъ моря (W. R.).

[2]) По словамъ Хукера (loc. cit.), тамъ разводятъ только рѣдьку, картофель и ячмень; пшеница не растетъ (W. R.).

[3]) Обычай класть при угощеніи кусочекъ масла на горлышко бутылки или на край винной кружки соблюдается всѣми безъ исключенія тибетцами и большинствомъ монгольскихъ племенъ, съ которыми я сталкивался (W. R.).

неній. Онъ посовѣтовалъ вступить въ Тибетъ черезъ перевалы Янма и Канла-чэнь, что, по его словамъ, представлялось возможнымъ даже въ такое позднее время года.

Оставивъ Чжорчжя, я отправился въ домъ Пэмазана, дяди П'урчуна, гдѣ нашелъ хорошо выштукатуренную и со вкусомъ расписанную часовню. Меня встрѣтили на лѣстницѣ жена и сынъ Пэмазана, которые и ввели меня въ домъ. У Пэмазана были длинные густые ниспадавшіе въ безпорядкѣ волосы. Онъ носилъ золотыя серьги, похожія на цвѣты магноліи; взгляды и рѣчь его были серьезны. Онъ часто сидитъ въ глубокомъ созерцаніи съ тѣмъ, чтобы силою извѣстныхъ ему заклинаній предотвратить градъ или бурю [1]).

Ручные молитвенные цилиндры. *(Waddell, Buddhism of Tibet).*

Выйдя отъ Пэмазана, мы перешли черезъ рѣку и посѣтили монастырь Таши-чосъ-динъ, который оказался почти покинутымъ. Въ немъ кое-гдѣ во дворѣ видны были, по одной или по двѣ, старыя женщины, вращавшія моли-

---

[1]) На основаніи этого описанія можно думать, что Пэмазанъ происходитъ изъ племени к'амба, живущаго въ сѣверо-восточной части Тибета. Мы знаемъ отъ Хукера (op. cit., I, p. 137), что много к'амба прибыло въ Сиккимъ при первомъ сиккимскомъ рачжѣ. Это племя славится своею способностью низводить дождь, обитателей же другихъ мѣстъ Тибета рѣдко приглашаютъ совершать церемоніи съ цѣлью вызвать или прекратить дождь. Ср. трудъ Рокхиля: „The Land of the Lamas", p. 188 (W. R.).

твенные цилиндры [1]). Поднявшись по двумъ лѣстницамъ, мы вошли въ домъ ламы. Онъ и его ани [2]) встрѣтили насъ весьма любезно; затѣмъ ани спросила, не имѣю ли я какого-либо лѣкарства отъ диспепсіи (*пакань)*, которою страдалъ одинъ знакомый имъ старикъ.

Вернувшись въ свое помѣщеніе, я увидѣлъ, что была сдѣлана попытка взломать замокъ сумки, гдѣ у меня хранились деньги; однако я не открылъ ея, такъ какъ въ занимавшейся нами комнатѣ находилось еще шесть человѣкъ, и я очень опасался, чтобы они не ознакомились съ содержа-

---

[1]) Ламаиты приписываютъ могущественную силу ученію, изложенному въ ихъ священныхъ книгахъ, и отдѣльнымъ его словамъ, даже хотя бы они произносились безъ пониманія ихъ дѣйствительнаго значенія. На этомъ основаніи, съ одной стороны, были составлены изъ такихъ словъ особыя мистическія формулы (*д'арани, тарни*) и краткія молитвы (*мантра*), которыя повторяются для обезпеченія себѣ покровительства того или другого божества, скорѣйшаго спасенія и т. п. Такова, напр., общеизвѣстная шестисложная формула: „*омъ-мани-падмэ-хумъ*", обладающая силою избавленія существъ отъ перерожденія въ новыя формы бытія и дающая, такимъ образомъ, возможность скораго достиженія нирваны. Съ другой стороны, ламаиты впали на мысль использованія чудодѣйственной силы словъ священнаго писанія при помощи разнаго рода механическихъ приспособленій, которыми обезпечивалось бы болѣе быстрое и непрерывное повтореніе этихъ словъ, такъ какъ чѣмъ больше разъ они произнесены, тѣмъ надежнѣе достигается желанный результатъ. Съ этою цѣлью устраиваются особые цилиндры, которые наполняются листками, исписанными отрывками изъ священныхъ книгъ, тарни и т. п. и приводятся въ движеніе или людьми или разными силами природы (водою, вѣтромъ). Соотвѣтственно этому, цилиндры эти бываютъ разныхъ типовъ. Часто также листики бумаги или куски матеріи съ написанными на нихъ священными изреченіями и заклинательными формулами выставляются на вѣтеръ въ видѣ флажковъ или другимъ образомъ, такъ чтобы они находились въ постоянномъ движеніи. Сколько разъ повернется молитвенный цилиндръ, сколько разъ шевельнется по вѣтру флажокъ, столько же разъ будутъ произнесены заключающіяся въ нихъ священныя слова, чудодѣйственной силой которыхъ воспользуется лицо, устроившее подобныя приспособленія. Пользованіе этими послѣдними распространено чрезвычайно широко во всѣхъ ламайскихъ странахъ (*Ред.*).

[2]) Терминъ *ани* (произносится также *анэхъ*) обыкновенно употребляется для обозначенія жены, наложницы или монахини. Въ данномъ случаѣ, повидимому, была монахиня, жившая въ конкубинатѣ съ ламою. Подобное явленіе весьма часто наблюдается въ Тибетѣ, и во многихъ мѣстахъ ламы (*граба*) и ани живутъ въ одномъ и томъ же монастырѣ. См. „Report on Explorations in Sikkim, Bhutan etc., from 1856 to 1886", pp. 9 et 12 et infra p. 42 (W. R.).

*

ніемъ сумки. Поэтому, какъ бы ни была велика потеря, я рѣшилъ молчать, храня свои подозрѣнія про себя.

25-го ноября.

Зять П'урчуна, Дао Наичжялъ, принесъ мнѣ въ подарокъ картофеля, мурвы, проса, масла и, наконецъ, козленка, за что я въ свою очередь подарилъ ему 5 рупій. Вслѣдъ за тѣмъ почти всѣ бѣдные жители деревни начали приносить мнѣ разнаго рода подарки, конечно, не потому, чтобы они питали ко мнѣ особенное уваженіе, а единственно съ цѣлью получить какой-либо подарокъ, который, какъ они надѣялись, окажется значительно цѣннѣе ихъ подношеній. Къ счастію, въ этой деревнѣ населеніе было невелико, иначе мнѣ пришлось бы истратить всѣ свои наличныя деньги.

Къ полудню П'урчунъ хорошенько проспался отъ своего опьянѣнія и былъ уже въ состояніи достать мнѣ пару сапогъ для ходьбы по снѣгу (*кяръ*) [1]). Я узналъ отъ нанятаго здѣсь кули, что онъ недавно перешелъ въ такихъ сапогахъ черезъ перевалъ Канла и побывалъ въ Чжонри, гдѣ встрѣтилъ капитана Хармана, который будто бы восхищался этимъ грубымъ, но полезнымъ издѣліемъ.

Вечеромъ были заколоты два козленка, кровь которыхъ была собрана въ хорошо вымытыя и вычищенныя кишки, при чемъ къ этой крови примѣшали ячменной муки (*цамба*) [2]). Эта кровяная колбаса, предназначенная для моего употребленія во время путешествія, была сварена и уложена въ небольшую плетеную корзину.

Говорятъ, что верхняя часть долины Канпа-чань была первоначально заселена тибетцами, называвшимися именемъ *шарпа* («восточные») — выходцами изъ горъ области Шаръ-К'амбу или Восточнаго Кирата [3]).

---

[1]) По словарю Jaeschke, пишется *dkyar*. Сапоги эти и ихъ названіе, повидимому, неизвѣстны въ другихъ частяхъ Тибета (W. R.).

[2]) Во всемъ Тибетѣ и въ бо́льшей части Монголіи кишки, начиненныя искрошенными сердцемъ, печенью и легкими только что убитой овцы или козленка, составляютъ любимое кушанье. Голова и шкура обыкновенно отдаются лицу, продавшему овцу, такъ какъ онѣ не входятъ въ плату (W. R.).

[3]) Кирата хорошо извѣстно, какъ племя не-брахманское (*млеча*), упоминаемое въ книгахъ Веды. См. Chr. Lassen, Indis. Alterthumskunde, I, p. 78: „Страна между San Roci и Kankaji приблизительно то же, что страна племени кирата". Обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ племени помѣщены въ „Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes", I, p. 35 ff. См. выше, стр. 6 (W. R.).

Ниже по долинѣ жило племя магаръ изъ Непала; вождь этого племени распространилъ свою власть на шарпа и обложилъ ихъ такою тяжелою данью, что они рѣшили ему отомстить: онъ и его приближенные были убиты на пути въ деревню Канпа-чань, а тѣла ихъ зарыты въ землю.

Киратская женщина изъ племени лимбу.

Такъ какъ о погибшихъ не было ни слуху ни духу, то жена вождя сама отправилась въ деревню Канпа-чань, но и ей не удалось узнать, что случилось съ ея мужемъ и его приближенными. Когда она возвращалась домой по берегу рѣки, вдругъ съ берега обрушился камень, подмытый потокомъ, и изъ-подъ него вылетѣлъ съ жужжаніемъ рой мухъ. Это привлекло вниманіе королевы, которая разрыла землю и нашла

тамъ трупы своего мужа и его свиты. Привезя съ собою тѣло вождя, она приказала устроить пышную похоронную церемонію въ шести миляхъ вверхъ по рѣкѣ, недалеко отъ впаденія въ нее потока Рапа-чань, на полпути между двумя большими деревнями долины Канпа-чань—Чжюньсаръ и Ярса [1]). Здѣсь, какъ въ пунктѣ, удобномъ для населенія, было устроено угощеніе, состоявшее изъ большихъ чашъ вина, къ которому примѣшали яду. Какъ только было закончено угощеніе магаровъ, предложили вино жителямъ деревни Канпа-чань, которые опьянѣвъ уснули съ тѣмъ, чтобы больше уже не пробуждаться. Такъ погибло около тысячи человѣкъ; дѣти ихъ были взяты приближенными королевы. Мѣсто, гдѣ свершилось это страшное дѣло, получило названіе Тонъ-шонъ-п'угъ, т. е. «Мѣсто, видѣвшее тысячу убійствъ». Немногіе, избѣжавшіе смерти, принесли объ этомъ извѣстіе въ Тибетъ и вскорѣ вернулись оттуда съ большимъ войскомъ съ тѣмъ, чтобы начать войну съ племенемъ магаръ. Королева заперлась въ одномъ изъ своихъ замковъ и, хотя располагала крайне недостаточными оборонительными средствами, защищалась въ немъ отъ осады въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Тогда тибетцы рѣшили извести осажденныхъ голодомъ и отрѣзать ихъ отъ воды, но королева, желая обмануть враговъ, открыла запасный резервуаръ и пустила воду въ лагерь тибетцевъ, и непріятели, думая, что она располагаетъ большими запасами воды, и что задуманный ими планъ безполезенъ, сняли осаду и нѣсколько отступили отъ замка. Тогда королева въ свою очередь ударила на нихъ, но пала при первомъ столкновеніи, мужественно сражаясь, и тибетцы въ концѣ концовъ изгнали совсѣмъ племя магаръ изъ Канпачаньской и Тамбурской долинъ и вернули эту землю ея прежнимъ владѣльцамъ.

Среди этого канпачаньскаго племени я нашелъ П'урчуна, самаго вѣрнаго и надежнаго изъ всѣхъ туземцевъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ Гималаяхъ. Хотя Учжѣнь не довѣрялъ ему, а онъ, въ свою очередь, не любилъ Учжѣня, но я вполнѣ полагался на его вѣрность и способности, и его преданность мнѣ была безгранична.

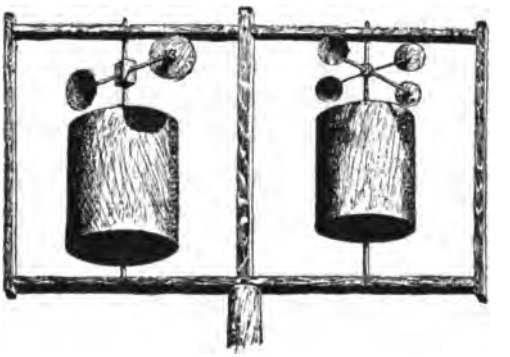
26-го ноября.

Мы покинули деревню Канпа-чань, имѣя теперь въ своей партіи четырехъ кули. П'урчунъ шелъ впереди, неся мое ружье, какъ знакъ своего

---

[1]) *Ярса*, по всей вѣроятности, значитъ „верхняя (*яр*) страна (*са*)". Термины *яра мара* или *ярка марка* — „верхній и нижній" встрѣчаются повсемѣстно въ Тибетѣ (W. R.).

значенія въ отрядѣ, но главное украшеніе ружья, красный холщевой чехолъ, было украдено еще за день до этого; младшій братъ П'урчуна, Сонамъ-дорчжэ, несъ его поклажу. Учжѣнь-чжяцо и я ѣхали на лошадяхъ, нанятыхъ нами по 8 анна за каждую съ тѣмъ, чтобы онѣ довезли насъ до половины пути къ перевалу Нанго-ла. Старыя женщины *(ама)* деревни поджидали насъ на восточномъ краю моста, чтобы подать намъ прощальный кубокъ вина *(чанъ-кѣлъ)*—обычай, неизмѣнно соблюдаемый въ Тибетѣ при прощаніи съ друзьями, отправляющимися въ далекое путешествіе; онѣ стояли, держа въ правой рукѣ кубокъ съ виномъ, а въ лѣвой блюдо съ поджаренной ячменной мукой *(цамба)*. Каждая женщина наливала немного вина въ фарфоровую чашку, клала туда щепотку муки и затѣмъ просила насъ выпить глотокъ, желая намъ при этомъ благополучнаго возвращенія. Мы поблагодарили ихъ за любезность и положили 2 рупіи на одно изъ блюдъ для того, чтобы онѣ раздѣлили между собою эти деньги.



Молитвенные цилиндры, приводимые въ движеніе вѣтромъ. (*Rockhill, The Land of the Lamas*).

Медленно подвигались мы впередъ по берегу быстрой рѣки, въ которую впадаетъ много ручейковъ, текущихъ изъ-за монастыря; на этой рѣкѣ находилось много молитвенныхъ колесъ (цилиндровъ), приводившихся въ движеніе водою. Нашъ путь лежалъ черезъ густую чащу деревьевъ по направленію къ Даба-нгоньпо, гдѣ мѣстные жители занимаются добываніемъ синей глины, изъ которой выдѣлываются изображенія божествъ. Эту глину они считаютъ особенно хорошею для этой цѣли, такъ какъ добываютъ ее на вершинѣ священной горы.

Отсюда мы пошли по ложу стараго ледника на Камай-п'угпа и достигли К'ама-канъ-тунъ, гдѣ проходитъ линія строевыхъ лѣсовъ. Въ разстояніи мили отсюда мы миновали крайній предѣлъ пастбищной земли на этой сторонѣ перевала Нанго-ла и здѣсь встрѣтили стаю крапчатыхъ птицъ, называемыхъ *срэгпа* [1]); Учжѣнь пытался убить одну изъ нихъ, но безуспѣшно.

[1]) *Срэгпа*—Tetraogallus Tibetanus.

Теперь начался подъемъ на Нанго-ла по глубокому снѣгу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поверхность его была покрыта льдомъ, а въ другихъ снѣгъ былъ настолько рыхлъ, что мы вязли въ немъ по колѣни. Вскорѣ я такъ истомился, что приказалъ одному изъ кули нести меня, и такимъ образомъ мы достигли вершины перевала. Въ двухъ миляхъ къ западу отъ перевала находится плато Саіонъ-конъ, откуда идетъ прямая дорога въ Янма. Въ разстояніи одной мили ниже этого плато лежитъ мѣстность Саіонъ-хокъ [1]), гдѣ опять начинается растительность, которой затѣмъ постепенно становится все больше, по мѣрѣ движенія вдоль рѣки Лункіонъ-чу. Мы остановились для отдыха на берегу рѣки, подъ большимъ камнемъ, разостлавъ свои шерстяныя одѣяла по высокой сухой травѣ, которая, хотя и не вполнѣ, покрывала неровную каменистую почву.

27-го ноября.

Мы шли внизъ по теченію р. Лункіонъ-чу—это единственная дорога между деревнями Канпа-чань, Янма и Валлунъ. Возвышавшіяся влѣво отъ насъ горы почти скрывались въ утреннемъ туманѣ. Часть нашего пути пролегала по крутой тропинкѣ, заросшей густымъ лѣсомъ пихтъ, перистыхъ лиственницъ и гималайскихъ кедровъ, среди которыхъ я видѣлъ много фазановъ и другихъ птицъ; по словамъ кули, здѣсь водятся также мускусные олени и дикіе бараны.

Не доходя 2 миль до сліянія рѣкъ Янма и Лункіонъ, мы перешли черезъ первую изъ этихъ рѣкъ по деревянному мосту и затѣмъ прибыли въ деревню Тингугма, гдѣ немного отдохнули и подкрѣпили себя пищею.

Вскорѣ послѣ отправленія изъ этого мѣста мы повстрѣчались съ жителями деревни Янма, гнавшими нѣсколько овецъ и дюжину яковъ, нагруженныхъ одѣялами, яковыми кожами, ячменемъ и солью. Они шли въ деревню Чаини, лежащую въ Тамбурской долинѣ, съ цѣлью обмѣнять свой товаръ на рисъ и кукурузу. П'урчунъ спросилъ у нихъ, доступенъ ли еще перевалъ Канла-чэнь. Одни изъ нихъ отвѣчали, что мы свободно можемъ перейти черезъ него, другіе же выражали относительно этого сомнѣніе, такъ какъ нѣсколькими днями раньше на этомъ перевалѣ выпалъ снѣгъ, покрывъ его на 3 фута.

Миновавъ посвященную богинѣ Мамо пещеру Мая-п'угъ, мы пересѣкли небольшое плато, заросшее можжевельникомъ, подъ названіемъ Шугпа-т'анъ

---

[1]) *Хокъ* (или *огъ*) — значитъ „нижній"; *конъ* (или *гонъ*) — „верхній" (W. R.).

(«Можжевельниковая равнина»), и затѣмъ по короткому и крутому подъему взобрались на вершину перевала, откуда открывается прелестный видъ на окружающую мѣстность: позади меня находились скалы красноватаго гранита, походившія на развалины гигантскихъ валовъ, а впереди разстилалась равнина длиною около 2 миль, служившая раньше ложемъ ледника и окруженная снѣжными горами, возвышавшимися одна надъ другою; къ юго-востоку отъ насъ находился перевалъ Нанго-ла, а позади—равнина Сумдонна. Перейдя Цзари-т'анъ («Песчаная равнина») и До-ла («Скалистый перевалъ»), подошву котораго омываетъ рѣка Янма, я къ вечеру достигъ монастыря Янма или Маньдинъ-гомба, расположеннаго на широкой покрытой кустарникомъ террасѣ, лежащей на 40—50 футовъ надъ уровнемъ протекающей тамъ рѣки; здѣсь П'урчунъ нашелъ мнѣ помѣщеніе въ жалкой кельѣ, въ которой я и провелъ ночь. Онъ досталъ нѣсколько штукъ яицъ и немного молока у ламъ; одна изъ монахинь (*ани*) помогала Дао Наичжялу варить пищу, а другая раздувала огонь. Ламы были заняты въ то время ежегоднымъ чтеніемъ Ганьчжура [1]), что занимало у нихъ время отъ 5 часовъ утра до $7^1/_2$ ч. вечера, когда они удалялись въ свои кельи. Здѣсь было 15 монаховъ и 7 монахинь (*ани*).

---

[1]) Ганьчжуръ (bkah-gyur)—„переводъ завѣтовъ" (Будды)—представляетъ собою большой сборникъ каноническихъ буддійскихъ сочиненій, числомъ 1083, которыя были кодифицированы въ Тибетѣ. Въ этотъ сборникъ вошли главнымъ образомъ сочиненія, составленныя индійскими учеными и переведенныя затѣмъ съ санскритскаго и отчасти китайскаго языковъ на тибетскій. Они дѣлятся буддистами на три главныя группы (*трипитака*): 1) правила монашеской жизни (*винаи*), 2) поученія Будды по разнымъ вопросамъ (*сутры*) и мистическій ритуалъ (*тантры*) и 4) метафизика (*абид'арма*), содержащая ученіе о высшемъ разумѣ (*праджня-парамита*). Въ началѣ XVII ст. Ганьчжуръ былъ переведенъ на монгольскій языкъ. Обыкновенно онъ состоитъ изъ 100 или 108 томовъ; нашъ авторъ упоминаетъ еще о дѣленіи на 125 томовъ.

Европейскими учеными Ганьчжуръ изслѣдованъ донынѣ крайне недостаточно. На европейскіе языки изъ него переведены лишь очень немногія сочиненія оріенталистами Foucaux, Kern, Burnouf и Rockhill. Обзоръ содержанія Ганьчжура дали: Csoma de Körös (Analysis of the Kah-gyur etc., Asiatic Researches, v. XX), Я. Шмидтъ (Der Index des Kanjur, St -Pet., 1845), L. Feer (Analyse du Kandjour et du Tandjour, Annales du Musée Guimet. v. II), а также отчасти Rockhill и Huth.

Въ Россіи имѣются 2 экземпляра Ганьчжура: тибетскій въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ и монгольскій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, если не считать экземпляровъ, находящихся у бурятъ и калмыковъ (*ред.*).

Учжѣнь большую часть дня страдалъ сильными болями въ желудкѣ. Теперь онъ завернулся во всѣ одѣяла, которыя я могъ ему удѣлить, и легъ, охая и причитая: «*ачи-чэ апа-оухъ*», такъ что у меня явились сильныя опасенія за него, и я боялся, что его болѣзнь заставитъ насъ задержаться въ этомъ жалкомъ мѣстѣ.

28-го ноября.

П'урчунъ не показывался въ теченіе всей ночи: онъ пьянствовалъ. Утромъ я всталъ въ страшной тревогѣ за то, какъ бы онъ не выдалъ нашихъ плановъ своимъ собутыльникамъ; Учжѣнь раздѣлялъ мои опасенія. Спустя нѣкоторое время явились П'урчунъ и П'уньцо и, усердно кланяясь и высовывая языки, стали просить меня остаться здѣсь на одинъ день. При этомъ П'уньцо увѣрялъ меня, что ему удастся безъ особыхъ затрудненій и уплаты таможенныхъ пошлинъ, носящихъ въ этой части Непала названіе *чуа*, получить для насъ разрѣшеніе продолжать путь. Вскорѣ послѣ этого въ монастырь прибыли мѣстные старшины. Самый богатый изъ нихъ выдѣлялся своею шляпою (tamuski), длинною серьгою и темнокрасною одеждою изъ матеріи *пуругъ* (саржа) [1]). Онъ пріѣхалъ изъ деревни Янма верхомъ на нечистокровномъ якѣ (*чжо*), который, съ сѣдломъ на спинѣ, и стоялъ привязанный къ монастырскимъ воротамъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ результата переговоровъ старшинъ съ моими людьми и, сильно обезпокоенный, возносилъ молитвы къ высшему распорядителю нашихъ судебъ, прося отвратить все, что могло бы имѣть неблагопріятныя послѣдствія для насъ и нашего предпріятія.

Монастырь Маньдинъ-гомба или Нубъ-Маньдинъ-гомба («Западный монастырь летающихъ лѣкарствъ») обязанъ своимъ названіемъ слѣдующему обстоятельству. Одно время здѣсь жилъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, въ пещерѣ, находящейся вблизи урочища Зимп'угъ, лама Лха-цунь [2]) для того, чтобы добыть лѣкарство чудодѣйственной силы, и дѣйствительно ему удалось получить три пилюли. Одна изъ этихъ пилюль упала изъ воздуха на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ монастырь; вторая спустилась немного выше монастыря, именно тамъ, гдѣ въ настоящее время жители деревни сжигаютъ своихъ

---

[1]) *Пуругъ*—это, вѣроятно, неточная транскрипція слова *п'ругъ* (читается *трукъ*), болѣе извѣстнаго въ китайскомъ произношеніи *пуло*. *П'ругъ* означаетъ особую тибетскую ткань, выдѣлываемую кусками обыкновенно въ 9—10 шестифутовыхъ саженъ (по-тибетски *дамба*) длиною и около 14 дюймовъ шириною (W. R.).

[2]) См. выше, стр. 30 (*ред.*)

покойниковъ, и, наконецъ, третья упала въ томъ пунктѣ, гдѣ нынѣ стоитъ большой чортэнь.

Маньдинъ-гомба находится въ большомъ почетѣ, такъ какъ это одинъ изъ наиболѣе древнихъ монастырей, находящихся по южную сторону Гималаевъ; онъ основанъ великимъ красношапочнымъ [1]) ламою Лха-цунемъ; въ этомъ монастырѣ находится прекрасный экземпляръ Ганьчжура въ 125 томахъ. Монастырскій храмъ (*лха-к'анъ* [2]) имѣетъ массивныя и хорошо разрисованныя стѣны и двери, по образцу сиккимскаго *доньпа*. Домики или кельи монаховъ находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ храмомъ; всѣ они размалеваны красною глиной, добываемой въ прилегающихъ къ монастырю горахъ, и имѣютъ неправильную, безобразную форму; двери, окна и карнизы сдѣланы грубо. Каждый домикъ обнесенъ низенькою каменною стѣною, внутри которой находятъ пріютъ овцы и яки.

Спустя нѣкоторое время къ намъ снова пришли П'урчунъ и П'уньцо, довольные результатами своей бесѣды съ деревенскими старшинами. Они сказали этимъ послѣднимъ, что я пилигримъ (*накорпа*), говорящій по-тибетски и одѣвающійся въ костюмъ тибетцевъ. Главный лама сказалъ, что отъ непальскаго правительства онъ не получалъ никакихъ инструкцій о задержаніи пилигримовъ на ихъ пути въ Тибетъ, и что поэтому онъ не станетъ препятствовать мнѣ въ моемъ дальнѣйшемъ пути, тѣмъ болѣе, что я говорю по-тибетски болѣе плавно и правильно, чѣмъ многіе изъ непальцевъ. Старшина деревни (*гопа*) потребовалъ отъ П'урчуна, чтобы онъ подъ своею личною отвѣтственностью поручился въ томъ, что я дѣйствительно путешественникъ, послѣ чего съ нашей партіи взяли пошлину по 8 анна съ человѣка. П'урчунъ сказалъ мнѣ также, что старшина и главный лама намѣрены посѣтить меня, чтобы пожелать счастливаго пути, и предупредилъ меня, чтобы я не забылъ, при обмѣнѣ съ ними любезностей, произнести фразу: «*санпой-чжа-чогъ*», т. е. «да встрѣтимся мы въ будущемъ году» [3]).

---

[1]) Этотъ эпитетъ „красношапочный" присваивается нѣкоторымъ болѣе древнимъ буддійскимъ сектамъ въ Тибетѣ (особенно Ньинма-па), которыя нынѣ почти совершенно оттѣснены на задній планъ послѣдователями желтошапочнаго толка, ведущаго начало отъ Зунхавы (1357—1420 г.). Болѣе подробныя свѣдѣнія о различныхъ буддійскихъ сектахъ въ Тибетѣ будутъ сообщены ниже (*ред.*).

[2]) *Лха-к'анъ*—„божій домъ" (*лха*—„богъ", *к'анъ*—„домъ") (*ред.*).

[3]) Эти слова должны были подтвердить, что путешественники идутъ черезъ непальскія владѣнія лишь на поклоненіе тибетскимъ святынямъ и затѣмъ вернутся, подобно другимъ пилигримамъ, тѣмъ же путемъ на родину. Вообще нужно имѣть въ виду, что доступъ иностранцамъ въ Не-

Вскорѣ прибыли и ожидаемые посѣтители. Старшина, обращавшій на себя вниманіе своимъ костюмомъ, серьгами, сапогами и красной саржевой одеждою, слегка кивнулъ мнѣ головой и снялъ свою шляпу. Онъ спросилъ у меня, почему я выбралъ такое неблагопріятное время года для путешествія въ Тибетъ. Я отвѣтилъ ему, что это заставило меня сдѣлать послушаніе нашему святому и ученому главному ламѣ (*Цавай*), а не мое собственное желаніе. Цѣлью его прихода было узнать, владѣю ли я тибетскимъ языкомъ и знаю ли религію Будды. Плавность, съ которою я говорилъ по-тибетски, и одно или два буддійскихъ изреченія, сказанныя мною въ теченіе нашего разговора, внушили ему высокое мнѣніе какъ о моемъ знаніи священныхъ текстовъ и исторіи, такъ и о моемъ характерѣ и благочестіи. «*Ласо, ласо*» («да, да»)—произнесъ онъ и извинился за то, что не принесъ мнѣ подарка. На это я отвѣтилъ ему, что наше знакомство еще слишкомъ недавно началось, но что на будущее время мы несомнѣнно будемъ его поддерживать. Затѣмъ, вручая ему шарфъ (к'атагъ), я выразилъ надежду, что мы встрѣтимся въ будущемъ году (*санпой-чжа-чогъ*). Многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь пожелали намъ счастливаго пути, но кто-то изъ толпы заявилъ, что я безусловно не тибетецъ; другой началъ клясться, что я индусъ, а кто-то сказалъ, что они скоро получатъ обо мнѣ вѣсти: «Индусъ», говорилъ онъ, «несомнѣнно погибнетъ въ снѣгахъ, и его слуги вернутся назадъ съ извѣстіемъ объ его кончинѣ».

Было уже далеко за полдень, когда я отправился въ дальнѣйшій путь, радуясь тому, что избѣжалъ противодѣйствія со стороны жителей деревни Яима, отъ усмотрѣнія которыхъ всецѣло зависѣла судьба моего предпріятія.

Мы прошли мимо мэньдоновъ и чортэней, находившихся у входа въ монастырь, и затѣмъ направились вверхъ по теченію рѣки Яима, миновавъ небольшое красивое озеро Миза («ѣдящее людей») [1]), покрытое теперь льдомъ. По пути мы видѣли очень высокій чортэнь, извѣстный подъ названіемъ «*т'онва куньдолъ*» («приносящій спасеніе тому, кто его видитъ») [2]); онъ

палъ почти такъ же строго воспрещенъ мѣстнымъ правительствомъ, какъ и въ Тибетъ; однако такое воспрещеніе, повидимому, не распространяется на буддійскихъ пилигримовъ тибетскаго происхожденія, которые лишь проходятъ черезъ непальскую территорію, направляясь изъ сосѣднихъ странъ, напр., Сиккима, въ Тибетъ (*ред.*).

[1]) *Ми*—„человѣкъ"; *за*—„ѣсть" (W. R.).

[2]) *Мт'онъ-ва*—„видѣнный", *кунъ*—„полный"; *гроль* (произносится *долъ*)—„освобожденіе, спасеніе" (W. R.).

былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ починенъ главнымъ ламою округа Валлунъ. Навстрѣчу намъ попалось нѣсколько штукъ дикихъ барановъ (*нао*),

Китайскій пилигримъ на пути въ Лхасу. (*Rockhill, The Land of the Lamas*).

но мы не рѣшились стрѣлять въ нихъ, такъ какъ жители долины рѣки Янма думаютъ, что божества страны и горъ (*ши-бдагъ, ри-лха*) были бы

глубоко оскорблены, если бы кто причинилъ вредъ хотя бы одному изъ этихъ животныхъ.

Около 3 часовъ пополудни показалась деревня Янма [1]), зданія которой можно было узнавать изъ-за раскинутыхъ повсюду скалъ лишь по дыму, поднимавшемуся надъ крышами. Деревня состояла приблизительно изъ сотни домовъ. Вокругъ жилищъ находились поля, обнесенныя низенькими каменными стѣнами. На этихъ поляхъ росли гречиха, ячмень, рѣпа, рѣдька и картофель; кромѣ того, здѣсь можно было достать рисъ, привозимый изъ Янъ-ку-тана и другихъ деревень, находящихся въ долинахъ съ болѣе теплымъ климатомъ.

Деревня Янма была основана тибетцами изъ Таши-рабка, одинъ изъ которыхъ открылъ эту довольно плодородную мѣстность во время поисковъ за пропавшей самкою яка. Имя свое деревня получила вслѣдствіе значительной ширины долины, въ которой она расположена [2]). Мужская часть населенія этой деревни проводитъ время по большей части въ праздности, но зато женщины все время работаютъ; я видѣлъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ молотили зерно, другія собирали топливо, а третьи были заняты различными домашними работами.

Около 5 часовъ пополудни мы покинули эту несимпатичную долину, гдѣ однако, къ слову сказать, П'урчуну и кули очень хотѣлось остаться подольше для того, чтобы продолжать пить чанъ (пиво, вино), хотя П'урчунъ уже и безъ того казался достаточно охмелѣвшимъ. Послѣ часа ходьбы мы достигли мѣстности Ки-п'угъ; здѣсь, подъ нависшими скалами, мы нашли немного не покрытой снѣгомъ земли, гдѣ можно было остановиться на ночь. П'урчунъ остался позади, въ Янма, совершенно пьяный.

29-го ноября.

Дорога шла вдоль по рѣкѣ Янма, которая теперь была едва видна вслѣдствіе того, что снѣгъ и ледъ совершенно сравняли ея русло съ берегами. Ничто не оживляло окружающей мѣстности. Рѣка протекала по глубокому ущелью, которое мѣстами значительно расширялось; возвышавшіяся по обѣимъ сторонамъ рѣки высокія горы, казалось, уходили въ небо. Ни птицы, ни облачка въ небесахъ, ни звука; слышенъ былъ только шумъ отъ нашихъ шаговъ

---

[1]) Эту деревню посѣтилъ также Хукеръ, по словамъ котораго она состоитъ изъ 200—300 жалкихъ каменныхъ лачугъ. Высота ея надъ уровнемъ моря—13.500 фут. См. Hooker, op. cit., I, p. 238. (W. R).

[2]) *Янъ-ма*—значитъ „широкій". (W. R).

по сухому снѣгу. Около 11 часовъ утра мы пришли къ свободному ото льда мѣсту рѣки, гдѣ мы позавтракали и напились чаю. Здѣсь, въ широкой части рѣчной долины, находится любимое лѣтнее пастбище (*цэръ-чань*) пастуховъ племени докпа, которые выгоняютъ сюда стада яковъ въ промежутокъ времени отъ іюля до сентября. Пройдя еще около 3 миль, мы по снѣгу достигли По-п'уга, откуда спускъ сдѣлался круче, но зато былъ менѣе занесенъ снѣгомъ; затѣмъ мы подошли къ Лума-гома («Главный ключъ»), истоку рѣки Янма, и послѣ нетруднаго получасового подъема прибыли къ Цацаму [1]), гдѣ уже исчезаетъ растительность. Здѣсь намъ пришлось взбираться на огромный глетчеръ, шириною въ $^1/_4$ мили и болѣе 3 миль въ длину; этотъ глетчеръ носитъ названіе Чянъ-чубъ-чжя-ламъ («Большая дорога къ святости»); черезъ этотъ глетчеръ меня несъ на плечахъ П'урчунъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ былъ очень глубокъ. Затѣмъ мы стали карабкаться на огромныя голыя черныя скалы (*Цзама-нагмо*), и темнота застигла насъ прежде, нежели мы добрались до «Бѣлой пещеры» (*П'угпа-карпо*), гдѣ мы предполагали провести ночь. Но, къ нашему несчастію, поднялся сильный туманъ, усилившій темноту ночи; наши ноги начали цѣпенѣть отъ холода, и мы часто попадали въ разсѣлины между скалъ. Убѣдившись въ невозможности достигнуть пещеры, мы расчистили снѣгъ между скалами; затѣмъ я усѣлся, охвативъ руками колѣни, и въ такомъ положеніи провелъ долгую ночь. Истощенные дневнымъ переходомъ и борьбою съ разрѣженнымъ воздухомъ и сильнымъ холодомъ, мучимые голодомъ и жаждою, мы были въ ужасномъ состояніи, которое нелегко поддается описанію. Одно воспоминаніе объ этой страшной ночи заставляетъ меня даже и теперь дрожать, но зато тѣмъ болѣе утѣшаетъ меня сознаніе достигнутаго при такихъ условіяхъ успѣха. Это была одна изъ самыхъ мучительныхъ ночей, какую я только запомню. Дулъ легкій вѣтеръ, сопровождавшійся влажнымъ снѣгомъ, который, къ счастью, плотнѣе прижималъ ко мнѣ одѣяло. И такъ, безъ пищи и питья, заброшенные въ холодную и мрачную область снѣговъ, настоящее жилище смерти, мы провели эту крайне тягостную ночь.

30-го ноября.

Кули снова взвалили на плечи свои тюки, и нашъ проводникъ самымъ торжественнымъ голосомъ началъ произносить мантру: «*Пэма-чжунъ-нэ самба дуба*» и другія. Утро было прекрасное, солнечное; передъ нами сіяла величественная гора Канла-чэнь, залитая золотыми лучами солнца. Къ счастію для

---

[1]) *Рца*—„трава"; *мцамсъ*—„пограничная линія, граница" (W. R.).

насъ, на этотъ разъ свѣжаго снѣга на дорогѣ не было; въ противномъ случаѣ, мы были бы не въ состояніи продолжать путь. Оказалось, что мы находились въ разстояніи не болѣе одной стадіи отъ П'угпа-карпо, которая, кстати сказать, представляетъ собою не пещеру, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а лишь разсѣлину между двумя отдѣльными скалами. Нашъ проводникъ, передавъ поклажу своему зятю, пошелъ впередъ, пробуя на каждомъ шагу палкою рыхлый снѣгъ и оставляя за собою глубокіе слѣды.

Вершина перевала отстоитъ отъ Бѣлой пещеры къ востоку на двѣ мили пути. У самой подошвы спуска находится небольшая песчаная равнина, по срединѣ которой лежитъ огромный обломокъ скалы; это мѣсто называется «Торпа-ганъ», что значитъ: «Мѣсто спасенья»; оно названо такъ потому, что, разъ путешественникъ достигъ этого пункта, онъ можетъ быть увѣренъ, что достигнетъ и вершины горнаго перевала.

Я все время шелъ по слѣдамъ своего проводника и не позволялъ ему брать себя на плечи, ибо подняться на вершину Канла-чэнь безъ посторонней помощи льстило моему самолюбію. Здѣсь Учжѣнь положительно отказался идти далѣе, и мнѣ стоило труда убѣдить П'урчуна взять его къ себѣ на спину, такъ какъ ихъ взаимныя отношенія были далеко не дружественныя. Черезъ часъ мы съ большимъ трудомъ достигли наконецъ вершины Канла-чэня. Небо было безоблачно, ярко-синяго цвѣта, что рѣзко оттѣняло его отъ снѣжнаго покрова горъ. Вдали, надъ покрытыми снѣгомъ вершинами, въ сѣверо-западномъ направленіи вызвышались горы П'урчугъ въ Тибетѣ, а къ западу виднѣлись величественныя возвышенности области Шаръ-К'амбу.

Вершина Канла-чэня представляетъ собою плато длиною съ востока на западъ въ 2 мили и шириною съ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ въ $1^1/_4$ мили; оно имѣетъ наклонъ къ западу, а съ сѣверо-запада ее окаймляютъ довольно высокія горы. Наши снѣговые сапоги (*кяръ*) оказались намъ теперь крайне полезными, и мы очень сожалѣли, что у насъ было ихъ всего лишь три пары, такъ что П'урчунъ и я должны были идти по глубокому снѣгу по слѣдамъ другихъ, часто скользя и рискуя провалиться въ глубокую разсѣлину. Кругомъ ничего не было видно, кромѣ цѣлаго океана снѣга; безчисленныя снѣговыя вершины своими бѣлыми головами, казалось, касались свинцоваго неба, усѣяннаго звѣздами. По временамъ до нашего слуха доносился грохотъ отдаленныхъ снѣжныхъ обваловъ, но перейдя черезъ высочайшій снѣжный перевалъ, я находился въ такомъ радостномъ настроеніи, что грохотъ этотъ меня вовсе не пугалъ.

Чудныя картины этой страны чудесъ—самыя величественныя изъ тѣхъ, которыя когда-либо мнѣ приходилось видѣть,—плѣняли меня такъ сильно,

что я даже теперь не нахожу словъ для вѣрнаго ихъ описанія; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ наполняли меня чувствомъ глубокой благодарности Небу, милосердію котораго я былъ обязанъ сохраненіемъ своей жизни.

Мы расположились на скалѣ, не покрытой снѣгомъ; уже вторую ночь мы проводили безъ всякаго питья, утоляя голодъ лишь сухарями. Къ довершенію бѣды, Учжѣнь все еще былъ совершенно боленъ, и мнѣ пришлось уступить ему половину своей одежды, такъ какъ у него съ собою ничего не было. Лечь было намъ положительно негдѣ, и мы провели ночь

Ледники перевала Канла-чэнь.

сидя, прижавшись какъ можно крѣпче другъ къ другу и оградивъ себя тюками, чтобы предупредить возможность паденія въ пропасть во время сна.

1-го декабря.

Еще не начало разсвѣтать, когда всѣ мы были уже на ногахъ и укладывались въ дорогу. Дорога была едва замѣтна; ниже тропинки, по которой намъ нужно было идти, лежалъ большой глетчеръ, тянувшійся на нѣсколько миль; этотъ глетчеръ питаетъ водою рѣку Таши-рабка. Снѣжные

склоны возвышающихся надъ нимъ горъ были изборождены ледяными потоками, которыя рѣзко выдѣлялись своимъ синимъ и зеленымъ цвѣтомъ на снѣговомъ фонѣ; поверхность самаго глетчера была усѣяна тамъ и сямъ округлыми ледяными возвышеніями, образованными, очевидно, обломками скалъ, скрывавшимися подъ льдомъ. Слѣдуя осторожно за П'урчуномъ, мы перешли черезъ шесть уваловъ горнаго хребта Дорчжэтаг'ъ, и здѣсь мы вышли на болѣе легкую дорогу и направились внизъ по центральной моренѣ стараго глетчера, отъ котораго теперь оставались только груды обломковъ и каменьевъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, горы теряли свой бѣловатый цвѣтъ, свойственный индійскимъ горнымъ цѣпямъ, и принимали черноватый или охровый цвѣтъ, которымъ вообще отличается Тибетъ. Мы почувствовали величайшее облегченіе, когда наконецъ увидѣли растительность и услышали журчаніе небольшой рѣчки, вблизи которой летали птицы, которыя питались ягодами рододендроновъ и можжевельника. Нѣсколько далѣе мы увидѣли стада яковъ и дымъ, поднимавшійся отъ костровъ пастуховъ. Мы остановились здѣсь у подошвы большой скалы и были рады снова отвѣдать послѣ двухдневнаго поста риса и чая съ масломъ.

Мы продолжали свой путь по теченію рѣки, при чемъ не безъ опасенія прошли мимо громаднаго яка-быка (*шалу*), хотя онъ находился за каменной оградою, которая отдѣляла его отъ яковъ-самокъ (*ди*), пасшихся по близости. Эта часть долины часто посѣщается стаями волковъ, которые массами истребляютъ яковъ; только быкамъ удается прогонять ихъ длинными острыми рогами.

Въ 3 часа пополудни мы прибыли въ Цзонго, конечный пунктъ области Таши-рабка, гдѣ находятся развалины каменнаго дома, построеннаго на большой скалѣ. Прежде здѣсь была станція, гдѣ обыкновенно останавливались подданные Сиккимскаго рачжи, направляясь въ Тибетъ или возвращаясь оттуда, въ тѣ времена, когда области Яима и Валлунъ принадлежали еще этому рачжѣ. Близъ этого мѣста мы встрѣтили нѣсколькихъ пастуховъ, которые спросили насъ, откуда и куда мы идемъ. Неподалеку находились ихъ палатки, возлѣ которыхъ я замѣтилъ двухъ смуглыхъ женщинъ и свирѣпую тибетскую собаку. П'урчунъ вошелъ въ одну изъ палатокъ и сѣлъ, чтобы покалякать и выпить чашку другую *тара* (родъ жидкой простокваши) [1]).

---

[1]) *Тара* или *таракъ* приготовляется изъ сѣвшагося молока, которое слегка кипятятъ, постоянно помѣшивая его при этомъ. Это—любимое кушанье во всемъ Тибетѣ и Западной Монголіи, въ которой оно извѣстно

Учжѣнь сильно безпокоился, пройдемъ ли мы безъ препятствій мимо деревни Таши-рабка и избѣжимъ ли встрѣчи съ ея старшиною *(Тонзунпа)*. Около 6-ти часовъ пополудни мы уже были недалеко отъ деревни и рѣшили до наступленія сумерекъ спрятаться въ оврагѣ, гдѣ мы сварили себѣ чай и поѣли цамбы. Когда мы рискнули отправиться въ дальнѣйшій путь, на небѣ уже ярко сіяла луна. Мы прошли мимо части высокой каменной стѣны, воздвигнутой тибетцами во время войны съ непальцами, когда, какъ говорятъ, они въ одинъ день построили эту стѣну на протяженіи пяти миль, по приказу своего генерала *шапэ* [1]) Шата. Эта стѣна проходитъ черезъ рѣку по мосту, на которомъ сооружено восемь небольшихъ сторожевыхъ башенъ. Она пересѣкаетъ всю равнину, и концы ея находятся довольно высоко на склонахъ горъ. У противоположнаго конца стѣны лежитъ деревня.

Учжѣнь и П'урчунъ стояли, дрожа всѣмъ тѣломъ и не зная, вернуться ли обратно, къ Канлачэньскому перевалу, или идти впередъ, по направленію къ чортэню, вблизи котораго живетъ старшина. Одинъ лишь П'уньцо оставался спокойнымъ. «Если стража бодрствуетъ», сказалъ онъ: «мы запоемъ національную пѣсню валлунцевъ, и такимъ образомъ насъ примутъ за жителей деревни Валлунъ».

Послѣ нѣсколькихъ ободрительныхъ словъ, сказанныхъ мною оробѣвшимъ спутникамъ, мы отправились дальше. Прежде, нежели мы достигли чортэня, послышался голосъ изъ палатки, сдѣланной изъ шерсти яковъ: «Откуда вы и куда идете?» На этотъ вопросъ П'уньцо отвѣтилъ, что мы— жители деревни Валлунъ и идемъ въ Шигацэ, при чемъ онъ, въ свою очередь, спросилъ, куда идутъ они сами; не дожидаясь однако отвѣта, мы поспѣшили впередъ и прошли мимо дома грознаго старшины, не разбудивъ никого; не потревожились даже свирѣпыя собаки, привязанныя передъ домомъ.

Пройдя ярдовъ 30, мы вошли на мостъ, представлявшій грубое сооруженіе изъ длинныхъ бревенъ, укрѣпленныхъ на каменныхъ устояхъ. Рѣка Таши-рабка у береговъ была покрыта льдомъ, а по ея быстрому теченію неслись глыбы

подъ названіемъ *таракъ*. Обыкновенно, это кушанье подается передъ обѣдомъ. Въ восточномъ Тибетѣ и Куку-норѣ оно извѣстно подъ именемъ djo (произносится *шо*). Это то же самое, что въ Турціи и у народовъ балканскихъ государствъ извѣстно подъ названіемъ „яуртъ" (W. R.).

[1]) *Шапэ* — это титулъ, даваемый въ разговорѣ министрамъ (*калонъ*) Далай-ламы. Возможно, что это слово произошло отъ *gshagв*—„справедливость" и *dpe*—„образецъ, примѣръ", хотя въ настоящее время оно пишется *shape* (W. R).

*

льда. Мы перешли, никѣмъ не замѣченные, и я первый нарушилъ молчаніе благодареніями милосердному Богу, помогшему намъ избавиться отъ столь грозной опасности, которая приводила въ ужасъ моего вѣрнаго П'урчуна, не страшившагося ранѣе даже снѣговъ Канлачэньскаго перевала.

Мы шли по берегу рѣки по направленію къ востоку, встрѣтивъ по дорогѣ двухъ бѣдныхъ торговцевъ (*чжягаръ к'амба*) [1]), шедшихъ въ деревню Валлунъ съ цѣлью продажи тамъ убитаго ими дикаго барана (*нао*). Затѣмъ мы прибыли въ деревню Ри-у, гдѣ находится большой монастырь секты Ньинма, а затѣмъ въ трехъ миляхъ отъ него увидѣли мостъ, перекинутый черезъ два рукава рѣки. Время уже приближалось къ полуночи, когда мы достигли песчанаго холмика, называемаго Шара, гдѣ и остановились на ночлегъ, расположившись въ овечьемъ хлѣву, близъ котораго ночевали также два охотника съ гончей собакой (*шяк'и*).

2-го декабря.

Съ восходомъ солнца мы двинулись въ дальнѣйшій путь и черезъ часъ увидѣли деревню Гума-Шара, расположенную у подножія горной цѣпи, тянущейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Оставивъ эту деревню въ нѣсколькихъ миляхъ вправо (?) отъ себя, мы повернули немного къ сѣверу и направились къ перевалу Ланбу-ла. На обширной равнинѣ, по которой мы шли, не было видно ни души; щебетали лишь небольшія птички, похожія на ласточки, да нѣсколько коршуновъ парили высоко въ небѣ вблизи Гума-Шара. Мы постепенно шли вверхъ, пока не достигли подножія перевала, откуда пришлось подниматься на его вершину по дорожкѣ, высѣченной зигзагами въ скалахъ, вся поверхность которыхъ была исписана мистическими слогами: «*Омъ-мани-падмэ-хумъ*». Я такъ утомился этимъ подъемомъ (около 700 футовъ надъ уровнемъ плато), что П'уньцо долженъ былъ донести меня на плечахъ; Учжѣнь совершилъ весь подъемъ на спинѣ П'урчуна, такъ какъ онъ все еще чувствовалъ себя очень слабымъ и не могъ поспѣвать за нами. Съ вершины перевала прямо на сѣверъ отъ себя мы увидѣли монастырь Лхак'а секты сакья, построенный на высокомъ пикѣ, а къ западу снѣжныя вершины высокихъ горъ П'эругъ.

На сѣверномъ склонѣ Ланбу-ла мы нашли очень много наноснаго песку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ подошвы перевала мы наткнулись на источникъ рѣки Гэ [2]), гдѣ встрѣтили партію скупщиковъ риса (*дадубпа*), шед-

---

[1]) *Чжягаръ к'амба* — значитъ „индійскій к'амба"; вѣроятно, то же, что у Хукера (op. cit.,I, p. 136) „сиккимскій к'умба"; см. также гл. IV (W. R.).

[2]) Р. Гэ—небольшой потокъ, впадающій въ значащуюся на нашихъ картахъ рѣку Тая-цанъ-по (W. R.).

шихъ въ деревню Таши-рабка съ дюжиною яковъ и нѣсколькими ослами съ цѣлью купить рису у торговцевъ изъ Валлуна. Пока П'урчунъ бесѣдовалъ съ однимъ изъ нихъ, оказавшимся его старымъ знакомымъ, мнѣ удалось пройти мимо, не обративъ на себя ихъ вниманія; если бы они заговорили со мною, они, несомнѣнно, узнали бы мою національность по внѣшнему виду и рѣчи.

Идя далѣе, мы встрѣтили другую партію загорѣвшихъ тибетцевъ, въ которой находились женщины, обращавшія на себя вниманіе своими голов-

Молитва: „омъ-мани-падмэ-хумъ", высѣченная на камнѣ тибетскими буквами. (*S. C. Rijnhart, With the Tibetans in Tent and Temple*).

ными уборами (*патугъ*). Ихъ покрытыя грязью лица, ихъ бѣлые зубы и выпуклые бѣлки глазъ придавали имъ видъ настоящихъ дикарокъ. Перейдя рѣчку по мосту, состоявшему изъ двухъ каменныхъ глыбъ, мы направились по долинѣ, которая постепенно расширялась по мѣрѣ нашего движенія, и наконецъ мы очутились на плато въ нѣсколько миль шириною; здѣсь упомянутая рѣчка поворачиваетъ къ западу и, вѣроятно, впадаетъ тамъ въ большую рѣку Арунь. Тутъ П'урчунъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ находится большой подземный монастырь [1]), главный храмъ котораго (*Цугла-к'анъ*) высѣченъ въ огромной

[1]) Въ этой мѣстности Учжѣнь-чжяцо посѣтилъ въ 1883 г. другую отшельническую обитель, высѣченную въ скалѣ въ пунктѣ, называемомъ

скалѣ. Въ этомъ монастырѣ обитаетъ 20 человѣкъ. Говорятъ, что вся храмовая утварь и изображенія божествъ относятся къ глубокой древности.

Перейдя вбродъ небольшую рѣчку Тибчжю-чу, вытекающую, какъ говорятъ, изъ перевала Чабугъ-ла, мы пошли въ восточномъ направленіи и миновали небольшую деревню Вэна, въ разстояніи одной мили отъ которой находится деревня Чани, гдѣ живетъ семья Чюгпс-мэпанъ («богатые люди, которые никогда не отвѣчаютъ: нѣтъ»). Когда мимо этой мѣстности проходятъ путешественники и спрашиваютъ этихъ «богатыхъ людей» (*чюгпо*) [1]), нѣтъ ли здѣсь той или иной вещи, послѣдніе никогда не даютъ отрицательнаго отвѣта. Однажды въ августѣ какой-то путешественникъ, слышавшій разсказы объ этой семьѣ, пожелалъ ихъ провѣрить и съ этою цѣлью попросилъ хозяйку дать ему немного льда; та немедленно вынула кусокъ его изъ боченка. Въ другомъ случаѣ путешественникъ попросилъ въ февралѣ перцу, и хозяйка тотчасъ исполнила эту просьбу.

3-го декабря.

Въ разстояніи одной мили отъ мѣста нашего послѣдняго ночлега мы наткнулись на небольшую рѣчку въ 15 футовъ въ ширину, текущую въ сѣверо-восточномъ направленіи. Мы выбрали самое мелкое мѣсто, черезъ которое П'урчунъ перешелъ вбродъ, неся меня на спинѣ. Изъ этой рѣчки были проведены оросительные каналы на сосѣднія поля, засѣянныя ячменемъ. Въ 7 часовъ мы остановились на привалѣ (*докъ*) [2]) Поле, по срединѣ равнины, простирающейся, вѣроятно, на десятокъ миль съ востока на западъ и ограниченной на сѣверѣ рѣкою Арунь. Здѣсь было нѣсколько овечьихъ загоновъ, которые были обнесены стѣнами въ 6—7 ф. вышины и 2 фута толщины, сложенными изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ. По угламъ загоновъ находились похожіе на башенки домики, въ которыхъ укрывались отъ непогоды пастухи. Здѣсь мы наняли 2 яковъ за плату въ

Кьилъ-к'оръ-та-дубъ, въ 10 миляхъ отъ монастыря Шэкаръ-гомба, у подножія перевала Лама-ла. Длина обители около 1/4 мили; по преданію, въ ней жилъ Падма Самб'ава. См. „Report on Explorations in Bhutan, etc.", p. 20, § 20 (W. R.).

[1]) Пишется *phyug-po*; *мэ* (отъ *мэдъ*) — „не" (W. R.).

[2]) Пишется *hbrog* и обыкновенно произносится *дру*, *ду* или *до*. Это слово входитъ въ составъ названія *дона* или *друна*, примѣняемое одинаково ко всѣмъ пастушескимъ племенамъ, которыя употребляютъ это слово въ значеніи «домъ, жилище, палатка» (W. R.).

одну таньку [1]) за каждаго, чтобы доѣхать до деревни Тэбонъ, отстоявшей въ 6 или 7 миляхъ. Вся равнина была покрыта терновникомъ, среди котораго росла прекрасная высокая трава, на которой паслись яки-самки и чжо (помѣсь яковъ), и изъ которой при нашемъ приближеніи выбѣжало множество лисицъ и зайцевъ.

На полпути между Поле и деревнею Тэбонъ, на склонѣ горъ лежитъ деревня Мугъ, въ которой живетъ около 40 семействъ (*мицанъ*). Прежде

Саратъ Чандра Дасъ верхомъ на якѣ переходитъ черезъ перевалъ Доньк'ья (на границѣ Сиккима и Тибета).

нежели мы дошли до деревни Тэбонъ—первой деревни, лежащей по этой дорогѣ на территоріи, подвѣдомственной Ташилхуньпо—намъ пришлось перейти сухое русло рѣки Чортэнь Ньима, составляющей границу этой территоріи съ Непаломъ. Здѣсь я уже проходилъ во время своего перваго путе-

---

[1]) Три тибетскія таньки соотвѣтствуютъ по цѣнности одной рупіи. Въ Тибетѣ обращается 4 вида танька: два непальской чеканки и 2 лхасской; лучшій видъ извѣстенъ подъ названіемъ *Гадань танька* и чеканится въ крѣпости Гадань. (W. R.).

шествія въ Шигацэ въ 1879 году [1]). Вблизи этого мѣста мы попали въ сильный вихрь, несшій громадное количество пыли, которая скрыла отъ нашихъ глазъ всю мѣстность и принудила насъ пріостановить на время наше путешествіе.

Съ момента, когда мы вступили на территорію Ташилхуньпо, всѣ мои опасенія быть задержанными разсѣялись, и я съ облегченнымъ сердцемъ вошелъ въ деревню Танлунъ [2]). Черезъ часъ я уже подходилъ къ двери дома моего стараго знакомаго набу [3]) Ванга, который съ особеннымъ уваженіемъ ввелъ меня въ лучшую комнату своего жилища, извиняясь, что онъ не можетъ помѣстить меня въ своей домашней часовнѣ, которая на этотъ разъ была заполнена овечьими и козьими тушами, сушившимися тамъ для зимняго употребленія.

4-го декабря.

Рано утромъ къ намъ вошелъ нашъ хозяинъ и спросилъ, что изъ съѣстныхъ припасовъ намъ потребуется для дороги; Учжѣнь далъ ему списокъ, въ которомъ, между прочимъ, значилась баранина, ячменная мука (*цамба*), масло и проч. Набу Ванга взялся также доставить 3 лошади съ платою по 4 рупіи за каждую до Шигацэ. Во время завтрака ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ съ подарками, состоявшими изъ цамбы, баранины, масла и пива (*чанъ*). Какой-то лѣкарь (*амчи*) принесъ мнѣ лисью шапку любопытной формы и предложилъ мнѣ купить ее. Она была сшита такъ искусно, что закрывала всю голову, за исключеніемъ глазъ и носа; но ее можно было сложить и употреблять, какъ обыкновенную шапку [4]).

Вечеромъ того же дня Дэлахъ Тоньдубъ, начальникъ милиціи или деревенской полиціи (*юлмагъ*) [5]), получилъ изъ К'амба-цзона письменный приказъ, который онъ и принесъ мнѣ для прочтенія. Въ этой бумагѣ пред-

---

[1]) Въ 1879 г. Саратъ Чандра Дасъ перешелъ Чортэнь-Ньима-ла, вѣроятно, 20—30 милями южнѣе деревни Тэбонъ, которую онъ въ то время называлъ Т'эконъ. Онъ прослѣдовалъ по рѣкѣ Чортэнь-Ньима отъ ея истоковъ въ горахъ того же названія почти до устья близъ Тэбонъ, гдѣ его маршрутъ совпалъ съ маршрутомъ описываемаго здѣсь путешествія (W. R.)

[2]) Правильнѣе Дранъ-лунъ, такъ какъ Саратъ Чандра Дасъ въ своемъ дневникѣ за 1879 г. переводитъ это названіе: «холодная долина» (W. R.).

[3]) *Набу* или, правильнѣе, *набо* значитъ «хозяинъ, помѣщикъ».

[4]) Это обыкновенная монгольская мѣховая шапка, очень распространенная и въ Тибетѣ (W. R).

[5]) См. главу VII.

писывалось начальнику полиціи быть готовымъ двинуться къ пограничному пункту Лачань съ подчиненною ему военною силою въ полномъ вооруженіи—съ кремневыми ружьями, копьями, мечами, пращами и т. п., въ виду того, что «къ тибетской границѣ приближается очень важный европейскій чиновникъ, делегатъ бенгальскаго губернатора. Свѣдѣніе объ этомъ получено отъ пограничной стражи, вслѣдствіе чего необходимо спѣшно принять всѣ мѣры предосторожности». Я сказалъ ему, что упомянутый въ бумагѣ чиновникъ—по всей вѣроятности, капитанъ Харманъ, служащій въ топографическомъ отдѣлѣ (Survey Department), при чемъ оказалось, что начальникъ полиціи познакомился съ Хармановъ еще въ прошломъ году въ Тангу, близъ Лачаня.

5-го декабря.

Какъ только наши приготовленія были завершены и у дверей показались лошади, мы поспѣшили окончить нашъ утренній завтракъ. Какъ разъ въ это время изъ овчарни, находившейся близъ нашего дома, гнали около 50 овецъ на бойню, расположенную за деревней. Мясники, прежде чѣмъ убить животное, произносятъ надъ каждымъ нѣсколько мантръ; въ видѣ добавочной награды за свой трудъ они получаютъ головы убитыхъ животныхъ.

Слѣдуя по той же самой дорогѣ, по которой я ѣхалъ въ 1879 году, мы оставили деревню Мэньдэ [1]) влѣво отъ себя и, перейдя нѣсколько замерзшихъ потоковъ, пришли въ деревню Тарчжѣ, гдѣ остановились въ домѣ одного старика, пригласившаго насъ къ себѣ въ надеждѣ получить отъ меня лѣкарство отъ диспепсіи, которою онъ страдалъ. Онъ повелъ насъ въ кладовую, гдѣ находились ячмень, шкуры яковъ, земледѣльческія орудія и т. под. Онъ занимался выдѣлкою шерстяныхъ одѣялъ, и я купилъ у него одно изъ нихъ за 2 рупіи. Жители деревни, узнавъ о моей покупкѣ, принесли мнѣ нѣсколько штукъ самыхъ лучшихъ ковровъ, но запросили за нихъ такую цѣну, что я не могъ купить ни одного.

---

[1]) Въ дневникѣ путешествія 1879 г. авторъ пишетъ: «Красивая деревня Мэньдэ... У деревни находится садъ съ цвѣтами, но въ немъ имѣются также карликовыя ивы, хилыя березы и можжевельникъ». Тамъ же говорится, что Тарчжѣ лежитъ на р. Яру-цанъ-по (на нашихъ картахъ Тая-цанъ-по). *Яру-цанъ-по*, вѣроятно, мѣстное названіе верхняго теченія р. Арунь. *Тая-цанъ-по* — можетъ быть, *Тарчжѣ-цанъ-по* („рѣка деревни Тарчжѣ") (W. R.).

6-го декабря.

Къ своему удовольствію, я узналъ отъ моего хозяина, что министромъ свѣтскихъ дѣлъ (*Кябъ-винъ*) [1]) Западнаго Тибета (провинціи Цанъ) былъ въ то время П'эньди К'ансаръ, которому я былъ очень хорошо извѣстенъ. Мой хозяинъ и его жена явились ко мнѣ съ просьбою дать имъ лѣкарства, и я приготовилъ для старика шипучій напитокъ, который онъ съ трудомъ выпилъ.

«О, сэръ», воскликнулъ онъ: «это лѣкарство кипѣло и пѣнилось, даже проходя чрезъ горло; оно, должно быть, обладаетъ большою чудодѣйственною силой! Никогда въ жизни я не пилъ подобнаго лѣкарства и даже не слыхалъ о немъ прежде!» Всѣ присутствовавшіе съ удивленіемъ говорили: «Этотъ *амчи*—чудотворецъ (*тулпа*): его лѣкарство кипитъ въ холодной водѣ». Такимъ образомъ слава обо мнѣ прошла далеко.

Перейдя черезъ перевалъ Яру-ла, мы направились къ деревнѣ Курма, но, не доходя до нея, должны были перейти черезъ русло замерзшей рѣки [2]), что оказалось довольно затруднительнымъ. Вблизи деревни на поляхъ мы увидѣли стада дикихъ ословъ (*кянъ*), козъ (*рачжіо*) и барановъ (*нао*). Въ Курма мы остановились въ домѣ одного лѣкаря, хорошо знакомаго П'урчуну; этотъ послѣдній принесъ ему разныя лѣкарства, которыя амчи въ прошломъ году просилъ купить ему въ Дарджилингѣ. Такъ какъ весь бывшій у насъ запасъ мяса истощился, то Учжѣнь купилъ овечью тушу (*пагра*). Если овца очень жирна, мѣстные жители для того, чтобы при снятіи шкуры не потерять хотя бы немного жира, жарятъ ее цѣликомъ такъ же, какъ жарится у нихъ свинья [3]).

---

[1]) Вѣроятно, *Khyab-drang* — «всемогущій»; титулъ этотъ очень употребителенъ въ Тибетѣ (W. R.).

[2]) Это рѣка Чэ-чу (Чи-чу) или великая Арунь. Курма, по словамъ дневника за 1879 г., представляетъ собой „городъ племени докпа съ населеніемъ въ 600 семей...Всѣ запасы доставляются сюда изъ Шигацэ“ (W. R.)

[3]) Отсюда и происходитъ названіе *пагра* (*п'агъ*—„свинья“, *ра*—„козелъ“). По словамъ автора, овецъ жарятъ живьемъ, но Рокхиль думаетъ, что это ошибка, тѣмъ болѣе что ему никогда не приходилось слышать, чтобы въ Тибетѣ мясо жарили. Авторъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ лишь сказать, что убитыхъ овецъ варятъ, не снимая съ нихъ шкуры. То же дѣлаютъ и монголы, бросая убитыхъ (по словамъ нѣкоторыхъ, живыхъ) овецъ въ кипятокъ. Подобныя туши монголы продаютъ зимою замороженными въ Пекинѣ; онѣ извѣстны у китайцевъ подъ названіемъ *танъ-янъ* („обваренныя овцы“). Ср. Markham, Narrative of the Mission of Geo. Bogle, p. 86 (W. R.).

7-го декабря.

Оставивъ деревню Курма рано утромъ, мы прибыли въ деревню Яго (Ia-go) [1]) около 6 часовъ пополудни, гдѣ остановились въ домѣ одного очень богатаго фермера, уплативъ ему за постой (*нала*) одну таньку. Я чувствовалъ себя весьма плохо въ продолженіе всего истекшаго дня, но П'урчунъ посовѣтовалъ мнѣ не говорить объ этомъ никому, такъ какъ въ этой мѣстности имѣютъ обыкновеніе не пускать въ домъ больныхъ.

8-го декабря.

Около 10 часовъ утра мы достигли деревни Тамаръ [2]), находящейся въ долинѣ р. Рэ-чу, которая густо усѣяна мелкими поселками.

Большія стаи голубей и ласточекъ носились надъ полями. Учжѣнь говорилъ мнѣ, что голуби причиняютъ большое безпокойство жителямъ, которые не могутъ ихъ убивать, ибо жизнь животныхъ считается священною [3]).

Мы прошли мимо холма, на которомъ расположенъ монастырь Рэчжинь-пай [4]), и около 2 часовъ пополудни прибыли въ деревню Лабранъ-докпа, но, найдя тамъ всѣ дома запертыми, двинулись дальше черезъ перевалъ Намбу-ла [5]) къ деревнѣ Намбу, гдѣ и остановились у одного изъ пріятелей П'урчуна.

9-го декабря.

Мы встали въ 3½ часа утра и одѣлись въ самое лучшее платье, такъ какъ сегодня должны были прибыть въ Ташилхуньпо. Здѣсь было очень много путешественниковъ; по дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько партій торговцевъ съ яками и ослами, а равно съ нагруженными баранами; они шли въ Шигацэ или возвращались оттуда. День былъ холодный; дулъ легкій вѣтеръ. Я то ѣхалъ, то шелъ пѣшкомъ. Хотя путешествіе меня изнурило,

---

[1]) На нашихъ картахъ—Ya-go. Въ дневникѣ за 1879 г. авторъ говоритъ, что эта деревня лежитъ на границѣ Западнаго Тибета и области Лхасы и причисляется къ этой послѣдней (W. R.).

[2]) На нашихъ картахъ Тагмаръ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что эта деревня состоитъ изъ 200 домовъ (W. R).

[3]) Буддизмъ, принявъ теорію метемпсихозы (переселеніе душъ), объявилъ грѣхомъ лишеніе жизни какого бы то ни было живого существа (*ред.*).

[4]) На нашихъ картахъ Bra-gyin pa gomba (W. R.).

[5]) На нашихъ картахъ Ngambu dung la; высота 14.800 футъ, но въ своемъ дневникѣ за 1879 г. Саратъ Чандра Дасъ даетъ цифру 13.500 футъ; по его словамъ, спускъ съ сѣверной стороны очень крутъ (W. R.).

но я находился въ прекрасномъ настроеніи благодаря успѣху, который донынѣ мнѣ неизмѣнно сопутствовалъ.

Не то было съ Учжѣнемъ: онъ былъ боленъ и крайне раздражителенъ; жителей Танъ-луна, у которыхъ мы наняли лошадей, онъ сильно бранилъ, но тѣ терпѣливо слушали его. Въ 9 часовъ утра мы прошли черезъ деревню Чута, а еще черезъ часъ прибыли въ деревню Чжонъ-Лугури[1]), гдѣ меня весьма любезно встрѣтилъ Лобдонь-пути, у котораго я останавливался во время путешествія 1879 года. Я съѣлъ пару яицъ и выпилъ нѣсколько чашекъ чаю; затѣмъ мы снова сѣли на своихъ лошадокъ, расплатились и отправились въ Ташилхуньпо, куда прибыли около 4½ часовъ и вошли черезъ западныя ворота, у которыхъ стоятъ два чортэна[2]).

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ авторъ называетъ эту деревню *Лугури-чжонъ*.

[2]) Въ первый разъ Сарать Чандра Дасъ былъ въ этомъ городѣ 7-го іюля (нов. ст.) 1879 г. (W. R.).

ГЛАВА II.

Пребываніе въ Ташилхуньпо [1]).

Мы вошли въ монастырь Ташилхуньпо черезъ небольшія западныя ворота, передъ которыми стоятъ два чортэня: одинъ очень большой, съ позолоченнымъ шпицемъ, другой поменьше, но прекрасно сдѣланный. Путь мой шелъ по узкому переулку, по обѣимъ сторонамъ котораго тянулись высокія строенія; я шелъ мѣрными шагами и съ серьезнымъ выраженіемъ лица, какъ это подобаетъ всѣмъ, кто носитъ духовную одежду. Лучи заходящаго солнца отражались на позолоченныхъ шпицахъ домовъ и гробницъ и производили весьма очаровательный видъ [2]).

Министръ, какъ я узналъ отъ его главнаго повара (*мачэнь*) [3]), съ которымъ я встрѣтился, уѣхалъ въ Донцэ, свой родной городъ, но онъ предварительно отдалъ приказаніе помѣстить меня до его возвращенія въ Таргодъ-чьи-к'анъ.

---

[1]) Монастырь, въ которомъ пребываетъ одинъ изъ высшихъ ламайскихъ святителей—Таши-лама или Паньчэнь-риньпочэ, болѣе извѣстенъ въ русской литературѣ подъ названіемъ Дашихлунбо, примѣнительно къ произношенію монголовъ (*ред.*).

[2]) Капитанъ Samuel Turner, посѣтившій Ташилхуньпо въ 1783 г., пишетъ (Embassy to the Court of the Teshu Lama, p. 230): „Если бы нужна была какая-нибудь внѣшняя причина для усиленія великолѣпія города, то ничто не могло бы придать большей пышности его многочисленнымъ золоченымъ кровлямъ и башнямъ, чѣмъ лучи солнца, заходящаго въ полномъ своемъ блескѣ съ прямо противоположной стороны. Видъ получался тогда дивно прекрасный и великолѣпный. Все казалось почти волшебствомъ и производило впечатлѣніе, которое никогда не изгладится изъ моей памяти".

[3]) Это слово вообще употребляется въ разговорѣ для обозначенія повара всякаго чиновника или высокопоставленнаго лица (W. R.).

Хотя извѣстіе объ отсутствіи моего друга П'эньди К'ансара нѣсколько омрачило мое радостное настроеніе, но я все-таки былъ крайне радъ тому, что мнѣ снова удалось посѣтить Ташилхуньпо.

Мачэнь открылъ замокъ, которымъ были заперты массивныя двери, и пригласилъ меня войти внутрь дома съ распростертыми руками и привѣтствіями: «*Пундибъ ла, чягъ п'эбъ нанъ*», т. е. «добро пожаловать, г. пундитъ!» [1]).

Домъ былъ трехъэтажный, при чемъ нижній этажъ, къ которому примыкали двѣ конюшни, служилъ кладовой. Комнаты второго этажа были просторны и чисты, но очень холодны вслѣдствіе того, что крыша была очень высока, а солнечные лучи не проникали внутрь. Третій этажъ, хотя казался уютнымъ, но былъ сильно подверженъ вліянію вѣтровъ, такъ что въ немъ никто не жилъ. Когда мы осматривали зданіе, вошелъ экономъ министра (нэрпа [2]) и посовѣтовалъ мнѣ помѣститься во второмъ этажѣ, какъ болѣе тепломъ. Убѣдивъ меня занять этотъ этажъ, онъ приказалъ вытереть тамъ пыль, убрать около 200 томовъ книгъ, печатныя и другія доски [3]) и столы, которыми были завалены комнаты. Затѣмъ были разостланы высокіе тюфяки, на которые положили наши ковры и одѣяла, послѣ чего нэрпа пригласилъ насъ сѣсть. Передъ нами помѣстили столики, на которыхъ разставили чашки, и съ кухни министра принесли чай, при чемъ подавалъ намъ чай самъ главный поваръ. Послѣ этого мнѣ предложили сухари [4]), баранину и цамбу. Остальные мои спутники получили чай, очевидно, низшаго качества, изъ особаго чайника. Нэрпа сказалъ мнѣ, что насъ помѣщаютъ здѣсь по приказанію министра, но если намъ не нравится помѣщеніе, то мы можемъ написать объ этомъ министру, и письмо немедленно будетъ послано въ Донцэ. Но уединенность нашего помѣщенія—близъ него находился только домъ министра [5])—и, что особенно было цѣнно, близость

---

[1]) Точнѣе: „прошу войти, г. пундитъ!" (W. R.).

[2]) Или *нѣрпа* (Gnyer-pa); это слово обыкновенно употребляется для обозначенія завѣдывающаго хозяйственными дѣлами монастыря (W. R.).

[3]) Въ Тибетѣ такъ же, какъ и въ Китаѣ, печатаніе производится при помощи досокъ, на которыхъ вырѣзывается весь печатаемый текстъ (*ред.*).

[4]) Эти сухари, называемые по-китайски *ма-хуа*, дѣлаются изъ тонкихъ полосъ тѣста, которыя бросаются въ кипящій жиръ на одну или двѣ минуты. Ихъ изготовляютъ повсюду въ Китаѣ, Монголіи и Тибетѣ. Монголы называютъ ихъ китайскимъ именемъ *ма-хуа-ръ* (W. R.).

[5]) Резиденція министра (П'уньцо К'ансаръ), какъ говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, находится въ сѣверной части города. Она предста-

его къ западнымъ воротамъ представляли крайне важныя удобства для тѣхъ цѣлей, которыя я преслѣдовалъ, такъ что мы могли только радоваться предусмотрительности нашего покровителя, выказавшаго столько заботливости объ насъ.

Когда нэрпа и мачэнь ушли отъ насъ, я сталъ совѣтоваться съ Учжѣнемъ о томъ, какіе подарки слѣдовало бы сдѣлать слугамъ министра, а также нашимъ старымъ знакомымъ. Деньги, которыя очень рѣдки въ Тибетѣ, цѣнятся тамъ дороже всего, а потому самое лучшее, что мы могли сдѣлать для возобновленія своихъ старыхъ знакомствъ, это поднести нѣсколько серебряныхъ монетъ и шарфовъ (к'атагъ).

Позже вечеромъ мы отдали визитъ эконому министра и его товарищамъ и подарили имъ монеты достоинствомъ въ рупію, 8 и 4 анны сообразно важности исполняемыхъ каждымъ обязанностей. Мы съ трудомъ убѣдили ихъ принять эти подарки, такъ какъ они боялись, какъ бы министръ не разгнѣвался на нихъ за то, что они взяли отъ меня деньги.

10-го декабря.

Учжѣнь и П'урчунъ поднялись съ разсвѣтомъ съ цѣлью привести все въ порядокъ и купить дровъ и другія необходимыя вещи. Вскорѣ послѣ того, какъ я всталъ, явились люди, у которыхъ мы нанимали лошадей въ Танъ-лунѣ, за деньгами. Я далъ каждому изъ нихъ по шести танька и по нѣскольку штукъ бисквитовъ для ихъ дѣтей, что очень ихъ обрадовало. Мнѣ казалось весьма страннымъ, что сегодня мнѣ не предстоитъ никуда ѣхать—такъ я уже привыкъ къ путешествію. Между тѣмъ теперь я могъ сидѣть спокойно на балконѣ, озаряемомъ лучами утренняго солнца. У насъ съ Учжѣнемъ остался одинъ только слуга П'урчунъ, поэтому мы рѣшили нанять въ помощь ему еще человѣка, который бы ходилъ за водой и разводилъ огонь. Провизія наша уже вся почти истощилась, и мы должны были ожидать 11 часовъ, когда въ Шигацэ открывается рынокъ (*томъ*), чтобы купить что-либо для завтрака. Учжѣнь и П'урчунъ вдвоемъ отправились на базаръ и вскорѣ возвратились, неся съ собою масло, соль, баранину, цамбу, п'инъ [1]) и нѣсколько штукъ китайскихъ пирожковъ для меня.

вляетъ собою каменное зданіе въ 3 этажа, выкрашенное снаружи въ желтый цвѣтъ (W. R.).

[1]) Это, повидимому, китайское слово *пинъ*, означающее пирогъ или пирожное. Въ сѣверо-западномъ Китаѣ и провинціи Сы-чуань этимъ словомъ называютъ тонкіе пшеничные блинцы, испеченные на неглубокомъ блюдѣ или желѣзной сковородѣ. По-тибетски это называютъ *палэ* (W. R).

По пути они были окружены двумя партіями нищихъ (*рочжяба*), которые, узнавъ, что Учжѣнь только что прибылъ изъ Сиккима, сумѣли угрозами и настояніями вынудить у него нѣсколько серебряныхъ монетъ. Мои спутники были также свидѣтелями ссоры между женщиною, продававшею соль, и торговцами изъ племени к'амба. Одинъ изъ послѣднихъ купилъ себѣ соли и предложилъ въ уплату обезцѣненную таньку, которую женщина отказалась принять. К'амба же не пожелалъ ни вернуть соль, ни дать хорошую монету; онъ позвалъ 6 или 7 своихъ товарищей, и съ ихъ помощью разсыпалъ соль и хотѣлъ бить женщину, защитить которую было некому. Инцидентъ кончился тѣмъ, что к'амба ушелъ себѣ спокойно, а бѣдная женщина лишилась соли. Учжѣнь былъ очень изумленъ такими беззаконіями, творящимися на рынкѣ, насиліями надъ беззащитными и полнымъ отсутствіемъ полицейскаго надзора. Я улыбнулся въ отвѣтъ на его негодующіе возгласы и посовѣтовалъ ему хорошенько позавтракать. Вечеромъ я посѣтилъ П'уньцо К'ансаръ [1]) и узналъ отъ эконома, что Кушо Тунъ-чэнь [2]), секретарь министра, возвращается въ Ташилхуньпо сегодня послѣ полудня.

11-го декабря.

Сегодня мой завтракъ состоялъ изъ чашки бульона (*тугпа*) съ цамбою, рѣдькою, мозгомъ, искрошенной бараниной, солью и сухимъ сыромъ (*чура*). Послѣ завтрака П'урчунъ и Учжѣнь отправились на рынокъ и по дорогѣ встрѣтили одного монгольскаго монаха Чой-таши, которому я однажды оказалъ помощь деньгами и хлѣбомъ въ Дарджилинѣ. Честный монголъ не забылъ моей доброты: лишь только онъ увидѣлъ Учжѣня, какъ сейчасъ же бросился къ нему съ распростертыми объятіями и затащилъ его въ свою монастырскую келью. Отъ него Учжѣнь узналъ кое-что и о нѣкоторыхъ изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, какъ, напримѣръ, о Лобзанъ-Даньцзинѣ и другихъ моихъ пріятеляхъ-монголахъ.

Лобзанъ не могъ сдать окончательнаго экзамена для допущенія въ монастырь, состоящаго въ томъ, что кандидатъ долженъ произнести наизусть, безъ малѣйшей ошибки или пропуска, 120 страницъ выбранныхъ имъ священныхъ текстовъ. Вслѣдствіе этой неудачи онъ былъ вычеркнутъ изъ списка монаховъ и лишенъ выдававшагося ему содержанія. Онъ отправился на родину

---

[1]) Резиденція министра свѣтскихъ дѣлъ (*ред.*).

[2]) *Кушо* — по-тибетски значитъ „господинъ"; *тунъ-чэнъ* или *друнъ (или) чэнь-по*—это „главный секретарь", а не собственное имя, какъ можно было бы думать по разсказу (W. R.).

за 4 мѣсяца до моего прибытія, предполагая по пути посѣтить Лхасу. На рынкѣ Учжѣнь встрѣтилъ еще одного стараго знакомаго — начальника китайской полиціи въ Шигацэ, который пригласилъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ его хозяйка (*ани*) угостила ихъ пивомъ и кушаньемъ изъ вермишели (*чжя-тугъ*) [1]. Затѣмъ китаецъ разсказалъ о недавнемъ возмущеніи, которое было вызвано образомъ дѣйствій младшаго амбаня [2], а также о томъ, какъ онъ самъ ѣздилъ въ Лхасу съ срочными депешами къ старшему амбаню. Такъ какъ затѣмъ старшій амбань вмѣстѣ съ министрами (*шапэ*) Са-ванъ Рампа и Лхалу прибыли въ Шигацэ для усмиренія безпорядковъ, то начальникъ полиціи приписывалъ себѣ немалую долю участія въ благополучномъ улаженіи этого дѣла. Учжѣнь узналъ также, что шапэ вмѣстѣ съ амбанемъ рѣшили установить обязательное обращеніе всякаго рода серебряной монеты, какъ бы она ни была обезцѣнена. Различіе, которое дѣлалось въ Шигацэ между хорошей и негодной монетой, было признано большимъ неудобствомъ для торговли и потому запрещено. Такое же распоряженіе недавно было издано въ Лхасѣ къ большому удовольствію народа. Былъ отданъ секретный приказъ арестовать нѣсколькихъ почтенныхъ богатыхъ людей, со стороны которыхъ можно было ожидать возраженій противъ обязательнаго пріема обезцѣненной монеты, и этими мѣрами надѣялись предотвратить возможность возникновенія изъ-за этого дѣла безпорядковъ. Въ виду этого Учжѣнь, опасаясь наткнуться на недоразумѣнія при размѣнѣ нашихъ индійскихъ денегъ на тибетскія таньки, размѣнялъ ихъ въ самомъ монастырѣ.

На рынкѣ мои люди видѣли нѣсколько партій арестантовъ, закованныхъ въ тяжелыя цѣпи, вѣсомъ въ 20 и болѣе фунтовъ. У нѣкоторыхъ были скованы руки, на рукахъ другихъ были набиты деревянныя колодки; у многихъ преступниковъ были выколоты глаза. Правительство не даетъ этимъ несчастнымъ пищи, но предоставляетъ имъ просить милостыню на рынкѣ. Эти арестанты еще хуже, нежели *рачжяба*; не подавшему тотчасъ милостыни они посылаютъ вслѣдъ проклятія и брань.

Въ 4 часа пополудни мнѣ сказали, что пріѣхалъ секретарь министра, Кушо Тунъ-чэнь, и желаетъ меня видѣть. Я одѣлъ свой костюмъ ламы и, въ сопровожденіи Учжѣня, который взялъ нѣсколько монетъ и к'атаговъ, отпра-

---

[1]) Называется по-китайски *мянь* и представляетъ собою почти то же самое, что итальянское spaghetti. Это слово очень часто употребляется также въ смыслѣ китайскаго *чуа-мянь* (W. R.).

[2]) *Амбанъ*—маньчжурское слово, значащее „сановникъ" (кит. *да-чэнь*). Такъ въ просторѣчіи называются китайскіе резиденты (старшій - *бань-шиа-чэнь* и младшій—*банъ-бань-да-чэнь*), состоящіе при Далай-ламѣ (*ред.*).

вился въ П'уньцо Кансаръ. Придя туда, я поднесъ секретарю шарфъ и двѣ рупіи; то же сдѣлалъ и Учжѣнь. Затѣмъ и намъ были даны прекрасные к'атаги, послѣ чего секретарь съ чрезвычайною любезностью и радушіемъ, которыя произвели на меня самое лучшее впечатлѣніе, пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ. Мнѣ подали сидѣніе въ видѣ высокаго тюфяка, покрытаго китайскимъ ковромъ, а передо мною былъ поставленъ небольшой столикъ. Учжѣню было предложено болѣе низкое сидѣніе, и поставленный передъ нимъ столикъ также былъ ниже моего; это было сдѣлано для того, чтобы отмѣтить различіе въ нашемъ общественномъ положеніи. Намъ подали на блюдахъ вареную и сушеную баранину и нѣсколько чашекъ цамбы; затѣмъ слуга досталъ изъ буфета министра красивыя фарфоровыя чашки и, наполнивъ ихъ чаемъ, пригласилъ меня выпить, приговаривая: «*Пуньдибъ-ла, соль-чжа-шэ*» («пожалуйста, пейте, г. Пундитъ»), и я долженъ былъ выпить около $^1/_3$ содержимаго чашки; по тибетскому обычаю, не принято сразу пить болѣе этого количества, въ то же время выпить меньше значило бы оскорбить повара или самого хозяина. Послѣ краткаго малосодержательнаго разговора я возвратился въ свое помѣщеніе.

12-го декабря.

Секретарь прислалъ сказать намъ, что вечеромъ онъ будетъ посылать гонца въ Донцэ, и что если у насъ есть туда письма, то онѣ должны быть готовы къ полудню. Мы тотчасъ же принялись сочинять письмо къ министру, что было дѣломъ далеко не легкимъ, такъ какъ надо было тщательно обдумать и сообразить, какой формы взять бумагу, сколько свободнаго мѣста оставить вверху и внизу листа, какими комплиментами начать письмо. Мы старались выразить министру наше сожалѣніе о томъ, что мы лишены чести и удовольствія привѣтствовать его въ Ташилхуньпо, а также высказывали ему нашу безграничную благодарность за выказанную по отношенію къ намъ любезную предупредительность и заботливость о доставленіи намъ возможныхъ удобствъ. Мы просили его, если возможно, поскорѣе возвратиться въ столицу для блага всѣхъ живыхъ существъ и въ частности ради насъ, такъ какъ наша личная безопасность зависитъ исключительно отъ его милосердія. Мы написали ему также о томъ, что литографскій прессъ, который онъ просилъ меня, во время моего перваго пребыванія въ Тибетѣ, привезти изъ Индіи, находится теперь въ Лачанѣ, гдѣ его задержалъ префектъ К'амба-цзона. Учжѣнь написалъ министру отдѣльное письмо, и затѣмъ эти письма мы отнесли секретарю. Послѣдній въ свою очередь добавилъ къ нашимъ письмамъ по нѣскольку строкъ, прося своего повелителя принять насъ подъ свое священное

покровительство и защиту въ виду того, что мы пришли издалека, испытавъ на пути невѣроятныя трудности и опасности.

Вернувшись домой, я засталъ у себя одного своего стараго знакомаго Лупа чжяньцаяня (чжялцаня?), который поджидалъ меня. Онъ принесъ мнѣ въ подарокъ кое-что изъ съѣстного и еще разныя вещи и предложилъ мнѣ свои услуги, чтобы купить для меня все, что потребуется, а равно понаблюсти за тѣмъ, чтобы меня не обманули. Кромѣ того, онъ обѣщалъ прислать мнѣ хорошаго слугу.

Вечеромъ я зашелъ къ другому старому своему пріятелю, очень почтенному человѣку, Кушо Дэчану. Онъ былъ очень радъ меня видѣть. При моемъ появленіи онъ всталъ съ своего сидѣнія и пригласилъ меня войти словами: «*Чягъ-п'эбъ-нанъ-чигъ*». Затѣмъ дворецкій (*солпонь*) [1]) подалъ чай и, лишь только я успѣвалъ отпить $^1/_3$ моей чашки, тотчасъ же снова доливалъ ее до краевъ изъ серебрянаго чайника (*чамбимъ*). Разговоръ шелъ сначала о положеніи дѣлъ въ Арьяварта (Индіи), о порядкахъ управленія ею подъ властью франговъ (Frang), т. е., европейцевъ; затѣмъ мы начали говорить о послѣднемъ столкновеніи съ китайцами и о послѣдовавшемъ уже улаженіи этого дѣла. Заключается оно въ слѣдующемъ.

Проживающіе въ Лхасѣ два китайскихъ резидента ежегодно по очереди должны производить осмотръ границы между Непаломъ и Тибетомъ съ цѣлью удостовѣриться въ исправности несенія службы гарнизономъ въ Тинри, а также осмотрѣть оборонительныя средства и военные запасы различныхъ пограничныхъ постовъ. Такъ какъ подобнаго рода осмотръ весьма утомителенъ и скученъ, въ виду почти полной пустынности мѣстности, гдѣ онъ происходитъ, то амбани бросаютъ жребій, кому изъ нихъ отправиться для инспекціи. Въ послѣднихъ числахъ октября текущаго 1881 года на долю младшаго амбаня выпало посѣтить Тинри-цзонъ и Шигацэ. Вслѣдствіе этого онъ отправился въ сопровожденіи опытнаго тибетскаго чиновника въ чинѣ *ципонь* («счетоводъ»), на обязанности котораго лежали по обыкновенію высылка передовыхъ гонцовъ *(нгоньдо)* на всемъ протяженіи пути и вообще всѣ хлопоты по перевозкѣ амбаня и его свиты. Амбань рѣшилъ отправиться по сѣверной дорогѣ *(чанъ-ламъ)* черезъ Тойлунъ Цорп'у.

Согласно установившемуся обычаю, тибетская казна должна платить амбаню путевого довольствія 4 *дочэ* [2]) или 500 рупій въ сутки; но прави-

---

[1]) *Солпонь* правильнѣе перевести „носитель чайника или чашки". Солпонь-чэнь-по является однимъ изъ главныхъ государственныхъ чиновъ какъ въ Лхасѣ, такъ и въ Ташилхуньпо (W. R.).

[2]) *До-чэ* (*рдо-чадъ*)—слитокъ серебра вѣсомъ въ 50 китайскихъ ланъ

*

тельство Лхасы, вмѣсто того чтобы уплачивать эту сумму изъ государственной казны, собираетъ деньги съ народа на пути во время путешествія амбаня. Обязанность сбора денегъ на довольствіе амбаня была возложена въ послѣдній разъ на ципоня Конъ-чянъ-лочаня. По прибытіи въ Шигацэ амбань потребовалъ 6 дочэ (750 рупій) вмѣсто 4. Населеніе мѣстностей между Шигацэ и Тинри, извѣщенное объ этомъ чиновникомъ, отказалось дать требуемую сумму, но за это старшины *(цогпонь)* были подвергнуты тѣлесному наказанію, а лошади ихъ и все имущество проданы, чтобы такимъ образомъ собрать указанную сумму.

Прибывъ въ Шигацэ на обратномъ пути въ Лхасу, амбань пробылъ здѣсь нѣсколько дней, настаивая на выдачѣ ему довольствія въ размѣрѣ 750 рупій. и такъ какъ народъ протестовалъ, говоря, что онъ не въ состояніи платить такой суммы, то китайскіе солдаты прибѣгали ко всевозможнымъ принудительнымъ мѣрамъ, чтобы выжать у населенія деньги.

Сопровождавшій амбаня ципонь попробовалъ было отказаться отъ возложеннаго на него порученія, но этимъ только навлекъ на себя гнѣвъ амбаня. Между тѣмъ народъ рѣшилъ сплотиться, чтобы дать отпоръ его притязанію, и, войдя въ соглашеніе съ двумя префектами (*цзонпонь*) Шигацэ, открыто отказался выполнить незаконное требованіе амбаня. Послѣдній, взбѣшенный этимъ, приказалъ своимъ китайскимъ солдатамъ арестовать цзонпоней, а чиновника ципоня заковать въ цѣпи. Однако первымъ удалось бѣжать, а солдатъ народъ забросалъ каменьями. На слѣдующій день ципонь былъ привязанъ къ столбу у дома амбаня и наказанъ плетьми. Едва онъ получилъ около 15 ударовъ, какъ въ окна дома посыпался градъ камней, и прежде нежели амбаню удалось скрыться, онъ былъ тяжело раненъ и спасся отъ мести разъяреннаго народа только благодаря быстрому прибытію тибетскаго генерала *(дахпонь)* съ отрядомъ солдатъ. О случившемся немедленно же дано было съ нарочнымъ знать въ Лхасу. На мѣсто происшествія прибыли старшій амбань, министры *(шапэ)* Рампа и Лхалу, которые вмѣстѣ съ министромъ свѣтскихъ дѣлъ Таши-ламы *(кябъ-дванъ-чэньпо)* и военнымъ казначеемъ образовали особую коммиссію для разслѣдованія дѣла.

Рѣшеніе этой коммиссіи было обнародовано 12-го декабря; оно гласило,

---

(*таэлей*), называемый также *ямбу* (отъ китайскаго *юань-бао*), *тармима* (*рта-рмиъ-ма*, что произносится также *тїньпэма*) или просто *до*. Одинъ *до* обыкновенно размѣнивается на 160 рупій. Turner (op. cit., p. 345) говоритъ о слиткахъ чистаго металла подъ названіемъ *tariem* (W. R.).

что оба цзонпоня (префекта) Шигацэ должны быть переведены изъ третьяго въ четвертый классъ китайскихъ должностныхъ лицъ съ назначеніемъ ихъ цзонньерами, подчиненными новымъ цзонпонямъ; кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ получить по 200 ударовъ бамбукомъ. Деревенскіе старшины *(цогпонь)* были присуждены къ 400 ударамъ бамбукомъ и къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмахъ Рэ и К'амба-цзона. Восемь старостъ *(гампо)* были присуждены къ 50 бамбукамъ каждый и къ ношенію канги въ теченіе 6 мѣсяцевъ.

Затѣмъ, такъ какъ оказалось, что младшій амбань вымогалъ у народа больше денегъ, чѣмъ ему полагалось, то коммиссія постановила обратиться къ пекинскому двору съ просьбою, чтобы впредь китайскимъ чиновникамъ въ подобныхъ случаяхъ было воспрещено собирать деньги на свое путевое довольствіе *(чжя-талъ)* [1]) съ тибетцевъ, и чтобы на обязанности послѣднихъ лежали отнынѣ лишь общія заботы о доставленіи китайскимъ чиновникамъ возможныхъ удобствъ во время проѣзда. За эту уступку лхасскіе министры должны были, какъ говорятъ, уплатить амбаню 15 дочэ или 1875 рупій.

Затѣмъ Дэчанъ, жалуясь на мучившіе его простуду и кашель, спросилъ меня, какія у меня есть съ собой лѣкарства, и я обѣщалъ ему дать что-нибудь. Послѣ этого я вылилъ содержимое моей чашки въ полоскательную чашку (*шилу*) [2]) въ знакъ прощанія, всталъ и отправился домой.

13-го декабря.

Сегодня въ полдень на рыночной площади собралось около 15.000 человѣкъ полюбоваться пріѣздомъ кашмирскаго посланника, окруженнаго конвоемъ и свитою въ военномъ одѣяніи. Всѣ улицы Шигацэ, дворъ храма Кэсаръ лхак'анъ [3]), а также прилегающіе сады были переполнены народомъ,

---

[1]) *Чжя-талъ*—китайское путевое пособіе. Китайцевъ въ Тибетѣ обыкновенно называютъ *чжя* (*дуа*); въ оффиціальномъ языкѣ они носятъ названіе *чжя-нанъ* (W. R.).

[2]) *Шалу* или *чжа-лу* (*ждугъ*); называютъ эту чашку также *чжа-лу-са*—„чаша (мѣсто) для вливанія чая". Обыкновенно это бываетъ кубокъ съ металлическою крышкою (W. R.).

[3]) *Кэсаръ лхак'анъ*—храмъ, посвященный Кэсару. *Кэсаръ* (*Гэсэръ*)—имя легендарнаго героя, о которомъ у тибетскихъ и монгольскихъ племенъ существуетъ множество разсказовъ. Семь этихъ разсказовъ были опубликованы, съ пекинскаго изданія, академикомъ Шмидтомъ въ монгольскомъ текстѣ („Подвиги исполненнаго заслугъ героя Богды Гессеръ-хана, истре-

который съ нетерпѣніемъ ожидалъ *тэмо* («лицезрѣніе»). Посланника кашмирскаго магарачжи окружало 50 тѣлохранителей, одѣтыхъ въ форменную одежду; кромѣ того, за нимъ слѣдовало еще 100 всадниковъ различныхъ національностей; такъ, здѣсь были сикхи [1]), длиннобородые магометане въ бѣлыхъ тюрбанахъ, ладакцы въ своихъ неуклюжихъ овечьихъ тулупахъ, мурми изъ Непала, докпа изъ Чана, нѣсколько непальцевъ и нѣсколько тибетцевъ изъ Кирона. Сверхъ того при посланникѣ было еще нѣсколько купцовъ въ роскошныхъ одѣяніяхъ; ихъ сопровождали слуги въ шелковыхъ и суконныхъ ливреяхъ. Нѣкоторыя лошади были богато убраны украшеніями изъ серебра и золотой парчи. Я слышалъ, что кашмирское правительство отправляетъ въ Лхасу посла черезъ каждые три года съ подарками (называются они данью) великому ламѣ. Тибетское правительство, получивъ извѣстіе о предполагаемомъ отправленіи посольства, разставляетъ до 500 лошадей и муловъ, а также кули по всѣмъ городамъ и почтовымъ станціямъ на пути между Ладакской границей и Лхасою. Хотя такое количество лошадей и людей едва ли необходимо для посланника, который везетъ только негромоздкіе цѣнные подарки, зато свита его обыкновенно пользуется этимъ случаемъ для провоза въ Лхасу и обратно собственнаго багажа и товаровъ. При проѣздѣ посольства въ толпѣ народа слышны были замѣчанія, что за всю эту роскошь и великолѣпіе приходится платить лхасскому правительству, и что это тяжелымъ бременемъ падаетъ на бѣдныхъ жителей Тибета.

Обычай посылки подарковъ изъ Кашмира въ Лхасу возникъ слѣдующимъ образомъ.

бителя 10 золъ въ 10 странахъ", Спб., 1836) и нѣмецкомъ переводѣ („Die Thaten Bogda Gesser Chan's", St.-Pet., 1839). Нѣкоторые варіанты сообщаетъ въ русскомъ пересказѣ Г. Н. Потанинъ („Очерки сѣверо-западной Монголіи", т. IV, и „Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія", т. II) и A. H. Francke въ тибетскомъ текстѣ и нѣмецкомъ переводѣ („Der Frühlingsmythus der Kesarsage" и „Der Wintermythus der Kesarsage" въ Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XV и XV²). Этотъ герой у китайцевъ почитается, какъ богъ войны, подъ именемъ Гуань-ди и является однимъ изъ наиболѣе популярныхъ китайскихъ божествъ; посвященныя ему кумирни (Гуань-ди-мяо) можно найти даже въ сравнительно небольшихъ населенныхъ пунктахъ (*ред.*).

[1]) Сикхи—послѣдователи одной изъ религіозныхъ сектъ въ Индіи, отличающіеся своимъ фанатизмомъ и мужествомъ; они составляютъ значительный контингентъ туземныхъ британскихъ войскъ въ названной странѣ (*ред.*).

Послѣ покоренія Ладака, Балти и Скардо, Зорваръ-Сингъ, извѣстный сикхскій генералъ магарачжи Голабъ-Синга, обратилъ свое оружіе въ 1840—1841 гг. противъ провинцій Рудокъ и Гаръ. Эти двѣ провинціи производятъ самую лучшую въ Тибетѣ шерсть; въ нихъ находятся самые богатые и наиболѣе чтимые монастыри, въ виду чего буддійскій повелитель Тибета считалъ эту территорію самымъ цѣннымъ изъ своихъ владѣній. Попытка сикхскаго генерала покорить названныя провинціи возбудила гнѣвъ лхасскаго правительства, и послѣднее обратилось за помощью къ своему сюзерену — китайскому императору и благодаря этому оказалось въ состояніи выставить противъ непріятеля войско въ 10.000 человѣкъ. Между тѣмъ Зорваръ-Сингъ вторгся съ 5.000 войскомъ въ названныя провинціи, и губернаторъ (*гарпонь*) бѣжалъ въ Чанъ-танъ [1]), оставивъ крѣпость (Рудокъ?) и всю страну на произволъ враговъ. Генералъ утвердился вблизи священнаго озера Мап'амъ (Манасароваръ) и разослалъ по всей странѣ военные отряды, которые, по его приказанію, всюду произвели грабежъ и опустошеніе и осквернили величайшія изъ буддійскихъ святилищъ у озера Мап'амъ и горы Кайласъ. Одинъ изъ отрядовъ былъ поставленъ въ Пуранѣ вблизи границы съ Непаломъ для наблюденія за лхасскими войсками. Соединенныя силы Лхасы и Китая двинулись въ Рудокъ подъ предводительствомъ одного изъ министровъ (*шапэ*); Зорваръ-Сингъ, который пренебрегалъ тибетскимъ войскомъ и считалъ ничтожными выступившія противъ него силы, выслалъ противъ нихъ лишь небольшую часть своего войска, которая и была совершенно уничтожена. Тогда Зорваръ-Сингъ самъ двинулся во главѣ своихъ отрядовъ противъ лхасскихъ войскъ. Два дня и двѣ ночи обѣ арміи сражались безъ всякаго рѣшительнаго результата; на третій день сикхскій генералъ пялъ въ сраженіи, и побѣда склонилась на сторону ламъ. Войска Зорваръ-Синга потерпѣли полное пораженіе, но потери съ обѣихъ сторонъ были громадны. Побѣдоносныя войска угрожали теперь Ладаку, и кашмирскій магарачжа сталъ просить мира. Договоръ былъ заключенъ между представителемъ Голабъ-Синга и правительствомъ Лхасы, при чемъ однимъ изъ условій этого договора была уплата Тибету черезъ каждые 3 года извѣстной дани.

Во время моего разговора съ Кушо Тунъ-чэнь о суровости наказанія, къ которому были присуждены вчера цзонпони г. Шигацэ и участковые старшины (*цогпонь*), онъ сообщилъ мнѣ, что кромѣ указаннаго выше наказанія у цзонпоней содрали съ рукъ кожу и мясо. Цогпони предлагали манда-

---

[1]) *Чанъ-танъ*—названіе сѣверной части Тибета, заселенной только немногими пастушескими племенами (W. R.).

ину (амбаню) по 2000 рупій каждый, чтобы избавиться отъ 400 ударовъ бамбукомъ, но китаецъ былъ неумолимъ.

14-го декабря.

Тунъ-чэнь прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ знакомыхъ Норпу Тоньдуба, чиновника (*donnyer*) города Донцэ, съ просьбою дать ему какого-нибудь лѣкарства отъ диспепсіи, которою онъ страдалъ. Сначала я отказалъ ему, такъ какъ у меня было очень мало лѣкарствъ, но затѣмъ, уступая настойчивымъ просьбамъ Тунъ-чэня, я взялъ съ собою свою дорожную аптечку и отправился къ нему. Когда я открылъ аптечку, секретарь, его друзья и слуги съ большимъ удивленіемъ стали разглядывать стклянки съ искрившимися на солнцѣ жидкостями; самъ же Норпу Тоньдубъ, при одномъ видѣ столькихъ лѣкарствъ, увѣровалъ въ свое выздоровленіе и обѣщалъ заплатить мнѣ столько, сколько я запрошу. На это я отвѣтилъ, что даже при этомъ условіи я не могъ бы дать ему никакого лѣкарства, такъ какъ если мои запасы истощатся, то мнѣ ни за какія деньги нельзя будетъ ихъ пополнить въ виду закрытія тибетскимъ правительствомъ всѣхъ путей между Индіею и Тибетомъ. Слушая это, Тунъ-чэнь смотрѣлъ съ безпокойствомъ, но я открылъ одну изъ стклянокъ и приказалъ принести себѣ фарфоровую чашку. Три или четыре человѣка бросились на кухню и принесли мнѣ полдюжины большихъ и малыхъ чашекъ. Я началъ взвѣшивать лѣкарства на своихъ мѣдныхъ вѣсахъ. Мои аптекарскія разновѣски, блестѣвшія, словно золотыя монеты, произвели сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которые приняли меня за чародѣя, пользующагося золотыми монетами для взвѣшиванія. Затѣмъ я сказалъ, что два лѣкарства, будучи смѣшаны между собою, станутъ кипѣть. Такое предупрежденіе привело зрителей въ глубокое изумленіе, а паціента заставило даже дрожать отъ страха; онъ посмотрѣлъ съ безпокойствомъ на Тунъ-чэня, а затѣмъ на небо, видимо, раскаиваясь въ томъ, что обратился ко мнѣ за лѣкарствомъ, и теперь, казалось, хотѣлъ ускользнуть изъ моихъ рукъ. Секретарь также былъ сильно смущенъ, но лѣкарства уже были приготовлены и представлялись ему черезчуръ цѣнными, чтобы ихъ можно было выбросить вонъ. Поэтому, попробовавъ, горячи ли лѣкарства, и убѣдившись, что они оба холодны, ободрилъ больного, заявивъ, что я великій докторъ, и нѣтъ основанія опасаться чего-либо дурного съ моей стороны. Я также сказалъ паціенту, что онъ можетъ быть увѣренъ въ отсутствіи у меня намѣренія отравить его, и что онъ долженъ принять напитокъ, какъ только послѣдній станетъ шипѣть. Всѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждали невиданнаго зрѣлища, и вдругъ микстура покрылась пѣною, ударивъ въ носъ паціенту.

Послѣдній отскочилъ назадъ, но я сказалъ ему опустить палецъ въ пѣнившуюся жидкость, и тотъ, убѣдившись, что она холодна, произнесъ мистическую формулу: «*Омъ-мани-падмэ-хумъ*», проглотилъ лѣкарство и заявилъ, что оно пріятно на вкусъ и освѣжаетъ. Затѣмъ онъ вынулъ изъ-за пазухи к'атагъ и нѣсколько монетъ и поднесъ мнѣ, положивъ шарфъ передо мною на землѣ. «Великій докторъ», сказалъ онъ при этомъ: «примите отъ меня это скромное подношеніе, какъ знакъ моей благодарности, хотя оно и недостойно быть принятымъ вами. Такъ какъ однако вы благочестивый человѣкъ, для котораго деньги не имѣютъ цѣны, то я осмѣливаюсь надѣяться, что вы все-таки его примете». Я отказался отъ денегъ, но, по просьбѣ Тунъчэня, взялъ шарфъ. Въ полномъ изумленіи и съ чувствами безконечнаго восхищенія чудесными свойствами лѣкарства и удивительнымъ амчи («докторъ»), который пренебрегаетъ деньгами, разошелся къ своимъ занятіямъ небольшой кружокъ зрителей.

Наказаніе цзонпоней, о которомъ разсказано выше, навело на народъ страхъ. Опасались новыхъ обидъ со стороны китайцевъ, которые съ надменнымъ видомъ разгуливали по улицамъ Шигацэ. Лица, прибывшія издалека на рынокъ съ цѣлью продажи своихъ товаровъ, спѣшили снова уложить ихъ и поскорѣе убраться во свояси. Не было никакой возможности ни достать ни купить чего бы то ни было. Учжѣнь встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ торговцевъ хлѣбомъ и просилъ ихъ продать ему хотя немного риса, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшился даже сознаться, что у него есть рисъ для продажи. Какая-то старуха, продавшая намъ рисъ въ первое наше посѣщеніе, теперь сказала: «Не говорите о рисѣ при китайцахъ и ихъ друзьяхъ, а то они придутъ и отнимутъ все, что у меня есть, бросивъ нѣсколько негодныхъ монетъ; приходите черезъ часъ или два, когда уйдутъ эти негодяи, и тогда я продамъ вамъ все, что вы пожелаете».

Съ одной стороны рынка находился трактиръ (*зак'анъ*), куда и зашли П'урчунъ и Учжѣнь, чтобы немного закусить. Пока они завтракали, въ ресторанъ вошелъ самъ хозяинъ. Онъ оказался дворяниномъ изъ Ташилхуньпо, главою фамиліи Тоньдубъ К'ансаръ; въ то время онъ занималъ должность чянчжоба при Таши-ламѣ [1]). Онъ спросилъ Учжѣня, откуда тотъ при-

---

[1]) Въ Тибетѣ проживаютъ два высшихъ ламайскихъ іерарха: Таши-лама или Паньчэнь-риньпочэ (у монголовъ—Баньчэнь-риньбочэ, Баньчэнь-эрдэни, Баньчэнь-богдо), имѣющій мѣстопребываніе въ монастырѣ Ташилхуньпо близъ Шигацэ, и Далай-лама (Tale-lama, чжялъ-ва-чжяцо, кябъ-гонъ-риньпочэ), резиденціей которому служитъ монастырь Потала (Будала) въ

былъ, гдѣ остановился и какіе товары *(чонъ)* привезъ для продажи. Дама, въ ближайшемъ завѣдываніи которой находилось заведеніе, оказалась женою владѣльца послѣдняго; она держала себя любезно и съ достоинствомъ и разговаривала чрезвычайно вѣжливо и учтиво. На ней былъ головной уборъ, богато унизанный нитями жемчуга стоимостью по меньшей мѣрѣ въ 3000 рупій; кромѣ того, уборъ былъ украшенъ коралловыми бусами, рубинами, бирюзою и другими драгоцѣнными камнями. Хотя она и принадлежитъ къ одной изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій въ Цанѣ (Западный Тибетъ) и притомъ находится въ родственной связи съ фамиліей, изъ которой происходитъ Таши-лама. но она ничуть не считаетъ для себя унизительнымъ вести счета въ гостиницѣ и наблюдать тамъ за работою служителей.

Лхасѣ. Оба эти іерарха считаются воплощеніями (по-монгольски *хубилганами*) буддійскихъ божествъ Амитаб'ы и Авалокиты. Для того, чтобы понимать ихъ взаимныя отношенія, необходимо имѣть въ виду, что, по представленію ламаитовъ, каждый изъ буддъ, являвшихся донынѣ въ этотъ міръ для проповѣди ученія (Краку-чандра, Канака-муни, Кашьяпа, Шакья-муни) и имѣющихъ явиться въ будущемъ (первый изъ нихъ - Майтрея, по-монгольски Майдари) является отблескомъ или отраженіемъ особаго небеснаго будды (*Jіпа* или *д'іяни-будда*). Небесный будда остается въ среднемъ мірѣ представителемъ дѣйствующаго на землѣ будды и имѣетъ своимъ назначеніемъ, послѣ перехода послѣдняго въ нирвану, сохранять въ этомъ мірѣ его ученіе. Такъ какъ однако небесный будда, будучи погруженъ въ созерцаніе, не можетъ имѣть непосредственнаго соприкосновенія съ грязною землею, то онъ производитъ, какъ своего духовнаго сына, особое божество— *д'іяни-бодисатву*, который, принимая различныя воплощенія, въ дѣйствительности заботится о поддержаніи на землѣ проповѣданнаго ученія. Въ настоящее время, впредь до пришествія будды Майтреи, дѣйствуетъ ученіе, оставленное буддою Шакья-муни (по-монгольски Шигемуни); по отношенію къ нему небеснымъ буддою является Амитаб'а (по-монгольски Абида), д'іяни-бодисатвою—Авалокита (Авалокитешвара, Арьябало, Хоншимъ-бодисатва, Шэньрэзигъ). Такимъ образомъ Паньчэнь-риньпочэ, какъ воплощеніе Амитаб'ы, долженъ занимать болѣе высокое положеніе, чѣмъ Далай-лама, считающійся воплощеніемъ духовнаго сына Амитаб'ы; однако въ дѣйствительности Далай-лама пользуется гораздо большимъ вліяніемъ среди ламаитовъ, такъ какъ онъ воплощеніе Авалокиты, самаго популярнаго среди нихъ божества, проявляющаго фактическую дѣятельность на землѣ на благо всѣхъ одушевленныхъ существъ; кромѣ того, Далай-ламѣ принадлежитъ свѣтская власть надъ Тибетомъ, что, конечно, также сильно возвышаетъ его авторитетъ (*ред.*).

15-го декабря.

Сегодня 25-ое число десятой луны по тибетскому календарю и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ большихъ праздниковъ секты гэлугъ-па [1])—го-

---

[1]) Буддизмъ проникъ въ Тибетъ изъ Индіи въ VII ст. по Р. Хр. при тибетскомъ царѣ Сронъ-цань-гампо и столкнулся тамъ съ туземною шаманскою религіею бонь, сводившеюся къ культу разнаго рода духовъ. Для того, чтобы облегчить своей религіи утвердиться въ Тибетѣ, буддійскіе проповѣдники (особенно Падма-Самб'ава) приняли культъ многихъ мѣстныхъ божествъ, включивъ ихъ въ свой пантеонъ. Въ подражаніе жрецамъ бонь буддійскіе монахи стали позволять себѣ разныя отступленія и отъ нравственныхъ предписаній буддизма; такъ, напр., они начали вступать въ бракъ. Благодаря этимъ нововведеніямъ буддизмъ выродился въ Тибетѣ въ особую форму, представлявшую много отличій отъ индійскаго ученія. Попытка вернуть тибетскій буддизмъ къ прежней чистотѣ была сдѣлана индійскимъ монахомъ Атишою (Чжу-Адиша), прибывшимъ въ Тибетъ въ 1038 г. Онъ поставилъ себѣ задачей возстановить философское ученіе махаяны, устранивъ грубые шаманскіе обряды и обязавъ монаховъ къ строгой нравственной жизни. Основанная Атишою секта получила названіе *кадамъ-па* („связанные предписаніями"). Не всѣмъ однако послѣдователямъ Атиши понравились его строгія требованія, и вскорѣ двумя его учениками были образованы новыя секты: *сакья-па* и *карчжю-па*, которыя допустили для своихъ приверженцевъ разныя послабленія. Тѣ лица, которыя остались вѣрными ученію, существовавшему до Атиши, получили названіе *ньинма-па*. Съ теченіемъ времени изъ этихъ главныхъ сектъ выдѣлился рядъ болѣе мелкихъ (*карма-па* изъ карчжю-па). Въ XIII ст. изъ названныхъ сектъ на первый планъ выдвинулась сакья-па, благодаря поддержкѣ монгольскихъ императоровъ, которые, овладѣвъ Тибетомъ, приблизили къ себѣ сакьяскихъ іерарховъ (въ лицѣ Сакья-пандиты, Пакба-ламы и др.) и предоставили имъ даже свѣтскую власть въ этой странѣ. Послѣ изгнанія монголовъ изъ Китая въ Тибетѣ появляется новый реформаторъ Цонк'апа (Цзунхава, 1357—1420 г.), который преобразовалъ секту кадамъ-па, обративъ особое вниманіе на обрядовую сторону ученія и на іерархическую организацію духовенства. Преобразованной сектѣ онъ далъ названіе *гэлугъ-па* (по имени одного изъ главныхъ монастырей этой секты —Галдань или Гадань она также называется галданьскою или гаданьскою). Ученіе собственно этой секты, на которое оказали вліянія разныя религіозныя вѣрованія (шаманство, несторіанство и др.), называется *ламаизмомъ*. Между прочимъ Цонк'апа обязалъ духовенство носить одежду желтаго цвѣта, почему его послѣдователи извѣстны подъ названіемъ желтошапочниковъ (*ша-сэръ*) въ отличіе отъ нереформированной секты ньинма-па, которая называется красношапочною (*ша-маръ*), и отъ приверженцевъ религіи бонь, или черношапочниковъ (*ша-нанъ*). При преемникахъ Цонк'апы, установившихъ новый догматъ о послѣдовательныхъ воплощеніяхъ божествъ или

довщина смерти Цонк'апы. Этотъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ: «*Гадань намчой*». Въ этотъ день во всѣхъ храмахъ выбрасываютъ старыя тормы изъ цамбы и замѣняютъ ихъ новыми [1]).

Подъ вечеръ ко мнѣ пришелъ монгольскій монахъ Лобзанъ-даньцзинъ, о которомъ я уже упоминалъ раньше, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе; онъ принесъ мнѣ въ подарокъ длинный шарфъ (к'атагъ) и овечью тушу. Онъ всего нѣсколько дней тому назадъ освободился изъ тюремнаго заключенія, въ которомъ пробылъ 2 мѣсяца по подозрѣнію въ какомъ-то подлогѣ; кромѣ того, онъ нѣсколько разъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Его учитель былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на три года и отправленъ въ тюрьму крѣпости К'амба-цзонъ.

Вечеромъ монахи монастыря Ташилхуньпо были заняты иллюминованіемъ своихъ часовенъ; сотни лампочекъ, налитыхъ масломъ, были со вкусомъ разставлены рядами по крышамъ всѣхъ монастырскихъ зданій. Правительство снабжаетъ масломъ каждый домъ въ городѣ и всѣхъ живущихъ здѣсь монаховъ для того, чтобы всѣ могли принять участіе въ иллюминаціи. Съ крыши своего дома я прекрасно видѣлъ иллюминацію всего города. Причудливыя крыши четырехъ мавзолеевъ (*чжіоп'игъ*) Таши-ламъ [2]) были кра-

---

выдающихся буддійскихъ дѣятелей въ образѣ людей, секта *гэлугъ-па* постепенно пріобрѣла большое значеніе въ Тибетѣ, и маньчжуры, по утвержденіи своемъ въ Китаѣ, поставили во главѣ свѣтскаго управленія Тибетомъ одного изъ главныхъ іерарховъ этой секты—Далай-ламу, воплощеніе божества Авалокиты. Такое положеніе секты гэлугъ-па позволило ей понемногу распространить свой авторитетъ и на другія существующія въ Тибетѣ секты, которыя все болѣе и болѣе сближаются съ гэлугъ-па и въ настоящее время сохраняютъ сравнительно немногія изъ своихъ прежнихъ особенностей; наиболѣе важнымъ отличіемъ ихъ нынѣ является то, что у каждой секты есть свой особый богъ-покровитель, и что духовенство ихъ большею частью женится (*ред.*).

[1]) *Торма*—маленькій конусъ вышиною отъ 3—4 дюймовъ до 1 фута и болѣе; онъ дѣлается изъ цамбы, масла, сахара и т. п.; иногда его поверхность выкрашивается. Нѣкоторыя тормы бываютъ значительныхъ размѣровъ. Онѣ ставятся передъ алтарями въ рядъ и знаменуютъ собою искупительныя жертвы. О празднованіи *гадань намчой* см. J. R. A. S., v. XXIII (1891), p. 214 (W. R.). Описаніе *торма* (*дурма*) или *балиновъ* см. Позднѣевъ, „Очерки быта буддійскихъ монастырей", стр. 325—327 (*ред.*).

[2]) На помѣщенномъ здѣсь рисункѣ мавзолеи эти представляютъ собою большія возвышающіяся надъ городомъ черныя (въ дѣйствительности красныя) зданія. Въ настоящее время ихъ пять, такъ какъ пятый Таши-лама умеръ, какъ говоритъ авторъ въ главѣ IX, 30 августа 1881 г. (*ред.*).

сиво освѣщены. Митрообразные шпицы и загнутые къ верху карнизы главнаго храма имѣли весьма красивый видъ. Большой монастырь Ташилхуньпо, расположенный у подножія холма, представлялъ собою великолѣпное зрѣлище. Иллюминація въ теченіе часа была очень красива, но затѣмъ около $7^1/_2$ часовъ вечера подулъ вѣтеръ, который потушилъ фонари, и я, дрожа отъ холода, долженъ былъ вернуться въ свою квартиру.

Одинъ изъ вновь воплощенныхъ ламъ, только что прибывшій сюда изъ провинціи Ту-к'амъ, въ восточномъ Тибетѣ [1]), воспользовался настоящимъ

Ташилхуньпо. (*По фотографіи О. Норзунова. Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXXIX вып. III*).

праздникомъ для приписки къ монашеской общинѣ *ту-к'амъ-цань*. Онъ пригласилъ Паньчэня изъ Кунь-к'ябъ-лина [2]) и подарилъ 3.800 монахамъ

---

[1]) *Ту-к'амъ*—повидимому, *Stod Khams* или „Верхній К'амдо", подъ которымъ, по всей вѣроятности, разумѣется область Дэргэ (W. R.).

[2]) Во время своего перваго пребыванія въ Ташилхуньпо Саратъ Чандра Дасъ былъ принятъ Паньчэнь-риньпочэ, котораго онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Великому ламѣ 26 лѣтъ; онъ худощавъ и средняго роста. У него замѣчательно широкій лобъ и большіе немного косые глаза

по 1 танькѣ каждому, сдѣлавъ также богатые подарки великому ламѣ (лхасскому?), его двору и «коллегіи воплощенныхъ ламъ». Около 8 часовъ утра прибылъ его святѣйшество Паньчэнь и былъ принятъ съ подобающими почестями монахами и государственными чиновниками. Дорога, по которой онъ проѣзжалъ, на протяженіи 300 ярдовъ была устлана краснымъ сукномъ, и по ея сторонамъ были разставлены хоругви. Старые ламы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги въ очень почтительной позѣ съ различными священными предметами въ рукахъ, желая получить отъ Паньчэня благословеніе (*чябъ-ванъ*) [1]); китайскія трубы, звучныя флейты (*чжялинъ*) и громогласные рога (*дунъ-чэнь*) играли въ честь его святѣйшества. Онъ сѣлъ въ большомъ залѣ (*Цо-к'анъ*) храма въ алтарѣ, чтобы предсѣдательствовать при совершеніи церемоніи пріема вышеупомянутаго ламы. Около 10 часовъ церемонія была окончена, и мы увидѣли монаховъ, весело возвращавшихся въ свои кельи, при чемъ каждый изъ нихъ несъ большой плоскій пирогъ, куски леденца и четки.

Новый воплощенецъ, принятый теперь въ Ташилхуньпо въ качествѣ послушника, прошелъ обычный курсъ нравственной дисциплины и обученія наравнѣ съ любымъ заурядным монахомъ. Въ теченіе года со дня допущенія въ монастырь каждый монахъ обязанъ выдержать экзаменъ въ знаніи священныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ долженъ выучить наизусть безъ малѣйшей ошибки 125 листовъ. Тѣмъ лицамъ, которыя приходятъ не изъ Тибета, обыкновенно даются три года на подготовку къ окончательному поступленію въ духовное званіе, при чемъ они пользуются за это время квар-

---

Выраженіе его лица хотя и очень интеллигентное, но мало привлекательно и лишено той привѣтливости и достоинства, которыми отличается министръ. Старые монахи Ташилхуньпо разсказывали мнѣ, что, въ противоположность своему предшественнику, нынѣшній великій лама внушаетъ къ себѣ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь, вслѣдствіе своего холоднаго самостоятельнаго обращенія. Онъ наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ обрядовъ и отправленіемъ справедливости и не скоръ къ прощенію проступковъ". *Кунъ-к'ябъ-линъ*—названіе резиденціи великаго ламы Ташилхуньпо, Паньчэнь-ламы (W. R.).

[1]) Богль (C. R. Markham, Narrative of the Mission of Geo. Bogle, p. 85) такъ описываетъ церемонію благословенія Паньчэнь-риньпочэ: „На гелюнговъ и мірянъ, занимающихъ очень высокое положеніе, онъ возлагаетъ свои ладони. Монахинямъ (анин) и ниже стоящимъ мірянамъ кладутъ между его рукою и ихъ головами кусокъ сукна; лицъ же низшаго класса онъ касается, по мѣрѣ того какъ они проходятъ мимо него, кистью, которую онъ держитъ въ своихъ рукахъ".

тирою и пищею. Кто не выдержитъ затѣмъ окончательнаго экзамена, тотъ лишается права на квартиру и содержаніе. Будучи же принятъ въ число монаховъ, каждый по мѣрѣ своего рвенія и усердія можетъ достигнуть различныхъ степеней въ ламайской іерархіи [1]).

Въ полдень между Ташилхуньпо и фортомъ (*цзонъ*) Шигацэ собралась большая толпа мужчинъ и женщинъ, разодѣтыхъ въ праздничные костюмы, а также монаховъ и немалаго числа китайцевъ, пришедшихъ посмотрѣть на канатныхъ плясуновъ. Длинный канатъ былъ проведенъ, на протяженіи 300 футовъ или болѣе, отъ вершины форта къ подножію нижняго дворцоваго моста. Появился атлетъ, шея котораго была повязана бѣлымъ шарфомъ; онъ занялъ мѣсто на верхнемъ краю каната. Устремивъ свой взоръ къ небесамъ, онъ призвалъ на помощь боговъ; затѣмъ съ лицомъ, обращеннымъ внизъ, онъ обратился къ *нага* [2]) нижняго міра, возвышая свой голосъ до самой верхней ноты и испуская по временамъ ужасающіе возгласы; послѣ этого, посыпавъ на всѣ стороны муки, онъ пропѣлъ куплетъ какой-то пѣсни, въ отвѣтъ на который въ толпѣ раздался смѣхъ. Затѣмъ атлетъ началъ скользить по канату внизъ, обмѣниваясь шутками съ толпою, и наконецъ, достигнувъ нижняго конца каната, пронзительнымъ возгласомъ завершилъ свое представленіе [3]).

П'урчунъ и Учжѣнь, которыхъ я попросилъ сходить купить для меня книгъ, возвратились около 2 часовъ съ большимъ ихъ количествомъ. Пока я выбиралъ для себя нужныя книги, ко мнѣ явился сынъ книгопродавца, чтобы взять назадъ остальныя. Я поговорилъ съ нимъ о различныхъ книгахъ, при чемъ онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ свѣдѣній.

Сегодня же я нанялъ себѣ новаго повара на мѣсто П'урчуна, котораго я рѣшилъ отправить въ К'амба-цзочъ, чтобы принять мѣры къ доставкѣ въ этотъ городъ отъ пограничнаго пункта Лачань купленнаго для министра литографскаго пресса.

---

[1]) Подробности по этому предмету см. Sarat Chandra Das, „Indian Pundits in the Land of Snow", и Waddell, op. cit, p. 173

[2]) *Нага*—„драконъ" (*ред.*).

[3]) W. Moorcroft (Travels in the Himalayan Provinces, I, p. 17) описываетъ тотъ же праздникъ, какъ онъ видѣлъ въ Кашмирѣ. Тамъ онъ называется *баратъ* и имѣетъ цѣлью предотвратить угрожающее зло. По словамъ китайскихъ авторовъ, въ Лхасѣ онъ празднуется нѣсколько дней спустя послѣ новаго года. См. J. R. A. S., vol. XXIII (1891), p. 209.

16-го декабря.

Поднявшись съ постели въ 7 часовъ утра, я разостлалъ на полу два матраца въ третьемъ этажѣ дома, открылъ ставни оконъ и, грѣясь на солнцѣ, попивалъ чай, перелистывая въ то же время одну изъ вновь пріобрѣтенныхъ мною книгъ. Жители сосѣднихъ домовъ выглядывали изъ оконъ своихъ квартиръ, интересуясь тѣмъ, что я дѣлаю. Поэтому отнынѣ я сталъ держать себя, какъ подобаетъ хорошему гэлону (священнику). Внимательное чтеніе книгъ и составленіе разнаго рода замѣтокъ были моими главными занятіями каждый день. Я не привыкъ пѣть мантры или гимны или же молиться по четкамъ, такъ какъ вообще никогда не предавался подобнымъ занятіямъ и могъ бы лишь машинально перебирать одну за другой бусы своихъ четокъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о молитвахъ, которыми долженъ сопровождаться этотъ актъ.

Нашъ новый поваръ оказался не лучше П'урчуна: онъ былъ въ высшей степени неряшливъ и, хотя я и обѣщалъ наградить его за опрятность и чистоту, не умывалъ своего лица и не чистилъ зубовъ [1]), и отъ него всегда исходилъ отвратительный запахъ; наконецъ, я сказалъ П'урчуну, чтобы онъ заставилъ его умыться и вычистить свой костюмъ. Нашъ завтракъ состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ кусковъ хлѣба, чаю и 2—3 чашекъ жидкой массы, приготовленной изъ вареной цамбы, баранины, сушенаго молока и называемой *ятугъ*.

Вечеромъ я посѣтилъ секретаря министра (Тунъ-чэня) и переговорилъ съ нимъ относительно доставки въ Ташилхуньпо литографскаго пресса. Вмѣстѣ съ Тунъ-чэнемъ сидѣли двое его пріятелей; одинъ изъ нихъ усердно пережевывалъ кусокъ вареной баранины. Онъ сказалъ мнѣ, что Тунъ-чэнь страдаетъ зубною болью, причиняемой находящимися въ корнѣ зуба червями [2]), и что онъ можетъ ѣсть только крошеное или рубленое мясо. Секретарь показалъ мнѣ свои зубы, въ которыхъ дѣйствительно были отверстія, сдѣланныя, по его словамъ, лентообразными червями (*ринпа*). Онъ

---

[1]) Тибетскіе повара обязательно мажутъ лицо сажей; это составляетъ столь же необходимую принадлежность ихъ туалета, какъ бѣлый колпакъ для француза-повара (W. R.).

[2]) Такое толкованіе пользуется большимъ распространеніемъ у китайцевъ, монголовъ и тибетцевъ; фраза: „Червякъ просверлилъ отверстіе въ моемъ зубѣ"—значитъ у нихъ: «У меня въ зубѣ есть дупло». Удаленіе изъ зуба омертвѣлаго нерва еще больше укрѣпляетъ въ нихъ это убѣжденіе (W. R.).

прибавилъ, что уже убилъ нѣсколько такихъ червей при помощи раскаленныхъ до красна булавокъ, которыя онъ втыкалъ въ отверстія.

17-го декабря,

Сегодня прибылъ изъ Донцэ посланный съ письмомъ отъ министра, въ которомъ послѣдній просилъ Учжѣня и меня пріѣхать въ Донцэ, находящійся въ разстояніи 40 миль, такъ какъ самъ онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не можетъ пока оставить этого города. Передъ отъѣздомъ я желалъ отправить П'урчуна въ К'амба-цзонъ, а равно запастись зимнимъ платьемъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ становилось все холоднѣе и холоднѣе. Въ нашемъ домѣ, какъ и вообще во всѣхъ домахъ Тибета, не было трубы, а такъ какъ потолки были обшиты китайскимъ атласомъ, то обыкновенное мѣстное топливо—изъ навоза—являлось непригоднымъ, и мнѣ пришлось въ своей комнатѣ жечь древесный уголь въ красивыхъ глиняныхъ жаровняхъ (*чжаланъ*), при чемъ за корзину угля я платилъ 1 рупію 4 анны.

Въ полдень изъ Дэчань П'одана [1]) прибыла большая процессія, устроенная для поклоненія изображенію китайскаго императора, находящемуся въ монастырѣ. Съ крыши министерскаго дома передо мною открывалась чудная картина южной и западной частей города. Тунъ-чэнь сказалъ мнѣ, что сегодня китайцы празднуютъ день восшествія на престолъ своего императора, и что они, а также всѣ вообще подданные обязаны воздать честь императору и просить Небо о ниспосланіи монарху долгой и счастливой жизни. Вотъ та процессія, которую я видѣлъ, и отправлялась въ монастырь, гдѣ хранится изображеніе китайскаго императора—по всей вѣроятности, Цяньлуна,—чтобы совершить предъ нимъ поклоненіе. Медленно и торжественно двигалась къ монастырю эта процессія, во главѣ съ лхасскими министрами, амбанями и министромъ Бора изъ провинціи Цанъ, черезъ западныя ворота. Впереди шли знаменщики и конница; затѣмъ ѣхали на богато убранныхъ лошадяхъ должностныя лица Тибета, одѣтыя въ парадныя одѣянія изъ узорчатаго атласа (*кинькабъ*), изукрашеннаго драконами, и китайцы, одѣтые въ шелкъ разныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Китайцевъ легко было отличить по ихъ косамъ и длинной одеждѣ; хотя они были очень

[1]) Въ описаніи своего перваго путешествія въ Тибетъ Чандра Дасъ говоритъ, что Дэчань П'оданъ—лѣтняя резиденція Паньчэнь-риньпочэ. Тамъ нѣтъ изображенія императора, а есть лишь императорская табличка (т. е. табличка, пожалованная императоромъ съ соотвѣтствующей надписью. —*Ред.*) и тронъ или государственное кресло (W. R.).

хорошо одѣты, но это были невзрачные и непривлекательные люди, представлявшіе рѣзкій контрастъ съ тибетской знатью съ ея исполненнымъ достоинства видомъ, и я невольно подумалъ, что, вѣроятно, вся эта толпа китайцевъ была набрана изъ низшихъ классовъ населенія западнаго Китая. Да и самъ Тунъ-чэнь сказалъ мнѣ, что эти люди извѣстны въ Тибетѣ своимъ разгульнымъ, разнузданнымъ поведеніемъ.

Нѣсколько человѣкъ несло квадратныя доски въ 2 фута шириною, на которыхъ были написаны титулы амбаня и указывались его полномочія по верховному надзору надъ всѣмъ Тибетомъ [1]). На однѣхъ изъ этихъ досокъ надписи были сдѣланы по-китайски, и ихъ несли китайцы, на другихъ — по-тибетски, и эти доски несли тибетцы. Министры (*шапэ*) также ѣхали верхомъ, а впереди ихъ шли два герольда, которые приглашали прохожихъ дать имъ дорогу. Каждаго изъ министровъ сопровождали на коняхъ три человѣка такимъ образомъ, что двое ѣхали по обѣимъ сторонамъ сановника, а третій ѣхалъ впереди, разгоняя народъ кнутомъ, который онъ то и дѣло пускалъ въ ходъ; позади министровъ бѣжали по два конюха, держа въ рукахъ хвостъ его лошади. Число чиновниковъ и дворянъ провинцій У и Цанъ, не считая свиты и слугъ амбаней, доходило до трехсотъ человѣкъ. Носилки амбаней несли китайскіе солдаты—по 8 человѣкъ на каждыя носилки; кромѣ того, до 50 тибетскихъ солдатъ помогали китайцамъ «тащить» носилки, держась за длинныя веревки, привязанныя къ ручкамъ [2]).

По окончаніи церемоніи поклоненія въ священныхъ часовняхъ и у гробницъ усопшихъ святыхъ вся процессія двинулась изъ монастыря черезъ восточныя ворота и, во главѣ съ министромъ Бора, пересѣкла рыночную площадь, направившись къ Кунь-кябъ-лину. Впереди ѣхали высшіе государственные чины, за ними казначей (*погпонь*) [3]) со своею свитою, далѣе китайскіе чиновники, за которыми слѣдовалъ главный амбань, несомый въ парадныхъ носилкахъ. Флаги, которые несли особые знаменщики красивыми рядами, были сдѣланы изъ китайскаго шелка; на концахъ же пикъ конвоя

---

[1]) Такія доски носятся въ Китаѣ при всѣхъ оффиціальныхъ процессіяхъ (W. R.).

[2]) Обычай этотъ извѣстенъ въ Китаѣ подъ названіемъ «ла-цзяо»—т. е. „тащить носилки". Онъ является скорѣе признакомъ важности чиновника, нежели помощью 8 людямъ, которые дѣйствительно несутъ носилки. Въ Тибетѣ право пользоваться зелеными носилками принадлежитъ только представителямъ императора, Далай-ламѣ и Паньчэнь-риньпочэ. (W. R.).

[3]) *Spogs-dpon. Spogs* (произносится *погъ*) значитъ „жалованіе чиновниковъ" или, болѣе спеціально, „содержаніе, даваемое ламамъ правительствомъ или монастырскими властями" (W. R.).

развѣвались флаги изъ парчи,—всѣ они были украшены надписями на китайскомъ и тибетскомъ языкахъ. Тибетцы занимали въ этой процессіи подчиненное положеніе, и китайцы всячески старались выставить на видъ свое первенство. Хотя толпившійся по пути народъ не безъ основанія долженъ былъ опасаться побоевъ со стороны китайцевъ, сновавшихъ повсюду, но конвой амбаня не позволялъ себѣ никакого насилія. Младшій амбань ѣхалъ верхомъ и, казалось, любовался видомъ арестантовъ, закованныхъ въ тяжелыя

Знатный тибетецъ.

цѣпи: это были недавно осужденные деревенскіе старшины, стонавшіе подъ тяжестью канги. Младшаго амбаня сопровождала почти такая же свита, какъ и старшаго, и столько же солдатъ несли его носилки. За младшимъ амбанемъ слѣдовали министры (*шапэ*), каждый со своею свитою. Всѣ конвойные былъ вооружены китайскими кремневыми ружьями и длинными копьями. За ними слѣдовали армейскіе капитаны и поручики съ сотней солдатъ; далѣе шли чиновники Лабрана и Цзона [1]) въ желтыхъ и черныхъ тюрбанахъ. Амбани

[1]) *Лабранъ*—буквально значитъ „жилище ламы-сановника"; здѣсь разумѣется дворецъ Таши-ламы. *Цзонъ*—крѣпость въ Шигацэ (*ред.*).

*

были приняты его святѣйшествомъ Паньчэнемъ съ надлежащими почестями, и они сами, съ своей стороны, оказали ему подобающее его высокому положенію и священному званію уваженіе.

Вечеромъ я видѣлся съ Тунъ-чэнемъ, который далъ мнѣ очень цѣнную рукопись, озаглавленную: «Dsamling gyeshe», т.-е. «Общій очеркъ міра». Я взялъ ее съ собою домой для прочтенія [1]).

18-го декабря.

Тунъ-чэнь послалъ одного изъ смотрителей складовъ, по имени Цэринъ-таши, въ Тоньдубъ к'ансаръ [2]), чтобы достать паспортъ *(ламъ-игъ)* для П'урчуна на проѣздъ въ К'амба-цзонъ и Лачань за нашимъ тяжелымъ багажемъ. Въ 7 часовъ утра явился портной, чтобы принятьсѧ за шитье для меня зимняго платья. Мы приготовили для него котелокъ съ чаемъ, который и стоялъ все время на глиняной жаровнѣ; кромѣ того, передъ нимъ была поставлена чайная чашка, нѣсколько кусковъ вареной баранины и деревянная чаша съ цамбою. Портной почти черезъ каждый часъ пилъ немного чая и сверхъ того 3 раза въ день закусывалъ. Завтракъ его состоялъ изъ вареной баранины, цамбы и чая; въ полдень мы дали ему порцію риса, баранины, цамбы и чаю; въ 6 часовъ пополудни онъ снова поѣлъ цамбы, затѣмъ, надѣвъ свой желтый тюрбанъ (*бакто*), сдѣлалъ низкій поклонъ и отправился домой въ деревню Таши-чжяньца. Я былъ весьма доволенъ его усердною работою, которою онъ заслужилъ себѣ прозвище *учжэ чэньпо*, т. е. «лучшій изъ ремесленниковъ» [3]) и обезпечилъ себѣ заработокъ въ размѣрѣ 1 таньки въ день сверхъ пищи.

---

[1]) Чандра Дасъ далъ переводъ извлеченія изъ этой рукописи въ Journal of the Asiatic Society of Bengal, v. IV, pp. 201—203, и въ части VII своего труда: „Narrative of a Journey round Lake Yamdo", pp. 117—130. Хотя эти извлеченія содержатъ много интересныхъ подробностей, они не включены въ настоящій трудъ, такъ какъ большая часть упоминающихся въ нихъ тибетскихъ географическихъ названій еще не отождествлена. По словамъ Чандра Даса, авторомъ рукописи является Цаньпо Nomenkhan изъ Амдо (W. R.). *Nomenkhan*, несомнѣнно, монгольскій титулъ *номыйнъ-ханъ* („царь ученія"), такъ что, по всей вѣроятности, авторъ—амдоскій монголъ (*ред.*).

[2]) Тоньдубъ к'ансаръ—резиденція министра (*шапэ*) Бора въ Ташилхуньпо (*ред.*).

[3]) Точнѣе, „мастеръ-портной" — *ву-чжэ* (*дву--рчжэ*) *цэмъ-по*. О Ташичжяньца см. ниже, стр. 93 (W. R.).

19-го декабря.

Сегодня Цэринъ-таши вновь отправился за паспортомъ: задержка въ полученіи послѣдняго произошла отъ того, что Тунъ-чэнь не задобрилъ писцовъ и чиновниковъ, вѣдающихъ эти дѣла.

Старшій амбань сегодня отправился въ Лхасу черезъ Чжяньцэ и Нангарцэ-цзонъ. Всѣ лошади, какія только были въ Шигацэ, были забраны подъ многочисленную свиту и багажъ вельможи, такъ что младшій амбань и министры не могли уѣхать по недостатку перевозочныхъ средствъ (*ула*). Мѣстнымъ властямъ г. Чжяньцэ былъ отданъ приказъ о доставленіи имъ означенныхъ средствъ, какъ только старшій амбань достигнетъ этого города. Между тѣмъ въ Шигацэ по всему рынку бродили китайцы и забирали все лучшее безплатно или же по ничтожной цѣнѣ. Пріѣхавшіе въ городъ должны были хладнокровно смотрѣть на то, какъ чиновники *та-у* забирали ихъ лошадей для надобностей амбаня и отправляли ихъ съ багажемъ въ Чжяньцэ. Мои люди ничего не могли купить, такъ какъ большая часть торговцевъ, упаковавъ свой товаръ, бѣжала, но они какъ-то ухитрились купить въ самомъ монастырѣ баранины и рису, при чемъ мы убѣдились, что тамъ можно доставать хорошую провизію по сравнительно умѣреннымъ цѣнамъ.

20-го декабря.

Большую часть сегодняшняго дня я употребилъ на чтеніе сборника гимновъ, сочиненія второго Далай-ламы [1]); эту книгу я купилъ у одного книгопродавца въ Лхасѣ.

Сегодня сюда прибыло пять человѣкъ изъ Чжяньцэ, и ихъ пріѣздъ сразу сдѣлался извѣстенъ нищимъ (*рочжяба*), которые постоянно слѣдятъ за всѣми вновь прибывающими и сейчасъ же обступаютъ ихъ съ настойчивыми требованіями милостыни. Очень немногимъ удается отдѣлаться отъ нихъ, не уплативъ имъ нѣкоторой суммы. Лишь только рочжяба замѣтили людей изъ Чжяньцэ, какъ тотчасъ же извѣстили о появленіи новой добычи всю нищую братію, которая и набросилась на нихъ, словно ястребы. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ заслуживаютъ свое наименованіе (*рочжяба*), которое значитъ «трупные ястребы» [2]), хотя, говоря правду, они охотятся за живыми.

---

[1]) Второй Далай-лама былъ извѣстенъ подъ именемъ Гэдунь-чжяцо. Онъ родился въ 1476 году (W. R.).

[2]) По словарю Jaeschke, „ястребъ“ по-тибетски *ю-во*, а *ро* значитъ „трупъ“. Ниже (въ главѣ VI) Саратъ Чандра Дасъ называетъ нищихъ *рачжяба* и говоритъ, что ихъ дома (по крайней мѣрѣ въ Лхасѣ) имѣютъ

Прибывшіе изъ Чжяньцэ принесли извѣстіе о томъ, что правительство Лхасы издало приказаніе не пропускать ни въ ту ни въ другую сторону ни одного торговца черезъ пограничные проходы; по словамъ вновь прибывшихъ, два префекта (*цзонпонь*) П'агри внимательно слѣдятъ за исполненіемъ этого приказанія, и до сихъ поръ еще никому не удалось обмануть ихъ бдительности и пробраться въ Дарджилинъ. Даже нѣсколько б'утанскихъ торговцевъ были задержаны по дорогѣ въ Лхасу въ П'агри. Тѣмъ не менѣе другая партія б'утанцевъ, не взирая на цзонпоней, отправилась въ Лхасу. Б'утанское правительство было крайне раздражено подобнымъ необычнымъ вмѣшательствомъ со стороны тибетцевъ въ торговлю, которая велась между Тибетомъ и Б'утаномъ съ древнѣйшихъ временъ.

21-го декабря.

Сегодня новолуніе (*намъ-ганъ*, или «полная ночь»)—одинъ изъ самыхъ священныхъ дней мѣсяца. Громкій звукъ трубъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, призвалъ ламъ на молитву. Съ ранняго утра до заката солнца большое число мужчинъ и женщинъ ходили вокругъ монастыря, держа въ рукахъ четки или молитвенныя колеса. Рано утромъ непальцы обошли кругомъ большой монастырь, ударяя въ кимвалы и распѣвая санскритскія мантры.

Около 10 часовъ мое вниманіе было привлечено необычнымъ зрѣлищемъ, открывшимся къ востоку отъ монастыря. Тамъ все пространство между большимъ мэньдономъ, находящимся у рынка, и восточными воротами Ташилхуньпо было полно нищихъ обоего пола. Среди нихъ были жители провинцій Амдо и К'амъ (Khams), съ выколотыми глазами за убійство ламъ и тому подобныя преступленія. Нѣкоторые изъ нищихъ были увѣчные и ходили на костыляхъ, другіе носили на себѣ тяжелыя цѣпи, третьихъ везли въ тачкахъ; тутъ были глухіе, нѣмые, разные калѣки, у многихъ были еще ясно видны слѣды пытокъ, которымъ они подвергались, — словомъ, это было скопленіе всевозможныхъ бѣдъ и горестей. Посреди этой толпы стоялъ хорошо извѣстный здѣсь Лхагпа-цэринъ и раздавалъ нищимъ милостыню по 1 аннѣ каждому. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ дѣлалъ это въ первый день каждаго новолунія. Обстоятельства, побудившія этого до-

---

стѣны изъ роговъ. Такъ какъ „рогъ" по-тибетски *ра-чо*, то можно думать, что названіе этого класса людей *ра-чо-па* — „роговые". Рокхилю не приходилось видѣть этого названія въ письменномъ видѣ (W. R.).

стойнаго человѣка роздавать такія подаянія нищимъ, весьма замѣчательны и поучительны.

Лхагпа-цэринъ былъ серебряныхъ дѣлъ мастеромъ и своимъ усерднымъ трудомъ нажилъ себѣ довольно порядочное состояніе, такъ что сдѣлался ювелиромъ и банкиромъ. Дѣла его шли прекрасно: въ его магазинѣ находились всевозможныя драгоцѣнности: прекрасныя фарфоровыя издѣлія, кораллы, жемчугъ, бирюза, яшма и т. п.; кліентами и покупателями у него были всѣ высокопоставленныя лица въ странѣ. Онъ сталъ также извѣстенъ своими щедрыми пожертвованіями, которыя онъ дѣлалъ монастырю Ташилхуньпо. Лѣтъ 10 тому назадъ въ Шанѣ жилъ одинъ святой лама, по имени Чябтамъ. Чистота его жизни и глубокая ученость сдѣлали его предметомъ поклоненія всѣхъ классовъ населенія провинціи Цанъ. Ювелиръ Лхагпа, убѣжденный въ томъ, что если онъ поднесетъ подарокъ столь святому лицу, то его барыши увеличатся во сто кратъ, отправился въ Шанъ и предложилъ ламѣ 1250 рупій и, кромѣ того, еще много разныхъ драгоцѣнностей. Однако лама отказался отъ всего, говоря, что эти дары подносятся отъ нечестнаго заработка нечестивымъ человѣкомъ. «Въ предшествующемъ перерожденіи ты былъ великимъ грѣшникомъ», сказалъ ему лама: «а въ будущемъ ты будешь крокодиломъ».

На слѣдующее утро Лхагпа, исполненный ужаса передъ угрожающей ему участью, пришелъ къ мудрецу и просилъ научить его, какимъ образомъ онъ можетъ отвратить отъ себя страшное наказаніе,—какія дѣла благотворительности, какіе добрые поступки могутъ спасти его, но лама не далъ на этотъ разъ никакого отвѣта. На слѣдующій день ювелиръ вторично явился къ ламѣ, и святой, посмотрѣвъ въ свое волшебное зеркало, сказалъ: «Если ты до конца своей жизни будешь подавать милостыню бѣднымъ и безпомощнымъ, безъ различія ихъ національности, вѣроисповѣданія и общественнаго положенія, въ первый день каждой новой луны, тогда ты достигнешь великаго благополучія и избѣжишь возрожденія въ видѣ крокодила; другого средства спасенія для тебя нѣтъ». Послѣ этого онъ отправилъ Лхагпа обратно, не принявъ отъ него никакихъ подарковъ. Съ тѣхъ поръ Лхагпа неизмѣнно раздаетъ милостыню каждое первое число мѣсяца. Его примѣръ произвелъ благотворное впечатлѣніе на всѣхъ купцовъ провинціи К'амъ, которые съ этихъ поръ стали нѣсколько воздерживаться отъ обмана. Когда торговецъ обманываетъ другого, онъ — если только онъ буддистъ— обыкновенно думаетъ, что выгаданная этимъ путемъ сумма осталась не дополученной имъ въ прежнемъ перерожденіи. Это опасный принципъ.

Вблизи кладбища г. Шигацэ, называемаго Кэга-цаль, находится китай-

ское кладбище, заключающее въ себѣ около 300 могилъ разной величины и очень грубаго устройства. Неподалеку отъ этого кладбища находится военный плацъ, пространствомъ въ $^1/_2$ квадратной мили, называемый Чжахъ-ху-танъ. Плацъ этотъ соприкасается съ обнесеннымъ стѣною мѣстомъ, предназначеннымъ для стрѣльбы въ цѣль изъ луковъ и ружей; посреди этого пространства построенъ большой домъ для амбаней. По бокамъ этого плаца выстроены высокія башни, предназначенныя для барабанщиковъ и трубачей. Сегодня сюда собрались старшины со всего края, чтобы представить носильщиковъ и вьючныя животныя, которые были затребованы для младшаго амбаня и для тибетскихъ чиновниковъ, возвращающихся въ Лхасу. Было заготовлено 300 лошадей, при чемъ было рѣшено, что каждую лошадь будетъ сопровождать особый человѣкъ. Амбань отдалъ приказъ, чтобы ему доставили всѣхъ лошадей, имѣющихся на-лицо въ провинціи, кому бы эти лошади ни принадлежали—частнымъ ли лицамъ, купцамъ или пилигримамъ.

22-го декабря.

Сегодня въ девять часовъ утра младшій амбань, со свитою изъ 300 всадниковъ, отправился въ Лхасу. Собственники подставныхъ лошадей слѣдовали за ними пѣшкомъ, идя наравнѣ съ лошадьми; если же они отставали, то всадники подгоняли ихъ кнутомъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ нихъ бѣжали и исчезли безслѣдно, предпочитая покинуть своихъ лошадей на произволъ китайцевъ, нежели переносить ихъ побои.

Я слышалъ, что изъ шести деревенскихъ старшинъ, сосланныхъ въ Рэ и К'амба-цзонъ за участіе въ послѣднихъ волненіяхъ, одинъ умеръ въ дорогѣ, а другой находится при смерти.

23-го декабря.

Сегодня отправился въ Лхасу министръ (*шапэ*) Лхалу, со свитою изъ 100 всадниковъ. Съ лошадьми, взятыми въ качествѣ *ула*, и людьми, которые должны сопровождать лошадей, обращаются весьма немилосердно; люди должны нести на себѣ не только провизію для себя, но также и фуражъ для своихъ животныхъ. Въ настоящемъ случаѣ они получили оповѣщеніе незадолго до отъѣзда, и потому не успѣли подготовиться къ продолжительному путешествію. Тѣмъ не менѣе народъ покорно и терпѣливо несетъ эту подневольную службу, такъ какъ она уже сдѣлалась установившимся обычаемъ страны.

Сегодня на рынокъ было привезено много глиняной посуды изъ дере-

вень Танагъ и Лхолинъ, расположенныхъ по берегу рѣки Цанъ-по, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверо-западу отъ Шигацэ. Въ этихъ пунктахъ добывается превосходная глина, и жители ведутъ доходную торговлю глиняной посудой съ сосѣдними областями. Танагская глиняная посуда находитъ себѣ большой сбытъ не только въ Тибетѣ, но и въ странахъ, лежащихъ по южную сторону Гималаевъ, гдѣ больше всего встрѣчаются нелуженая мѣдная утварь; жители Сиккима и Дарджилина употребляютъ исключительно танагскую посуду, предпочитая ее гончарнымъ издѣліямъ, изготовляемымъ непальцами, живущими въ нижнихъ Гималаяхъ. Танагская глиняная посуда привозится на берега р. Цанъ-по на ослахъ и отсюда отправляется по водѣ въ кожаныхъ лодкахъ (*кодру*) къ перевозу Патама, находящемуся въ 4 миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Шигацэ. Патамскіе купцы, которые, кстати сказать, съ большимъ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ на наносной почвѣ вдоль береговъ рѣки и зарабатываютъ немало денегъ рыбной ловлей и на перевозѣ, доставляютъ глиняную посуду въ Шигацэ на ослахъ, которые медленно тащатся по дорогѣ, позванивая колокольчиками, привязанными къ шеѣ. Гончарный товаръ, выдѣлываемый въ Лхолинѣ, перевозится въ Шигацэ черезъ Танагъ. Названная мѣстность извѣстна изготовленіемъ огромныхъ чановъ для вина или воды; они отличаются громадной тяжестью, такъ что ихъ съ трудомъ поднимаютъ два человѣка. Танагская посуда очень хорошо глазирована, такъ что она вполнѣ выдерживаетъ сравненіе съ китайскими и европейскими издѣліями, продаваемыми въ магазинахъ Калькутты [1]).

Сегодня на рынкѣ было очень много дико одѣтаго народа племени докпа изъ провинціи Чанъ; женщины были одѣты въ такіе тяжелые и фантастическіе костюмы, что человѣкъ, ранѣе не видавшій ничего подобнаго, былъ

---

[1]) Я никогда не видѣлъ, какъ выдѣлывается глиняная посуда въ Тибетѣ, но хорошо знаю, что для этой цѣли колесо не употребляется. Капитанъ R. B. Pemberton въ своемъ „Report on Bootan" (въ „Political Missions to Bootan", p. 74) даетъ краткое описаніе того, какъ дѣлается глиняная посуда среди племени б'утія. Между прочимъ онъ говоритъ, что „кусокъ компоста кладется на гладкую доску, утверждаемую на трехъ палкахъ, и его начинаютъ мѣсить по направленію отъ средины къ краямъ доски до тѣхъ поръ, пока не получится отверстіе въ массѣ. Затѣмъ это отверстіе постепенно уширяется, при чемъ для того, чтобы сохранить его круглую форму, работникъ постоянно ходитъ вокругъ доски, на которой находится масса... Приготовленная такимъ образомъ масса образуетъ верхнюю часть сосуда, нижняя изготовляется такимъ же образомъ. Затѣмъ обѣ части соединяются, и сосудъ готовъ". Все это описаніе очень интересно (W. R.).

бы крайне пораженъ. Смотря на этихъ дикарей издали, можно было подумать, что они стараются походить своими костюмами на павлиновъ; съ ихъ головныхъ уборовъ свѣшивалось такъ много разноцвѣтныхъ бусъ изъ стекла, коралловъ, амбры и бирюзы, что лишь съ трудомъ можно было разсмотрѣть ихъ лица.

Сегодня портной кончилъ шить нашъ зимній костюмъ, состоявшій изъ китайскаго сюртука (*Kwa-tse*) и брюкъ (*пи-шу*) [1]). Подкладка, изъ ягнячьихъ шкурокъ, была сшита очень аккуратно. Кромѣ того, я пріобрѣлъ лисью (*вапа*) шапку, сшитую по господствующей въ Лхасѣ модѣ. Имѣя все это, я почувствовалъ себя вполнѣ хорошо экипированнымъ для путешествія въ Донцэ. Чтобы сдѣлать мѣховую подкладку для одежды, я купилъ около 60 ягнячьихъ шкурокъ за $7^1/_2$ рупій. Эти шкурки были, повидимому, сняты съ очень молодыхъ ягнятъ, падшихъ вскорѣ послѣ рожденія, такъ какъ цѣна отдѣльной шкурки не превышала 3—4 анна, живые же ягнята стоятъ вдвое дороже, почему невѣроятно, чтобы ихъ убивали изъ-за шкурокъ. Впрочемъ нерѣдко случается, что пастухи убиваютъ овецъ изъ-за мягкой шкурки еще не родившихся ягнятъ, такъ какъ она цѣнится очень высоко. Однако спросъ изъ Китая на подобныя шкурки въ послѣдніе годы значительно уменьшился, и случаи убіенія овецъ для полученія этихъ шкурокъ теперь становятся болѣе рѣдкими [2]).

Вечеромъ Цэринъ-таши принесъ намъ паспортъ изъ Тоньдубъ-к'ансара съ разрѣшеніемъ на провозъ нашихъ вещей изъ Лачаня въ Ташилхуньпо. Обыкновенно паспорта выдаются въ незапечатанныхъ конвертахъ, но нашъ паспортъ былъ вложенъ въ пакетъ на имя цзонпоня г. К'амба, такъ что мы не могли узнать его содержанія и боялись, что въ немъ заключаются какія-то приказанія, вѣроятно, о тщательномъ досмотрѣ нашего багажа. Тунъчэнь подагалъ, что никакихъ затрудненій отъ этого не произойдетъ, но мы не могли согласиться съ его мнѣніемъ.

24-го декабря.

Рано утромъ, умывшись, я поднялся наверхъ, чтобы посидѣть немного на солнцѣ; поваръ принесъ чай и поставилъ его передо мною на жаровнѣ.

---

[1]) *Гуа-цзы*—названіе, употребляемое китайцами для обозначенія короткой куртки для верховой ѣзды. Тибетцы высшихъ классовъ заимствовали у китайцевъ эту принадлежность ихъ туалета, а равно китайское ея названіе. Я никогда не слышалъ, чтобы брюки назывались иначе, какъ *ма-іо* (*smad—gyogs*). (W. R.)

[2]) Ср. Sam. Turner, op. cit., p. 303.

Я выпилъ три или четыре чашки, согрѣвая свои окоченѣвшія руки о теплую чашку. Въ это время прибылъ писецъ Дунъигъ П'урчинъ, а вскорѣ послѣ него явился и К'амба Дунъигъ [1]). Я принялъ перваго со словами: «*чягъ-п'эбъ, нанъ-чигъ*» («пожалуйста, войдите»), протянулъ ему правую руку, а въ знакъ особаго уваженія ко второму изъ названныхъ лицъ я еще приподнялся со своего мѣста, пригласивъ его сѣсть по лѣвую руку на томъ же коврѣ, на которомъ сидѣлъ я самъ. Послѣ взаимнаго обмѣна обычныхъ любезностей онъ раскрылъ связку съ бумагами и показалъ мнѣ альманахъ, который онъ переписывалъ для министра. При этомъ онъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, что не можетъ переписать рукописи *Dsamling-gyeshe*, но рекомендовалъ мнѣ для этой цѣли Дунъигъ П'урчина; послѣдній согласился переписать рукопись за плату по 1 танькѣ за 6 листовъ, не считая бумаги и чернилъ.

Сегодня пришло извѣстіе о смерти цогпоня Шаньку—самаго богатаго изъ шести деревенскихъ старшинъ, наказанныхъ за участіе въ послѣднемъ бунтѣ. Я видѣлъ, какъ нѣсколько человѣкъ монаховъ и мірянъ несли изъ монастыря въ Шигацэ три громадныхъ мѣдныхъ котла по 5 футовъ въ діаметрѣ; мнѣ сказали, что въ этихъ котлахъ будетъ вариться чай и *тугпа* (супъ изъ цамба съ рубленымъ мясомъ и рѣдькою) для угощенія болѣе 1000 человѣкъ нищихъ въ память умершаго; эти котлы принадлежали монастырю и были взяты на прокатъ для этого случая.

Въ базарное время Учжѣнь посѣтилъ одного непальца (балпо) [2]), своего пріятеля въ Шигацэ, отъ котораго узналъ, что непальская торговля терпитъ большой ущербъ отъ привоза на тибетскій рынокъ товаровъ изъ Калькутты. «Въ прежнія времена», сказалъ онъ, «балпоскіе торговцы наживали здѣсь до 100 % прибыли, но теперь, когда калькуттскіе товары

---

[1]) *Дунъигъ* или *drung-yig*—„писецъ, секретарь". *К'амба Дунъигъ*—„писецъ изъ провинціи К'амъ" (восточный Тибетъ)—(W. R.).

[2]) Тибетцы обыкновенно называютъ непальцевъ *пэрбу* (*peurbu*), а китайцы *бэ* (или *бѣ*)-*бунъ-цзы*. Ихъ нельзя смѣшивать съ гуркасцами, которые извѣстны подъ названіемъ Korhka. Гюкъ въ своемъ трудѣ: „Souvenirs d'un Voyage, etc.", II, p. 267, называетъ ихъ пэбунъ (Péboun). О проживающихъ въ Лхасѣ непальцахъ Гюкъ пишетъ: „Les Péboun sont les seuls ouvriers métallurgistes de Lha-Ssa. C'est dans leur quartier qu'il faut aller chercher les forgerons, les chaudronniers, les plombiers, les étameurs, les fondeurs, les orfèvres, les bijoutiers, les mécaniciens, même les physiciens et les chimistes" (W. R.). *Балпо* или собственно *Палпа* — это главный округъ въ Западномъ Непалѣ.

доставляются въ Тибетъ по болѣе короткой дорогѣ, чѣмъ на Катманду, черезъ который приходится проѣзжать намъ, наша прибыль сильно уменьшилась, и самые размѣры торговли сократились».

Въ тотъ же день, къ вечеру, явились посланные отъ Тунъ-чэня сказать, чтобы мы были готовы отправиться завтра утромъ въ Донцэ, такъ какъ уже сдѣланы всѣ распоряженія относительно нашей поѣздки. Намъ предстояло недолго оставаться въ Донцэ въ виду того, что черезъ нѣсколько дней министръ хотѣлъ возвратиться въ Ташилхуньпо; поэтому намъ сказали, чтобы мы не брали съ собой много вещей и не нанимали ословъ для перевозки багажа, какъ это мы предполагали сдѣлать. Вечеръ я провелъ за письмами домой, чтобы послать ихъ съ П'урчуномъ, который долженъ былъ, одновременно съ нами, отправиться изъ Ташилхуньпо къ сиккимской границѣ.

ГЛАВА III.

Поѣздка въ Донцэ.

25-го декабря.

Мы встали рано, кончили свои письма и снарядили П'урчуна въ дорогу къ сиккимской границѣ. Послѣ чаю я послалъ Учжѣня на рынокъ за провизіей, и онъ принесъ оттуда значительное количество *пинъ*, баранины, овощей, свѣжей вермишели (*чжя-тугъ*), которую я очень полюбилъ. Двѣ сильныя лошади были осѣдланы и ожидали насъ подъ присмотромъ конюха у западныхъ воротъ (*чжялго*) монастыря. Мѣшки съ нашими пожитками были ввѣрены попеченію слугъ Тунъ-чэня, и въ 3 часа пополудни мы, покинувъ Ташилхуньпо, медленно двинулись по направленію къ деревнѣ Таши-чжяньца. Тунъ-чэнь былъ одѣтъ въ церковный костюмъ, а на головѣ у него была отдѣланная шелкомъ *чоса* [1]—родъ шляпы, которую носятъ лица духовнаго званія; эту шляпу онъ замѣнилъ лисьей шапкой съ подкладкой изъ коричневаго атласа, лишь только мы достигли деревни Таши-чжяньца.

Изъ Таши-чжяньца открывался чудесный видъ на Ташилхуньпо; четыре золоченыхъ мавзолея прежнихъ Таши-ламъ, расположенные въ срединѣ монастыря, сіяли при лучахъ солнца. Подходить къ Таши-чжяньца приходится по тропинкѣ, высѣченной по склону небольшого холма, футовъ въ 20 высоты, на вершинѣ котораго и расположена самая деревня. Улицы здѣсь извилисты и грязны, а постройки, бьющія съ виду на удобство,

---

[1]) *Chos dja*. Это, вѣроятно, желтая остроконечная шляпа съ отворотами, составляющая обыкновенный головной уборъ ламъ внѣ монастыря; въ стѣнахъ же монастыря всѣ ходятъ съ непокрытыми головами (W. R.).

раскрашены въ полоску красной, черной и синей глиной и обнесены стѣнами такъ, что передъ каждымъ домикомъ имѣется дворъ. По лѣвую сторону дороги находится прекрасно устроенный мэньдонъ. Вся эта деревня населена низшими канцелярскими служащими, писцами, живописцами и ремесленниками изъ Ташилхуньпо; большая часть изъ нихъ получаетъ содержаніе *(подъ)* изъ Лабрана. Въ этой деревнѣ очень много скота *(чжо)* и, когда мы проходили черезъ нее, то видѣли, какъ два высокаго роста человѣка, одѣтыхъ въ куртки изъ козьей шкуры *(бок'у)* и имѣвшихъ дикій видъ, гнали нѣсколько яковъ, на спинахъ которыхъ были вьючныя сѣдла. Старики сидѣли въ дверяхъ своихъ жилищъ, грѣясь на солнцѣ; за деревней, у чортэня, стоялъ караванъ яковъ и ословъ.

Мы прошли мимо группы поселковъ, называемой Пэронъ-шавэа, по срединѣ которой находится небольшой садъ и ивовая роща; затѣмъ мы миновали деревню Дэки-рабданъ; далѣе, на разстояніи 2 миль отъ Таши-чжяньца, мы достигли большого селенія К'ара Тэдонъ, начальникомъ которой состоитъ *дахпонъ* (генералъ), недавно отставленный отъ командованія войсками въ Гартокѣ (близъ Рудока). Судя по внѣшнему виду построекъ, можно было заключить, что деревня эта пользуется значительнымъ благосостояніемъ. Пройдя далѣе черезъ деревни Сунапара и Сарща и оставивъ деревни Доринъ и Сэмаронь вправо отъ себя, мы черезъ 2 мили пути подошли къ рѣкѣ Нумъ-чу, въ настоящее время почти высохшей, которая беретъ начало въ горахъ, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ города Нартанъ и окаймляющихъ платообразную долину Чюгпу-Шунъ. Немного восточнѣе этого потока находится большое селеніе Чжяцо-шаръ, состоящее изъ 12 поселковъ, разбитыхъ на двѣ или три группы.

Въ 5 часовъ пополудни мы пришли въ деревню Чянъ-чу, отстоящую въ $^1/_4$ мили отъ рѣки Нумъ-чу и принадлежащую нашему другу—министру. Къ востоку отъ деревни находится небольшой садъ, въ которомъ стоитъ домикъ, называемый Лобдинъ; здѣсь министръ проводитъ нѣсколько дней во время осеннихъ праздниковъ и принимаетъ ванны. Въ Чянъ-чу родился Тунъ-чэнь, и мы остановились въ его домѣ, у воротъ котораго были привязаны двѣ большихъ собаки. Двое слугъ помогли намъ сойти съ лошадей, а двое другихъ придержали собакъ, пока мы не вошли внутрь дома, гдѣ насъ встрѣтилъ здѣшній деревенскій старшина Дэба-Шик'а [1),

---

[1]) *Шик'а*, какъ говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, значитъ „полицейскій, сыщикъ". (W. R.)

который призналъ во мнѣ стараго знакомаго. Насъ ввели въ центральную комнату верхняго этажа, гдѣ для насъ были приготовлены два мягкихъ сидѣнія *(бу-дань)*. Комната была просторна, но въ ней было темно и пыльно; въ одномъ изъ угловъ была сложена груда мѣшковъ изъ шкуръ яковъ. Мой слуга, Лхагпа-сринъ, разостлалъ мой к'амскій коверъ на сидѣніяхъ, а затѣмъ занялся переноскою моихъ вещей со двора. Тотчасъ же

Рѣка Зэму у перевала Чатанла.

явился Дэба и предложилъ намъ освѣжиться чаемъ и чаномъ (виномъ). Лхагпа, очень выразительно глядѣвшій, какъ служанка наливала чанъ въ чашку Учжѣня, дѣлалъ ей знаки, чтобы она налила и ему, но, къ крайнему его разочарованію, служанка ушла, не обративъ вниманія на его знаки; вскорѣ однако явилась другая служанка съ большой кружкой и налила вина слугамъ. Затѣмъ появилась жена Дэбы съ очень красивымъ кувшиномъ въ рукахъ и предложила мнѣ чанъ, но я отказался. Спустя нѣкоторое время, былъ поданъ обѣдъ въ луженыхъ мѣдныхъ сосудахъ,

похожихъ на салатники. Первое блюдо состояло изъ рубленой баранины и цамбы; затѣмъ подали такую же баранину съ вермишелью. Меня все время угощалъ самъ Дэба, желавшій, очевидно, выказать свое вниманіе гостю изъ далекой страны.

Послѣ обѣда Тунъ-чэнь, который обѣдалъ въ отдѣльной комнатѣ, повелъ меня въ помѣщеніе своей матери, гдѣ у пылающаго камина (*чжаланъ*) сидѣла старушка Анла [1]) и сынъ Дэбы, Дамдулъ. Старушкѣ было болѣе 80 лѣтъ; волоса ея были бѣлы, какъ снѣгъ. Я подсѣлъ къ нимъ; вскорѣ къ намъ присоединились и другіе члены семейства; мы пили чай, разговаривая о священныхъ городахъ Индіи: Вачжрашенѣ, Варанаси и Капилавасту, а равно о состояніи буддизма въ современной Индіи. Анла нѣсколько разъ вздохнула, услышавъ, что всѣ священныя мѣста древней Индіи находятся теперь въ разрушенномъ состояніи. Я разсказалъ вкратцѣ исторію древней Индіи и Тибета, и мой разсказъ очень понравился всему обществу; даже Тунъ-чэнь выразилъ свое живѣйшее удовольствіе. Прежде, нежели пожелать спокойной ночи своимъ любезнымъ хозяевамъ, я подарилъ пару рупій Тунъ-чэню и одну рупію его матери; они взяли деньги очень неохотно, сказавъ при этомъ, что такъ какъ на ихъ обязанности лежитъ угождать мнѣ, то они не могутъ отказать мнѣ въ удовольствіи дѣлать имъ подарки. Лхагпа показалъ мнѣ постель, которая была приготовлена для меня въ той комнатѣ, гдѣ мы обѣдали. Дэба вошелъ, чтобы узнать, удобно ли мнѣ здѣсь, и, найдя мои одѣяла слишкомъ легкими, принесъ мнѣ два толстыхъ шерстяныхъ одѣяла, которыми мой слуга и окуталъ меня.

26-го декабря.

Дэба имѣетъ дюжину *чжомо* [2]) и коровъ, дающихъ много молока. *Чжомо* даютъ въ 4 раза больше молока, чѣмъ корова или самка яка. Самки яка (*ди*), которыя пасутся на вершинахъ горъ, даютъ обыкновенно

---

[1]) Слогъ *ла* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ служитъ для образованія собственнаго имени, не является частью имени, а лишь почетнымъ добавленіемъ къ нему. Слогъ этотъ ставится иногда даже послѣ титуловъ,—напр., Поньбо-ла, Пуньдибъ-ла, Лхачамъ-ла, Кушо-ла и т. д. Чандра Дасъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ приводитъ имена тибетцевъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ разсказѣ, такъ какъ, обращаясь къ тибетцамъ, ихъ почти никогда не зовутъ по имени. Весьма вѣроятно, что онъ никогда и не слышалъ именъ большинства лицъ, которыхъ онъ упоминаетъ (W. R.).

[2]) *Чжо* (по-монгольски *хайнокъ*)—помѣсь яка съ обыкновеннымъ рогатымъ скотомъ; *чжомо*—самка *чжо* (*ред.*).

два seer (килограмма) молока въ день; эти животныя цѣнятся невысоко, хотя ихъ молоко здорово и пріятно на вкусъ; зато тибетцы очень дорого цѣнятъ чжо, которые не только даютъ хорошее молоко, но и вообще полезны въ сельскомъ хозяйствѣ.

Женщины въ нашемъ домѣ встали въ 4 часа утра и занялись доеніемъ коровъ и сбиваніемъ масла. Издали вся деревня была похожа на одинъ большой домъ, но въ дѣйствительности она состояла изъ нѣсколькихъ домовъ, при чемъ передъ каждымъ домомъ находился дворъ. У простого народа эта мѣстность называется Догъ-цанъ [1]) («Муравейникъ»); названа она такъ потому, что здѣсь живетъ много рабовъ.

Послѣ утренняго завтрака, состоявшаго изъ вареной баранины, крошеной рѣдиски и *патугъ*, т. е. мучныхъ шариковъ, сваренныхъ въ бараньемъ бульонѣ, мы сѣли на нашихъ лошадей и отправились въ путь.

Къ юго-западу отъ деревни Чжяцо-шаръ [2]) находится плоскогорье Чюгпу-Шунъ, усѣянное многочисленными поселками, изъ которыхъ главный Лхэна-цзонъ. Въ двухъ миляхъ отъ деревни Чянъ-чу находится Норчжя-Нанпа, окруженная многочисленными поселками, а въ полутора миляхъ къ востоку отъ нея—тамъ, гдѣ долина приближается къ южной оконечности горъ,—лежитъ деревня Кэна [3]), состоящая изъ дюжины поселковъ. Дома въ этой деревнѣ выстроены хорошо и на видъ зажиточны, двери и окна сдѣланы со вкусомъ, а стѣны—по крайней мѣрѣ у большинства домовъ—раскрашены въ длинныя полосы синяго и краснаго цвѣтовъ (это любимые цвѣта тибетцевъ). Изъ Кэны хорошо видны горы Панькоръ-шорнубъ [4]), извѣстныя, какъ притонъ разбойниковъ. Далеко же на востокъ, за Нянъ-чу, мы могли видѣть деревню Санга-линъ. Около Кэны мы перешли—по подземному ходу длиною въ 15 фут.—оросительный каналъ, идущій изъ Нянъ-чу. Отсюда нашъ путь лежалъ по голому плоскогорью, занимающему около двухъ миль въ ширину; въ верхней части этого плоскогорья находится нѣсколько деревень; въ самой большой изъ нихъ расположенъ монастырь Шалу. Немного выше сліянія рѣкъ Шалу и Нянъ-чу находится поселокъ Чута-чянма, состоящій изъ 3—4 полуразрушенныхъ глиняныхъ лачугъ, вокругъ которыхъ земля покрыта чертополохомъ и терновникомъ;

---

[1]) Пишется *грогъ-цанъ* или *грогъ-ма-цанъ* (W. R.).
[2]) *Чжяцо-шаръ*—„восточный (*шаръ*) чжяцо" (W. R.).
[3]) На картѣ *Kyepa* (W. R.).
[4]) *Шорнубъ*—вѣроятно, *шаръ*—„востокъ", *нубъ*—„западъ" (W. R.).

здѣсь, какъ намъ сказали, пасутся зимою верблюды великаго ламы [1]). Нянъ-чу течетъ въ этомъ мѣстѣ по многимъ каналамъ; вдоль ихъ береговъ по льду бродило нѣсколько журавлей, отыскивая себѣ пищу.

Идя далѣе къ юго-востоку отъ названнаго поселка, мы чрезъ $1^1/_2$ мили пути достигли плодороднаго участка, гдѣ находятся деревни Панамъ-ганъ, Чжорчжя, Пиши, Пэнагандо и Натогъ [2]), которыя, какъ намъ говорили, принадлежатъ ташилхуньпоскому камъ-цаню Хамданъ [3]). Въ Чжорчжя, которая принадлежитъ цзонпоню г. Пагри,—тому самому, который задержалъ сэра Ричарда Тэмпль вблизи Чумби—находится оросительный каналъ, идущій изъ Нянъ-чу; на его берегахъ находится красивый садъ, обсаженный тополями, ивами и другими деревьями. Дорожки въ саду устроены со вкусомъ; въ самомъ центрѣ сада находится двухъэтажный домъ—красивѣйшій изъ всѣхъ домовъ, находящихся по эту сторону Ташилхуньпо. На главной дорогѣ, проходящей чрезъ эту деревню, находится глубокій колодезь, около 4—5 футовъ въ окружности, изъ котораго женщины таскали воду въ бараньихъ бурдюкахъ.

Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, мы подошли къ мани-лхак'ану [4])

---

[1]) Подъ великимъ ламою авторъ разумѣетъ Паньчэнь-риньпочэ или Таши-ламу (W. R.).

[2]) На картѣ эти деревни значатся подъ названіями: *Ганъ*, *Чжорчжя Пац'алъ* и *Пэньчжанъ;* деревня Натогъ не показана вовсе; ниже, стр. 99, авторъ называетъ Пэнагандо—*Пэньчжанъ* и Пиши—*Пацалъ* (W. R.).

[3]) Болѣе значительные ламайскіе монастыри дѣлятся на общины (*к'амъ-ц'анъ* по-тибетски или *аймакъ* по-монгольски), по которымъ группируются монахи сообразно мѣстамъ своего происхожденія или другимъ обстоятельствамъ. Каждая община живетъ самостоятельною жизнью, и у каждой имѣется свое имущество и даже собственный храмъ, вокругъ котораго и располагаются жилища монаховъ данной общины. Благодаря этому, к'амъ-ц'анъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и территоріально-административной единицей. Въ Ташилхуньпо, по словамъ Саратъ Чандра Даса (Journ. Bud. Text Soc. Ind., IV, 1893, p. 14), существуетъ 40 такихъ к'амъ-ц'анъ, образующихъ 3 болѣе крупныхъ единицы, которыя находятся въ вѣдѣніи 3 высшихъ богословскихъ коллегій (та-ц'анъ): Т'ойсамлинъ, Шарцэ и Кьилъ-к'анъ (*ред.*).

[4]) *Мани-лхак'анъ* обыкновенно представляетъ собою чортэнь, вокругъ котораго расположены рядами подъ крытыми галлереями большіе молитвенные цилиндры. Я никогда не видѣлъ при такихъ сооруженіяхъ храма. Чортэни внутри пусты и имѣютъ у основанія отверстіе, черезъ которое

въ Пиши, расположенный посреди рощи изъ тополей и ивъ; возлѣ находится большой фруктовый садъ и нѣсколько мелкихъ поселковъ. Эта мѣстность, принадлежащая Дэбѣ Пиши, славится производствомъ саржи и сукна *(унамъ)*[1]), отличающихся прекраснымъ качествомъ. При входѣ въ мани-лхак'анъ —сооруженіе, напоминающее по формѣ чортэнъ,—находятся ряды молитвенныхъ колесъ, похожихъ на барабаны. Въ 5 стадіяхъ далѣе мы прошли черезъ Панамъ-дой [2]), а еще черезъ двѣ мили достигли деревни Тауганъ (или Тагонъ); затѣмъ, слѣдуя по тропинкѣ (здѣсь нѣтъ проѣзжей дороги), мы прошли мимо деревень Пацалъ и Бэлунъ къ деревнѣ Пэньчжанъ, откуда можно было видѣть большой монастырь Кадонъ, расположенный на склонѣ холма за рѣкою Нянъ-чу. Теперь мы находились въ области Панамъ [3]), которая, какъ говорятъ, отличается особеннымъ плодородіемъ почвы, на что указываютъ и многочисленные поселки, разбросанные въ этой мѣстности.

Пройдя около мили на югъ отъ Тагона, мы прибыли въ деревню Ташиганъ, вокругъ которой не было видно никакой растительности: ни травы, ни деревьевъ, словомъ, ничего, кромѣ песку и гальки. Здѣсь мы должны были провести ночь. Насъ любезно приняла одна старушка, по имени Анпути; служанка провела насъ по каменной лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ для насъ были разостланы шерстяныя одѣяла. На Анпути былъ головной уборъ (*патугъ*), украшенный расколовшейся бирюзой и потускнѣвшими кораллами; уборъ этотъ она носила уже, какъ намъ передавали, почти 20 лѣтъ и намѣревалась оставить его въ наслѣдство своему второму сыну.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы усѣлись, вошла дочь хозяйки, монахиня, пріѣхавшая въ отпускъ изъ своего монастыря; она принесла котелокъ съ

можно класть внутрь памятника глиняныя жертвы *цаца* (W. R.). Благочестивые буддисты, идя по дорогѣ, берутъ кусокъ глины, которую они размягчаютъ между пальцами, придавая ей коническую форму; изготовленныя такимъ образомъ цаца кладутъ внутрь чортэня или у его подножія, гдѣ съ теченіемъ времени скопляются громадныя ихъ количества (*ред.*).

[1]) Я никогда не слышалъ названія *унамъ*; саржу и иностранное (русское) сукно обыкновенно называютъ *гонамъ* (*sgo snam*?)—(W. R.).

[2]) На картахъ *Дой*. (W. R.)

[3]) На картахъ *Пэнамъ-цзонъ*. Ср. Кап. Turner., op. cit., p. 229 (онъ называетъ *Пайнамъ*) и C. R. Markham, op. cit., p. 78, гдѣ Богль также говоритъ о *Пайнамъ* (W. R.).

*

чаемъ и двѣ деревянныя чаши съ цамбою [1]). Тунъ-чэню отвели комнату, въ которой помѣщается министръ при проѣздѣ по этой дорогѣ. Въ этой комнатѣ имѣлись занавѣски, потолокъ былъ обитъ шелкомъ; кромѣ того, въ ней находились хорошенькіе столики, нѣсколько томовъ сочиненія *Юмъ* [2]), небольшая часовенка, двѣ дюжины колокольчиковъ, жертвенныя чашки, жертвенникъ, похожій на софу, и нѣсколько картинъ. Находившіеся въ этой комнатѣ ковры были сотканы изъ наилучшей шерсти Панамской области и составляли одно изъ лучшихъ украшеній дома. Послѣ окончанія чаепитія, хозяйка принесла мнѣ вареной и сушеной баранины, цамбы и чаю; этого рода подношенія обыкновенно предлагаются гостю при прибытіи его въ домъ и носятъ названіе *соличи* или «первый знакъ» [3]).

27-го декабря.

Оставивъ долину Ташигана, мы подошли къ подошвѣ горной цѣпи, которая подходитъ здѣсь къ лѣвому берегу рѣки Нянъ. Въ разстояніи $2^1/_2$ миль къ юго-западу (востоку?) находится пропасть Ритонъ, гдѣ лѣтъ 20 тому назадъ узурпаторомъ Гадань Чжяху были убиты два ляасскихъ генерала. Отсюда намъ открылся прекрасный видъ на фортъ Панамъ, Гоньтай, Такаръ, Палри [4]) и другіе монастыри. До этого мѣста берега рѣки были покрыты верескомъ, терновникомъ и другими колючими растеніями, которыя, какъ говорятъ, очень любятъ верблюды.

Черезъ двѣ мили къ западу (востоку?) отъ этого мѣста мы пришли къ большой деревнѣ Цогъ-чи [5]), гдѣ находится величественный замокъ, служившій ранѣе мѣстопребываніемъ нѣсколькихъ прославившихся генераловъ, а теперь принадлежащій одному изъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ (*дунъ-*

---

[1]) Замужнія женщины въ Тибетѣ называются *чанъ-ма*, что значитъ „винная товарка". Одною изъ ея главныхъ обязанностей является угощеніе виномъ друзей и знакомыхъ. Для того, чтобы избѣжать этой обязанности, многія женщины поступаютъ въ монастырь (S. C. D.).

Я думаю, что S. C. D. ошибается: замужнія женщины называются *чунъ-ма*, а не *чанъ-ма*: *чунъ*—„маленькій", *ма*—„мать" (W. R.).

[2]) Метафизическая часть тибетско-буддійскихъ текстовъ, называемая по-санскритски *абид'арма* (W. R.). *Юмъ* входитъ въ составъ Ганьчжура (см. стр. 41) въ 3 редакціяхъ: полной, средней и краткой (*ред.*).

[3]) Или *gsol gchig*, т. е. „первое кушанье" (W. R.).

[4]) На картахъ *Пэли* (W. R.).

[5]) На картахъ *Чогъ-цэ* (W. R.).

к'оръ) [1]) Лхасы. Вблизи этого замка находится Дукпа-нагпа, являвшійся раньше городомъ «колдуновъ» или *нагпа* [2]); теперь этотъ городъ находится въ большей своей части въ развалинахъ, и все населеніе его состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ.

Пройдя еще $1^1/_2$ мили, мы достигли деревни Норпа-к'юнъ-цзинь («Орлиная драгоцѣнность») [3]), гдѣ когда-то былъ важный монастырь секты Карма-па. Развалины этого монастыря понынѣ сохранились на вершинѣ холма; по склонамъ и подножіямъ окрестныхъ холмовъ разбросано около сотни домовъ, составляющихъ одно большое селеніе. Недалеко отсюда находятся деревни Нэмботонъ и Панганъ [4]).

На широкомъ плоскогорьѣ вблизи поселка Таймэнь [5]), состоящаго изъ трехъ хижинъ, гдѣ находятся цѣлыя волны песку, нанесеннаго сюда вѣтромъ, бушующимъ по всему плоскогорью, стоятъ деревни П'ола и Вандань. Первая извѣстна, какъ родина царя Миванъ, а вторая славится своими шерстяными тканями. Прямо къ югу отъ Таймэнь, въ верхней части широкой равнины, разстилающейся между этимъ пунктомъ и Норпа-к'юнъ-цзинемъ, находится перевалъ Гингу-ла, черезъ который ведетъ тропа въ Рэтой или «Верхній Рэ», вблизи Яго, а также къ форту Дарчунъ-цзонъ [6]).

Пройдя нѣсколько болѣе мили въ южномъ направленіи отъ Таймэнь, мы прибыли въ деревню Шаръ-чіогъ-Аньюнъ [7]), называемую иначе Иса. Тополевыя и ивовыя рощи, окружающія эту деревню, придаютъ ей цвѣтущій видъ. Здѣсь мы нагнали монаха изъ монастыря Донцэ, посланнаго министромъ за нѣкоторыми книгами въ Кахдонъ-гомба, вблизи Панамъ-цзона. Высокая, гибкая фигура этого монаха, плохо прикрытая истрепаннымъ костюмомъ, его оригинальные сапоги и головной уборъ, связка курительныхъ свѣчей, висѣвшая, подобно колчану со стрѣлами, на спинѣ,—все это вызы-

---

[1]) См. Jour. R. As. Soc., n. s., vol. XXIII, p. 220. Должности *дунъ-к'оръ* большею частью наслѣдственныя (W. R.). См. также гл. VII и XI (*ред.*).

[2]) *Нагпа*—„спеціалистъ по заклинаніямъ". О буддійскихъ колдунахъ и гадателяхъ см. Waddell, Buddhism of Tibet, pp. 475—500; Rockhill, The Land of the Lamas, p. 217. (W. R.).

[3]) Или Норбу-к'юнъ-хцзинь — „драгоцѣнный владѣлецъ гаруды". Гаруда (*к'юнъ*)—царь птицъ, по мнѣнію тибетцевъ (W. R.).

[4]) На картахъ *Понъ-конъ* (W. R.).

[5]) На картахъ *Т'о-манъ* (W. R.).

[6]) На картахъ *Тучунъ-чжонъ* (W. R.).

[7]) На нашихъ картахъ называется *Шаръ-чо-энинъ*; *шаръ*—„востокъ", *чіогъ* (*ryogs*)—„кварталъ" (W. R.).

вало на нашихъ лицахъ невольную улыбку, пока онъ быстро шагалъ, стараясь сравняться съ нашими лошадьми. Тропа, пересѣкши многочисленные оросительные каналы и миновавъ рядъ небольшихъ поселковъ въ 3—4 хи-

Падма-Самб'ава.

К'андро ѣшэсъ. Лхачамъ Маньдараса.

жины, привела насъ черезъ деревни Талинъ, Дао-таргэ [1]) и Панри въ деревню Нэсаръ, гдѣ живетъ около 20 семействъ. Передъ самымъ нашимъ прибытіемъ въ эту деревню, здѣсь пробѣжала бѣшеная собака, и хотя она и укусила одного старика и нѣсколькихъ ословъ, тѣмъ не менѣе Тунъ-чэнь

---

[1]) На картѣ *Дова-тарчжя* (W. R.).

не позволилъ мнѣ застрѣлить ее. Въ Нэсарѣ на холмѣ, возвышающемся надъ деревнею, находится изящно построенный храмъ и нѣсколько маленькихъ башенъ, посвященныхъ лѣснымъ богинямъ, или *Мамо*. На стѣнахъ мани-лхак'ана и на башняхъ, построенныхъ на холмѣ, красуются изображенія Шэньрэзига [1]) и Падма Самб'авы. Немного далѣе этой деревни мы встрѣтили четырехъ к'амба, вооруженныхъ длинными прямыми мечами; это, безъ сомнѣнія, были разбойники. Ихъ костюмы и наружность указывали, что это были уроженцы Чжярона (Gyarong), въ провинціи Марк'амъ, въ восточной части Тибета [2]).

Въ 5 часовъ мы прибыли въ Донцэ [3]). Монастырь, гдѣ въ настоящее время пребываетъ министръ, расположенъ на скалистомъ возвышеніи, поднимающемся приблизительно на 300 футовъ надъ деревнею. По каменнымъ ступенямъ мы достигли воротъ, находящихся въ разрушенной теперь отчасти стѣнѣ монастыря. Здѣсь меня встрѣтилъ пажъ министра и провелъ въ восточную комнату апартаментовъ своего господина, которая была отведена для меня. Не успѣли мы напиться чаю, какъ министръ прислалъ просить меня къ себѣ. Захвативъ съ собой два шарфа и пару рупій, мы отправились въ гостиную и съ низкими поклонами приблизились къ его святѣйшеству. Онъ прикоснулся своею рукой къ нашимъ головамъ и возвратилъ намъ поднесенные нами шарфы, обвязавъ ихъ вокругъ нашихъ шей; затѣмъ его святѣйшество милостиво освѣдомился о нашемъ здоровьи и спросилъ, не пришлось ли намъ испытать большихъ лишеній и затрудненій въ пути. Мы въ краткихъ словахъ разсказали ему о нашихъ невзгодахъ, перенесенныхъ въ снѣгахъ, и о чудесномъ спасеніи въ Таши-рабка. «Милостію трехъ святынь» [4]), прибавилъ я, «мы преодолѣли всѣ трудности, и теперь мы

---

[1]) Шэньрэзигъ (spyan-ras-gzigs)—тибетское названіе Авалокиты, см. стр. 74 (*ред.*).

[2]) Здѣсь авторъ немного ошибается: Gyarong находится на западной границѣ Сы-чуаня; это то же, что китайскій Цзинь-чуань; Марк'амъ же находится къ западу отъ рѣки „Цзинь-ша-цзянъ" („Рѣка золотыхъ песковъ" — такъ называется р. Янъ-цзы-цзянъ отъ границъ Тибета до г. Суй-фу въ пров. Сы-чуань. —*Ред.*) подъ 29° с. ш., съ главнымъ городомъ Гартокъ (или Chiang-ka), и является одной изъ самыхъ восточныхъ провинцій, находящихся подъ управленіемъ Лхасы (W. R.).

[3]) Повидимому объ этомъ городѣ также упоминаетъ Georgi въ „Alphabetum Tibetanum", сообщая: „Antequam parvenias Kianse Feudum est Kalonii Prouse, Castellum Vallo munitum, et Aurifodina" (W. R.).

[4]) *Конъ-чогъ-сумъ*, т. е. Будда, его ученіе и духовенство (санг'а). Протестантскіе миссіонеры, по моему мнѣнію, весьма ошибочно употребляютъ

безконечно счастливы, что наконецъ можемъ предстать предъ очи вашего святѣйшества». Министръ выразилъ сожалѣніе по поводу испытанныхъ нами бѣдствій, а также свое удовольствіе по случаю нашего благополучнаго прибытія послѣ 3-лѣтняго отсутствія. Затѣмъ онъ отправился на молитву, отдавъ сначала приказаніе оказывать намъ всяческое вниманіе. Передъ нами были поставлены большія блюда бисквитовъ, хлѣба, фруктовъ и мяса, а въ наши чашки былъ налитъ чай изъ чайника самого министра въ знакъ особаго его къ намъ расположенія.

28-го декабря.

Когда мы окончили чаепитіе, явился пажъ Качань Гопа просить насъ къ министру, которому мы подробно разсказали о нашемъ путешествіи. Выслушавъ внимательно мой разсказъ, министръ сказалъ: «Я не могу понять, Пундибъ-ла, почему вы избрали такой опасный путь—на Канла-чэнъ и Таши-рабка, тогда какъ въ паспортѣ, данномъ вамъ три года тому назадъ, вамъ было разрѣшено возвратиться въ провинцію Цанъ черезъ К'амба-цзонъ. Или, можетъ быть, мѣстныя власти этого города недостаточно хорошо обошлись съ вами во время вашего обратнаго путешествія въ Индію?» Я отвѣтилъ ему на это, что я побоялся тѣхъ затрудненій, которыя могъ бы причинить сиккимскій дурбаръ по совѣту П'оданъ-ламы, вызвавшаго въ послѣднее время много безпорядковъ въ Сиккимѣ. На это министръ опять замѣтилъ, что намъ не было никакой необходимости предпринимать такое трудное и опасное путешествіе черезъ область Тинри-цзонъ, разъ у насъ былъ отъ великаго ламы паспортъ, разрѣшавшій намъ перейти черезъ Лачаньскій перевалъ, который доступенъ и не занесенъ снѣгомъ. Затѣмъ, послѣ короткой бесѣды, министръ удалился въ свою часовню (комнату для созерцанія).

29-го декабря.

Сегодня мы имѣли свиданіе съ министромъ въ *ньихогѣ*, на крышѣ Цугъ-ла-к'ана, надъ которою былъ устроенъ балдахинъ [1]). Его святѣйшество ска-

---

слово *конь-чогъ* для перевода нашего слова „Богъ", которое не поддается переводу на тибетскій языкъ (W. R.).

[1]) *Нихогъ* или *ньихогъ*, открытое четыреугольное пространство на крышѣ дома, окруженное со всѣхъ сторонъ стѣнами; въ двухъ изъ нихъ находятся отверстія, похожія на двери (S. C. D.). Jaeschke объясняетъ слово *ньи-іолъ*, какъ „защита, убѣжище отъ солнечныхъ лучей, тентъ, занавѣски, навѣсъ" (W. R.).

залъ мнѣ, что со времени послѣдняго моего посѣщенія Тибета онъ написалъ два большихъ тома по исторіи философскихъ школъ въ Тибетѣ, и что теперь это сочиненіе печатается въ монастырѣ Наиринъ. При этомъ онъ показалъ намъ рукопись второго тома и прочелъ изъ нея нѣсколько отрывковъ.

30-го декабря.

Послѣ завтрака мы съ Учжѣнь-чжяцо отправились на поклоненіе божествамъ (*чой-чжалъ*), взявъ съ собою въ качествѣ жертвъ связку курительныхъ свѣчей, на двѣ таньки очищеннаго масла и около дюжины шарфовъ. Спустившись по крутой лѣстницѣ, мы пришли къ преддверію залы для собраній (*ду-к'анъ*) Цугъ-ла-к'ана. Портикъ обращенъ фасадомъ на востокъ; его деревянныя раскрашенныя колонны имѣютъ рѣзныя капители самой фантастической и живописной формы; стѣны расписаны фресками съ выпуклыми изображеніями 16 ст'авиръ (*натэнь-чудугъ*) [1]). Эти изображенія великолѣпно раскрашены, но въ гораздо болѣе простомъ и грубомъ стилѣ, нежели можно видѣть въ Индіи, хотя толстый слой лака, которымъ они покрыты, нѣсколько скрываетъ ихъ недостатки, если только не присматриваться къ нимъ очень внимательно

Самою замѣчательною частью зданія является полъ, красиво выложенный камешками, затѣмъ гладко убитый, и представляющій блестящую поверхность [2]). Ду-к'анъ имѣетъ около 25 фут. въ длину и 20 фут. въ

---

[1]) *Gnas-brtan bchu-drug*—16 великихъ учениковъ Будды Гаутамы (W. R.), т. е. Будды Шакьямуни. Это примѣчаніе Рокхиля не вполнѣ точно; въ числѣ ст'авира имѣются и лица, жившія послѣ смерти Будды. Вообще же подъ этимъ именемъ извѣстны главные апостолы буддизма, содѣйствовавшіе распространенію этой религіи въ разныхъ странахъ. Обычное число 16 ст'авиръ часто увеличивается еще двумя. См. Waddell, op. cit., p. 376—378; Pander, Das Pantheon des Tschangtscha Hutuktu, Veröff. Kön. Museen, Berlin, $^2/_3$, pp. 83 folg. (*ред.*).

[2]) Ср. Sam. Turner, op. cit., p. 236, и Geo. Bogle (C. R. Markham, Narrative of the Mission, etc., p. 97). Богль сообщаетъ слѣдующее: „Полъ состоитъ изъ мергеля, смѣшаннаго съ малыми камешками, такъ что образуетъ гладкую и очень красивую поверхность. Благодаря трудамъ молодого gylang'a, который каждое утро становится на 2 куска сукна и затѣмъ въ теченіе 3—4 часовъ катается по комнатѣ, поверхность эта черезъ 15—20 лѣтъ пріобрѣтетъ такой же лоскъ, какимъ обладаетъ полъ въ другихъ комнатахъ дворца, не уступающій лучшему мрамору" (W. R.)

ширину. На алтарѣ съ великолѣпными рѣзными украшеніями, сдѣланномъ изъ дерева и металла, вдоль сѣверной и юго-западной частей зданія, разставлены статуэтки божествъ; главныя статуи стоятъ въ отдѣльныхъ нишахъ. Большая часть статуй очень стары; сдѣланы онѣ изъ позолоченной мѣди, называемой сэръ-занъ («позолоченная мѣдь»), и отличаются очень тонкой работой. Статуя повелителя (Чжово) Будды сдѣлана, какъ сказалъ мнѣ Туиъ-чэнь, однимъ великимъ индійскимъ буддистомъ въ подражаніе большой статуѣ Шакья-туба въ Лхасѣ [1]). Основатель монастыря Чжэ Лха-цунь обратился однажды къ богамъ съ просьбою, чтобы они ниспослали ему искуснаго художника, который могъ бы сдѣлать изображенія для вновь построеннаго монастыря; вскорѣ затѣмъ Донцэ посѣтилъ одинъ индіецъ, сдѣлалъ описанную выше статую и возвратился въ Индію. Разсказывая это, Тунъ-чэнь спросилъ меня съ улыбкой, не воплощеніе ли я этого индійскаго буддиста, и я былъ польщенъ, что къ моимъ соотечественникамъ относятся здѣсь съ такимъ уваженіемъ и почитаніемъ. Учжѣнь-чжяцо падалъ ницъ передъ каждымъ изображеніемъ и прикасался своей головой къ ихъ ногамъ или тѣлу; я же выражалъ свое благоговѣніе передъ этими святынями, прикасаясь головой къ ихъ правымъ рукамъ, чтобы получить такимъ образомъ ихъ благословеніе (*чягъ-ванъ*). Мои спутники шептали мантры и возносили свои моленія, въ то время какъ я чувствовалъ благоговѣйную благодарность одному лишь Всевышнему Властителю, милосердное провидѣніе котораго позволило мнѣ прійти невредимымъ такъ далеко.

Крыша ду-к'ана поддерживается двумя рядами деревянныхъ колоннъ, на артистически сдѣланныхъ капителяхъ которыхъ висѣли щиты и колчаны, полные стрѣлъ—оружіе Д'армапалъ [2]), которымъ они защищаютъ буддизмъ отъ демоновъ и еретиковъ. Съ потолка залы спускались богатыя китайскія парчевыя ткани съ великолѣпно вышитыми на нихъ серебромъ и золотомъ драконами. Среди различныхъ картинъ, находящихся здѣсь, самая интересная—это изображеніе перваго Далай-ламы, Лобзанъ-чжяцо, который представленъ принимающимъ Тибетское царство отъ монгольскаго завоевателя

---

[1]) Эта статуя называется Чжо-во; она находится въ лхасскомъ храмѣ Чжо-к'анъ, въ центрѣ города. См. Rockhill, The Land of the Lamas, p. 105, и главу VI настоящаго труда (W. R.).

[2]) По-тибетски эти божества называются Chos-gyong (skyong)—„защитники ученія" или Ku nga gyalbo—„пять великихъ царей". См. Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, p. 157 (W. R.), также Grünwedel, Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei, s. 158–178 (*ред.*).

Гуши-хана [1]). Его первый министръ, знаменитый Дэси [2]) Саньчжѣ, изображенъ сидящимъ по его лѣвую руку и воздающимъ благодареніе великодушному князю за щедрый даръ, поднесенный его трижды святому повелителю. Здѣсь мнѣ показали тронъ, предназначенный для министра.

Напротивъ этого трона, у верхняго конца второго ряда мѣстъ, приготовленныхъ для монаховъ, стоитъ кресло, вышиною въ три фута, на которомъ возсѣдаетъ во время богослуженія главный лама монастыря. Въ этомъ залѣ имѣется помѣщеніе почти для 80 монаховъ, и мнѣ говорили, что служба совершается здѣсь ежедневно, при чемъ на ней присутствуетъ большинство монаховъ. Они получаютъ ежемѣсячно изъ церковныхъ запасовъ (*лабранъ-гзи*) содержаніе, состоящее изъ 60 фунтовъ ячменя. Они сами поджариваютъ и мелютъ этотъ ячмень и затѣмъ приносятъ ежедневно съ собою въ описанный залъ въ маленькомъ мѣшочкѣ небольшое количество муки и ѣдятъ ее съ чаемъ, который дается имъ три раза въ продолженіе каждаго богослуженія; чай этотъ отпускается изъ церковныхъ складовъ (*лабранъ-цзо*).

Когда я возвратился послѣ *чой-чжала*, меня позвали къ министру, котораго я засталъ сидящимъ на крытой атласомъ подушкѣ, въ тѣни *ньи-хока*, на крышѣ третьяго этажа главной кумирни Цугъ-ла-к'ана Его пажъ (*шабдунъ*) [3]) Качань Гопа поставилъ передо мною чашку съ чаемъ, а также цамбу, говядину и сахарные бисквиты. Министръ поднесъ свою чашку къ губамъ и сказалъ любезно: «Пейте, пожалуйста, пундитъ» («*Пуньдибъ-ла, солъ чжа нанъ*»). Я тотчасъ отпилъ треть чашки, придерживаясь этикета, и затѣмъ, всякій разъ какъ онъ пилъ, я также бралъ гло-

---

[1]) Турубайху, болѣе извѣстный подъ титуломъ Гуши-хана,—князь ойратскаго племени хошоутовъ. Въ началѣ XVII ст., какъ извѣстно, произошло выселеніе значительной части ойратскихъ поколѣній изъ Чжунгаріи; часть ихъ, подъ предводительствомъ Хо-ёрлёка, двинулась сначала на сѣверъ, а затѣмъ на западъ, на берега Волги, гдѣ стала извѣстна подъ именемъ калмыковъ; другая часть, состоявшая изъ хошоутовъ, направилась во главѣ съ Гуши-ханомъ на югъ и покорила страну вокругъ Куку-нора, а вслѣдъ затѣмъ, начиная съ 1639 г., и три тибетскихъ провинціи: К'амъ, У и Цанъ. Уничтоживъ свѣтскихъ государей этихъ провинцій, Гуши-ханъ передалъ власть надъ провинціей У Далай-ламѣ, а надъ Цаномъ—Паньчэнь-риньпочэ, но фактически сохранилъ за собою управленіе этими провинціями, для чего оставилъ въ нихъ двухъ своихъ сыновей. См. главу VII (*ред.*).

[2]) *Дэси*—„регентъ"; см. главу VII (*ред.*).

[3]) *Dzabs-drung* (*pa*), что дословно значитъ: „находящійся вблизи ногъ"; употребляется также выраженіе *ку-друнъ-па*—„близъ тѣла" (W. R.).

токъ. Онъ спросилъ меня о литографскомъ прессѣ и о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, которые я привезъ ему въ подарокъ и которые находились теперь на пути въ Ташилхуньпо. Послѣ обѣда онъ показалъ мнѣ свою работу, которую онъ писалъ по исторіи, реторикѣ, астрологіи и фотографіи. Послѣдній отдѣлъ онъ составилъ по замѣткамъ, которыми я снабдилъ его въ 1879 году на основаніи сочиненія Tassinder'a: «Manual of Photography»; мнѣ было пріятно видѣть сдѣланные министромъ рисунки, которые изображали разныя фотографическія принадлежности, оставленныя тогда мною. Министръ прочелъ мнѣ затѣмъ разсказъ о древнихъ спорахъ между брахманами и буддистами въ Индіи.

Въ то время, какъ мы были заняты чтеніемъ, вошелъ пажъ и доложилъ министру о приближеніи къ Донцэ дахпоня П'ала и Кунъ-чянъ-чаня, послѣ чего мы отправились на верхъ четвертаго этажа донцэскаго чойдэ, чтобы посмотрѣть на ихъ прибытіе. Такъ какъ дахпонь является начальникомъ Донцэ, то монахи должны оказывать ему подобающее почтеніе. Когда ѣхавшіе приблизились къ подножію холма, на которомъ стоитъ чойдэ, двое монаховъ въ полномъ церковномъ облаченіи заиграли на двухъ длинныхъ мѣдныхъ гобояхъ (рогахъ?), а двое другихъ—на инструментахъ, похожихъ на кларнеты и называемыхъ *«чжя - линъ»*. Когда же кавалькада приблизилась къ рощѣ (*линга*) впереди замка, ихъ встрѣтилъ *Чя-цзо-па* [1]) со своимъ оркестромъ, состоявшимъ изъ гонга и двухъ тамбуриновъ. Дахпонь и его другъ ѣхали на бойкихъ мулахъ, покрытыхъ великолѣпными попонами изъ парчи съ блестками. Впереди и позади ихъ ѣхало по пяти всадниковъ, держа копья съ флагами на остріяхъ. Министръ сообщилъ мнѣ, что командирами войскъ провинціи Цанъ состоятъ 4 дахпоня, изъ которыхъ двое постоянно пребываютъ въ Шигацэ, одинъ въ Чжяньцэ и одинъ въ Тэнри.

31-го декабря.

Я очень хотѣлъ совершить экскурсію въ Чжяньцэ, который, по словамъ Учжѣня, находится отсюда всего лишь въ 8 миляхъ, при чемъ путь этотъ можно сдѣлать въ два часа. Однако Учжѣнь отговаривалъ меня отъ этого, указывая на то, что это будетъ неблагоразумно, такъ какъ названный пунктъ часто посѣщается торговцами племени б'утія изъ Дарджилина и П'агри.

---

[1]) Или *чягъ-цзо-па* (*Phyag-mdjod-pa*)—чиновникъ казначейства, причисляемый къ 5 классу китайскихъ чиновниковъ (W. R.); у манголовъ *шанцзотба* (*ред.*).

Въ 9 часовъ меня позвали къ министру, который просилъ меня прочесть нѣсколько строчекъ изъ перваго нумера англійскаго журнала: «Royal Reader». Послѣ этого я попросилъ у него разрѣшенія посѣтить главный храмъ г. Чжяньцэ, называемый Палк'оръ-чойдэ. «Если вы хотите посѣтить Чжяньцэ», отвѣтилъ мнѣ министръ: «я устрою это для васъ; но вы должны помнить, что народъ въ этомъ городѣ не пользуется хорошей репутаціей. Тамъ много говорятъ и склонны изъ мухи сдѣлать слона. Я попрошу Тунъ-чэня сопровождать васъ». Учжѣнь-чжяцо также просилъ разрѣшить ему съѣздить въ Чжяньцэ, гдѣ онъ желалъ купить для меня нѣсколько одѣялъ, и, получивъ на то согласіе министра, отправился туда въ тотъ же день.

1-го января 1882 г.

Въ продолженіе почти получаса министръ упражнялся въ писаніи латинскихъ буквъ на деревянной доскѣ *(чянъ-шинъ)*, имѣвшей около 2 футовъ въ длину и 10 дюймовъ въ ширину. Къ этой доскѣ былъ привязанъ небольшой мѣшочекъ мѣлу въ порошкѣ; когда доску смывали и вытирали, министръ посыпалъ ее слегка мѣломъ изъ мѣшка и такимъ образомъ покрывалъ доску бѣлой пленкой. Затѣмъ онъ писалъ на ней буквы стальною палочкой длиною около одного фута. Я разсказалъ ему о доскахъ, которыми пользуемся мы въ Индіи, указавъ, насколько онѣ лучше и чище его грубаго приспособленія. Въ отвѣтъ на это министръ съ улыбкой сказалъ: «Моя доска очень хороша; даже великіе министры Китая употребляютъ такія же [1]); онѣ однако не отличаются чистотою. Если вы можете достать для меня пару вашихъ индійскихъ досокъ изъ Калькутты, я буду весьма обязанъ вамъ за это».

2-го января.

Утромъ дѣлались приготовленія къ пышному пріему дахпоня П'ала и ципоня [2]) Кунъ-чянъ-чаня. Вся обстановка комнаты, которую мы занимали,

---

[1]) Свѣдѣнія министра были не вполнѣ точны. Насколько мнѣ извѣстно, китайцы никогда не употребляютъ подобныхъ „бѣлыхъ досокъ", но такія доски находятся въ большомъ употребленіи у западныхъ монголовъ, гдѣ бумага является такою же рѣдкостью, какъ и въ большей части Тибета (W. R.).

[2]) *Ципонъ*—счетный чиновникъ, приравниваемый къ китайскимъ чиновникамъ 4-го класса. (W. Я.)

была замѣнена отборными предметами изъ министерской кладовой. Шелковая драпировка и занавѣски были повѣшены въ пріемной и въ залѣ; въ гостиной министра были разложены прекрасныя шелковыя подушки для сидѣнія, а потолокъ былъ затянутъ блестящей китайской парчей оранжеваго цвѣта. Повсюду были видны искусно сдѣланные драконы: на потолкѣ, на занавѣскахъ и даже на коврахъ. Передъ каждымъ сидѣніемъ было поставлено по красивому обѣденному столику, вышиною въ 2, длиною въ 3 и шириною въ $1^1/_2$ фута. Сидѣніе министра по обыкновенію находилось передъ золоченой часовенкою и возвышалось на три фута надъ поломъ; по правую сторону отъ него находились сидѣнія вышиною въ два фута для его двухъ гостей, а по лѣвую—также два сидѣнія вышиною приблизительно въ 18 дюймовъ для ихъ сыновей. На столикахъ были поставлены прекрасныя фарфоровыя чашки и раскрашенные деревянные и металлическіе золоченые кубки; кромѣ того, были разставлены на виду всѣ рѣдкости и украшенія, которыя были здѣсь у министра. На углу его столика находился прекрасный стереоскопъ, который я подарилъ ему въ 1879 году, съ 200 видами, а по серединѣ стояли часы съ календаремъ и нѣкоторыя бездѣлушки, поднесенныя ему мною въ нынѣшній пріѣздъ. Главный поваръ, подъ присмотромъ Тунъ-чэня, приготовилъ различныя тибетскія и китайскія изысканныя кушанья, а самъ министръ наблюдалъ за устройствомъ сидѣній и за украшеніемъ комнаты. Когда все было готово, я отправился на крышу, чтобы посмотрѣть на прибытіе процессіи. На обѣихъ дорогахъ, ведущихъ изъ Донцэ къ монастырю, стояли монахи, у которыхъ было около дюжины флаговъ и музыкальныхъ инструментовъ—два флажеолета, пара мѣдныхъ гобоевъ (рожковъ?), или *дунъ-чэнь*, два похожихъ на барабаны тамбурина, такое же количество колокольчиковъ и гонгъ.

Въ часъ пополудни къ донцэскому чойдэ прибыли дахпонь и его другъ ципонь вмѣстѣ со своими сыновьями въ сопровожденіи Чя-цзо-па. Они были одѣты очень просто—въ шелковое платье и китайскія куртки; на головахъ у нихъ были мягкія шерстяныя шляпы желтаго цвѣта, а на ногахъ—бархатные сапоги и шелковые шаровары. Въ правомъ (лѣвомъ?) ухѣ висѣли длинныя серьги [1]). На видъ дахпоню можно было дать лѣтъ тридцать; ципонь былъ немного старше. Представъ передъ министромъ, они трижды простерлись ницъ передъ нимъ, каждый разъ касаясь своего чела сложенными ладонями рукъ. Министръ прикоснулся ладонью къ ихъ головамъ и

---

[1]) Одна изъ тибетскихъ серегъ изображена у Хукера въ „Himalayan Journals“, II, p. 271. Тибетцы всегда носятъ серьги въ лѣвомъ ухѣ (W. R.).

благословилъ ихъ; затѣмъ они поднесли ему по два куска краснаго англійскаго сукна и по горсти серебряныхъ монетъ каждый. Я былъ удивленъ, видя, какъ такія вліятельныя и богатыя лица преклоняются передъ министромъ, но велико въ этой странѣ торжество и обаяніе церкви надъ міряками; самые великіе министры надаютъ къ ногамъ воплощенныхъ ламъ!

Обѣдъ былъ поданъ съ большою торжественностью. Послѣ того, какъ министръ прочиталъ молитву, всѣ немедленно принялись за палочки и ложки и начали ѣсть, храня глубокое молчаніе. Послѣ обѣда былъ поданъ чай, и только тогда было нарушено молчаніе и начался разговоръ; гости стали разсматривать рѣдкости министра, изъ которыхъ ихъ вниманіе болѣе всего привлекали часы и стереоскопъ.

Вечеромъ въ присутствіи двухъ сановниковъ командиромъ милиціи былъ произведенъ парадъ въ рощѣ, предназначенной для устройства празднествъ и называемой *линга*; парадъ сопровождался стрѣльбою изъ ружей и луковъ, бѣганьемъ и т. п.

3-го января.

Послѣ чая министръ просилъ меня почитать съ нимъ по-англійски. Онъ записывалъ англійскія слова фонетически, но самъ не произносилъ ихъ вслухъ. При этомъ онъ заявилъ, что служебныя дѣла почти не оставляютъ ему свободнаго времени для научныхъ занятій. Онъ собирался просить великаго ламу освободить его на нѣкоторое время отъ многочисленныхъ и сложныхъ обязанностей по завѣдыванію церковными дѣлами, и тогда онъ надѣялся усердно заняться изученіемъ англійскаго языка.

Былъ поданъ завтракъ, состоявшій изъ овощей (*па-цалъ*), приготовленныхъ въ холодномъ видѣ [1]), картофеля и рѣдиски, которые сохранялись въ погребѣ въ пескѣ. Я спросилъ министра, могу ли я завтра посѣтить Палк'оръ-чойдэ въ Чжяньцэ вмѣстѣ съ Тунъ-чэнемъ. На это послѣдовало согласіе, и было приказано приготовить къ утру двухъ лошадей.

---

[1]) Я думаю, что авторъ разумѣетъ здѣсь *пэцэ*—обыкновенное тибетское произношеніе китайскаго слова *бай-цай*, что значитъ: „капуста". „Приготовлять въ холодномъ видѣ",—кулинарный терминъ, мнѣ неизвѣстный. Бѣлый картофель употребляется во всемъ Тибетѣ; онъ былъ привезенъ въ Бутанъ въ 1774 году Боглемъ (см. Markham, Tibet etc., p. 19). Рѣдиска, или, скорѣе, рѣпа (*ла-пугъ* отъ китайскаго *ло-бо*), обыкновенно употребляется въ пищу сырою; она также часто сушится на зиму (W. R.).

4-го января.

Лошади были готовы рано утромъ; получивъ отъ министра нѣсколько шарфовъ для поднесенія божествамъ Палк'оръ-чойдэ, Тунъ-чэнь и я отправились въ дорогу.

Нашъ путь лежалъ по полямъ, орошаемымъ водами рѣки Нянъ-чу. Долина этой послѣдней является одною изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей Тибета; тянется она отъ Шигацэ почти на 15 миль далѣе Чжяньцэ, т. е. все протяженіе ея—60—70 миль; ширина же ея въ среднемъ составляетъ около 10 миль, при чемъ каждый дюймъ ея тщательно обрабатывается. Естественное плодородіе этой долины и весьма благопріятныя условія для воздѣлыванія различныхъ сортовъ проса и стручковыхъ растеній заслужили всему этому округу названіе *Нянъ* или «земля лакомствъ», а рѣка, способствующая ея плодородію, названа Нянъ-чу [1]), что значитъ: «рѣка вкусной воды».

Мѣстами наша дорога близко подходила къ берегамъ рѣки, и здѣсь мы могли наблюдать, какъ по рѣкѣ плавали цѣлыми стаями дикіе гуси и утки, а вдоль береговъ расхаживали журавли съ длинными клювами, ища себѣ пищи. Изъ кустовъ дрока и другихъ колючихъ растеній, которыми покрыты здѣсь оба берега рѣки, выскакивали зайцы [2]) и убѣгали въ горы; надъ рѣкой были видны красивыя маленькія птички, вѣроятно, изъ породы зимородковъ, которыя ловили рыбу. Тунъ-чэнь сказалъ мнѣ, что хотя эти птички и красивы на видъ, но ихъ тѣло издаетъ весьма непріятный запахъ.

Миновавъ нѣсколько деревень, мы пришли къ рѣчкѣ, впадающей въ Нянъ-чу съ юга. Здѣсь находились двѣ мельницы — ихъ мы видѣли уже по крайней мѣрѣ съ дюжину съ тѣхъ поръ, какъ выѣхали изъ Шигацэ. Эти мельницы были очень велики, и жернова ихъ въ 4 раза превосходили по своей величинѣ обыкновенные жернова индійскихъ мельницъ. Въ деревнѣ Чжябши народъ, повидимому, очень трудолюбивъ; женщины занимались тамъ ткацкимъ дѣломъ, а мужчины пасли овецъ или собирали на поляхъ топливо

Когда мы были уже въ разстояніи двухъ миль отъ Чжяньцэ, наше вниманіе привлекъ къ себѣ монастырь Цэ-чань; весь сѣверо-восточный склонъ холма былъ сплошь покрытъ выбѣленными домами этого монастыря, такъ что издали послѣдній имѣлъ видъ большого замка значительной высоты.. Тунъ-чэнь сказалъ мнѣ, что этотъ монастырь существуетъ уже около 800 лѣтъ, и что великій реформаторъ Цонк'апа провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ за

---

[1]) Пундитъ A—k называетъ эту рѣку Пэна Нанъ-чу (W. R.)

[2]) Тибетцы не убиваютъ и не ѣдятъ зайцевъ; равнымъ образомъ они не убиваютъ никакихъ дикихъ птицъ (W. R.).

изученіемъ метафизики (*цань-ньидъ*). Мнѣ показали также перевалъ Тинь-каръ-ла, черезъ который проходятъ пастухи къ подножію Лачаньскаго перевала въ Сиккимѣ, что составляетъ кратчайшій путь между Чжяньцэ и этой страною.

Черезъ нѣсколько минутъ мы пріѣхали къ перекинутому черезъ р. Нянъ-чу легкому временному деревянному мостику, около 20 фут. въ длину и 6 фут. въ ширину, построенному на льду, покрывавшемъ теперь рѣку.

Мы вошли въ городъ Чжяньцэ [1]), пройдя мимо длиннаго мэньдона, по обѣимъ сторонамъ котораго находятся жилые дома, и по узкому переулку достигли воротъ Ганьдань лхак'ана, находящагося на лѣвой сторонѣ главной улицы и обращеннаго своимъ фасадомъ къ большому чортэню монастыря Палк'оръ-чойдэ.

Кунѣръ, или жрецъ [2]), Ганьдань лхак'ана, знакомый Тунъ-чэня, встрѣтилъ его и, пригласивъ его сѣсть, велѣлъ подать намъ чай. Мы послали своего конюха Лхагпа-рида на рынокъ купить рисовой водки; онъ встрѣтилъ на рынкѣ Учжѣня и сообщилъ ему о нашемъ прибытіи.

Въ то время, какъ мы обѣдали, въ часовню лхак'ана вошло съ пѣніемъ священныхъ гимновъ нѣсколько пилигримовъ; они прибавили нѣсколько ло-

---

[1]) A—k говоритъ объ этомъ пунктѣ (онъ прибылъ туда 21 августа 1878 г.) слѣдующее: „Giangche—небольшой городъ на правомъ берегу р. Пэна Нанъ-чу. Городъ расположенъ вокругъ двухъ холмиковъ, лежащихъ на востокѣ и западѣ и соединенныхъ между собою сѣдловиною; западный холмъ, сверхъ того, примыкаетъ къ горной цѣпи, которая тянется къ сѣверу. На восточномъ холмѣ, поднимающемся на 600 футовъ надъ окружающей равниной, находится большой фортъ,... а на западномъ холмѣ гомба („монастырь", *ред.*), въ которомъ проживаетъ 500 даба (пишется *граба*—„монахъ", *ред.*). Въ этомъ гомба находится Chiorten, называемый „Pangon Chiorten" и считающійся у тибетцевъ самымъ священнымъ мѣстомъ. Кромѣ форта и храма, здѣсь по тремъ сторонамъ этого двойного холма находится около 1000 жилыхъ домовъ. Здѣсь выдѣлываютъ шерстяную матерію, называемую Nhambu. Имѣется большой рынокъ; здѣсь проживаютъ купцы изъ Непала и Китая". См. „Report on the Explorations in Great Tibet", p. 31. (W. R.)

Въ 1901 г. Чжяньцэ посѣтилъ бурятъ Гомбочжабъ Цыбиковъ, который пишетъ (Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXXIX, вып. III, стр. 209), что этотъ городъ занимаетъ „очень выгодное въ транзитномъ и торговомъ отношеніяхъ мѣсто на пути въ Индію какъ изъ Лхасы, такъ и изъ Шихацэ... Въ промышленномъ отношеніи городъ извѣстенъ выдѣлкою ковровъ и суконъ" (*ред.*).

[2]) *Кунѣръ*—хранитель священныхъ изображеній въ ламайскихъ монастырях (*ред.*).

жекъ масла въ лампады. Нѣкоторые изъ нихъ посмотрѣли пристально на Учжѣня и на меня и сообщили другъ другу, что мы—иностранцы изъ-за Гималаевъ; про Учжѣня они сказали, что онъ изъ Сиккима, но не могли рѣшить, откуда я—изъ Ладака ли или же изъ Бэсахира.

Учжѣнь разсказалъ мнѣ о томъ, что онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ меня 31 декабря въ Донцэ.

Онъ выѣхалъ изъ Донцэ въ полдень 31 декабря верхомъ на одной изъ лошадей Тунъ-чэня. По дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ погонщиковъ муловъ донцэскаго дахпоня П'ала, которые везли въ Лхасу ячмень, масло и мясо для потребностей Баньчжѣ-шага, резиденціи П'ала. Учжѣнь освѣдомился у нихъ о состояніи дороги въ Лхасу и относительно наиболѣе благопріятнаго времени для поѣздки туда. Они отвѣтили, что самымъ лучшимъ временемъ года для путешествія въ Лхасу является зима, потому что тогда не бываетъ дождей и легко можно перейти въ бродъ рѣчки, а равно переправиться черезъ Цанъ-по; кромѣ того, зимою дешева пища, и всюду очень легко можно получить мясо, ячмень и вино.

На слѣдующій день (1 января 1882 г.) Учжѣнь посѣтилъ *томъ* (рынокъ) въ Чжяньцэ. Этотъ рынокъ, равно какъ и самъ городъ, по важности и разнообразію предметовъ торговли, въ общемъ стоятъ ниже Шигацэ. Торговцы продаютъ тамъ китайскіе и калькуттскіе товары гораздо низшаго качества. Учжѣнь видѣлъ здѣсь 15—20 непальскихъ лавокъ и около полудюжины кондитерскихъ, содержимыхъ китайцами. *Томъ* принадлежитъ Палк'оръ чойдэ, большому монастырю въ Чжяньцэ, который получаетъ съ него немалый доходъ. Монастырскія власти берутъ также арендную плату съ лавокъ, находящихся по сосѣдству съ рынкомъ и не принадлежащихъ ни правительству ни землевладѣльцамъ (*гэрпа*). Продававшійся на рынкѣ ячмень былъ болѣе низкаго качества, нежели въ Шигацэ; то же слѣдуетъ сказать и про напитокъ *чанъ*, который здѣсь, правда, дешевле, нежели въ Шигацэ, зато масла и баранины здѣсь было гораздо больше, нежели въ названномъ городѣ.

Базаръ открывается въ 10 час. утра и продолжается всего 3 часа въ день. Здѣсь Учжѣнь впервые видѣлъ женщинъ, продававшихъ свѣжее мясо и сушеныя туши овецъ и яковъ. Въ Шигацэ женщины никогда не занимаются этимъ дѣломъ, которое находится въ рукахъ мужчинъ [1]). Многія женщины нажили этимъ занятіемъ очень большое состояніе; онѣ щеголяютъ въ бога-

---

[1]) Однако повсемѣстно въ Тибетѣ главнымъ образомъ женщины занимаются торговлею въ лавкахъ и на базарахъ (W. R.).

тыхъ головныхъ уборахъ (*патугъ*), почти сплошь усѣянныхъ жемчугомъ, амброй и бирюзой.

Возвратившись въ свою квартиру, Учжѣнь познакомился съ поручикомъ (*динпонь*), по имени Ньима цэринъ, который остановился въ томъ же самомъ домѣ. Учжѣнь угостилъ его чаномъ и, когда динпонь былъ навеселѣ, спросилъ у него о положеніи военнаго дѣла въ Чжяньцэ. Динпонь отвѣтилъ ему, что тамъ обыкновенно стоитъ 500 тибетскихъ солдатъ. Эта военная сила раздѣлена на два баталіона, подъ командою двухъ *рупонь*. Каждому рупоню подчинено 2 капитана (*чжяпонь*) и 4 поручика (*динпонь*). Командиромъ, т. е. дахпонемъ, всего войска въ Чжяньцэ состоитъ Тэдинпа. Кромѣ этого войска, имѣется еще 50 китайскихъ солдатъ, подъ командою китайскаго чиновника *да-лоѣ* [1]), и туземная милиція. Войска, расположенныя какъ въ Чжяньцэ, такъ и въ Шигацэ, состоятъ подъ надзоромъ китайскаго казначея (*цогпонь*) г. Шигацэ.

Ньима цэринъ говорилъ Учжѣню, что тибетскіе солдаты получаютъ весьма скудное содержаніе отъ правительства. Китайскій императоръ выдаетъ на содержаніе каждаго человѣка по 5 рупій въ годъ, а тибетское правительство выдаетъ имъ ежемѣсячно по 40 фунтовъ ячменя на человѣка; но не платитъ имъ денегъ на томъ основаніи, что солдаты содержатся на счетъ землевладѣльцевъ по разсчету—одинъ солдатъ на каждый *канъ* земли [2]).

Динпонь и чжяпонь получаютъ жалованье — первый въ количествѣ 13 сранъ, а второй — 25 сранъ въ годъ изъ императорскаго казначейства, отъ тибетскаго же правительства они получаютъ такіе же пайки, какъ и солдаты. Императоръ даетъ китайскимъ солдатамъ, служащимъ въ Тибетѣ и имѣющимъ семью, по 6 сранъ въ мѣсяцъ и, сверхъ этого, на содержаніе семьи по 60 фунтовъ риса на человѣка въ дополненіе къ означенному ежемѣсячному отпуску въ 6 сранъ [3]).

---

[1]) *Да-лао-ѣ*—почетное обращеніе ко всѣмъ второстепеннымъ китайскимъ чиновникамъ въ Тибетѣ, отъ *ба-цзунъ* (сержанта) до *шоу-бэй*, т. е. майора. Китайскій офицеръ, находящійся во главѣ поста въ Чжяньцэ, состоитъ, какъ кажется, въ чинѣ *цянь-цзунъ*, т. е. поручика. Относительно тибетской военной организаціи см. главу VII (W. R.).

[2]) Обыкновенный *канъ*—это площадь земли, на которой можетъ быть посѣяно около 400 фунтовъ зерна. Государственный налогъ съ каждаго кана составляетъ 50 *сранъ* (т. е. унцій серебра) въ годъ (S. C. D.).

[3]) Относительно жалованья и содержанія китайскихъ войскъ въ Тибетѣ, см. j. R. A. S., n. s., XXIII, p. 276—278. Во многихъ мѣстностяхъ по дорогѣ между Лхасою и Да-цзянь-лу китайскіе солдаты ни-

На другой день (2 января) Учжѣнь осматривалъ городъ и его большой монастырь Палк'оръ чойдэ. Городъ окруженъ каменной стѣной, длиною приблизительно около $2^1/_2$ миль. Учжѣнь опредѣлилъ ея длину при помощи своихъ четокъ въ 4.500 шаговъ [1]); дѣлая шагъ, онъ каждый разъ передвигалъ четку и произносилъ: «*омъ-мани-падмэ-хумъ*»; добродушные жители г. Чжяньцэ, сопровождавшіе его въ хожденіи вокругъ (*линкоръ*) [2]) города, и не подозрѣвали смысла его занятія. Дойдя до подножія мэньдона Gojogs, расположеннаго на сѣверъ отъ цзона (замка), онъ пошелъ отсюда на юго-западъ по направленію къ монастырю Цэ-чань, одному изъ древнѣйшихъ духовныхъ учрежденій въ Тибетѣ, находящемуся въ 3 миляхъ отъ мэньдона. Къ сѣверу отъ Чжяньцэ находится Ритой-гомба, закрытый монастырь съ 5—6 длинными зданіями съ большимъ числомъ келій въ каждомъ зданіи. Къ юго-востоку отъ замка Чжяньцэ-цзонъ идетъ дорога въ П'агри, по направленію къ монастырю Ня-нн и рѣкѣ Нару-чу, являющейся однимъ изъ главныхъ источниковъ р. Нянъ-чу, въ которую собираются воды съ сѣвернаго глетчера горы Чумо-лха-ри. Къ сѣверо-востоку отъ Чжяньцэ виднѣется на большомъ протяженіи рѣка Нянъ-чу; по направленію ея теченія Учжѣнь заключилъ, что она вытекаетъ изъ покрытыхъ снѣгомъ горъ Нуй-чжинь-канъ-санъ, тянущихся на сѣверъ и сѣверо-востокъ. На возвышенностяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Чжяньцэ, въ разстояніи 3 миль отъ этого города находится Чойлунъ-гомба.

Китайское кладбище, по словамъ Учжѣня, расположено на вершинѣ холма, на которомъ находится цзонъ, немного выше большой дороги въ Лхасу, въ трехъ миляхъ отъ города. Онъ насчиталъ тамъ 300 могилъ, изъ которыхъ нѣкоторыя казались весьма старыми и разрушенными, нѣкоторыя же, наоборотъ, были совсѣмъ свѣжи. Замокъ, или *цзонъ*, въ Чжяньцэ стоитъ на вершинѣ холма, возвышающагося почти на 500 футовъ

когда не получаютъ жалованья деньгами; имъ выдаютъ только кирпичный чай, цѣна на который произвольно устанавливается казначеемъ, немилосердно обманывающимъ „бѣдныхъ чертей". *Сранъ* — это унція серебра, равная китайскому таэлю (*ланъ*). (W. R.).

[1]) Georgi, op. cit., p. 451, говоритъ объ этомъ городѣ — Kiangse — слѣдующее: „Civitas praeclara et planire ad radius montium. Ad Urbis praesidium Arx est inaedificata rupi, musis, et fossis aquae vivae circumvallata. Coenobium vero adeo vastum, et magnificum, ut quum millia aliquot Xacaitarum contineat, alterius cujusdam civitatis speciem praereferre videatur".

[2]) Для выраженія почитанія буддисты ходятъ обыкновенно 3 раза вокругъ почитаемаго предмета, такъ чтобы правая рука была обращена къ этому послѣднему, т. е. слѣва направо (*ред.*).

надъ городомъ. Замокъ этотъ очень крѣпокъ; онъ былъ выстроенъ знаменитымъ Чойчжялъ-рабтанемъ, правившимъ въ XIV в. въ провинціи Нянъ, столицею которой былъ городъ Чжяньцэ. Эта провинція входила въ составъ владѣній іерарховъ секты сакья. Онъ провелъ длинный выложенный камнемъ ходъ отъ цзона къ подножію холма, надѣясь посредствомъ этого хода обезпечить себѣ подвозъ воды во время осады изъ трехъ глубокихъ колодцевъ, находящихся у подножія холма. Учжѣнь посѣтилъ эти колодцы, изъ которыхъ водоносы черпали воду кожаными ведрами, привязанными къ веревкѣ длиною около 150 футовъ, проходящей по блоку.

Владѣлецъ литоп'угскаго участка г. Чжяньцэ сообщилъ Учжѣню, что около 18 лѣтъ тому назадъ бывшій дэвань Сиккима пріѣзжалъ сюда по нѣкоторымъ государственнымъ дѣламъ и останавливался въ томъ самомъ домѣ, гдѣ проживалъ Учжѣнь. Однажды ночью въ домъ внезапно вторглось около 50 человѣкъ торговцевъ изъ провинціи К'амъ, весьма подозрительнаго вида; они избили его палками, выдернули изъ ушей серьги, сняли съ него платье, унесли все его имущество и побоями заставили слугъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Нѣкоторые изъ разбойниковъ убѣжали изъ Чжяньцэ, захвативъ съ собою вещи дэваня, его муловъ и лошадей, но на слѣдующее утро объ этомъ было дано знать цзонпоню и предводитель шайки, который остался въ городѣ, былъ сіваченъ. Онъ сказалъ, что за годъ до этого дэвань поступилъ очень сурово съ нимъ и съ его соучастниками, когда они, направляясь въ Дарджилинъ, остановились въ Чумби; онъ взялъ у нихъ послѣднія деньги и, кромѣ этого, отнялъ все ихъ имущество на сумму 500 рупій. Теперь дэвань въ свою очередь потерялъ около 1.000 рупій деньгами, не считая драгоцѣнностей, платья и пр.

Прибылъ ученый лама секты ньинма, управляющій имѣніемъ, принадлежащимъ воплощенному ламѣ Палри кушо и находящимся вблизи Панамъчжона, и остановился въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ и Учжѣнь. Онъ возвращался изъ Лхасы, гдѣ онъ оставался въ теченіе 2 или 3 мѣсяцевъ послѣ своего паломничества въ страну Цари. Въ Лхасѣ жилъ его господинъ, занимавшійся изученіемъ священной литературы. Лама обѣщалъ показать Учжѣню книги изъ библіотеки перерожденца Палри и даже одолжить ихъ ему за поручительствомъ министра или его Чягъ-цзо-па (казначея). Кромѣ того, онъ сказалъ Учжѣню, что существуетъ два печатныхъ сочиненія о Чойчжялъ-рабтанѣ, славномъ королѣ, который построилъ Палк'оръ чойдэ въ Чжяньцэ, но что эти сочиненія, равно какъ и исторія г. Чжяньцэ считаются лхасскимъ правительствомъ секретными (*тэрчой*). Учжѣнь также узналъ отъ ламы, что въ закрытомъ монастырѣ Лхари-зимъ-п'угъ, располо-

женномъ на дикой горѣ, къ востоку отъ Панамъ-чжона, находится полное описаніе жизни и сочиненій ламы Лха-цунь чэнь-по, который ввелъ буддизмъ въ Сиккимѣ [1]).

Въ описываемое время года климатъ въ Чжяньцэ очень скверный; ежедневно дуютъ сильные вѣтры, поднимая цѣлыя облака пыли. Жители проводятъ это время года въ праздности, занимаясь лишь пряденіемъ шерсти и тканьемъ.

Таковы были свѣдѣнія, полученныя мною сегодня отъ Учжѣня.

Окончивъ завтракъ, мы отправились съ кунѣромъ кумирни Ганьдань лхак'ана для совершенія *чой-чжалъ* въ различныхъ святилищахъ Чжяньцэ. Чортэнь представляетъ собою великолѣпное строеніе, единственное въ своемъ родѣ по его архитектурѣ. До сихъ поръ я думалъ, что чортэнь—это лишь мавзолей, предназначенный единственно для храненія останковъ почившихъ святыхъ, но теперь мой взглядъ совершенно измѣнился. Упомянутый чортэнь представляетъ собою высокій девятиэтажный храмъ. Учжѣнь, я, кунѣръ, Лхагпа-рида и нашъ слуга Лхагпа-сринъ вошли сначала во дворъ святилища, а затѣмъ въ самый храмъ одновременно съ другими пилигримами и путешественниками, большая часть которыхъ, казалось, прибыла изъ Ладака или изъ Чанъ-тана. Въ томъ помѣщеніи, гдѣ происходитъ богослуженіе, и гдѣ собрались теперь жрецы для совершенія службы, горѣли сотни лампадъ, а отъ массы курительныхъ свѣчей поднимался такой густой дымъ, что въ комнатѣ было почти темно. Мы сразу поднялись на верхній этажъ, другіе же посѣтители начали совершать съ нижняго этажа «круговое хожденіе»; это здѣсь обыкновенное явленіе, но при этомъ многіе такъ устаютъ отъ постояннаго круговращенія, что оказываются подъ конецъ не въ состояніи подняться на самый верхній этажъ. Чортэнь имѣетъ въ высоту около 100 или 120 футовъ, при чемъ вершина его увѣнчана позолоченнымъ куполомъ, сдѣланнымъ изъ мѣдныхъ вызолоченныхъ листовъ; листы эти настолько толсты, что могли въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій противостоять дѣйствію непогоды. Основаніе этого священнаго зданія, согласно нашему измѣренію, занимаетъ площадь, равную квадрату со сторонами въ 50 шаговъ. Съ этажа (*пумпа*), помѣщающагося непосредственно подъ позолоченнымъ куполомъ, открывается прекрасный видъ на городъ, монастыри, сосѣдніе холмы и отдаленныя горы; черная поверхность послѣднихъ, прорѣзанная мѣстами бѣлыми стѣнами монастыря, представляла весьма своеобразный дикій видъ.

---

[1]) Родился въ 1595 г. по Р. Хр. въ юго-восточномъ Тибетѣ. См. Waddell, op. cit., p. 47 (W. R.).

Внутри чортэня находится безчисленное количество нишъ, наполненныхъ изображеніями буддъ и святыхъ; при посѣщеніи нами различныхъ часовенъ, отъ насъ требовали, чтобы мы ходили слѣва направо, какъ то въ обычаѣ у буддистовъ.

Въ первомъ этажѣ намъ показали статую Чойчжялъ-рабтаня, въ царствованіе котораго Чжяньцэ пріобрѣло большую извѣстность и который далъ дальнѣйшій толчекъ развитію буддизма и литературы. Кунѣръ чортэня прикоснулся къ нашимъ головамъ мечомъ этого знаменитаго монарха и сказалъ, что его благословеніе (*чжинь-лабъ*) дастъ намъ силу восторжествовать надъ нашими врагами, пользоваться долгоденствіемъ и счастьемъ въ этомъ мірѣ.

Намъ показали также два изображенія Дорчжэ-чана[1]), главнаго будды секты гэлугпа; одно изъ этихъ изображеній было небольшихъ размѣровъ и очень древнее, другое—большое и великолѣпно отполированное. Когда-то великій лама монастыря Ташилхуньпо при посѣщеніи этого чортэня коснулся груди первой изъ упомянутыхъ статуй, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли она сохранила теплоту и жизнь, какъ это говорили въ народѣ. Вскорѣ онъ однако раскаялся въ своемъ святотатственномъ поступкѣ, сознаъ свой грѣхъ и, чтобы изгладить вину, сдѣлалъ большую золоченую статую, которая и была помѣщена рядомъ со старою.

Возвратившись въ Ганьдань лхак'анъ, мы принялись за чаепитіе; въ это время явился настоятель Палк'оръ чойдэ съ нѣсколькими учениками, чтобы совершить поклоненіе предъ находящимся въ святилищѣ большимъ изображеніемъ будды, по правую сторону котораго стоитъ изображеніе Цонк'апы, а по лѣвую—Майтреи.

Кунѣръ замѣтилъ, что мнѣ особенно посчастливилось попасть въ Чжяньцэ именно сегодня, такъ какъ было полнолуніе—священный день для буддистовъ, въ который такъ же, какъ и въ день новолунія, двери всѣхъ святилищъ и большого чортэня открываются для публики.

Послѣ часового отдыха мы вмѣстѣ съ Тунъ-чэнемъ и Учжѣнемъ отправились въ Палк'оръ чойдэ. Большой «храмъ ученія» (цугла-к'анъ) этого монастыря представляетъ собою великолѣпное высокое зданіе, внутренность котораго освѣщается тысячью лампадъ. По тремъ сторонамъ—сѣверной восточной и западной — находятся высокія ниши, въ которыхъ стоятъ

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь ошибочно названъ *Дорчжэ-чанъ* вмѣсто *Дорчжэчякъ* или *Ваджрапани* (W. R.).

огромныя статуи Будды и бодисатвъ [1]). Статуя Будды дѣлана изъ мѣди и покрыта богатой позолотой. 500 человѣкъ монаховъ исполняли божественную службу, и болѣе 200 человѣкъ были заняты чтеніемъ священныхъ книгъ. Ни одинъ изъ нихъ не поднялъ глазъ, чтобы посмотрѣть на насъ,—такъ строго соблюдается здѣсь дисциплина. Насъ ввели въ огромную библіотеку, одинъ видъ которой исполнилъ меня чувствомъ благоговѣнія и боязни. Всѣ книги здѣсь были очень старыя, съ широкими листами; нѣкоторыя имѣли въ длину отъ 2 до 4 футовъ. Мнѣ показали также священныя книги, написанныя золотыми буквами.

Съ какимъ усердіемъ и благочестіемъ исполняютъ буддисты священныя обязанности, которыя налагаетъ на нихъ ихъ религія, какой глубокій интересъ питаютъ они къ собиранію священныхъ книгъ и изображеній и какъ ревностно берегутъ ихъ, — можно понять только при посѣщеніи такихъ мѣстъ, какъ Палк'оръ чойдэ. Мнѣ показали нѣсколько скульптурныхъ произведеній, сдѣланныхъ индійскими буддистами, и нѣсколько каменныхъ изображеній божествъ, похожихъ на тѣ, которыя я видѣлъ въ Будд'агая [2]). Огромный интересъ представляютъ золоченыя статуи сраваковъ [3]),

[1]) Эпитетъ *Будд'а* первоначально присваивался, повидимому, одному только основателю буддизма—Сидд'арта Гаутамѣ или Шакьямуни, какъ прозрѣвшему духовно, уразумѣвшему, благодаря этому, сущность всего въ мірѣ и указавшему людямъ путь къ спасенію; подъ однимъ этимъ эпитетомъ обыкновенно разумѣется Шакьямуни. Впослѣдствіи буддисты стали учить, что Шакьямуни является только однимъ (пятымъ) изъ цѣлаго ряда (1000) ему подобныхъ буддъ; возникли и другія категоріи послѣднихъ. Появилось между прочимъ воззрѣніе, что состоянія будды можетъ достигнуть и всякое существо, которое вполнѣ отрѣшится отъ вліянія матеріи (высшее совершенство) и выйдетъ изъ круговорота рожденія и смерти. *Бодисатвы*—существа, стоящія, по степени своего духовнаго совершенства, непосредственно передъ буддами; этого состоянія существа достигаютъ исполненіемъ парамитъ (особыхъ высшихъ добродѣтелей). Главною задачею бодисатвъ является содѣйствіе всѣмъ менѣе совершеннымъ существамъ въ дѣлѣ достиженія высшей святости, и потому къ нимъ обращаются буддисты со своими молитвами. Особою популярностью пользуются бодисатвы Авалокитешвара, олицетвореніе милосердія (см. выше, стр. 74), Маньчжушри, олицетвореніе мудрости, и Майтрея, будущій будда (*ред.*).

[2]) Будд'агая—священная для буддистовъ мѣстность въ Индіи, въ которой Шакьямуни подъ „деревомъ мудрости“ Бо (растущимъ и весьма чтимымъ донынѣ) достигъ состоянія Будды и которая считается буддистами „пупомъ“ земли. Тамъ находится извѣстный храмъ Ганьд'ола (*ред.*).

[3]) *Шравака*—„слушатель“; это древнѣйшее общее названіе слушателей Будды и вообще буддистовъ, которымъ первоначально приходилось *выслушивать* устное изложеніе ученія Будды за отсутствіемъ письменнаго (*ред.*).

а также Сарипу, Мудгалпутры. Ананды, Кашьяны и другихъ архатовъ [1]) индійской работы. По каждую сторону статуи Будды Шакья находилось четыре ряда монаховъ по 20 человѣкъ въ каждомъ ряду, а передъ ними горѣли сотни лампадъ, наполненныхъ масломъ. Позади сидѣній монаховъ находились барабаны, каждый съ длинной ручкой; въ эти барабаны монахи ударяли отъ времени до времени и при аккомпаниментѣ кимваловъ, мѣдныхъ гобоевъ *(дунъ-чэнь)* и кларнетовъ *(чжялинъ)* пѣли гимны звучными голосами. Когда монахи уставали отъ непрерывнаго повторенія мантръ, они освѣжались чаемъ. Вино не употребляется въ монастыряхъ секты гэлугпа, и всѣ монахи, пьющіе вино, дѣйствительно изгоняются изъ этой секты. Въ передней монастыря я видѣлъ большую коллекцію чучелъ разныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, снѣжнаго леопарда, дикаго барана, козла, яка, жеребенка, собаки, бенгальскаго тигра [2]).

---

[1]) Названіе *архатъ* въ первоначальномъ буддизмѣ примѣнялось, повидимому, ко всѣмъ, кто уразумѣлъ основныя положенія ученія Будды, нашедшія себѣ выраженіе въ такъ называемыхъ „4 истинахъ“: 1) существованіе есть страданіе; 2) источникъ существованія—жажда жизни; 3) уничтоженіемъ жажды жизни уничтожается и существованіе и 4) жажда жизни уничтожается вступленіемъ на путь, который состоитъ изъ 8 частей: истинной вѣры, истинныхъ стремленій, правдивой рѣчи, хорошаго поведенія, честнаго добыванія средствъ къ жизни, истиннаго старанія, вѣрной памяти и истиннаго размышленія. Благодаря знанію этихъ истинъ, архаты пріобрѣтали разныя сверхъестественныя свойства (принимать разныя формы, узнавать мысли другихъ и т. п.). Къ архатамъ причисляются между прочимъ ближайшіе ученики Шакьямуни. Шарипутра, Маудгальяяна, Ананда, Кашьяпа — имена наиболѣе выдающихся учениковъ этого Будды (*ред.*).

[2]) Лама Учжѣнь-чжяцо посѣтилъ въ странѣ Лхобракъ, знаменитое святилище Сэхъ-гуру-ч'ой-ванъ, выстроенное по образцу знаменитаго монастыря г. Наленд́ра въ Магад'ѣ. Это святилище содержитъ важные реликвіи, между прочимъ весьма почитаемое чучело лошади, принадлежавшей великому гуру: (*гуру* — учитель: великій гуру—повидимому, Падма Самб'ава (*ред.*). Лошадь эта называется чжамлинъ нинь'орэ. т. е. „лошадь, могущая въ одинъ день объѣхать вокругъ свѣта“. Замѣтивъ, что у этой лошади нѣтъ лѣвой ноги, Учжѣнь-чжяцо спросилъ о причинѣ этого, и ему сказали, что эту ногу укралъ одинъ изъ пилигримовъ провинціи К'амъ съ цѣлью передать чудесныя свойства этой лошади лошадямъ К'ама. См. «Report of Explorations from 1856—56», p. 23. По всей вѣроятности, предметы, которые видѣлъ авторъ въ Чжяньцэ, были первоначально жертвенными дарами, а затѣмъ стали сохраняться, какъ рѣдкости (W. R.).

Возвратившись въ Ганьдань лхак'анъ, мы посѣтили второй и третій этажи этого зданія, гдѣ нѣсколько затворниковъ были заняты чтеніемъ священныхъ книгъ. Мнѣ передавали, что когда Таши-лама посѣщаетъ Палк'оръ чойдэ, онъ останавливается въ этомъ зданіи; при этомъ мнѣ показали также возвышенное сѣдалище, на которомъ онъ возсѣдаетъ во время своего пребыванія здѣсь. Я также узналъ, что наиболѣе успѣвающіе студенты среди монаховъ Ташилхуньпо посылаются сюда для довершенія курса своихъ наукъ съ цѣлью полученія степени *томъ-рамъ-па* (баккалавра священной литературы), которую имѣетъ право давать только одинъ этотъ монастырь [1]).

Въ портикѣ зданія и подъ карнизомъ его крыши я замѣтилъ нѣсколько видовъ растеній въ цвѣту.

Въ 3 часа пополудни мы отправились въ Донцэ, куда прибыли до наступленія сумерекъ. Пажъ министра встрѣтилъ меня у подножія холма и провелъ къ своему господину, который предложилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ вопросовъ касательно моей поѣздки. Я разсказалъ ему, какъ много удовольствія она доставила мнѣ, тѣмъ болѣе, что по случаю праздника для меня были открыты всѣ зданія, большой чортэнь и храмы. «Радъ за васъ», замѣтилъ мнѣ министръ: «я долженъ сказать, что сами боги указали вамъ путь (*лха-ламъ тань-сонъ*), такъ какъ раньше я не имѣлъ въ виду, что сегодня праздникъ. Если бы вы отложили свою поѣздку до завтрашняго дня, то вамъ удалось бы видѣть очень немногое».

5-го января.

Я зашелъ сегодня къ министру и разсказалъ ему о своемъ посѣщеніи Чжяньцэ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ Тибетѣ есть пять-шесть чортэней, подобныхъ тому, который я видѣлъ въ Чжяньцэ. Въ Палк'оръ чойдэ находится

---

[1]) Пишется, вѣроятно, *стонь-рань-па* т. е. „тотъ, кто можетъ учить, докторъ". См. „Indian Pundits in the Land of Snow». По всей вѣроятности, это та же ученая степень, что и *гэ-шэ* (W. R.). Отождествленіе степени *томъ-рамъ-па* съ *гэ-шэ* едва ли можно признать правильнымъ: *гэ-шэ* (у монголовъ *габжу*)—низшая ученая степень, которая дается во всѣхъ ламайскихъ центрахъ, гдѣ ламы проходятъ полный курсъ богословскихъ предметовъ. *Томъ-рамъ-па* скорѣе соотвѣтствуетъ степени *дорамба*, о которой говоритъ А. М. Позднѣевъ («Очерки быта буддійскихъ монастырей» и т. д., стр. 202), какъ о рѣдко встрѣчающейся: по его словамъ, она получается „главнымъ образомъ въ тибетскомъ (вѣроятно, амдоскомъ) монастырѣ Лабранъ". О различныхъ ученыхъ степеняхъ у ламаитовъ см. названный трудъ А. Позднѣева, стр. 193—202 (*ред.*).

теперь, по его словамъ, около 600 монаховъ и такое же количество въ прилегающихъ обителяхъ, но въ прежнія времена тамъ по спискамъ числилось до 3.000 монаховъ.

Учжѣнь-чжяцо возвратился сегодня изъ Чжяньцэ и разсказалъ министру о своихъ приключеніяхъ. Онъ помѣщался въ кварталѣ Литоп'угъ, въ домѣ священника, гдѣ хозяинъ (*набо*) и хозяйка (*намо*) оказали ему хорошій пріемъ. Учжѣнь поднесъ министру дюжину апельсиновъ, которые онъ купилъ на рынкѣ въ Чжяньцэ по 1 аннѣ за штуку. Я сказалъ министру, что эти апельсины привезены изъ Сиккима. «Ахъ, въ самомъ дѣлѣ», сказалъ онъ: «это, должно быть, счастливая страна. Въ Тибетѣ апельсины не созрѣваютъ; въ Лхасѣ есть апельсинныя деревья, но они даютъ очень небольшіе плоды, да и тѣ не успѣваютъ созрѣть».

Вечеромъ Учжѣнь передалъ мнѣ разсказъ, который онъ слышалъ отъ Чягъ-цзо-па въ монастырѣ Палри.

Однажды въ К'анъ-той-шик'а въ Лхасѣ проживалъ Дугпа-куньлегъ, извѣстный, но эксцентричный святой школы красношапочниковъ. Онъ замѣтилъ, какъ жена его хозяина украла кусочекъ амбры изъ мѣшка нищаго, который остановился въ томъ же домѣ, и взамѣнъ положила въ его котомку яблоко. Святой сказалъ ей, что подобный поступокъ есть грѣхъ и преступленіе, и въ назиданіе разсказалъ ей слѣдующую исторію.

Въ древней Индіи жили два друга. Одинъ изъ нихъ былъ жителемъ горъ и не отличался честностью; другой, житель долинъ, былъ весьма справедливъ и честенъ. Однажды, гуляя по долинѣ, они нашли кубокъ съ золотомъ. Житель долинъ сказалъ: «Ну, теперь судьба надѣлила насъ богатствомъ; принесемъ благодареніе мѣстнымъ божествамъ и затѣмъ раздѣлимъ между собою нашу находку».

Второй однако возразилъ на это: «Другъ, уже поздно; сдѣлаемъ все это завтра, а теперь лучше отнесемъ этотъ кубокъ домой».

Житель долинъ согласился на это. Когда на слѣдующее утро онъ зашелъ къ своему другу, то нашелъ его въ слезахъ и сѣтованіяхъ. «Увы, другъ!» воскликнулъ тотъ: «сердце мое исполнено горечи и стыда. Какъ мнѣ и сказать тебѣ! Съ золотомъ совершилось удивительное превращеніе: сегодня утромъ я нашелъ въ кубкѣ одни лишь опилки. Одни боги знаютъ, что такое произошло съ нашимъ сокровищемъ. Это—мнѣ горько даже говорить—положитъ конецъ нашей дружбѣ, такъ какъ у тебя возникнетъ подозрѣніе по отношенію ко мнѣ». Говоря это, онъ снова заплакалъ.

Его другъ понялъ, въ чемъ дѣло, но сказалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ: «Другъ мой, не плачь. Потеря найденнаго еще не есть великое горе.

Если мы останемся друзьями, то будемъ оба очень счастливы. Случай далъ намъ богатство, случай же и отнялъ его; слезы не возвратятъ его намъ обратно».

Ложный другъ, думая, что игра ему удалась, быстро осушилъ свои слезы. Житель долинъ, прежде нежели уйти отъ него, сказалъ: «Другъ мой, я забылъ еще кое-что тебѣ сказать: въ моемъ фруктовомъ саду уже созрѣли очень вкусные плоды; у меня нѣтъ дѣтей, и я прошу тебя отпустить со мною твоихъ обоихъ сыновей, чтобы я могъ угостить ихъ превосходными фруктами».

Тотъ согласился на это, и его два сына ушли вмѣстѣ съ жителемъ долинъ. По возвращеніи домой, послѣдній купилъ двухъ обезьянъ, далъ имъ тѣ же имена, какія носили мальчики, и научилъ ихъ являться къ нему по зову.

Спустя нѣкоторое время явился житель горъ, чтобы взять домой своихъ сыновей. Увидавъ его, другъ вышелъ ему навстрѣчу и, громко рыдая, сказалъ: «Другъ, сердце мое обливается кровью, ибо я долженъ сообщить тебѣ о несчастіи, которое пало на твою голову. Оба твои сына превратились въ обезьянъ!»—Неужели ты хочешь, чтобы я повѣрилъ такой сказкѣ? воскликнулъ тотъ. «Если ты сомнѣваешься, позови своихъ сыновей, и ты самъ убѣдишься». Отецъ сталъ звать своего старшаго сына, и на зовъ его прибѣжала обезьяна, вскочила ему на колѣни и начала цѣловать и обнимать его, какъ стараго друга. Исполненный удивленія, отецъ позвалъ второго сына, и на этотъ разъ также явилась обезьяна и взобралась къ нему на колѣни.

Минуту спустя житель долинъ спросилъ своего друга: «Какъ могло случиться это? Разскажи мнѣ, какимъ образомъ золото превратилось въ опилки? Это, можетъ быть, объяснитъ намъ и новое чудо». Второй, опасаясь, что его сыновья превратились въ обезьянъ благодаря чарамъ обманутаго имъ друга, отвѣтилъ: «Другъ мой, я обманулъ тебя, сказавъ, что золото превратилось въ опилки. Я принесъ теперь золото съ собою, чтобы раздѣлить его поровну между нами. Неужели правда, мой столь обиженный другъ, что сыновья мои обратились въ обезьянъ?»—«О нѣтъ, какъ могутъ люди сдѣлаться обезьянами? Твои сыновья здоровы и находятся теперь въ одномъ изъ моихъ садовъ». Такъ разошлись оба друга по домамъ каждый со своимъ богатствомъ: одинъ съ сыновьями, а другой съ золотомъ.

Прошло много лѣтъ, и оба друга были призваны на судъ къ царю смерти, чтобы тамъ дать отвѣтъ за свои добрыя и дурныя дѣла. Были взвѣшены также ихъ нравственныя заслуги и молитвы, и вѣсы показали благопріятный для нихъ результатъ. Тогда между богами и демономъ началась игра, со-

стоящая въ томъ, что бросаніемъ костей опредѣляются заслуги и проступки боговъ и людей. Оба друга посмотрѣли въ зеркало «*карма*» («мірскіе поступки») и съ краскою на лицѣ увидѣли тамъ дурныя дѣла, которыя они совершили: превращеніе золота въ опилки и мальчиковъ въ обезьянъ. Царь смерти рѣшилъ, что житель горъ долженъ провести 500 лѣтъ въ аду, а его другъ 500 разъ возродиться обезьяной. Наказаніе второго было болѣе тяжко, такъ какъ онъ похитилъ людей и сказалъ, что они превратились въ обезьянъ; но такъ какъ онъ, когда было найдено богатство, желалъ принести жертву богамъ, то послѣдніе вступились за него и облегчили его участь.

Окончивъ свой разсказъ, Дугпа Куньлегъ сталъ увѣщевать женщину воздержаться отъ воровства и грозилъ, что въ противномъ случаѣ ее постигнетъ подобное же суровое наказаніе. Женщина положила амбру обратно въ мѣшокъ нищаго, и святой оставилъ ея домъ и возвратился въ Лхобрагъ.

Учжѣнь также слышалъ въ Чжяньцэ, что относительно древней исторіи этого города можно найти много свѣдѣній въ сочиненіи: «*Нянъ чой чжунъ Ньимай оцзэръ*». Кромѣ того, онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ, будто въ прошломъ году одинъ нищій изъ Чжяньцэ, посѣтивъ Сиккимъ, разсказывалъ тамъ, что онъ принадлежитъ къ числу лицъ, открывшихъ священныя книги, о которыхъ упоминается въ ньинмаской исторіи Сиккима. При этомъ онъ показалъ какой-то, по его словамъ, очень древній рукописный томъ, содержащій умилостивительный ритуалъ въ честь Гуру Т'агъ-маръ, грознаго божества изъ пантеона секты ньинма. Сиккимскій рачжа оказалъ ему очень теплое гостепріимство и, посовѣтовавшись со своимъ главнымъ придворнымъ ламою, заказалъ ему приготовить доски для напечатанія текста ритуала. Этотъ обманщикъ только что возвратился въ Чжяньцэ съ многими цѣнными мѣдными и бронзовыми издѣліями, шелковыми одѣяніями и монетою.

6-го января.

Когда я сидѣлъ у министра, пришла его мать въ сопровожденіи служанки, чтобы воздать поклоненіе своему святому сыну. Я сначала не хотѣлъ вѣрить, что это его мать, когда увидѣлъ, какъ она, принимая благословеніе министра, сдѣлала передъ нимъ три глубокихъ поклона, при чемъ лбомъ коснулась пола. Затѣмъ она поднесла ему нѣсколько шариковъ изъ масла и к'атагъ и, когда его святѣйшество сказалъ ей, что онъ уѣзжаетъ въ Ташилхуньпо черезъ три дня, она горько заплакала.

7-го января.

Рано утромъ мы получили сообщеніе отъ министра о томъ, что онъ проситъ насъ отложить нашъ отъѣздъ въ Ташилхуньпо, такъ какъ Чягъ-цзо-па очень желаетъ, чтобы я вмѣстѣ съ министромъ посѣтилъ его домъ въ Кѣ-па К'ансарѣ, гдѣ министръ предполагалъ остановиться на три дня.

Родители министра вновь явились, въ сопровожденіи своего самаго младшаго сына, воздать министру почести. Отецъ, спокойный, почтенный на видъ старикъ, привѣтствовалъ меня, снявъ свой желтый тюрбанъ, и освѣдомился о моемъ здоровьѣ. Они совершили земное поклоненіе передъ министромъ, который благословилъ ихъ, коснувшись рукою ихъ головъ.

Въ 2 часа дня министръ, одѣтый словно буддійскій кардиналъ, въ сопровожденіи Тунъ-чэня, насъ и своихъ домашнихъ, направился въ главный молитвенный залъ (*ду-к'анъ*), при чемъ Тунъ-чэнь несъ пучекъ курительныхъ свѣчей и нѣсколько шарфовъ. Главный лама бросилъ нѣсколько зеренъ ячменя по направленію изображеній божествъ и произнесъ нѣсколько мантръ; затѣмъ министръ стоя произнесъ краткую молитву и, приблизившись къ статуѣ Будды, снялъ свою митру и положилъ на эту статую к'атагъ. Послѣ этого главный лама взялъ остальные к'атаги, которые принесъ Тунъ-чэнь, и началъ вѣшать ихъ по одному на другія статуи, сопровождавшіе же его монахи разбрасывали передъ ними цвѣты.

Послѣ этого мы обошли вокругъ монастыря и спустились къ подножію холма, гдѣ сынъ Чягъ-цзо-па, одѣтый въ богатый монгольскій костюмъ, ожидалъ насъ съ двумя бойкими богато убранными лошадьми, которыхъ держали конюхи; на одну изъ этихъ лошадей сѣлъ министръ, мы же прошли пѣшкомъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ воротъ Кѣ-па К'ансара. Оркестръ барабановъ, гобоевъ, колокольчиковъ, гонговъ и флейтъ маршировалъ передъ нами, играя въ то время, какъ мы проходили черезъ свѣтскій городъ (*шо*) по широкой обсаженной тополями дорогѣ, идущей вплоть до самыхъ воротъ К'ансара, гдѣ стоялъ Чягъ-цзо-па въ ожиданіи министра. Онъ былъ одѣтъ въ ярко-красное атласное одѣяніе, подпоясанное желтымъ шарфомъ, въ желтомъ шерстяномъ тюрбанѣ и въ татарскихъ бархатныхъ сапогахъ. Его высокій ростъ, ласковые глаза, широкій лобъ и носъ необыкновенно правильной формы придавали ему внушительный видъ. Онъ привѣтствовалъ министра низкимъ поклономъ, поднесъ ему к'атагъ и въ свою очередь принялъ отъ него благословеніе (*чягъ-ванъ*); затѣмъ министръ слѣзъ съ лошади, ставя свои ноги на обитый бархатомъ стулъ, приготовленный для этой цѣли.

Послѣ этого Чягъ-цзо-па привѣтствовалъ Учжѣня, котораго онъ принялъ за меня; Учжѣнь же не снялъ своей шляпы, чтобы отвѣтить на привѣтствіе (или, какъ тамъ говорится, оказать свое *чянъ-бу*), на что шопотомъ и обратилъ его вниманіе Тунъ-чэнь.

Мы поднялись на нѣсколько ступеней и вошли въ домъ. Хозяинъ повелъ министра въ гостиную, а мы вмѣстѣ съ Тунъ-чэнемъ прошли, въ сопровожденіи третьяго сына хозяина—П'уньцо-Ю-чжялъ, въ часовню, которая занимала центральную комнату второго этажа. Домъ былъ выстроенъ очень аккуратно, съ солидными каменными стѣнами и великолѣпными рѣзными балками изъ тополеваго дерева. Свѣтъ проникалъ изъ небольшого оконца, помѣщавшагося въ срединѣ крыши; толстыя подушки, покрытыя коврами изъ провинціи К'амъ, были разложены вдоль стѣнъ; на этихъ подушкахъ мы и усѣлись. На маленькихъ столикахъ была приготовлена закуска, состоявшая изъ китайскихъ пирожныхъ, гречневыхъ пирожковъ, сладкихъ бисквитовъ; цамбу и чай намъ подавалъ пажъ Чягъ-цзо-па, Пину. Немного погодя, насъ провели къ Чягъ-цзо-па, которому поднесли к'атагъ и нѣсколько рупій; равнымъ образомъ мы подарили к'атагъ его женѣ Ама Тунъ-ла и его невѣсткѣ Риньпочэ. Послѣ обѣда насъ повели въ спальню, находящуюся по южную сторону часовни, гдѣ мы нашли три постели и, напившись чаю, расположились на отдыхъ.

8-го января.

Рано утромъ мы хотѣли отправиться въ Ташилхуньпо, но нашъ хозяинъ не желалъ отпустить насъ, и мы съ согласія министра отложили нашу поѣздку еще на два дня.

Завтракъ былъ поданъ намъ служанкой (*шэтама*) и невѣсткой (*паца*) нашего хозяина, единственной женой его двухъ сыновей. Она имѣетъ право на титулъ *Чямъ Кушо*, но въ разговорѣ къ ней рѣдко обращаются такъ. Она — молодая женщина лѣтъ 20, съ очень скромными манерами и умнымъ взглядомъ. Она осталась въ нашей комнатѣ и послѣ того, какъ прочіе гости и прислуга уже ушли, съ очевиднымъ намѣреніемъ завязать съ нами бесѣду. Учжѣнь-чжяцо началъ разговоръ съ нею вопросомъ, къ какому роду въ Тибетѣ она принадлежитъ. Въ отвѣтъ она спросила его, не слышалъ ли онъ о Кушо Маньки́па изъ Танага. «Да», отвѣчалъ Учжѣнь: «если вы говорите о Маньки, который приходится дядей по матери сиккимскому рачжѣ». «Именно онъ», сказала Риньпочэ: «онъ умеръ въ прошломъ году, не видавши меня. Не подданный ли вы моего двоюроднаго брата Дэнь-чжонъ

чжялпо (главы Сиккима)? О какъ бы мнѣ хотѣлось повидать мою тетушку!» и она начала плакать. «Прошло уже цѣлыхъ три года съ тѣхъ поръ, какъ я прибыла сюда, и въ теченіе этого времени мнѣ ни разу не позволили посѣтить свою родину. О, я несчастная! Я должна постоянно работать за ткацкимъ станкомъ, наблюдать за работницами, смотрѣть за кухнею и подавать кушанья. Моя свекровь безжалостна. Она думаетъ, что я—желѣзная. Хотя эта семья и богата, но всѣ здѣсь работаютъ, словно пахари».

Затѣмъ она просила Учжѣня увѣдомить мать сиккимскаго рачжи, Лхаюмъ Кушо, о ея злополучной участи и убѣдить, если возможно, взять ее на два мѣсяца въ Чумби. Въ утѣшеніе я съ своей стороны сказалъ ей, что вѣдь она прекрасная женщина, что мужъ ея принадлежитъ къ одному изъ самыхъ богатыхъ семействъ провинціи Цанъ, что она можетъ надѣяться вскорѣ стать матерью, и что, слѣдовательно, она не должна считать себя несчастной. «Знаете ли вы хиромантію?» [1]) вдругъ спросила она и, положивъ свою правую руку на столъ, попросила меня, чтобы я предсказалъ ея судьбу по линіямъ руки (*лагъ-ри*). Я былъ очень смущенъ этимъ и сказалъ, что весьма мало понимаю въ этомъ искусствѣ. Къ счастію, явился слуга и позвалъ насъ къ Чягъ-цзо-па.

Я занялъ мѣсто по правую руку Чягъ-цзо-па, а его жена, Ама Тунъ-ла, сѣла по его лѣвую руку; Учжѣнь же присѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ и служилъ мнѣ переводчикомъ. Чягъ-цзо Кушо началъ разговоръ такъ: «Въ священныхъ книгахъ мы находимъ упоминаніе объ индійскихъ пундитахъ, которые трудились надъ распространеніемъ священной религіи. Если вы дѣйствительно пундитъ, какъ мнѣ сообщилъ министръ, то въ такомъ случаѣ мы весьма счастливы, видя васъ у себя. Я слышалъ также, что вы знаете медицину, и впослѣдствіи я надѣюсь воспользоваться вашими познаніями». Затѣмъ, позвавъ своего сына П'уньцо Ю-чжяла, онъ, къ величайшему моему смущенію, выразилъ желаніе, чтобы я предсказалъ его судьбу по линіямъ руки. Такъ какъ меня принимали за пундита, то я никоимъ образомъ не могъ сказать, что не знаю такой важной науки, какъ хиромантія.

Послѣ зрѣлаго размышленія я сказалъ своему хозяину, что хотя я и занимался немного хиромантіей, тѣмъ не менѣе я никогда не придавалъ много значенія объясненіямъ, которыя она даетъ о человѣческой судьбѣ. Притомъ эта область знанія еще очень мало изучена, да, по моему мнѣнію, она

---

[1]) Bogle (op. cit., p. 107) и капитанъ Turner (op. cit., p. 284) упоминаютъ о страсти тибетцевъ въ Шигацэ къ хиромантіи (W. R).

и не заслуживаетъ большого вниманія: ничто не можетъ быть болѣе непріятно, нежели предвидѣніе чьего-либо несчастія. Жизнь человѣка и такъ полна печали и треволненій, и именно для того, чтобы избавить насъ отъ возобновленія ея, Будда проповѣдалъ свое ученіе о нирванѣ.

Чягъ-цзо-па внимательно слушалъ меня и, повидимому, былъ высокаго мнѣнія обо мнѣ. Онъ сказалъ, что если бы онъ только зналъ, какъ долго проживутъ они съ сыномъ, то тогда бы онъ, по совѣщаніи съ министромъ, изыскалъ способы для устраненія неблагопріятныхъ случайностей въ жизни, ибо въ священныхъ книгахъ говорится о духовныхъ средствахъ, при помощи которыхъ можно предотвратить бѣдствія, причиняемыя дьяволомъ (*дэ*). Онъ попросилъ меня посмотрѣть на его ладонь и протянулъ мнѣ для этого руку. Какъ мнѣ было отказаться или же дать ложное предсказаніе? Поэтому я сказалъ Чягъ-цзо-па, что на ладони человѣческой руки есть извѣстныя линіи и фигуры, по которымъ знатоки хиромантіи могутъ предугадывать продолжительность жизни. На его ладони линія жизни очень длинна; что же касается его судьбы, то вѣдь хорошо извѣстно, что боги вообще благоволятъ къ нему.

Затѣмъ мнѣ показала свою ладонь Ама Тунъ-ла, которой я сказалъ: «Вы, Ама-ла, очень счастливы: вы—мать трехъ взрослыхъ и благовоспитанныхъ сыновей и жена знатнаго человѣка; чего же еще больше можете вы желать отъ боговъ?» Она улыбнулась на мои слова и заявила, что уже нѣсколько дней она очень страдаетъ отъ кашля, и попросила меня, не могу ли я дать ей какого-либо лѣкарства. Я потребовалъ немного чернаго перца и леденцу и приготовилъ для нея порошокъ.

Въ полдень мы обѣдали съ министромъ и Чягъ-цзо Кушо. Кушанья были приготовлены и подавались на китайскій ладъ. Мы ѣли палочками и ложками. На первое блюдо подали *чжя-тугъ*, похожее на вермишель кушанье изъ пшеничной муки и яицъ, сваренныхъ съ рубленой бараниной, и супъ. Министръ не ѣлъ этого блюда, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ вообще ламамъ, далъ обѣтъ воздерживаться отъ употребленія въ пищу яицъ. На второе блюдо подали рисъ и нѣсколько кушаній, приготовленныхъ изъ баранины, риса, консервированныхъ овощей, бѣлыхъ и черныхъ грибовъ, китайскаго зеленаго салата, вермишели, картофеля и свѣжихъ ростковъ гороха [1]). Третьимъ блюдомъ (*leu*—буквально: «глава») былъ заправленный масломъ и подслащенный рисъ; четвертымъ и послѣднимъ—вареная баранина, цамба и чай. Тунъ-чэнь сказалъ мнѣ, что при пышныхъ пріемахъ подаютъ обыкновенно 13 блюдъ.

---

[1]) Все это китайскія кушанья (W. R.).

Черезъ часъ послѣ обѣда мы посѣтили Чжэрунъ-ла, второго сына Чягъ-цзо Кушо, который былъ монахомъ въ замкѣ Диба Донцэ. Это большое пятиэтажное зданіе, которому теперь уже около 600 лѣтъ, выстроено изъ самаго лучшаго камня; фасадъ его обращенъ на югъ; вдоль каждаго этажа имѣются балконы (*рабъ-салъ*) со ставнями. Построенъ этотъ замокъ отчасти въ индійскомъ, отчасти тибетскомъ стилѣ. Центральный дворъ замка имѣетъ въ ширину около 100 и въ длину 200 футовъ. Зданіе, идущее по сторонамъ этого двора,— высотою въ 40 футовъ; оно имѣетъ 3 этажа. Вдоль наружныхъ краевъ этихъ этажей со стороны двора тянутся ряды похожихъ на барабаны молитвенныхъ цилиндровъ, имѣющихъ 2 фута вышины и столько же въ діаметрѣ, что замѣняетъ собою перила. Всего здѣсь съ трехъ сторонъ находится около 300 такихъ молитвенныхъ цилиндровъ. Главное зданіе возвышается на сѣверной сторонѣ двора и имѣетъ около 60—70 футовъ вышины. Мы поднялись въ верхній этажъ по крутой лѣстницѣ, и тамъ намъ показали *гонъ-к'анъ* [1]), святилище божествъ-хранителей; это—страшныя фигуры, среди которыхъ я замѣтилъ три статуи богинь *мамо*, напоминавшія индусскія божества—Чжаганат'ъ, Балавэндра и Суб'адра.

Здѣсь было нѣсколько часовенъ, въ каждой изъ которыхъ жилъ жрецъ, называемый *амъ-чой*. На боковыхъ балконахъ 3 или 4 женщины ткали одѣяла, а у входа въ зданіе былъ привязанъ на цѣпи огромный песъ, который, когда мы проходили мимо него, дѣлалъ бѣшеныя попытки кинуться на насъ.

Въ ста ярдахъ къ югу отъ замка находится садъ (*линга*), въ которомъ растутъ большіе тополи, высотою отъ 80 до 100 футовъ, и, кромѣ того, еще 4 другихъ вида деревьевъ; они посажены рядами вдоль четырехъ аллей сада. Въ центрѣ его находится построенная со вкусомъ бесѣдка, карнизъ и наружная отдѣлка которой чрезвычайно красивы. Въ ста ярдахъ отсюда поставлена мишень для стрѣльбы изъ ружей и луковъ. Въ то время, какъ мы осматривали садъ, тамъ бѣгала борзая собака, которая, впрочемъ, не обращала на насъ никакого вниманія [2]).

По пути къ дому намъ пришлось пройти черезъ деревню, гдѣ подъ высокими тополями торговцы раскладывали для продажи гончарныя издѣлія. Здѣсь же мы видѣли четырехъ человѣкъ въ желтыхъ тюрбанахъ; это, какъ намъ сказали, были помощники сборщика податей.

---

[1]) *Гонъ-к'анъ* значитъ: „верхній домъ" (W. R.).

[2]) Вѣроятнѣе всего, что эта собака была привезена какимъ-либо китайцемъ. Я никогда не видѣлъ въ Тибетѣ борзыхъ, которыя рѣдко встрѣчаются даже въ Китаѣ и Монголіи (W. R.).

9-го января.

Пока мы завтракали, снова вошла Риньпочэ, которая опять начала говорить о трудности своей работы и о безжалостномъ обращеніи съ нею ея свекрови. Я спросилъ ее, неужели ея мужъ [1]) не любитъ ея.

— «О, сударь», сказала она, «мы живемъ душа въ душу, но онъ большую часть времени проводитъ въ Шигацэ, гдѣ состоитъ дворецкимъ (*нѣрпа*) дахпоня».

Затѣмъ Риньпочэ сказала мнѣ, что она только что слышала, будто ея двоюродный братъ, сиккимскій рачжа, ѣдетъ въ Тибетъ, чтобы жениться. Если съ нимъ ѣдетъ и его мать, то въ такомъ случаѣ ей, Риньпочэ, навѣрное, удастся убѣдить послѣднюю взять ее съ собою въ Чумби мѣсяца на два. Она сказала мнѣ также, что ея свекровь не должна была называть ее такимъ громкимъ именемъ, какъ Риньпочэ («Драгоцѣнность»), такъ какъ это имя дается воплощеннымъ ламамъ и сановникамъ; но я отвѣтилъ, къ очевидному ея удовольствію, что Риньпочэ болѣе всякаго другого имени подходитъ къ хорошенькой и благовоспитанной женщинѣ.

Послѣ этого я отправился на обѣдъ въ помѣщеніе, занятое министромъ. Раньше чѣмъ сѣсть за столъ, мы вымыли руки. Для этой цѣли передъ министромъ была поставлена большая мѣдная чаша, или *катора*, въ которой министръ мылъ руки, натирая ихъ особымъ деревяннымъ порошкомъ *сугпа* [2]), приготовляемымъ изъ растенія, растущаго въ Тибетѣ; этотъ порошокъ употребляется вмѣсто мыла.

Послѣ обѣда Чягъ-цзо-па поднесъ министру подарки, состоявшіе изъ шерстяныхъ одѣялъ, тибетской саржи (*пуло*), трехъ кусковъ краснаго, алаго и желтаго англійскаго сукна, ковровъ высшаго качества, выдѣланныхъ въ Чжяньцэ, ковровъ изъ провинціи К'амъ, китайскаго узорчатаго атласа, крапчатой шерстяной матеріи, около двухъ мѣръ цамбы, большого количества гречневыхъ пироговъ, сладкихъ пирожковъ, булокъ хлѣба и 300 танькъ. Поднесеніе подарковъ сопровождалось низкими поклонами; когда же Чягъ-цзо-

---

[1]) Очевидно, нужно читать: „мужья", такъ какъ авторъ раньше уже сказалъ, что эта молодая женщина была женою двухъ сыновей Чягъ-цзо-па (W. R.).

[2]) Jaeschke въ „Tibetan-English Dictionary" относительно слова *сугъ-па* говоритъ, что оно обозначаетъ какое-то медицинское растеніе. Обыкновенно однако оно значитъ: „рука". Мыло извѣстно и иногда употребляется въ Тибетѣ, хотя и не изготовляется тамъ. Оно обыкновенно называется *ланле* (пишется *гланъ-гладъ*). Привозятъ его изъ Индіи или Китая, при чемъ индійское мыло отличается лучшими качествами (W. R.).

*

па попросилъ министра помолиться богамъ о его благополучіи и счастіи, то тотъ преподалъ ему свое благословеніе. Послѣ этого Чягъ-цзо-па предложилъ подарки Тунъ-чэню и другимъ, при чемъ Тунъ-чэню—вдвое меньшей стоимости, чѣмъ министру, и такъ далѣе по нисходящей степени, согласно рангу каждаго; мнѣ онъ подарилъ два ковра издѣлія Чжяньцэ, два куска крапчатаго *пуло* и к'атагъ. Монахамъ и челяди министра также были розданы подарки.

Когда Чягъ-цзо Кушо окончилъ раздачу подарковъ, онъ возвратился въ комнату министра, гдѣ находились и мы. Во время бесѣды Чягъ-цзо-па намекнулъ на желательность, чтобы я представилъ Таши-ламѣ въ качествѣ подарка слона. Онъ сказалъ при этомъ, что недавно сиккимскій рачжа послалъ въ Лхасу въ подарокъ Далай-ламѣ двухъ слоновъ, изъ которыхъ одинъ палъ въ пути [1]). Онъ говорилъ также о превосходствѣ индійскихъ металлическихъ статуй божествъ надъ тибетскими и заявилъ, что подобныя статуи, которыя выдѣлываются въ Магад'ѣ и носятъ названіе *чжай-к'имъ*, представляютъ большую рѣдкость въ Тибетѣ. «Если вы привезли въ подарокъ министру нѣсколько такихъ статуй или же статуй, сдѣланныхъ изъ *шаръ-ли* (бенгальскій металлъ для изготовленія колоколовъ) или *нубъ-ли* [2]) (нижняя долина р. Инда), то такой подарокъ доставитъ министру несравненно больше удовольствія, нежели различныя стеклянныя и другія хрупкія бездѣлушки».

Вечеромъ было рѣшено, что министръ завтра отправится въ Ташилхуньпо, и что его будетъ сопровождать старшій братъ Чягъ-цзо-па, Кушо Чжамбала, который страдалъ воспаленіемъ глазъ и хотѣлъ полѣчиться у меня.

10-го января.

Мы встали рано и приготовились къ отъѣзду въ Ташилхуньпо. Тунъчэнь посовѣтовалъ мнѣ выѣхать раньше министра, который все равно догонитъ меня, такъ какъ онъ ѣздитъ очень быстро; затѣмъ онъ приказалъ выбрать для меня самую спокойную лошадь. Не проѣхали мы и четырехъ миль, какъ министръ и его свита уже нагнали насъ. Мы проѣхали вмѣстѣ около шести миль; добравшись до русла теперь высохшей рѣки, которая впадаетъ въ Нянъ-чу, всѣ мы спѣшились. Министръ приказалъ своему пажу принести ему полную корзину земли со спеціально указаннаго имъ мѣста. Принесен-

---

[1]) См. гл. VII.

[2]) *Шаръ-ли* буквально значитъ: „восточный колокольный металлъ", а *нубъ-ли*—„западный колокольный металлъ" (W. R.).

ная земля была поставлена передъ нимъ; самъ онъ сѣлъ на коверъ, поджавъ подъ себя ноги, прочиталъ нѣсколько мантръ и совершилъ жертвоприношеніе изъ цамбы и воды. Тунъ-чэнь объяснилъ мнѣ, что во время послѣдней своей поѣздки министръ на этомъ мѣстѣ упалъ съ лошади; поэтому возникло предположеніе, что обитающій въ этомъ мѣстѣ злой духъ желаетъ причинить вредъ министру, и вотъ съ цѣлью отогнать этого духа и совершалась описанная церемонія.

Когда эта церемонія была окончена, мы немного закусили, при чемъ министръ угостилъ меня сушеными финиками и кабульскими фруктами, а Тунъчэнь далъ остальнымъ патоки, бисквитовъ и цамбы.

Въ 4 часа мы достигли Таши-гана. Послѣ закуски министръ занялъ мѣсто на крышѣ трехъэтажнаго дома Анпутти. Онъ позвалъ меня и Учжѣня наверхъ и попросилъ насъ объяснить ему, какъ иностранцы производятъ съемку мѣстности. Учжѣнь показалъ ему свою призматическую буссоль съ эклиметромъ. Мы объяснили министру употребленіе этихъ приборовъ и выразили сожалѣніе о томъ, что у насъ нѣтъ промѣрной цѣпи или рулетки, при помощи которыхъ мы могли бы производить измѣренія. При этомъ мы тщательно остерегались упоминать объ измѣреніи разстояній шагами, чтобы министръ не заподозрилъ въ насъ топографовъ и не лишилъ насъ своего покровительства.

Затѣмъ министръ высказалъ желаніе имѣть секстантъ, различные математическіе приборы, аптечку и какое-нибудь иллюстрированное сочиненіе по астрономіи. Учжѣнь выразилъ готовность поѣхать въ Калькутту, чтобы пріобрѣсти все это, но добавилъ, что единственнымъ препятствіемъ къ этому является невозможность оставить меня здѣсь одного, не удовлетворивъ къ тому же моего желанія видѣть Лхасу. Министръ отвѣтилъ: «Все это легко устроить. Я приму на себя заботы о пундитѣ. Что же касается его поѣздки въ Лхасу, то такъ какъ, по всей вѣроятности, въ 4-мъ мѣсяцѣ (іюнѣ) туда отправится Таши-лама, чтобы совершить обрядъ посвященія надъ Далай-ламою, то тогда представится возможность устроить поѣздку и пундиту. Шапэ Рампа и П'ала—мои друзья; они окажутъ ему содѣйствіе. Однако обо всемъ этомъ мы подумаемъ еще въ Ташилхуньпо».

Затѣмъ онъ сообщилъ намъ, что въ Цанѣ есть пять человѣкъ, которые интересуются наукою; это — шапэ Порапа, главный секретарь (*Дунъигъ чэньпо*) Качань Дао, Донѣръ и онъ самъ. «Въ Ташилхуньпо», прибавилъ онъ, «равно какъ и въ другихъ монастыряхъ Цана, еще найдется немало ученыхъ лицъ, но всѣ они интересуются только священной литературой; они не стремятся ознакомиться съ науками и цивилизаціею другихъ великихъ странъ и народовъ, каковы, напримѣръ, п'илинъ («иностранцы») и Индія».

Въ заключеніе министръ сказалъ мнѣ, что завтра онъ намѣренъ посѣтить женскій монастырь Кьи-п'угъ, расположенный на холмахъ въ трехъ миляхъ отсюда, за Ташиганомъ. Настоятельница монастыря и ея монахини (*цуньмо*) неоднократно просили его посѣтить ихъ обитель, но у него было такъ мало времени, что за послѣднія 6 лѣтъ онъ могъ посѣтить этотъ монастырь всего лишь одинъ разъ.

11-го января.

Министръ и его свита отправились въ обитель Кьи-п'угъ въ 7 часовъ утра, а мы послѣ завтрака выѣхали въ Ташилхуньпо. Старикъ Кушо Чжамбала не могъ поспѣвать за нами. Когда онъ медленно слѣдовалъ за погонщиками муловъ министра, его желтая атласная митра, очки, манера сидѣть на лошади и высокая тощая фигура напоминали мнѣ знаменитаго Ламанчскаго рыцаря. Съ его разрѣшенія мы поѣхали впередъ. По пути мы встрѣтили женщину, которая подметала землю; на нашъ вопросъ она отвѣчала, что удаляетъ грязь, покрывающую землю, для того, чтобы ея скоту было удобнѣе щипать траву. Намъ сказали, что зимою погибаетъ много овецъ вслѣдствіе того, что траву покрываетъ ледяная кора. Въ 4 часа пополудни мы прибыли въ деревню Чянъ-чу, гдѣ насъ очень любезно принялъ Дэба Шик'а и предоставилъ намъ то же помѣщеніе, которое мы занимали ранѣе.

12-го января.

Послѣ завтрака мы отправились бродить по саду (*линга*), находящемуся передъ министерской банею (*чамъ-чу*). Садъ окруженъ стѣною вышиною около 7 футовъ, сложенною изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, камней и торфа. Въ юго-восточномъ углу его находится уютный двухъэтажный домикъ, въ которомъ министръ проводитъ обыкновенно нѣсколько дней въ октябрѣ. Для приготовленія пищи и купанія устроены навѣсы изъ шерсти яковъ въ западной аллеѣ рощи.

Въ 9 часовъ мы отправились далѣе и въ полдень пріѣхали въ Ташилхуньпо. Здѣсь мы нашли П'урчуна, который прибылъ наканунѣ изъ К'амбацзона. Цзонпонь, знавшій его, сказалъ ему, что, если онъ не привезетъ паспорта отъ Таши-ламы или отъ коменданта крѣпости Шигацэ, онъ, цзонпонь, не можетъ позволить ему перейти границу, такъ какъ были получены формальные приказы отъ правительства Лхасы не дозволять никому переходить границу, даже и въ томъ случаѣ, если бы кто имѣлъ письма отъ высшихъ

чиновъ Лабрана, въ вѣдѣніи которыхъ не находятся пограничныя дѣла. Вслѣдствіе этого Ринзинъ Намчжялъ [1]) долженъ былъ оставить нашъ багажъ у пипоня пограничнаго пункта Лачаня и вернуться обратно въ Дарджилинъ.

---

[1]) Это, вѣроятно, слуга Саратъ Чандра Даса, которому было поручено доставить багажъ послѣдняго въ Тибетъ по болѣе удобному пути (на Лачань), чѣмъ путь, избранный авторомъ (*ред.*).

ГЛАВА IV.

Пребываніе въ Ташилхуньпо и приготовленіе къ путешествію въ Лхасу.

13-го января.

Деньги, которыя мы взяли съ собою изъ Дарджилина, были почти всѣ издержаны, и намъ приходилось продать жемчугъ и золото, взятые нами съ собою изъ дому. Поэтому я послалъ Учжѣня на рынокъ спросить Лупа чжялцаня,—у котораго мы еще раньше оставили для продажи нѣсколько толъ [1]) жемчуга, — удалось ли ему пустить этотъ жемчугъ въ оборотъ. Лупа чжялцань сказалъ Учжѣню, что онъ показывалъ нѣсколько жемчужинъ одному купцу изъ Лхасы, который однако предложилъ за нихъ ту же цѣну, что и я самъ заплатилъ. «Спросъ на жемчугъ», добавилъ онъ, «теперь крайне незначителенъ, и мы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не можемъ ожидать выгодной продажи».

Кромѣ этого, Лупа чжялцань сказалъ Учжѣню, что въ настоящее время дѣлаются большія приготовленія къ предполагаемой въ маѣ поѣздкѣ великаго ламы въ Лхасу для посвященія новаго Далай-ламы [2]). При этомъ

---

[1]) *Тола*—индійская мѣра вѣса, равная 180 гранамъ или 11,6 грамма (*ред.*).

[2]) 31-го іюля 1879 г. было возведено на тронъ въ Лхасѣ 13-ое перерожденіе Далай-ламы. Чандра Дасъ такъ говоритъ объ этомъ событіи: „Въ маленькій дворецъ Чжялъ-купъ вблизи Лхасы былъ принесенъ младенецъ княжескаго рода, въ тѣло котораго воплотился духъ прежняго Далай-ламы. Въ прошломъ году Таши-лама, по приглашенію китайскаго императора и высшихъ сановниковъ Тибета, ѣздилъ въ Лхасу, чтобы изслѣ-

случаѣ Таши-лама долженъ будетъ сдѣлать отвѣтные подарки и роздать денежныя награды различнымъ государственнымъ чинамъ и родоправителямъ Тибета, для каковой цѣли теперь въ большомъ количествѣ заготовлялись одѣянія, сапоги и пр.

14-го января.

Сегодня Учжѣнь встрѣтилъ по дорогѣ къ рынку Лупа чжяльцаня, который сообщилъ ему, что въ Ташилхуньпо только что прибыло нѣсколько купцовъ изъ П'агри, Чумби и Ринь-чэнь-гана и что, судя по ихъ разговорамъ, они не особенно расположены къ намъ. Поэтому онъ предупредилъ Учжѣня, чтобы его не застали врасплохъ. Вслѣдствіе этого Учжѣнь прежде всего отправился въ полицейское управленіе, гдѣ узналъ отъ своего пріятеля-китайца, кто были вновь прибывшіе; затѣмъ онъ оглядѣлъ ихъ и спросилъ относительно проходовъ въ Индію. На это они отвѣтили ему, что прошли сюда чрезъ проходъ П'агри, который правительство Лхасы объявило открытымъ для путешественниковъ. Относительно же прибытія сюда сиккимскаго рачжи они не могли дать опредѣленнаго отвѣта, хотя и сказали, что есть много толковъ объ его предположеніи жениться на дочери одного знатнаго лица въ Лхасѣ.

Послѣ полудня за мною прислалъ министръ; онъ сказалъ мнѣ, что ящики съ литографскимъ прессомъ, присланные ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, до сихъ поръ не откупорены изъ опасенія заразиться оспой. «Я думалъ, что въ ящикахъ находятся какія-нибудь чудодѣйственныя средства, могущія обезвредить оспу. Однажды ночью я почувствовалъ запахъ газовъ, выходившихъ изъ ящиковъ. Думая, что эти газы содержатъ въ себѣ зародыши оспы, я не могъ уснуть въ эту ночь, такъ какъ опасался, какъ бы кто-нибудь изъ насъ не заразился оспой». Мы отъ души посмѣялись надъ тревогою его святѣйшества, и я сказалъ ему, что противуос-

---

довать маленькаго Далай-ламу и затѣмъ донести, дѣйствительно ли въ немъ пребываетъ душа прежняго Далай-ламы. Въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ вопрошали оракуловъ и, наконецъ было признано несомнѣннымъ, что младенецъ дѣйствительно является воплощеніемъ Шэньрэзига, патрона Тибета. Въ тотъ день, когда Таши-лама заявилъ, что притязанія новаго претендента на престолъ Далай-ламы справедливы и законны, надъ дворцомъ Потала появилась великолѣпная радуга. Затѣмъ Таши-лама назначилъ днемъ восшествія на престолъ Далай-ламы 31 іюля" (см. Narrative ofa Journey to Tashilhunpo, p. 25).

пенная сыворотка, которой онъ просилъ у насъ, осталась вмѣстѣ съ нашими вещами у Лачаньскаго прохода. Наконецъ онъ убѣдился въ неосновательности своихъ опасеній и вмѣстѣ съ нами началъ смѣяться надъ своимъ испугомъ.

15-го января.

Послѣ завтрака мы распаковали литографскій прессъ въ библіотекѣ министра и занимались его установкою. Министръ весьма интересовался этою работою и самъ помогалъ мнѣ.

16-го января.

Послѣ завтрака, который былъ поданъ намъ и министру въ западной гостиной П'уньцо-к'ансара, министръ сказалъ мнѣ, что онъ очень желаетъ получить тѣ вещи, которыя находятся въ Лачанѣ. По его словамъ, П'урчунъ недостаточно ловокъ и смышленъ, чтобы поладить съ цзонпонемъ г. К'амба даже въ томъ случаѣ, если бы у него былъ самый лучшій паспортъ. Министръ полагалъ, что въ Лачань непремѣнно долженъ съѣздить Учжѣнь, въ особенности потому, что у него тамъ находятся родственники,—обстоятельство, которое значительно могло облегчить выполненіе порученія.

Учжѣнь не хотѣлъ отправляться въ это трудное путешествіе въ такое время года, когда могли быть сильные холода, и перевалъ Канра-ламо могъ оказаться совершенно занесеннымъ снѣгомъ. Однако, несмотря на это, онъ изъявилъ готовность исполнить желаніе министра, но подъ условіемъ, что ему выдадутъ надлежащій паспортъ. Министръ не только согласился на это, но сказалъ также, что онъ будетъ усердно молить боговъ, чтобы они охраняли Учжѣня отъ всякой опасности, которая могла бы ему угрожать отъ злыхъ людей, звѣрей и болѣзней, до перваго числа третьей тибетской луны (конецъ апрѣля 1882 года).

Когда это дѣло было улажено, Учжѣнь попросилъ министра заботиться обо мнѣ въ его отсутствіе и не позволять никому оскорблять или обижать меня потому только, что я иностранецъ. Онъ просилъ также министра дать ему письмо, въ которомъ было бы сказано, во-первыхъ, что онъ (министръ) будетъ заботиться о моемъ благополучіи, и что меня не будутъ тревожить; во-вторыхъ, что, по возвращеніи Учжѣня, онъ и я можемъ отправиться на богомолье въ Центральный Тибетъ; въ-третьихъ, что насъ будутъ защищать во всѣхъ затрудненіяхъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе того, что мы чужеземцы.

Помимо громадной важности подобнаго письменнаго удостовѣренія министра, оно въ случаѣ моей смерти въ отсутствіе Учжѣня освобождало послѣдняго отъ всякой отвѣтственности передъ правительствомъ Индіи.

Министръ обѣщался пріютить меня въ своемъ домѣ въ качествѣ члена своей семьи, оплачивать всѣ мои издержки и отправить меня въ Лхасу въ маѣ вмѣстѣ со свитою Таши-ламы; въ случаѣ же, если ни великій лама ни онъ самъ не поѣдутъ въ Лхасу, онъ найдетъ другое средство устроить намъ поѣздку туда. По поводу же третьяго пункта вышеупомянутаго удостовѣренія министръ сказалъ, что, приглашая насъ въ Ташилхуньпо, онъ вполнѣ сознавалъ всю отвѣтственность, которую онъ принималъ на себя въ отношеніи насъ, и что онъ никому не позволитъ обижать насъ во время нашего пребыванія въ Тибетѣ.

17-го января.

Утромъ министръ отправился въ Шигацэ, чтобы дать отпущеніе грѣховъ душѣ умершаго Шанъ-по, одного изъ шести деревенскихъ старшинъ (*цогпонь*), который такъ жестоко былъ наказанъ китайскими властями 13-го декабря прошлаго года и который умеръ отъ послѣдствій полученныхъ имъ тогда побоевъ. Весь этотъ день мы посвятили на установку литографскаго пресса.

18-го января.

Сегодня министръ сказалъ Учжѣню, что Кушо Бадуръ-ла, начальникъ отдѣла транспортировки, желаетъ видѣть привезенный нами жемчугъ. Учжѣнь не засталъ его дома, но говорилъ съ его женой, которую онъ сразу узналъ, такъ какъ видѣлъ ее ранѣе въ Тумлунѣ и Чумби; она была старшею сестрою нынѣшняго сиккимскаго рачжи. Она очень хорошо приняла его и говорила съ нимъ около часу, угощая его чаемъ и вермишелью (*чжя-тугъ*).

19-го января.

Такъ какъ сегодня день новолунія, то около 1000 нищихъ стояло по дорогѣ, ведущей изъ Ташилхуньпо въ Шигацэ, и Лхагпа-цэринъ раздавалъ имъ милостыню.

Въ полдень Учжѣнь посѣтилъ рыночную площадь, гдѣ между прочимъ былъ свидѣтелемъ ссоры между одною женщиною и к'амба относительно стоимости цамбы, за которую торговецъ спросилъ 1 таньку. Во время спора

женщина потребовала отъ мужчины весьма распространенной въ Тибетѣ клятвы въ томъ, что если онъ солгалъ, то онъ никогда болѣе не увидитъ лица великаго ламы. К'амба [2])—это жестокій народъ, который является бѣдствіемъ для пустынь Тибета. Они постоянно грабятъ уединенныя деревни къ сѣверу отъ Лхасы. Это—опасный классъ населенія.

20-го января.

Рано утромъ мы получили приглашеніе на обѣдъ къ нашему знакомому Лупа-чжялцаню. Намъ сказали, что сегодня у рабочаго класса день новаго года. Этотъ праздникъ чтится всѣми жителями Тибета, за исключеніемъ духовенства.

Послѣ завтрака мы отправились къ министру и сказали ему, что литографскій прессъ уже готовъ къ работѣ. Я просилъ министра отпечатать при помощи его какой-нибудь благознаменательный гимнъ, чтобы первымъ плодомъ нашей работы явилось священное сочиненіе. Онъ пошелъ въ свой кабинетъ и принесъ оттуда стихи (*стотра*), сочиненные теперешнимъ великимъ ламою (Ташилхуньпо?) въ честь министра. Послѣдній самъ переписалъ эти стихи на копировальной бумагѣ, и мы затѣмъ сдѣлали нѣсколько превосходныхъ оттисковъ къ большому его удовольствію. «Каменному прессу» (*до-паръ*) было тотчасъ же дано названіе «чудеснаго пресса» (*тулъ-паръ*).

Въ три часа пополудни мы попросили разрѣшенія отправиться къ Лупа-чжялцаню, гдѣ я встрѣтилъ радушный пріемъ, при чемъ самъ Лупа и его жена вышли мнѣ навстрѣчу, чтобы помочь мнѣ слѣзть съ лошади. Насъ ввели въ заново отдѣланную комнату перваго этажа, гдѣ также помѣщалась часовня хозяина. Сперва подали чанъ (пиво), затѣмъ дочь хозяина, дѣвочка лѣтъ 10, принесла чай, а жена его поставила передъ нами деревянную чашку, наполненную цамбой, и нѣсколько кусковъ вареной баранины. Затѣмъ Лупа-чжялцань, снявъ свой тюрбанъ, просилъ меня взять *соль-чжа* и быть какъ дома. Немного спустя, Учжѣнь, согласно тибетскому обычаю, произнесъ короткую рѣчь, въ которой просилъ Лупа постоянно справляться о моемъ здоровьѣ во время его отсутствія изъ Ташилхуньпо и доставлять мнѣ все

---

[2]) К'амба („жители провинціи К'амъ") являются грозою для всего Тибета. Объ ихъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ часто упоминается въ разсказахъ индійскихъ изслѣдователей Тибета. Для болѣе полнаго ознакомленія съ этимъ народомъ и ихъ страною я могу рекомендовать читателю свою книгу „Land of the Lamas" и разсказъ о путешествіи A—k. (W. R.).

необходимое для стола и пр. Онъ поблагодарилъ Лупа за его любезность и прибавилъ, что такъ какъ мы съ Лупа—старые знакомые, то должны относиться другъ къ другу, какъ родные братья.

Сказавъ это, онъ подарилъ хозяину и его женѣ по 1 рупіи и по к'атагу, при чемъ деньги положилъ въ ихъ руки, а шарфы на ихъ шеи. За-

Дѣвочка знатнаго происхожденія.

тѣмъ онъ положилъ шарфъ на шею моего слуги Лхагпа, прося его вѣрно служить мнѣ. Дочь Лупа, одѣтая въ праздничный костюмъ, танцовала передъ нами и пѣла пѣсню сначала на тибетскій ладъ, а затѣмъ на китайскій; она также пропѣла китайскую пѣсню. Лупа аккомпанировалъ ей на флейтѣ (*линъ-бу*). Послѣ этого пѣла жена Лупа и пожелала намъ счастливаго новаго

года. Наконецъ мы простились съ нашими хозяевами, также пожелавъ имъ счастья въ новомъ году.

Я спросилъ о томъ, составляетъ ли подобное празднованіе новаго года чисто-тибетскій обычай. Изъ полученныхъ отвѣтовъ я заключилъ, что этотъ обычай празднованія новаго года у тибетцевъ относится еще къ до-буддійскому періоду. Это, насколько мнѣ извѣстно, единственный пережитокъ древнихъ тибетскихъ обычаевъ, который не уничтоженъ буддизмомъ.

21-го января.

Сегодняшній день также считается мірянами праздникомъ. На рынкѣ было очень мало торговцевъ, такъ что Учжѣнь не могъ даже купить провизіи. Министръ очень любезно настаивалъ, чтобы я поселился въ его резиденціи П'уньцо-к'ансарѣ, гдѣ онъ предоставлялъ мнѣ библіотеку и примыкающія къ ней переднюю и ванную комнаты.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ посовѣтоваться относительно болѣзни глазъ Ньима-дорчжэ, старшій сынъ Чягъ-цзо-па г. Донцэ. Я нашелъ на его правомъ глазу катарактъ и выразилъ сожалѣніе, что, за неимѣніемъ необходимыхъ лѣкарствъ, не могу тотчасъ помочь ему; но я утѣшилъ его, сказавъ, что Учжѣнь поѣдетъ въ Калькутту, какъ только получитъ паспортъ, и привезетъ оттуда лѣкарства. На это Ньима-дорчже отвѣтилъ, что онъ и явился сюда именно съ цѣлью переговорить съ министромъ о паспортѣ, и что, какъ онъ надѣется, таковой будетъ готовъ чрезъ одинъ или два дня.

22-го января.

Я снова занимался съ министромъ чтеніемъ англійскихъ книгъ и ариѳметикой. Прочтя нѣсколько строчекъ, онъ открылъ страницу изъ «Физики» Гано и попросилъ меня объяснить ему рисунки съ изображеніемъ телеграфа и камеры-обскуры. Онъ желалъ, чтобы я объяснилъ ему рѣшительно все, но, къ своему несчастью, я не былъ достаточно знакомъ съ большинствомъ интересовавшихъ его предметовъ. Не желая выказать свое незнаніе, я старался останавливаться подольше на тѣхъ вопросахъ, которые я могъ лучше объяснить и которые были мнѣ болѣе извѣстны. Несмотря однако на всѣ мои усилія избѣжать разспросовъ, проницательный министръ раскусилъ меня и выразилъ сильное желаніе встрѣтить такихъ людей, какъ докторъ Sircar и мой братъ Navin Chandra, о которыхъ я ему говорилъ.

Въ полдень Ньима-дорчжэ принесъ паспортъ (*ламъ-игъ*) и отдалъ

его министру. Насъ позвали къ нему и показали паспортъ, но Учжѣнь отказался принять его, такъ какъ въ немъ не говорилось о возвращеніи опять сюда, и потому паспортъ былъ отправленъ обратно для исправленія.

23-го января.

Къ министру явились цѣлыя толпы посѣтителей, чтобы получить его благословеніе *(чягъ-ванъ)*; среди нихъ было много халхасцевъ [1]) и другихъ монголовъ изъ отдаленныхъ концовъ Монголіи. Халхасцы были введены Лобзаномъ Арья, который былъ моимъ поваромъ во время перваго моего пребыванія въ Ташилхуньпо въ 1879 году; теперь онъ занималъ почетное положеніе и состоялъ старшиной *(чжъръ-чжянь)* въ камъ-ц'анѣ Халха [2]). Министръ разговаривалъ съ нимъ по-монгольски, послѣ того какъ принялъ очень милостиво пилигримовъ.

24-го января.

Рано утромъ меня позвали къ министру, у котораго я засталъ молодого монаха изъ *та-цана* Нягъ-па (тантрическая школа) [3]). Министръ попросилъ меня осмотрѣть его глаза, которые немного опухли, при чемъ сказалъ, что этотъ молодой человѣкъ съ полною преданностью служилъ ему во время его пребыванія въ Нягъ-к'анѣ и заслуживаетъ моего попеченія. Я далъ ему немного лѣкарства для промыванія глазъ и взялъ съ него обѣщаніе при хорошей погодѣ ежедневно по нѣскольку разъ обходить вокругъ монастыря.

Въ полдень я завтракалъ съ Тунъ-чэнемъ, при чемъ мы говорили о сильныхъ вѣтрахъ, которые въ это время года дуютъ ежедневно послѣ полудня. Онъ разсказывалъ также о перевалѣ П'агри и сообщилъ мнѣ, что мѣстный сборщикъ таможенныхъ пошлинъ *(сэрпонь)*—его другъ, и что если Учжѣнь отправится въ Дарджилинъ черезъ П'агри, то онъ можетъ дать ему рекомендательное письмо къ этому чиновнику. Я поблагодарилъ его за любезность, прибавивъ, что Учжѣнь предпочитаетъ отправиться черезъ Ла-

---

[1]) *Халха*—сѣверная Монголія, состоящая изъ 86 княжествъ (*хошунъ*), раздѣленныхъ на 4 группы (*аймакъ*)—(*ред.*).

[2]) См. выше, стр. 98, прим. 3 (*ред*).

[3]) *Та-цанъ* – богословская школа; у бурятъ подъ этимъ названіемъ (*дацанъ*) извѣстны вообще ламайскіе монастыри. См. ниже, стр. 154 (*ред.*).

чаньскій перевалъ, такъ какъ онъ получитъ паспортъ отъ коменданта крѣпости Шигацэ, власть котораго не распространяется на П'агри-цзонъ.

25-го января.

Министръ сказалъ мнѣ, что на нѣкоторыхъ видѣнныхъ имъ звѣздныхъ картахъ онъ замѣтилъ, что фигуры изображаютъ различныя созвѣздія, и что онъ заключилъ, что эти фигуры должны дѣйствительно существовать на небѣ. Желая видѣть ихъ, онъ купилъ большой и очень дорогой телескопъ. Однако онъ не зналъ, какъ пользоваться имъ, и очень желалъ имѣть хорошо иллюстрированное сочиненіе по астрономіи, чтобы знать, что именно слѣдуетъ наблюдать на небѣ и гдѣ искать созвѣздія. Онъ вспомнилъ также, какъ я говорилъ ему, что дискъ луны, Сатурна и даже солнца виденъ въ телескопъ, и ему очень хотѣлось узнать, что заключаютъ въ себѣ эти свѣтила. До сихъ поръ онъ полагалъ, что эти небесныя тѣла—ангелы, которые за свои нравственныя заслуги были взяты въ небесныя жилища, находящіяся на разной высотѣ, съ тѣмъ чтобы они изливали на насъ свой ясный свѣтъ и такимъ образомъ направляли всѣ живыя существа на землѣ на путь *д'армы* [1]).

Пока мы такимъ образомъ бесѣдовали, пришелъ Ньима-дорчжэ и вручилъ министру паспортъ. Просмотрѣвъ его, министръ подалъ мнѣ, а я въ свою очередь передалъ его Учжѣню. Оказалось, что начальники Шигацэ (*дахпонь*), изъ опасенія оспы, предписали цзонпоню г. К'амба изслѣдовать содержимое нашихъ ящиковъ, чтобы предотвратить занесеніе заразы въ страну. Такое полномочіе давало цзонпоню возможность выманить у Учжѣня столько денегъ, сколько ему будетъ угодно; но такъ какъ ждать вторичнаго исправленія паспорта было для насъ очень неудобно, то министръ посовѣтовалъ Учжѣню удовольствоваться и этимъ и постараться извлечь изъ него возможно большую пользу.

26-го января.

Учжѣнь заявилъ, что услуги П'урчуна безусловно необходимы для него, и просилъ, чтобы ему разрѣшили взять его съ собою на шесть мѣсяцевъ, прибавивъ, что безъ него онъ не поѣдетъ. Послѣ завтрака министръ совѣщался съ Тунъ-чэнемъ и пажемъ Гопа относительно того, какъ меня устроить. Все скоро было улажено; при этомъ мнѣ не совѣтовали оставлять у себя въ качествѣ слуги Лхагпу, говоря, что жителямъ Шигацэ не слѣ-

[1]) *Д'арма*—санскритское слово, означающее «ученіе» Будды (*ред.*).

дуетъ довѣрять, такъ какъ всѣ они хитры, лживы и недобросовѣстны. Къ этому министръ добавилъ, что такъ какъ онъ рѣшилъ взять меня на свое попеченіе, то мнѣ нѣтъ никакой необходимости держать еще слугу на мой счетъ. Боясь, какъ бы онъ не заподозрилъ настоящей цѣли моего пребыванія здѣсь, я поспѣшилъ покориться его рѣшенію, хотя надѣялся съ помощію Лхагпы быть освѣдомленнымъ о всемъ, что дѣлается въ монастырѣ и въ городѣ; безъ него же я очутился заключеннымъ въ стѣнахъ резиденціи министра, такъ какъ, согласно съ существующими обычаями, я долженъ былъ находиться при особѣ его святѣйшества.

27-го января.

Учжѣнь и П'урчунъ были заняты приготовленіями къ отъѣзду. Первый взялъ съ собою пару одѣялъ, выдѣланныхъ въ Чжяньцэ, и костюмъ изъ овчинъ, а П'урчуну я далъ пару своихъ собственныхъ одѣялъ для пользованія ими во время путешествія. Кромѣ того, Учжѣнь и П'урчунъ купили себѣ большое количество овечьяго жиру для раздачи его жителямъ Сиккима по пути. Сушеная баранина, цамба и овечій жиръ составляютъ любимыя кушанья означенныхъ жителей. Затѣмъ они наняли 4-хъ лошадей для себя и подъ свой багажъ.

Вечеромъ мы были приглашены къ министру на чай, при чемъ Учжѣнь формально откланялся министру, сдѣлавъ его святѣйшеству три низкихъ поклона и прося, чтобы его благословеніе всегда было съ нимъ, и чтобы милостію святыхъ буддъ онъ могъ невредимымъ достигнуть мѣста своего назначенія.

28-го января.

Сегодняшній день, десятый день двѣнадцатой луны, былъ признанъ весьма благопріятнымъ для отправленія въ Индію. Въ 6 часовъ Учжѣнь, П'урчунъ и я отправились въ апартаменты министра, гдѣ послѣ краткой молитвы его святѣйшество пожелалъ отъѣзжавшимъ благополучнаго и пріятнаго путешествія и возложилъ по шарфу на ихъ шеи. По просьбѣ Учжѣня, я обратился къ П'урчуну съ краткимъ увѣщаніемъ служить Учжѣню такъ же, какъ онъ служилъ бы мнѣ самому, на что П'урчунъ отвѣтилъ: «*Ла ласо, ласо*», т. е., «да, да, сударь». Затѣмъ мы возвратились въ свою квартиру Торгодъ-чьи-к'анъ, гдѣ послѣ завтрака я подарилъ на прощанье по шарфу моимъ уѣзжавшимъ товарищамъ. Сцена прощанья была весьма трогательна; они проливали слезы, покидая меня здѣсь въ одиночествѣ. Я

самъ не могъ удержаться отъ волненія, уговаривая ихъ беречь себя въ снѣгахъ и остерегаться снѣжныхъ обваловъ. Наконецъ они въ бодромъ настроеніи уѣхали по направленію къ Дэлэлъ [1]).

Немного погодя, я послалъ Ванъ-чюгъ-чжялпо и пажа министра перенести мое платье, утварь и прочее на мою новую квартиру. Они принесли кое-какія вещи и сказали, что мой слуга Лхагпа, которому я вполнѣ довѣрялъ, преспокойно унесъ съ собою мои котелки и тарелки. Я немедленно отправился въ Торгодъ-чьи-к'анъ и попросилъ Лхагпу отдать мнѣ недостающія вещи, но онъ отозвался объ нихъ полнымъ невѣдѣніемъ, хотя мы и могли видѣть, что они спрятаны у него подъ одеждою, и утверждалъ, что это злые духи (*дэ*) похитили вещи. Тогда я послалъ за нѣрпою и Тунъ-чэнемъ. Однако не было возможности обыскать Лхагпу, и намъ пришлось удовольствоваться составленіемъ списка какъ пропавшихъ вещей, такъ и тѣхъ, которыя были у меня, а затѣмъ Тунъ-чэнь, затворивъ въ моемъ прежнемъ помѣщеніи двери на замокъ, сказалъ Лхагпѣ убираться по добру по здорову домой. Тунъ-чэнь смѣялся надъ плутовствомъ моего «вѣрнаго» слуги и далъ мнѣ понять, что я очень плохо знакомъ съ тибетцами, и что впредь не нужно полагаться на жителей г. Шигацэ.

29-го января.

Министръ вошелъ въ мое помѣщеніе и настоялъ на томъ, чтобы повѣсить занавѣсъ съ цѣлью раздѣлить комнату на двѣ половины, при чемъ въ сѣверной половинѣ помѣстить мои книги, а въ южной мое сидѣніе и кровать. Онъ сказалъ, что такого рода устройство необходимо, такъ какъ книги изъ мышьяковой бумаги, и я заболѣю, если постоянно буду вдыхать запахъ этихъ книгъ. Подъ моей комнатой находилась кухня *(солъ-табъ)*; она давала столько тепла, что въ библіотекѣ было сухо и тепло. Въ моей комнатѣ было всего лишь одно квадратное окно въ 4 фута вышины, изъ котораго я могъ видѣть холмы Нартана.

Въ 9 часовъ мнѣ сказали, что завтракъ готовъ, и нѣрпа провелъ меня къ министру. Мнѣ былъ поданъ чай въ прекрасной фарфоровой чашкѣ. Затѣмъ Качань Гопа принесъ мнѣ чашку цамбы и нѣсколько ломтиковъ вареной баранины, но замѣтивъ, что я затрудняюсь приготовить изъ цамбы и чаю смѣсь въ родѣ тѣста, какъ это дѣлаютъ въ Тибетѣ, смѣшалъ все самъ, при чемъ вертѣлъ на ладони чашку и размѣшивалъ муку и чай указательнымъ пальцемъ.

---

[1]) На картахъ Дэлэ (W. R.).

Въ столовой былъ попугай, подаренный министру Чянь-цзо-шаромъ Ташилхуньпо, и маленькое шафранное растеніе, выращенное изъ сѣмянъ, привезенныхъ изъ Кашмира. Это растеніе, какъ мнѣ говорили, шло очень хорошо, но не давало шафрана.

Послѣ завтрака я возвратился къ моимъ занятіямъ и, съ разрѣшенія министра, началъ въ его библіотекѣ поиски санскритскихъ книгъ. Въ полдень поваръ поставилъ около меня на глиняный каминъ котелокъ съ кипящимъ чаемъ, и затѣмъ послѣ полудня снова наполнилъ его. Мнѣ сказали, что пить холодную воду вредно; тибетцы пьютъ ее очень рѣдко; міряне утоляютъ свою жажду холоднымъ перебродившимъ ячменнымъ пивомъ (*чанъ*), а ламы—горячимъ чаемъ.

Такъ какъ министръ, согласно данному имъ обѣту, воздерживался отъ принятія пищи послѣ полудня, какъ вечеромъ такъ и ночью, то онъ выразилъ желаніе, чтобы я ужиналъ съ его секретаремъ; поэтому, когда зажгли лампу, я спустился внизъ и бесѣдовалъ съ секретаремъ на кухнѣ.

30-го января.

Сегодня я нашелъ три санскритскихъ сочиненія, написанныхъ тибетскими буквами. Это были: «Kavyadarsha», составленная Ачарья Сри Данди, «Chandra Vyakarana» Чандра Гоми и «Svarasvat Vyakarana» Ачарья Ами. Я былъ восхищенъ, замѣтивъ, что въ нихъ имѣются объясненія на тибетскомъ языкѣ.

Пополудни я показалъ сочиненіе Сри Данди министру, который, къ моему удивленію, могъ дать мнѣ о немъ гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ я ожидалъ, и зналъ наизусть всю книгу. «Данди», сказалъ онъ, «жилъ болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ это сочиненіе было переведено на тибетскій языкъ однимъ изъ іерарховъ секты сакья, который жилъ приблизительно за 600 лѣтъ до настоящаго времени, и, по всей вѣроятности, это сочиненіе было не очень ново, когда стало извѣстнымъ въ нашей странѣ».

31-го января.

Приготовленія къ новогоднимъ празднествамъ поглощаютъ теперь вниманіе всѣхъ классовъ. Большое число людей приходило, чтобы дать обѣтъ монашества, и Качань Шабдунъ представлялъ сегодня многихъ изъ нихъ его святѣйшеству.

Исполненіе этихъ религіозныхъ обязанностей поглощало почти все

время министра, и мнѣ удалось видѣть его въ теченіе дня не болѣе 10—12 минутъ. Когда я уже удалился въ свою комнату, пришелъ навѣстить меня астрологъ Лобзанъ; онъ былъ занятъ составленіемъ календаря на новый годъ и теперь просматривалъ, не вкрались ли туда какія-нибудь ошибки. Предварительно представленія календаря великому ламѣ его еще долженъ былъ просмотрѣть самъ министръ.

Увидя литографскій прессъ, Лобзанъ поинтересовался узнать, для чего служатъ «эти камни и этотъ снарядъ съ колесомъ», какъ онъ назвалъ прессъ. Онъ просилъ меня объяснить способъ печатанія, но я уклонился отъ этого, такъ какъ меня просили не говорить о прессѣ никому изъ постороннихъ.

Къ вечеру прибылъ и Дэба Шик'а съ большимъ запасомъ масла и цамбы, предназначеннымъ, очевидно, для новогоднихъ торжествъ.

Съ этого дня я принялся за изученіе священныхъ книгъ и исторіи Тибета и пересталъ вести правильный дневникъ, записывая только тѣ свѣдѣнія, касающіяся нравовъ и обычаевъ страны, которыя казались мнѣ интересными. Когда меня утомляли занятія тибетскими сочиненіями, я отдыхалъ за чтеніемъ мелодичныхъ стиховъ *Kavyadarsha*, написанныхъ Данди,— въ оригиналѣ и въ тибетскомъ переводѣ, а въ часы досуга бесѣдовалъ съ Тунъ-чэнемъ, нѣрпою и другими образованными и свѣдущими людьми.

Первая половина февраля была очень холодна; ежедневно дулъ сѣверный вѣтеръ, поднимая цѣлыя облака пыли на обширной равнинѣ, тянущейся къ востоку и югу отъ города. Тѣмъ не менѣе жители работали по большей части внѣ дома: одни пасли скотъ, другіе собирали топливо. Это время года здѣсь наиболѣе оживленное,—время всеобщихъ празднествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ время наибольшаго развитія торговой дѣятельности.

Тибетцы, какъ монахи, такъ и міряне, встаютъ вообще очень рано. Въ монастырѣ большая труба (*дунъ-чэнь*) созываетъ монаховъ на молитву въ залъ для собраній уже въ 3 часа утра, при чемъ отсутствующіе подвергаются наказанію; хотя здѣсь и не производится переклички, тѣмъ не менѣе отсутствіе каждаго монаха немедленно замѣчается старшимъ.

Министръ, который часто заходилъ въ мою комнату посмотрѣть, занимаюсь ли я или нѣтъ, разрѣшилъ мнѣ не вставать такъ рано на томъ основаніи, что нерѣдко заставалъ меня сидящимъ за книгами послѣ полуночи.

16-го числа Дэба Шик'а просилъ меня отправиться съ нимъ на слѣдующій день посмотрѣть танецъ великаго ламы или *чамъ* [1]). На мое замѣчаніе, что я

[1]) Говоря о танцахъ въ Тибетѣ, нашъ авторъ въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что религіозные танцы введены въ Тибетѣ Падма Самб'авою, жив-

боюсь попасть подъ бичи театральныхъ сторожей (*цзимъ-гагъ па*), онъ обѣщалъ, что для насъ будутъ отведены особыя мѣста.

Ша-нагъ чамъ («черношапочный танецъ»).

Рано утромъ къ монастырю начали стекаться толпы празднично разодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ, жаждавшихъ посмотрѣть на чамъ. Мы также

шимъ въ VIII вѣкѣ. Онъ ввелъ военный танецъ и знаменитый танецъ въ маскахъ или *bag chams* (*hbag hchams*), при чемъ первый является лишь видоизмѣненіемъ послѣдняго. Въ настоящее время главнымъ священнымъ танцемъ въ Тибетѣ является „черношапочный танецъ" (*ша-нагъ чамъ*) введенный еще въ XI вѣкѣ въ память убіенія иконоборческаго царя Ландармы ламою Лхалунь П'алдоромъ, который, стараясь приблизиться къ королю, переодѣлся во все черное. Обыкновенный тибетскій танецъ, который здѣсь танцуютъ при различныхъ празднествахъ какъ мужчины, такъ и женщины, называется *dzabs-bro*. Иногда этотъ танецъ танцуютъ попарно, иногда для этой цѣли встаютъ въ кругъ; иногда же женщины, взявшись за руки, становятся по одну сторону, а мужчины подобнымъ же образомъ располагаются противъ нихъ. (S. C. D.). Ср. Markham, „Tibet", p. 92; E. F. Knight, „Where Three Empires meet", p. 202; Waddell, „Buddhism of Tibet", pp. 34, 477, 515 (W. R.), а также А. Позднѣевъ, „Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи", стр. 392—403 (*ред.*).

отправились въ сопровожденіи Тунъ-чэня, Дэба Шик'и и одного знакомаго ламы въ Нягъ-к'анъ, расположенный во дворѣ Цугла-к'ана, гдѣ должны были происходить танцы. По дорогѣ мы остановились посмотрѣть старую часовню, въ которой было нѣсколько надписей, относящихся ко времени основателя Ташилхуньпо Гэдунь-дуба[1]), и, кромѣ того, на камнѣ виднѣлся отпечатокъ подковы; къ этому камню прохожіе прикасаются головами[2]).

Прибывъ къ Нягъ-к'ану, мы усѣлись на балконѣ во второмъ этажѣ этого зданія и отсюда смотрѣли на приготовленія къ танцамъ. Прежде всего къ верхушкамъ длинныхъ и тонкихъ шестовъ изъ тополеваго дерева были прикрѣплены 24 священныхъ атласныхъ флага съ вышитыми на нихъ золотыми нитями изображеніями драконовъ и другихъ чудовищъ; вокругъ Цугла-к'ана также были развѣшены четырехъугольные частью бѣлые, частью цвѣтные флаги. Человѣкъ 12 монаховъ были въ кольчугахъ и въ маскахъ, представлявшихъ по большей части орлиныя головы. Исполнители танцевъ вошли по очереди одинъ за другимъ; за ними слѣдовалъ настоятель тацана Нягъ-па, по имени Кушо Іоньцзинь Лхопа, держа въ правой рукѣ дорчжэ, а въ лѣвой колокольчикъ. На головѣ у него была желтая шляпа, имѣвшая форму митры, съ завязками, которыя закрывали его уши и свѣшивались затѣмъ на грудь. Онъ высокаго роста, красивъ собою и имѣетъ вполнѣ интеллигентный видъ; манеры его были исполнены достоинства, и свою роль онъ исполнялъ очень искусно.

Вскорѣ флагоносцы, монахи въ маскахъ, а за ними и вся процессія двинулась во дворъ большого Ташилхуньпоскаго Цугла-к'ана, который имѣетъ 300 ярдовъ въ длину и около 150 футъ въ ширину. Кругомъ этого двора возвышаются четырехъэтажныя зданія съ красивыми балкончиками, обнесенными колонками; сидѣніе великаго ламы находилось на западной сторонѣ двора. Длинные балконы вдоль восточной и южной его сторонъ были заняты знатью провинціи Цанъ, а вдоль сѣверной стороны расположились монгольскіе пилигримы и нѣкоторые торговцы Шигацэ. Непосредственно надъ нягъ-па занимали мѣста настоятели четырехъ высшихъ школъ (*та-цанъ*) Ташилхуньпо.

Сначала было совершено краткое богослуженіе, въ которомъ приняло

---

[1]) Гэдунь-дубъ (1391—1475)—ученикъ Цонк'апы, считающійся первымъ Далай-ламою, хотя такое званіе ему было приписано лишь впослѣдствіи въ XVII ст. (*ред.*).

[2]) См. ниже, стр. 153.

участіе свыше пятидесяти монаховъ нягъ-па при содѣйствіи своихъ омъ-цзэ [1]) и Дорчжэ-лопоня, державшихъ въ рукахъ кимвалы и бубны. Церемоніей руководилъ Кушо Іонь-цзинь Лхопа, держа попрежнему дорчжэ и колокольчикъ и производя все время руками своеобразныя движенія.

По окончаніи службы передъ зрителями появилась личность въ темной маскѣ, изображавшая собою хэ-шана Д'арма-талу [2]). Зрители бросали ей к'атаги, которые подбирались двумя желтолицыми женами Д'арма-талы. Затѣмъ предстали четыре царя четырехъ странъ свѣта въ одѣяніяхъ, отличавшихся дикимъ великолѣпіемъ, какъ и подобаетъ такимъ владыкамъ [3]). Ихъ смѣнили сыны боговъ, числомъ до шестидесяти, одѣтые въ красивыя шелковыя платья, сверкавшія золотыми вышивками и драгоцѣнными камнями. За ними слѣдовали индійскіе ацары, вызвавшіе въ толпѣ громкій смѣхъ своими черными бородатыми лицами и странными нарядами. Потомъ выступили четыре хранителя могилъ: ихъ скелетообразный видъ долженъ былъ напоминать объ ужасахъ смерти. Въ заключеніе на кострѣ изъ сухой осоки было сожжено изображеніе демона, и этимъ церемонія чама закончилась [4]). Пока все это происходило, на горѣ Долма (Долмай-ри) за монастыремъ и на окружающихъ высотахъ жгли ладанъ. Тунъ-чэнь сообщилъ мнѣ, что у тибетцевъ есть нѣсколько книгъ, спеціально трактующихъ о религіозныхъ танцахъ и музыкѣ.

На слѣдующій день (18-го февраля) я отправился въ сопровожденіи Тунъ-чэня на прогулку. Пройдя шаговъ 300, мы подошли къ каменной

---

[1]) Духовная должность, хорошо извѣстная въ Сиккимѣ (см. Sikhim Gazetteer, p. 304, VI). *Омъ-цзэ* (разгов. *атдеd*) — фактическій начальникъ монастыря и нерѣдко весьма вліятельная особа (W. R.).

[2]) Китайскій буддійскій монахъ (*хэ-шанъ*), посѣтившій Тибетъ въ царствованіе Сронъ-цанъ гамбо (629—698 до Р. Х.). Обыкновенно его называютъ Махадэвой (W. R.).

[3]) Четыре великихъ царя странъ свѣта (*чатурмаха рачжа*) живутъ на склонахъ горы Сумэру (по-тибетски Рирабъ), возвышающейся въ центрѣ міра. Ихъ санскритскія имена слѣдующія: *Вируд'ака*—царь юга, онъ зеленаго цвѣта; *Д'ритараштра* — царь востока, бѣлаго цвѣта; *Вирупакша*—хранитель запада, краснаго цвѣта, и *Вайсравана*—владыка сѣвера, желтаго цвѣта. См. Grünwedel, op. cit., p. 181 (*ред.*).

[4]) G. Bogle (op. cit., p. 106) видѣлъ въ Ташилхуньпо въ день празднованія новаго года танецъ, довольно похожій на описанный здѣсь. При этомъ также сжигалось изображеніе демона. Слово *ацара* (по-санскритски *ачарья*) тибетцы очень часто употребляютъ въ смыслѣ китайскаго *янъ-гуй-изы*—„заморскій дьяволъ", хотя первоначально этимъ словомъ назывались индійскіе ученые пилигримы (W. R.).

лѣстницѣ, находящейся ниже западныхъ воротъ главнаго входа въ монастырь. Высота воротъ около 12 фут., ширина 8 фут. На ночь отъ заката до восхода солнца они запираются массивными дверьми. За этими воротами на разстояніи приблизительно 50 фут. и на одной линіи съ позолоченными гробницами великихъ ламъ (*чжя-п'игъ*) находится другая лѣстница, частью

Вайсравана (Nam tos-sras)—хранитель сѣвера.

высѣченная въ скалѣ. Поднявшись по ней, мы очутились у сѣверо-западнаго угла монастыря довольно высоко на склонѣ горы Долмай-ри, откуда открывался прекрасный видъ на весь монастырь Ташилхуньпо, окрестныя деревни и горы.

Отсюда мы повернули на сѣверо-востокъ и, слѣдуя по узкой скалистой тропѣ, очутились за Нягъ-к'аномъ. Я съ удивленіемъ увидѣлъ нѣ-

сколько ивовыхъ деревьевъ (*чянъ-ма*) въ цвѣту, росшихъ среди скалъ. Здѣсь же мы замѣтили на скалахъ отпечатки копытъ, принадлежавшіе, по словамъ Тунъ-чэня, конямъ бодисатвъ. Такія чудесныя явленія тибетцы обозначаютъ словами *ранъ-чюнъ*, т. е. «произведеніе природы». Здѣсь намъ попалось нѣсколько умиравшихъ отъ голода собакъ: онѣ лежали и тускло смотрѣли на насъ. Тунъ-чэнь объяснилъ, что собаки эти, по всей вѣроятности, въ одномъ изъ прежнихъ своихъ существованій были грѣшными гэлонами (монахами) и теперь несутъ возмездіе за свои дурныя дѣла. Онъ очень жалѣлъ, что мы не захватили для нихъ цамбы.

Прослѣдовавъ въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи около 200 шаговъ, мы достигли громаднаго каменнаго зданія Кику-тамса въ девять этажей, длиною въ 60 и шириною въ 30 шаговъ. Стоитъ оно болѣе двухъ вѣковъ и, несмотря на это, находится въ отличномъ состояніи. Капитанъ Тернеръ въ 1783 году сдѣлалъ набросокъ [1]) этого сооруженія, назвавъ его при этомъ ошибочно «религіознымъ зданіемъ». Въ настоящее время оно служитъ складомъ для высушеныхъ тушъ яковъ, овецъ и козловъ. Ежегодно во второй половинѣ ноября сюда приносятъ изъ Лабрана всѣ священныя картины и вѣшаютъ ихъ на стѣнѣ зданія. Стекающійся сюда народъ воздаетъ этимъ картинамъ поклоненіе, касаясь ихъ головой и получая такимъ образомъ благословеніе отъ изображенныхъ на нихъ божествъ [2]).

На пути къ восточнымъ воротамъ мы встрѣтили двухъ тибетцевъ изъ Ладака, которые сообщили намъ, что они возвращаются изъ Чанъ-тана,— пустыни, лежащей въ сѣверо-западной части Тибета [3]).

Тунъ-чэнь указалъ мнѣ донцэскій к'амъ-цань, гдѣ останавливаются уроженцы города Донцэ и его окрестностей. Далѣе мы обратили вниманіе на кустъ можжевельника, посаженный основателемъ монастыря Ташилхуньпо Гэдунь-дубомъ. По преданію, въ этомъ кустѣ и теперь есть волосы этого

---

[1]) Turner, „Embassy", p. 314. Набросокъ этотъ воспроизведенъ ниже.

[2]) По свидѣтельству китайцевъ, такое или въ этомъ же родѣ празднество происходитъ и въ Лхасѣ во второй лунѣ. Другое подобное торжество совершается 30 числа 6-й луны. См. J. R. A. S., XXIII, pp. 212, 213 (W. R.).

[3]) Чанъ-тань отнюдь не является безлюдной пустыней: многочисленныя племена друпа пасутъ тамъ свои стада въ теченіе всего года и, кромѣ того, ведутъ значительную торговлю съ Лхасой и Шигацэ, снабжая ихъ солью. Европейскіе изслѣдователи неоднократно проходили Чанъ-танъ (W. R.).

святого ламы[1]). Когда мы проходили мимо обширныхъ зданій Т'ойсамлинской школы, мнѣ показали та-цанъ Кьилъ-к'анъ и школу Шарцэ[2]).

Спускъ съ горы оказался очень крутымъ, но, несмотря на крутизну, на всемъ его протяженіи намъ встрѣчались ряды молитвенныхъ цилиндровъ, которые мы попутно приводили въ движеніе. Вблизи воротъ рядомъ съ мэньдономъ мы насчитали до двухъ дюжинъ такихъ цилиндровъ въ одномъ мѣстѣ.

Миновавъ главный мани лха-к'анъ, мы подошли къ восточнымъ воротамъ. Надъ ними имѣется надпись, запрещающая куреніе табаку въ предѣлахъ монастыря. Какъ извѣстно, обѣ школы ламаизма, какъ красно-

---

[1]) Срав. легенду о чудесномъ деревѣ, выросшемъ изъ волосъ Цонк'апы. Дерево это и по настоящее время существуетъ во дворѣ монастыря въ Гумбумѣ. «The Land of the Lamas», pp. 67, 68 (W. R.). См. также выше, стр. 18 (*ред.*).

[2]) Въ настоящее время ламайскіе монастыри, пишетъ г. Цыбиковъ loc. cit., стр. 204), служатъ не столько убѣжищемъ отрекшихся отъ міра аскетовъ, сколько школами для духовенства, пріобрѣтающаго тамъ всѣ необходимыя для него знанія, начиная съ азбуки и кончая высшими предѣлами богословскихъ наукъ. Главнымъ предметомъ преподаванія въ высшихъ монастырскихъ школахъ Тибета является богословская философія, заключающаяся въ 5 отдѣлахъ догматики, составленныхъ индійскими учеными и переведенныхъ на тибетскій языкъ. На эти отдѣлы уже послѣ реформъ Цонк'апы были составлены различными тибетскими учеными толкованія, и отдѣльныя такія толкованія нерѣдко служатъ предметомъ преподаванія на самостоятельныхъ факультетахъ или школахъ (*та-цанъ*). Г. Цыбиковъ говоритъ о 7 толкованіяхъ, составленныхъ 6 учеными и имѣющихъ для своего объясненія 7 факультетовъ въ монастыряхъ близъ Лхасы: три въ Брабунѣ (Дабунѣ) и по два въ Сэра и Галданѣ. Кромѣ богословскихъ факультетовъ, имѣются еще мистическіе (*нягъ-па, нагъ-па*, у г. Цыбикова *аіпа*) и медицинскіе, которые стоятъ особнякомъ; первые предназначены для изученія тантръ и, кромѣ того, по словамъ того же г. Цыбикова, на ихъ обязанности «лежитъ совершеніе мистическихъ обрядовъ и чтеніе за благополучіе монастыря». Изъ медицинскихъ факультетовъ особою извѣстностью пользуется находящійся въ Лхасѣ на горѣ Чагпори. По факультетамъ духовенство распредѣлено неравномѣрно; напр., въ Брабунѣ на одномъ факультетѣ 5.000 человѣкъ, а на другомъ только 600.

Въ Ташилхунпо имѣются три богословскихъ факультета: Т'ойсамлинъ, Шарцэ и Кьилъ-к'анъ и одинъ мистическій Нягъ-к'анъ. По богословскимъ факультетамъ монастырь Ташилхунпо дѣлится на три части (см. выше, стр. 98). Упоминаемый авторомъ выше донцэскій к'амъ-цань (община) приписанъ къ факультету Т'ойсамлинъ (*ред.*).

шапочная, такъ и желтошапочная, строго осуждаютъ эту привычку среди монаховъ.

Отъ воротъ одна дорога ведетъ на югъ, къ Кики-нага [1]), гдѣ живетъ мать великаго ламы, а другая на западъ къ Лабранъ-чжялъ-цанъ тоньпо, гдѣ находится дворъ Таши-ламы.

Стало уже смеркаться, когда мы кончили обходъ монастыря, и во многихъ домахъ свѣтились огоньки, посылая прощальный привѣтъ отходящему въ вѣчность старому году.

19 февраля—день новаго года [2]). Приготовленія къ празднованію новаго года начались еще до разсвѣта. Изъ кухни доносился неумолчный шумъ стряпни: нужно было приготовить массу разнообразныхъ блюдъ и лакомствъ для пиршества, которое устраивалъ министръ въ честь именитыхъ лицъ и ламъ-перерожденцевъ.

Возвратившись отъ великаго ламы, министръ сообщилъ мнѣ, что послѣдній освѣдомлялся обо мнѣ, имѣя надобность въ переводчикѣ санскритскаго языка. «Его святѣйшество», сказалъ министръ, «далъ мнѣ 120 заголовковъ къ главамъ своего сочиненія и выразилъ желаніе, чтобы вы перевели ихъ на санскритскій языкъ». Министръ добавилъ, что по окончаніи труда онъ представитъ меня великому ламѣ.

На другой день министръ выѣхалъ въ Донцэ къ заболѣвшей женѣ дахноня П'алы: надѣялись, что его молитвы возвратятъ ей здоровье. Недѣлю спустя онъ былъ внезапно вызванъ обратно великимъ ламой, съ которымъ имѣлъ 3 марта продолжительное совѣщаніе. Дѣло касалось протеста, заявленнаго правительствомъ Далай-ламы противъ принятія Таши-ламой монашескихъ обѣтовъ отъ Сакья паньчэня, красношапочнаго ламы и главы сакьяской школы [3]). Далай-лама обвинялъ Таши-ламу если не въ ереси, то во всякомъ случаѣ въ поощреніи ея. По этой причинѣ Таши-лама не былъ приглашенъ къ участію въ церемоніи посвященія верховнаго правителя Тибета, такъ какъ, принадлежа къ сектѣ желтошапочниковъ или гэлугпа, Далай-лама естественно долженъ былъ избѣгать общенія со школой, въ главѣ которой стоитъ Сакья паньчэнь.

4-го марта министръ посвятилъ въ степень гэлона сорокъ монаховъ. Этотъ обрядъ ранѣе совершалъ самъ великій лама, но въ послѣднее время

---

[1]) *Кики-нага*—«паркъ счастья», въ которомъ обыкновенно проживаютъ родители Таши-ламы (*ред.*).

[2]) О новогоднихъ празднествахъ см. Waddell, op., cit., p. 513.

[3]) См. выше, стр. 75, и гл. X.

большая часть его религіозныхъ обязанностей, въ томъ числѣ и посвященіе, была имъ возложена на министра [1]).

Черезъ два дня министръ былъ снова приглашенъ въ Донцэ, такъ какъ жена дахпоня все еще болѣла, а самъ дахпонь получилъ приказъ немедленно отправиться въ Лхасу. Министръ предложилъ мнѣ сопровождать его, на что я охотно изъявилъ согласіе, такъ какъ поѣздка эта давала мнѣ удобный случай сдѣлать кое-какія приготовленія для предстоявшаго лѣтомъ путешествія въ Лхасу.

7 марта мы выѣхали и въ тотъ же день прибыли въ Ташиганъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители приступали уже къ вспашкѣ полей. Деревья пускали почки.

Мы пріѣхали въ Донцэ на слѣдующій день въ 4 часа пополудни и были приняты супругою дахпоня, женщиною лѣтъ подъ тридцать, и ея сестрою Чжэ-цунь Кушо въ центральной комнатѣ на пятомъ этажѣ дворца (*п'одранъ*).

Лхачамъ [2]) была въ монгольскомъ платьѣ изъ дорогой китайской атласной парчи и великолѣпной туземной ткани. Голову покрывалъ уборъ въ видѣ короны, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ различной величины [3]). На грудь ниспадали ожерелья изъ жемчуга, янтаря и коралла. Чжэ-цунь Кушо, пожилая женщина и монахиня, была одѣта очень скромно, но волосы, вопреки обычаю монахинь, не были острижены. Повидимому, она

---

[1]) О ламайскомъ монашествѣ см. Sarat Chandra Das, «Indian Pundits in the Land of Snow», а также Waddell, op. cit., p. 169 et sqq. (W. R.). На русскомъ языкѣ подробныя свѣдѣнія по этому вопросу содержатся въ въ сочиненіи А. Позднѣева: „Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи", глава III (*ред.*).

[2]) *Лхачамъ*— „высокопоставленная дама": такъ называетъ авторъ супругу дахпоня П'ала (*ред.*).

[3]) Разсказывая о своемъ путешествіи, совершенномъ въ 1879 году, Саратъ Чандра Дасъ слѣдующимъ образомъ описываетъ головной уборъ богатыхъ женщинъ на праздникѣ въ Ташилхунпо: „Головные уборы ихъ меня поразили. Преобладающая форма состояла изъ двухъ, иногда трехъ локоновъ заплетенныхъ волосъ, поставленныхъ полукругомъ поперекъ головы и богато усыпанныхъ драгоцѣнностями. Тутъ были жемчугъ, кошачій глазъ, рубины, изумруды, алмазы, коралловыя и бирюзовыя бусы величиною съ куриное яйцо. Янтарь и нефритъ разнообразныхъ оттѣнковъ окружали голову, подобно сіянію надъ головою богинь. Эти кольцеобразныя накладки поддерживались головной повязкой, съ которой спускались на лобъ короткія нити (числомъ отъ 6 до 8), унизанныя жемчугомъ и бусами правильной формы изъ бирюзы и другихъ камней".

принадлежала къ сектѣ ньинма, монахини которой пользуются нѣкоторыми привиллегіями и, между прочимъ, правомъ ношенія волосъ [1]).

На слѣдующій день по прибытіи я далъ лѣкарство Чжэ-цунь Кушо, страдавшей бронхитомъ, а черезъ четыре дня прописалъ лѣкарство и для жены дахпоня, которую до сихъ поръ лѣчилъ лама монастыря Цэ-чань.

Лхачамъ или знатная дама.

Мое лѣкарство однако ей не помогло, что сильно опечалило министра. Я повторилъ пріемъ, но опять безуспѣшно. Лхачамъ почувствовала себя хуже и сказала мнѣ, что въ ея части небеснаго свода (*к'амсъ*) появились зловѣщія звѣзды, которыя готовятъ ей гибель. Нѣкоторые, какъ она ска-

[1]) Ниже авторъ говоритъ, что воплощенная богиня Дорчжэ П'агмо также носитъ длинные волосы (W. R.).

зала, стараются увѣрить ее, что ея болѣзнь—дѣло злыхъ духовъ, неотступно преслѣдующихъ ее отъ самаго Тинри (цзонъ), но она не вѣритъ этому; она убѣждена, что противъ нея небесныя свѣтила.

Министръ посмотрѣлъ на меня и спросилъ, почему мои лѣкарства не дѣйствуютъ на Лхачамъ. Среди напряженнаго молчанія я отвѣтилъ ему, что виновны въ этомъ лѣкарства, которыя предписывались разными лицами и которыя, оказывая часто противоположное дѣйствіе, разстроили нервную систему больной. Лхачамъ призналась, что сначала ее лѣчилъ китайскій знахарь, потомъ непальскій врачъ и въ послѣднее время ученые ламы-доктора. При такихъ условіяхъ мнѣ вовсе не слѣдовало давать ей лѣкарства, но такъ какъ всѣ ждали отъ меня помощи, то въ концѣ концовъ я долженъ былъ уступить ихъ желаніямъ. Мое однако мнѣніе было таково, что въ данномъ случаѣ могло помочь одно только средство—отказаться отъ всякихъ лѣкарствъ, и дѣйствительно, благодаря такому режиму, которому Лхачамъ тотчасъ подчинилась, ея здоровье черезъ десять дней замѣтно улучшилось.

Я часто бесѣдовалъ съ ней, и она, повидимому, была ко мнѣ расположена. Однажды министръ высказалъ, что было бы очень хорошо, если бы мнѣ удалось побывать въ Лхасѣ и увидѣть владыку Будду и перерожденца Шэньрэзига, Далай-ламу. Лхачамъ сочувственно отнеслась къ этой идеѣ, обѣщавъ помѣстить меня въ своей резиденціи въ Лхасѣ и взять меня подъ свое попеченіе.

23-го марта мы выѣхали обратно въ Ташилхуньпо. На пути къ Ташигану я видѣлъ ягнятъ, щипавшихъ молодую травку. Сельскіе жители усердно пахали землю яками, которые были украшены волосяными кистями краснаго, желтаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ, раковинами и шейными перевязями изъ крашеной шерсти. У земледѣльцевъ существуютъ религіозные обряды, которыми сопровождается начало полевыхъ работъ и надѣваніе при этомъ ярма (*ня-шинъ*) на яковъ. Въ это же время можно наблюдать интересныя состязанія въ пахотѣ.

За Норбу к'юнъ-цзинемъ мы видѣли въ отдаленіи на скалѣ надпись: тамъ гигантскими буквами были высѣчены слова священной формулы: «*Омъ вачжра пани хумъ, омъ вагишвари хумъ, омъ ахъ хумъ*» и т. д.

Въ 3 часа слѣдующаго дня, когда мы подъѣхали къ дому Дэба Шяк'и, пошелъ сильный снѣгъ. 25-го марта мы прибыли въ Ташилхуньпо, и я вернулся къ прерваннымъ историческимъ занятіямъ.

ГЛАВА V.

Путь изъ Ташилхуньпо въ Самдинъ и далѣе въ Лхасу.

Въ среду 26-го апрѣля 1882 года, или по тибетскому календарю въ 8-ой день 3-й луны года воды и лошади, я выѣхалъ изъ Ташилхуньпо въ Донцэ, предполагая сдѣлать тамъ послѣднія приготовленія къ дальнѣйшему путешествію въ Лхасу.

Мой поваръ Дао-сринъ, прозванный въ шутку за вѣчно грязное и покрытое сажей лицо «старой галкой» *(Аку чя-рокъ)*, на этотъ разъ хорошенько умылъ лицо и руки, надѣлъ новые кожаные сапоги и мѣховую шапку и помогалъ мнѣ взобраться на лошадь.

Назначенный мнѣ въ спутники Цэринъ-таши досталъ все необходимое для долгаго путешествія: у насъ имѣлись масло, мясо, толченая сухая баранина, коренья, рисъ, мѣдный котелокъ, желѣзная кострюля, нѣсколько кусковъ кремня, тругъ и мѣхъ. Кромѣ того, Тунъ-чэнь снабдилъ насъ цамбой, чурой, гороховой мукой для прислуги и горохомъ для лошадей. Изъ предметовъ, добытыхъ Цэринъ-таши, особую цѣнность представлялъ бамбуковый сосудъ для приготовленія чая [1]). По его мнѣнію, это была самая красивая и полезная принадлежность нашего хозяйства. Въ одинъ изъ мѣшковъ, привязанныхъ къ сѣдлу, я уложилъ аптечку, а въ другой—платье.

Въ 2 часа пополудни мы двинулись въ путь. Караванъ нашъ состоялъ изъ пяти всадниковъ, ѣхавшихъ гуськомъ: впереди ѣхалъ Тунъ-чэнь, за нимъ я, потомъ Цэринъ-таши; кортежъ замыкали поваръ и проводникъ.

---

[1]) Въ моемъ «Diary of a Journey through Mongolia and Tibet», на стр. 256, помѣщены рисунки двухъ такихъ сосудовъ (W. R.).

Ѣхали мы дорогой, знакомой уже мнѣ по прежнимъ поѣздкамъ. Ночевать остановились въ Чянъ-чу, у нашего пріятеля Дэба Шик'и.

27-го апрѣля.

Утромъ, когда мы встали, въ воздухѣ висѣлъ легкій туманъ, а земля была дюйма на два покрыта выпавшимъ за ночь снѣгомъ. Передъ домомъ я замѣтилъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые копались въ землѣ, отыскивая корень, извѣстный у тибетцевъ подъ именемъ *рампа*. Это корнеплодное растеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ въ длину 5—6 футъ. Его выкапываютъ ранней весной, при недостаткѣ овощей. Присутствіе его узнается по короткимъ выходящимъ изъ земли росткамъ [1]).

Въ Чянъ-чу мы задержались цѣлый день, ожидая Цэринъ-таши, который долженъ былъ остаться въ Таши-чжяньцэ для нѣкоторыхъ закупокъ.

Вечерній чай намъ приготовилъ сѣдовласый монахъ По-ка-чань, служившій работникомъ въ помѣстьѣ министра у Танага. Онъ много путешествовалъ, побывалъ въ Коньпо, Нага, среди мишми и въ Цари. Онъ разсказывалъ намъ о томъ, какъ дикіе лхок'абры [2]) грабятъ тибетскихъ пилигримовъ, и какъ рѣка Цанъ-по, стремительно низвергаясь съ высоты гигантскаго обрыва Синъ-донъ («Львиная голова»), вливается въ ущелья восточнаго Б'утана.

28-го апрѣля.

При отъѣздѣ проводить насъ собрались всѣ обитатели деревни, при чемъ сестра Тунъ-чэня поднесла мнѣ «шарфъ на счастье» *(таши к'атагъ)*.

---

[1]) Мнѣ кажется, что авторъ ошибается. *Рампа* (Polygonum viviparum, L.) растетъ не такъ, какъ здѣсь описано. Сѣмена этого растенія сушатъ, перемалываютъ и ѣдятъ, смѣшивая съ цамбой. Въ Тибетѣ встрѣчается другое растеніе, также употребляемое въ пищу,—*чома* (Potentilla anserina), небольшой корень котораго выкапывается изъ земли. Сказанное авторомъ относится, повидимому, именно къ растенію чома, хотя корешокъ его не превышаетъ 1½ дюйма въ длину (W. R.).

[2]) По словамъ ламы Шэрапъ-чжя'цо, есть три рода племени *лоба*: *ло-карпо* („бѣлые и мало-цивилизованные"), *ло-нагпо* («черные и мало-цивилизованные») и *ло-тава* („голые или совершенно дикіе"), называемые еще *ло-к'абта*. Послѣдніе живутъ въ низовьяхъ рѣки Цанъ-по, на восточномъ ея берегу. Говорятъ, что у нихъ существуетъ обычай при совершеніи брачной церемоніи убивать и съѣдать мать невѣсты въ томъ случаѣ, если имъ не удастся поймать для этой цѣли какого-либо дикаго человѣка. «Report on Explorations», etc., p. 7. См. также ibid., pp. 16, 17, и описаніе путешествія пундита Найнъ Синг'а (J. R. G. S., vol. XLVII, p. 120) —(W. R.).

Дорогою мы видѣли многочисленныя стаи журавлей *(тоньтонъ)*, а также множество коричневыхъ съ красными шейками утокъ, которыя плескались въ рѣкѣ и оросительныхъ канавахъ. Ночь мы провели у мани лхак'ана въ Пиши, гдѣ Аннутти оказала такое же широкое гостепріимство, какъ и при прежнихъ моихъ посѣщеніяхъ. Всю ночь шелъ снѣгъ, и хозяйскіе слуги, присматривавшіе за нашими лошадьми, отвели ихъ подъ крышу *ок'ана* [1]), т. е. сарая въ нижнемъ этажѣ.

29-го апрѣля въ 4 часа пополудни мы прибыли въ Донцэ и остановились въ чойдэ, но вечеромъ явился Дэба Чола и предложилъ намъ переѣхать въ замокъ, гдѣ все еще оставался министръ.

Тунъ-чэнь поспѣшилъ сообщить министру, насколько желательно его присутствіе въ Ташилхуньпо, гдѣ сотни ламъ ожидаютъ его возвращенія, чтобы быть посвященными въ гэлоны. Онъ сообщилъ ему также, что Миркань пандита—монгольскій хутухту, пріѣхавшій въ Тибетъ съ единственной цѣлью заняться изученіемъ наукъ подъ руководствомъ министра,—рѣшилъ переѣхать въ Донцэ и просилъ отвести ему помѣщеніе въ домѣ министра. Сознавая необходимость возвращенія въ Ташилхуньпо, министръ однако не нашелъ возможнымъ уѣхать ранѣе окончанія умилостивительныхъ обрядовъ въ честь бога смерти Дорчжэ чжигъ-чжэ, которые нужно было совершить по случаю болѣзни жены дахпоня.

2-го мая.

Во дворецъ прибыли мѣстные монахи во главѣ съ ученымъ старымъ ламой Пуньло для чтенія Ганьчжура. Богослуженіе въ честь Дорчжэ чжигъ-чжэ должно было происходить въ ньихокѣ [2]). На террасѣ, устроенной на крышѣ замка, были разставлены жертвы—*торма* [3]). Полъ небольшой свѣтлой комнаты на этой террасѣ былъ устланъ коврами для ламъ. Тутъ же находилось возвышеніе для министра, а въ углу комнаты была устроена часовня со всѣми необходимыми принадлежностями ритуала, среди которыхъ обращала на себя вниманіе *цэги бумба* [4]), т. е. «чаша жизни», посвященная Цэ-памэду [5]). Умилостивительные обряды продолжались три дня.

[1]) *Онъ-к'анъ* значитъ «нижнее помѣщеніе», въ противоположность *гонъ-к'анъ*—«верхнее помѣщеніе или верхній этажъ».

[2]) См. выше, стр. 104.

[3]) См. выше, стр. 76, и Waddell, op. cit., p. 297.

[4]) Одна изъ такихъ чашъ для возліянія изображена въ книгѣ «Land of the Lamas», на стр. 90 (W. R.).

[5]) Цэ-памэдъ (Ц'э-дпагъ-мэдъ)—названіе будды Amitayus (по-монгольски Аюши), одинъ изъ образовъ будды Амитабы. Grünwedel, op. cit., p. 118 (*ред.*).

8-го мая.

Сегодня пришло извѣстіе, что въ Лхасѣ и другихъ мѣстахъ Центральнаго Тибета свирѣпствуетъ оспа. Нѣсколько смертныхъ случаевъ было также и въ Чжяньцэ. Кромѣ того, эпидемія появилась въ трехъ или четырехъ пунктахъ между Чжяньцэ и Лхасой. Лхачамъ такъ боялась заразы, что заперлась въ одной изъ залъ и никого къ себѣ не допускала.

9-го мая Лхачамъ уѣхала въ Лхасу, оставивъ на попеченіи министра своего третьяго сына, 10 лѣтъ, который готовился къ духовному званію. Передъ отъѣздомъ Лхачамъ и двое другихъ ея сыновей—Лхасрэ [1]) и Кунди—около часа молились въ различныхъ часовняхъ дворца, а затѣмъ поднялись въ пятый этажъ къ министру, чтобы принять отъ него благословеніе, послѣ чего они простились съ нимъ.

На дворѣ у ступеней лѣстницы стояла приготовленная для Лхачамъ бѣлая лошадь подъ монгольскимъ сѣдломъ съ красивымъ узорчатымъ чепракомъ. Наконецъ Лхачамъ вышла. Въ пышномъ нарядѣ изъ атласа и парчи (*кинькабъ*), въ головномъ уборѣ, украшенномъ жемчужинами, увѣшанная золотыми и рубиновыми амулетами и ожерельями изъ янтаря и коралловъ, она походила на сказочную принцессу или богиню.

На слѣдующій день я въ сопровожденіи министра и Кушо Анэ отправился въ донцэскій чойдэ, который въ теченіе слѣдующихъ дней и служилъ моимъ мѣстопребываніемъ. Здѣсь мнѣ пришлось видѣть начало церемоній, связанныхъ съ устройствомъ мандалы Калачакра [2]). Обрядъ происходилъ въ одной изъ обра-

---

[1]) *Лха-срэ*—обычный титулъ сыновей лицъ, занимающихъ высокое положеніе, и значитъ буквально «сынъ бога», хотя удобнѣе переводить «принцъ» (W. R.).

[2]) Съ мистическимъ ученіемъ Калачакра и главнымъ сочиненіемъ по этому предмету въ тибетскомъ Даньчжурѣ „Дусъ-ги к'орло" я пробовалъ однажды ознакомиться, но и то и другое оказалось выше моего пониманія. Много относящихся сюда свѣдѣній даетъ Emil Schlagintweit, «Buddhism in Tibet», pp. 46 — 57, p. 242 et sqq. См. также Waddell, op. cit., pp. 15 144, 397 (W. R.). *Мандала*—„магическій кругъ", служащій для умилостивленія божествъ. Для каждаго божества имѣется особой видъ мандалы. По способу приготовленія онѣ бываютъ разнаго типа: рисуются на бумагѣ, землѣ, дѣлаются изъ металла въ видѣ блюда. Чаще всего мандала носитъ на себѣ изображеніе вселенной. Въ данномъ случаѣ былъ устроенъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ, такой кругъ для умилостивленія грозныхъ божествъ, введенныхъ въ буддизмъ мистическими ученіями тантризма и Калачакра (*ред.*).

щенныхъ на сѣверъ комнатъ Цугла-к'ана на третьемъ этажѣ. Омъ-цзэ [1]) и два его помощника обозначили на полу комнаты посредствомъ цвѣтной цамбы кругъ (мандала) діаметромъ около 20 футовъ, а внутри этого круга—входъ, шпицъ, двери и крыши обиталища Калачакра. Затѣмъ при помощи растертыхъ въ порошокъ красокъ и той же цамбы были изображены божества, при чемъ главное божество [2]) было представлено большимъ, многорукимъ и съ нѣсколькими головами. Вокругъ него группировались второстепенныя божества, принадлежащія къ тантрической системѣ. Министръ остался очень доволенъ этой работой, роздалъ монахамъ—всего въ монастырѣ ихъ было восемьдесятъ—по полъ-таньки и предложилъ имъ угощеніе изъ чая и цамбы.

11-го мая.

Прибывшій посланецъ сообщилъ намъ, что Лхачамъ покинетъ Чжяньцэ завтра, и что ей было бы пріятно передъ отъѣздомъ повидаться съ нами въ Чжянь-к'арѣ. Несмотря на сильное недомоганіе, я все-таки рѣшилъ отправиться немедленно.

Дюжій парень, по имени Падоръ, котораго Чжягъ-цзо-па [3]) рекомендовалъ мнѣ въ проводники, какъ бывавшаго уже неоднократно въ Лхасѣ, привелъ во дворъ монастыря моихъ лошадей, и такимъ образомъ все было готово къ отъѣзду на слѣдующее утро.

На другой день раннимъ утромъ я вмѣстѣ съ Цэринъ-таши посѣтилъ министра, дабы испросить у него покровительства *(кябъ-чжу)* и совѣтовъ относительно предстоявшаго путешествія или *сунъ-та*, какъ говорятъ тибетцы. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, каждый изъ насъ поднесъ ему по шарфу съ узелкомъ на углу, въ которомъ было завязано нѣсколько танькъ, завернутыхъ въ бумагу съ письменнымъ изложеніемъ нашей просьбы.

Пока сѣдлали лошадей и навьючивали багажъ, я наскоро позавтракалъ и отправился въ храмъ, гдѣ совершилъ поклоненіе Буддѣ, возложилъ шарфы на священныя статуи и одѣлилъ милостыней монаховъ, собравшихся во дворѣ помолиться о благополучномъ моемъ путешествіи. Возвратившись къ себѣ, я выбралъ лучшій к'атагъ и затѣмъ поднесъ его министру. Его святѣйшество милостиво коснулся руками моей головы и торжественнымъ тономъ сказалъ: «Саратъ Чандра! Лхаса—недоброе мѣсто. Тамошніе люди не таковы, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 151.

[2]) Вѣроятно, Дорчжэ сэмпа или Вачжрасаттва (W. R).

[3]) Лицо это упоминалось выше, стр. 126.

*

здѣшніе. Народъ въ Лхасѣ подозрителенъ и неискрененъ. Вы не знаете, да и не можете знать ихъ характера. Не совѣтую вамъ, когда будете въ Лхасѣ, подолгу жить въ одномъ мѣстѣ. Лхачамъ Кушо пользуется большимъ вліяніемъ въ Лхасѣ и будетъ оказывать вамъ защиту, но все-таки вы должны держать себя такъ, чтобы возможно рѣже приходилось прибѣгать къ ея покровительству. Не останавливайтесь долго по близости монастырей Дабунъ и Сэра. Если вы намѣрены пробыть въ Лхасѣ долгое время, то поселитесь лучше всего въ какомъ-нибудь саду или деревушкѣ въ предмѣстьѣ города. Вы выбрали очень неблагопріятное время для паломничества, такъ какъ во всемъ Центральномъ Тибетѣ свирѣпствуетъ оспа. Впрочемъ, несмотря на большія трудности и испытанія, которыя встрѣтятся на вашемъ пути, вы возвратитесь невредимымъ» [1]). Затѣмъ, обращаясь къ Цэринъ-таши, которому служитель министра повязалъ вокругъ шеи к'атагъ, онъ произнесъ: «Цинъ-та, вы самъ, я увѣренъ, знаете, кому вы сопутствуете. Вы должны служить ему такъ, какъ служили бы мнѣ, и относиться къ нему такъ, какъ сынъ относится къ отцу».

Простившись съ лицами, жившими въ домѣ министра, и обмѣнявшись к'атагами и другими недорогими подарками, я выпилъ чаю, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ въ Чжяньцэ. Предо мною лежалъ путь въ страну невѣдомую, враждебную и негостепріимную. Меня сопровождали лишь два человѣка, да и тѣ были мнѣ чужды.

Я остановился у громаднаго ивоваго пня въ ожиданіи Цэринъ-таши, а Падоръ съ вьючной лошадью отправился домой захватить копье. Вскорѣ явился Цэринъ-таши и сильно обрадовался, замѣтивъ лужу, изъ которой текла вода по направленію нашего пути. Въ этомъ онъ видѣлъ хорошее предзнаменованіе. Достигнувъ чортэня въ разстояніи мили отъ города, мы сдѣлали привалъ и подождали Падора, который немного спустя присоединился къ намъ съ копьемъ длиною въ двѣнадцать футовъ.

Около полудня мы прибыли въ Чжяньцэ. Не желая, чтобы меня узнали, мы быстро проѣхали базарную площадь и вскорѣ были въ Чжянь-к'арѣ, т. е. въ Чжяньцэскомъ замкѣ.

Въ часъ дня Лхачамъ съ сыновьями уѣхала въ Лхасу, сказавъ мнѣ мимоходомъ, чтобы я встрѣтилъ ее сегодня вечеромъ въ Гобши.

Вокругъ меня собрались Чягъ-цзо-па и его домочадцы, съ любопытствомъ взирая на индійскаго врача, о которомъ они такъ много слышали въ по-

---

[1]) Мнѣ припоминается предсказаніе, данное мнѣ въ 1889 году ламой-перерожденцемъ въ Цайдамѣ. См. «Land of the Lamas», pp. 164, 165 (W. R.).

слѣднее время. Изъ словъ Чягъ-цзо-па я заключилъ, что у него хроническій бронхитъ, который угрожалъ перейти въ чахотку. Я далъ ему нѣсколько гранъ хинина и элексиръ парегорика, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ указанія относительно діэты.

Пообѣдавъ съ семьей хозяина, угостившаго меня чжя-тугомъ, рисомъ и вареной бараниной, я распрощался. Меня провели до воротъ, гдѣ я сѣлъ на лошадь и тронулся въ путь.

Большая дорога въ Лхасу напоминала мнѣ выбоистые проселки Индіи. Въ однихъ мѣстахъ она имѣетъ въ ширину болѣе 20 фут., въ другихъ—едва обозначается. На многихъ участкахъ, гдѣ путь пролегаетъ черезъ поля, дорога въ то же время служитъ оросительной канавой. О путяхъ сообщенія тибетское правительство если и заботится, то во всякомъ случаѣ очень мало, хотя при сухомъ климатѣ сооруженіе хорошихъ дорогъ и содержаніе ихъ въ исправности не представляетъ особыхъ затрудненій. Колеснаго движенія до сихъ поръ я нигдѣ не встрѣчалъ во время своихъ поѣздокъ, и, какъ я узналъ, во всемъ Тибетѣ о немъ не имѣютъ никакого понятія.

Вскорѣ началъ идти сильный снѣгъ. Когда мы ѣхали вдоль берега р. Нянъ-чу, Цэринъ-таши указалъ мнѣ дорогу въ П'агри, монастырь На-нинъ и къ развалинамъ Чжянъ-то. Въ былыя времена оба послѣдніе пункта имѣли важное значеніе. Затѣмъ мы вступили въ такъ называемый *ронъ*, т. е. ущелья [1]). Здѣсь обитали пастушескія племена чжянь-ро, нинъ-ро и ганъ-ро, занимавшіяся оживленной торговлей яковыми хвостами (chowries), войлокомъ, войлочными шляпами и шерстяными одѣялами.

Перейдя рѣку у Кудунъ замба [2]), мы къ вечеру достигли деревни Гобши [3]), куда незадолго передъ тѣмъ пріѣхала Лхачамъ. Я нашелъ ее очень печальной, такъ какъ обнаружилось, что въ домѣ, гдѣ она остановилась, было пятеро больныхъ оспой. Она просила сдѣлать ей и ея людямъ предохранительную прививку, но, къ несчастью, я не могъ исполнить этой просьбы: выписанная изъ Индіи лимфа не была получена въ Ташилхуньпо ко времени моего отъѣзда оттуда и, вѣроятно, все еще оставалась въ числѣ другихъ вещей у заставы Лачань, куда былъ посланъ Учжѣнь-чжяцо.

---

[1]) *Ронъ* обыкновенно означаетъ плодородную долину, воздѣланную или вообще годную для обработки (W. R.).

[2]) *Замба*—«мостъ» (*ред.*).

[3]) На картахъ Габъ-зи. Очевидно, это то же, что деревня Ужи, упоминаемая A—k, гдѣ, по его словамъ, находится большая китайская почтовая станція (W. R.).

13-го мая.

Гобши («четверо воротъ»)—большая деревня, дворовъ въ 50, изъ которыхъ половина принадлежитъ свекору Лхачамъ. Передъ деревней растетъ нѣсколько тополей и подрѣзанныхъ ивъ, а по берегамъ рѣки на террасахъ виднѣются поля, засѣянныя ячменемъ. Невдалекѣ отъ деревни къ востоку и ниже сліянія рѣкъ Нянъ-чу и Ниро-чу, въ горахъ лежитъ К'юнъ-нагъ или монастырь «Чернаго Орла», принадлежащій послѣдователямъ ученія боньбо. Монастырь этотъ отличается глубокой древностью и въ XV вѣкѣ являлся знаменитымъ религіознымъ центромъ, привлекавшимъ богомольцевъ изъ всего Тибета.

Оставивъ Гобши, мы миновали Каво-гомба, храмъ секты ньинма. Цэринъ-таши обратилъ мое вниманіе на синія и красныя полосы, которыми расписаны стѣны храма и ламскихъ жилищъ, и пояснилъ, что эти полосы составляютъ характерную особенность названной секты.

Проѣхавъ затѣмъ нѣсколько небольшихъ селеній по дорогѣ, мѣстами чрезвычайно трудной и даже опасной, и перейдя въ бродъ р. Нянъ-чу у Шэтоя [1]), мы направились прямо къ Ралунъ замба, а въ 3 ч. пополудни прибыли въ деревню Ралунъ чонъ-дой, предварительно еще разъ пересѣкши рѣку по деревянному мосту.

Ралунъ [2]) является однимъ изъ самыхъ священныхъ мѣстъ въ Тибетѣ, такъ какъ здѣсь получила начало великая школа дугъ-па [3]) красношапочныхъ монаховъ, которая и до сихъ поръ еще пользуется вліяніемъ и имѣетъ много послѣдователей въ южномъ, сѣверномъ и восточномъ Тибетѣ и въ Бутанѣ. Эта послѣдняя страна носитъ названіе дугпаской, благодаря преобладанію въ ней этой секты. Ралунъ-тилъ—главный монастырь секты дугъ-па—находится на юго-востокъ отъ деревни.

Этотъ монастырь обязанъ своимъ именемъ тому обстоятельству, что онъ окруженъ горами подобно тому, какъ «сердце» (*мт'илъ*) лотуса окружена вѣнчикомъ.

---

[1]) На картѣ Шэтотъ (W. R.).

[2]) A—k говоритъ, что въ деревнѣ Ралунъ находится большая китайская почтовая станція. Подобныя станціи по-китайски называются *данъ*; само же зданіе носитъ названіе *гунъ-гуанъ* (W. R.).

[3]) О сектѣ *дугъ-па* см. Waddell, op. cit., pp. 68—69, 242; по его словамъ, она возникла въ XII ст. (W. R.), выдѣлившись изъ секты карчжю-па; см. выше, стр. 75 (*ред.*).

14-го мая.

Мы покинули деревню, даже не выпивши чашки чаю, такъ какъ Лхачамъ хотѣла достигнуть Нангарцэ въ тотъ же день, а я, не взирая на свое разслабленное состояніе, не хотѣлъ отставать отъ нея, такъ какъ страна, по которой мы должны были ѣхать, наводнена разбойниками.

Пройдя нѣкоторое разстояніе вверхъ по рѣкѣ, мы поднялись на Карола [1])—высокое плато, съ котораго мы могли различить на сѣверо-востокѣ покрытые снѣгомъ склоны Нойчжинь канъ-занъ (или Нойчжинь норпа занъ-по и Канъ занъ-по). Плато перевала Каро-ла называется Ома-танъ [2]), что значитъ «молочная равнина»; такъ же называется небольшая деревня, лежащая вблизи вершины перевала. На этомъ плато, которое имѣетъ въ ширину около пяти миль въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переѣзжали черезъ него, находятся прекрасныя пастбища, и мы видѣли большія стада яковъ, пасшихся по берегамъ небольшихъ ручьевъ, извивающихся по поверхности плоскогорья. Одинъ изъ этихъ ручьевъ, текущій на западъ, становится рѣкой Нянъ-чу, другой же течетъ на востокъ и называется К'арнанъ-п'у-чу; вдоль него идетъ дорога. На вершинѣ горнаго перевала я замѣтилъ терновый кустарникъ, подобнаго которому я не видѣлъ ни въ одной части Тибета; терніи были довольно длинны, а стволъ и листья имѣли пепельно-сѣрую окраску.

Немного ниже, на другой сторонѣ перевала, мы пришли къ небольшой сложенной изъ камней хижинѣ, гдѣ немного отдохнули и освѣжились. Въ разговорахъ съ Лхачамъ я упомянулъ о предпочтительности носилокъ *(шинъ-чямъ)* передъ лошадинымъ сѣдломъ, особенно для путешествія женщинъ. Она однако считала неприличнымъ заставлять людей исполнять роль вьючнаго скота и думала, что если бы въ Тибетѣ была сдѣлана попытка въ этомъ направленіи, то народъ, несомнѣнно, счелъ бы это для себя обиднымъ.

«Въ Тибетѣ», сказала она, «только двумъ великимъ ламамъ, амбаню и

---

[1]) Этотъ перевалъ извѣстенъ также, по словамъ A—k, подъ названіемъ Ралунъ-ла (W. R.).

[2]) Jaeschke, op. cit., говоритъ, что слово *о-ма* означаетъ равнину, на которой стоитъ Лхаса. Georgi, op. cit., p. 451, упоминаетъ между Чжяньцэ и Нангарцэ о Лхомаръ и Лхамэньтунъ. Перваго пункта не оказалось ни на одной картѣ, бывшей въ распоряженіи Рокхиля; послѣдній соотвѣтствуетъ Ланма, имѣющемуся на картахъ. Согласно показаніямъ послѣднихъ, Карола имѣетъ въ высоту 16.600 футовъ (W. R.).

регенту разрѣшено пользоваться носилками, другія же лица, какъ бы ни было высоко ихъ положеніе, не могутъ употреблять ихъ».

Пройдя далѣе по долинѣ около шести миль, мы подошли къ поселку Ринъ-ла, находящемуся въ томъ мѣстѣ, гдѣ р. К'арнанъ-п'у-чу поворачиваетъ на сѣверъ и впадаетъ въ озеро Ямдо-юмъ-цо. У этой деревни начинается равнина, на которой стоитъ городъ Нангарцэ, и отсюда вдали виднѣется монастырь Самдинъ.

Дорога теперь была хороша, и лошади ускорили свои шаги; около пяти часовъ мы были уже въ виду Нангарцэ [1]).

Дома рыбаковъ и простого народа (*миссэръ*) ютились по склону холма, обращеннаго къ дому профекта (*цзонпонь*). Отсюда тянется широкая голубая поверхность водъ озера Палти. Здѣсь мы остановились, и Лхачамъ перемѣнила свой костюмъ на лучшій и одѣла головной уборъ (*патугъ*), украшенный драгоцѣнными камнями. Мы подъѣхали къ воротамъ дома, гдѣ должны были остановиться. Здѣсь была устроена платформа, покрытая мягкими одѣялами; на эту платформу сошла съ лошади Лхачамъ, а ея сыновья и всѣ прочіе спустились на землю поблизости.

Братъ и племянникъ нашего хозяина были больны оспою (*лхань-думъ*), и въ углу дома нѣсколько ламъ читали священныя книги, чтобы вымолить больнымъ скорое выздоровленіе [2]). Во дворѣ лежалъ другой человѣкъ, недавно прибывшій изъ Лхасы и страдавшій тою же болѣзнью; около него также находились двое ламъ, распѣвавшихъ мантры подъ нестройный аккомпаниментъ колокольчика и *дамару* (ручного барабана).

Я провелъ очень дурно ночь, такъ какъ чувствовалъ сильную лихорадку, и къ тому же меня мучилъ кашель. Мои спутники сидѣли около меня и дѣлали все, что могли, но признали для меня невозможнымъ продолжать въ моемъ состояніи путешествіе въ Лхасу вмѣстѣ съ Лхачамъ.

На слѣдующее утро я чувствовалъ себя нисколько не лучше, и приступы кашля были болѣе сильны. Сыновья Лхачамъ и ея спутники пришли навѣстить меня и выразили сожалѣніе, что имъ приходится покинуть меня. Хозяинъ сказалъ, что для меня было бы лучше всего отправиться въ монастырь Самдинъ, гдѣ проживали два искусныхъ врача, которые недавно успѣшно

---

[1]) Нангарцэ расположено на плодородной равнинѣ, окруженной болотами и лугами; высота надъ уровнемъ моря—14100 фут. Населеніе состоитъ изъ рыбаковъ и земледѣльцевъ. См. Sandberg, An Jtinerary of the Route from Sikkim to Lhasa, p. 18 (*ред.*).

[2]) О такихъ религіозныхъ службахъ см. Waddell, op. cit., p. 353, 494 и слѣдующія (W. R.).

излѣчили болѣзнь, похожую на мою. Услыхавъ это, одна изъ служанокъ Лхачамъ сказала, что ея госпожа можетъ дать мнѣ письмо къ настоятельницѣ этой обители, Дорчжэ П'агмо, съ которой она находится въ родствѣ и поддерживаетъ самыя дружественныя отношенія. Существовало лишь опасеніе, что настоятельница могла не впустить меня въ свою обитель, такъ какъ, вслѣдствіе эпидеміи оспы, она закрыла монастырь для пилигримовъ.

Я послѣдовалъ совѣту окружавшихъ меня, а Лхачамъ была настолько любезна, что написала письмо, въ которомъ просила настоятельницу позаботиться обо мнѣ; послѣ трогательнаго прощанія и приглашенія меня пріѣхать прямо къ ней въ Лхасу, какъ скоро я поправлюсь, она поручила меня заботамъ домохозяевъ и сама уѣхала.

Послѣ легкаго завтрака я рѣшилъ немедленно же отправиться въ Самдинъ гомба, до котораго, какъ я узналъ, можно было доѣхать въ теченіе двухъ часовъ.

Мои спутники закутали меня въ шерстяныя одѣяла и, надѣвъ тюрбанъ на мою голову, посадили меня на лошадь. Проѣхавъ около двухъ миль отъ города, мы приблизились къ рѣкѣ,—той самой, вдоль которой мы слѣдовали, перейдя перевалъ К'аро-ла; она изобиловала разнообразной рыбой. Пересѣкши нѣсколько рѣчекъ, мы пришли къ подножію холма, на вершинѣ котораго стоитъ монастырь Самдинъ [1]). Лѣстница съ каменными ступенями вела къ монастырю; я со страхомъ смотрѣлъ на длинный и крутой подъемъ, такъ какъ въ своемъ положеніи не надѣялся подняться наверхъ. Отдыхая на каждомъ поворотѣ лѣстницы, я наконецъ взобрался на вершину холма,

---

[1]) Это имя пишется *бсамъ-лдинъ* и значитъ, повидимому, «плавающая фантазія». Онъ былъ основанъ, согласно свѣдѣніямъ Чандра Даса, Шоньну-друпа (W. R.). Описаніе этого монастыря, заимствованное у Сандберга, помѣщено въ «Сказаніи о хожденіи въ Тибетскую страну мало-дöрбöтскаго База-бакши» (стр. 231—232): «Монастырь располагается на берегу (озера) и стоитъ, какъ крѣпость, на вершинѣ безплоднаго холма, футовъ на 300 выше уровня окружающей мѣстности. Огромныя каменныя плиты нагромождены, какъ ступени, возводящія на этотъ холмъ, и длинная узкая стѣна поднимается около нихъ, какъ перила. Выше ступеней узкая тропинка ведетъ къ подножію монастыря, окруженнаго высокою стѣною. Мѣстоположеніе Самдина прекрасно. На сѣверо-востокѣ онъ упирается въ темныя обрывистыя вершины горъ, которыя расходятся радіусами отъ высокаго пика въ центрѣ острова; на юго-востокѣ онъ смотритъ на берегъ чарующихъ водъ Ямдока; къ сѣверу онъ смотритъ на озеро Дюмо-цо». Въ Самдинѣ живутъ совмѣстно монахи и монахини, при чемъ онъ пользуется высокою репутаціею за чистоту нравовъ. Общее число монаховъ и монахинь—около 200 душъ (*ред.*).

поднимающагося на 300 футовъ надъ равниною. Однако мы еще не прибыли въ обитель; узкая тропинка привела насъ къ воротамъ, около которыхъ были посажены на цѣпь двѣ страшныя сторожевыя собаки (*до-к'ьи*) неистово лаявшія и рвавшіяся съ цѣпей при нашемъ проходѣ. Мѣстныя собаки, какъ я слышалъ, славятся по всему Тибету своею величиною и дикостью, и тѣ, которыхъ мы теперь видѣли, безспорно оправдывали такую репутацію.

Я присѣлъ на камнѣ около воротъ, поджидая, пока Цэринъ-таши найдетъ врачей. Спустя часъ онъ возвратился и, сообщивъ, что одинъ изъ амчи (врачей) находится въ монастырѣ, повелъ меня въ его домъ наверху котораго мнѣ пришлось подождать прихода врача. Спустя короткое время появился и онъ. На видъ ему было около 70 лѣтъ, но онъ имѣлъ бодрый видъ; онъ былъ средняго роста съ пріятнымъ выраженіемъ лица, широкимъ лбомъ и полной достоинства осанкой. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, осмотрѣлъ мои языкъ и глаза и затѣмъ ввелъ въ свое жилище. Мы поднялись на двѣ лѣстницы и достигли его апартаментовъ. Старикъ сѣлъ на минуту, при чемъ повернулъ нѣсколько разъ свой молитвенный цилиндръ и, нюхая табакъ, внимательно осмотрѣлъ меня [1]). Затѣмъ онъ далъ мнѣ порошокъ, который нужно было принять въ теплой водѣ, и велѣлъ своему повару дать мнѣ некрѣпкаго чаю (*ча-т'анъ*), послѣ чего, взявъ письмо отъ Лхачамъ, онъ вмѣстѣ съ Цэринъ-таши отправился къ настоятельницѣ К'ябгонъ Дорчжэ П'агмо [2]).

Вечеромъ меня перевели въ домъ, находящійся въ западной части монастыря и принадлежащій монаху, по имени Гэлегъ-Намчжялъ, гдѣ я устроился, какъ только можно было лучше, подъ портикомъ. Цинъ-та, какъ обыкновенно называли Цэринъ-таши, сказалъ мнѣ, что онъ просилъ Дорчжэ П'агмо открыть мою будущую судьбу, на что она сказала ему, что хотя моя болѣзнь очень серьезна, но не опасна, и что для ускоренія моего выздоровленія необходимо скорѣйшее совершеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ. Прочитавъ письмо Лхачамъ, она велѣла передать мнѣ, что она скоро посѣтитъ меня, и что къ моимъ услугамъ будетъ все необходимое для меня, пока я буду жить въ Самдинѣ.

---

[1]) Тибетскіе, монгольскіе и китайскіе врачи предлагаютъ своимъ паціентамъ очень мало вопросовъ. Они обыкновенно распознаютъ болѣзнь паціента по его наружному виду, по біенію пульса и по состоянію его урины (W. R.).

[2]) *К'ябъ-гонъ* и *К'ябъ-гонъ риньпочэ*—титулы, даваемые всѣмъ высшимъ воплощеннымъ ламамъ. Это слово значитъ «защитникъ» (W. R.).

На слѣдующій день мои спутники попросили меня предложить «общій чай» (*манъ-чжа*) восьмидесяти монахамъ обители и раздать имъ милостыню, въ количествѣ *кармы* (2 анны) на человѣка. Я согласился, и мои спутники тотчасъ же отъ моего имени поднесли подарки Дорчжэ П'агмо и божествамъ, которыя, по даннымъ въ монастырѣ указаніямъ, были наиболѣе способны прогнать окружавшихъ меня духовъ болѣзни.

Дорчжэ П'агмо дал Цэринъ-таши священную пилюлю (*риньсэлъ*), содержавшую частицу мо й Будды Кашьяпы, и тотъ поспѣшилъ принести это лѣкарство мнѣ и н. .лоялъ на томъ, чтобы я немедленно проглотилъ его [1].

Амчи совѣтовалъ мнѣ тщательно воздерживаться отъ употребленія холодной воды, въ особенности потому, что вода озера Ямдо вредна для многихъ лицъ, даже вполнѣ здоровыхъ. Онъ также запретилъ мнѣ пить заправленный масломъ чай.

Согласившись платить своему хозяину по 4 анны въ день, я занялъ двѣ комнаты; онѣ были въ 6 — 8 футовъ въ длину и ширину и около 6 футовъ въ высоту. Въ спальнѣ было два маленькихъ столика, полдюжины книгъ и два ящика; въ углу комнаты находился небольшой жертвенникъ и два изображенія боговъ.

На слѣдующій день было новолуніе, и монахи сегодня собрались рано утромъ въ сборный залъ для совершенія службы, такъ какъ завтра начинается 4-я луна (*сага дао*), [2]) самый священный мѣсяцъ года.

При окончаніи службы Цинъ-та опять видѣлъ Дорчжэ П'агмо и, поднеся ей шарфъ и 2 таньки, попросилъ дать ему еще одну пилюлю. Докторъ и его помощникъ указывали на особое значеніе такихъ лѣкарствъ, такъ какъ опытъ въ странѣ Ямдо показалъ, что они очень цѣлебны. Они говорили также, что для успѣшнаго хода лѣченія я не долженъ спать днемъ. Я почувствовалъ себя къ полуночи настолько слабымъ и больнымъ, что подозвалъ своихъ спутниковъ къ кровати и написалъ свою послѣднюю

---

[1]) Такія пилюли обыкновенно называются *мани рилбу*. Относительно церемоній, совершаемыхъ при изготовленіи ихъ, см. мою статью по этому предмету въ «Proceedings of the American Oriental Society», October, 1888, p. XXII. Объ «общемъ чаѣ» см. Huc, «Souvenirs», vol. II, p. 122; «Land of the Lamas», p. 104, и Waddell, «Buddhism of Tibet», p. 191 (W. R.).

[2]) *Са-ва*—названіе 15-го числа мѣсяца (*чжю-каръ*), а также одного изъ мѣсяцевъ года. *Дао* или *да-ва* — «мѣсяцъ». Относительно новолунныхъ празднествъ см. Waddell, op. cit., p. 501 (W. R.).

волю въ записной книжкѣ. Затѣмъ однако лѣкарство, данное мнѣ помощникомъ доктора Чжэруномъ, нѣсколько помогло мнѣ.

18-го мая.

Цинъ-та снова предложилъ ламамъ «общій чай» (*манъ-чжа*) и деньги, чтобы они читали священныя книги, молясь о моемъ выздоровленіи, и опять досталъ пилюлю отъ Дорчжэ П'агмо. На обратномъ пути въ свою квартиру онъ видѣлъ бывшаго воплощеннаго ламу лхасскаго монастыря Цэ-чогъ-линъ; онъ былъ лишенъ своего званія воплощенца за совершеніе прелюбодѣянія.

Не видя обѣщаннаго улучшенія въ моемъ состояніи, мой вѣрный слуга опять отправился послѣ полудня къ Дорчжэ П'агмо, поднесъ ей шарфъ и 10 танькъ и попросилъ совершить обрядъ, извѣстный подъ названіемъ «умилостивленія боговъ жизни» (*цэ-дубъ*). Она дала ему также длинный списокъ религіозныхъ обрядовъ, которые, по ея мнѣнію, необходимо было просить ученыхъ ламъ немедленно совершить, чтобы ускорить мое выздоровленіе.

Эти обряды были слѣдующіе:

1) Чтеніе *Праджня парамиты* въ 8.000 шлокъ [1]), вмѣстѣ съ дополненіями; 12 монаховъ могутъ сдѣлать это въ два дня.

2) Совершеніе, въ трехъ отдѣлахъ (*cha-gsum*), жертвоприношеній, состоящихъ изъ раскрашенныхъ пироговъ, сдѣланныхъ изъ цамбы и масла [2]). Первый отдѣлъ предназначается десяти хранителямъ, богу огня Чжя-лчжинь (Индра), властителю ада, богу вѣтра и другимъ, второй—духамъ и третій полу-богамъ.

3) *Gyal-gsol*, или умилостивленіе геніевъ, которые могли бы даровать душѣ больного спокойствіе и ниспослать ему тихій сонъ.

4) Возліяніе богамъ, или *Gser-skyems*. Это считается однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для умилостивленія боговъ.

5) «Обманъ смерти» (*hchi-slu*), состоящій въ томъ, что приносятъ въ жертву изображеніе больного вмѣстѣ съ частью его платья и пищи богу

---

[1]) *Праджня парамита* или *Юмъ* въ 8.000 шлокъ („стиховъ") представляетъ собою краткую редакцію этого сочиненія въ 1 томѣ: средняя редакція содержитъ 20.000 шлокъ въ 3 томахъ и полная—100.000 шлокъ въ 12 томахъ. См. выше, стр. 41 и 100 (*ред.*).

[2]) См. стр. 76.

смерти и умоляютъ его принять все это вмѣсто больного. Къ этому средству прибѣгаютъ послѣ того, какъ другія были испробованы безъ успѣха.

6) «Обманъ жизни» (*Srog-slu*), состоящій въ спасеніи отъ смерти животныхъ, предназначенныхъ для убоя. Этотъ обрядъ извѣстенъ также подъ названіемъ «жизне-спасительнаго милосердія». Спасеніе жизни людей, животныхъ и въ особенности рыбъ имѣетъ цѣлью обезпечить жизнь лицу, прибѣгающему къ этому средству [1]).

Когда Цинъ-та предложилъ мнѣ послѣднее изъ перечисленныхъ средствъ, я немедленно согласился спасти 500 рыбъ. Старикъ-докторъ сказалъ, что онъ отправится въ рыбачью деревню, находящуюся отсюда въ трехъ миляхъ, чтобы накупить рыбъ и освободить ихъ отъ смерти вмѣсто меня, если только я дамъ ему лошадь. Къ вечеру онъ возвратился и сказалъ, что успѣшно выполнилъ эту весьма важную миссію, которая будетъ вмѣнена мнѣ въ заслугу.

Однако, несмотря ни на какіе обряды и церковныя служенія, здоровье мое не улучшалось, и 22-го мая Цинъ-та опять отправился къ Дорчжэ П'агмо и, поднеся ей 5 танькъ и к'атагъ, просилъ ее при помощи своего божественнаго знанія выяснить, правильно ли лѣчитъ меня старикъ-амчи. Она бросила кости *(шо-мань)* [2]) и сказала, что на обоихъ врачей можно положиться.

Въ виду этого я послалъ за врачами и, давъ каждому изъ нихъ по подарку, просилъ ихъ приготовить для меня какое-либо новое сильно-дѣйствующее средство. Вечеромъ Чжэрунъ принесъ мнѣ нѣсколько пилюль, которыя очень отдавали мускусомъ, и нѣсколько порошковъ, вѣроятно, тѣхъ, которые извѣстны подъ названіемъ *гуркумъ-чусумъ* [3]). Принявъ эти лѣкарства, я почувствовалъ себя нѣсколько лучше.

Къ слѣдующему утру въ состояніи моего здоровья произошла значительная перемѣна къ лучшему; такъ, я могъ уже сидѣть, подпираемый своими одѣялами. Объ этой перемѣнѣ немедленно же дано было знать Дорчжэ П'агмо, которая посовѣтовала Цинъ-та совершить церемонію умилостивленія Тамдрина, Дорчжэ П'агмо и К'юнъ-мо (гаруда), въ особенности же перваго изъ нихъ. Цинъ-та снова поднесъ ей 7 танькъ и шарфъ, и она согласилась сама выполнить эту церемонію.

---

[1]) Этотъ обычай распространенъ въ Китаѣ, гдѣ онъ называется *фанъ-шэнъ*, т. е. „сохраненіе жизни живымъ существамъ“ (W. R.).

[2]) См. Land of the Lamas, p. 164—165.

[3]) *Гуркумъ*—„шафранъ“, *чусумъ*—можетъ быть, „ревень“ (W. R.).

24-го мая.

Рано утромъ меня навѣстилъ старикъ-докторъ. «Опасность миновала» сказалъ онъ: «кризисъ прошелъ; теперь вы можете покушать цамбы, немного супу и мяса». Въ самомъ дѣлѣ, я чувствовалъ себя настолько лучше, что сдѣлалъ небольшой моціонъ, и свѣжій укрѣпляющій воздухъ оказался для меня весьма полезнымъ.

На слѣдующій день я былъ въ состояніи посѣтить святилища Самдина, при чемъ меня сопровождали оба мои спутника, неся съ собою чашку масла, пучекъ курительныхъ свѣчей и около 50 шарфовъ.

Прежде всего мы отправились съ визитомъ къ доброму старику-врачу и его помощнику, гдѣ я былъ пораженъ замѣчательною чистотою комнатныхъ половъ, сдѣланныхъ изъ камешковъ, уложенныхъ весьма аккуратно вмѣстѣ съ известью и затѣмъ прекрасно отполированныхъ. Стѣны гостиной доктора были разрисованы буддійскими символами, деревьями и отвратительными фигурами божествъ-хранителей. Утварь состояла изъ 4 раскрашенныхъ комодовъ, полдюжины маленькихъ низенькихъ столиковъ, нѣсколькихъ раскрашенныхъ чашекъ для цамбы, двухъ маленькихъ деревянныхъ жертвенниковъ, уставленныхъ статуэтками боговъ, и нѣсколькихъ ковровъ, разостланныхъ поверхъ большихъ матрацовъ. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ религіознаго содержанія, покрытыхъ шелковыми занавѣсками, а въ углу находились мечъ и щитъ.

Изъ квартиры доктора я вошелъ во дворъ монастыря, который занималъ площадь не менѣе 150 футовъ въ длину и около 100 фут. въ ширину. По тремъ сторонамъ двора находились зданія, при чемъ въ главное зданіе вели широкія лѣстницы, ступени которыхъ были сдѣланы изъ мѣдныхъ и желѣзныхъ плитъ. Средняя лѣстница предназначена для одной только Дорчжэ-П'агмо. Спросивъ объ ея святѣйшествѣ, мы получили отвѣтъ, что она занята исполненіемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обязанностей, и приметъ меня нѣсколько позже.

Тѣмъ временемъ я посѣтилъ различныя часовни и святилища. Въ *гонъ-к'анъ* («верхнія комнаты») находились изображенія самыхъ грозныхъ изъ демоновъ и геніевъ; ихъ видъ такъ ужасенъ, что они обыкновенно прикрываются покрывалами. Почти всѣ эти божества были одѣты въ доспѣхи и держали въ своихъ рукахъ различное оружіе. Каждому изъ нихъ Цинъ-та подносилъ по шарфу и по курительной свѣчѣ, а Падоръ вливалъ немножко масла въ мѣдныя или серебряныя лампады, которыя всегда поддерживаются горящими передъ ними.

Между прочимъ нужно сказать, что, только благодаря духовному воздѣйствію Дорчжэ П'агмо, воды Думо-цо («озеро демоновъ»), т. е. внутренняго озера Ямдо-цо, держатся въ берегахъ; иначе онѣ бы вылились и затопили весь Тибетъ. Именно съ этой цѣлью и былъ первоначально построенъ монастырь Самдинъ.

Въ самой большой комнатѣ того же верхняго этажа находятся мавзолеи прежнихъ воплощеній Дорчжэ П'агмо.

Первый, сдѣланный изъ серебра и позолоченный, былъ сооруженъ въ честь Чжэ-цунь Тиньла-цомо (Je-tsun Tiñlas-tsomo) [1]), основательницы монастыря. Вся поверхность монумента отдѣлана крупной бирюзой, кораллами, изумрудомъ и жемчугомъ. По своему внѣшнему виду онъ походитъ на чортэнь и имѣетъ отъ 6 до 7 кв. футовъ въ основаніи. Внутри памятника, на каменной плитѣ, находится оттискъ ноги знаменитой усопшей.

Второй монументъ, также серебряный, походитъ на первый по формѣ; но я не могъ узнать имени воплощенія, въ честь котораго онъ воздвигнутъ. Третій, тоже серебряный, сооруженъ въ честь Нагъ-ванъ-кунь-занъ (Nag-wang-kun-bzang), предшественницы настоящаго воплощенія; вокругъ него, какъ большія рѣдкости, разложено нѣсколько европейскихъ фарфоровыхъ издѣлій и бездѣлушекъ. Верхушка монумента весьма красиво отдѣлана золотомъ и драгоцѣнными камнями. Эта работа, я думаю, была выполнена непальцами, хотя нѣкоторыя лица говорили, что это произведеніе туземныхъ мастеровъ.

Въ другой комнатѣ, не открывающейся для публики, находятся останки прежнихъ воплощеній Дорчжэ П'агмо. Мнѣ говорили, что каждое воплощеніе этой богини посѣщаетъ описываемый залъ одинъ разъ во время своей жизни, чтобы поклониться останкамъ своихъ предшественницъ.

Посѣтивъ всѣ святыни, мы возвратились въ апартаменты Дорчжэ-П'агмо, которая приняла меня весьма любезно. Она занимала возвышенное сидѣніе, а мнѣ указала на мѣсто по лѣвую руку отъ себя, бывшій же воплощенный лама, о которомъ я говорилъ выше, сидѣлъ позади ея, но его сидѣніе было выше моего. Въ это время совершалась церемонія умилостивленія Тамдрина (Хаягрива) [2]), и 12 ламъ въ полномъ облаченіи слу-

---

[1]) Здѣсь авторъ расходится съ другимъ своимъ показаніемъ о томъ, что основательницей монастыря была Шонь-ну-дру-па. См. выше, стр. 169 (W. R.).

[2]) См. выше, стр. 41, а также Waddell, op. cit., p. 62 et 364, и Grünwedel, Mythologie des Buddhismus, p. 164 (*ред.*).

жили вмѣстѣ съ Дорчжэ-П'агмо. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ, пришедшихъ принять благословеніе, также сидѣли на коврахъ.

Служба продолжалась около двухъ часовъ. По временамъ Дорчжэ П'агмо при помощи кропила, сдѣланнаго изъ павлиньихъ перьевъ и травы *куша* [1]), обрызгивала всѣхъ шафранной водой изъ «чаши жизни», при чемъ, къ моему неудовольствію (я боялся холодной воды), она кропила чаще всего меня, но это доказывало особенное ея расположеніе ко мнѣ. Я не могъ уловить словъ заклинаній (мантры), которыя она произносила, такъ какъ она говорила очень быстро, какъ только могла, чтобы поскорѣе окончить службу.

Послѣ службы между присутствующими была раздѣлена подсахаренная цамба въ видѣ шариковъ величиною съ пулю, при чемъ большая часть изъ нихъ была окрашена. Передъ полученіемъ шарика каждый распростирался передъ ея святѣйшествомъ, которая сама раздавала шарики.

Когда всѣ зрители ушли, Дорчжэ П'агмо сказала мнѣ, что она весьма рада моему выздоровленію, такъ какъ Лхачамъ не только ея другъ, но почти сестра.

Я попросилъ у нея позволенія отправиться въ Лхасу, такъ какъ я очень желалъ быть тамъ къ 15 числу текущей луны (1 іюня), — день рожденія Будды, и она любезно согласилась отпустить меня, какъ только я достаточно окрѣпну для продолженія утомительнаго путешествія.

Прощаясь она дала мнѣ еще три священныхъ пилюли и приказала своему слугѣ (gzim-dpon) показать мнѣ ея апартаменты, гдѣ было много красивой рѣзной и расписанной утвари, золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ статуй, со вкусомъ разставленныхъ на небольшихъ алтаряхъ. Здѣсь была также библіотека, заключавшая въ себѣ до 3000 томовъ книгъ и рукописей. Одно сочиненіе, въ 118-ти томахъ, было написано Подонъ-чоглегъ намчжяломъ, основателемъ секты, къ которой принадлежитъ Дорчжэ П'агмо [2]).

Настоящее воплощеніе божественной Дорчжэ П'агмо — женщина лѣтъ 26, по имени Нагъ-вагъ риньчэнь куньзанъ ванмо. Она носитъ длинные волосы; лицо ея мило; ея манеры отличаются достоинствомъ и немного напоминаютъ манеры Лхачамъ, хотя она гораздо менѣе располагаетъ къ себѣ, нежели послѣдняя. Для отдыха она никогда не можетъ ложиться; днемъ она

---

[1]) См. Rockhill, The Land of the Lamas, p. 106 (W. R.).

[2]) Дорчжэ П'агмо принадлежитъ къ сектѣ карма-па (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, къ ньинма-па). См. выше, стр. 75 (*ред.*).

приклоняется на подушки или на кресла, а ночью сидитъ въ положеніи, предписанномъ для созерцанія [1]).

Я слышалъ, что Дорчжэ П'агмо — «алмазная свинья» — есть воплощеніе Долма (Тара) [2]), божественной супруги Шэньрэзига. Въ древнія времена, до появленія въ мірѣ Будды Гаутамы, существовало страшное чудовище, по имени Матранкару, которое наполняло весь міръ ужасомъ и разрушеніемъ. Это чудовище было вождемъ всѣхъ полчищъ демоновъ, дьяволовъ и другихъ злыхъ духовъ; даже черти (*ракша*) Цейлона должны были подчиниться ему. Онъ покорилъ своей власти не только этотъ міръ, но, кромѣ того, еще 8 планетъ, 24 созвѣздія, 8 нага («драконовъ») и небожи-

---

[1]) Geordi, „Alph. Tibet.," p. 451, говоритъ. „In Australi eorum (montium) latere Monasterium et Sedes est Magnae Renatae Lhamissae Turcepamo. Eam Indi quoque Nekpallenses, tanquam ipsissimam Deam Bavani venerantur et colunt". Богдъ посѣтилъ Дорчжэ П'агмо въ Ташилхуньпо въ 1775 г. „Мать вошла со мною въ апартаменты Durjay Paumo, которая была одѣта въ костюмъ gylong'a (монаха); руки ея были обнажены по плечи, и она сидѣла на низкой подушкѣ, скрестивъ подъ собою ноги. Она—дочь брата ламы, но отъ другой жены. Ей около 27 лѣтъ; у нея мелкія китайскія черты лица, пріятные, хотя и неправильные, красивые глаза и зубы. Она носитъ волосы—это привиллегія, которой не имѣетъ ни одна изъ видѣнныхъ мной весталокъ; они зачесаны у нея назадъ, не имѣютъ никакихъ украшеній и ниспадаютъ локонами на ея плечи. Я посѣтилъ ее только одинъ разъ, но Гамильтонъ бывалъ у нея почти ежедневно". Markham, „Tibet", pp. 105, 108, 109 (W. R.).

Описанное Саратъ Чандра Дасомъ воплощеніе Дорчжэ П'агмо видѣлъ въ 1892 г. также калмыкъ Бāза-бакши. Воплощеніе это скончалось въ 1896 г., и новому воплощенію теперь (1904 г.) идетъ 7 годъ (*ред.*).

[2]) *Тара* (по-тибетски *Sgrol-ma, Drolma, Dolma*, по-монгольски *Дара эхэ*), „спасительница" — бодисатва-женщина, пользующаяся большою популярностью среди ламаитовъ. Она извѣстна въ разныхъ формахъ, изъ которыхъ наиболѣе почитаются *Долъ-каръ* („зеленая") и *Долъ-чжанъ* („бѣлая"). Бѣлая Тара популярна главнымъ образомъ среди монголовъ, которые, между прочимъ, считаютъ ея воплощеніями русскихъ царей, такъ какъ въ періодъ перваго знакомства монголовъ съ Россіею тамъ царствовали главнымъ образомъ императрицы. Обѣ супруги царя Сронъ-цань-гамбо также считаются воплощеніями Тары: китайская принцесса—бѣлой и непальская—зеленой.

Донынѣ, вопреки словамъ Саратъ Чандра Даса, Дорчжэ П'агмо считалась воплощеніемъ не Тары, а другой бодисатвы-женщины *Марици* или *Вачжра варахи* (*ред.*).

телей. Своею чудодѣйственной силой онъ могъ поднять гору Рирабъ (Сумэру) [1]) на концѣ своего большого пальца.

Наконецъ Будда и боги на общемъ совѣтѣ задумали уничтожить Матранкару, при чемъ было рѣшено, что Шэньрэзигъ приметъ образъ Тамдрина («Лошадиная шея»), а его супруга Долма—образъ Дорчжэ П'агмо («Алмазная свинья»). Принявъ на себя такіе образы, оба они отправились на вершину горъ Малая, и Тамдринъ проржалъ тамъ три раза, чтобы привести въ ужасъ демона, а Дорчжэ П'агмо прохрюкала пять разъ, чтобы поразить страхомъ сердце жены Матранкару, и вскорѣ оба они лежали распростертыми у ногъ двухъ божествъ. Но жизнь ихъ была пощажена, и Матранкару сдѣлался преданнымъ послѣдователемъ Будды, защитникомъ вѣры (*chos-gyong*), при чемъ ему было дано имя Махакала.

Въ 1716 году, когда чжунгарскіе завоеватели Тибета [2]) пришли въ Нангарцэ, ихъ вождь послалъ въ Самдинъ сказать Дорчжэ П'агмо, чтобы она явилась къ нему, дабы онъ могъ убѣдиться, дѣйствительно ли она имѣетъ, какъ это говорятъ, свиную голову. Дорчжэ П'агмо дала кроткій отвѣтъ; но чжунгарскій вождь, взбѣшенный неповиновеніемъ его приказу, разрушилъ стѣны монастыря Самдинъ и вторгся въ его святилище. Послѣднее онъ нашелъ покинутымъ, въ немъ не было ни одного человѣка, а лишь 80 свиней и столько же поросятъ хрюкали въ залѣ для собраній подъ предводительствомъ большой свиньи; вождь не осмѣлился разорить мѣсто, принадлежащее свиньямъ. Когда чжунгары совершенно отказались отъ мысли

---

[1]) По представленію буддистовъ, гора Рирабъ—„Царь горъ" занимаетъ центръ нашего міра, возвышаясь посреди громаднаго океана, обнесеннаго вокругъ двойною высокою желѣзною стѣною. Около Рираба раскинуто 4 большихъ материка (*двипа*) разной формы, каждый съ 2 островами. Наша земля представляетъ большой материкъ, имѣющій форму треугольника и носящій названіе Чжамбудвипа (Цзамбутибъ). На горѣ Рирабъ въ отдѣльныхъ областяхъ, начиная отъ ея подножія, живутъ геніи якша, птицеобразныя существа Гаруды, титаны (*асура*) и боги или небожители (*дэва, лха, тэнгри*)—(*ред.*).

[2]) Это вторженіе было произведено знаменитымъ чжунгарскимъ ханомъ Цэванъ-рабтаномъ, который, стремясь объединить подъ своей властью всѣ чжунгарскія племена, желалъ между прочимъ подчинить себѣ также и хошоутовъ, ушедшихъ въ Куку-норъ и Тибетъ съ Гуши-ханомъ (см. выше, стр. 107). Цэванъ-Рабтанъ быстро покорилъ весь Тибетъ, взялъ Лхасу и убилъ главу тибетскихъ хошоутовъ Лацзанъ-хана, но въ 1719 г. былъ вытѣсненъ изъ Тибета соединенными хошоутовскими и маньчжурскими войсками (*ред.*).

разграбить Самдинъ, свиньи внезапно превратились въ почтенныхъ ламъ и монахинь, во главѣ со святою Дорчжэ П'агмо. Исполненный удивленія и почтенія къ святости настоятельницы, вождь сдѣлалъ громадныя пожертвованія ея монастырю.

26-го мая.

Сегодня мы занимались приготовленіями къ своему путешествію въ Лхасу, и такъ какъ въ Самдинѣ можно было достать очень мало продовольствія, то Дорчжэ П'агмо была такъ добра, что сама снабдила насъ всѣми необходимыми припасами. Старый докторъ подарилъ мнѣ корзинку сушеныхъ абрикосовъ и нѣкоторое количество рису, а нашъ хозяинъ принесъ намъ нѣсколько штукъ яицъ дикихъ гусей.

27-го мая.

Сегодня мы отправились въ Лхасу. Съ холмика, находившагося за нашей квартирой, я бросилъ послѣдній взглядъ на озеро и окружавшіе его темные холмы, за которыми поднимались покрытыя снѣгомъ горы. Мой взглядъ упалъ на озеро Думо-цо и на то мѣсто, гдѣ бросаютъ мертвыхъ въ это озеро, и я задрожалъ при мысли о томъ, что самъ былъ недалекъ отъ этой участи.

Мертвыя тѣла въ Тибетѣ разрубаются и отдаются на съѣденіе волкамъ и собакамъ, но на берегахъ озера Ямдо народъ бросаетъ своихъ мертвецовъ въ его воды. Существуетъ повѣріе, что въ озерѣ Ямдо живетъ много *лу* (змѣеподобные полу-боги) [1]), и что у нихъ находятся ключи отъ неба. Въ хрустальномъ дворцѣ въ глубинѣ озера живетъ ихъ царь, и народъ думаетъ, что, бросая тѣла своихъ мертвецовъ въ озеро, онъ тѣмъ самымъ даетъ умершимъ возможность, путемъ служенія царю *лу* въ теченіе времени, отдѣляющаго моментъ смерти отъ новаго возрожденія, попасть на небо. Указанный періодъ времени носитъ названіе *бардо*.

Пройдя мимо воздѣланныхъ полей, гдѣ лошади вязли по колѣна въ грязь, мы пришли къ обширной степи, гдѣ паслись дикіе козлы, овцы, а также нѣсколько мускусныхъ оленей. Дорчжэ П'агмо является ихъ спеціальной покровительницей, и въ области Ямдо нельзя убивать ни одного дикаго животнаго.

Около 2 часовъ мы достигли Нангарцэ и, пройдя этотъ городъ, двинулись далѣе по направленію къ сѣверу вдоль берега пользующагося широкою

---

[1]) *Лу* (по-санскритски *нага*)—драконъ (*ред.*).

извѣстностью озера Ямдо (Палти) [1]), называемаго также Юмъ-цо, т. е. «Бирюзовое озеро»—имя, вполнѣ оправдываемое темно-синимъ цвѣтомъ водъ озера. Идя вдоль озера, мимо деревень Хайло [2]), Дабъ-лунъ и Дэп'у, гдѣ около домовъ сушились рыбачьи кожаныя лодки (*худру*), и гдѣ поблизости находились поля, на которыхъ росло немного ячменя, мы пришли къ Калъ-занъ замба, гдѣ рѣшили немного отдохнуть и напиться чаю. Хотя это мѣсто и называется «мостомъ» (*замба*), но, въ дѣйствительности, оно представляетъ плотину длиною около 300—400 футовъ, дѣлящую узкій рукавъ озера на двѣ части.

Нѣсколько выше Калъ-занъ-замба, въ томъ пунктѣ, гдѣ между двумя скалами, возвышающимися по обѣимъ сторонамъ узкой тропинки, протянута веревка съ привязанными къ ней раскрашенными лоскутьями, исписанными молитвами, Цинъ-та заставилъ меня слѣзть съ лошади. Онъ вскарабкался на большую скалу, разбросалъ нѣсколько щепотокъ цамбы и, высѣкши огонь, зажегъ курительную свѣчу, которую вставилъ въ трещину скалы. Это мѣсто, называемое Шаруй-тэнъ, служитъ притономъ злыхъ духовъ; если бы кто изъ путешественниковъ пренебрегъ совершеніемъ этихъ церемоній, онъ навлекъ бы на себя гнѣвъ духовъ.

Достигнувъ Палти-цзона, [3]) мы помѣстились въ томъ же домѣ, гдѣ оста-

---

[1]) Georgi (Alphabetum Tibetanum, p. 451) пишетъ объ озерѣ Палти слѣдующее: «Palti: Lacus alias Jamdro aut Jang-so nuncupatus. Maximae amplitudinis est, quam homo pedibus, uti indigeni tradunt, nonnisi octodecim dierum spatio circumire queat. Sic totus ambitus 300 circiter milliariorum esset» (W. R.). По словамъ База-бакши, «Яндакъ-цо представляетъ собою круглое озеро. По внѣшней сторонѣ оно окружено горами; внутренняя поверхность имѣетъ также красивыя горы, рѣчки, деревья и травы. Въ ширину оно, повидимому, имѣетъ около 3 верстъ; если же обойти по внѣшнему берегу воды, то, говорятъ, составится пространство 7 дней». Озеро имѣетъ скорпіонообразную форму, что обусловливается очертаніями лежащаго на немъ полуострова, который соединяется съ материкомъ двумя перешейками (*ред.*).

[2]) *Хайло*—вѣроятно, *Ханъ* нашихъ картъ (W. R.).

[3]) A—k называетъ этотъ городъ Pete Jong, на европейскихъ же картахъ онъ значится, какъ Pe de Jong или Piahte-Jong. Китайцы называютъ его Бай-ди; по словамъ же тибетцевъ, названіе озера—Пэ-ди; пишется оно *дпалъ-сдэ* (W. R.). Городъ этотъ стоитъ на самомъ берегу озера Ямдо; его массивная крѣпость съ бѣлыми стѣнами виднѣется издали; въ ней находится много хорошихъ домовъ. У города тянется возвышеніе К'амбала-ри, которое отдѣляетъ бассейнъ озера Ямдо отъ долины верхней Брахмапутры. Sandberg, op. cit., p. 20 (*ред.*).

навливалась и Лхачамъ по дорогѣ въ Лхасу, и были приняты весьма гостепріимно. Мы купили немного молока, нѣсколько яицъ и немного пива у хозяйки, которая снабдила насъ также водою, дровами и двумя глиняными горшками. Мнѣ предложили рыбы, но я побоялся покупать ее, такъ какъ это было бы несовмѣстимо съ характеромъ набожнаго пилигрима, въ виду запрещенія, наложеннаго Далай-ламою. Я долженъ упомянуть, что великій лама, принимая на себя недавно обѣты монашества, издалъ запрещеніе своимъ подданнымъ ѣсть или убивать рыбу въ теченіе одного года.

Съ древнихъ временъ городъ Палти являлся наиболѣе знаменитымъ центромъ секты ньинма; озеро было въ народѣ извѣстно подъ этимъ же именемъ. Изъ иностранцевъ первыми примѣнили къ озеру имя города, вѣроятно, католическіе миссіонеры, посѣтившіе Тибетъ въ XVIII вѣкѣ.

Когда въ XVIII вѣкѣ чжунгары вторглись въ Тибетъ, ихъ ярость обратилась особенно на монастыри и на монаховъ секты ньинма. Въ то время въ Палти жилъ ученый и святой лама, по имени Палти Шабдунъ, хорошо знакомый со всей священной литературой и опытный въ искусствѣ волхвованія. Услышавъ, что непріятели перешли черезъ перевалъ Набсо-ла и двинулись въ Палти, онъ, благодаря своему искусству, умилостивилъ божества озера, и послѣдніе сдѣлали такъ, что воды озера показались чжунгарскимъ войскамъ равниной, покрытою травою, вслѣдствіе чего они вошли въ озеро и утонули въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Другой отрядъ, который двинулся черезъ К'амба-ла, не найдя войска, шедшаго черезъ Набсо-ла, повернулъ назадъ, и такимъ образомъ городъ Палти былъ спасенъ.

28-го мая.

Мы поѣхали дальше на разсвѣтѣ и подвигались вдоль берега озера, пока не достигли подножія перевала К'амба-ла. Подъемъ на этотъ перевалъ былъ сравнительно легокъ; на скалахъ по сторонамъ дороги были сдѣланы во многихъ мѣстахъ красками изображенія буддъ и бодисатвъ. Отъ Тамалуна [1])—маленькой деревни, находящейся на полпути къ вершинѣ горы, дорога ведетъ на востокъ вдоль утесовъ, нависшихъ надъ озеромъ, а за извилинами береговой линіи озера можно было слѣдить глазами на громадномъ разстояніи.

На вершинѣ перевала находятся двѣ большихъ груды камней, къ которымъ оба мои спутника добавили еще по камню; послѣ этого они сдѣ-

---

[1]) Это имя является также въ видѣ Ша-ма-лунъ и Дэмалунъ (W. R.).

лали жертвоприношеніе изъ цамбы и мелкаго песку вмѣсто вина въ честь горнаго божества, произнося при этомъ молитву, которую они заключили восклицаніемъ:

«Лха солъ-ло, лха солъ-ло!
Лха чжялъ-ло, лха чжялъ-ло!
Кэй-кэй—хо, хооо!»

Съ этого мѣста я любовался грандіознѣйшимъ видомъ, который я когда-либо встрѣчалъ въ Тибетѣ. Передо мною открывалась долина Цанъ-по, при чемъ эта большая рѣка текла по глубокому ущелью у подножія покрытыхъ лѣсомъ горъ. Тамъ и сямъ виднѣлись маленькіе поселки, большая часть которыхъ состояла изъ домиковъ съ бѣлыми стѣнами, окруженныхъ кучками высокихъ деревьевъ.

Въ 3 часа мы достигли подножія ущелья, гдѣ дорога идетъ безчисленными зигзагами на протяженіи 5 миль. Вдоль дороги росли терновникъ и дикія розы, а также молодило и рододендроны, а по склонамъ холмовъ паслось нѣсколько стадъ овецъ.

Затѣмъ мы пришли къ медленно струившемуся потоку, а немного далѣе достигли деревни К'амба парц'и [1]), состоящей приблизительно изъ 40 жалкихъ разбросанныхъ лачугъ. Пройдя черезъ участокъ, засѣянный ячменемъ и окруженный подрѣзанными ивами, мы достигли песчаныхъ береговъ рѣки Цанъ-по и направились вдоль нея къ Танбу, гдѣ окрестная равнина извѣстна подъ названіемъ К'амба-чянъ-танъ [2]).

Двѣ женщины, половшія свой ячмень, приблизились ко мнѣ, когда я проѣзжалъ мимо нихъ, и предложили пучекъ молодыхъ побѣговъ въ надеждѣ, какъ объяснилъ мнѣ Цинъ-та, что я дамъ имъ сколько-нибудь денегъ. Этотъ обычай распространенъ во всемъ Тибетѣ и носитъ названіе *лубулъ*.

Продолжая ѣхать дальше, мы увидѣли близъ Той-ци женщинъ, дѣлавшихъ кирпичи; нѣсколько ословъ и яковъ увозили тѣ изъ кирпичей, которые достаточно уже высохли. Въ двухъ миляхъ отъ этого мѣста, мы пришли къ извѣстному монастырю Палчэнь-чувори и къ цѣпному мосту (*чагъ-замъ*), перекинутому черезъ Цанъ-по. Этотъ мостъ, построенный, по

---

[1]) *К'амба-барчи* туземныхъ изслѣдователей; она также называется Кампа лача (W. R.) и Камба-парцэ (*ред.*).

[2]) *К'амба-чянъ-танъ*—значитъ: „равнина къ сѣверу отъ К'амба" (W. R.).

преданію, въ XV вѣкѣ Танъ-тонъ чжялъ-по, состоитъ изъ двухъ тяжелыхъ канатовъ, прикрѣпленныхъ концами къ огромнымъ бревнамъ [1]), у которыхъ воздвигнуты большіе чортэни.

Русло рѣки въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину около 400 футовъ, но въ это время года она разливается на нѣсколько сотъ футовъ далѣе концовъ моста, и путешественники перебираются черезъ нее на лодкахъ.

Монастырь Палчэнь чувори былъ построенъ также Танъ-тонъ чжялъ-по, которому равнымъ образомъ приписываютъ сооруженіе 8 цѣпныхъ мостовъ черезъ Цанъ-по, 108 храмовъ и 108 чортэней [2]) на холмахъ: Чунъ Ривочэ въ Западномъ Тибетѣ и Палчэнь Чувори въ Центральномъ Тибетѣ, или провинціи У. Монастырь Палчэнь чувори, гдѣ находится свыше ста монаховъ, поддерживается средствами, вырученными за перевозъ.

Мы и наши лошади переправились черезъ рѣку въ грубо сдѣланной лодкѣ, длиною около 20 футовъ; здѣсь было также нѣсколько рыбачьихъ лодокъ изъ кожъ, которыя равнымъ образомъ перевозили съ одного берега на другой путешественниковъ и тяжести. Солнце уже заходило, когда мы достигли деревни Чжимъ-к'аръ [3]), принадлежащей та-цану Намчжялъ,

---

[1]) A—k такъ описываетъ этотъ мостъ: „Мостъ сдѣланъ изъ двухъ желѣзныхъ цѣпей, идущихъ рядомъ; отъ этихъ цѣпей свѣшиваются внизъ толстые канаты на глубину 4 ярдовъ; этими канатами, поддерживаются планки, имѣющія 3 фута въ длину и одинъ футъ въ ширину, такъ что при помощи ихъ можетъ переправляться только одно лицо. Цѣпи натянуты очень туго и прикрѣплены къ двумъ огромнымъ деревяннымъ бревнамъ, водруженнымъ въ громадные груды камней. Длина моста около 100 шаговъ". „Report on the Explorations", p. 31. Это обыкновенный типъ китайскихъ висячихъ мостовъ, встрѣчающійся во всемъ Тибетѣ и въ западномъ Китаѣ. Указанный здѣсь мостъ былъ построенъ, вѣроятно, китайцами въ XVIII вѣкѣ. Я не слышалъ, чтобы тибетцы когда-либо строили подобные мосты; ихъ мосты обыкновенно деревянные, покоящіеся на быкахъ. См. мое сочиненіе: „Diary of a Journey trough Mongolia and Tibet", p. 304. (W. R.). По словамъ Сандберга (op. cit., p. 22), этотъ мостъ построенъ болѣе 470 лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время пришелъ въ такую негодность, что за послѣднія 20 лѣтъ никто уже болѣе имъ не пользовался. Переправляются же черезъ рѣку на деревянныхъ и кожаныхъ лодкахъ (*шинъ-ситру* и *ко-а*). Кожаныя лодки состоятъ изъ кожи яка, которою обтягивается остовъ изъ ивовыхъ шестовъ, идущихъ по длинѣ съ нѣсколькими поперечными перекладинами. Лодки имѣютъ 8—10 фут. въ длину, 4 фута въ ширину и $2^1/_2$—3 фута въ глубину (*ред.*).

[2]) Число 108 имѣетъ у буддистовъ мистическое значеніе (*ред.*).

[3]) По словамъ Сандберга (op. cit., p. 23), здѣсь находится фортъ (*ред.*).

большому монастырскому учрежденію Поталы въ Лхасѣ. Намъ предоставили здѣсь помѣщеніе для ночлега въ овечьемъ загонѣ, принадлежащемъ начальнику деревни (*чжянь-по*). Всѣ члены семьи чжянь-по были больны оспой, а самъ онъ только что выздоровѣлъ. Вскорѣ послѣ нашего прибытія начался дождь; съ крыши загона началась течь; 9 лошадей, привязанныхъ вблизи насъ, все время безпокоились, и мы при такихъ условіяхъ провели скверно эту ночь и были рады, когда наконецъ, при первомъ отблескѣ зари, могли отправиться въ дальнѣйшій путь. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, мы увидѣли развалины Чу-шулъ цзона на выступѣ скалъ въ разстояніи мили отъ того мѣста, гдѣ въ Цанъ-по впадаетъ рѣка Кьичу, на которой стоитъ Лхаса. Лѣтъ 200 тому назадъ Чу-шулъ представлялъ собою очень важный пунктъ, но теперь здѣсь находится только деревня, состоящая изъ 60 домовъ и окруженная обширными полями, на которыхъ растетъ ячмень, рѣпа, гречиха и пшеница [1]).

Пройдя близъ поселковъ Ца-канъ и Сэму, дорога сдѣлалась во многихъ мѣстахъ до того топкою, что лошади вязли въ грязи по колѣна. Черезъ четыре часа пути мы пришли къ развалинамъ Цалъ-па-нана [2]), гдѣ нагнали нѣкоторыхъ изъ членовъ свиты Лхачамъ, направлявшихся въ Лхасу. Поговоривъ съ нами болѣе часу времени, они отправились впередъ, такъ какъ желали пріѣхать въ Нэтанъ къ закату солнца; они посовѣтовали намъ остановиться въ этомъ городѣ въ Чжя-к'анѣ (китайская почтовая станція), гдѣ мы найдемъ всѣ удобства.

Отъ Цалъ-па-нана дорога шла по песчаной равнинѣ, слѣдуя по которой мы спугивали кроликовъ (зайцевъ?). Пройдя нѣсколько миль къ востоку, мы достигли большой деревни Чжанъ-хогъ («Нижній Чжанъ»), а затѣмъ и Чжанъ-той («Верхній Чжанъ») [3]), гдѣ красота мѣстности—дома были раскинуты отдѣльными группами, окруженными рощами ивъ и тополей, а поля были покрыты массой цвѣтовъ—такъ очаровала меня, что я сдѣлалъ остановку и, разостлавъ свое одѣяло подъ ивовымъ деревомъ, приготовилъ себѣ чай, а мои спутники наслаждались пивомъ.

Изъ Чжанъ-тоя, слѣдуя по узкой тропинкѣ, идущей надъ рѣкою Кьичу, мы прибыли въ Намъ. За этимъ маленькимъ поселкомъ дорога идетъ черезъ скалы и утесы, нагроможденные въ безпорядкѣ вдоль берега рѣки;

---

[1]) Китайскіе авторы говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ обыкновенно заключаются преступники. См. Journ. R. As. Soc., 1891, p. 78 (W. R.).

[2]) На картахъ этотъ пунктъ названъ Tsha-bu-na (W. R.).

[3]) Китайцы называютъ Цзянъ-ли (W. R.).

эта дорога называется *гагъ-ламъ*, т. е. «узкая дорога»; одинъ невѣрный шагъ и вы полетите въ сыпучіе пески береговъ рѣки или въ ея пучины. Я не удивился, когда мнѣ сказали, что два слона, посланные великому ламѣ сиккимскимъ рачжою, лишь съ большимъ трудомъ перешли черезъ это мѣсто. Послѣ утомительной поѣздки на протяженіи трехъ миль по песку и черезъ скалы мы наконецъ увидѣли знаменитую деревню Нэтанъ[1]), гдѣ умеръ великій святой и буддійскій реформаторъ Атиша или Дипанкара.

Какая-то старуха провела насъ въ Чжя-к'анъ, гдѣ насъ приняли весьма любезно, и хотя на этой почтовой станціи находились еще и другіе путешественники, мы тѣмъ не менѣе за плату въ 1 таньку устроились довольно удобно во внѣшней, хорошо провѣтриваемой, комнатѣ; внутреннія же были предназначены для чиновниковъ, главнымъ образомъ китайскихъ. Въ Нэтанѣ находится около 40 или 50 домовъ, построенныхъ близко другъ къ другу: многіе изъ нихъ представляютъ лишь жалкія лачуги.

30-го мая.

Мы отправились въ дальнѣйшій путь очень рано, такъ какъ хотѣли сегодня достигнуть Лхасы. Поселки Норбу-ганъ и Чумигъ-ганъ, черезъ которые мы проѣзжали, имѣли много красивыхъ прочныхъ домовъ, принадлежащихъ гражданскимъ чиновникамъ (*дунъ-к'оръ*) Лхасы; вокругъ нихъ находились сады и рощи. Оставивъ эти мѣста, мы ѣхали нѣсколько миль по песчаной равнинѣ, имѣя вправо отъ себя въ нѣкоторомъ отдаленіи рѣку. Вслѣдъ затѣмъ, вблизи гигантскаго изображенія Будды, высѣченнаго на скалѣ въ видѣ барельефа, вдали показались Потала и Чагпори, позолоченныя кровли которыхъ сіяли при лучахъ солнца. Мое желаніе, которое я давно лелѣялъ, исполнилось: священный городъ Лхаса былъ передо мною.

Четыре мили пути по прекрасной дорогѣ привели насъ къ Ти-чу замба, большому красивому каменному мосту, длиною въ 120 и шириною въ 8 шаговъ, подъ которымъ текла рѣчка, берущая начало въ сѣверо-западныхъ холмахъ, гдѣ стоитъ монастырь Цорпу, основанный Карма Багши, однимъ изъ двухъ знаменитыхъ ламъ, жившихъ при императорскомъ дворѣ въ Китаѣ во времена императора Хубилая[2]).

---

[1]) Это названіе пишется также Нѣртамъ. Китайцы называютъ эту деревню Ѣ-танъ. Атиша прибылъ изъ Индіи въ Тибетъ въ 1038 г. по Р. Хр. Его индійское имя—Дипанкара Сричжняна (W. R.). См. выше, стр. 75.

[2]) Знаменитый монгольскій императоръ, царствовавшій въ Китаѣ съ

Чжо-к'анъ. Г. Чагпори. Потала.

Видъ Лхасы съ востока. (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

Ти-чу замба находится въ нижней части большой деревни Тойлунъ, вокругъ которой разбросаны многочисленные поселки, каждый среди небольшой рощи подрѣзанныхъ ивъ. Прилегающая равнина, орошаемая водами рѣкъ Кьи-чу и Ти (Тойлунъ)-чу, отличается замѣчательнымъ плодородіемъ. Вся область сплошь воздѣлана, и ячмень, пшеница и гречиха во многихъ мѣстахъ уже достигали въ высоту 1 фута. Дорога теперь оживилась путешествующими, преимущественно торговцами зерномъ и топливомъ изъ навоза, которые направлялись къ городу съ караванами яковъ, лошадей, муловъ и ословъ, побрякивавшихъ своими колокольчиками.

Мы остановились для того, чтобы позавтракать, въ маленькой рощицѣ у деревни Шинъ донькаръ, принадлежащей Са-ванъ Рагашѣ, одному изъ старшихъ министровъ Лхасы. Съ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, можно было слышать голоса ламъ, пѣвшихъ молитвы, а отъ одной старухи, которая принесла моимъ людямъ пиво, я узналъ, что тамъ находилось 18 ламъ изъ монастыря Дабунъ, читавшихъ молитвы за избавленіе отъ оспы управляющаго *(шинъръ)* имѣніемъ министра.

Въ разстояніи одной мили отъ Шинъ донькара мы пришли въ Донькаръ, который считается первою станціей для лицъ, оффиціально ѣдущихъ изъ Лхасы [1]). Затѣмъ мы миновали Чэри, гдѣ находится городская скотобойня; сюда, какъ это ни кажется страннымъ, приходятъ кашмирцы за покупкой мяса, такъ какъ большинство изъ нихъ, живя въ Лхасѣ, настолько отступаютъ отъ магометанскихъ постановленій о способѣ убоя скота, что ѣдятъ мясо яковъ, убиваемыхъ тибетцами, даже и въ томъ случаѣ, если бы животное было лишено жизни стрѣлой или ударомъ ножа въ животъ.

Мы остановились въ Дару у подножія холма, на вершинѣ котораго расположенъ монастырь Дабунъ съ принадлежащимъ ему паркомъ, и Падоръ поспѣшно отправился искать своего пріятеля, котораго онъ очень желалъ приставить ко мнѣ для услугъ. Спустя часъ онъ явился, не найдя его,

---

1280 по 1296 г. и положившій тамъ начало династіи Юань (1280—1368). Другой лама, состоявшій при его дворѣ, извѣстенъ подъ именемъ Пакбаламы. См. выше, стр. 75 (*ред.*).

[1]) Это то, что китайцами называется *чжань*. Такія станціи расположены до смѣшного часто по большой дорогѣ между Лхасой и Китаемъ и, вѣроятно, также и въ другихъ мѣстахъ. Это устроено, якобы, для того, чтобы сдѣлать *ула* менѣе тяжелой, но я думаю, что здѣсь имѣется нѣкоторая связь съ путевымъ довольствіемъ путешествующихъ китайскихъ чиновниковъ, которое регулируется количествомъ станцій, а не пройденнымъ разстояніемъ (W. R.).

и мы отправились дальше, пройдя мимо пользующагося широкою извѣстностью храма, посвященнаго Начунъ чойчжіону (*choskyong*), гдѣ обитаетъ оракулъ, къ которому обращается правительство во всѣхъ дѣлахъ особой важности [1]). Этотъ храмъ представляетъ собой красивое зданіе, окрашенное въ темно-красный цвѣтъ; построенъ онъ въ китайскомъ стилѣ и на верхушкѣ имѣетъ позолоченный шпицъ. Въ этомъ мѣстѣ дорога приблизилась къ рѣкѣ, и передъ нами открылся весь городъ въ концѣ аллеи изъ сучковатыхъ деревьевъ; лучи заходящаго солнца освѣщали его золоченыя крыши. Это былъ великолѣпный видъ, какого я никогда не видѣлъ. Слѣва отъ насъ находилась Потала съ ея высокими зданіями и позолоченными крышами; передъ нами, окруженный зеленымъ лугомъ (*майдань*), лежалъ городъ со своими башнеподобными бѣлыми домами и китайскими постройками съ

---

[1]) Объ оракулахъ въ Тибетѣ Гомбочжабъ Цыбиковъ (loc. cit., стр. 205) сообщаетъ слѣдующее: „Культъ прорицателей или оракуловъ основанъ на культѣ такъ называемыхъ *чойчжоновъ* (*чойсруновъ*) или хранителей ученія (см. выше, стр. 106)... Чойчжоны вѣщаютъ устами прорицателей, на которыхъ нисходятъ. Нисхожденію подлежатъ чойчжоны лишь низшихъ степеней. Какъ хранителей и защитниковъ вѣры, народъ представляетъ ихъ себѣ въ видѣ страшныхъ чудовищъ съ воинскими доспѣхами. Поэтому и прорицатель передъ нисхожденіемъ на него чойчжона надѣваетъ шлемъ, беретъ въ руку пику, саблю или лукъ со стрѣлами и т. п. Смыслъ же нисхожденія заключается въ томъ, что духъ-хранитель ученія ради пользы живыхъ существъ воплощается въ избраннаго прорицателя. Такихъ духовъ-хранителей очень много, соотвѣтственно чему много и прорицателей. Старшимъ между ними является утверждаемый китайскимъ правительствомъ прорицатель Найчунъ-чойчжонъ, золотокровельный храмъ котораго со штатомъ духовенства находится на юго-востокъ отъ монастыря Брабунъ въ тѣнистомъ саду. Къ нему обращаются за предсказаніями не только простые смертные, но и все высшее духовенство до Далай-ламы включительно. Взаимное отношеніе ихъ таково: лама есть „содержатель (вмѣстилище ученія", а чойчжонъ—его „хранитель", давшій клятву въ неусыпной защитѣ религіи, за что будетъ чествоваться всѣми. Поэтому лама чествуетъ, дѣлаетъ жертвоприношеніе чойчжону, а чойчжонъ предотвращаетъ всѣ случаи, угрожающіе религіи и ея представителю, ламѣ. Они являются контролерами другъ друга и въ то же время единодушными союзниками. Въ этой роли защитника религіи чойчжоны, или, вѣрнѣе, ихъ прорицатели, играютъ громадную роль какъ въ жизни отдѣльныхъ частныхъ лицъ, такъ и монастырскихъ общинъ до верховнаго управленія Тибетомъ включительно. Вліяніе прорицателей до того велико, что съ ними приходится считаться даже Далай-ламѣ и высшимъ хутухтамъ; они стараются расположить ихъ къ себѣ". См. также Waddell, Buddhism in Tibet, p. 477 et seq. (*ред.*).

крышами изъ голубой глазированной черепицы. Длинные фестоны исписанныхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ были протянуты отъ одного зданія къ другому и развѣвались при вѣтрѣ.

За Дару дорога на нѣкоторомъ протяженіи идетъ по болоту (*дамъ-цо*), поросшему роскошной травой; по многочисленнымъ канавамъ вода сбѣгаетъ въ рѣку, а въ сѣверо-восточномъ концѣ болота мы могли видѣть знаменитый монастырь Сэра. За высокой песчаной плотиной, слѣва отъ насъ, находились паркъ и дворецъ Норбу-линга [1]), также красивая роща Кэмай-цалъ, въ которой стоитъ дворецъ Лхалу, отца послѣдняго Далай-ламы.

Въ 4 ч. пополудни мы миновали Куньдулинъ, резиденцію регента, и вошли въ городъ черезъ западныя ворота, называемыя Парго-калинъ-чортэнь. Сердце мое радостно билось, когда я достигъ цѣли своего путешествія, — пользующагося широкою извѣстностью города Лхасы, столицы Тибета.

---

[1]) Лѣтняя резиденція Далай-ламы. На планѣ Лхасы, составленномъ L. A. Waddell'емъ, обозначена нумеромъ 3 (*ред.*).

ГЛАВА VI.

Пребываніе въ Лхасѣ.

Предшествуемый Падоромъ, несшимъ свое длинное копье, и Цинъ-та, который велъ вьючную лошадь, я вошелъ въ Лхасу. Полицейскіе (*корчагпа*) [1]) замѣтили, что мы новоприбывшіе, но ничего не спросили у насъ. Моя голова опускалась отъ усталости, мои глаза были прикрыты темными очками, и красный *пагри* вокругъ головы дѣлалъ меня похожимъ на жителя Ладака. Нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ передъ китайской кондитерской, воскликнули, когда я проходилъ мимо нихъ: «Смотрите: вотъ прибылъ еще одинъ больной; оспа поразила его глаза. Городъ полонъ больныхъ. Что за страшное время для Тибета!»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ѣзды, мы подъѣхали къ Ю-тогъ замба [2]), небольшому каменному мосту съ воротами, гдѣ стоитъ караулъ во главѣ съ ламою, который разспрашиваетъ всѣхъ проходящихъ мимо о цѣли ихъ посѣщенія столицы. Къ величайшему удовольствію моихъ спутниковъ, которые были очень озабочены тѣмъ, чтобы мнѣ удалось перебраться черезъ мостъ, мы прошли черезъ него, не подвергшись опросу со стороны стражи.

Около моста я замѣтилъ *доринъ* [3]),—монолитъ, на которомъ находится

---

[1]) Я всегда слышалъ, какъ въ Тибетѣ полицейскихъ называли *са-сунъ* (*срунъ*)-*па*. Слово, употребленное нашимъ авторомъ, очевидно,—*к'оръ-чэ* (*бьедъ*)-*па*, которое можетъ быть переведено: „патруль“ (W. R.).

[2]) *Ю-тогъ замба* значитъ: „мостъ съ синей крышей“ (W. R.).

[3]) *Доринъ* (*рдо-ринъ*) значитъ: „древній камень“, или „камень древнихъ временъ“. О надписи, упомянутой здѣсь, см. Jour. Roy. As. Soc., n. s., v. XII, p. 486, v. XXIII, p. 264 (W. R.).

надпись, сдѣланная по-тибетски и по-китайски. Хотя этому монолиту уже около 1000 лѣтъ, но онъ лишь немного поврежденъ непогодой, и буквы легко разобрать. Этотъ монолитъ имѣетъ, какъ я думаю, въ высоту 8—10 футовъ; стоитъ онъ на низкомъ пьедесталѣ.

Собственно городъ начинается у моста Ю-тогъ замба. Улица по обѣимъ сторонамъ сплошь занята туземными и китайскими лавками; впереди каждой лавки находится пирамидальное сооруженіе, гдѣ колючки можжевельника и сухіе листья, получаемые изъ области Цари, сжигаются, какъ жертва богамъ. Подойдя къ улицѣ, находящейся къ югу отъ Кьилъ-к'ордина [1]), мы нашли по обѣимъ ея сторонамъ непальскія [2]) лавки въ нѣсколько этажей, а также китайскія лавки, гдѣ были выставлены для продажи шелковыя издѣлія, фарфоръ и кирпичный чай различныхъ сортовъ.

Какой-то лама провелъ насъ отъ этой улицы къ Баньчжѣ-шагу [3]), напоминавшему собою дворецъ въ три этажа; здѣсь жилъ Са-ванъ П'ала, мужъ моей покровительницы Лхачамъ.

Оставивъ меня у заднихъ воротъ, мои спутники вошли внутрь дома и поднесли шарфъ Лхачамъ, которая посовѣтовала имъ помѣстить меня въ Палчжоръ рабтанѣ [4]), зданіи, принадлежащемъ Таши-ламѣ, гдѣ останавливаются всѣ чиновники и монахи изъ Ташилхуньпо во время пребыванія въ Лхасѣ, и гдѣ мы можемъ найти и для себя помѣщеніе.

Ворота Палчжоръ рабтаня имѣли около 8—9 футовъ въ вышину и около 5 ф. въ ширину, а съ притолковъ свѣшивалась бахрома, шириною около полуторы футовъ [5]). Два крѣпкихъ шеста, высотою въ 20—25 фу-

---

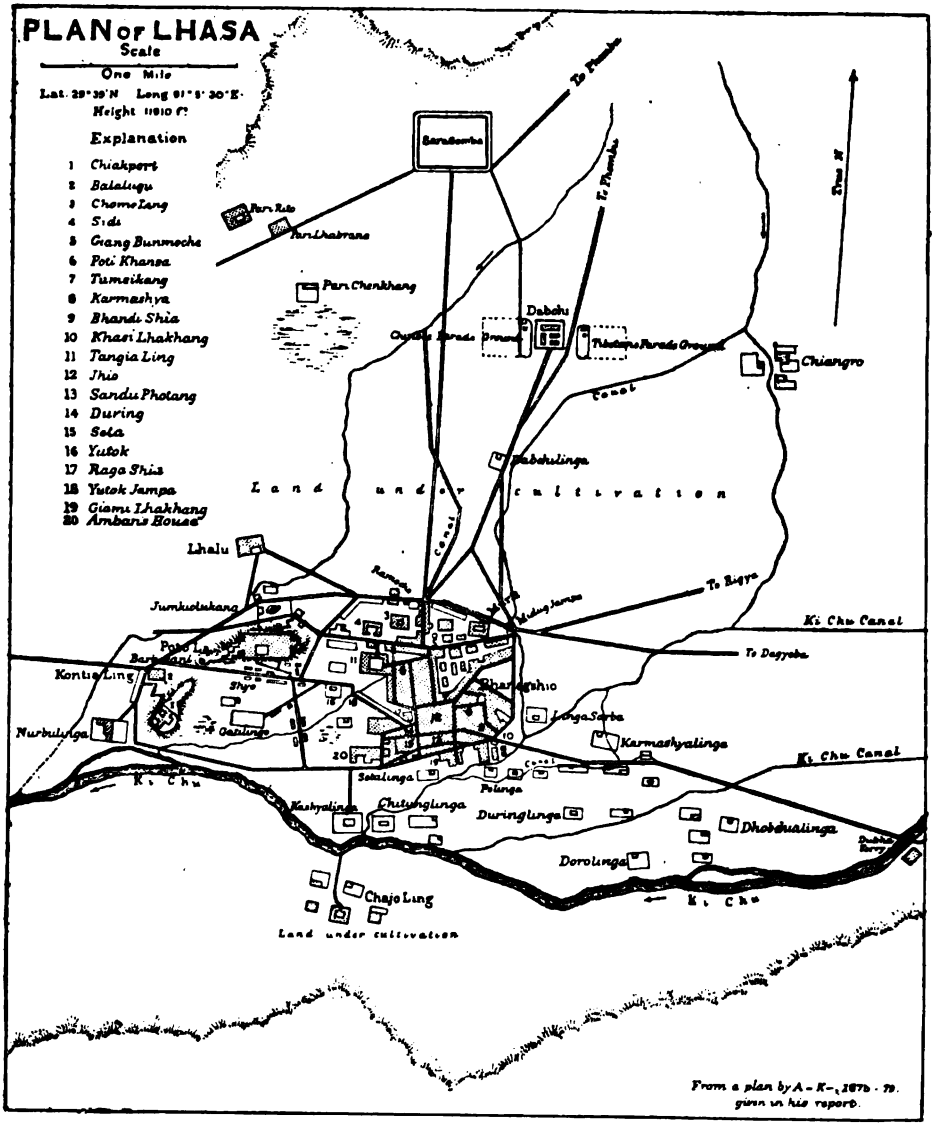
[1]) *Кьилъ-к'ординъ* болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Чо* или *Чжо-к'анъ* или же *Чжо-во-к'анъ*. A—k называетъ его Jhio (W. R.).

[2]) A—k говоритъ, что, кромѣ китайцевъ и непальцевъ, въ Лхасѣ торгуютъ еще купцы изъ Кашмира и Азимабада (Патна). „Report on the Explorations", p. 32 (*ред.*).

[3]) На планѣ Лхасы Waddell'я подъ нумеромъ 57 (*ред.*).

[4]) На планѣ Waddell'я № 80 (*ред.*).

[5]) Эта бахрома состоитъ изъ бумажныхъ полосъ, на которыхъ напечатаны заклинанія (*мантры*). Обыкновенно средину полосъ занимаетъ изображеніе лошади. Тибетцы называютъ эти полосы *лунъ-та*, т. е. «вѣтряная лошадь». E. Shlagintweit, Buddhism in Tibet, стр. 253 и листъ XI. „Исписанныя знамена" принадлежатъ къ тому же разряду предметовъ и также содержатъ молитвы и выдержки изъ священныхъ книгъ. Georgi, Alph. Tibet. p. 509, говоритъ, что шесты съ флагами называются *тарпо-чэ* (*таръ-пайшинъ*?)—„Arbor salutaris, depulsoria mali". См. также Waddell, op. cit., p. 468, и выше, стр. 35 (*ред.*).



Планъ, составленный пундитомъ A—k въ 1876—79 гг.

товъ, съ навѣшенными на нихъ исписанными знаменами, стояли по обѣимъ сторонамъ воротъ. Поднявшись по крутой лѣстницѣ, мы взошли на веранду; напротивъ нея находился красивый муравленый домъ,—жилище *кʼанъ-нѣра* («домохозяинъ»), который тотчасъ отвелъ намъ комнату и велѣлъ какой-то старухѣ приготовить для насъ чай и пиво. Изъ окна своей комнаты мы могли видѣть рощу (*дамра*) изъ тополей и ивъ на болотистомъ участкѣ земли, прилегающемъ къ монастырю Таньчжѣ-линъ, а далѣе, на западѣ, сіяли высокіе позолоченные шпицы Поталы.

31-го мая.

Сильный ливень, шедшій прошлою ночью, освѣжилъ атмосферу, и позолоченные кровли и шпицы зданій блистали при лучахъ утренняго солнца, наполняя меня пріятнымъ чувствомъ. Я сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть всѣ памятники, о которыхъ мечталъ такъ много лѣтъ и которые теперь были передо мною. Въ 7 часовъ Падоръ принесъ мнѣ котелокъ съ чаемъ, приготовленнымъ въ домѣ водоноса; но, вмѣсто масла, при его приготовленіи былъ употребленъ жиръ, и я не могъ выпить даже одного глотка такого чаю [1]). Вскорѣ однако намъ удалось самимъ приготовить чай въ нашей комнатѣ. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ Цинъ-та и принесъ съ собою пару шерстяныхъ одѣялъ, двѣ подушки и два маленькихъ столика, которые онъ взялъ въ Баньчжѣ-шагѣ. Онъ также передалъ мнѣ приглашеніе Лхачамъ посѣтить ее послѣ пополудня.

Побрившись и надѣвъ свой костюмъ ламы и очки, мы отправились въ Баньчжѣ-шагъ, находившійся приблизительно въ милѣ отъ нашей квартиры. Большая часть магазиновъ, которые мы видѣли по пути, содержались кашмирцами, непальцами и китайцами; тибетскихъ магазиновъ было мало, и притомъ всѣ они были плохо обставлены.

Баньчжѣ-шагъ представляетъ собою высокое каменное зданіе съ плоскою крышей и съ двумя большими воротами. Нижній этажъ предназначенъ подъ кладовыя и помѣщенія для *амла*, т. е. «служащихъ» въ имѣніяхъ П'алы. Балки, карнизы и оконныя рамы были окрашены въ красный цвѣтъ; въ немногія окна были вставлены небольшіе куски стекла, большая же часть ихъ была заклеена бумагой [2]).

---

[1]) У тибетцевъ бараній жиръ обыкновенно замѣняетъ масло при приготовленіи чая и часто даже предпочитается маслу (W. R.).

[2]) По словамъ г. Цыбикова (op. cit., стр. 201), домовъ частныхъ владѣльцевъ въ Лхасѣ имѣется очень немного, и они расположены преиму-

Поднявшись во второй этажъ, я былъ весьма любезно встрѣченъ служанками (*шэтама*) Лхачамъ, которыя настояли на томъ, чтобы я выпилъ 1—2 чашки чаю, послѣ чего они повели меня въ комнату своей госпожи, гдѣ, снявъ свою шляпу, я поднесъ Лхачамъ визитный шарфъ (*чжадаръ*) и кусочекъ золота, вѣсомъ около 1 *цзо* [1]). Сдѣлавъ знакъ одной изъ своихъ служанокъ, чтобы послѣдняя отдарила меня шарфомъ, Лхачамъ любезно привѣтствовала меня словами: «Добро пожаловать, г. Пундитъ» (*чягъ-пэбъ нанъ-чигъ, Пуньдибъ-ла*), и предложила мнѣ сѣсть (*Пуньдибъ-ла, шу данъ шагъ, шу данъ шагъ*). Поговоривъ съ нею о моей недавней болѣзни и разсказавъ ей о добротѣ Дорчжэ П'агио, которой я былъ обязанъ жизнью, я простился съ Лхачамъ и вернулся домой.

1-го іюня.

Сегодня одинъ изъ самыхъ священныхъ дней въ году, *сага дава* [2]), день отшествія въ нирвану Будды. На вершинахъ всѣхъ холмовъ, въ каждомъ святилищѣ, часовнѣ, монастырѣ и во всѣхъ вообще домахъ какъ въ Лхасѣ, такъ и близъ нея возжигались куренія. Мужчины, женщины и дѣти спѣшили въ священный храмъ Кьилъ-к'орднъ (или Чжо-к'анъ, какъ его обыкновенно называютъ), чтобы сдѣлать *пучжа* передъ Чжо-во (повелитель Будда) и получить его благословеніе. Всѣ несли съ собою пучки курительныхъ свѣчей, чашки съ масломъ и шарфы разной величины и различнаго качества. Мои товарищи по квартирѣ также собрались вмѣстѣ съ другими; они зашли по пути ко мнѣ, и вскорѣ всѣ мы присоединились къ толпѣ.

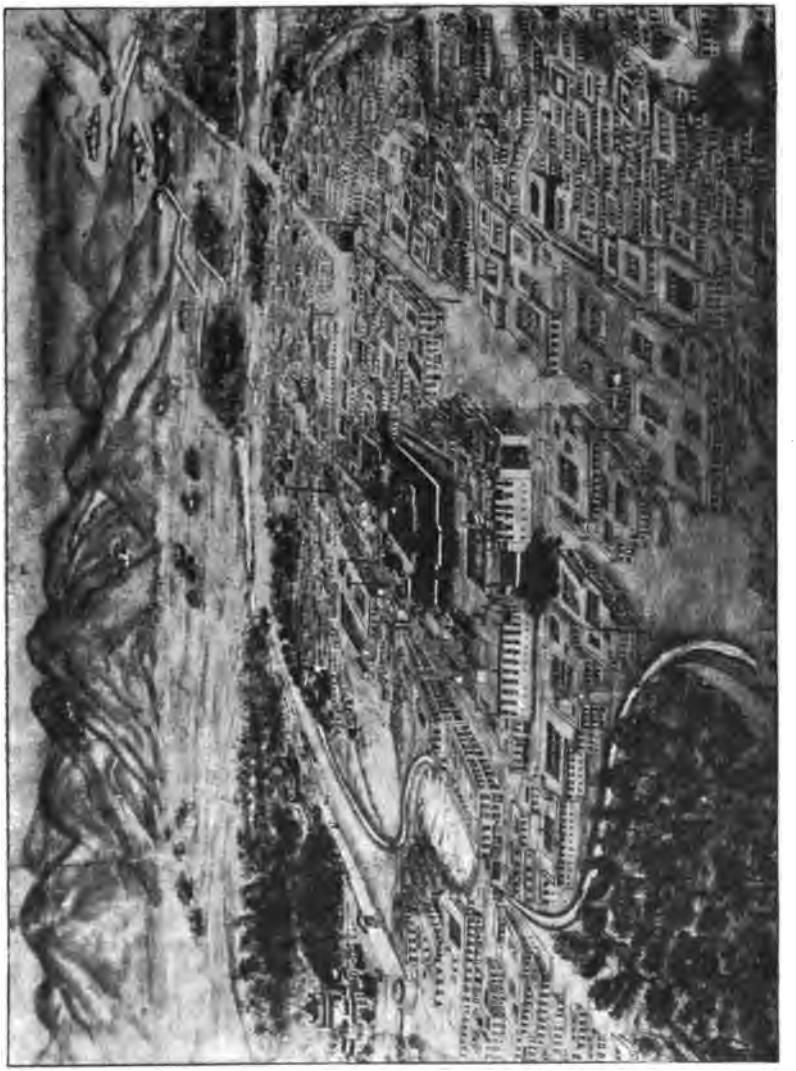
Со стороны фасада Чжо-к'ана тянется широкая улица; у его западной

щественно на окраинахъ. Кромѣ того, здѣсь находятся дворцы (*линъ*) знатныхъ хутухтъ-перерожденцевъ, занимавшихъ должность тибетскихъ хановъ. Эти дворцы составляютъ наилучшія зданія города и, содержа извѣстный штатъ учениковъ этихъ ламъ, превратились какъ бы въ небольшіе монастыри. Ихъ въ чертѣ города четыре (Данчжай, Цэмо, Мэри и Шидэ). Затѣмъ каждый изъ родовитыхъ сановниковъ имѣетъ свой наслѣдственный домъ. Всѣ же остальные дома принадлежатъ либо центральной казнѣ Лхасы, либо разнымъ общинамъ окрестныхъ монастырей (*ред.*).

[1]) *Цзо* (по-китайски *цянь*) составляетъ $^1/_{10}$ часть унціи (*сранъ, ланъ*) или около $^2/_3$ рупіи по вѣсу. Въ Индіи цзо соотвѣтствуетъ *тола* (W. R.).

[2]) Смерть Будды, какъ говорятъ, произошла 15-го числа четвертаго мѣсяца, который только иногда совпадаетъ съ нашимъ 1 іюня (W. R.) въ виду того, что въ Тибетѣ такъ же, какъ и во всемъ Китаѣ, принятъ лунный календарь (*ред.*).

стороны оканчивается дорога, которая идетъ отъ воротъ Парго-калинъ [1]). У западной же стороны храма находится высокій тополь, выросшій, какъ



Общій видъ Лхасы.

говорятъ, изъ волосъ Будды. Возлѣ него находится древняя каменная плита, воздвигнутая тибетцами въ IX вѣкѣ въ воспоминаніе ихъ побѣды надъ

[1]) На планѣ Waddell'я № 90. (*ред.*).

*

китайцами, и дающая текстъ того трактата, который былъ заключенъ тогда между китайскимъ императоромъ и царемъ Ралпачань [1]).

Все мое вниманіе поглотилъ однако великолѣпный храмъ [2]). Передъ нимъ находится высокій шестъ для флаговъ, у основанія котораго висятъ два яковыхъ хвоста и много роговъ яковъ и овецъ, а также имѣются надписи. Въ пропилеѣ главнаго святилища (*Данъ-к'анъ*), массивныя деревянныя колонны котораго имѣютъ отъ 3 до 4 футовъ въ окружности и около 12 ф. въ вышину, свыше 100 монаховъ клали земные поклоны передъ изображеніемъ Чжо-во, находящимся на престолѣ и обращеннымъ лицомъ къ западу. Это знаменитое изображеніе Будды, извѣстное подъ именемъ Чжо-во риньпочэ, было, какъ говорятъ, сдѣлано въ Магад'ѣ еще при жизни великаго учителя [3]). Думаютъ, что это изображеніе сдѣлалъ скульпторъ Висвакарма, подъ руководствомъ бога Индры, изъ смѣси «пяти драгоцѣнныхъ веществъ»: золота, серебра, цинка, желѣза и мѣди, а также «пяти дра-

---

[1]) „Съ внѣшней стороны воротъ Чжо-к'ана находится каменный столбъ въ плачевномъ состояніи: это плита, содержащая союзный договоръ Танскаго императора Дэ-цзунъ съ его племянникомъ. По другую сторону столба находятся старыя ивы, дряхлые стволы которыхъ согнуты и скрючены, какъ извивающійся драконъ. Говорятъ, что онѣ относятся къ эпохѣ династіи Танъ". Jour. Roy. As. Soc., n. s., v. XXIII, p. 264. Эта надпись относится къ 783 г. по Р. Хр. (W. R.).

[2]) Этотъ знаменитый храмъ очень подробно и точно описанъ у Георги, op. cit., p. 406, гдѣ помѣщенъ также и планъ храма. Георги называетъ его Lahpranga Lhassensi. Его описаніе вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ нашего автора и представляетъ большой интересъ, такъ какъ тамъ указывается аналогія въ архитектурѣ этого храма и христіанскихъ церквей (W. R.).

По словамъ Г. Цыбикова (loc. cit., стр. 200), этотъ храмъ помѣщается въ центрѣ города. Онъ представляетъ собою „квадратный домъ-колодезь около 20 саженей по сторонѣ, въ 3 этажа, съ 4 золочеными крышами китайскаго стиля и съ дверью-воротами, обращенными на западъ. Всѣ этажи этого храма съ глухими наружными стѣнами раздѣлены на множество темныхъ, освѣщаемыхъ свѣтильниками комнатъ, въ каждой изъ коихъ стоятъ различныя статуи буддъ. Въ средней комнатѣ у восточной стѣны находится главный объектъ поклоненій, статуя Будды Сакьямуни, подъ роскошнымъ балдахиномъ-бесѣдкою. Передъ нею на длинныхъ скамейкахъ-столикахъ постоянно горятъ свѣтильники со скотскимъ топленымъ масломъ въ золотыхъ лампадахъ, подношеніяхъ поклонниковъ. Ко двору храма сдѣланы пристройки, образующія еще два двора, въ которыхъ происходятъ собранія духовенства окрестныхъ монастырей" (*ред.*).

[3]) См. I. J. Schmidt, „Geschichte der Ost-Mongolen von Ssanang Ssetsen", s. 15.

гоцѣнныхъ небесныхъ веществъ», вѣроятно, алмаза, рубина, лапись-лазури, изумруда и indranila. Согласно легендѣ, эта статуя была прислана изъ Индіи въ столицу Китая въ благодарность за помощь, оказанную императоромъ царю Магад'ы противъ язановъ съ запада. Когда принцесса Конъчжо, дочь императора Тай-цзуна, была выдана замужъ за царя Тибета, она привезла съ собою въ Лхасу, какъ часть приданаго, и эту статую [1]).

Описываемая статуя изящно сдѣлана и изображаетъ собою молодого прекраснаго принца въ натуральную величину. Корона на его головѣ составляетъ даръ великаго реформатора Цонк'апы. Кунѣръ говорилъ, что изображеніе представляетъ Будду въ 12-лѣтнемъ возрастѣ; этимъ объясняется, что онъ изображенъ одѣтымъ въ костюмъ царевича и отличается отъ его изображеній, находящихся въ другихъ мѣстахъ [2]).

По четыремъ сторонамъ статуи находятся позолоченныя колонны съ дра-

---

[1]) Согласно сказаніямъ тибетскихъ историковъ, упоминаемая авторомъ принцесса (или *гунъ-чжу*, по имени Цзинь-чэнъ), жена царя Сронъ-цаньгамбо, ввела въ Тибетѣ, между прочимъ, искусство выдѣлки глиняной посуды, мельницы, ткацкій станокъ и др. Emil Schlagintweit, „Die Könige von Tibet", s. 49. Китайскіе авторы приписываютъ также ея вліянію введеніе въ употребленіе тисковъ для выжимки винограда, бумаги, чернилъ, китайскаго календаря и шелковичнаго червя. Эта принцесса не была дочерью императора Тай-цзуна, хотя и принадлежала къ его семьѣ. Очевидно, она ѣхала изъ Китая въ Лхасу по Синнинской дорогѣ, которая проходитъ мимо истоковъ Желтой рѣки (W. R.). См. также Köppen, Die Religion des Buddha, II, s. 62—64 (*ред.*).

[2]) По словамъ Г. Цыбикова, эта статуя, сдѣланная изъ бронзы, отличается отъ общеизвѣстныхъ изображеній Будды Шакьямуни „своими головными и грудными украшеніями изъ кованаго золота со вставкою различныхъ драгоцѣнныхъ камней съ преобладаніемъ бирюзы, изготовленными и надѣтыми на нее... Цзонхавой. Лицо этой статуи со временъ того же Цзонхавы красится благочестивыми поклонниками золотымъ порошкомъ, разведеннымъ на жидкомъ клеѣ". Эта статуя у нашихъ калмыковъ (см. Базабакши, op. cit., стр. 203) носитъ названіе „Большого Цзу" въ отличіе отъ меньшей статуи того же Будды Шакьямуни, называемой „Малымъ Цзу" и находящейся въ храмѣ Рамочэ, описанномъ ниже. Этимъ двумъ статуямъ, по замѣчанію База-бакши, даютъ названіе „двухъ Цзу"; въ старинныя времена, когда помимо крышъ храмовъ, гдѣ находятся оба Цзу, не было другихъ зданій съ золотыми крышами, и вошло въ молву прозвище „цзускихъ золотыхъ крышъ". Весь Тибетъ у калмыковъ также носитъ названіе страны Цзу или, точнѣе, по ихъ произношенію, Зу. Относительно различныхъ почитаемыхъ изображеній Будды см. „The Land of the Lamas", стр. 105, прим. 2 (W. R.)—(*ред.*).

конами, обвившимися вокругъ нихъ; эти колонны поддерживаютъ балдахинъ. По одну сторону статуи Будды находится изображеніе Майтреи, а по другую — Будды Дипанкара [1]). Позади послѣдняго изображенія находится еще статуя Будды Ганъ-чань-вочжялъ, а вправо и влѣво отъ нея статуи 12 главныхъ учениковъ Будды. Намъ показали также изображеніе великаго реформатора Цонк'апы, около котораго находится знаменитая скала, подъ названіемъ Амолонька, открытая Цонк'апою [2]). На этой скалѣ находится колокольчикъ съ драгоцѣннымъ камнемъ въ ручкѣ; этотъ колокольчикъ, какъ думаютъ, употреблялъ Маудгальяяна, главный ученикъ Будды.

Послѣ изображенія Будды другимъ весьма извѣстнымъ изображеніемъ въ описываемомъ святилищѣ является одиннадцатиликое изображеніе Авалокитешвары (Шэньрэзигъ чу-чигъ цзалъ). Говорятъ, что однажды царь Сронъ-цань-гамбо услышалъ голосъ, говорившій, что, если онъ сдѣлаетъ изображеніе Шэньрэзига въ натуральную величину, всѣ желанія царя будутъ исполнены; поэтому онъ сдѣлалъ указанную статую, въ составъ которой вошли вѣтка священнаго дерева Бо [3]), немного земли съ острова великаго океана, немного песку съ берега рѣки Найранчжана [4]), частица сандальнаго дерева *госирша*, немного земли изъ восьми священныхъ мѣстъ Индіи и много другихъ цѣнныхъ и рѣдкихъ предметовъ. Все это было сначала превращено въ порошокъ, а затѣмъ смочено молокомъ красной коровы и козы и превращено въ мягкую массу, изъ которой и сдѣлана статуя. Для того же, чтобы придать ей особую святость, царь вложилъ въ средину статуи сандальное изображеніе божества, привезенное съ острова Цейлона. Эта статуя Шэньрэзига извѣстна также подъ именемъ «пяти самозданныхъ» *(нья-ранъ-чюнъ)*, такъ какъ непальскій скульпторъ, дѣлавшій ее, заявилъ, что скорѣе она сама приняла свой настоящій видъ, нежели была слѣплена имъ. Кромѣ того, разсказываютъ, что душа царя Сронъ-цань-

---

[1]) *Майтрея* (по-тибетски *Чямба*)—будущій Будда (см. стр. 74). *Дипанкара* (*Mar-me-dzad*)—первый изъ являвшихся въ міръ Буддъ. Относительно числа послѣднихъ существуютъ разныя мнѣнія: сѣверные буддисты насчитываютъ 4, 7 и рѣже 9, цейлонскіе—25 (*ред.*).

[2]) Нашъ авторъ говоритъ объ этой скалѣ: „ископаемая скала... открытая въ скалистой пещерѣ въ Тибетѣ". Я ничего не могу сказать объ этой реликвіи (W. R.).

[3]) См. выше, стр. 120 (*ред.*).

[4]) Рѣка Магад'ы, извѣстная въ ранней исторіи буддизма; въ этой рѣкѣ, какъ говорятъ, купался Будда послѣ того, какъ достигъ всезнанія (W. R.).

гамбо и его супруга были поглощены статуею. Эта послѣдняя занимаетъ сѣверную часовню въ храмѣ и окружена статуями многихъ боговъ и богинь.

Во внѣшнемъ дворѣ святилища находится цѣлый рядъ статуй, среди которыхъ имѣются статуи царя Сронъ-цань-гамбо и другихъ святыхъ и пундитовъ. Въ портикѣ Цанъ-к'ана находятся статуи Буддъ прошедшаго, настоящаго и будущаго временъ. Намъ показали безчисленное множество другихъ весьма интересныхъ изображеній и подношеній, среди которыхъ можно упомянуть 108 лампадъ, сдѣланныхъ изъ камня, по указанію Цонк'апы.

Изъ другихъ предметовъ, заслуживающихъ вниманія, намъ показали каменную глыбу *(падма пунъ-па)*, на которой обыкновенно сидѣли послѣ купанья царь Сронъ-цань-гамбо и его жены, а равно статую Цонк'апы въ натуральную величину, окруженную изображеніями боговъ, святыхъ и добродѣтельныхъ людей. Въ комнатѣ, гдѣ находятся эти изображенія и которая загорожена проволочной рѣшеткой, находится также знаменитая статуя бога Чягъ-на дорчжэ (Вачжрапани). Когда царь-иконоборецъ Ландарма [1]) началъ преслѣдовать буддизмъ, онъ велѣлъ уничтожить эту статью. Слуга, привязавшій къ ея шеѣ веревку, чтобы стащить статую, внезапно потерялъ разсудокъ и умеръ, извергая кровь; статуя же осталась на томъ же мѣстѣ.

Во внѣшнемъ дворѣ *(к'ямра)* [2]) находится статуя бога Тово Мэ-цигъ-па [3]), силою котораго была уничтожена китайская армія, напавшая на Тибетъ во время войны, которая произошла послѣ смерти царя Сронъ-цань-гамбо. Вблизи этого изображенія находятся статуи этого царя и его двухъ супругъ, а также нѣсколько огромныхъ роговъ яковъ. Объ этихъ рогахъ лю-

---

[1]) Этотъ царь правилъ въ Тибетѣ въ концѣ IX в. по Р. Хр. Онъ являлся горячимъ послѣдователемъ религіи боньбо. Онъ былъ убитъ въ 900 г. ламою, который переряднлся съ тѣмъ, чтобы подойти къ царю, и пустился передъ нимъ въ паясничество и танцы. Убійство царя празднуется танцами, участники которыхъ одѣваются въ костюмы, похожіе на одѣяніе убійцы иконоборца. См. выше, стр. 149 (S. C. D..

[2]) Вѣроятно, *чъи* (*п'ъи*)—„внѣ" и *рава*—„огороженное мѣсто" (W. R.).

[3]) Я полагаю, что это имя значитъ: „безчисленныя существа, полчища существъ (*чро-во*), вмѣщающій рать въ себѣ". Титулъ *то-во* или „гнѣвный" дается цѣлому ряду божествъ-защитниковъ (или *Chos-gyong*). (W. R.). О гнѣвныхъ или грозныхъ божествахъ (по-монгольски *докшитъ*) см. Grünwedel, Mythologie des Buddhismus, s. 164—172, и А. Позднѣевъ, Ургинскіе хутухты, Историческій очеркъ ихъ прошлаго и современнаго быта, стр. 51—63 (*ред.*).

бопытнымъ пилигримамъ разсказывается слугами храма (*кунѣръ*) слѣдующій анекдотъ.

Ра-чунъ-па, ученикъ великаго святого Миларапы [1]), ѣздилъ въ Индію, гдѣ подъ руководствомъ самыхъ свѣдущихъ учителей изучилъ всѣ тайны вѣры и, гордый своими познаніями, возвратился въ Тибетъ. Однажды онъ отправился въ Лхасу вмѣстѣ со своимъ учителемъ. Когда они достигли средины пустыни, называющейся Палмой палтанъ, Миларапа, зная о высокомѣріи своего ученика и желая дать ему урокъ, приказалъ принести два лежавшихъ неподалеку отъ нихъ яковыхъ рога. Но Ра-чунъ-па подумалъ: «Учителю нужно все, что онъ только ни увидитъ. Иногда онъ бываетъ раздражителенъ, какъ старый песъ, а иной разъ полонъ капризовъ, какъ старикъ, впавшій въ дѣтство. Для чего ему понадобились рога? Вѣдь онъ не можетъ употребить ихъ для пищи, питья или одежды?» Затѣмъ онъ спросилъ мудреца, что тотъ хочетъ сдѣлать съ рогами. «Хотя», возразилъ Миларапа, «и нельзя сказать, что произойдетъ, однако эти рога теперь или въ другое время навѣрное понадобятся», и онъ поднялъ ихъ самъ и понесъ съ собою.

Спустя нѣкоторое время путешественниковъ застигла сильная буря съ градомъ, и кругомъ не было даже мышьей норы, куда имъ можно было укрыться. Ра-чунъ-па покрылъ свою голову мантіей и сѣлъ на землю въ ожиданіи окончанія бури. Когда онъ посмотрѣлъ, гдѣ лама, то не нашелъ его нигдѣ, но онъ услышалъ его голосъ и, еще разъ оглянувшись вокругъ, увидѣлъ, что Миларапа сидитъ внутри одного изъ роговъ. «Если сынъ таковъ же, какъ и его отецъ», сказалъ святой: «то пусть онъ сядетъ также въ середину другого рога»; однако рогъ былъ такъ малъ, что не могъ вмѣстить въ себѣ даже шляпы Ра-чунъ-па. Тогда Миларапа вышелъ изъ своего убѣжища, а Ра-чунъ-па принесъ оба рога въ Лхасу и пожертвовалъ ихъ Чжо-во [2]).

Посѣтивъ весь нижній этажъ, мы поднялись во второй и третій, гдѣ

---

[1]) Странствующій лама и святой, жившій въ южномъ Тибетѣ въ XI вѣкѣ; онъ училъ притчами и пѣснями, многія изъ которыхъ имѣютъ большое литературное значеніе. Два главныхъ сочиненія, приписываемыхъ ему, представляютъ автобіографію или *намтаръ* и собраніе трактатовъ, называемое *Лу-бумъ*, т. е. „миріады пѣсенъ". Эти сочиненія принадлежатъ и по настоящее время къ числу наиболѣе популярныхъ книгъ въ Тибетѣ. См. Nineteenth Century, October, 1899, pp. 613—632. (W. R.).

[2]) Хотя у меня нѣтъ экземпляра Лу-бума Миларапы, но я увѣренъ, что этотъ анекдотъ взятъ оттуда (W. R.).

намъ показали еще много изображеній, между которыми я замѣтилъ статую Палдань-лхамо [1]).

Пока мы осматривали изображенія, у насъ истощился весь запасъ масла, такъ какъ Падоръ наливалъ его понемногу во всѣ лампы, которыя горѣли въ этотъ день въ часовняхъ. Лампады, висѣвшія передъ изображеніемъ Чжо-во, были золотыя, и каждая, вѣроятно, вмѣщала въ себѣ 10—12 фунтовъ масла.

Когда я вернулся въ свое помѣщеніе, я былъ совершенно утомленъ и остатокъ дня провелъ частью въ своей комнатѣ, частью на крышѣ дома, откуда открывался всегда чаровавшій меня видъ, въ особенности когда лучи заходящаго солнца ярко озаряли позолоченныя кровли храмовъ и дворцовъ.

Я былъ очень обезпокоенъ, услыхавъ отъ Цинъ-та, что въ городѣ свирѣпствуетъ оспа, и что даже нашъ хозяинъ, его жена и дѣти больны, и вообще нѣтъ ни одного дома по сосѣдству, въ которомъ не оказалось бы больныхъ оспой.

На слѣдующее утро, 2 іюня, послѣ ранняго завтрака я отправился посмотрѣть знаменитое святилище Рамочэ [2]), неся съ собою, какъ и наканунѣ, пучекъ курительныхъ свѣчей, масло и шарфы. Мы сначала шли по отвратительно грязной дорожкѣ, гдѣ груды мусора издавали самый убійственный запахъ; затѣмъ, повернувъ на сѣверъ, мы пересѣкли дорогу, ведущую къ Поталѣ, въ сѣверо-западной части Томсэ-гана, какъ обыкновенно называютъ Кьилъ-к'ординскую площадь, и прошли мимо высокаго чортэня Ванъ-ду, который былъ построенъ съ цѣлью подчинить владычеству (*ванъ*—«могущество», *ду*—«покорять») Тибета всѣ сосѣдніе народы. Это мѣсто носитъ еще названіе Чжя-бумъ-ганъ, такъ какъ, по разсказамъ, однажды въ царствованіе династіи Минъ въ Китаѣ [3]) 100.000 китайцевъ (*чжя-бумъ*) стояли лагеремъ (*ганъ*) на равнинѣ къ сѣверу отъ этого чортэня. Другія преданія объясняютъ это имя иначе: они гласятъ, что во время войны съ Китаемъ послѣ смерти царя Сронъ-цань-гамбо 100.000 китайцевъ были убиты на этомъ мѣстѣ въ сраженіи [4]).

---

[1]) Описаніе богини Палдань-лхамо дается авторомъ ниже, стр. 205 (*ред.*).

[2]) *Рамочэ*—„большое огороженное мѣсто"; по всей вѣроятности, этимъ именемъ первоначально называлось мѣсто, на которомъ былъ воздвигнутъ извѣстный храмъ (W. R.).

[3]) Династія Минъ правила въ Китаѣ съ 1368 по 1644 г. по Р. Хр. (*ред.*).

[4]) A—k (op. cit., p. 33) также упоминаетъ объ этомъ чортэнѣ, который онъ называетъ Giang Bimmoche: «Воздвигнутъ въ честь тибетскаго героя, который, говорятъ, убилъ 100,000 враговъ (китайцевъ) на этомъ мѣстѣ» (W. R.).

Видъ Лхасы съ сѣвера (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

Пройдя около ста шаговъ дальше, мы достигли воротъ Рамочэ, знаменитаго храма, воздвигнутаго извѣстною принцессою Конъ-чжо [1]), дочерью императора Тай-цзуна и женою царя Сронъ-цань-гамбо. Это зданіе съ плоскою крышею, въ три этажа, съ обширнымъ портикомъ. На фронтонѣ зданія можно видѣть очень древнюю надпись на китайскомъ языкѣ, излагающую, по всей вѣроятности, исторію постройки храма. Статуя Микіодъ-дорчжэ (Вачжра Акшоб'ія), принесенная его второю женою, непальской принцессой, несомнѣнно, весьма древняя, хотя лицо этой статуи и позолочено.

Въ сѣверномъ преддверіи находятся груды принадлежностей культа: щиты, копья, барабаны, стрѣлы, мечи и трубы, а въ комнатѣ, находящейся влѣво отъ входа и закрытой желѣзною рѣшеткой, находится нѣсколько священныхъ статуй. За исключеніемъ очень маленькаго позолоченнаго купола въ китайскомъ стилѣ, я не видалъ здѣсь болѣе ничего такого, что бы указывало на этотъ родъ архитектуры, и, говоря вообще, Рамочэ оказался совершенно не соотвѣтствующимъ тому представленію, которое я объ немъ имѣлъ [2]).

Въ Рамочэ службу совершаютъ монахи (*сэркэмпа*), и нѣсколько человѣкъ ихъ живутъ вмѣстѣ съ кунѣромъ въ верхнихъ этажахъ храма.

Когда мы вышли изъ святилища насъ встрѣтила цѣлая толпа пѣвцовъ-нищихъ, которые провожали насъ до самаго дома, требуя *солра*, т. е. милостыни; наконецъ мы отдѣлались отъ нихъ, давъ *карма* (приблизительно въ 2 анны). Если бы мы дали имъ больше, то насъ стали бы преслѣдовать другія партіи этихъ надоѣдливыхъ людей.

3-го іюня.

Сегодня ко мнѣ пришелъ лама изъ провинціи К'амъ, котораго я встрѣтилъ въ Ташилхуньпо. Онъ сказалъ мнѣ, что ожидаетъ 9 вьюковъ серебра изъ Ташилхуньпо, по прибытіи которыхъ онъ отправится въ Западный Китай и вернется въ Лхасу въ мартѣ или апрѣлѣ будущаго года. Въ Таши-

---

[1]) Говорятъ, что Конъ-чжо погребена въ этомъ храмѣ (W. R.).

[2]) Georgi, Alphabetum Tibetanum, p. 212, говоритъ: „Magiae doctores Nga Ramba dicti, diabolicae hujus sapientiae mysteriis initiantur. Magica laurea solemniter ornantur in duobus Lhassae Coenobiis Ramoie Chintopa et Moru Chinpa nuncupatis... Oracula sunt tum publica tum domestica, quae Populi, quae Cives, quae sacri ac profani Magistratus adeant responsa capturi" (W. R.).

Въ этомъ храмѣ, какъ сказано выше, стр. 197, находится малая статуя Чжо-во Будды. Какъ храмъ, такъ и статуя своими размѣрами и украшеніями уступаетъ Чжо-к'наскимъ (*ред.*).

лхуньпо я слышалъ, что у него есть караванъ въ 700 муловъ, и что онъ занимается торговлей между Дарчэндо [1]) и Лхасой. Этотъ Помдаскій [2]) лама— человѣкъ огромнаго роста, болѣе 6 футовъ; онъ хорошо сложенъ и очень силенъ; его прекрасно знаютъ всѣ разбойники, изъ которыхъ ни одинъ не смѣетъ тронуть его. Мое дальнѣйшее знакомство съ нимъ укрѣпило меня въ мнѣніи, составленномъ мною о к'амба. Хотя они и дики, но могутъ быть самоотверженными друзьями и, разъ кто изъ нихъ сошелся близко съ другимъ, онъ останется вѣрнымъ ему до конца.

Сегодня я слышалъ слѣдующій разсказъ о регентѣ Цом-олинѣ и его соціальныхъ реформахъ [3]).

Однажды въ Лхасу прибылъ лама-пилигримъ изъ Цони въ Амдо [4]) и былъ допущенъ въ монастырь Сэра, гдѣ занимался подъ руководствомъ ученаго монгольскаго ламы. Черезъ нѣсколько лѣтъ учитель амдоскаго ламы возвратился домой и, разставаясь со своимъ ученикомъ, оставилъ ему два глиняныхъ горшка, шарфъ и мѣшокъ ячменя,—самыя, какъ онъ говорилъ, цѣнныя вещи, какія только были у него. Ученикъ, недовольный такими подарками, понесъ горшки на рынокъ и продалъ ихъ за полъ-таньки. На эти деньги онъ купилъ масла и налилъ его въ лампаду, горѣвшую передъ статуей Чжо-во, прося его дать ему возможность реформировать соціальные обычаи страны въ случаѣ, если онъ когда-либо сдѣлается регентомъ Тибета.

Съ теченіемъ времени онъ добился того, что сталъ учителемъ въ своей обители; затѣмъ онъ сдѣлался ея настоятелемъ (*к'аньпо*) и, наконецъ, достигъ званія регента. Первымъ изъ его административныхъ дѣйствій было изгнаніе всѣхъ публичныхъ женщинъ изъ Лхасы и распоряженіе, чтобы всѣ женщины покрывали свои лица особою мазью, которая бы скрывала ихъ красоту отъ взоровъ публики [5]). Кромѣ того, онъ приказалъ, чтобы

---

[1]) Дарчэндо или Да-цзянь-лу находится на границѣ Тибета съ провинціею Сы-чуань (W. R.).

[2]) Помда—повидимому, Пундэ, небольшая почтовая станція въ двухъ дняхъ пути отъ Чямдо, къ юго-востоку отъ этого города. Китайцы называютъ его Бао-дунь. См. мой «Diary of a Journey», p. 316 (W. R.).

[3]) Этотъ разсказъ помѣщенъ также въ отчетѣ Учжѣнь-чжацо объ его изслѣдованіяхъ (Report on Explorations from 1856 to 1886, p. 31) (W. R.).

[4]) Амдо—это та часть западной пограничной территоріи китайскихъ провинцій Гань-су и Сы-чуань, которая занята тибетскими племенами (W. R.) и отчасти монгольскими (*ред.*).

[5]) Ср. Huc, „Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet", v. II, p. 258; „Land of the Lamas", p. 214 (W. R.).

женщины носили браслеты, сдѣланные изъ раковинъ, на правой кисти руки, чтобы ихъ можно было брать за этотъ браслетъ при арестѣ. Съ этого же времени женщины носятъ передники (*панъ-дэнь*) и головные уборы (*патугъ*) нынѣшней формы. Головные уборы стараго фасона носятъ теперь только жены (лхачамъ) шапэ (министровъ).

Этотъ регентъ былъ первымъ изъ цомолинскихъ ламъ и его перерожденія донынѣ обитаютъ въ монастырѣ Цомо-линъ позади храма Рамочэ.

4-го іюня.

Я вновь посѣтилъ Чжо-к'анъ. Послѣ того, какъ я воздалъ поклоненіе Чжо-во и обошелъ вокругъ его священнаго трона, кунѣръ налилъ немного священной воды (*ту*) въ мою руку изъ золотого сосуда. Въ маленькомъ чортэнѣ, находящемся въ одной изъ часовенъ, въ южной части храма, хранится статуя изъ краснаго металла (*ли-маръ*), служащаго для выдѣлки колокольчиковъ; статуя эта сдѣлана, какъ говоритъ преданіе, во времена царя Крики, когда люди жили по 20.000 лѣтъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ эта статуя хранилась у королей Непала; но, когда принцесса изъ этой страны вышла замужъ за царя Сронъ-цань-гамбо, она привезла ее съ собою въ Тибетъ и помѣстила въ этомъ храмѣ, гдѣ статуя является предметомъ непрестаннаго поклоненія.

Однако, пожалуй, наиболѣе почитаемою статуею въ Чжо-к'анѣ, не считая Чжо, является изображеніе Палдань-лхамо (Сримати-дэви). Грозное лицо этой богини бываетъ закрыто, но кунѣръ открылъ его для насъ. Эта страшная богиня считается хранительницею Далай-ламы и Таши-ламы. Каштановаго цвѣта мулъ, на которомъ она ѣдетъ, происходитъ отъ краснаго осла и крылатой кобылицы; онъ данъ ей богинею моря. Сѣдло, на которомъ она сидитъ, сдѣлано изъ кожи людоѣда-чудовища, а уздою и подхвостникомъ служатъ змѣи. Кя-дорчжэ далъ ей кости, которыми она играетъ на жизнь существъ; людоѣды, или *сриньпо*, подарили ей унизанную черепами веревку, которую она держитъ въ лѣвой рукѣ, а дьяволы, посѣщающіе кладбища, снабдили ее трупами, которыми она питается. Въ правой рукѣ она держитъ палицу, которую ей далъ богъ Чягна-дорчжэ. Въ такомъ уборѣ она выступила на борьбу съ врагами буддизма и сдѣлалась величайшей изъ всѣхъ божествъ-защитниковъ.

Часовня Палдань-лхамо переполнена мышами, настолько ручными, что онѣ бѣгаютъ по тѣлу кунѣра. Думаютъ, что эти мыши были въ прежнихъ

своихъ перерожденіяхъ ламами. На одной изъ стѣнъ мы видѣли рисунокъ, сдѣланный кровью царя Сронъ-цань-гамбо [1]).

Когда мы возвращались домой, я увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, продававшихъ книги. Я сказалъ имъ, какія сочиненія я хотѣлъ бы купить, и они обѣщали доставить мнѣ эти книги въ скоромъ времени.

Превосходный кирпичный чай (*ду-танъ-ньипа*), который я купилъ въ Ташилхуньпо, теперь весь вышелъ, и я былъ вынужденъ пить чай плохого качества, извѣстный подъ названіемъ *чжя-па*. *Ду-танъ*, или чай перваго сорта, имѣетъ болѣе пріятный вкусъ, нежели тотъ, къ которому я привыкъ, но для меня онъ былъ слишкомъ крѣпокъ.

Чай былъ введенъ въ Тибетъ ранѣе X вѣка, но во всеобщее употребленіе онъ вошелъ только со времени владычества іерарховъ секты сакья и царей П'агмоду [2]). Въ теченіе перваго періода правленія Далай-ламъ, торговля чаемъ была государственной монополіей; отъ начала же XIX столѣтія, хотя право торговли номинально предоставлено каждому, но на самомъ дѣлѣ она сосредоточена въ рукахъ чиновниковъ.

---

[1]) По словамъ г. Цыбикова (loc. cit., p. 201), Палдань-лхамо или, какъ онъ называетъ, Баль-Лхамо, считается покровительницею женщинъ. Ея благодѣтельной силѣ приписываютъ сравнительно легкіе роды тибетскихъ женщинъ вообще и лхасскихъ въ частности. Передъ описанной статуею этой богини «безпрерывно совершаются возліянія ячменнаго вина подъ названіемъ золотого напитка (*сэрчжэмъ*) и щедро разбрасываются зерна. Это неистощимое продовольствіе и уютные уголки въ углубленіяхъ и складкахъ одежды статуи привлекли и размножили здѣсь множество мышей, которыя считаются священными. Трупы такъ или иначе погибшихъ изъ нихъ считаются очень полезными при затруднительныхъ родахъ, а будучи покупаемы за $^1/_2$ монеты, вывозятся за тысячи верстъ въ Монголію и Амдо». См. также Grünwedel, op. cit., p. 175 (*ред.*).

[2]) Сакьяскому іерарху П'агпѣ управленіе Тибетомъ было дано императоромъ Хубилаемъ въ 1260 г. по Р. Хр. Первымъ изъ царей династіи П'агмоду былъ Някри цань-по, который, какъ говорятъ, взошелъ на тронъ Тибета, представлявшаго тогда собою небольшое владѣніе къ югу отъ Цанъ-по въ Ярлунской долинѣ, въ 313 г. до Р. Хр. См. I. J. Schmidt, op. sup. cit., p 23, и Emil Schlagintweit: „Die Könige von Tibet", s. 39—41. Съ 313 г. до Р. Хр. по 1260 г. по Р. Хр. прошло такъ много времени, что едва ли возможно указать, когда былъ введенъ чай въ Тибетѣ. Вѣроятно лишь то, что тибетцы не употребляли чая до VIII вѣка, и онъ сдѣлался общеупотребительнымъ лишь въ недавнее время. Въ сочиненіяхъ Миларапы, жившаго въ XI в., нѣтъ никакого упоминанія о чаѣ; нѣтъ указаній и въ болѣе древнихъ, дошедшихъ до насъ, сочиненіяхъ на тибетскомъ языкѣ (W. R.).

Будетъ, по моему мнѣнію, нелишнее сказать здѣсь нѣсколько словъ о выборѣ воплощенныхъ ламъ. Первоначально вошло въ обычай при этомъ выборѣ бросать кости или прибѣгать къ какому-нибудь аналогичному способу, или же, наконецъ, запрашивать мнѣніе коллегіи высшихъ духовныхъ іерарховъ. Такъ какъ однако этотъ способъ не давалъ всѣмъ полнаго удо-

Палдань-Лхамо (*Сримати-дэви*).

влетворенія, то было рѣшено, чтобы кандидаты подвергались нѣкоторымъ испытаніямъ, которыя вмѣстѣ съ указаніями, преподанными въ разное время усопшимъ воплощеніемъ относительно мѣста и времени нахожденія преемника, помогаютъ правильно найти новое воплощеніе.

Съ половины XVII столѣтія до 1860 г., когда былъ избранъ Далай-

лама Тиньле-чжяцо, настоящее воплощеніе усопшаго святого находили при помощи золотой урны, или *сэръ-бумъ* [1]).

Спустя три года послѣ смерти воплощеннаго ламы составлялся списокъ именъ разныхъ дѣтей, которыя могли явиться его воплощеніемъ. Если дѣло шло о выборѣ Далай-ламы или Таши-ламы, означенный списокъ отправлялся для изслѣдованія къ регенту, послѣ чего предсѣдатель конклава, въ присутствіи регента и министровъ, клалъ въ шарики изъ цамбы бумажныя полоски съ написанными на нихъ именами кандидатовъ. Въ нѣкоторые шарики клались полоски съ надписями: «да» и «нѣтъ», а равно и пустыя бумажки. Всѣ эти шарики опускались въ золотую чашу, которая ставилась на престолѣ главной святыни Лхасы, и въ теченіе недѣли совершались моленія къ божествамъ. На восьмой день чашу вращали нѣсколько разъ, и тотъ, чье имя выпадало трижды вмѣстѣ съ шарикомъ, заключавшимъ бумажку съ надписью «да», объявлялся истиннымъ воплощеніемъ. Лица, которыя посылались для того, чтобы привезти найденнаго воплощеннаго святого, подвергали его нѣкоторому испытанію; такъ, напримѣръ, онъ долженъ былъ найти среди многихъ однородныхъ предметовъ четки, кольцо, чашу и митру усопшаго ламы [2]).

Въ 1875 году, черезъ годъ послѣ смерти Далай-ламы Тиньле-чжяцо, регентъ и коллегія кардиналовъ обратились за совѣтомъ къ знаменитому оракулу Начунъ-чойчжіонъ [3]) относительно новаго появленія Далай-ламы, и оракулъ объявилъ, что его воплощеніе можетъ быть обнаружено только монахомъ самыхъ строгихъ правилъ. Для нахожденія такого монаха, снова потребовались сверхъестественныя свойства оракула, и этимъ монахомъ

---

[1]) Согласно китайскимъ писателямъ, начало избранія воплощенныхъ ламъ по жребію относится къ 1793 году. См. Jour. Roy. As. Soc., v. XXIII; Land of the Lamas, p. 290; Waddell, op. cit., pp. 245, 279, прим. 2; также Huc, op. cit., vol. II, p. 348. Нѣкоторыя интересныя подробности о перевоплощеніи великаго ламы даетъ François Bernier въ своихъ „Voyages" (1723 г.), v. II, p. 310; подробности эти получены имъ отъ одного атташе посольства короля Малаго Тибета къ Аурангъ-Зэб'у (W. R.).

[2]) Въ числѣ необычайныхъ явленій, которыми сопровождается рожденіе новаго воплощенія Далай-ламы, можно упомянуть цвѣтеніе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мѣстомъ рожденія фруктовыхъ деревьевъ за нѣсколько мѣсяцевъ до обычнаго времени; скидываніе животными дѣтенышей въ большемъ числѣ, чѣмъ обыкновенно, и внезапное выздоровленіе отъ роковой болѣзни лицъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ новорожденнымъ. См. отчетъ A—k, „Report on Explorations, p. 32 (W. R.).

[3]) См. выше, стр. 188.

оказался к'аньпо [1]) школы Шарцэ монастыря Гадань, лама, извѣстный своею святостью и глубокими познаніями.

Кромѣ того, оракулъ заявилъ, что этотъ лама долженъ отправиться въ Чойк'оръ-чжя (Choskhor-gya), такъ какъ новое воплощеніе необходимо искать гдѣ-нибудь вблизи Конъ-по [2]). К'аньпо отправился въ указанную оракуломъ мѣстность и просидѣлъ тамъ около семи дней въ глубокомъ созерцаніи; вдругъ въ ночь седьмого дня онъ имѣлъ видѣніе, при чемъ услышалъ голосъ, который велѣлъ ему отправиться къ Чойк'орскому (Choskhor) озеру Му-ли-динъ-ки цо. Пробудившись отъ сна, к'аньпо отправился къ указанному озеру, гдѣ на кристальной поверхности воды увидѣлъ изображеніе воплощенія великаго ламы. Послѣдній сидѣлъ на колѣняхъ своей матери, а отецъ нѣжилъ и ласкалъ младенца. Онъ видѣлъ также домъ со всѣмъ его убранствомъ. Послѣ этого видѣніе исчезло, и к'аньпо тотчасъ отправился въ Конъ-по.

По дорогѣ онъ остановился въ Тагъ-по, въ домѣ одной уважаемой и богатой семьи, и здѣсь вдругъ увидѣлъ ребенка и всѣхъ лицъ, показавшихся ему въ видѣніи. Онъ немедленно извѣстилъ объ этомъ лхасское правительство; регентъ съ высшими духовными лицами прибыли въ Тагъ-по и взяли ребенка, которому тогда было всего одинъ годъ, а родителей его помѣстили во дворцѣ Ричжялъ вблизи Лхасы. Мальчика, которому теперь 10 лѣтъ, зовутъ Нагъ-ванъ ло-занъ тубдань чжяцо, т. е. «Владыка рѣчи, могучій океанъ мудрости» [3]).

Причиною, почему золотая урна не была примѣнена для отысканія этого перевоплощенія, было опасеніе, какъ бы духъ Даянь-к'аньно (онъ недавно умеръ, но при жизни всегда былъ враждебно настроенъ къ Далай-

---

[1]) *К'аньпо* (у монголовъ *ханбо*) — настоятель въ большихъ ламайскихъ монастыряхъ. См. Waddell, op cit., p. 172 — 173, и А. Позднѣевъ, op. cit., стр. 154 (*ред.*).

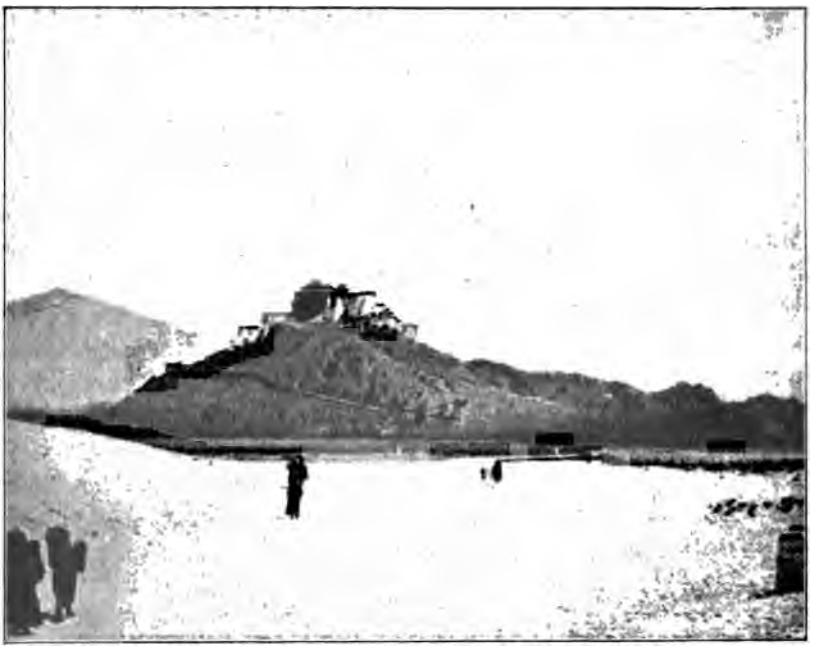
[2]) Маленькій плодородный округъ немного къ востоку отъ Лхасы. Главный городъ этого округа обыкновенно называютъ Конъ-по чжямда. Изслѣдователь К. Р. посѣтилъ его въ 1883 г. (?). Онъ говоритъ, что „въ этомъ мѣстѣ находится около 20 непальскихъ лавокъ и 15 тибетскихъ". См. „Report of Explorations in Butan and Tibet", p. 15 (W. R.).

[3]) Ср. разсказъ Учжѣнь-чжяцо объ избраніи этого воплощенія въ «Report on the Explorations, p. 31. По словамъ изслѣдователя К. Р. (op. supra cit., p. 8), мѣсто рожденія воплощенія—Паручудэ вблизи Намъ-чжона въ Такпо (W. R.).

ламамъ и ихъ формѣ правленія) [1]) не устроилъ такъ, чтобы изъ чаши вынулось ненадлежащее имя.

5-го іюня.

Рано утромъ я былъ приглашенъ на обѣдъ къ Лхачамъ въ Баньчжѣшагъ. Меня приняли весьма любезно и ввели въ гостиную Лхачамъ—небольшую комнату въ 12×16 футовъ, находившуюся въ третьемъ этажѣ



Потала съ западо-сѣверо-запада. (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

зданія и обращенную окнами на югъ. Въ этой гостиной находилось два китайскихъ комода, на которыхъ были разставлены фарфоровыя чашки. По стѣнамъ были развѣшены китайскія картины, большая часть которыхъ изображала танцы и увеселительныя прогулки. Потолокъ былъ обтянутъ китайскимъ атласомъ, а полъ покрытъ толстыми яркендскими и тибетскими коврами. Прекрасно полированные столики, деревянныя чашки для цамбы и нѣсколько атласныхъ подушекъ довершали убранство комнаты.

---

[1]) См. ниже, въ главѣ X.

Поговоривъ немного и выпивъ нѣсколько чашекъ чаю, Лхачамъ удалилась а одна изъ ея служанокъ повела меня показывать остальныя комнаты дворца. Обстановка ихъ была по большей части такая же, какъ и въ комнатѣ Лхачамъ, только качество матеріала было проще и отдѣлка грубѣе. Стѣны были окрашены въ зеленый и синій цвѣта; кое-гдѣ были развѣшены картины, изображавшія процессіи злыхъ духовъ и божествъ; балки потолка были раскрашены и покрыты рѣзными украшеніями. Двери были сдѣланы грубо, безъ панелей; окна были заклеены бумагой съ небольшими кусками стекла, вставленными по срединѣ бумаги. Ни въ одной комнатѣ не

Потала съ юго-юго-запада. (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

было каминовъ, а лишь глиняныя печи (*чжала*). Въ нѣкоторыхъ комнатахъ росли въ горшкахъ цвѣты.

Я возвратился въ комнату Лхачамъ. Въ полдень мнѣ былъ поданъ обѣдъ, и, пока я ѣлъ, Лхачамъ разспрашивала меня о брачныхъ законахъ Индіи и Европы. Когда я сказалъ ей, что въ Индіи мужья имѣютъ по нѣскольку женъ, а у п'илиновъ мужъ можетъ имѣть лишь одну жену, она взглянула на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ и воскликнула: «Одна жена съ однимъ мужемъ! Въ такомъ случаѣ не находимся ли мы, тибетскія женщины, по вашему мнѣнію, въ лучшемъ положеніи? Жена индійца пользуется только частью любви и имущества своего мужа, тогда какъ въ Тибетѣ жена является дѣйствительною госпожей всѣхъ общихъ заработковъ и всего наслѣдства братьевъ, происходящихъ отъ одной матери. Всѣ братья, происходя отъ

одной крови и плоти, составляютъ одно цѣлое, хотя души ихъ и различны. Въ Индіи же мужчина можетъ жениться на нѣсколькихъ совершенно чуждыхъ другъ другу женщинахъ».

— Такъ вы, сударыня, насколько я понялъ, желали бы, чтобы нѣсколько сестеръ имѣли вмѣстѣ одного супруга?—спросилъ я.

— «Вовсе нѣтъ», возразила Лхачамъ: «Я утверждаю лишь, что тибетскія женщины счастливѣе индійскихъ, такъ какъ онѣ пользуются такими привиллегіями, которыя въ Индіи предоставлены мужчинамъ» [1]).

7-го іюня.

Мои люди слышали отъ предсказателя Гадань Типа, что если только они рѣшатся итти въ монастырь Самъѣ, то они будутъ поражены оспой; поэтому они просили меня отказаться отъ поѣздки въ Самъѣ, но я категорически объявилъ имъ свою твердую рѣшимость посѣтить какъ этотъ монастырь, такъ и Гадань.

8-го іюня я снова посѣтилъ Чжо-к'анъ. Одною изъ главныхъ достопримѣчательностей этого храма являются многочисленныя деревянныя колонны, подпирающія второй этажъ. Самыя большія изъ этихъ колоннъ украшены рѣзными капителями, изображающими листья; онѣ носятъ названіе *ка-ва шинъ-лхо чань* [2]). У ихъ подножія, какъ говорятъ, зарыты богатые клады золота и серебра. Другія колонны, увѣнчанныя головами драконовъ, скрываютъ подъ собою талисманы противъ злыхъ духовъ и болѣзней, а также для отраженія козней враговъ буддизма и свѣтской власти церкви. Наконецъ, третій видъ колоннъ носитъ названіе *сэнъ го-чань*, т. е. «имѣющія на верхушкахъ львиныя головы»; эти колонны скрываютъ подъ собою много могущественныхъ талисмановъ *(янъ-игъ)* [3]) для обезпеченія обильной жатвы.

---

[1]) Ниже въ своемъ сочиненіи нашъ авторъ говоритъ о замужествѣ одной женщины съ двумя мужчинами, не находящимися другъ съ другомъ въ кровномъ родствѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ про одинъ монастырь, въ которомъ монахи и монахини живутъ въ конкубинатѣ и воспитываютъ своихъ дѣтей въ той же (монашеской) профессіи. Среди богатыхъ тибетцевъ равнымъ образомъ встрѣчается полигамія, которую они, вѣроятно, заимствовали изъ Китая, моногамія же имѣетъ очень мало послѣдователей. См. «Land of the Lamas», p. 211 и дальше (W. R.).

[2]) Дословно значитъ: «Столбы изъ южнаго дерева». «Южное дерево», вѣроятно, то же самое, что и *нань-му*, т. е. китайскій тикъ (W. R.).

[3]) Терминъ *янъ-игъ* обыкновенно значитъ «музыкальная партитура» которую ламы употребляютъ иногда при обученіи пѣнію (W. R.).

Подъ поломъ Лу-к'ана [1]) хранится много талисмановъ и драгоцѣнностей, завернутыхъ въ мѣха лисицъ и змѣиныя кожи. Эти талисманы, по повѣрью, охраняютъ тибетскія стада. Подъ изображеніемъ Цзамб'алы [2]) въ ониксовомъ ящикѣ спрятано *тагъ-ша* [3]), которое охраняетъ драгоцѣнные камни, шерсть, хлѣба и другія богатства страны.

Среди другихъ предметовъ особой святости мнѣ показали въ длинномъ корридорѣ, предназначенномъ для хожденія вокругъ храма, впадину въ скалѣ, гдѣ не растетъ ни мохъ ни трава; говорятъ, что эта впадина препятствуетъ водамъ р. Кьи-чу проникнуть въ Чжо-к'анъ [4]).

9-го іюня.

Я вышелъ сегодня на прогулку и отправился по направленію къ Рамочэ. На улицахъ мнѣ встрѣчались многочисленныя толпы нищихъ *(рачжяба)*, которые скитаются отъ одного мѣста къ другому и просятъ милостыню у всѣхъ вновь прибывающихъ путниковъ и пилигримовъ, попадающихся имъ навстрѣчу. Если на нихъ не обращаютъ вниманія, они снимаютъ свои грязныя шляпы и бросаютъ ими прямо въ лицо прохожимъ, осыпая ихъ ругательствами; если же тѣ обижаются, нищіе отвѣчаютъ: «Это, сударь, вовсе не обида: мы только привѣтствуемъ васъ».

Лхасскіе рачжяба образуютъ особый цехъ. Лица, изобличенныя въ какомъ-либо преступленіи, или бродяги обыкновенно высылаются обратно въ свои деревни, чтобы отработать тамъ положенное наказаніе. Но когда властямъ не удается узнать, откуда пришли преступники, ихъ передаютъ главѣ рачжяба, который принимаетъ ихъ въ свой цехъ.

Кромѣ попрошайничества, рачжяба занимается еще тѣмъ, что разсѣкаютъ на части трупы, приносимые на оба кладбища Лхасы. Рачжяба живутъ вблизи этихъ кладбищъ и кормятъ трупами ястребовъ и собакъ. Рачжяба не долженъ показывать своего богатства, какъ бы велико оно ни было; стѣны ихъ домовъ должны дѣлаться изъ роговъ овецъ, козловъ или яковъ,

---

[1]) *Лу-к'анъ*—значитъ „Змѣиный домъ".

[2]) Цзамъ-б'а-ла—имя царя-хранителя сѣвера Вайсравана (см. выше, стр. 151), когда онъ является въ качествѣ и-дамъ („бога-защитника")—(*ред.*).

[3]) Медицинское растеніе (S. C. D.).

[4]) См. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, p. 70, и Huc, op. cit., II, p. 194 (W. R.).

при чемъ рога укладываются такимъ образомъ, чтобы выпуклой стороною онѣ были обращены къ верху [1]).

Въ настоящее время главою этихъ рачжяба является человѣкъ лѣтъ около 50, по имени Абула; онъ носитъ красную саржевую одежду и желтый тюрбанъ. Проклятымъ считается удѣлъ рачжяба, но на долю Абула выпадаетъ вдвое больше проклятій, если въ теченіе какого-либо дня не принесутъ на кладбище покойника: народъ думаетъ, что если день проходитъ безъ смертнаго случая, то это предвѣщаетъ Лхасѣ несчастіе.

Существуетъ преданіе, что принцесса, повелѣніемъ которой воздвигнутъ Рамочэ, открыла, что мѣсто, гдѣ воздвигнутъ храмъ, имѣетъ сообщеніе съ адомъ, и что глубоко въ землѣ подъ этимъ мѣстомъ находится хрустальный дворецъ, обитаемый нагами [2]).

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ реликвій, которыя хранятся въ этомъ храмѣ, и которыхъ я не успѣлъ осмотрѣть при первомъ моемъ кратковременномъ посѣщеніи за недостаткомъ времени, принадлежитъ бирюзовое изображеніе богини Долмы, которое считается оракуломъ; затѣмъ коралловое изображеніе бога Цэ-па-мэда и янтарное изображеніе богини Риньчэнь К'адома [3]); кромѣ того, тамъ находится много другихъ предметовъ изъ нефрита, раковинъ и *мумэнь* [4]), а также множество золотыхъ и нефритовыхъ чашъ и кубковъ.

---

[1]) „Въ предмѣстьи есть кварталъ, гдѣ дома выстроены исключительно изъ роговъ быковъ и овецъ. Эти интересныя постройки весьма прочны и красивы на видъ. Рога быковъ—гладкіе и бѣловатые, а рога овецъ—черные и неровные. Этотъ странный строительный матеріалъ допускаетъ безконечныя сочетанія и образуетъ на стѣнахъ самые разнообразные узоры. Промежутки между отдѣльными рогами заполняются известью, смѣшанной съ пескомъ; это единственные дома, которыхъ не штукатурятъ". См. Huc, Souvenirs d'un voyage, v. II, p. 254 (W. R.).

[2]) Гунъ-чжу прибыла въ Тибетъ въ 639 году Р. Хр. I. J. Schmidt (op. cit., p. 341) говоритъ, ссылаясь на *Бод'имуръ*, что когда принцесса достигла того мѣста, на которомъ теперь стоитъ храмъ Рамочэ, ея колесница со статуей Будды (Чжо-во) остановилась сама собою, и не было возможности сдвинуть ея съ мѣста (W. R.).

[3]) *Ка-дро* (*mkah-hgro*)—это нимфы или феи, дружественно расположенныя къ человѣку. По-санскритски онѣ называются *дакини*. См. Waddell, op. cit., p. 366 (W. R.).

[4]) *Мумэнь*—драгоцѣнный камень темно-синяго цвѣта, употребляющійся обыкновенно для изготовленія четокъ. Упоминаютъ также *мумэнь дмаръ-по* («красный мумэнь»). См. Jaeschke, Tib.-Engl. Dict., подъ словомъ *му-мэнь* (W. R.).

Послѣ полудня я зашелъ къ Лхачамъ и, къ своему прискорбію, узналъ, что ея второй сынъ заболѣлъ оспой. Я сказалъ ей, что очень сожалѣю о томъ, что не могъ даже взглянуть на Кябъ-гона, владыку и покровителя Тибета, Далай-ламу. «Увы»! прибавилъ я, «я не заслужилъ въ прежнихъ своихъ существованіяхъ того, чтобы видѣть Шэньрэзига, облеченнаго въ плоть и кровь».

— Не падайте духомъ, Пуньдибъ-ла: хотя Далай-ламу не легко видѣть даже министрамъ и знати Тибета, но для васъ я устрою аудіенцію [1]).

Рано утромъ слѣдующаго дня ко мнѣ зашелъ одинъ господинъ *(ку-дагъ)*, состоящій дунк'оромъ Поталы, и сказалъ, что, съ помощію донѣръ-чэньпо Поталы, Кушо Лхачамъ П'ала устроила для меня аудіенцію у Далай-ламы, и что я долженъ возможно скорѣе приготовиться къ этой аудіенціи.

Проглотивъ съ возможной поспѣшностью завтракъ, я одѣлся въ лучшее свое платье и едва успѣлъ покончить со своимъ туалетомъ, какъ явился дунк'оръ Чола Кушо въ сопровожденіи слуги. Я захватилъ съ собой три пучка курительныхъ свѣчей и свертокъ шарфовъ, послѣ чего мы сѣли на нашихъ лошадей и отправились въ путь. Когда мы выѣзжали изъ воротъ, намъ попались навстрѣчу теленокъ, сосавшій молоко, и нѣсколько женщинъ, которыя несли воду. Мои спутники улыбнулись, а Чола Кушо замѣтилъ, что я счастливый человѣкъ, такъ какъ эти встрѣчи являются самыми благопріятными предзнаменованіями [2]).

Подъѣхавъ къ восточнымъ воротамъ Поталы [3]), мы сошли съ лошадей и

---

[1]) На основаніи того, что говоритъ авторъ немного ниже, можно думать, что, наоборотъ, доступъ къ Далай-ламѣ очень легокъ. Маннингъ неоднократно посѣщалъ его въ 1811 г.; Гюкъ говоритъ, что доступъ къ Далай-ламѣ не представляетъ никакихъ затрудненій (W. R.).

[2]) Ср. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, p. 285.

[3]) Потала (Бодала)—дворецъ Далай-ламы, будучи построенъ на природной скалистой горкѣ (Марпо-ри), царитъ надъ всѣми зданіями Лхасы. Въ основу плана дворца и пристроекъ положена оборонительная цѣль, такъ что Потала является однимъ изъ прежнихъ замковъ (*цзонъ* или *цэ*), развалинами которыхъ богатъ Тибетъ. Въ длину дворецъ имѣетъ около 200 саж. и въ вышину на лицевой (южной) сторонѣ 9—10 этажей. Съ трехъ сторонъ—лицевой и боковыхъ—онъ окруженъ стѣною, южная сторона которой находится уже подъ горою. Въ постройкѣ этого дворца тибетцы выказали все свое строительное искусство. Всѣ цѣнности и апартаменты самого Далай-ламы находятся въ центральной части дворца, выкрашенной въ коричневый цвѣтъ и называемой П'оданъ марпо (Побранъ Марбо). Остальныя части дворца служатъ помѣщеніемъ для придворныхъ Далай-ламы. Во дворѣ подъ горою находится монетный дворъ, судилище, тюрьма и пр. См. Г. Цыбиковъ, loc. cit., p. 201—202 (*ред.*).

прошли черезъ длинный залъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были разставлены рядами молитвенные цилиндры; каждый, проходившій мимо, приводилъ эти цилиндры въ движеніе. Затѣмъ, поднявшись по тремъ длиннымъ лѣстницамъ съ каменными ступенями, мы оставили нашихъ лошадей на попеченіе перваго встрѣчнаго, такъ какъ ѣхать далѣе этого мѣста не разрѣшается никому, и отправились впередъ по направленію ко дворцу подъ руководствомъ молодого монаха. Намъ пришлось подняться на пять лѣстницъ, прежде нежели мы достигли нижняго этажа П'оданъ марпо [1]), или «Краснаго дворца», названнаго такъ потому, что внѣшнія его стѣны окрашены въ темно-красный цвѣтъ. Затѣмъ мы поднялись еще на шесть лѣстницъ и очутились на верхушкѣ Поталы (во всемъ этомъ зданіи 9 этажей), гдѣ увидали нѣсколько монаховъ, ожидавшихъ аудіенціи. Отсюда открывался восхитительный видъ: прямо передъ нами разстилалась широкая долина рѣки Кьи-чу, по срединѣ которой стоитъ большой городъ, окруженный зелеными рощами; надъ нимъ поднимались золотые шпицы Чжо-к'ана и другихъ храмовъ Лхасы, а далѣе виднѣлись большіе монастыри Сэра и Дабунъ, за которыми возвышались темно-синія горы.

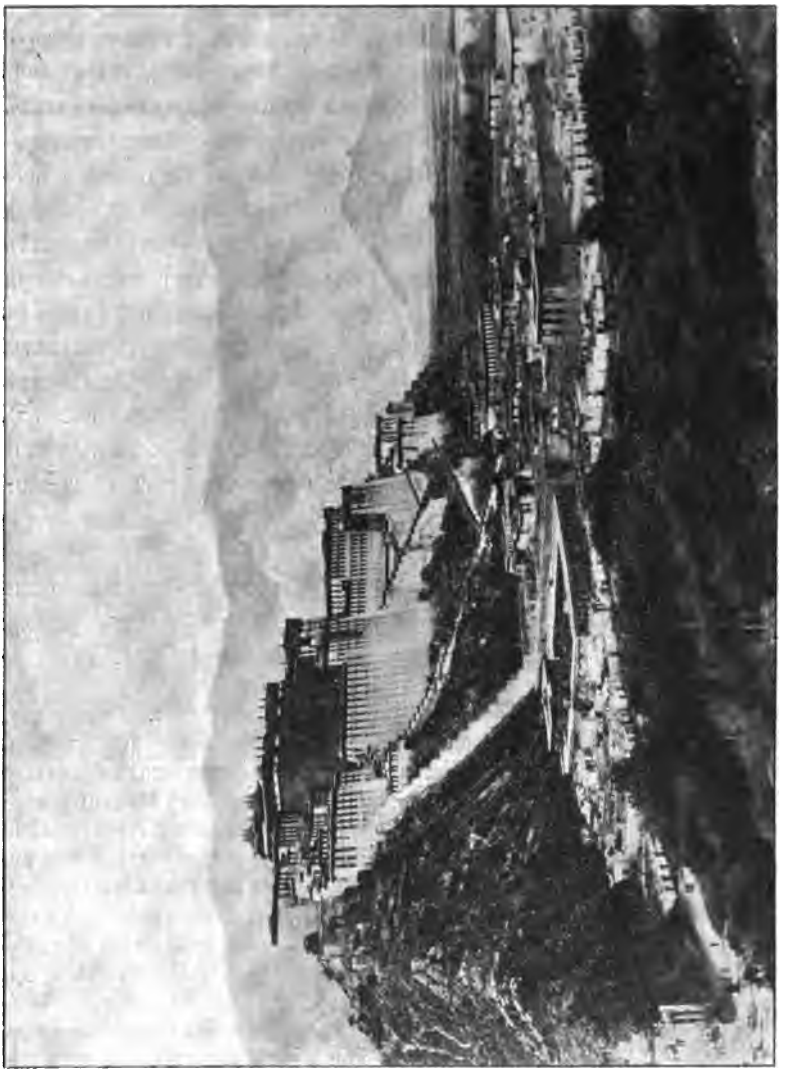
Вскорѣ къ намъ явились трое ламъ и объявили, что Далай-лама будетъ совершать сейчасъ богослуженіе въ память почившаго Мэрускаго Даламы («великій лама монастыря Мэру-гомба»), и что намъ разрѣшено присутствовать при этомъ богослуженіи. Подвигаясь очень медленно и тихо, мы дошли до средины пріемнаго зала, крыша котораго поддерживалась тремя рядами колоннъ, по четыре въ рядъ. Свѣтъ въ залъ проникалъ чрезъ стеклянное окно въ крышѣ. Убранство и обстановка были такія же, какія вообще можно видѣть въ монастыряхъ, но занавѣси были изъ богатой золотой парчи; церковная утварь была золотая, а фрески на стѣнахъ очень тонкой художественной работы. Позади трона на стѣнѣ были очень красивые обои и атласныя занавѣски, образовывавшія большой балдахинъ *(чжялъ-цань)*. Полъ былъ гладкій и лоснящійся, но двери и окна,

---

[1]) Самое древнее имя горы Поталы было Марпо-ри, что значитъ «Красный холмъ». Говорятъ что царь Сронъ-цань-гамбо построилъ на вершинѣ этой горы дворецъ, въ которомъ и жили цари Тибета вплоть до временъ пятаго Далай-ламы; послѣдній около половины XVII столѣтія построилъ новый дворецъ, существующій и въ настоящее время. См. Emil Schlagintweit: «Die Könige von Tibet», s. 49. Нашъ авторъ говоритъ, что дворецъ этотъ былъ построенъ «пятымъ Далай-ламою и его знаменитымъ регентомъ Дэси Саньчжѣ-чжяцо» (W. R.).

окрашенныя въ красный цвѣтъ, были грубаго устройства, какъ и вообще во всемъ Тибетѣ.

Къ намъ приблизился донѣръ и взялъ наши дарственные шарфы, но,



Потала. (*По фотографіи одного изъ членовъ Непальскаго посольства въ Пекинѣ*).

по совѣту Чола Кушо, я скрылъ однинъ подарокъ, который былъ мною приготовленъ для великаго ламы; когда я приблизился къ послѣднему, то, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, положилъ ему на колѣни кусочекъ

золота, вѣсомъ въ одну толу. Затѣмъ мы заняли мѣста на коврахъ, которые здѣсь были разложены въ восемь рядовъ; наши ковры были въ третьемъ ряду, приблизительно въ 10 футахъ отъ трона великаго ламы, немного влѣво отъ него.

Великій лама—ребенокъ восьми лѣтъ, съ красивымъ тѣлосложеніемъ и розовыми щечками [1]). Глаза у него большіе и проницательные, обликъ лица почти арійскій, хотя нѣсколько обезображенъ косымъ направленіемъ глазъ. Его худоба, вѣроятно, явилась слѣдствіемъ утомительныхъ придворныхъ церемоній, религіозныхъ обязанностей и аскетической жизни. На головѣ у него была желтая митра съ висячими завязками, которыя скрывали его уши; желтая мантія покрывала его фигуру, и онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и сложивъ вмѣстѣ ладони. Тронъ, на которомъ онъ сидѣлъ, поддерживался рѣзными львами и былъ покрытъ шелковыми шарфами. Этотъ тронъ имѣлъ около 4 футовъ въ высоту, 6 футовъ въ длину и около 4 футовъ въ ширину. Вокругъ толпились государственные чины съ серьезнымъ выраженіемъ лицъ. Здѣсь былъ Кучаръ к'аньпо съ чашею священной воды (*му*), окрашенной въ желтый цвѣтъ [2]). Кадильщикъ съ золотой кадильницей на трехъ цѣпяхъ, солпонь-чэньпо съ золотымъ чайникомъ и другіе придворные чиновники. Двѣ золотыя лампады, сдѣланныя въ формѣ вазы для цвѣтовъ, горѣли по обѣимъ сторонамъ трона.

Когда всѣ получили благословеніе и заняли свои мѣста, солпонь-чэньпо налилъ чаю въ золотую чашку его святѣйшества, а четверо слугъ принесли чай для присутствующихъ [3]). Затѣмъ была прочитана молитва, начинаю-

---

[1]) Маннингъ такъ описываетъ видѣннаго имъ въ 1811 г. Далай-ламу, по имени Лозанъ лунъ-тогъ чжяцо: „Красивое и интересное лицо ламы и его манеры поглотили все мое вниманіе. Ему было тогда около 7 лѣтъ; у него были простыя, непринужденныя манеры хорошо воспитаннаго царственнаго ребенка. Его лицо мнѣ показалось поэтичнымъ и чрезвычайно красивымъ. На меня произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе моя аудіенція у ламы. Я готовъ былъ плакать отъ непонятнаго мнѣ ощущенія" См. Markham, op. cit., p. 265, 266 (W. R.).

[2]) Вода, употребляемая при жертвоприношеніяхъ въ Тибетѣ, обыкновенно бываетъ окрашена (или надушена?) шафраномъ. См. Waddell, op. cit., p. 298 (W. R.).

[3]) Маннингъ (op. cit., 265) говоритъ: „Когда окончилась церомонія представленія, Мунши и я сѣли на двѣ подушки недалеко отъ трона ламы, и намъ принесли сучи. Оно было превосходно; я хотѣлъ утолить имъ жажду и выпить до дна, но прежде, чѣмъ я успѣлъ исполнить это, его уже взяли отъ меня". *Сучи*—это *солъ* (*gsol*) *чжа*,—вѣжливый терминъ для обозначенія «чая» (W. R.).

щаяся со словъ: «*Омъ*, *Ахъ*, *Хумъ*», повторенныхъ трижды; за ними слѣдовали слова: «Никогда не будемъ терять изъ виду, даже на одинъ мигъ, трехъ святостей, воздавая постоянно почитаніе тремъ драгоцѣнностямъ. Да пребываетъ на насъ благословеніе трехъ *коньчогъ*» [1]) и пр. Затѣмъ мы молча взяли наши чашки и начали пить душистый чай, отъ котораго исходилъ чудный ароматъ [2]). Такимъ образомъ мы выпили по три чашки и затѣмъ положили ихъ обратно за пазуху.

Потала съ юга. (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

Послѣ этого солпонь-чэньпо поставилъ передъ Далай-ламою золотое блюдо, наполненное рисомъ; лама прикоснулся къ нему, послѣ чего рисъ былъ раздѣленъ между присутствующими. Затѣмъ снова была прочитана молитва, а его святѣйшество тихимъ, невнятнымъ голосомъ запѣлъ гимнъ, который былъ повторенъ сильными голосами собравшихся ламъ. Послѣ этого изъ перваго ряда мѣстъ поднялся почтенный человѣкъ и обратился съ краткою рѣчью къ Далай-ламѣ, перечисляя разные акты милости, оказанные имъ Тибету, и, въ заключеніе, поднесъ его святѣйшеству цѣн-

[1]) См. выше, стр. 103.

[2]) «Душистый чай»—это китайскій *сянъ-бянь-ча* (W. R.).

ныя вещи. Послѣ этого онъ три раза палъ ницъ передъ Далай-ламою и вышелъ, а за нимъ послѣдовали и всѣ мы.

Когда я уходилъ, одинъ изъ донѣръ-чэньпо (камергеровъ) далъ мнѣ два пакета съ освященными пилюлями, а другой обвязалъ вокругъ моей шеи красный шелковый шарфъ: это были обратные подарки, которые обыкновенно подносятся отъ великаго ламы пилигримамъ [1]).

---

[1]) Послѣ Маннинга, посѣтившаго Далай-ламу въ 1811 г., ни одинъ европеецъ не видѣлъ этого святителя. Изъ уроженцевъ же Азіи, удостоившихся у Далай-ламы аудіенціи, дали описаніе пріема у него пундиты A—k и Найнъ Сингъ; ихъ описаніе въ общемъ вполнѣ сходно съ разсказомъ нашего автора. Наиболѣе однако подробное повѣствованіе находимъ у нашего калмыка Бāза-бакши (op. supra cit., стр. 206—209), который говоритъ слѣдующее:

„У далай-ламайнъ-гэгэна ежедневно имѣется время для поклоненій, и совершаются поклоненія приблизительно въ 9 часовъ утра... Кланяться на этомъ поклоненіи—очень не трудное дѣло. Когда благородные и чернь—всякій, кто только имѣетъ намѣреніе поклониться—соберутся ко времени, въ которое жалуется поклоненіе, гэгэнъ является въ большую залу, гдѣ совершаются поклоненія, и садится на тронъ вышиною около 2 аршинъ. Въ эту пору съ обѣихъ сторонъ отъ гэгэна и до дверей выстраиваются въ рядъ до 200 человѣкъ заслуженныхъ чиновъ духовнаго и свѣтскаго званія, а за дверьми этой залы, по обѣимъ сторонамъ дверей, садится въ рядъ до 100 человѣкъ. Между этими людьми проводятъ одного за другимъ, непрерывною лентою, поклонниковъ и, подведя къ гэгэну, удостоиваютъ принять благословеніе (возложеніемъ) руки. Если кто-либо изъ поклонниковъ этого дня поднесетъ гэгэну въ кушанье чайникъ чаю и сосудъ съ рисомъ, то всѣхъ этихъ поклонниковъ сажаютъ, гэгэну подносятъ въ его чашкѣ начатокъ изъ этихъ принесенныхъ чая и рису, а остальное раздаютъ въ причащеніе тѣмъ предстоящимъ гэгэну лицамъ, гэгэновскимъ прислужникамъ и поклонникамъ; остатки въ чашѣ, изъ которой отвѣдывалъ гэгэнъ, жалуются особливо именно тому человѣку, который принесъ чай и рисъ. Такъ какъ мѣстные жители разсказали намъ обо всѣхъ порядкахъ, то мы за двое или за трое сутокъ ранѣе доложили завѣдывающему этими дѣлами дѣлопроизводителю, что и мы на своемъ первомъ поклоненіи поднесемъ чай и рисъ въ кушанье. Онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія выше, старшимъ дѣлопроизводителямъ, и когда обратно получилось разрѣшеніе, то распорядитель, завѣдывающій чаемъ и кушаньемъ, пришелъ и получилъ деньги за приносимые чай и рисъ, передавъ ихъ собственному гэгэновскому повару. Гэгэновскій поваръ и прочіе прислужники цаба обыкновенно изготовляютъ (цабъ) и, когда поклонники усаживаются для поклоненія, собственными руками приносятъ его и подаютъ гэгэну. За чай и рисъ въ кушанье я представилъ 8 ланъ чистымъ серебромъ. Далѣе, когда кланяются на поклоненіи, то принесшіе гусунъ-тукскій мандалъ (нѣчто въ

Когда мы вышли изъ залы, мы встрѣтили младшаго брата Чола Кушо,— монаха дворцоваго монастыря Намчжялъ тацана, и вмѣстѣ съ нимъ и его братомъ я посѣтилъ дворецъ, при чемъ они сообщили мнѣ много свѣдѣній и преданій объ этомъ мѣстѣ.

Сначала мы посѣтили часовню, гдѣ находится статуя Шэньрэзига съ 11 ликами и тысячью рукъ, съ глазомъ на каждой изъ ладоней его рукъ. Около него находится статуя съ четырьмя руками, много маленькихъ золотыхъ чортэней и бронзовыхъ издѣлій. Затѣмъ меня повели въ залъ, гдѣ находится старый тронъ, напротивъ котораго стоятъ статуи царя Сронъ-

---

родѣ блюда съ изображеніемъ вселенной) представляются прежде, чѣмъ люди безъ мандала. Мы, опять-таки приготовившись поклониться съ поднесеніемъ гусунъ-тукскаго мандала, представили завѣдывающему этимъ дѣломъ человѣку 5 ланъ бѣлаго серебра. Пока дѣлопроизводители представляли начальству это дѣло и получилось разрѣшеніе, мы прождали 3 или 4 дня; впрочемъ люди, не представляющіе ни мандала ни цзока, если будутъ они кланяться, принося одинъ хадакъ или, въ крайнемъ случаѣ, даже одинъ самбай, могутъ совершать поклоненіе въ любой день, безъ всякаго ожиданія. Засимъ, когда по утру 3-го числа этого мѣсяца собаки пришли мы пѣшкомъ изъ Хласы въ Норбу линка, то поклонники были уже въ сборѣ и на поклоненіи этого дня кланялось человѣкъ 300, 400. Напередъ ихъ ввели и дали поклониться намъ. Поклонниковъ этихъ обыкновенно заставляютъ проходить непосредственно другъ за другомъ, а вводящіе и сопровождающіе ихъ привратники держатъ въ рукахъ длинныя, предлинныя плети, вводятъ же и сопровождаютъ люди высокаго, превысокаго роста. Проведя насъ по срединѣ размѣстившихся вышеписаннымъ образомъ гэгэна и предстоящихъ ему прислужниковъ и поставивъ передъ гэгэномъ, они заставили насъ трижды поклониться, касаясь лбомъ до земли, а когда мы поднесли своими руками поданный намъ мандалъ, то гэгэнъ соблаговолилъ принять его своими руками и передалъ стоящему поблизости сойбуну. Еще поднесъ я при гусунъ-тукѣ, по порядку: одного бурхана, одну религіозную книгу и одинъ субурганъ, далѣе положилъ на столъ длинный хадакъ, 5 ланъ бѣлаго серебра и золотую монету нашего русскаго царя; засимъ, когда, снявъ шапку, хотѣлъ я получить благословеніе, то гэгэнъ соизволилъ положить мнѣ на голову въ благословеніе свои руки. Тотчасъ же безъ замедленія меня провели дальше и допустили къ рукѣ слѣдующаго человѣка. Для предшествующаго (между тѣмъ) сойбунъ свивалъ кусочекъ краснаго или желтаго шелка, освящалъ его дуновеніемъ и жаловалъ ему такой снурокъ, подъ названіемъ *цзаня*. Насъ всѣхъ посадили передъ гэгэномъ и удостоили остатковъ чая и рису отъ кушанья гэгэна. Въ это же время находящійся при гэгэнѣ переводчикъ подошелъ къ намъ и сказалъ намъ по-монгольски: «Гэгэнъ спрашиваетъ, всѣ ли вы въ дорогѣ пришли въ добромъ здоровьи и пребываютъ ли въ мирѣ вѣра и гражданское правленіе

царя, его двухъ супругъ, его министра Тоньми Самб'ота, генерала Гаръ и принца Гунри-гунъ-царя [1]). Изъ этой комнаты мы отправились въ большой залъ, гдѣ обыкновенно собирались придворные пятаго Далай-ламы Нагъ-ванъ лобъ-зана. Старыя картины, не поддающіяся, по мнѣнію буддистовъ, дѣйствію огня и изображающія семью царя Сронъ-царя, Шэньрэ-

---

каждой (пройденной вами) страны?» Мы сидя отвѣчали, что пріѣхали благополучно и страны находятся въ спокойствіи, а потомъ поклонились. Тотъ человѣкъ передалъ гэгэну, и помимо этого онъ ничего не спрашивалъ. Засимъ гэгэнъ соизволилъ преподать пришедшему на это поклоненіе народу лунъ на двѣ маленькихъ священныхъ книги: *д'Галданъ-лхабчжа-ма* и *Пакъ-сдодъ*".

Не довольствуясь этою общею аудіенціею, Бāза-бакши испросилъ себѣ спеціальную, поднеся мандалъ подъ названіемъ *даньшихъ*, обошедшійся въ 1000 ланъ (около 1500 р.). По его словамъ, эта аудіенція носила такой же характеръ, какъ и описанныя выше, лишь съ слѣдующими изъятіями (стр. 212—213):

„Въ Бодалѣ имѣется дацанъ, приблизительно съ 400 хувараковъ („духовныхъ"), именуемый Намчжалъ дацанъ, на обязанности котораго лежитъ отправлять хурулы („служба") у гэгэна. Изъ числа хувараковъ этого дацана, по мѣрѣ состоятельности приносителя, приглашаютъ хувараковъ; ихъ заставляютъ отслужить даньшик'скій хурулъ передъ гэгэномъ и, по окончаніи этого хурула, приводятъ къ поклоненію вышеописаннымъ образомъ. Мы пригласили на этотъ даньшикъ 100 хувараковъ и заставили ихъ отслужить хурулъ; на этотъ хурулъ прибыли также Дэму-хутухту съ Йонцзанъ Чжамба-ринбочэ и сѣли передъ гэгэномъ. Изъ даньшик'скихъ приношеній одну третью часть поднесли Дэму-хутухту, а Йонцзанъ Чжамба-ринбочэ поднесли 15 ланъ серебра. Засимъ, по старому порядку, посадили насъ передъ гэгэномъ и пожаловали намъ отъ остатковъ его кушанья, а еще повѣсили на шею бѣлый хадакъ изъ рукъ гэгэна. Намъ самимъ послѣдовала милость отъ гэгэновскаго казначейства: 50 ланъ серебра, 3 куска тибетскаго сукна, 2 лубочныхъ корзины тибетскаго чая, употребляемаго при кушаньяхъ далай-ламою, и одинъ свертокъ толстыхъ курительныхъ свѣчей... Послѣ того какъ, удостоившись такихъ милостей, мы вышли, насъ пригласили приходить къ сегодняшнему полуденному столу, и оба мы въ большой залѣ, гдѣ гэгэнъ жалуетъ поклоненія, вмѣстѣ съ прислужниками гэгэна удостоились принять въ пищу вареннаго мяса, проса и цзамбы. Гэгэнъ изволилъ кушать точное такое же кушанье въ особой комнатѣ. Мы удостоились также и остатковъ его кушанья" (*ред.*).

[1]) Тоньми Самб'ота ввелъ индійскій алфавитъ въ Тибетѣ и устроилъ бракъ короля съ его двумя знаменитыми супругами. Гаръ (Могаръ)—извѣстный генералъ этой эпохи, а принцъ Гунри-гунъ-цань, повидимому, внукъ царя Сронъ-цань-гамбо. См. Emil Schlagintweit, „Die Könige von Tibet», s. 47 (W. R.).

зига и перваго великаго ламу, висѣли на колоннахъ; здѣсь было также нѣсколько статуй и между ними сандальное изображеніе Гонь-по [1]).

Затѣмъ насъ провели въ залъ, гдѣ обыкновенно у Дэси Саньчжѣ-чжяцо происходили совѣщанія. Здѣсь же находится и могила перваго Далай-ламы. Это зданіе двухъэтажное, покрытое тонкими листами золота. Останки Далай-ламы похоронены со многими драгоцѣнными вещами, а гробница украшена различными предметами, покрытыми богатѣйшими рисунками, и дру-

Потала съ сѣверо-сѣверо-востока. (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

гими драгоцѣнностями, доставленными сюда богомольцами. Эта могила носитъ названіе Цзамлинъ-чжянь [2]) и является прототипомъ тѣхъ могилъ, которыя мы видѣли вокругъ нея, и которыя содержатъ въ себѣ останки другихъ воплощеній Далай-ламы, но всѣ эти могилы уже гораздо меньше.

Посѣтивъ описанные залы, мы сошли къ Намчжялъ тацану [3]). Архитек-

---

[1]) Существуетъ 75 божествъ, носящихъ это имя. *Гонь-по* (mgon-po)— самые свирѣпые изъ типа грозныхъ божествъ (W. R.).

[2]) *Цзамлинъ-чжянь* значитъ „Украшеніе міра".

[3]) Въ этомъ тацанѣ имѣется, по словамъ г. Цыбикова, 500 монаховъ;

тура П'оданъ марпо озадачила меня; залы и комнаты были нагромождены другъ на друга въ нѣсколько этажей. Зданіе было построено красиво, но сырость была столь сильна, что во многихъ мѣстахъ чувствовался удушающій запахъ.

Войдя въ маленькую комнату—келью нашего проводника, мы сѣли и намъ принесли чай и закуску. Вскорѣ послѣ этого мы отправились домой, выразивъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ нашу благодарность Чола Кушо и его брату за ихъ любезностъ по отношенію къ намъ.

Мы отправились по *линъ-к'ору*—такъ называется дорога, окружающая Лхасу [1]). По пути мы прошли черезъ небольшую рощу, гдѣ находился сарай для слоновъ; единственный его обитатель — подарокъ сиккимскаго рачжи—стоялъ возлѣ этого сарая на участкѣ, засѣянномъ ячменемъ. Далѣе мы прошли мимо мѣста, гдѣ тѣла городскихъ обывателей отдаютъ на съѣденіе свиньямъ, мясо которыхъ, кстати сказать, по разсказамъ, очень вкусно. Вблизи этого мѣста находится много хижинъ рачжяба.

Вечеромъ изъ Чжяньцэ прибылъ сюда караванъ ословъ, нагруженныхъ цамбою и масломъ, и я, къ своему огорченію, узналъ, что другъ мой, министръ, боленъ оспою. Мои люди опять начали приставать ко мнѣ со своими просьбами возвратиться въ Цанъ, указывая на то, что моя помощь будетъ нужна министру; я наконецъ собрался ѣхать къ нему, тѣмъ болѣе, что, по словамъ лицъ, сопровождавшихъ караванъ, онъ выразилъ желаніе видѣть меня при себѣ.

11 іюня я посѣтилъ Лхачамъ, поблагодарилъ ее за доставленіе мнѣ аудіенціи и сказалъ ей о своемъ намѣреніи отправиться въ Донцэ. Она совѣтовала мнѣ ѣхать немедленно, такъ какъ въ Лхасѣ свирѣпствовала оспа; оба ея сыновья были больны, и, судя по ея внѣшнему виду, я опасался, какъ бы и она сама не подверглась той же болѣзни.

Возвратясь къ себѣ на квартиру, я отправилъ Цинъ-та къ Лхачамъ попросить у нея взаймы 200 танькъ. Вечеромъ ея служанка Апэла принесла мнѣ эту сумму; Лхачамъ прислала мнѣ также провизіи для дороги и корму для лошадей.

на нихъ обязанности лежитъ совершеніе богослуженій ради блага и долгоденствія Далай-ламы (*ред.*).

[1]) *Линъ-к'оръ*—„ходить вокругъ для выраженія почтенія". Этимъ именемъ называется окружная дорога въ Лхасѣ, по которой набожные пилигримы дѣлаютъ обходы вокругъ священнаго города пѣшкомъ или растяжными поклонами. По словамъ Г. Цыбикова, дорога эта имѣетъ 11—12 верстъ въ длину, и это разстояніе растяжными поклонами пилигримы проходятъ въ 2 дня, дѣлая въ день по 3000 поклоновъ. Судя по плану A—k, разстояніе это 8—9 верстъ. (*ред.*).

ГЛАВА VII.

Административное устройство области Лхасы.

Далай-лама [1]) въ Тибетѣ занимаетъ то же положеніе, какое занималъ до недавняго времени папа въ христіанскомъ мірѣ. Сѣверные буддисты считаютъ его намѣстникомъ Будды, воплощеніемъ послѣдняго на землѣ, защитникомъ Тибета. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Тугъ-чжэ чэньпо Шэньрэзигъ [2]) («всемилостивѣйшій Авалокитешвара»). Онъ никогда не умираетъ, хотя иногда, разгнѣванный беззаконіями міра, удаляется въ рай Гадань [3]), оставляя свое смертное тѣло на землѣ. Древнія лѣтописи Тибета говорятъ, что на землѣ онъ появлялся всего лишь 14 разъ въ теченіе восемнадцати столѣтій, прошедшихъ отъ смерти Будды до начала XV столѣтія.

Въ 1474 году родился Гэдунь-чжяцо [4]), перерожденіе Гэдунь-дуба,

---

[1]) Этотъ монгольскій титулъ, произносимый *Талэ-лама*, находится во всеобщемъ употребленіи въ Тибетѣ. Далай-лама также извѣстенъ подъ именемъ Чжялъ-ва-чжяцо, или Кябъ-гонъ Рпньпочэ; но этотъ послѣдній титулъ присваивается также и всѣмъ высшимъ воплощеннымъ ламамъ. Встрѣчающееся у A–k имя *Kiamkun Ringboche*—есть только неправильная передача Kyab-gong Rinpoche, что значитъ: „драгоцѣнный защитникъ" (W.R.). Г Цыбиковъ приводитъ эпитетъ *Чжямгонъ-тамчжадъ чэньба*—„всевѣдущій, предметъ вѣры" (*ред.*).

[2]) См. выше, стр. 74.

[3]) Или, вѣрнѣе, *Дэ-ва-чанъ*—„счастливое (мѣсто)"; по-санскритски *Сукавати*. Рай этотъ также называется *Нубъ-чіогъ Дэвачанъ*, т. е., „Западное мѣстопребываніе блаженства" (W. R.).

[4]) Относительно Далай-ламъ, см. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, 285, и Waddell, op. cit., 227; данныя, приведенныя въ первомъ сочиненіи, заим-

который былъ воплощеніемъ Шэньрэзига и основателемъ знаменитаго монастыря Ташилхуньпо. Гэдунь-чжяцо былъ избранъ главнымъ ламою Ташилхуньпо въ 1512 году, но затѣмъ отказался отъ этой должности, чтобы занять такой же постъ въ Дабунѣ, главномъ монастырѣ Лхасы. Въ этомъ монастырѣ онъ построилъ Гадань п'оданъ, который и до сихъ поръ извѣстенъ, какъ главный центръ буддійской учености [1]). Онъ былъ первымъ изъ линіи Далай-ламъ.

Его преемникомъ былъ Сонамъ-чжяцо. Послѣдній былъ приглашенъ въ Монголію извѣстнымъ завоевателемъ Алтанъ-ханомъ [2]), который по прибытіи Сонамъ-чжяцо въ его лагерь назвалъ его монгольскимъ именемъ *Далай-лама*, такъ какъ тибетское слово *чжяцо* («океанъ») значитъ то же, что по-монгольски слово *далай*. Алтанъ-ханъ, зная, что предшественникъ ламы имѣлъ въ своемъ имени также слово *чжяцо*, принялъ его за фамильное имя, и такимъ образомъ эта ошибка послужила причиною того, что съ этихъ поръ всѣмъ воплощеніямъ великаго ламы начали давать имя *Далай-лама*.

Въ 1642 году Гуши-ханъ покорилъ Тибетъ и передалъ верховную власть надъ центральною частью Тибета пятому Далай-ламѣ Нагванъ лозанъ-чжяцо, а надъ провинціей Цанъ или западнымъ Тибетомъ великому ламѣ Ташилхуньпо, хотя, de facto, онъ самъ продолжалъ быть верховнымъ государемъ, поставивъ Sonam chuphel'я въ качествѣ desi, т. е., губернатора центральнаго Тибета, а другое лицо правителемъ западнаго Тибета. Однако духовное управленіе осталось въ рукахъ Далай-ламы, и послѣдній далъ Гуши-хану титулъ «Tandjin chos-gyi Gyalbo», т. е., «весьма правовѣрный царь».

ствованы изъ китайскихъ источниковъ и разнятся отъ тѣхъ, которыя приняты тибетцами, на 1 или 2 года (W. R.).

[1]) Я думаю, что въ Гадань п'оданъ находится лхасскій монетный дворъ. На тибетскихъ серебряныхъ монетахъ (*танка*) написано: «Namgyal Gadan phodang chyog las», т. е. „изъ Гадань п'одана, побѣдоносный (Далай-лама)". См. Lacouperie, „The silver coinage of Tibet" (W. R.). См. также стр. 55 (*ред.*).

[2]) Алтанъ-ханъ—глава монгольскаго поколѣнія тумэтовъ, административнымъ центромъ котораго служитъ г. Куку-хото или Гуй-хуа-чэнъ. Этотъ могущественный ханъ, правившій съ 1532 по 1585 г., много содѣйствовалъ возрожденію среди монголовъ буддизма, пришедшаго въ полный упадокъ послѣ ихъ изгнанія изъ Кытая въ 1368 г.; при немъ, между прочимъ, былъ переведенъ на монгольскій языкъ Юмъ въ трехъ редакціяхъ (см. стр. 100). Его заботами о распространеніи буддизма въ Монголіи объясняется и приглашеніе въ 1577 г. Далай-ламы въ Куку-хото (*ред.*).

Въ 1645 году Далай-лама воздвигъ дворецъ Потала, а Гуши-ханъ имѣлъ своей резиденціей дворецъ Гадань кансаръ въ самой Лхасѣ. Озабоченный расширеніемъ и объединеніемъ вновь пріобрѣтеннаго царства, онъ мало-по-малу долженъ былъ передать Далай-ламѣ и большую часть своей власти надъ Тибетомъ. Въ 1654 году Гуши-ханъ умеръ, а вскорѣ послѣ него умеръ и дэси Сонамъ чуп'элъ. Въ это время свѣтская власть Далай-ламы была уже столь значительна, что отъ смерти Гуши-хана до прибытія въ 1660 г. въ Лхасу его преемника Даяна—хотя въ теченіе одного года (1658—1659) тамъ не было дэси—страна наслаждалась миромъ и благоденствіемъ подъ властью Далай-ламы.

Дворецъ Гадань кансаръ въ Лхасѣ (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

Въ теченіе времени правленія Даянъ-хана, который процарствовалъ только 8 лѣтъ, тибетскимъ дэси былъ монгольскій вождь цзайсанъ Дэба; слѣдующій же дэси былъ назначенъ самимъ Далай-ламою.

Преемникомъ Даяна былъ Ратна-талай-ханъ, но къ этому времени управленіе государственными дѣлами всецѣло перешло въ руки великаго ламы. Въ 1680 году послѣдній назначилъ дэси Саньчжѣ-чжяцо и облекъ его такою властью, что, нося титулъ государственнаго казначея (*Са-кіонъ-вай чягъ-цзо*), онъ былъ, въ дѣйствительности, царемъ Тибета. Онъ преобразо-

валъ систему государственнаго управленія и ввелъ много полезныхъ реформъ во всѣ отрасли общественной службы.

Дэси обыкновенно называется всѣми «регентомъ» (*чжялъ-цабъ*), или «царемъ» (*чжялбо*) [1]). Эта должность теперь избирательная, но ни одно свѣтское лицо не можетъ занимать ея; на нее избирается лама одного изъ четырехъ главныхъ *лйнъ*: Таньчжѣ-линъ, Куньду-линъ, Цэчогъ-линъ и Цомо-линъ [2]), однако бывали случаи, какъ, наприм., съ дэси Шата (Шадра), что выбирались ламы и изъ другихъ мѣстностей [3]).

Регента выбираютъ совѣтъ министровъ (*калонь*) и первый министръ (*чьи-кябъ к'аньпо*) [4]); ихъ выборъ утверждается оракулами Начунъ чойчжіонъ и Лхамо сунъ-чіонъ-ма и, наконецъ, сачкціонируется китайскимъ императоромъ.

Когда Далай-лама достигаетъ совершеннолѣтія, для котораго установленъ 18-лѣтній возрастъ, регентъ, въ присутствіи калоней, начальниковъ и знати подноситъ ему печати для духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ. Съ начала XIX столѣтія Далай-ламы не достигали совершеннолѣтія, и регентство существовало безпрерывно [5]).

---

[1]) Маннингъ (Markham, Tibet, p. 264) называетъ царя „Ti-mu-fu или Hu-lu-tu". Я не могу удовлетворительно объяснить этихъ именъ; первое представляетъ, повидимому, китайское слово; второе, можетъ быть, монгольское слово *хутухту*, т. е. „воплощенный святой перваго класса". Китайцы называютъ регента—*Цзанъ-ванъ*, т. е., „Царь Тибета". См. „Land of the Lamas", 289, и „Report on Explorations", 31 (W. R.).

[2]) См. выше, стр. 194, прим. *(ред.)*.

[3]) Въ связи съ этимъ представляетъ интересъ слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ Ashley Eden (Report on the State of Bootan, p. 131): „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ великій совѣтъ Лхасы (caphyn) состоялъ изъ трехъ лицъ, по имени: Semeling, Tengeling и Kunduling. Одно вліятельное лицо Sape Satya пожаловалось императору Китая на притѣсненія и неумѣлое управленіе этихъ людей. Изъ Китая вслѣдствіе этого явился коммисаръ, который арестовалъ Semeling'a и увезъ его въ Китай, въ качествѣ плѣннаго". Ср. Huc, op. cit., II, p. 287 (W. R.). По словамъ г. Цыбикова (loc. cit., p. 215), регентъ носитъ оффиціальное званіе „правителя далай-ламскаго казначейства" съ титуломъ номунъ-хана („царь ученія"), сами тибетцы называютъ его въ письменности «намѣстникомъ хана», а въ обыденной рѣчи просто «тибетскимъ ханомъ» *(ред.)*.

[4]) Его также называютъ Чьи-лонь хутухту. Это министръ финансовъ; его товарищемъ является китайскій амбань; всякій расходъ долженъ быть имъ одобренъ (W. R.).

[5]) См. Huc., op. cit., II, p. 286.

Помощникомъ регента является *часагъ*, назначеніе котораго также подлежитъ утвержденію китайскаго императора. Онъ обладаетъ огромной властью и иногда отправляетъ функціи самого регента. Ни одно ходатайство по какому-либо оффиціальному дѣлу не достигаетъ регента, не пройдя предварительно черезъ руки часага. У него находится на храненіи большая печать, и, когда бумага заготовлена главнымъ секретаремъ (*кадунъ*), часагъ прикладываетъ къ ней печать. Слово *часагъ* значитъ «ситечко для чая», и сановникъ, который носитъ это имя, долженъ являться мѣриломъ и образцомъ доблести [1].

Совѣтъ министровъ (Kalon Shag lengya) [2]) состоитъ изъ четырехъ мірянъ и одного монаха, избираемыхъ пожизненно. Первоначально было только четыре калоня, но недавно преобладающее вліяніе духовенства заставило великаго ламу назначить въ совѣтъ одного духовнаго, который и занимаетъ первое мѣсто въ залѣ совѣщаній (*кашагъ*). За нимъ слѣдуетъ калонъ Крипа. Совѣтъ засѣдаетъ ежедневно отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ пополудни и обсуждаетъ политическія, судебныя и административныя дѣла. Онъ разсматриваетъ представленія цзонпоней и управленія лхасскаго тимпоня, извѣстнаго подъ названіемъ «Чернаго суда» (*Нагца-шаръ*) [3]). Министры сидятъ, поджавъ подъ собя ноги крестъ на крестъ, на толстыхъ подушкахъ, положенныхъ на высокихъ сидѣніяхъ, имѣя передъ собою на маленькомъ столикѣ чашки чаю, которыя наполняются придворнымъ солпонемъ. Секретари и писцы находятся въ сосѣднихъ комнатахъ. Министры и всѣ чиновники ихъ управленія получаютъ обѣдъ за счетъ государства.

Для вознагражденія министровъ, которые жалованія не получаютъ, отводятся помѣстья (*лоньши*)[4]). Имъ не предоставлена привиллегія пользоваться

---

[1]) Лицо, давшее автору такое объясненіе, должно было писать *чжацагъ* („чайное ситечко"); между тѣмъ *часагъ* есть произношеніе слова *rgyal tsab*, значащаго «намѣстникъ царя». Лхасскій амбань подобнымъ же образомъ называется *тонъ-ма-цабъ*, т. е. «делегатъ императора» (W. R).

[2]) По словамъ г. Цыбикова, совѣтъ этотъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Далай-ламы и носитъ названіе *дэва-шунъ (rgd.)*.

[3]) Ср. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, pp. 11, 220, 239, 242. Кандидаты на это мѣсто утверждаются китайскимъ императоромъ (W. R).

[4]) Въ Тибетѣ высшіе чиновники жалованія не получаютъ, но въ ихъ пользованіе отводятся болѣе или менѣе значительные участки земли, надъ которыми они получаютъ весьма обширныя права: отправляютъ правосудіе надъ проживающими на этихъ участкахъ миссэрами и взимаютъ съ нихъ въ свою пользу налоги. Кромѣ того, чиновники имѣютъ еще другіе источники доходовъ, какъ законные, такъ и незаконные: штрафы, уплачива-

носилками (*п'эбъ-чямъ);* обладаютъ ею только амбани, Далай-лама, Паньчэнь-лама и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, регентъ. Одежда калоней состоитъ изъ желтой туники; шапки они носятъ монгольскія съ коралловыми шариками на верху [1]).

Когда должность калоня дѣлается вакантной, регентъ, по совѣщаніи съ калонями, избираетъ 2—3 генераловъ *(дахпонь)* и посылаетъ ихъ имена къ оракуламъ Начунъ и Лхамо сунъ-чіонъ-ма въ Поталѣ, для того чтобы получить ихъ отзывъ. Одобренное оракулами лицо утверждается въ должности.

Въ литературномъ слогѣ министры называются *чьинъ-санъ*, или *дуньна-дунь*, но въ разговорномъ языкѣ они извѣстны подъ именемъ *калонь*, или *шапэ*, при чемъ къ ихъ именамъ обыкновенно присоединяется титулъ *са-ванъ* («могущество страны»), такъ какъ они выбираются изъ богатыхъ и могущественныхъ дворянъ. Когда они исполняютъ обязанности судей, ихъ называютъ *шалчэпа*; когда же они фигурируютъ въ качествѣ защитниковъ, ихъ называютъ *шуленьпа.*

Прежде женъ чжялбо и дэси титуловали *лхачамъ*, но въ настоящее время этотъ титулъ дается только женамъ калоней. Ихъ сыновья титулуются *лха-срэ*, т. е. «принцъ».

Въ управленіи калоней [2]) состоятъ 4 секретаря (*кадунъ)*, выбирающихся изъ дунк'оровъ [3]), и одинъ главный канцелярскій чиновникъ *(кабшопа)*. Этимъ секретарямъ подчинено 175 *дунк'оръ*, т. е., свѣт-

---

емые тяжущимися сторонами, добровольныя подношенія по случаю разныхъ выдающихся событій, взятки и т. п. Они также пользуются личными услугами подчиненнаго имъ населенія. См. Dutreuil de Rhins, op. cit, p. 426 (*ред.*).

[1]) Этотъ шарикъ жалуется имъ императоромъ (или, вѣрнѣе, амбанемъ). Лама-министръ не носитъ его. Согласно китайскимъ авторамъ, калони имѣютъ шарики только 3-го класса, т. е. синіе; коралловые присвоены только первому классу (W. R.).

[2]) По словамъ J.-L. Dutreuil de Rhins и F. Grenard (Mission Scientifique dans la Haute Asie, 1890–1895. Deuxième partie: Le Turkestan et le Tibet, p. 425), калонямъ подчинено 16 или 17 управленій, состоящихъ изъ 2 или 3 членовъ—свѣтскихъ или духовныхъ; таковы, напримѣръ, отдѣлы счетный (*ци-понь)*, казначейства (*чагъ-цзотъ*), общественныхъ магазиновъ (*тръцанъ-па*), юстиціи *(шагъ-понь)* и т. п.; однако приводимыя здѣсь тибетскія названія, заимствованныя у названныхъ путешественниковъ, обозначаютъ не названія учрежденій, а, скорѣе, должностныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ этихъ учрежденій (*ред.*).

[3]) Относительно дунк'оровъ, см. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, pp. 220, 243. (W. R.).

скихъ чиновниковъ, состоящихъ въ непосредственномъ завѣдываніи цзпоня, т. е. чиновника по счетной части.

Дунк'оры выбираются изъ наилучшихъ учениковъ Ютогской школы, гдѣ воспитываются сыновья дворянъ и передовыхъ людей страны. Для изученія счетоводства они состоятъ пять лѣтъ на службѣ въ «Счетномъ отдѣлѣ», или Ци-к'анѣ, послѣ чего командируются для исполненія различныхъ обязанностей, особенно по финансовой части; наиболѣе же опытные изъ нихъ назначаются цзонпонями, т. е. префектами.

Жалованья, присвоеннаго дунк'орамъ, съ трудомъ хватаетъ на ихъ содержаніе; но такъ какъ они принадлежатъ по большей части къ заимточнымъ семействамъ, то этотъ вопросъ для нихъ значенія не имѣетъ [1]). Дунк'оры носятъ особую прическу, отличающую ихъ отъ другихъ чиновниковъ.

Тѣ изъ сыновей богатыхъ и выдающихся лицъ въ Лхасѣ, которые, поступивъ въ духовное званіе, желаютъ посвятить себя общественной службѣ, обучаются въ Потальской школѣ Цэ-лабдра и по выходѣ изъ нея дѣлаются *цэ-дунами*, т. е. чиновниками-монахами. Число послѣднихъ не можетъ превышать 175. На всѣхъ отвѣтственныхъ и требующихъ надежныхъ лицъ мѣстахъ имѣется по два чиновника, а иногда и больше, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ однимъ является цэ-дунъ. Такъ, въ канцеляріи потальскаго казначея находятся два цэ-дуна и одинъ дунк'оръ; въ казначействѣ Лабрана также находятся два цэ-дуна и одинъ дунк'оръ, и т. д. Цэ-дуны назначаются на эти должности на три года.

Цзонпонямъ или префектамъ ввѣряется въ подчиненныхъ имъ цзонахъ гражданская и военная власть. Они рѣшаютъ гражданскія и уголовныя дѣла, собираютъ подати, при чемъ послѣднее производится подъ наблюденіемъ *карчжя* изъ управленія калоней. Имѣется 53 области (*цзонъ*) и 123 уѣзда подъ управленіемъ *цзоннъровъ*.

Въ каждомъ цзонѣ находится по два цзонпоня [2]), при чемъ оба они пользуются во всѣхъ отношеніяхъ одинаковою властью. Въ военныхъ дѣлахъ они подчиняются генераламъ и амбанямъ. Они ежегодно отдаютъ амбанямъ отчетъ о состояніи военныхъ запасовъ въ ихъ областяхъ, а также показываютъ искусство своего войска въ стрѣльбѣ, ѣздѣ верхомъ и другихъ атлетическихъ упражненіяхъ на годичномъ смотру, производимомъ амба-

---

[1]) Нашъ авторъ забываетъ о „взяткахъ", которыя увеличиваютъ содержаніе до весьма почтенныхъ размѣровъ (W. R.). См. стр. 229, пр. 4.

[2]) Одинъ лама (*цэ-дунъ*), а другой—свѣтскій (S. C. D.).

нями и дахпонями [1]). Амбани жалуютъ имъ для ношенія на парадныхъ шляпахъ голубые или хрустальные шарики.

Управленіе цзонпоня состоитъ изъ двухъ дунк'оровъ и двухъ цзоннѣровъ («смотрителей складовъ»), управляющихъ уѣздами, и изъ извѣстнаго числа низшихъ служащихъ. Начальники деревень (*цопонь*), старосты (*мипонь*), старѣйшины (*чжяньпо*), которые всѣ избираются на 1 годъ, также находятся подъ начальствомъ цзонпоня.

Въ каждомъ цзонѣ есть два склада—*карчжя*, т. е. запасный магазинъ, и *цзонъ-цзо*, т. е., хранилище цзона. Ключи отъ перваго хранятся у калоней; онъ открывается только одинъ или два раза въ году. Правительство ежегодно посылаетъ чиновника для провѣрки счетовъ цзонпоня и сборщиковъ податей (*к'ралдупа*) и принятія отъ нихъ собранныхъ ими суммъ. У цзонпоней такъ же, какъ и у калоней, имѣются *чжа-гиръ* и *цзонъ-ши*, замѣняющихъ имъ жалованіе.

Слѣдующая выписка изъ сочиненія, озаглавленнаго: *Шэрабъ донбу*, т. е., «Отрывки мудрости», могутъ представить нѣкоторый интересъ:

«Всякій разъ, когда обращаются съ просьбою или требованіемъ, таковыя должны быть тщательно разсмотрѣны. Безпристрастіе должно въ одинаковой степени выказываться по отношенію ко всѣмъ классамъ, къ большимъ и малымъ, ламамъ и мірянамъ. Цзонпонь долженъ быть справедливымъ всегда, не поддаваясь задабриванію или опасенію критики. Вопросы правосудія, обложенія миссэровъ (простолюдиновъ) и принудительныхъ работъ должны быть разрѣшаемы на основаніи правилъ (*ца-цигъ*), дѣйствующихъ въ каждомъ цзонѣ. Деревни, дома и жители должны ежегодно пересчитываться и осматриваться, и результаты подсчета сравниваться съ прошлогодними цифрами. Покинувшихъ свои дома цзонпонь обязанъ возвращать обратно, въ особенности же миссэровъ, которые пробыли въ отлучкѣ не болѣе пяти лѣтъ. Служащіе и рабочіе цзона не должны быть привлекаемы цзонпонемъ къ исполненію его частныхъ работъ; число слугъ, которыхъ ему дозволяется держать, установлено правилами *ца-цигъ*. Цзонпонь долженъ относиться хорошо къ миссэрамъ и безъ основательныхъ причинъ не вступать въ пререканія съ сосѣдними цзонпонями, такъ какъ отъ этого могутъ пострадать государственные интересы. Онъ не долженъ позво-

---

[1]) Относительно военныхъ смотровъ, производимыхъ амбанями, см. Пекинскую оффиціальную газету Цзинъ-бао отъ 24-го января 1886 г. и Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, 216 (W. R.).

лять захватывать общественную землю; землевладѣльцы (*гэрпа*) не должны отбирать землю у арендаторовъ.

«Женщинамъ не должно позволять бродить по цзону; цзонпонь долженъ искоренять любовныя интриги. Онъ долженъ заботиться о содержаніи правильной курьерской службы и наблюдать за тѣмъ, чтобы удобствами ея пользовались лишь лица, снабженныя подорожными (*ламъ-игъ*). Если кто-либо изъ иностранныхъ или пограничныхъ торговцевъ не предъявитъ паспорта, то его надлежитъ задержать. Всякія свѣдѣнія, которыя цзонпонь получитъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, должны быть сообщаемы въ Лхасу» [1]).

Какъ было уже сказано выше, калони и цзонпони отправляютъ судебныя функціи [2]). Однако въ монастыряхъ Сэра и Дабунъ настоятели ихъ судятъ всѣ меньшіе проступки, совершенные въ стѣнахъ монастыря, болѣе же серьезные передаются на разсмотрѣніе управленія регента и калоней. Во всѣхъ прочихъ монастыряхъ только нарушенія установившихся обычаевъ подлежатъ разбирательству монастырскихъ властей.

Вошло въ обычай, чтобы обѣ стороны—какъ обвиняемый, такъ и обвинитель—подносили судьѣ подарки. Когда дѣло разсмотрѣно, судья назначаетъ сумму (*тимъ-тэгъ*), которая должна быть внесена истцомъ и отвѣтчикомъ въ равныхъ частяхъ. Ссоры по общему правилу рѣшаются деревенскими старѣйшинами, но дѣла въ общемъ возникаютъ рѣдко, такъ какъ тибетцы—мирный, добродушный, повинующійся законамъ народъ и очень легко поддаются убѣжденію [3]).

Амбань, т. е. императорскій китайскій агентъ въ Тибетѣ, является гла-

---

[1]) Очевидно, что большая часть цзонпоней исполняетъ только очень немногія изъ этихъ обязанностей. Они притѣсняютъ подчиненное имъ населеніе, принуждаютъ его ко всевозможнымъ работамъ, стараются заодно съ ламами выжить все, что только можно, а останавливаются лишь тогда, когда ихъ вымогательства грозятъ вызвать серьезные безпорядки (W. R.).

[2]) Судъ, какъ и вообще вся система управленія, основанъ, по словамъ г. Цыбикова (loc. cit., p. 215) и Dutreuil de Rhins'a (op. cit., p. 426), на взяточничествѣ, разбирательство же дѣла—на пыткахъ, между коими самою жестокою является прижиганіе горящимъ сургучомъ. Наказаніями являются смертная казнь посредствомъ утопленія (смертная казнь впрочемъ отмѣнена нынѣшнимъ Далай-ламою), тюремное заключеніе, ссылка съ отдачею въ рабы, ослѣпленіе, отрѣзаніе пальцевъ, вѣчные кандалы и, наконецъ, плети. Жестокость наказаній служитъ главнымъ средствомъ для поддержанія авторитета мѣстнаго правительства (*ред.*).

[3]) На сокращеніе числа тяжбъ въ судахъ, пожалуй, еще больше вліяютъ своеобразные пріемы тибетскаго правосудія (*ред.*).

вою тибетской арміи. Его китайскій штабъ состоитъ изъ помощника амбаня, двухъ лао-ѣ и казначея (*погнонь*) [1]. Имѣется также одинъ тибетскій главнокомандующій (*магнонь*), шесть дахпоней [2]), или дивизіонныхъ командировъ, шесть рупоней, командующихъ полками, и много второстепенныхъ офицеровъ.

Амбань является посредникомъ во всѣхъ сношеніяхъ тибетскаго правительства съ Китаемъ. Онъ рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія политическаго характера между различными самостоятельными владѣніями Тибета и лхасскимъ правительствомъ; онъ же раздаетъ титулы и почетныя награды туземнымъ офицерамъ; но теоретически его власть не распространяется на внутреннее управленіе страною. Обыкновенно амбань проживаетъ въ Лхасѣ, при чемъ ежегодно производитъ осмотръ непальской границы до Тинри-дзопа. Иногда эту обязанность выполняетъ его помощникъ, и тогда самъ онъ осматриваетъ военные склады и войска въ разныхъ цзонахъ [3]).

Политическія сношенія между Китаемъ и Тибетомъ въ настоящее время очень тѣсны, и императорская дипломатическая агентура, учрежденная въ Лхасѣ въ первой четверти XVIII столѣтія, уже превратила Тибетъ изъ покровительствуемаго государства въ страну, вполнѣ подвластную Китаю. Оба амбаня являются начальниками милиціи и присваиваютъ себѣ верховную политическую власть въ странѣ. Назначеніе двухъ амбаней для наблюденія за политическими интересами страны, вѣроятно, основано на томъ принципѣ,

---

[1]) По-китайски называется *лянъ-тай*. О китайскихъ военныхъ учрежденіяхъ въ Тибетѣ, см. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, p. 275 (W. R.). По словамъ J.-L. Dutreuil de Rhins и F. Grenard (op. cit., p. 431). въ распоряженіи амбаня, кромѣ его помощника и 15 чиновниковъ, секретарей или переводчиковъ, имѣется одинъ лянъ-тай (казначей или интендантъ), 4 офицера и 500 китайскихъ солдатъ въ Лхасѣ; 1 лянъ-тай, 1 офицеръ и 130 солдатъ въ Лха-ри; 1 лянъ-тай, 6 офицеровъ и 700 солдатъ въ Шигацэ и 1 офицеръ съ нѣсколькими солдатами въ Тингэ (Тинри) между Шигацэ и Непаломъ. Эти войска содержатся за счетъ провинціи Сы-чуань, генералъ-губернаторъ которой назначаетъ и лянъ-таевъ; ему подчиненъ также и самъ амбань, хотя послѣдній имѣетъ право непосредственныхъ сношеній съ Пекиномъ. Лянъ-тан выплачиваютъ содержаніе войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ играютъ роль китайскихъ консуловъ въ Тибетѣ, рѣшая дѣла, въ которыхъ замѣшаны китайскіе торговцы, такъ какъ китайцы пользуются въ Тибетѣ экстерриторіальностью (*ред.*).

[2]) Во время первой англо-тибетской войны было 4 магноня или mafea и 8 дахпоней (W. R.).

[3]) См. выше, стр. 67.

чтобы одинъ служилъ соглядатаемъ другого. Какъ и въ Китаѣ, это вошло въ обычай и въ Тибетѣ.

Амбани являются страшилищами для тибетцевъ, которые ненавидятъ ихъ всею душою [1]). Выѣзжаютъ ли амбани изъ Лхасы для совершенія увеселительной экскурсіи или для служебнаго осмотра, они силою заставляютъ бѣдныхъ поселянъ доставлять имъ продовольствіе и средства для передвиженія и требуютъ отъ нихъ всякаго рода личныхъ услугъ. При этомъ населеніе лишается своихъ лошадей и яковъ, которые гибнутъ въ большомъ числѣ по дорогѣ вслѣдствіе немилосерднаго обращенія съ ними многочисленныхъ слугъ амбаней. За свои потери и убытки сельское населеніе не получаетъ никакого вознагражденія, и никакія жалобы на этого рода притѣсненія не принимаются судами, которые находятся подъ предсѣдательствомъ ламъ. Цамба и овцы въ подобныхъ случаяхъ также отнимаются насильно у народа, который, не будучи въ состояніи перенести притѣсненій, не разъ возставалъ коллективно противъ слугъ амбаней, когда дѣло рѣшалось цзонпонями, являющимися обыкновенно креатурами амбаней.

Но и это еще не все. Каждый китайскій или маньчжурскій солдатъ или купецъ, ѣдущій въ Тибетъ, запасается паспортомъ въ Пекинѣ, что облегчаетъ ему путешествіе и даетъ возможность достигнуть мѣста назначенія безопасно и безъ всякихъ расходовъ [2]). То же самое бываетъ и съ тѣми, кто отправляется изъ Тибета въ Китай, при чемъ паспортъ выдается только амбанемъ. Счастливый путешественникъ, чувствующій за собою авторитетъ амбаня, извлекаетъ изъ своего паспорта всевозможныя выгоды и никогда не упускаетъ случая пустить въ ходъ свою плеть, если поселяне медлятъ исполненіемъ его требованій.

---

[1]) Маннингъ (Markham, Tibet, p. 274) говоритъ: „Очень нехороша политика неизмѣнно посылать дурныхъ людей для управленія Тибетомъ. Это, безъ сомнѣнія, не нравится великому ламѣ и тибетцамъ вообще и удерживаетъ ихъ отъ проявленія расположенія къ китайскому правительству. Изъ всего того, что я видѣлъ и слышалъ, я не могу не заключить, что тибетцы безъ большого сожалѣнія встрѣтили бы низверженіе китайскаго вліянія въ Тибетѣ“ (W. R.).

[2]) Это неточно. Торговцы получаютъ или въ Да-цзянь-лу отъ Чуньлянъ-фу или въ Лхасѣ отъ амбаня пропускъ, разрѣшающій имъ только или отправиться въ Тибетъ или же выѣхать изъ него. *Ула* же предоставляется должностнымъ лицамъ, даже солдатамъ, при чемъ послѣднимъ только тогда, когда они направляются въ Тибетъ или совершаютъ служебную поѣздку (W. R.).

По крайней мѣрѣ одинъ изъ амбаней долженъ дѣлать ежегодно визитъ Таши-ламѣ, чтобы поговорить съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, при чемъ его, какъ представителя китайскаго императора, принимаютъ съ знаками величайшаго почтенія. Амбань обязанъ сдѣлать низкій поклонъ Таши-ламѣ, сложивъ ладони; когда же онъ приблизится къ трону ламы, то подноситъ ему шарфъ; Таши-лама съ своей стороны преподаетъ ему благословеніе, прикасаясь своею рукою къ головѣ амбаня и садитъ его по правую руку отъ себя на почетное сидѣніе. Послѣ краткаго взаимнаго обмѣна комплиментами, разговоръ переходитъ на состояніе здоровья императора, благополучіе народа и виды на урожай текущаго года. Амбаня всегда сопровождаютъ переводчики, знающіе монгольскій, китайскій и маньчжурскій языки, а Таши-лама также имѣетъ своихъ переводчиковъ.

Когда амбань появляется на улицѣ, его несутъ въ желтомъ креслѣ, при чемъ его сопровождаетъ многочисленная свита, несущая знаки его высокой должности.

Изъ дахионей двое живутъ въ Лхасѣ, двое—въ Шигацэ, одинъ—въ Чжяньцэ и одинъ—въ Тинри-цзонѣ. Трое изъ шести рупоней принадлежатъ къ Центральному Тибету, а трое другихъ—къ Западному.

Регулярная армія состоитъ изъ 6000 человѣкъ, изъ которыхъ 3000 находятся въ строю, а остальные 3000 живутъ дома, получая половинное содержаніе. Состоящіе на дѣйствительной службѣ служатъ 3 года, получая въ мѣсяцъ по двѣ унціи серебромъ. По истеченіи срока службы они возвращаются домой и перечисляются въ ополченіе *(юлъ-магъ)*, изъ котораго они во всякое время могутъ быть призваны на дѣйствительную службу. Обыкновенно солдаты не имѣютъ формы, хотя нѣкоторые и носятъ черную китайскую куртку. Вооруженіе ихъ составляютъ кремневыя ружья, лукъ и стрѣлы, длинныя пики и пращи (*ордо*).

Кромѣ регулярной арміи, правительство въ случаѣ надобности можетъ созвать всѣ силы страны [1]); тогда каждое семейство должно доставить въ

---

[1]) Во время столкновенія съ англичанами изъ-за Сиккима тибетское правительство выставило 30.000 чел. на границѣ Индіи. По словамъ Dutreuil de Rhins'a (op. cit., p. 428), тибетцы представляютъ прекрасный боевой матеріалъ для дѣйствій въ ихъ горной странѣ: „Они привыкли къ передвиженію, для нихъ ни по чемъ переходъ черезъ горы, которыя заставятъ призадуматься иностранцевъ; ихъ легко кормить, они не боятся непогодъ, опытны въ обращеніи съ оружіемъ, чувствуютъ глубокое уваженіе къ своимъ начальникамъ, и нѣтъ ничего легче, какъ внушить имъ, обыкновеннымъ или сверхъестественнымъ способомъ, безусловную увѣренность въ побѣдѣ".

армію по одному вполнѣ экипированному и снабженному продовольствіемъ человѣку, а каждый землевладѣлецъ посылаетъ по одному человѣку съ каждаго кана [1]) принадлежащей ему земли и слугу, который долженъ нести продовольствіе солдата. Калони, цзонпони, дахпони и другія начальствующія лица выставляютъ извѣстное число всадниковъ (*та-макъ*), при чемъ всѣ, имѣющіе лошадь, зачисляются въ этотъ родъ войска.

Помимо расходовъ на содержаніе арміи (каждый рядовой китаецъ получаетъ по 14 рупій и 30 суръ цамбы въ мѣсяцъ, а каждый тибетецъ— $2^1/_4$ рупій въ мѣсяцъ), тибетское правительство должно платить 50.000 рупій на содержаніе дипломатической агентуры, исключая жалованіе амбаню. Тибетское правительство, какъ и весь народъ, стонетъ подъ тяжестью этихъ чрезмѣрныхъ и безполезныхъ расходовъ, но сохраненіе этого порядка считается необходимымъ для защиты святыхъ ламъ отъ посягательствъ англійскаго, непальскаго и кашмирскаго правительствъ. Непалъ и Кашмиръ являются союзниками Тибета, въ то время какъ самое имя Англіи внушаетъ страхъ чиновникамъ, особенно же монахамъ, такъ какъ англичане считаются непобѣдимой націей и воплощеніями гигантовъ (*лхамагинь*), которые ведутъ борьбу съ богами. Въ Тибетѣ существуетъ вѣра въ то, что черезъ 200 лѣтъ Таши-лама удалится въ Шамбалу, утопическій городъ буддистовъ, и не возвратится болѣе въ Тибетъ, и что въ это самое время весь міръ подчинится могуществу п'илиновъ (русскихъ и англичанъ). Ни китайскій императоръ ни соединенные легіоны боговъ и полубоговъ, которые обитаютъ на золотой горѣ Рирабъ (Сумэру), не будутъ въ силахъ остановить ни успѣховъ ихъ оружія ни чудесныхъ проявленій ихъ выдающагося ума. Поэтому политика тибетцевъ заключается въ томъ, чтобы удерживать п'илиновъ вдали отъ себя не путемъ явныхъ враждебныхъ дѣйствій, а выжиданіемъ и дипломатическими уловками. Въ эту политику они были посвящены амбанями, которые постоянно обдумываютъ новые планы для огражденія безопасности страны отъ всякаго рода воображаемыхъ нападеній со стороны иностранцевъ.

Непальцы теперь не являются предметомъ того страха, какъ это было

Эти прекрасныя качества тибетцевъ теряютъ однако всякое значеніе въ виду отсутствія надлежащаго вооруженія и полной неспособности и трусости руководителей (зачастую ламъ), потерявшихъ военный духъ подъ вліяніемъ ламаизма (*ред.*).

[1]) *Канъ* – это участокъ земли, на которомъ можно засѣять ячменя въ количествѣ 10 грузовъ яковъ, или съ котораго платится подать въ размѣрѣ 50—55 унцій серебра въ годъ (S. C. D.).

сто лѣтъ тому назадъ; на нихъ смотрятъ, какъ на мирныхъ союзниковъ подъ властью императора Китая. Тибетъ не платитъ Непалу дани и не содержитъ агента въ Катманду, въ то время какъ Непалъ имѣетъ своего представителя въ Лхасѣ для поддержанія дружественныхъ отношеній съ Тибетомъ, а равно для охраны своихъ коммерческихъ интересовъ въ этой странѣ. Нужно замѣтить, что самые богатые купцы и банкиры въ Лхасѣ—непальскіе *палпа*.

Во время послѣднихъ недоразумѣній между монахами То-самъ-линской школы и Нѣръ-чанъ чэньпо покойный Таши-лама не счелъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ амбаню или просить его о присылкѣ на помощь

Монастырь Гадань или Галдань (*По фотографіи О. М. Норзунова*).

китайскихъ солдатъ для подавленія возстанія 1500 раздраженныхъ и непокорныхъ монаховъ, но тайно увѣдомилъ своихъ подданныхъ изъ сосѣднихъ деревень о своихъ намѣреніяхъ, и въ назначенный день собралось 10.000 людей, вооруженныхъ длинными пиками, щитами, кремневыми ружьями и пращами, что сразу повергло въ ужасъ возмутившихся монаховъ. Съ этого дня Таши-лама убѣдился въ искреннемъ обожаніи и полной преданности своего народа, а равно въ совершенной безполезности войскъ амбаня. Такой тактичный поступокъ со стороны Паньчэнь-риньпочэ поднялъ его высоко въ глазахъ народа къ крайнему неудовольствію подозрительнаго амбаня. Пріятно также видѣть проявленіе самостоятельности

со стороны молодого Таши-ламы, который теперь является старшимъ правителемъ въ Тибетѣ, такъ какъ Далай-лама еще ребенокъ. Поселяне и простой народъ, которые очень много страдаютъ отъ тиранніи амбаня, говорятъ, что съ теченіемъ времени нынѣшній Таши-лама сдѣлается достойнымъ преемникомъ великаго Тэшпай ньима [1]) какъ въ отношеніи вѣры, такъ и силы ума.

Главными источниками доходовъ лхасскаго правительства являются посемейный и поземельный налоги, изъ которыхъ первый обыкновенно уплачивается деньгами, а послѣдній натурой. Посемейный налогъ можетъ вноситься въ любое время года.

Кромѣ земель [2]), принадлежащихъ начальникамъ и знати, существуютъ еще, какъ уже было сказано, 53 области (*цзонъ*) подъ управленіемъ цзонпоней и 123 уѣзда подъ управленіемъ цзоннѣровъ. Это и составляетъ такъ называемыя *шунъ-иги*, т. е. государственныя земли. Въ каждомъ цзонѣ находится среднимъ числомъ 500 семей миссэровъ, или земледѣльцевъ; семьи ихъ состоятъ изъ одной жены со всѣми ея мужьями, дѣтьми и слугами. Каждое семейство въ среднемъ обладаетъ 2 или 3 канями пахатной земли. Если 1 к'алъ (50 фунтовъ) даетъ 9—10 к'алъ, то это считается хорошимъ урожаемъ, отъ 6 до 8 к'алъ—сноснымъ урожаемъ, а 4—6 плохимъ. Въ государственный доходъ съ каждаго кана среднимъ числомъ взимается 50 сранъ, т. е. 125 рупій, или 150 к'алъ зерна. Доходы казны, если они полностью поступаютъ натурою, достигаютъ 2,625,000 к'алъ, что равноцѣнно 2,000,000 рупій. Эти поступленія отчасти тратятся государствомъ на нужды церкви, раздачу

---

[1]) Четвертый Паньчэнь назывался Палдань Таньпай ньима. Онъ родился въ 1782 году и умеръ, имѣя отъ роду около 50 лѣтъ. Turner, Embassy, p. 230 (W. R.).

[2]) Большая часть земель въ Тибетѣ, какъ видно изъ сообщеній автора и другихъ путешественниковъ, составляютъ собственность государства, т. е принадлежатъ казначейству Далай-ламы, который, по словамъ Г. Цыбикова, стремится въ послѣднее время къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ возможно большаго количества земель. Кромѣ того, собственниками земли являются монастыри и знатныя лица изъ духовенства (хутухты или воплощенцы) и мірянъ, при чемъ всего насчитывается, по словамъ автора, 120 крупныхъ частныхъ землевладѣльца и свыше 300 болѣе мелкихъ. Часть государственныхъ земель отводится въ пользованіе чиновникамъ. Всѣ эти категоріи землевладѣльцевъ являются почти неограниченными хозяевами какъ принадлежащихъ имъ земель, такъ и проживающихъ на нихъ миссэровъ, при чемъ имъ предоставлено въ отношеніи послѣднихъ право юрисдикціи и обложенія налогами (*ред.*).

милостыни ламамъ, принадлежащимъ къ монастырямъ Потала, Сэра, Дабунъ, Гадань [1]) и др. Въ каждомъ цзонѣ ведутся книги, въ которыя записываютъ сборы прежнихъ лѣтъ и качество земли подъ обработкой. Сборщикъ, ознакомившись съ этими книгами, осматриваетъ хлѣба и опредѣляетъ качество урожая, послѣ чего, сравнивъ его съ итогами пяти предшествующихъ лѣтъ, устанавливаетъ размѣръ подати на текущій годъ. Въ самые благопріятные годы, государство беретъ $^2/_3$ всей жатвы—максимумъ, который только допускается.

Улагъ (или *ула*) состоитъ въ снабженіи всѣхъ, имѣющихъ особый правительственный листъ, вьючнымъ скотомъ: лошадьми, мулами, яками и ослами, въ указанномъ въ листѣ количествѣ. Если миссэръ не имѣетъ лошадей, онъ можетъ вмѣсто нихъ выставить яковъ или ословъ. На перегонахъ, гдѣ не могутъ пройти ни яки ни лошади, должны быть доставляемы носильщики, которые переносятъ багажъ путешественника. Въ случаѣ отсутствія носильщиковъ, миссэръ обязанъ уплатить извѣстную сумму на расходы по передвиженію багажа. Миссэръ, равно какъ и всѣ, кто имѣетъ болѣе одного кана земли, должны доставлять безплатно *улагъ* [2]) и *та-у*,

---

[1]) Сэра, Дабунъ (Дайбунъ, Брайбунъ) и Гадань (Галдань)—три важнѣйшихъ монастыря Тибета, извѣстные подъ общимъ именемъ *Сэръ-брай-гэ сумъ* („три: Сэръ, Брай и Гэ"). Они расположены близъ Лхасы: Сэра въ 3 верстахъ къ сѣверу отъ нея, Дабунъ въ 10 верст. къ сѣверо-западу и Гадань въ 30 верст. къ востоку на склонѣ довольно высокой горы Брогъ-ри. Всѣ эти монастыри принадлежатъ сектѣ гэлугъ-па и построены при жизни Цонк'апы въ началѣ XV ст. Самый большой изъ этихъ монастырей—Дабунъ, въ которомъ живетъ, по словамъ г. Цыбикова (loc. cit., p. 203), 8—$8^1/_2$ тыс. монаховъ, въ Сэрѣ насчитывается 5 тыс. и въ Гаданѣ 2—$2^1/_2$ тыс. Другіе путешественники даютъ болѣе крупныя цифры: Dutreuil de Rhins (op. cit., p. 429),—9, 8 и 5 тыс., База-бакши—10, 7 и $3^1/_2$ тыс. Верховнымъ настоятелемъ этихъ монастырей считается Далай-лама, но въ Гаданѣ имѣется должность намѣстника Цонк'апы. (*Гаданъ-сэрти-ба*—„Гаданьскій золотопрестольный"), которая была учреждена тотчасъ послѣ смерти послѣдняго. Раньше эта должность замѣщалась по выбору, но теперь ее занимаютъ по очереди (по 6 лѣтъ) монахи изъ 2 лхасскихъ дацановъ „Чжудъ" по порядку выслуги ими высшихъ должностей въ своихъ дацанахъ. Нынѣ тамъ служитъ 85-ый „намѣстникъ". Дабунъ знаменитъ своими прорицателями, Сэра—ритодами-кельями аскетовъ, Гадань—разными чудесными остатками, въ томъ числѣ гробницею Цонк'апы. Подробности объ этихъ монастыряхъ см. въ трудахъ Г. Цыбикова, База-бакши, Waddell'я, Миньчжулъ-хутухты („Географія Тибета" въ переводѣ Васильева) - (*ред.*).

[2]) *Та* по-тибетски значитъ „лошадь"; *та-у* – „улагъ, состоящій изъ лошади" (*ред.*).

состоящіе изъ одного кули или лошади, когда путешественникъ предъявляетъ правительственный листъ. Система поставки улага является своего рода косвеннымъ налогомъ, отчетность по которому ведется сельскими старостами. Нѣкоторыя семейства поставляютъ въ годъ по 100 улагъ, а другія—всего лишь 5—10. Если миссэръ не поставитъ улага ни одного раза въ теченіе извѣстнаго года, то онъ обязанъ сдѣлать это въ слѣдующемъ году въ двойномъ размѣрѣ. Эта повинность лежитъ на всѣхъ государственныхъ земляхъ и подданныхъ, и только земли, находящіяся въ безплатномъ пользованіи, и частная собственность, пожертвованная священнымъ особамъ, изъята отъ этого ненавистнаго налога. Земли, пріобрѣтенныя покупкою у государства, подлежатъ той же повинности.

Подъ властью лхасскаго правительства находится около 120 крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ около 20—очень богатыхъ и могущественныхъ. Теперешній регентъ лама Та-цагъ риньпочэ, живущій въ Куньду-линѣ, имѣетъ свыше 3000 миссэровъ въ своихъ помѣстьяхъ въ К'ару и собственномъ Тибетѣ. Бывшій регентъ, имѣнія котораго находятся въ Ковпо, имѣетъ около 5000 миссэровъ, другіе великіе ламы и міряне—около 1000 миссэровъ каждый. Знатнѣйшій дворянинъ въ Тибетѣ, П'агсъ-па-ша изъ Чабъ-мдо [1]), является обладателемъ 10.000 миссэровъ.

Когда возникаетъ вопросъ объ обложеніи новыхъ земель, сборщики податей, не имѣя книгъ (*цу-шу*) для своего руководства въ этомъ дѣлѣ, измѣряютъ поля и наблюдаютъ за жатвою, чтобы установить размѣръ сбора къ пользу государства. Устанавливать размѣръ обложенія разрѣшается только путемъ личнаго осмотра. Поземельную подать можно уплачивать въ три срока: въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, при чемъ въ январѣ цзонпонь передаетъ эту подать въ Лхасу или Таши-лхуньпо по принадлежности. Сборщики имѣютъ право слагать часть подати въ случаѣ неурожая или по другой какой-либо причинѣ, примѣнительно къ словамъ одного тибетскаго автора: «Какъ яйца берутъ осторожно изъ-подъ насѣдки, не разрушая гнѣзда, такъ и сборщики податей должны собирать подать, не притѣсняя и не тревожа миссеровъ» [2]).

Большіе монастыри въ Лхасѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ, какъ,

---

[1]) Чамдо въ Восточномъ Тибетѣ. Это—церковный удѣлъ, находящійся подъ управленіемъ высшаго сановника изъ секты гэлугъ-па, который носитъ титулъ *п'а-па-лха* (W. R.).

[2]) Говоря иначе, онъ долженъ брать все, что только можно взять безъ вынужденія миссэра къ открытому возмущенію (W. R.).

напримѣръ, Сэра, Дабунъ, Гадань, Самъѣ [1]) и др., имѣютъ большія помѣстья, изъятыя отъ уплаты поземельной подати.

Кромѣ того, имѣется еще болѣе 300 помѣщиковъ, называемыхъ *гэрпа*, которые платятъ правительству номинальную подать, измѣняющуюся въ предѣлахъ отъ 10 до 30 дочэ (1250—3750 рупій), и которые обязываются также нести улагъ, та-у и другія косвенныя повинности.

Коровы и самки яковъ *(чжомо)*, принадлежащія правительству и пасущіяся подъ присмотромъ догпа, даютъ въ среднемъ около 5 фунтовъ масла каждая въ годъ. Въ провинціяхъ Конпо и Пэма-кіодъ разводится много свиней, при чемъ богатыя семьи считаютъ ихъ тысячами. Лхасское правительство взимаетъ съ каждой свиньи сборъ въ размѣрѣ 1 таньки и получаетъ изъ этого источника въ названныхъ мѣстностяхъ далеко не ничтожный доходъ. Въ каждомъ цзонѣ арендаторы земли отбываютъ, каждый въ теченіе 10 дней, барщину въ видѣ обработки государственныхъ земель или уборки съ нихъ жатвы. Эта повинность носитъ названіе *ласъ-талъ*, т. е., «рабочая подать».

Въ Тибетѣ нѣтъ опредѣленнаго размѣра пошлинъ съ товаровъ; нѣтъ также регулярной ввозной пошлины. Богатые купцы, пріѣзжающіе изъ чужихъ земель, должны платить правительству подать въ размѣрѣ 50 сранъ въ годъ, съ крупныхъ торговцевъ взимается по 25 сранъ, а съ мелкихъ по 3 срана. Содержатели лавочекъ и разносчики платятъ ежегодно по 5 шо, или $1^1/_4$ рупіи, а странствующіе разносчики изъ провинціи К'амъ, которые переносятъ товаръ на своихъ плечахъ, платятъ по $^1/_2$ таньки за четверть года какъ въ провинціи У, такъ и въ Цанѣ.

За переходъ черезъ большой мостъ взимается отъ 1 к'а (анна) до 1 таньки съ человѣка и отъ 1 карма (2 анны) до 1 шо (4 анны) за каждую лошадь; за пасеніе рогатаго скота на общественныхъ земляхъ взимается съ каждой головы отъ 3 до 5 шо въ годъ.

Кромѣ этого, существуетъ подушная подать, уплачиваемая въ размѣрѣ отъ 2 до 3 сранъ ($7^1/_2$ рупій); эта подать взимается съ лицъ, владѣющихъ только усадебною землею.

Сборщики податей (*к'ралдупа*), равно какъ и ихъ слуги, получаютъ на всѣхъ станціяхъ безплатно средства къ передвиженію, лошадей и яковъ, а поселяне обязаны доставлять имъ и ихъ слугамъ воду, топливо и помѣщеніе. Сборщики податей могутъ брать въ свою пользу шарфы, масло, чай и серебряныя монеты, которые миссэры найдутъ возможнымъ предло-

---

[1]) Описаніе монастыря Самъѣ, см. въ главѣ IX (*ред.*).

жить имъ. Они имѣютъ также право велѣть во время объѣздовъ заколоть для себя одну овцу изъ каждой сотни [1]), принадлежащей миссэру. Во всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ они должны руководиться обычаями и законами страны. Должностныя лица—податные чиновники или цзонпони—не имѣютъ права притѣснять самыхъ бѣдныхъ миссэровъ. Если кто-либо изъ нихъ не можетъ уплатить установленной подати деньгами, онъ можетъ предложить, взамѣнъ, на ту же сумму масла, чаю или одѣяла, но рогатый скотъ не принимается, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда нѣтъ ничего другого болѣе подходящаго.

Правительству принадлежитъ свыше 1.000.000 головъ скота. Надъ этимъ имуществомъ правительства поставленъ особый смотритель, который въ концѣ каждаго года представляетъ отчетъ о наличномъ скотѣ и количествѣ павшаго или убитаго скота въ теченіе года. Въ качествѣ доказательства онъ обязанъ при отчетѣ представлять цѣлыя высохшія туши павшихъ животныхъ съ ихъ хвостами и рогами. Эти надсмотрщики назначаются на годъ, почему и стараются до истеченія срока ихъ службы составить себѣ состояніе за счетъ государства.

Письма доставляются посыльными и особыми курьерами, называющимися *чибъ-замба* или *та-замба*, что, буквально, значитъ: «лошадь-мостъ». Курьеры обыкновенно выполняютъ свою обязанность съ удивительной аккуратностью, и всѣ съ полной готовностью оказываютъ имъ въ этомъ содѣйствіе. Всѣ правительственные посыльные снабжаются самыми лучшими и быстрыми лошадьми, и на каждой остановкѣ имъ даютъ помѣщеніе, воду, дрова и человѣка для приготовленія пищи. Пѣшіе курьеры дѣлаютъ обыкновенно отъ 20 до 25 миль въ день, а конные—отъ 30 до 35 миль. Послѣдніе считаются нарочными, и правительство даетъ имъ добавочное вознагражденіе. Правительственные курьеры одни только имѣютъ право на *та-у*, т. е. на лошадей для разъѣздовъ. Съ ними пересылаются частныя письма должностныхъ лицъ, простой же народъ самъ принимаетъ мѣры для пересылки корреспонденціи, которая однако не бываетъ большою.

Нарочные курьеры или *тэ-ци*, ѣздящіе по дорогѣ между Лхасой и Китаемъ, одѣваются въ обтянутую синюю одежду, тесемочныя завязки которой связываются на ихъ головахъ, а узелъ припечатывается. Пища ихъ должна состоять изъ пяти куриныхъ яицъ, пяти чашекъ обыкновеннаго

---

[1]) Это кажется неправдоподобнымъ въ виду того, что большая часть населенія владѣетъ большими стадами. 1 голова на тысячу составляла бы уже тяжелый налогъ (W. R.).

*

чаю, фунта муки, $^1/_2$ фунта рису и $^1/_4$ фунта сушенаго мяса въ день [1]). Имъ не дозволяется употреблять много соли, и въ особенности строго воспрещено употреблять въ пищу лукъ, чеснокъ, красный перецъ, масло или молоко. Въ полночь имъ разрѣшается уснуть въ сидячемъ положеніи на три часа, по истеченіи которыхъ содержатель станціи будитъ ихъ. Говорятъ, что эти курьеры принимаютъ извѣстныя лѣкарства, которыя дѣлаютъ ихъ выносливыми [2]). Письма кладутъ въ желтый мѣшокъ, который курьеръ несетъ на спинѣ, при чемъ обыкновенно подкладываетъ мягкія перья, чтобы мѣшокъ не приходилъ въ соприкосновеніе съ его тѣломъ. Они мѣняютъ лошадей въ концѣ каждаго лебора [3]). Пріѣзжая на станцію, они стрѣляютъ изъ ружья, извѣщая этимъ содержателя станціи, чтобы онъ приготовилъ почтовыхъ лошадей. На каждой такой станціи обыкновенно держится наготовѣ сѣна въ количествѣ 5 лошадей. Курьерамъ разрѣшается мѣнять свой костюмъ разъ въ недѣлю [4]).

Исполненіе курьерской службы возлагается на особый классъ обученныхъ для этой цѣли людей. Разстояніе между столицею Тибета и Пекиномъ дѣлится на 120 *чжя-цугъ*, или почтовыхъ станцій, разстояніе между которыми равняется 80—90 леборъ. Все разстояніе, составляющее приблизительно 10.000 леборъ, должно быть пройдено въ 72 дня. Курьерамъ обыкновенно разрѣшается опаздывать на пять дней, но если они превысятъ этотъ срокъ, то подвергаются наказанію. Въ случаяхъ особой важности и срочности нарочный долженъ быть въ Пекинѣ въ 36 дней [5]). Во время недавняго столкновенія младшаго амбаня съ жителями Шигацэ, нарочный дошелъ до Пекина въ $1^1/_2$ мѣсяца.

Что касается отправленія правосудія, а равно законодательства въ Тибетѣ, то можно отмѣтить слѣдующія особенности.

---

[1]) Можно думать, что это хорошее содержаніе. Huc, op. cit., v. II, p. 450 (W. R.).

[2]) Въ Китаѣ большинство курьеровъ куритъ опіумъ (W. R.).

[3]) *Леборъ*, какъ говоритъ авторъ, равняется 720 ярдамъ. Это—китайское *ли* (какъ я слышалъ, произносится *leu*). *Ли* однако составляетъ около 600 ярдовъ (W. R.). На наши мѣры ли равно приблизительно $^1/_2$ верстѣ (*ред.*).

[4]) Мнѣ кажется, что нашъ авторъ говоритъ о приведеніи въ порядокъ платья; тибетцы во время путешествія никогда не перемѣняютъ своего платья (W. R.).

[5]) Извѣстны случаи, когда депеши доставлялись изъ Лхасы въ Пекинъ въ теченіе одного мѣсяца (W. R.).

Обѣ тяжущіяся стороны письменно излагаютъ обстоятельства дѣла, и эти объясненія прочитываются затѣмъ въ судѣ. Судья выслушиваетъ показанія свидѣтелей, разсматриваетъ улики и постановляетъ письменное рѣшеніе, 3 копіи котораго выдаются заинтересованнымъ сторонамъ. Затѣмъ онъ указываетъ цифру судебныхъ издержекъ (*тимъ-тэкъ*) и канцелярскихъ расходовъ (*мюгъ-ринь*), размѣръ которыхъ измѣняется сообразно важности дѣла; эти суммы уплачиваются обѣими тяжущимися сторонами.

Смертная казнь опредѣляется лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбоя (*чагпа*), и тогда осужденные зашиваются въ кожаные мѣшки и бросаются въ рѣку. Менѣе важные проступки наказываются ссылкой на границу, ударами плетью, заключеніемъ въ тюрьму и денежными штрафами [1]).

Нѣтъ ничего болѣе ужаснаго и омерзительнаго, чѣмъ тибетская тюрьма. Существуетъ нѣсколько подземныхъ темницъ въ малоизвѣстной деревнѣ въ разстояніи двухъ дней рѣчного пути отъ Ташилхунпо, куда отправляются приговоренные къ пожизненному заключенію. Преступникъ помѣщается въ камерѣ, въ которой дверь убирается, а отверстіе задѣлывается каменной кладкой, при чемъ оставляется маленькое отверстіе, около 6 дюймовъ въ діаметрѣ, черезъ которое заключенному подаютъ пищу. Кромѣ того, имѣется еще нѣсколько дыръ въ крышѣ, черезъ которыя темничные сторожа бросаютъ въ камеры разныя нечистоты. Нѣкоторые изъ заключенныхъ живутъ въ такихъ условіяхъ въ теченіе двухъ лѣтъ, иные же, болѣе счастливые, умираютъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ [2]).

Въ случаяхъ убійства убійца платитъ четыре рода штрафовъ: 1) «кровавыя деньги» (*тонъ-чжалъ*); 2) деньги для оплаты погребальныхъ церемоній, совершаемыхъ по убитомъ; 3) штрафъ въ пользу государства и 4) подношеніе семейству и друзьямъ убитаго для примиренія съ ними. Размѣръ этихъ штрафовъ измѣняется въ предѣлахъ отъ 5 унцій серебра до количества золота, равнаго по вѣсу тѣлу убитаго. Въ случаѣ неуплаты штрафныхъ денегъ, убійца заключается въ тюрьму.

Когда убійцей является сумасшедшій или несовершеннолѣтній, имѣющій менѣе 8 лѣтъ отъ роду, то родственники и друзья убійцы оплачиваютъ

---

[1]) Ср. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, pp. 216—218; A-k, „Report on Explorations", p. 33. Китайское наказаніе кангою примѣняется теперь во всемъ Тибетѣ, при чемъ преступниковъ, носящихъ кангу, заковываютъ въ тяжелыя цѣпи. Канга по-тибетски называется *цэ-ю* (W. R.).

[2]) Я думаю, что это показаніе нѣсколько преувеличено. Тибетцы не такъ жестоки, хотя, какъ и всѣ азіаты, они вѣрятъ въ возможность предотвращенія преступленія при помощи страха наказанія (W. R.).

только погребальныя издержки; тотъ же самый порядокъ примѣняется и въ томъ случаѣ, если кого-либо убиваетъ лошадь, якъ или другое животное, при чемъ владѣлецъ животнаго уплачиваетъ расходы по погребенію убитаго.

Когда мужъ убиваетъ свою жену или хозяинъ—своего слугу, они обязаны платить обычный штрафъ государству и издержки по похоронамъ.

Воры приговариваются къ уплатѣ отъ 7 до 100-кратной стоимости украденнаго, смотря по общественному положенію лицъ, у которыхъ совершена покража. Когда воръ является рецидивистомъ, то если онъ попадается въ пятый разъ, ему *могутъ* быть отрѣзаны руки; если въ седьмой—ему могутъ подрѣзать подколѣнныя жилы, а въ девятый разъ—выколоть глаза. Если воръ наказанъ лицомъ, у котораго онъ сдѣлалъ попытку украсть, то судъ не беретъ на себя разбирательства дѣла; но если воръ будетъ убитъ, то въ такомъ случаѣ его семьѣ выплачиваются «кровавыя деньги» въ размѣрѣ 5 унцій серебра.

Дѣти, моложе 13-ти лѣтъ, не подвергаются наказанію за воровство, но дѣлается выговоръ ихъ родителямъ. Когда воровство совершаетъ женщина, то соотвѣтственному штрафу и возможному тѣлесному наказанію подвергаются какъ сама преступница, такъ и ея мужъ въ равной степени.

Тѣлесное наказаніе не должно примѣняться ни къ беременнымъ женщинамъ, ни къ больнымъ или недавно потерявшимъ родителей, равно какъ и къ лицамъ, старше 70 лѣтъ.

Укрывающіе воровъ считаются большими преступниками, нежели сами воры. Если человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ воровства, не донесетъ объ этомъ, то онъ считается виновнымъ наравнѣ съ воромъ. Воровство, совершенное однимъ членомъ семьи у другого, наказывается исключительно главою семьи.

Кража замковъ, ключей или сторожевыхъ собакъ приравнивается къ кражѣ тѣхъ предметовъ, которые были заперты или охранялись при помощи этихъ средствъ.

Насиліе надъ замужней женщиною высшаго класса наказывается оскопленіемъ и штрафомъ. Въ случаѣ, если женщина принадлежитъ къ среднему или низшему классу, оскорбитель платитъ мужу штрафъ, а женщинѣ даетъ смѣну одежды.

Если мужчина низшаго класса вступаетъ въ связь съ дѣвушкой высшаго класса, то онъ долженъ отслужить ея отцу опредѣленное число лѣтъ безъ вознагражденія. Если же виновный принадлежитъ къ высшему классу, то онъ только уплачиваетъ штрафъ.

Во всѣхъ случаяхъ самоуправства и побоевъ взимается только штрафъ, извѣстный подъ названіемъ *сонъ-чжалъ*, т. е., «жизненныя деньги», и,

кромѣ того, выплачиваются издержки по лѣченію пострадавшаго. Размѣръ штрафа опредѣляется сообразно величинѣ и глубинѣ раны или же по важности поврежденнаго органа или сломанной кости.

Когда судьи или посредники затрудняются рѣшить дѣло, то имъ предоставляется право дозволить истцу потребовать отъ обвиняемаго принесенія клятвы или подвергнуть его испытаніямъ. Въ провинціяхъ К'амъ и Амдо этотъ обычай уже почти вышелъ изъ употребленія, но въ центральномъ Тибетѣ онъ еще существуетъ и въ настоящее время. Нѣкоторые классы лицъ изъяты по закону отъ клятвъ и испытаній въ силу самаго характера послѣднихъ; такъ, напримѣръ, не могутъ приносить клятвы ни подвергаться испытаніямъ ламы, учителя, *гэнъни* (полудуховные міряне) [1]; монахи и послушники, равно какъ и занимающіеся изученіемъ тантръ (духовные колдуны) и мистическихъ заклинаній, такъ какъ думаютъ, что они могутъ отвратить страшныя послѣдствія нарушенія клятвы помощью своихъ могущественныхъ чаръ. Люди бѣдные, умирающіе съ голода, для которыхъ пища и одежда составляютъ высшее благо, равно какъ и люди, живущіе въ свое удовольствіе и дѣлающіе все, что имъ вздумается, не заботясь о будущей жизни, не могутъ принимать клятвы; изъяты отъ нея равнымъ образомъ матери и жены, которыхъ легко убѣдить дать присягу, соотвѣтствующую интересамъ ихъ мужей или дѣтей. Кромѣ упомянутыхъ категорій лицъ, отъ клятвы и испытаній изъяты также несовершеннолѣтніе мальчики, лунатики и нѣмые, которые не понимаютъ разницы между добромъ и зломъ, счастіемъ и несчастіемъ. Всѣ же прочіе, не принадлежащіе къ перечисленнымъ категоріямъ, честные люди, которые знаютъ разницу между добромъ и зломъ и вѣрятъ въ неизбѣжность отвѣтственности за свои поступки (*карма*), считаются вполнѣ правоспособными людьми и могутъ быть приводимы къ присягѣ и подвергаться испытаніямъ.

Обвинитель платитъ при этомъ отвѣтчику «клятвенное вознагражденіе» или «клятвенную кровь» (*на-тра*), размѣръ каковаго вознагражденія измѣняется, въ зависимости отъ существа разбираемаго дѣла, въ предѣлахъ отъ самой ничтожной суммы до весьма крупной цифры. Въ дѣлахъ значительной важности обычное вознагражденіе составляетъ 50 сранъ серебра (125 рупій) и одинъ якъ; кромѣ этого, уплачивается еще «клятвенное мясо» (*на-ша*).

---

[1]) *Гэнънъ* (по-санскритски *упасака, упасика;* по-монгольски *убаши, убасанца*)—міряне (мужчины и женщины), которые принимаютъ на себя исполненіе нѣкоторыхъ духовныхъ обѣтовъ (*ред.*).

Призываемый къ клятвѣ прежде всего обращается къ всезнающимъ богамъ и бодисатвамъ, затѣмъ къ мѣстнымъ богамъ и къ богинямъ, называемымъ *Срунъ-ма* (богини-покровительницы), къ полубогамъ страны, къ злымъ духамъ и нимфамъ, обитающимъ въ странѣ, призывая всѣхъ ихъ быть свидѣтелями его торжественной клятвы. Затѣмъ онъ произноситъ слѣдующія слова: «То, что я здѣсь заявляю,—сущая правда и только одна правда». Послѣ этихъ словъ онъ садится голымъ на шкуру только что убитой коровы или быка, мажетъ себя кровью животнаго и кладетъ себѣ на голову изображеніе Будды и нѣсколько томиковъ священныхъ книгъ. Послѣ этого онъ съѣдаетъ сырое бычачье сердце и, выпивъ три глотка теплой крови, заявляетъ присутствующимъ: «На мнѣ, право, нѣтъ никакой вины, но если таковая есть, пусть хранители міра и боги прекратятъ мое существованіе до конца текущаго мѣсяца». Затѣмъ онъ получаетъ «клятвенное вознагражденіе» (*на-тра*) и убитаго быка, или «клятвенное мясо» (*на-ша*).

Тибетцы твердо вѣруютъ въ то, что если кто-либо дастъ ложную клятву, то онъ или сойдетъ съ ума, или умретъ, извергая кровь, до истеченія 107 дней (со дня присяги). Если съ нимъ не случается этого, то его постигаютъ другія несчастія, какъ, напримѣръ, потеря жены и дѣтей, ссоры, вражда или потеря имущества. Но все же смерть считаютъ обычнымъ послѣдствіемъ ложной клятвы.

Принесеніемъ такой клятвы подсудимый избавляется отъ смертной казни и уплаты штрафа при всевозможныхъ обвиненіяхъ въ разбоѣ или убійствѣ; равнымъ образомъ подобная клятва освобождаетъ отъ гражданской отвѣтственности по долговымъ обязательствамъ или въ земельныхъ спорахъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тысячахъ сранъ. Съ другой стороны, тибетцы полагаютъ, что если обвинитель умышленно возводитъ ложное и злонамѣренное обвиненіе, то всѣ несчастія, слѣдующія за ложную клятву, обрушатся на него самого.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ виновность или невиновность рѣшается при помощи киданія костей, при чемъ правымъ считается тотъ, на чью долю выпало большее число очковъ.

При разбирательствѣ важныхъ преступленій, какъ-то: убійствъ, разбоевъ, грабежей, прибѣгаютъ также къ испытаніямъ. Ихъ бываетъ два рода: доставаніе бѣлыхъ и черныхъ камешковъ изъ чашки съ кипящимъ масломъ или съ мутной водой и держаніе въ рукахъ раскаленнаго до-красна каменнаго шарика. Въ присутствіи истца, свидѣтелей, судьи или его представителя и многихъ другихъ лицъ, обвиняемый взываетъ къ богамъ и полубогамъ, прося ихъ быть свидѣтелями его показаній, и объявляетъ, что

онъ говоритъ сущую правду. Затѣмъ передъ обвиняемымъ ставится мѣдная или желѣзная чашка, наполненная растопленнымъ масломъ или мутной водой; въ чашу кладутъ два камешка величиною съ яйцо—одинъ бѣлый, другой черный, при чемъ каждый изъ нихъ завязанъ въ особый мѣшочекъ. Обвиняемый моетъ свои руки сначала въ водѣ, затѣмъ въ молокѣ, слушая

Лама, дающій предсказаніе.

въ то же время чтеніе отрывка изъ священной книги, написаннаго на дощечкѣ кровью убитой для этого случая коровы; послѣ этого онъ опускаетъ руку въ кипящее масло или воду и долженъ вытащить одинъ изъ камешковъ. Если онъ вынетъ бѣлый шарикъ и не ошпаритъ при этомъ руки, онъ считается невиновнымъ; если же при этомъ же условіи онъ обваритъ руку, его признаютъ невиновнымъ только отчасти. Но если онъ вынетъ

черный камень и обваритъ руку, то онъ считается безусловно виновнымъ.

Другой видъ испытанія состоитъ въ слѣдующемъ. Каменный шаръ, величиной со страусовое яйцо, раскаляется до-красна и помѣщается затѣмъ въ желѣзный сосудъ. Лицо, принимающее клятву, вымывъ предварительно руку въ водѣ и въ молокѣ, вынимаетъ камень и, держа его, дѣлаетъ 7, 5 или 3 шага, сообразно съ общественнымъ положеніемъ обвинителя. Послѣ этого его руку обвертываютъ въ бѣлый мѣшокъ изъ бумажной матеріи, который въ присутствіи зрителей завязывается и запечатывается. По истеченіи 5 или 7 дней мѣшокъ развязывается и производится осмотръ руки. Если на рукѣ не оказывается слѣдовъ ожога, а остается только желтоватая полоска или пятнышко, обвиняемый объявляется невиновнымъ; если на рукѣ окажется пузырекъ величиною съ горошину, обвиняемый считается виновнымъ отчасти; если же остаются три такихъ пузырька, онъ признается наполовину виноватымъ; если же вся рука обожжена, подсудимый считается виновнымъ по всѣмъ пунктамъ.

Согласно тибетскимъ законамъ, обычная норма роста—на деньги, зерно или другіе предметы—составляютъ 20%, или по одной мѣрѣ съ каждыхъ пяти мѣръ въ годъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ суды допускаютъ и болѣе высокій процентъ. Лица, взимающія болѣе 20% роста на основаніи заключенныхъ ими условій, подвергаются наказанію за ростовщичество, но иногда претензіи ихъ признаются подлежащими удовлетворенію. Извѣстно, что въ случаяхъ крайней нужды размѣръ роста доходитъ до 33%. Всѣ условія должны быть заключены на бумагѣ при свидѣтеляхъ и скрѣплены надлежащими подписями и приложеніемъ печатей. Проценты должны уплачиваться въ концѣ года. Если должникъ скрывается, убытокъ, понесенный заимодавцемъ, обязаны возмѣстить свидѣтели. Если же должникъ умираетъ, или объявляется несостоятельнымъ, и долгъ остается не уплаченнымъ, то свидѣтели не отвѣчаютъ за него. Если однако кредиторомъ является правительство, монастыри, ламы или военный казначей, то долгъ взыскивается съ родственниковъ, свидѣтелей и сосѣдей должника. На каждый военный постъ правительство обыкновенно выдаетъ извѣстную сумму денегъ, проценты съ которой идутъ на содержаніе и жалованье милиціи; деньги эти уплачиваются милиціи квартирмейстеромъ, являющимся главнымъ заимодавцемъ правительства. Обыкновенно, когда лицо, просящее ссуды, неизвѣстно, или возникаетъ сомнѣніе въ его честности, то требуется поручительство. Не то мы видимъ въ Тибетѣ, гдѣ заимодавцы пользуются правомъ взыскивать долги даже въ третьемъ поколѣніи должника. Чѣмъ больше проходитъ времени послѣ

условленнаго срока платежа долга, тѣмъ болѣе настойчиво обращается кредиторъ со своими требованіями. Когда судъ видитъ, что кредиторъ взималъ съ должника сложные проценты за много лѣтъ, онъ пріостанавливаетъ дальнѣйшее начисленіе сложныхъ процентовъ; но въ законахъ не опредѣленъ срокъ, съ котораго должно прекращаться наращеніе сложныхъ процентовъ [1]).

Въ Тибетѣ такія вещи, какъ домашняя утварь, земледѣльческія орудія, военныя принадлежности, чашки для питья, предметы, полученные лишь въ пользованіе или взятые на храненіе, равно какъ и тѣ, за которые уплачивается рента правительству, а также земельныя имущества и золотыя статуи, не могутъ служить предметомъ ссуды или залога.

Когда кто-либо имѣетъ только одну лошадь, дойную корову или чжо, одинъ плугъ, одну пару быковъ или яковъ, или же одну смѣну одежды, никто не имѣетъ права требовать въ обезпеченіе ссуды какого-либо изъ этихъ предметовъ, рискуя, въ противномъ случаѣ, быть обвиненнымъ въ «безстыдствѣ», каковое обвиненіе влечетъ за собой суровое осужденіе. Кредиторы, будь то правительство или частныя лица, не имѣютъ права въ случаѣ неуплаты долга конфисковать что-либо изъ указанныхъ предметовъ. Таковы постановленія «Великой хартіи» тибетцевъ. Точно также кредиторъ не имѣетъ права насильно захватывать имущество своего должника. Если же онъ, безъ разрѣшенія должника, возьметъ одинъ сранъ, то онъ лишается изъ слѣдуемой отъ должника суммы ста сранъ; за 2 срана теряетъ 200 сранъ и такъ далѣе въ той же пропорціи.

Никто, будь то чиновникъ, землевладѣлецъ, хозяинъ или кредиторъ, не имѣетъ права прибѣгать изъ-за денежныхъ расчетовъ къ какому бы то ни было насилію. Если кто, имѣя возможность уплатить свой долгъ или обязательства, отказывается сдѣлать это, то кредиторы могутъ прибѣгнуть къ посредничеству или возбудить противъ него дѣло въ судѣ; но если они не воспользуются этими средствами и станутъ бить его или подвергнутъ его какому-либо иному насилію, то всѣ ихъ притязанія объявляются недѣйствительными.

Если, послѣ покупки какой-либо вещи, купившій пожелаетъ возвратить ее въ тотъ же день, онъ теряетъ $^1/_{10}$ часть всей стоимости данной вещи. Если вещь возвращается на слѣдующій день, покупатель теряетъ $^1/_5$ часть

[1]) Все это не даетъ ничего существенно важнаго для нашего знакомства съ тибетскими дѣловыми порядками. Кажется, что тибетцы въ отношеніи ссудъ слѣдуютъ во всемъ Китаю и Индіи; впрочемъ текстъ не совсѣмъ ясенъ (W. R.).

цѣны, затѣмъ половину; по прошествіи же трехъ дней вещь уже не принимается обратно. Если домовладѣлецъ украдетъ что-либо у остановившагося въ его домѣ купца, онъ платитъ потерпѣвшему пятикратную стоимость украденнаго.

Если торговецъ уличенъ въ томъ, что онъ обманывалъ своихъ покупателей, обвѣшивая или обмѣривая ихъ, либо продавая имъ гнилой товаръ, поддѣльные драгоцѣнные камни, или же сбывалъ имъ фальшивыя деньги, его немедленно арестуютъ и предаютъ суду. Если обвиняемый купецъ—тибетскій подданный, всѣ его товары конфискуются, а самъ онъ приговаривается къ каторжнымъ работамъ на нѣсколько лѣтъ. Если же купецъ—подданный какой-либо чужой страны, напримѣръ, Китая, Монголіи, Кашмира или Непала, то съ него взимается извѣстный опредѣленный закономъ штрафъ. Его товары отбираются и досматриваются, при чемъ имъ составляется подробная опись; затѣмъ эти товары хорошо укладываются и вмѣстѣ съ ихъ владѣльцемъ отсылаются подъ надзоромъ полиціи въ соотвѣтствующую страну, при чемъ прилагается бумага, содержащая въ себѣ объясненіе вины высылаемаго съ указаніемъ размѣра наложеннаго на него штрафа.

Возникновеніе подозрительности тибетцевъ по отношенію къ европейцамъ относятъ ко времени 1791—92 гг., когда англійскіе солдаты, по мнѣнію тибетцевъ, приняли участіе въ войнѣ, послѣдовавшей за вторженіемъ въ Тибетъ гуркасцевъ, и такъ какъ англійское правительство, едва начавшее въ то время упрочиваться въ Индіи, не заботилось объ установленіи дружественныхъ отношеній къ тибетцамъ, то указанное чувство прочно укоренилось въ умахъ послѣднихъ. Неудачи, испытанныя Китаемъ, Непаломъ, Бутаномъ и Сиккимомъ въ ихъ войнахъ съ англичанами, произвели неблагопріятное впечатлѣніе также и на миролюбивыхъ тибетцевъ.

Въ теченіе XIX столѣтія тибетцы слѣдовали во всемъ китайской политикѣ замкнутости не изъ боязни потери самостоятельности, но потому, что они незадолго передъ этимъ были покорены и вполнѣ подчинились китайскимъ вліянію. Такой образъ дѣйствій тибетцевъ усердно поощрялъ бывшій министръ Сиккима Дэвань-Намчжялъ, который былъ изгнанъ изъ этой страны за его поступокъ съ докторомъ Хукеромъ и Кэмпбеллемъ [1]) и затѣмъ получилъ отъ великаго ламы постъ пограничнаго чиновника для на-

[1]) См. Hooker, Himalayan Journals, v. I, 117, и ii, 202. Говоря о Дэванѣ, Хукеръ пишетъ: «Принимая во вниманіе его энергію, являющуюся рѣдкимъ качествомъ въ этихъ странахъ, я не былъ бы удивленъ, если бы ему поставили памятникъ въ Бутанѣ, если не въ самомъ Сиккимѣ» (op. cit., v. II, p. 241)—(W. R.).

блюденія за «агрессивными» дѣйствіями индійскаго правительства. Попытки Хукера, Эдгара и, наконецъ, сэра Ричарда Тэмпля проникнуть на территорію Тибета, онъ изображалъ, какъ попытки захватовъ со стороны индійскаго правительства, которое, по его словамъ, усиленно готовилось ко вторженію въ Тибетъ и лишь благодаря его дипломатическому такту и ловкости, а также дѣятельному содѣйствію цзонпоней К'амба и Н'ари, должно было отказаться отъ своихъ плановъ. Одинъ разъ онъ даже прямо указалъ лхасскимъ чиновникамъ, какъ на доказательство своей непоколебимой вѣрности великому ламѣ, на то обстоятельство, что онъ отказался отъ пенсіи въ 50 рупій, предложенной ему индійскимъ правительствомъ за доставленіе свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Тибетѣ! Но впослѣдствіи этотъ чиновникъ вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, цзонпонемъ К'амба, впалъ въ немилость у великаго ламы и равнымъ образомъ утратилъ всякое вліяніе и въ Ташилхуньпо.

Замкнутость тибетскаго правительства нужно приписать главнымъ образомъ враждебности и постояннымъ интригамъ пограничныхъ чиновниковъ противъ британскаго правительства.

Слѣдующей причиной этой замкнутости является боязнь проникновенія оспы и другихъ опасныхъ болѣзней въ Тибетъ, гдѣ неизвѣстны правильные способы лѣченія оспы, вслѣдствіе чего она уноситъ здѣсь большое число жертвъ. Смерть отъ оспы считается самою ужасною, такъ какъ тибетцы убѣждены, что жертвы оспы попадаютъ прямо въ адъ. Не послѣднюю роль играетъ также опасеніе уничтоженія буддизма иностранцами, каковое чувство преобладаетъ главнымъ образомъ въ умахъ духовенства, являющагося господствующимъ классомъ населенія.

Кромѣ подозрительности къ иностранцамъ, есть еще другая важная причина замкнутости Тибета,—это коммерческіе интересы Китая. Пекинъ находится въ разстояніи 8 или 10 мѣсяцевъ пути, а Силлинъ (Си-нинъ) въ разстояніи 4 мѣсяцевъ пути отъ Лхасы, что не мѣшаетъ тибетцамъ вести съ этими, а равно и со многими другими извѣстными городами Китая оживленную торговлю чаемъ, шелкомъ, деревянными издѣліями и другими предметами. Лхасское правительство ежегодно посылаетъ по два каравана и болѣе въ торговые центры, находящіеся на границахъ съ Китаемъ для закупки товаровъ для правительства. Эти караваны сопровождаются отрядами въ 500 солдатъ каждый, что является далеко не излишнею предосторожностью, такъ какъ нерѣдки случаи нападенія на торговые караваны конныхъ разбойничьихъ шаекъ въ 200—300 человѣкъ. Съ проведеніемъ Дарджилинской желѣзной дороги, Калькутта, гдѣ въ настоящее время можно пріобрѣтать

за недорогую цѣну большинство китайскихъ товаровъ, которые цѣнятся тибетцами, окажется въ 3 недѣляхъ пути отъ Лхасы. Тибетцы вполнѣ понимаютъ эту выгоду, и каждый тибетецъ, который когда-либо посѣтилъ Дарджилинъ, высказываетъ глубокую благодарность англійскому правительству за проведеніе дороги на перевалъ Чжалепъ-ла. Китайское же правительство естественно боится, что съ открытіемъ свободнаго сообщенія между Тибетомъ и Индіей, Китай понесетъ большой ущербъ въ своихъ коммерческихъ интересахъ.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе въ Ташилхуньпо и посѣщеніе Учжѣнь-чжяцо боньбоскаго монастыря Ричжялъ-шэньдаръ.

Утромъ 13-го іюня, когда еще звенѣли колокола Чжо-к'ана и звучали большіе трубы Таньчжѣ-лина, призывая монаховъ къ утреннему богослуженію, я бросилъ съ крыши нашего дома послѣдній взглядъ на красныя стѣны Поталы и ея позолоченные шпицы и отправился въ Ташилхуньпо. Не далеко отъ своей бывшей квартиры я замѣтилъ нѣсколько женщинъ, черпавшихъ кожаными ведрами воду изъ колодца. Вода въ Лхасѣ превосходная, при чемъ ея очень много и находится она неглубоко подъ землею; такъ, глубина большинства колодцевъ не превышаетъ 4 футовъ. Послѣднее обстоятельство послужило основаніемъ для мнѣнія, что подъ городомъ находится подземное озеро.

Подъѣхавъ къ подножію холма Чагпори, на вершинѣ котораго находится академія тибетскихъ врачей, я слѣзъ съ лошади и поднялся на холмъ, такъ какъ обѣщалъ посѣтить одного стараго доктора, Амчи Ривола, страдавшаго катарактомъ. На дорогѣ меня встрѣтилъ одинъ изъ учениковъ доктора и поднесъ мнѣ шарфъ. Меня ввели въ красивую комнату, гдѣ стояло нѣсколько изящно отдѣланныхъ столовъ, на одномъ изъ которыхъ стояла чашка, наполненная чаемъ нѣжнаго розоваго цвѣта, отличавшимся очень пріятнымъ ароматомъ [1]). Потолокъ былъ обшитъ шелкомъ; на стѣнахъ, затянутыхъ матеріей, были развѣшены картины съ изображеніемъ бога медицины и его помощниковъ.

---

[1]) Здѣсь авторъ разумѣетъ, вѣроятно, чай *сянъ-бянь-ча*, который китайцы обыкновенно пьютъ въ Пекинѣ и вообще на сѣверѣ Китая. Къ

Вскорѣ явился и самъ Анчи Ривола; это былъ человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, съ повелительнымъ взглядомъ. Онъ состоялъ начальникомъ тацана Вайдурья въ академіи Чагпори и придворнымъ врачемъ регента. Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу моего посѣщенія и сказалъ, что онъ слышалъ обо мнѣ очень много хорошаго отъ Лхачамъ П'ала, и что онъ былъ бы весьма радъ, если бы я отложилъ свою поѣздку въ Шигацэ и попробовалъ вылѣчить его отъ болѣзни; по его мнѣнію, его болѣзнь можно излѣчить посредствомъ операціи, но въ Тибетѣ нѣтъ врача, способнаго сдѣлать такую операцію.

Я былъ крайне огорченъ тѣмъ, что былъ лишенъ возможности помочь доктору, и сказалъ, что я охотно продлилъ бы свое пребываніе въ Лхасѣ, если бы въ моемъ распоряженіи были нужныя средства для его лѣченія, но такъ у меня таковыхъ не имѣется, то мнѣ приходится проститься. съ этими словами я поднялся со своего мѣста и послѣ обычныхъ прощальныхъ привѣтствій отправился въ путь [1]).

Дальше мы ѣхали по той же дорогѣ, по которой мы прибыли въ Лхасу, и первую ночь провели въ Нэтанѣ. 15-го числа мы достигли Палти-цзона, а 18-го числа въ 10 часовъ вечера пріѣхали въ Донцэ, гдѣ остановились въ домѣ Падора.

На слѣдующій день рано утромъ я отправился въ монастырь и тотчасъ же былъ введенъ въ апартаменты министра, котораго я нашелъ всего покрытаго оспою; онъ едва могъ говорить. У сына Лхачамъ также была оспа, но онъ уже поправлялся.

Когда министръ заснулъ, я пошелъ въ комнату Тунъ-чэня. Тунъ-чэнь спросилъ меня, не встрѣтилъ ли я по дорогѣ П'урчуна, такъ какъ послѣдній отправился въ Лхасу всего лишь недѣлю тому назадъ, взявъ съ собою письма, адресованныя ко мнѣ, и охотничье ружье. Что касается Учжѣнь-чжяцо, то онъ уже возвратился изъ Лачаня съ моимъ багажемъ,

---

чайнымъ листьямъ при сушкѣ примѣшиваютъ обыкновенно немного лепестковъ жасмина, что придаетъ чаю сильный пріятный ароматъ (W. R.).

[1]) Странно, что нашъ авторъ ничего не говоритъ о знаменитомъ монастырѣ Чагпори. Извѣстно однако, что это одинъ изъ самыхъ древнихъ монастырей Тибета, что тамъ есть медицинская школа, въ которой учатся до 300 (по словамъ г. Цыбикова, 60—*ред.*) студентовъ и которая снабжаетъ лѣкарствами, собираемыми большею частью самими монахами, не только Лхасу, но и отдаленныя мѣстности Тибета и Монголіи. Я видѣлъ чагпорискія лѣкарства въ Цайдамѣ, Куку-норѣ и повсюду въ Восточномъ Тибетѣ (W. R.).

и теперь ожидалъ меня въ деревнѣ Чжяцо-шаръ, вблизи Шигацэ. Я пробылъ въ Донцэ до 3 іюля и затѣмъ, въ сопровожденіи П'урчуна и Падора, отправился въ Чжяцо-шаръ, куда мы прибыли на слѣдующій день; здѣсь Учжѣнь, къ величайшему моему удовольствію, вручилъ мнѣ цѣлую кипу писемъ изъ Индіи.

Учжѣнь сказалъ мнѣ, что послѣ возвращенія съ Лачаньской заставы онъ все время усердно занимался собираніемъ растеній. Въ то же время онъ тщательно велъ дневникъ, изъ котораго я почерпнулъ слѣдующія не безынтересныя подробности.

Однажды вечеромъ къ Учжѣню зашелъ знакомый лама и спросилъ, не желаетъ ли онъ видѣть голога изъ Амдо. Эти гологи, поспѣшилъ добавить лама,—разбойническое племя, живущее въ Восточномъ Тибетѣ, въ провинціи Амдо [1]).

Ихъ страна не воздѣлывается, а жители занимаются разведеніемъ лошадей, на которыхъ они дѣлаютъ набѣги на прилегающія мѣстности. Вожди ихъ берутъ выкупъ (*чагъ-талъ*) со всѣхъ окрестныхъ жителей и грабятъ всѣхъ встрѣчныхъ, кто не имѣетъ особаго паспорта отъ гологскихъ вождей.

Гологи имѣютъ нѣсколько монастырей, настоятели которыхъ назначаются изъ Ташилхуньпо на пятилѣтній срокъ, послѣ чего они возвращаются въ западный Тибетъ. Не очень давно одинъ изъ этихъ ламъ возвратился въ Ташилхуньпо изъ страны гологовъ, гдѣ, за время своей службы, успѣлъ пріобрѣсти довѣріе народа и вождей. Онъ нажилъ тамъ значительное состояніе и по возвращеніи своемъ истратилъ нѣсколько тысячъ рупій на угощеніе всѣхъ монаховъ Ташилхуньпо и на раздачу имъ денежныхъ подарковъ. Два года тому назадъ въ Ташилхуньпо прибыла на богомолье жена гологскаго вождя, неподалеку отъ дома котораго жилъ этотъ лама. Посѣтивъ святилище, она выразила желаніе видѣть своего прежняго ламу, но его нельзя было нигдѣ найти, хотя и было извѣстно, что онъ находится въ Ташилхуньпо. Дѣло было въ томъ, что у гологовъ существуетъ обычай привѣтствовать другъ

---

[1]) Названіе Амдо употреблено здѣсь въ его широкомъ значеніи, для обозначенія всего сѣверо-восточнаго Тибета. Эти голоки или гологи ведутъ торговлю съ Гумбумомъ, Сунъ-панемъ (въ сѣверо-западномъ Сы-чуанѣ) и съ Лхасою. «Въ П'эрчодэ (близъ Намъ-цзона въ Такпо) приходитъ много торговцевъ, называемыхъ гологпа, съ большими стадами яковъ, предназначенныхъ для продажи; ежегодно въ октябрѣ и ноябрѣ они посѣщаютъ эту мѣстность съ товарами, состоящими главнымъ образомъ изъ соли и шерсти». Report on the Explorations from 1856 to 1886, p. 8 (W. R.).

друга при встрѣчѣ поцѣлуемъ, и если кто-либо, при встрѣчѣ или прощаніи съ знакомымъ, не поцѣлуетъ его, то рискуетъ прослыть невѣжей и невоспитаннымъ человѣкомъ.

Лама цѣловалъ упомянутую женщину сотни разъ въ ея странѣ, но какъ ему было сдѣлать это теперь, передъ лицомъ всѣхъ монаховъ? Кромѣ того, въ Ташилхуньпо въ данное время находился Паньчэнь-риньпочэ; какъ могъ лама надѣяться избѣжать наказанія, совершивъ такой нескромный поступокъ?

Однако пріѣзжая, покидая Ташилхуньпо, пригласила ламу къ себѣ обѣдать; какъ только онъ вошелъ въ ея комнату, онъ затворилъ за собою дверь и поцѣловалъ даму, объяснивъ ей при этомъ, почему онъ не явился къ ней раньше и не рѣшился подойти къ ней при посторонних[1]).

Другъ Учжѣня сказалъ ему также, что въ области Бардонь провинціи К'амъ существуетъ обычай, при встрѣчѣ съ знакомыми, прикасаться другъ къ другу лбами[2]).

Этотъ же монахъ, сообщившій вышеизложенное, разсказалъ ему однажды слѣдующую басню.

Въ очень давнія времена, когда животныя владѣли еще даромъ слова, леопардъ встрѣтилъ осла и, хотя имѣлъ сильное желаніе растерзать послѣдняго, но былъ пораженъ его силою, о которой онъ судилъ по громкому реву, издававшемуся осломъ. Поэтому леопардъ предложилъ ему свою дружбу съ тѣмъ условіемъ, что послѣдній будетъ стеречь его пещеру, когда леопардъ отправится за добычей.

Вотъ однажды леопардъ вышелъ на свою дневную работу, сопровождая свой выходъ страшнымъ рычаніемъ. Пасшійся неподалеку на скалѣ, находившейся какъ разъ надъ логовищемъ леопарда, дикій якъ, услышавъ рычаніе леопарда, съ испугу околѣлъ, и туловище его свалилось внизъ и упало передъ самымъ логовищемъ. Леопардъ, возвратившись домой, нашелъ передъ своей пещерой трупъ яка, и оселъ объяснилъ, что это онъ убилъ яка, въ доказательство же своей храбрости высунулъ языкъ, запачканный кровью.

---

[1]) Это во всякомъ случаѣ интересное сообщеніе, но я сомнѣваюсь, чтобы у гологовъ обычай цѣловаться публично былъ распространенъ въ большей степени, чѣмъ у китайцевъ, монголовъ и другихъ тибетскихъ племенъ (W. R.).

[2]) Я никогда не слышалъ объ области Бардонь. Этотъ родъ привѣтствія свойственъ магометанамъ (W. R.).

Леопардъ повѣрилъ ослу и обѣщалъ помочь ему, когда придетъ время. Однажды онъ предложилъ ослу пойти пощипать травы на лугу, находившемся по ту сторону холма. Когда оселъ досыта наѣлся, онъ въ шутку проревѣлъ 20 или 30 разъ, а леопардъ, думая, что его другъ находится въ опасности, прибѣжалъ къ нему на помощь; но оселъ сказалъ, что онъ кричалъ только для собственнаго удовольствія. Немного спустя на осла напала стая волковъ, и онъ началъ громко ревѣть, призывая своего друга-леопарда на помощь; но леопардъ подумалъ, что оселъ забавляется, и не явился къ нему на выручку, а волки растерзали осла на куски.

7 числа восьмой луны, т. е. 23 іюня, въ Шигацэ происходилъ большой военный парадъ, въ которомъ принимали участіе болѣе тысячи солдатъ, при чемъ, въ присутствіи генерала, были произведены боевые маневры. Каждый годъ здѣсь бываетъ по два смотра (*магъ-чянъ*)—одинъ лѣтомъ, а другой зимою; кромѣ того, ежегодно бываетъ еще смотръ во время посѣщенія Шигацэ амбанемъ при его инспекторской поѣздкѣ.

29 іюня происходила лѣтняя молитвенная церемонія (*моньламъ*) [1]. Всѣ монахи Ташилхуньпо въ количествѣ 3000 человѣкъ, собрались въ Чягъцалъ-ганѣ. Была устроена изъ атласа стѣна (*чжябялъ*) около 1000 футовъ въ окружности; внутри этой стѣны находился балдахинъ, подъ которымъ былъ помѣщенъ тронъ Паньчэнь-риньпочэ. Самъ Паньчэнь не могъ присутствовать при церемоніи, но на тронъ были положены его мантія и митра, а вокругъ трона заняли мѣста ламы по старшинству и рангу. Здѣсь было много жителей Шигацэ; одни сидѣли подъ палатками, другіе подъ кипарисовыми и ивовыми вѣтвями. Всѣ веселились, пѣли и перекидывались шутками. Тутъ же была поставлена мачта, вышиною около 120 футовъ, и отъ нея были протянуты къ большому зданію Кику веревки, на которыхъ висѣли картины съ изображеніями всѣхъ боговъ пантеона. Въ Шигацэ въ это время происходили бѣга, военные маневры и ученіе солдатъ.

Слѣдующій день былъ посвященъ Буддѣ Дипанкара, и картина съ его изображеніемъ занимала первое мѣсто. Это изображеніе имѣло около 100 футовъ въ высоту и было искусно сдѣлано изъ разноцвѣтнаго атласа. По обѣимъ сторонамъ этой картины находились громадныхъ размѣровъ изображенія Будды.

---

[1]) Эти ежегодныя молитвенныя собранія установлены великимъ ламою-реформаторомъ XIV вѣка Цонк'апою. Самымъ важнымъ является „большое молитвенное собраніе“ (*монь-ламъ чэнь-по*), происходящее въ первой половинѣ года (W. R.).

*

Всѣ ламы и знать Шигацэ со своими семьями веселились подъ огромной палаткой въ Чягъ-цалъ-ганѣ. Для высокопоставленныхъ лицъ Ташилхуньпо, а также для правительственныхъ чиновъ были приготовлены лучшими туземными и китайскими поварами изысканныя кушанья. Возлѣ этой большой палатки многія лица поставили свои шатры и веселились въ нихъ со своими родными и знакомыми. Съ утра и до самаго вечера не прекращалась оглушительная музыка барабановъ, кимваловъ и трубъ.

Здѣсь были всѣ, за исключеніемъ великаго ламы, который, по слухамъ, былъ боленъ оспой и лежалъ въ Тобчжялѣ, куда онъ отправился послѣ посѣщенія горячихъ ключей въ Танагѣ. По обѣимъ сторонамъ громаднаго 9-этажнаго зданія Кику, между Шигацэ и Тишилхуньпо, находились двѣ огромныя фигуры львовъ, въ которыхъ были спрятаны люди; отъ времени до времени эти львы, къ величайшему удовольствію присутствовавшихъ, двигались.

Слѣдующій день былъ днемъ полнолунія; онъ былъ посвященъ Буддѣ Сакья. Большое изображеніе Будды Дипанкара было убрано, а на его мѣсто было повѣшено гигантскихъ размѣровъ изображеніе Сакья Синха, окруженнаго всѣми буддами прошедшихъ и будущихъ временъ. Эта картина была вынесена изъ монастыря при оглушительной музыкѣ и съ большими церемоніями. Праздничное служеніе отправляли 10 черныхъ жрецовъ (*нагпа*), хорошо знающихъ тантрическіе обряды; имъ помогали 300 ламъ изъ Цомолина, распѣвая гимны. На равнинѣ Чягъ-цалъ-ганъ ламы и народъ снова веселились такъ же, какъ и въ предыдущій день.

На слѣдующій день (2 іюля) изображеніе Сачя тубпа [1]) было замѣнено изображеніемъ грядущаго Будды Майтреи (*Чямба*). Оно было вынесено и повѣшено съ тѣми же церемоніями, которыя соблюдались въ предшествующіе дни. Въ этотъ день въ Ташилхуньпо разрѣшалось присутствовать женщинамъ, которыя цѣлыми толпами, разряженныя въ лучшія платья, устремились въ храмы и святилища этого монастыря. Учжѣнь оцѣнилъ головной уборъ одной женщины въ 40.000 рупій. Вечеромъ всѣ прикасались головою къ изображенію Чямбы и такимъ образомъ получали его благословеніе [2]).

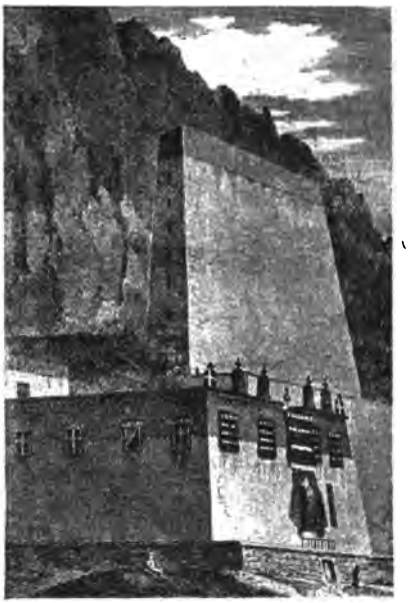
---

[1]) *Сачя тубпа, Сакья Синха Будда Сакья*—эпитеты Будды Шакьямуни (*ред.*).

[2]) Китайскіе авторы упоминаютъ о такого же рода празднествѣ, бывающемъ ежегодно въ Лхасѣ въ началѣ послѣдней половины второй луны (средина марта) и продолжающемся въ теченіе мѣсяца. Другой подобный праздникъ бываетъ въ шестую луну. См. Jour. Roy. Asiat. Soc., XXIII, pp. 212, 213 (W. R.).

Во время своего пребыванія въ Чжяцо-шарѣ я занималъ небольшой описанный мною выше [1]) павильонъ, который принадлежитъ министру. Цвѣты въ саду, окружающемъ павильонъ, наполняли воздухъ благоуханіемъ; высокіе тополи, развѣсистыя ивы, душистый можжевельникъ, стройные кедры, — все это дѣлало павильонъ излюбленнымъ уголкомъ окрестныхъ жителей.

Благодаря живительному воздуху этой прекрасной мѣстности, мое здоровье быстро возстановилось. Я прилежно занимался транскрипціей наиболѣе интересныхъ сочиненій знаками нагари, которые сохранились еще въ тибетской (*вучань*) письменности. Учжѣнь посвятилъ себя собиранію ботаническихъ коллекцій, предпринимая для этой цѣли довольно отдаленнныя экскурсіи, и наконецъ даже купилъ себѣ лошадь и осла, чтобы ѣздить самому и возить свои коллекціи.



Кику-тамса въ Ташилхуньпо.
(*По рисунку Тернера*).

19 іюля былъ большой праздникъ: это годовщина дня, въ который Будда впервые повернулъ «колесо ученія». Жители Шигацэ и сосѣднихъ мѣстъ посѣщали разныя часовни и святилища; всѣ уголки Ташилхуньпо были переполнены молящимися.

Двумя днями позже Дэба Шик'а, о которомъ я не разъ уже упоминалъ, устроилъ для своихъ друзей пикникъ въ саду, окружавшемъ домъ, въ которомъ я жилъ въ Чжяцо-шарѣ. Въ пикникѣ принимали участіе 12 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; мужчины весь день занимались стрѣльбою изъ лука и метаніемъ диска [2]), при чемъ въ обѣихъ этихъ играхъ

---

[1]) См. выше, стр. 94.

[2]) Эта игра одна изъ немногихъ національныхъ игръ Тибета, но она вѣроятно, иностраннаго происхожденія. Я никогда не встрѣчалъ этой игры въ сѣверномъ и восточномъ Тибетѣ. Въ Бутанѣ жители, повидимому, особенно отличаются искусствомъ въ этой игрѣ (W. R.).

они проявили большую ловкость. Въ тотъ же день Учжѣнь отправился въ ботаническую экскурсію и на этотъ разъ добрался вплоть до монастыря Сакья.

26 іюля я возвратился въ Донцэ и, къ великому своему удовольствію, нашелъ министра уже совершенно здоровымъ. Тунъ-чэнь былъ занятъ приготовленіями къ церемоніи освященія предназначавшагося для Сэнъ-чэня (такъ зовутъ министра) [1]) новаго дома, который теперь былъ уже совсѣмъ готовъ; домъ этотъ былъ построенъ немного сѣвернѣе храма Цугла-к'ана. Въ комнатѣ, которую мнѣ отвели, находилось около 500—600 шариковъ изъ масла вѣсомъ около 2 фунтовъ каждый и нѣсколько мѣшковъ съ цамбой и пшеничной мукой.

На четвертый день своего пребыванія здѣсь я получилъ приглашеніе въ Чжяньцэ, къ мѣстному Чягъ-цзо-па, который просилъ меня навѣстить его и, если я могу, вылѣчить его отъ болѣзни, которою онъ страдалъ уже нѣкоторое время. Приглашеніе было такъ настойчиво, что я не могъ отказаться; я тотчасъ же отправился въ Чжяньцэ, гдѣ и былъ очень любезно принятъ самимъ Чягъ-цзо-па и его семьею. Я пробылъ тамъ до 13-го августа, когда получилъ письмо отъ министра, который все еще находился въ Донцэ и теперь просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему. Письмо министра было написано по-тибетски, но латинскими буквами. Писать этими буквами я выучилъ министра еще въ прошлую зиму [2]).

Когда я ѣхалъ обратно въ Донцэ, то былъ пораженъ красотою растительности: маленькіе прудки были густо покрыты лиліями, полевые цвѣты были въ полномъ расцвѣтѣ.

Министръ спросилъ меня, не хочу ли я поѣхать въ Тобчжялъ и повидать великаго ламу, который былъ безнадежно боленъ. Министръ получилъ отъ ламы письмо, въ которомъ тотъ просилъ его прислать ему нѣсколько священныхъ пилюль (*цэ-рилъ*). Министръ разсчитывалъ, что я могу захватить пилюли съ собою; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ сообщить Паньчэню, что я искусный врачъ и могу помочь ему.

---

[1]) *Сэнъ-чэнь*—это китайскій титулъ, значащій: „Министръ-монахъ„ (W. R.).

[2]) Huc (op. cit., II, p. 338) разсказываетъ объ удовольствіи, съ которымъ джасскій регентъ выучился у него писать латинскими буквами. По моимъ также наблюденіямъ, это единственный предметъ, который неизмѣнно интересуетъ тибетцевъ, какъ ламъ, такъ и міранъ (W. R.)

Услышавъ о безнадежномъ состояніи великаго ламы, я естественно колебался принять на себя это порученіе и просилъ министра дать мнѣ время подумать. На слѣдующій день я сказалъ министру, что не могу рѣшиться явиться къ великому ламѣ, пока тотъ самъ не выразитъ желанія видѣть меня, или, по крайней мѣрѣ, если вмѣстѣ со мною не поѣдетъ самъ министръ. Наконецъ онъ рѣшилъ послать пилюли *(цэ-рилъ)* съ вѣрнымъ слугою, написавъ при этомъ, что, быть можетъ, великому ламѣ могутъ помочь индійскія лѣкарства.

Пикники въ рощѣ.

25 и 26 августа начались заключительныя церемоніи освященія новаго дома министра (онѣ тянулись уже 5 дней). Церемоніи эти носятъ названіе *чинь-срэгъ* [1]). Состоятъ онѣ въ слѣдующемъ. Прежде всего на столбъ, находящійся недалеко отъ очага, вѣшаются маска бога смерти (*Шиньчжэ чжялбо*), его оружіе и доспѣхи. Затѣмъ складывается шесть кучекъ изъ полѣньевъ сандаловаго дерева; кучки эти поливаютъ растопленнымъ масломъ, чтобы дрова лучше горѣли; противъ каждаго изъ устроенныхъ такимъ образомъ костровъ садится лама съ пѣніемъ гимновъ. Вокругъ разбрасы-

[1]) Относительно этой церемоніи сжиганія жертвъ, *chin* (*sbyin*)—„милостыня“, *sreg*—„сжигать“, см. Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, p. 249, и Waddell, op. cit., p. 498 (W. R.).

вается кунжутъ и ячмень. Въ концѣ церемоній перваго дня всѣмъ монахамъ и гостямъ поданъ былъ обѣдъ.

Церемоніи чинь-срэгъ, которыя происходили 26 августа, походили на церемоніи предыдущаго дня и закончились длиннымъ богослуженіемъ. Послѣ полудня Сэнъ-чэнь (министръ) занялъ свое мѣсто на возвышеніи, устроенномъ на крышѣ Цугъ-лха-к'ана подъ огромнымъ навѣсомъ, и велѣлъ всѣмъ ламамъ, плотникамъ, каменщикамъ, мѣдникамъ, позолотчикамъ и пр. собраться къ нему, чтобы онъ могъ раздать имъ подарки. Ламамъ и монахамъ онъ роздалъ серебряныя монеты, шарфы и шерстяныя одѣяла, а главнымъ мастерамъ такія же одѣяла (*тумши*), но болѣе грубой работы, войлочныя шляпы (*к'амба*) и сукно (*чжяньцэ*) домашней работы.

28 числа до насъ дошелъ слухъ, что двое изъ врачей великаго ламы бѣжали, одинъ сошелъ съ ума, а четвертый потерялъ всякую надежду или не умѣлъ ничего предпринять для спасенія своего высокаго паціента, который страдалъ сильнѣйшими кровотеченіями.

31 числа совершилось наконецъ событіе, котораго всѣ такъ опасались: министръ получилъ письмо съ извѣщеніемъ о смерти великаго ламы. Онъ умеръ наканунѣ въ Тобчжялѣ, или, какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ, «онъ покинулъ этотъ міръ для успокоенія въ царствѣ блаженства (*дэ-ва-чань*)».

Было сдѣлано распоряженіе о ношенія всѣми траура; женщинамъ было запрещено носить головные уборы и другія украшенія; запрещались также разныя увеселенія и украшенія домовъ. Народъ выказывалъ знаки глубокой печали по поводу безвременной кончины Паньчэня. При этомъ нѣкоторые высказывали предположеніе, что великій лама умеръ отъ горя, которое причинялъ ему недостатокъ преданности къ нему со стороны народа; другіе утверждали, что онъ покинулъ здѣшній міръ вслѣдствіе нелюбезности Далай-ламы, который не пригласилъ его на торжество своего посвященія.

Въ Донцэ, гдѣ былъ и я, министръ хотѣлъ исполнить, для заключенія церемоній освященія новаго дома, религіозный танецъ во дворѣ Чойдэ. Большая толпа, всѣ въ праздничныхъ костюмахъ, собралась на крышѣ и балконахъ храма. Танецъ только что начался, и пажъ министра, представлявшій собою герольда боговъ, выстрѣлилъ два раза изъ ружья и провозгласилъ прибытіе четырехъ божествъ, покровителей міра; дьяволы и злые духи исполнили свою роль, какъ вдругъ министру передали извѣстіе о смерти великаго ламы; танецъ былъ тотчасъ прекращенъ, и танцоры и толпа разсѣялись.

3 сентября мнѣ передали, что китайскій начальникъ въ Шигацэ нака-

залъ розгами многихъ слугъ великаго ламы за то, что они не сказали ему о серьезности болѣзни своего господина. Одинъ изъ врачей Паньчэня также былъ жестоко наказанъ, а другой былъ найденъ мертвымъ вскорѣ послѣ смерти великаго ламы. Я возблагодарилъ Бога за то, что не согласился на предложеніе министра взяться лѣчить великаго ламу.

6 числа въ Донцэ возвратился изъ своей поѣздки въ монастырь Сакья Учжѣнь; изъ его дневника я почерпнулъ слѣдующіе факты, которые могутъ представить интересъ.

Отправился онъ, какъ уже было сказано, 21 іюля; 23 числа онъ перешелъ на лѣвый берегъ р. Цанъ-по, вблизи Таши-гана, и остановился здѣсь въ долинѣ Танъ-пэ. Отсюда онъ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, монгольскимъ ламою Чой-таши (Chos-tashi), отправился въ область Танагъ, которая славится производствомъ прекрасной глиняной посуды [1]). Они нигдѣ не могли найти для себя квартиры, потому что пришли изъ Шигацэ, гдѣ въ то время свирѣпствовала оспа, и народъ очень боялся, какъ бы они не занесли къ нимъ заразы.

26 іюля Учжѣнь и Чой-таши перешли по желѣзному висячему мосту рѣку Тонъ-чу, протекающую черезъ Танагъ, и, продолжая идти по направленію къ западу, остановились на ночлегъ въ монастырѣ Тубдань. Оставивъ послѣдній 28 числа и пройдя около 12 миль къ сѣверу, наши путешественники прибыли къ знаменитымъ горячимъ источникамъ Бурчу-цань. Часть источниковъ была отведена спеціально для ваннъ великаго ламы. Эта часть была обнесена круглой каменной стѣною. Мѣсто, гдѣ останавливался великій лама, окружено низкою торфяною стѣной. Великій лама недавно купался здѣсь; но, какъ теперь думали, водяные боги (*нага*) были чѣмъ-нибудь оскорблены, такъ какъ вода только усилила его болѣзнь. Чтобы умилостивить этихъ *лу*, 100 ламъ въ теченіе нѣсколькихъ дней совершали здѣсь богослуженіе. Въ этихъ источникахъ и вблизи ихъ водится много черныхъ змѣй, которыя хотя, какъ говорятъ, и ядовиты, но не причиняютъ вреда ни людямъ ни животнымъ. Они спокойно заползаютъ въ дома въ сосѣднихъ деревняхъ, и никто даже и не думаетъ убивать ихъ.

На другой день наши путники перешли черезъ Чжэхъ-ла и остановились на ночлегъ въ деревнѣ Кэшонъ, но и здѣсь они опять не могли найти для себя помѣщенія. 30 числа они пришли въ одну старую деревню

---

[1]) См. выше, стр. 89.

Шэньдаръ-динъ [1]), по близости которой находится извѣстный боньбоскій монастырь Ричжялъ Шэньдаръ. Учжѣнь посѣтилъ этотъ монастырь на слѣдующій день, при чемъ выдалъ себя за боньбо, пришедшаго изъ Сиккима поклониться святилищу, воздвигнутому въ честь главнаго божества боньбоской религіи Шэньрабъ Миво. Онъ выразилъ желаніе предложить монахамъ «общій чай» (*манъ-чжа*) и вручилъ для этой цѣли распорядителю пять танькъ; было рѣшено, что это угощеніе состоится завтра.

Тѣмъ временемъ Учжѣню показали храмъ. Въ сборной залѣ жрецы читали боньбоскія священныя книги. Въ часовнѣ верхняго этажа онъ замѣтилъ, среди изображеній различныхъ божествъ боньбоскаго пантеона, изображеніе Будды Сакья.

На слѣдующій день состоялся манъ-чжа. На немъ присутствовало около 30 человѣкъ монаховъ (*даба*) [2]), и на вопросъ, почему ихъ такъ мало, Учжѣню отвѣтили, что много монаховъ, уроженцевъ К'амской области Чжяронъ, ушло въ Чанъ-танъ [3]), чтобы блюсти тамъ интересы боньбоской церкви. Затѣмъ Учжѣнь, въ сопровожденіи главнаго жреца (*омъ-цзэ*), посѣтилъ мрачныя часовни монастыря, освѣщаемыя только факелами и масляными лампами. Тамъ онъ видѣлъ много интересныхъ картинъ и обоевъ, на которыхъ были изображены различныя страшныя божества. Послѣ этого Учжѣнь былъ представленъ верховному жрецу, Чжэ К'ядубъ риньпочэ, ко-

---

[1]) *Динъ* значитъ „деревня". Окончаніе *динъ* очень часто встрѣчается въ тибетскомъ языкѣ въ названіяхъ мѣстностей (W. R.).

[2]) *Даба* или *драба*—это имя, которое примѣняется ко всѣмъ ламамъ, независимо отъ ихъ ранга. Слово *лама* употребляется, когда говорятъ о высокихъ чинахъ церкви, или о гэлонѣ, т. е., „жрецѣ" (W. R.).

[3]) Область Чжядэ, которая простирается отъ большой дороги изъ Нагчук'а въ Си-нинъ (въ пров. Гань-су) и въ Чямдо, не входитъ въ составъ подвѣдомственныхъ Лхасѣ мѣстностей; это чисто боньбоская область. Я прошелъ эту страну съ запада на востокъ въ 1892 году. Подъ К'амскимъ Чжяроновъ разумѣется Цзинь-чуань—маленькая область, расположенная по верхнему теченію р. Да-дунъ, въ сѣверо-западномъ углу Сычуаньской провинціи, гдѣ секта боньбо имѣетъ много послѣдователей. Moorcroft (Travels, II, p. 68) говоритъ именно о боньбоскихъ ламахъ, когда онъ описываетъ ламъ Пинь (въ Ладакѣ), которые отпускаютъ волосы и заплетаютъ ихъ, а равно одѣваются въ черное. Найнъ Сингъ (Journ. R. Geogr. Soc., XLVII, p. 107) упоминаетъ о боньбоской странѣ въ сѣверномъ Тибетѣ, называя ее страною Омбо или Пэмбо (W. R.). По словамъ Dutreuil de Rhins'a (op. cit., II, p. 407), боньбосцы встрѣчаются повсемѣстно въ Тибетѣ, но главными ихъ центрами являются провинція Цанъ и восточный Тибетъ (пров. К'амъ)—(*ред.*).

торый принялъ его очень любезно. Это былъ человѣкъ лѣтъ 68, но сильный и здоровый. Онъ объяснилъ Учжёню различные пункты «черноводныхъ» (*чабъ-нагъ*) мистерій бонизма и далъ ему для прочтенія нѣсколько книгъ; нѣкоторыя изъ этихъ книгъ Учжёнь переписалъ [1]).

Говорятъ, что монастырь Ричжялъ Шэньдаръ былъ сооруженъ на мѣстѣ древняго боньбоскаго храма, называвшагося Дардинъ сэрго тамо, и былъ построенъ за нѣсколько сотъ лѣтъ раньше, чѣмъ Ташилхуньпо; въ XVII в. монастырь этотъ былъ разграбленъ чжунгарскими монголами. Когда послѣдніе разрушили часовню, верховный боньбоскій жрецъ торопливо попряталъ священныя сокровища и книги, написанныя серебромъ на темно-синихъ дощечкахъ, въ глубокихъ впадинахъ пещеры, вслѣдствіе чего священныя боньбоскія писанія и по настоящее время находятся въ безпорядкѣ. Церковная утварь и другія принадлежности богослуженія, имѣющіяся въ монастырѣ, очень древни. Среди нихъ находятся огромные тамбурины (*шанъ*) и гигантскіе кимвалы, сдѣланные изъ самаго лучшаго колокольнаго металла, картины, изображающія семь героическихъ святыхъ (*пао-рабъ-дунь*), много старыхъ обоевъ и нѣсколько томовъ книгъ, состоящихъ изъ толстыхъ темно-синихъ дощечекъ, исписанныхъ золотомъ и серебромъ. Крыша большой сборной залы поддерживается 42 колоннами, разставленными на разстояніи 6 футовъ одна отъ другой; вокругъ монастыря находятся красивые чортэни, мэньдоны и надгробные камни, вокругъ которыхъ посѣтителямъ позволяютъ ходить по направленію справа налѣво, но не наоборотъ, какъ это дѣлаютъ буддисты. На вопросъ Учжёня о причинѣ этого обычая жрецы отвѣтили, что поклоны, хожденіе вокругъ и пѣніе мантръ,—всѣ эти церемоніи должны, по опредѣленію мудрецовъ, служить для освященія тѣла, рѣчи и духа и безразличны для божества. Поэтому совершенно несущественно, какимъ образомъ совершаются эти поклоненія и хожденіе вокругъ священныхъ предметовъ. Но таковъ уже обычай въ боньбоскихъ общинахъ—ходить справа налѣво [2]).

Въ настоящее время монастырь Шэньдаръ находится въ совмѣстномъ

---

[1]) Въ настоящее время религія боньбо очень мало отличается отъ тибетскаго буддизма; главное различіе состоитъ въ характерномъ переиначиваніи нѣкоторыхъ ламайскихъ обрядовъ и въ именахъ божествъ. См. Land of the Lamas, p. 217. Шифнеръ, Чандра Дасъ и Лауферъ издали нѣкоторыя боньбоскія сочиненія въ текстѣ и переводѣ (W. R.). См. также Dutreuil de Rhins, op. cit., pp. 407—411 (*ред.*).

[2]) Нельзя сказать, чтобы это объясненіе было особенно ясно и понятно. См. Waddell, op. cit., p. 287 (W. R.).

владѣніи четырехъ могущественныхъ членовъ фамиліи Шэнь-цанъ. Хотя они—міряне и имѣютъ женъ и дѣтей, однако, будучи потомками Шэньрабъ Миво, знаменитаго основателя религіи бонь, они почитаются, какъ ламы. Мать двухъ главныхъ членовъ этой семьи была старшею сестрою Сикіона, покойнаго сиккимскаго рачжи. Покойный Паньчэнь-риньпочэ приходился племянникомъ этимъ двумъ братьямъ, вслѣдствіе чего народъ называлъ ихъ *ку-шанъ*, т. е. «Царскій дядя по матери». Покойный великій лама былъ по своему происхожденію настоящій боньбо, и двѣ семьи, съ которыми онъ находился въ родственной связи, извѣстны подъ именами Шэнь-лугъ и Тулугъ. Народъ недоумѣваетъ, почему намѣстникъ Будды на землѣ родился въ еретическомъ семействѣ Шэньрабъ Миво. Нѣкоторые недовольные тибетцы иногда даже высмѣивали этого великаго ламу, называя его отпрыскомъ боньбоскихъ еретиковъ.

Въ монастырѣ существуетъ два подраздѣленія монаховъ, называемыя—тибетской общиною (*бодъ к'амъ-цань*) и к'амской общиной (*к'амба к'амъ-цань*), при чемъ послѣдняя болѣе многочисленна, чѣмъ первая. Штатъ монастыря состоитъ изъ одного жреца для большого зала собранія (*омъ-цзэ*), двухъ благочинныхъ (*чой-тимъ—chos-tims*), двухъ церковныхъ руководителей (*га-к'оръ*), двухъ завѣдующихъ хозяйственными дѣлами (*чинъръ*) и двухъ смотрителей часовенъ (*ку-нъръ*) [1]).

При совершеніи богослуженія монахи одѣваютъ совершенно такое же облаченіе, какъ и монахи секты гэлугъ-па въ Ташилхуньо. Одѣяніе ихъ состоитъ изъ желтой мантіи; на голову они надѣваютъ высокія желтыя шапки, похожія своей формой на митру. У посвященныхъ монаховъ, какъ и у буддійскихъ монаховъ, къ поясу привѣшивается *чабъ-лугъ* [2]), т. е. знакъ безбрачія. На ногахъ у нихъ красные сапоги. Они не имѣютъ права носить синяго, зеленаго, чернаго или бѣлаго цвѣтовъ. Во время пребыванія въ монастырѣ они носятъ церковное одѣяніе, состоящее изъ *шамъ-табъ* и *тонгу* [3]), а также красные сапоги, сдѣланные на боньбо-

---

[1]) Относительно различныхъ должностныхъ лицъ въ буддійскихъ монастыряхъ и ихъ обязанностей см. А. Позднѣевъ, Очерки быта буддійскихъ монастырей, стр. 154—168 (*ред.*).

[2]) Маленькая стклянка для воды, носимая гэлонами, которые полощутъ ею ротъ въ утренніе часы до полудня, когда имъ не разрѣшается ни ѣсть ни пить. Waddell, op. cit., 201 (W. R.). *Чабъ-лугъ* въ произношеніи монголовъ—*чаврунъ* (*ред.*).

[3]) *Шамъ-табъ*—это ряса со складками изъ краснаго пуло, носимая всѣми ламами; *тонгу*—это верхняя шаль (W. R.). Подробности объ одеждѣ буд-

скій образецъ. При входѣ въ сборный залъ для совершенія богослуженія, монахи оставляютъ свои сапоги за дверью. Издержки по угощенію чаемъ во время богослуженія несетъ главнымъ образомъ семья Шэнь-цанъ. Монастырь этотъ существуетъ на небольшой постоянный доходъ, который дополняется пожертвованіями и суммами, собираемыми боньбоскою общиною Чанъ [1]).

Монахи К'амской общины, которыхъ насчитывается около 40 человѣкъ, отправляются ежегодно въ лѣтнее время въ Чанъ для совершенія церковныхъ службъ въ домахъ мѣстнаго боньбоскаго населенія. Зимою они живутъ въ монастырѣ. Въ время церковной службы монахамъ разрѣшается пить, сколько имъ угодно, чаю, такъ какъ здѣсь, какъ и въ большихъ буддійскихъ монастыряхъ, въ этомъ для нихъ нѣтъ ограниченія.

Ламы дѣлятся на двѣ секты, которыя отличаются одна отъ другой лишь немногими обѣтами. Въ одной изъ нихъ, называемой Шэнь-танъ срунъ-лугъ, человѣкъ можетъ давать обѣты не ранѣе, чѣмъ ему исполнится 60 лѣтъ, въ то время какъ въ другой сектѣ, называемой Шэнь-цанъ-лугъ, онъ можетъ давать обѣты воздержанія и благочестія тотчасъ же по окончаніи послѣднихъ испытаній. Высшій жрецъ, или Чжэ К'ӓдубъ риньпочэ, по имени Юнъ-друнъ чжялъ-цань, надзираетъ за принесеніемъ обѣтовъ и посвящаетъ въ монашескій санъ.

Правила нравственной дисциплины *(ца-игъ)*, написанныя на широкой полосѣ проклеенной волчниковой бумаги, вывѣшиваются въ монастырѣ на видномъ мѣстѣ. Когда посвященный монахъ оказывается виновнымъ въ нарушеніи этихъ правилъ, и въ особенности если онъ нарушаетъ обѣтъ цѣломудрія, онъ немедленно подвергается наказанію и изгоняется изъ монастыря. Однако это наказаніе можетъ быть замѣнено штрафомъ, въ видѣ уплаты извѣстной суммы денегъ ламѣ, который совершалъ надъ нимъ посвященіе, а также угощенія и поднесенія подарковъ прочимъ монастырскимъ властямъ и членамъ общины.

Брачныя церемоніи у секты боньбо такія же, какъ и у всѣхъ прочихъ тибетцевъ; таковы же и погребальные обряды, хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ существуетъ обычай бросать трупы умершихъ въ озеро или въ рѣку [2]). Послѣ смерти тѣло держится въ домѣ въ теченіе 24 ча-

---

дійскаго духовенства см. Позднѣевъ, Очерки быта буддійскихъ монастырей, стр. 150—154 (*ред.*).

[1]) Подъ этою общиною, вѣроятно, подразумѣваются чанъ-танскіе боньбо изъ Чжядэ (W. R.).

[2]) Это дѣлается также среди буддистовъ, какъ, напримѣръ, въ области озера Палти; см. выше, стр. 179 (W. R.).

совъ, послѣ чего оно уносится въ храмъ или въ монастырь. На четвертый день украшенія и платье, которыя носилъ умершій, представляются богамъ, при чемъ возносятся мольбы о томъ, чтобы боги позаботились о душѣ умершаго. Въ концѣ этой церемоніи тѣло уносится на кладбище, гдѣ его изрубаютъ на куски и бросаютъ на съѣденіе коршунамъ и собакамъ.

Учжѣнь оставилъ Шэньдаръ-динъ 5 августа и въ полдень остановился у горячихъ ключей Ланпага, гдѣ у Таши-ламы имѣется похожій на храмъ домъ, находящійся на попеченіи одного чиновника. Вода въ этихъ ключахъ настолько горяча, что мясо сваривается въ ней въ теченіе получаса.

Продолжая свой путь, путешественники пришли въ Нонь-чу, гдѣ Учжѣнь видѣлся съ Нонь-чускимъ ламою риньпочэ; послѣдній много разспрашивалъ его о Калькуттѣ, желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и телефонахъ, о которыхъ онъ слышалъ отъ другихъ путешественниковъ. Онъ самъ, по его словамъ, изобрѣлъ телефонъ и теперь былъ занятъ изготовленіемъ новаго инструмента, при помощи котораго онъ могъ бы переговариваться на далекое разстояніе посредствомъ ударовъ молотка [1]). Онъ также очень интересовался свѣдѣніями о свѣтильномъ газѣ.

На слѣдующій день Учжѣнь опять зашелъ къ ламѣ, который задалъ ему много вопросовъ относительно богатствъ Индіи, ея правительствѣ, торговлѣ, законодательствѣ и т. под. и тщательно записывалъ себѣ всѣ сообщенныя Учжѣнемъ свѣдѣнія.

Распрощавшись въ тотъ же день съ ламою, наши путешественники достигли перевоза Рагъ-цо, гдѣ и переправились черезъ р. Цанъ-по въ лодкѣ весьма грубой конструкціи, въ которой перевозились вмѣстѣ люди и животныя. На ночь они остановились въ Тоньдубъ-линѣ, въ области Чжэронъ; такъ какъ ихъ ни въ одномъ домѣ не хотѣли пустить переночевать, то имъ пришлось провести ночь въ овечьемъ загонѣ.

На слѣдующій день они прибыли въ П'уньцо-линъ, гдѣ находится монастырь съ 500 постоянными обитателями. Прежде здѣсь было мѣстопребываніе ламы Таранат'ы [2]), который отсюда отправился въ Ургу (въ Мон-

---

[1]) Я раньше слышалъ, что китайцы приписываютъ себѣ изобрѣтеніе телефона, но не слышалъ этого о тибетцахъ. Я думаю, что лама звалъ о телеграфѣ Морза, гдѣ есть нѣчто въ родѣ маленькаго молоточка, который ударяетъ по доскѣ (W. R.).

[2]) Таранат'а (Дараната) — авторъ извѣстной исторіи буддизма въ Индіи, переведенной В. Васильевымъ (въ ч. III его сочиненія „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература", СПБ., 1869) и Шифнеромъ („Târa-

голіи). Учжѣнь посѣтилъ пещеру, въ которой жилъ отшельникомъ этотъ лама. Онъ видѣлъ также типографію монастыря П'уньцо-линъ, гдѣ находится очень много досокъ для печатанія различныхъ цѣнныхъ историческихъ сочиненій.

---

nâtha's Geschichte der Buddhismus in Indien aus dem Tibetischen übersetzt, St.-Pet., 1869). Таранат'а (рож. въ 1573 г.) былъ объявленъ ламаитами воплощеніемъ, при чемъ начало его перерожденій было отнесено ко временамъ самого Будды Шакьямуни. Таранат'ѣ предшествовало 14 перерожденій, появившихся въ Индіи и Тибетѣ; послѣдующія его перерожденія проживали въ Монголіи, гдѣ они донынѣ считаются главою всѣхъ ламаитовъ этой страны и имѣютъ резиденцію въ Ургѣ; они тамъ извѣстны подъ титуломъ *Чжэбцзунъ-дамба-хутухта* или *богдо-гэгэнъ*. Первое монгольское воплощеніе (хубилганъ) явилось въ семьѣ Тушѣту-хана и стало извѣстно подъ именемъ Ундуръ-гэгэна (1635—1723 г.). Этотъ святитель игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ своей родины. По его совѣту, сѣверные монголы окончательно приняли подданство маньчжурской династіи во время вторженія въ Халху Галданъ-бошокту. Ундуръ-гэгэнъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ императора Канъ-си въ дѣлѣ водворенія порядка и укрѣпленія ламаизма въ Монголіи. Второй хубилганъ родился также въ Монголіи. Однако маньчжуры стали опасаться вредныхъ послѣдствій въ будущемъ отъ этого порядка въ виду того громаднаго вліянія, которое могъ пріобрѣсти на своихъ соотечественниковъ святитель-монголъ. Богдоное ханы поэтому рѣшили сдѣлать его по возможности чуждымъ народу и отстранить отъ участія въ свѣтскихъ дѣлахъ. Начиная съ третьяго, всѣ хубилганы возрождались уже въ Тибетѣ, по указаніямъ тибетскихъ святителей (Далай-ламы и Паньчэнь-риньпочэ), согласно даннымъ на этотъ предметъ инструкціямъ изъ Пекина; затѣмъ, подъ предлогомъ, что Чжебцзунъ-дамба-хутухтѣ, какъ главѣ ламаизма въ Монголіи, не подобаетъ заниматься свѣтскими дѣлами, былъ изданъ въ 1754 г. указъ о томъ, чтобы всѣми подобными дѣлами, въ особенности по управленію крѣпостными людьми хутухты, завѣдывалъ казначей послѣдняго (*чянъ-цзо-па* или *шанцзотба*). Вмѣстѣ съ тѣмъ надъ дѣятельностью хутухты былъ установленъ надзоръ. Съ этихъ поръ его вліяніе значительно ослабѣло, хотя онъ и продолжаетъ пользоваться тѣмъ же духовнымъ авторитетомъ и общимъ почетомъ. Среди послѣдующихъ хубилгановъ уже не было выдающихся лицъ, которыя могли бы воскресить времена Ундуръ-гэгэна. Восьмой хубилганъ, родившійся въ 1870 г., здравствуетъ донынѣ. По отзывамъ путешественниковъ, онъ отличается большою любознательностью. Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ подчинено нѣсколько монгольскихъ монастырей, не считая Урги; кромѣ того, у него имѣется до 80.000 крѣпостныхъ (*шабинаръ*), подаренныхъ ему въ разное время монгольскими князьями. Знакомъ его власти является золотая печать и грамота на золотомъ листѣ, жалуемая богдоханомъ каждому хутухтѣ отдѣльно (*ред.*).

Отъ этого мѣста въ Сакья ведутъ двѣ дороги: одна на Тоньдубъ-линъ, а другая черезъ Лхарцэ. Наши путешественники избрали послѣдній путь, болѣе короткій, и прибыли въ Лхарцэ 10 августа. Здѣсь Учжѣню сказали, что отсюда можно доѣхать до Шакаръ-цзона [1]) въ одинъ день. Монахи Шакара извѣстны своимъ богатствомъ, которое они пріобрѣли покупкою золота.

Замокъ (цзонъ) въ Лхарцэ стоитъ на живописномъ холмѣ, откуда открывается чудесный видъ на Цанъ-по. Лхарцэ является главнымъ торговымъ пунктомъ Верхняго Цана. Въ его монастырѣ въ прежнія времена жило до 1000 ламъ, но въ настоящее время это число значительно уменьшилось. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Лхарцэ находится знаменитый монастырь Наиринъ, монахи котораго извѣстны своею ученостью.

14 августа Учжѣнь со своими спутниками, пройдя черезъ Тана и Ласа, достигли Сакья и остановились въ домѣ, принадлежащемъ начальнику управленія, завѣдывающаго повинностью *улагъ*. Въ этомъ городѣ есть хорошій рынокъ, но, за исключеніемъ мяса, всѣ пищевые продукты здѣсь дороже, нежели въ Шигацэ. Здѣсь нельзя было купить хорошей цамбы; солома и сѣно были очень дороги—1 танька за связку, не превышающую вѣсомъ 5 фунтовъ.

Сакья—это извѣстное пристанище воровъ и различныхъ мошенниковъ, почему здѣсь скотъ на ночь обыкновенно запираютъ въ хлѣвы и овчарни.

На слѣдующій день, по случаю дня рожденія Пэмэ Чюннасъ (Падма Самб'ава), былъ исполненъ въ оградѣ храма религіозный танецъ, при которомъ присутствовали пять остававшихся въ живыхъ членовъ царской Сакьяской фамиліи К'онь; они сидѣли въ креслахъ на возвышеніи подъ огромнымъ китайскимъ зонтомъ; ихъ окружала свита служителей, которыя держали скипетръ и знамена *(чжялъ-цань)*.

80 одѣтыхъ по праздничному танцоровъ (*чямпа*) танцовали цѣлый день подъ музыку кларнетовъ, трубъ, барабановъ, тамбуриновъ и кимваловъ; танцоры только изрѣдка останавливались, чтобы напиться чаю. Когда наконецъ танецъ окончился, зрители бросили танцорамъ множество шарфовъ, которые тѣ и унесли на своихъ плечахъ.

Этотъ танецъ, вазываемый *п'урпай килъ чямъ*, былъ исполненъ въ память рожденія мудреца Уддаяни, который родился изъ цвѣтка лотуса въ озерѣ Д'анакоша. Во время танца два тимпоня и дюжина полицейскихъ сдерживали толпу при помощи своихъ кнутовъ.

---

[1]) Этотъ пунктъ посѣтилъ въ 1883 г. Учжѣнь-чжяцо. (W. R.).

Когда церемонія, полагавшаяся на этотъ день, была окончена, появился наслѣдникъ Сакьяскаго Паньчэня, который занялъ свое мѣсто на майданѣ передъ большимъ храмомъ и отсюда давалъ свое благословеніе (*чягъ-ванъ*) всѣмъ, приближавшимся къ нему. Въ тотъ же день Учжёнь посѣтилъ знаменитую библіотеку, гдѣ находится много рукописей, писанныхъ золотомъ; страницы этихъ рукописей были длиною около 6—8 футовъ, а шириною отъ 3 до 4 футовъ [1]). На доскахъ, составлявшихъ переплетъ книгъ, были нарисованы золотомъ и серебромъ изображенія безчисленныхъ буддъ. Здѣсь было также много книгъ на китайскомъ языкѣ, относящихся къ первымъ вѣкамъ христіанской эры [2]).

Сакьяскій лама (*Waddell, The Buddhism of Tibet*).

На слѣдующій день происходилъ другой танецъ, извѣстный подъ названіемъ *ша-нагъ*, или «черношапочный», который былъ исполненъ во дворѣ резиденціи Гонъ-са. Въ танцѣ принимали участіе около 80 танцоровъ. 70 изъ нихъ танцовали непрерывно, а 10 попеременно отдыхали и подкрѣплялись пищей. Танцовали они граціозно, при чемъ дѣлали весьма любопытныя движенія руками.

17 августа Учжёнь оставилъ Сакья и, проѣхавъ черезъ Лхадонъ,

---

[1]) Ниже нашъ авторъ говоритъ, что эти томы имѣли около 6 футовъ въ длину, при 18 дюймахъ ширины. Это болѣе правдоподобно (W. R.).

[2]) Древность китайскихъ книгъ, несомнѣнно, сильно преувеличена (W. R.).

Шонъ-маръ-цэ, Па-ла и Чиблунъ, 20 числа достигъ Добта [1]). Эта мѣстность оказалась весьма бѣдною; народъ здѣсь терпитъ сильную нужду. Страна скалиста и пустынна, но тѣмъ не менѣе крестьяне должны отдавать Сиккимскому рачжѣ половину собираемаго съ полей урожая.

Оставивъ Добта, Учжѣнь прибылъ къ озеру Цомо-тэлъ-тунъ («озеро, служащее водопоемъ для муловъ»), которое онъ обошелъ кругомъ такъ, что все время имѣлъ озеро по лѣвую руку,—поступокъ еретическій, по мнѣнію буддистовъ.

Остановившись на ночь въ Наринѣ, онъ отправился дальше черезъ Тагнагъ и 24 августа достигъ Тарчжѣ [2]). Недалеко отсюда находится Дора-чуцань («Горячіе источники»), по сосѣдству съ которыми Учжѣнь видѣлъ нѣсколько ткацкихъ станковъ, на которыхъ дѣлались превосходные ковры, называемые *тумъ-иги*. Эти ковры дѣлаютъ женщины, которыя обнаруживаютъ много вкуса въ составленіи узоровъ.

Оставивъ Тарчжѣ, путешественники, безъ всякихъ приключеній, прошли черезъ Курму, Кіога, Лабранъ-докпа и Лугури-чжонъ [3]) и около полудня 29 августа прибыли въ Шигацэ.

Учжѣнь оставался въ Шигацэ въ теченіе семи дней, занимаясь сушкою растеній, собранныхъ имъ во время его поѣздки, и наблюдая за событіями, происходившими послѣ смерти великаго ламы.

Черезъ день послѣ смерти великаго ламы Учжѣнь и одинъ его знакомый отправились въ Ташилхуньпо, чтобы совершить поклоненіе, но имъ было отказано въ пропускѣ туда. Въ монастырь теперь не допускался никто изъ постороннихъ, а равно и живущимъ тамъ не дозволялось ни выходить изъ монастыря ни принимать кого-либо у себя.

Возвращаясь обратно, Учжѣнь со своимъ спутникомъ прошли мимо дворца Кунь-к'ябъ-линъ, гдѣ они видѣли много охотничьихъ собакъ, которыхъ Паньчэнь держалъ для охоты, такъ какъ, хотя его священный санъ и возбранялъ ему вообще убивать животныхъ, но все же онъ могъ позволить себѣ указанный видъ спорта.

Въ то время какъ Учжѣнь съ товарищемъ были во дворцѣ П'уньцо-п'оданъ, любимой резиденціи ламы, одинъ чиновникъ изъ Лабрана зани-

---

[1]) На картѣ Добъ-т'а-чжонъ. Нашъ авторъ проходилъ черезъ эту мѣстность, возвращаясь въ Дарджилинъ, см. ниже, гл. X (W. R.).

[2]) Около 5 миль отъ К'амба-цзона (W. R.).

[3]) Это та же самая дорога, по которой шелъ онъ и Чандра Дасъ въ Шигацэ (W. R.).

мался тамъ опечатываніемъ всѣхъ вещей, принадлежавшихъ покойному; кромѣ вещей, печати были также наложены и на всѣ двери въ главныхъ комнатахъ Кунь-к'ябъ-лина.

На слѣдующій день разнесся слухъ, что лама воскресъ, и всѣ начали благодарить боговъ; на рынкѣ торговцы цамбою бросали вверхъ полныя горсти своего товара, въ видѣ благодарственной жертвы богамъ за возвращеніе имъ великаго ламы.

Въ присутствіи Учжѣня динпонь Шигацэ сказалъ, что въ прошломъ году, когда правительство Лхасы обратилось за совѣтомъ къ оракулу Лхамо сунъчіонма, послѣдній предсказалъ великія бѣдствія для Тибета. Эти бѣдствія были неизбѣжны вслѣдствіе развращенности народа, который утратилъ вѣру въ боговъ и далъ демонамъ въ человѣческомъ образѣ увлечь себя. Волшебство, говорилъ оракулъ, сильно увеличилось, и во всякой деревнѣ имѣются люди, заявляющіе, что они находятся въ общеніи съ дьяволами. Былъ изданъ указъ, коимъ воспрещалось колдовство и предсказаніе судьбы. Было обнаружено, что подъ самымъ замкомъ въ Шигацэ обитали 15 вѣдьмъ (*паональ-чжорма*). Ихъ предали суду и потребовали, чтобы онѣ дали объясненіе относительно содержимаго найденныхъ у нихъ нѣсколькихъ ящичковъ, наполненныхъ различными предметами; но только четыре изъ этихъ колдуній были въ состояніи дать отвѣтъ, остальныя были наказаны розгами и затѣмъ отпущены подъ условіемъ, что онѣ не будутъ впредь пользоваться людскимъ легковѣріемъ и дадутъ обѣщаніе вести себя хорошо въ будущемъ.

ГЛАВА IX.

Погребеніе Паньчэнь-риньпочэ. Посѣщеніе большого монастыря Самъѣ и области Ярлунъ.

---

19 сентября министръ покинулъ Донцэ, а я отправилъ Учжѣня еще разъ въ монастырь Ричжялъ Шэньдаръ для того, чтобы онъ добылъ дополнительныя свѣдѣнія относительно секты боньбо и ихъ религіи. Самъ же я отправился въ Чжяньцэ, гдѣ былъ очень любезно принятъ Чягъ-цзо-па и его семействомъ.

Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Чягъ-цзо-па въ г. Чжяньцэ находится большая фабрика ковровъ и шерстяныхъ одѣялъ, гдѣ постоянно работаютъ около 90 женщинъ; однѣ изъ нихъ очищаютъ шерсть, другія красятъ ее, третьи наконецъ занимаются ткацкой работой. *Цо*, т. е. «красящее растеніе», растетъ на скалистой почвѣ и собирается докпасцами. Оно даетъ прекрасную желтую краску. Для окрашиванія употребляются только одни листья этого растенія [1]).

Среди рабочихъ на этой фабрикѣ господствуетъ строжайшая дисциплина. Одна женщина, которая опоздала на работу, была, по приказанію Чягъ-цзо-па, подвергнута тѣлесному наказанію. Мальчикъ, пойманный въ воровствѣ шерсти, подвергся тому же наказанію и, помимо этого, былъ заключенъ въ тюрьму на двѣ недѣли.

Я весьма удивился, увидѣвъ, что Чягъ-цзо-па является здѣсь судьею, но онъ сказалъ мнѣ на это, что крупнымъ землевладѣльцамъ, каковъ его хозяинъ шапэ П'ала, правительствомъ предоставлено право суда надъ ихъ

---

[1]) См. выше, стр. 14.

крѣпостными. Кстати замѣчу, что арендаторы пастбищъ какъ въ этомъ, такъ, вѣроятно, и въ другихъ помѣстьяхъ платятъ ежегодно собственникамъ по два фунта масла съ каждаго яка-самки и по два фунта шерсти съ каждой овцы.

25 сентября, соотвѣтствующаго 13 числу восьмой луны, началась жатва. Этотъ день былъ избранъ для этого, какъ особенно счастливый. Весь народъ отправился на работу, а я пошелъ на крышу замка, чтобы наблюдать оттуда жнецовъ. Во время своей работы они пѣли гимны и приносили въ жертву богамъ пучки ячменя, гороха и пшеницы въ качествѣ начатковъ созрѣвшихъ плодовъ.

Учжѣнь возвратился изъ своей поѣздки 1 октября.

13 (25?) сентября, въ день полнолунія, когда Учжѣнь былъ еще въ Шигацэ, состоялось перенесеніе тѣла умершаго великаго ламы изъ Тобъчжяла въ Ташилхуньпо. Впереди процессіи шла толпа народа, сопровождаемая сотнею всадниковъ. Затѣмъ ѣхали чиновники Лабрана въ сопровожденіи родоправителей, дворянъ и высшихъ должностныхъ лицъ провинціи Цанъ,—всѣ верхами. Позади ихъ несли носилки съ останками его святѣйшества Паньчэнь-риньпочэ. За носилками слѣдовалъ китайскій отрядъ, состоявшій изъ 50 солдатъ. Плачъ толпы все усиливался по мѣрѣ приближенія процессіи, и даже самъ Учжѣнь, по его словамъ, рыдалъ, какъ ребенокъ. Нѣкоторые, устремивъ взоры къ небесамъ, громко молились: «Богъ и святые, сдѣлайте такъ, чтобы нашъ возлюбленный защитникъ (*кябъ-гонъ*) возвратился въ этотъ міръ для блага всѣхъ живыхъ существъ». Не было слышно колокольнаго звона, и процессія подвигалась въ торжественномъ молчаніи, при чемъ всѣ—міряне и монахи—были одѣты въ темно-красные костюмы безъ всякихъ украшеній. Когда процессія вошла въ Ташилхуньпо, носилки были поставлены на главный алтарь въ «Залѣ усопшихъ святыхъ». На слѣдующій день Учжѣнь отправился на поклоненіе покойному ламѣ. Онъ нашелъ тѣло ламы (*ку-поръ*) въ сидячемъ положеніи, обернутымъ въ шарфы. Тѣло было очень невелико и совсѣмъ не соотвѣтствовало по своей величинѣ фигурѣ ламы при его жизни. Учжѣню сказали, что это явилось результатомъ бальзамированія [1]).

Въ этотъ же день оканчивался срокъ лѣтняго уединенія (*яръ-насъ*) для монаховъ. День этотъ считался праздникомъ; для народа были устроены бѣга и различныя игры; кромѣ того, въ этотъ день все населеніе—ламы,

---

[1]) Изложенныя здѣсь свѣдѣнія не вполнѣ согласуются съ тѣмъ, что авторъ говоритъ по тому же предмету ниже (W. R.).

мужчины, женщины и дѣти—купались вмѣстѣ въ Нянъ-чу. Единственнымъ знакомъ траура, который соблюдался въ этотъ день, было то, что какъ въ городѣ, такъ и въ Ташилхуньпо во всѣхъ домахъ были закрыты окна.

17 сентября Учжѣнь прибылъ въ Шэньдаръ-динъ, гдѣ онъ остановился въ домѣ одного человѣка, жена котораго только что разрѣшилась отъ бремени. Въ Тибетѣ, какъ и въ Индіи, женщину, которая родила, въ теченіе мѣсяца считаютъ оскверненною (*къдибъ*); по истеченіи этого срока совершаются различныя религіозныя церемоніи для очищенія.

Здѣсь Учжѣнь оставался до 26 числа и добылъ отъ верховнаго жреца монастыря весьма цѣнныя свѣдѣнія относительно догматической стороны и исторіи боньской религіи. Кромѣ того, онъ переписалъ много цѣнныхъ сочиненій, относящихся къ этому предмету, которыя лама любезно предоставилъ въ его распоряженіе [1]).

Такъ какъ мнѣ, въ бытность мою въ Лхасѣ, не удалось, какъ выше уже сказано, посѣтить извѣстный монастырь Самъѣ, вѣроятно, самый древній и самый знаменитый изъ всѣхъ тибетскихъ монастырей, то я теперь рѣшилъ снова попытаться устроить эту столь желательную для меня поѣздку. Послѣ возвращенія Учжѣня изъ Шэньдаръ-дина я послалъ его въ Донцэ, чтобы онъ попытался достать тамъ проводника; но старанія его въ этомъ направленіи были безуспѣшны, такъ какъ распространились слухи о томъ, что я—британскій чиновникъ, и П'урчуна уже обвиняли въ томъ, что онъ, вопреки опредѣленнымъ приказаніямъ Непальскаго дурбара, провелъ меня въ Тибетъ.

Вслѣдствіе этихъ тревожныхъ слуховъ я покинулъ Чжяньцэ 4 октября и возвратился въ Ташилхуньпо, куда ко мнѣ 13 числа прибылъ и П'урчунъ, котораго я въ августѣ посылалъ съ письмами въ Индію.

Теперь я рѣшилъ послать Учжѣня, вмѣстѣ съ собранными имъ ботаническими и другими коллекціями, обратно въ Индію, а самъ я намѣревался посѣтить Самъѣ и находящуюся къ югу отъ него страну Лхок'а. Онъ купилъ 10 яковъ за 100 рупій и вьючныя сѣдла и нанялъ людей изъ Лачуна,

---

[1]) Въ рукописи автора имѣется нѣсколько страницъ объ этическомъ ученіи боньбосцевъ и пр., но свѣдѣнія эти настолько спеціальны, что я вынужденъ былъ ихъ выпустить. Приведенная авторомъ боньбоская терминологія въ сущности та же, что и у ламаитовъ. По его словамъ, боньбосцы дѣлятся на 6 сектъ, изъ которыхъ наиболѣе популярною является Ту-лугъ; къ послѣдней принадлежитъ населеніе Чанъ-тана и Чжя-дэ. Слѣдующее по значенію мѣсто занимаетъ секта Шэнь-цанъ-лугъ. См. также выше, стр. 269 (W. R.).

чтобы они сопровождали его до К'амба-цзона. Онъ отправился 17 числа; мы же съ П'урчуномъ отправились въ Чжяньцэ, куда и прибыли 18 числа.

Мѣстное населеніе было занято теперь молотьбой ячменя, которая состояла въ томъ, что коровы, съ надѣтыми на морды плетеными корзинами, вытаптывали зерна. Смотрѣть за коровами были приставлены два мальчика.

Чягъ-цзо-па далъ мнѣ проводника въ Самъѣ и въ страну Лхок'а; проводника этого звали Гопонь. Онъ сказалъ мнѣ, что готовъ къ отъѣзду во всякое время, потому что его братъ (*намдо-нунь*, т. е. «соединенный братъ»), какъ онъ называлъ его, возвратился теперь изъ Шигацэ, и потому онъ можетъ оставить свою жену. Хотя эти люди и не были родственниками, однако у нихъ была общая жена, и всѣ трое жили между собою очень дружно.

21 октября я наконецъ отправился въ Самъѣ и вплоть до разрушенной деревни Ринъ-ла ѣхалъ по большой лхасской дорогѣ, по которой я уже ранѣе проѣзжалъ въ этомъ году. Въ этой нѣкогда богатой и цвѣтущей мѣстности теперь жило только одно семейство, зарабатывавшее себѣ скудное пропитаніе выдѣлкою глиняной посуды. Для этой цѣли употребляется вогнутая деревянная форма и на ней лѣпятся горшки просто пальцами или при помощи куска дерева, при чемъ форму поворачиваютъ, по мѣрѣ надобности, рукой. Это обычный способъ приготовленія глиняной посуды въ Тибетѣ.

Оставивъ поселокъ Ринъ-ла, мы прошли сначала по прекраснымъ пастбищамъ, прилегающимъ къ Ямдо-цо, затѣмъ—по пустыннымъ нагорьямъ, на которыхъ только изрѣдка попадались можжевельникъ или кедровыя деревья, и наконецъ достигли деревни Та-лунъ, извѣстной, какъ показываетъ и самое имя, обиліемъ и хорошей породой своихъ лошадей [1]). Вокругъ деревни земля была обработана, и все свидѣтельствовало о большомъ трудолюбіи мѣстныхъ жителей.

Первоначально насъ не хотѣли пустить на ночлегъ ни въ одинъ домъ, такъ какъ насъ приняли за лхопа или б'утіевъ, которыхъ здѣсь очень боятся, ибо они нерѣдко совершаютъ свои разбойническіе набѣги на эту страну. Но въ концѣ концовъ намъ посчастливилось заручиться расположеніемъ одного ламы въ здѣшнемъ монастырѣ, и онъ убѣдилъ одного изъ своихъ пріятелей пустить насъ къ себѣ въ домъ.

---

[1]) *Та*—«лошадь», *лунъ*—«равнина, долина». Относительно имени Ямдокъ-цо, см. Jour. Buddh. Text Soc. of India, IV, Pt. III. p. t. (W. R.), и выше, стр. 180—181.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, т. е., 24 октября, мы снова двинулись въ путь и, перейдя заливъ Шаньдунъ-чу озера Ямдо, отправились вдоль подошвы крутыхъ холмовъ, нависшихъ надъ берегами озера. На пути мы видѣли монастырь Чонъ-к'оръ [1]), откуда приходятъ всѣ танцоры и шуты (*амчи-лхамо*) [2]), изъ которыхъ многіе ежегодно посѣщаютъ Дарджилинъ. Пройдя рѣку Ривотагъ [3]), находящуюся въ 8 миляхъ къ сѣверу отъ области *(цзонъ)* того же имени, мы поднялись на горный хребетъ, съ вершины котораго увидѣли деревни Юрупэ, Кэ-утагъ и К'юньподо. Мѣстность была вездѣ рѣдко населена; за то здѣсь паслось много яковъ, ословъ, овецъ и козъ.

Мы остановились въ деревнѣ Шари, красиво расположенной между Ямдо и другимъ небольшимъ озеркомъ съ прѣсной водой, и расположились въ мани лха-к'анѣ, посреди котораго находился большой молитвенный цилиндръ, имѣвшій около 6 футовъ въ высоту и 3 фута въ діаметрѣ. Здѣсь жилъ одинъ старикъ, единственнымъ занятіемъ котораго было вращать этотъ цилиндръ.

На слѣдующее утро мы перешли чрезъ небольшой холмъ Кабу-ла и къ 11 часамъ, идя вдоль сѣверной оконечности озера Ромбучжа, достигли деревни Мэлунъ [4]), названной этимъ именемъ вслѣдствіе огненныхъ (*мэ*) камней, найденныхъ въ долинѣ (*лунъ*), въ которой лежитъ эта деревня.

Остановившись ненадолго въ Мэлунѣ, мы тронулись дальше, при чемъ по мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, намъ все чаще и чаще стали попадаться отдѣльные поселки и цѣлыя деревни. На ночь мы остановились въ деревнѣ К'амэдо, населеніе которой составляетъ около сотни семействъ.

Съ восходомъ солнца мы отправились въ путь. Пройдя нѣкоторое разстояніе въ сѣверномъ направленіи отъ большой деревни Линъ [5]), гдѣ живетъ цзонпонь области Ямдо, мы очутились на широкихъ пастбищахъ Кармолинъ, достигавшихъ въ этомъ мѣстѣ въ ширину 10 миль; здѣсь паслись сотни лошадей, принадлежащихъ правительству Лхасы.

Послѣ завтрака въ деревнѣ Шабши, мы отправились далѣе и, пройдя

---

[1]) На картѣ: Чой-к'оръ-цэ (W. R.).

[2]) Нѣкоторые танцоры изображаютъ собою небесныхъ музыкантовъ (*киннара*), называемыхъ въ Тибетѣ *ми-хамъ-чи*. Повидимому, именно ихъ разумѣетъ Саратъ Чандра Дасъ (W. R.).

[3]) На картѣ Ри-о-тагъ, чжонъ (W. R.).

[4]) Этотъ пунктъ, повидимому, названъ на картѣ Нѣма-лунъ (W. R.).

[5]) На картахъ Лохъ-бу-чжонъ (W. R.).

черезъ поселокъ Таньта [1]), начали подниматься на перевалъ Тибъ-ла, который образуетъ границу между областями Ямдо и Лхок'а; съ вершины этого перевала открывается чудесный видъ на озерную страну, подобнаго которому я нигдѣ не видѣлъ въ Гималаяхъ.

Водопадъ у Пачунри (между Гэра-тонъ и Мэтанъ).

Спускъ съ Тибъ-ла былъ сопряженъ съ гораздо большими затрудненіями, чѣмъ подъемъ на него; при томъ же навстрѣчу намъ дулъ сильный вѣтеръ, благодаря чему трудно было даже держаться на ногахъ. Къ 5 часамъ мы пришли въ деревню Тибъ, гдѣ было около десятка домовъ, вокругъ

[1]) На картахъ Танъ-да (W. R).

которыхъ росло нѣсколько хилыхъ ивъ. Деревенскіе жители были заняты молотьбой жатвы при помощи скота, и ихъ веселыя пѣсни, разносимыя вечернимъ вѣтеркомъ, пріятно ласкали мой слухъ, пока я не заснулъ.

Деревня Тибъ находится подъ управленіемъ цзонпоня области Гонк'аръ, который вмѣстѣ со своими двумя ламами-помощниками (*цэ-дунъ*) обыкновенно живетъ въ сосѣднемъ городѣ Тойнамъ-чжялинъ [1]).

27-го октября.

Наша дорога шла внизъ по теченію рѣки Тибъ-чу. Долина рѣки была покрыта ивами (здѣсь онѣ называются *нямямъ шинъ*, т. е., «плакучими деревьями»), кипарисами, можжевельникомъ и особымъ видомъ серебристой пихты, такъ что хотя дорога была камениста, но, благодаря густому лѣсу, окаймлявшему ее съ обѣихъ сторонъ, путь нашъ въ общемъ былъ пріятенъ.

Вскорѣ послѣ полудня мы достигли Тойнамъ-чжялинъ-цзона. Эта мѣстность славится производствомъ саржи и сукна. Рѣка Тибъ-чу, протекая черезъ городъ въ низкихъ берегахъ, покрытыхъ цвѣтами, высокими тополями и орѣховыми деревьями, которыя окружали высокіе дома красивой архитектуры, придавала мѣстности весьма привлекательный видъ. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько человѣкъ изъ племени хорба [2]) съ караваномъ яковъ, нагруженныхъ солью, которую они привезли съ сѣвера для продажи.

Немного не доходя самаго города, мы прошли мимо небольшаго женскаго монастыря Пэру, а вслѣдъ затѣмъ пришли въ монастырь Той Судулинъ, въ которомъ живутъ около 500 монаховъ секты гэлугъ-па.

На ночь мы остановились въ маленькомъ городѣ К'эдэ-шо [3]) съ двумя замками, расположеннымъ близъ р. Цанъ-по. Этотъ городъ со своими крѣпкими домами старинной архитектуры, узкими улицами, монастыремъ Домбу чойк'оръ, окруженнымъ стѣнами, окрашенными въ синій и красный цвѣта,

---

[1]) На картахъ Тонь намчжяллинъ, высота его 12.430 фут. (W. R.).

[2]) Тибетцы изъ сѣверо-восточнаго Тибета. Болѣе вѣроятно, что это были чанпа изъ Чанъ-тана, ибо хорба не возятъ соли въ Центральный Тибетъ (W. R). Сводъ имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній о хорба помѣщенъ въ изслѣдованіи Г. Е. Грумъ-Гржимайло: «Матеріалы по этнологіи Амдо и области Куку-нора» (Извѣст. И. Р. Геогр. Общ., т. XXXIX вып. V)—(*ред.*).

[3]) На картахъ названъ Кэдэшо-чжонъ. A—k, который проходилъ черезъ этотъ городъ въ томъ же году, всего лишь двумя недѣлями ранѣе нашего автора, называетъ этотъ городъ Chitishio Jong. Онъ говоритъ, что въ немъ находится около 1.000 домовъ (W. R).

и большимъ старымъ монастыремъ, расположеннымъ на холмѣ, возвышающемся надъ городомъ,—издали походитъ скорѣе на крѣпость.

Мѣстность эта, повидимому, процвѣтаетъ; повсюду раскинуты цвѣточные сады и рощи; въ каждомъ почти домѣ на окнахъ и въ дверяхъ виднѣлись горшки съ цвѣтами. Здѣсь живутъ два нѣрпа, которые управляютъ городомъ и наблюдаютъ за выдѣлкой саржи и сукна для Далай-ламы и Паньчэнь-риньпочэ.

На слѣдующее утро мы отправились дальше и, пройдя около двухъ миль по мягкому песку, пришли къ величественной рѣкѣ Цанъ-по. Здѣсь намъ пришлось долго звать перевозчиковъ, чтобы они доставили съ другого берега рѣки свою джонку (*шаньпа*) [1]). Наконецъ, послѣ 2-часоваго ожиданія на холодѣ и въ туманѣ, показалась лодка, которая медленно подвигалась впередъ; на веслахъ сидѣли 3 женщины и двое мужчинъ, которые громко распѣвали пѣсни.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину около полумили и очень глубока, но теченіе ея медленно. Вскорѣ мы высадились въ Дорчжэ-тагъ г'атѣ, гдѣ заплатили перевозную плату въ размѣрѣ таньки съ каждой лошади и по 5 карма (2 анны) съ каждаго человѣка.

Этотъ перевозъ принадлежитъ лежащему вблизи отъ него монастырю Дорчжэ-тагъ [2]), одному изъ самыхъ древнихъ и священныхъ монастырей секты ньинма. Воплощенный лама, который стоитъ во главѣ этого монастыря, умеръ полтора года тому назадъ, но недавно онъ снова воплотился въ городѣ Дарчэньдо [3]). Этотъ монастырь стоитъ у подножія цѣпи холмовъ, тянущейся вдоль берега рѣки за Самъѣ; неподалеку отъ монастыря начинается густая роща, которая тянется вплоть до большой дороги.

Намъ захотѣлось закусить, и мы остановились на берегу рѣки, который былъ усѣянъ рыбьими костями и раковинами. Гопонь сказалъ мнѣ, что вся мелкая рыба, которую здѣсь ловятъ, идетъ на удобреніе земли, такъ какъ эту рыбу, вслѣдствіе ея костлявости, невозможно употреблять въ пищу.

За чаемъ Гопонь, который, замѣчу кстати, былъ малый весьма болтливый, разсказалъ мнѣ, что когда въ этой странѣ умираетъ новорожден-

---

[1]) *Шаньпа* значитъ «лодочникъ», а не «лодка» (W. R.).

[2]) Монастырь Дорчжэ-тагъ (Rdorje-brag) далъ свое имя одной сектѣ. См. Waddell, op. cit., p. 73 (W. R.).

[3]) Дарчэньдо или Да-цзянь-лу лежитъ на границѣ Тибета съ пров. Сы-чуань (W. R.).

ный ребенокъ, его тѣло закупориваютъ въ глиняный сосудъ или въ деревянный ящикъ и въ такомъ видѣ ставятъ въ кладовой или подвѣшиваютъ къ потолку дома его родителей [1]). Въ верхнемъ Тибетѣ тѣло обыкновенно ставится на крышѣ дома въ особую устраиваемую тамъ маленькую башенку; тѣ же, которые не въ состояніи этого сдѣлать, подвѣшиваютъ трупикъ просто къ потолку лицомъ къ верху.

Отъ Дорчжэ-тага дорога идетъ по песчанымъ холмамъ и утесамъ скалъ, подходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень близко къ берегу рѣки, такъ что требовалась большая осторожность, чтобы благополучно провести здѣсь лошадей.

Мы остановились въ деревнѣ Тагъ, позади которой возвышаются покрытыя лѣсомъ горы; здѣсь мы нашли себѣ на ночь квартиру въ прекрасномъ новомъ домѣ, хозяева котораго устроили насъ очень комфортабельно.

На слѣдующій день мы двинулись въ путь еще до восхода солнца и послѣ нѣсколькихъ миль пути по тяжелому песку пришли въ деревню Сонкаръ [2]), состоящую приблизительно изъ 200 домовъ; вокругъ этой деревни растутъ орѣховыя деревья, ивы, персики, тополи и другія деревья. Говорятъ, что здѣсь утонулъ принцъ Лхаванъ, сынъ царя Мэ-агцомсъ [3]), и послѣдній въ гнѣвѣ на рѣчныхъ боговъ приказалъ бичевать рѣку. Услышавъ это приказаніе, *нага* устрашились и сказали царю, что если онъ проститъ ихъ, то они укажутъ ему много добрыхъ знаменій. Поэтому это мѣсто и называется Сонкаръ (или Зунк'аръ) лха-тагъ, что значитъ «Зунк'аръ знаменій боговъ».

---

[1]) Это, очевидно, такой же обычай, какой существуетъ и въ Восточномъ Тибетѣ, гдѣ всѣхъ покойниковъ держатъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ снятъ хлѣбъ, послѣ чего ихъ отдаютъ на съѣденіе ястребамъ или сжигаютъ, или же отдѣлываются отъ нихъ еще какъ-нибудь иначе; см. „Land of the Lamas", p. 286. Текстъ здѣсь не вполнѣ ясенъ, ибо не видно, остаются ли тѣла на всегда въ домѣ родителей (W. R.).

[2]) На картахъ называется Цонъ-ка. Учжѣнь-чжяо вторично прошелъ всю эту дорогу въ 1883 году. (см. Report on Explorations from 1856 to 1886, p. 28 et sqq). Онъ утверждаетъ (p. 29), что у Цонъ-ка рѣка имѣетъ болѣе мили ширины (W. R.).

[3]) Царь Мэ-агцомсъ былъ отцомъ Т'исронъ-дэцаня, о которомъ нашъ авторъ часто говоритъ; онъ царствовалъ во второй половинѣ VII ст. по Р. Хр. и былъ современникомъ Танскаго императора Чжунъ-цзуна (684). Т'исронъ-дэцань или Ралпачань (по-монгольски Усунъ-сандалиту-ханъ)— извѣстный ревнитель буддизма въ Тибетѣ, царствовавшій съ 740 по 786 г.; по словамъ Csoma, онъ родился въ 728 г.

Не вдалекѣ отъ этой деревни проходитъ черезъ перевалъ Сонкаръ-ла и Дэчэнь [1]) дорога въ Лхасу, по которой караваны яковъ перевозятъ лѣсъ въ Дэчэнь, откуда его отправляютъ въ Лхасу на лодкахъ.

Дорога изъ Сонкара въ Самъѣ, въ большей своей части, идетъ по песчаной равнинѣ Нагшу-чѣма [2]), которая тянется отъ подножія утесистыхъ холмовъ Ломда до р. Цанъ-по. Когда я взобрался на вершину низенькаго холма, передо мною открылся монастырь Самъѣ; его позолоченныя кровли сіяли на солнцѣ, а къ югу отъ большого монастыря, среди песковъ, возвышался небольшой холмъ Хабой-ри.

Пройдя подъ густыми ивовыми деревьями, растущими на песчаной почвѣ по наружную сторону стѣны, окружающей монастырь, мы вошли въ этотъ послѣдній черезъ южныя ворота, надъ которыми возвышался чортэнь, сдѣланный отчасти въ формѣ дорчжэ [3]). Проводникъ повелъ насъ въ домъ матери омъ-цзэ (верховнаго жреца), которая приняла насъ весьма гостепріимно и уступила намъ свою молельню. Передъ отведенными намъ комнатами былъ раскинутъ небольшой цвѣтникъ; въ разныхъ мѣстахъ были разставлены горшки съ цвѣтами и различными растеніями; кромѣ того, въ клѣткахъ находились двѣ пѣвчія птицы.

Наша хозяйка Тунъ-ма была очень симпатичная старушка лѣтъ 60. Она носила въ видѣ ожерелья много серебряныхъ украшеній и талисмановъ, украшенныхъ бирюзой. Ея головной уборъ отличался отъ тѣхъ, которые я видѣлъ раньше, и имѣлъ форму остроконечной шапки [4]).

Пурчунъ былъ въ восторгѣ отъ монастыря Самъѣ; ему не только удалось достигнуть величайшей изъ святынь Тибета, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попалъ въ такое мѣсто, гдѣ пиво было очень дешево и весьма вкусно; чего же больше могъ онъ еще желать?

Послѣ чая я вмѣстѣ съ двумя своими спутниками отправился осма-

---

[1]) Найнъ Сингъ переходилъ черезъ Gokhar въ 1873 г. Дэчэнь-цзонъ находится на рѣкѣ Кьи-чу въ разстояніи одного дня пути на востокъ отъ Лхасы (W. R.).

[2]) *Чѣма (вуе-та)*—значитъ „песокъ"; *нагша*—вѣроятно, значитъ „черный" (W. R.).

[3]) Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ чортэнь можетъ походить на дорчжэ (вачжра). Сравненіе это не совсѣмъ удачно (W. R.).

[4]) Можетъ быть, она происходила изъ Литана. Тамъ женщины носятъ большіе серебряные полукруги по обѣимъ сторонамъ головы; эти полукруги соединяются на темени, такъ что издали головной уборъ кажется довольно похожимъ на остроконечную шапку (W. R.).

тривать главный храмъ, посвященный Ву-цэ (Амитаба). Я спросилъ у сторожа (*ку-нѣръ*), гдѣ находится знаменитая библіотека съ извѣстными индійскими книгами, которыя нашелъ здѣсь Атиша, когда пришелъ впервые въ этотъ монастырь 800 лѣтъ тому назадъ. Къ величайшему моему разочарованію, мнѣ сказали, что «великая библіотека за наши грѣхи уничтожена пожаромъ 60 лѣтъ тому назадъ, и теперь въ ней находятся только новыя перепечатанныя изданія» [1]).

Въ большомъ сборномъ залѣ находится тронъ Далай-ламы [2]), занимающій сѣверо-восточный уголъ часовни Чжо-во. Около этой часовни находится изображеніе перваго Далай-ламы и статуи главныхъ учениковъ Будды. Во второмъ этажѣ этого зданія находятся статуи Цэпамэда (Амитаюсъ) и историческаго Будды и, кромѣ того, много другихъ изображеній, представляющихъ меньшій интересъ. Въ третьемъ или самомъ верхнемъ этажѣ находятся изображенія трехъ Буддъ современнаго періода. Отсюда открывается великолѣпный видъ на р. Цанъ-по, которая въ этомъ мѣстѣ очень широка.

На стѣнѣ, окружающей храмъ Ву-цэ, нарисованы различныя миѳологическія и историческія сцены, равно какъ и изображенія главнѣйшихъ святынь Тибета [3]). Монахи, состоящіе при этомъ храмѣ, живутъ въ двухъэтажномъ домѣ, находящемся около самаго храма.

На слѣдующій день, 30 октября, я посѣтилъ четыре *линъ*, или небольшихъ храма, построенныхъ вокругъ храма Ву-цэ, и 8 *линъ-тэнь*, или еще меньшихъ святилищъ. Въ нѣкоторыхъ малыхъ часовняхъ находились статуи въ натуральную величину индійскихъ мудрецовъ, посѣтившихъ Тибетъ въ первыя времена распространенія здѣсь буддизма; говорятъ, что эти статуи были сдѣланы индійскими художниками. Въ нѣкоторыхъ дворахъ я замѣтилъ нѣсколько малорослыхъ бамбуковыхъ деревьевъ и индійскій кустарникъ.

---

[1]) По словамъ Waddell'я (op. cit., p. 267), библіотека сгорѣла въ 1816 г. (W. R.).

[2]) Согласно отчету г. Цыбикова (loc. cit., p. 209), монастырь Самъѣ содержится на средства Далай-ламской казны. Онъ служитъ мѣстомъ храненія государственнаго запаснаго капитала на случай крайней нужды. Послѣднее указаніе подтверждается и Найнъ Сингомъ, который говоритъ, что тибетская казна хранится въ городѣ Sawe въ 35 миляхъ къ востоку отъ Лхасы (Markham, Tibet, p. CXIII). Это, очевидно, Самъѣ (*ред.*).

[3]) Такія же изображенія можно видѣть на фрескахъ повсюду въ Тибетѣ и Монголіи (W. R.).

Осмотрѣвъ бѣлый чортэнь, мы вышли изъ монастырской ограды и отправились осмотрѣть часовню, построенную женами царя Тисронъ-дэцаня. Эта часовня выстроена въ томъ же стилѣ, что и храмъ Ву-цэ, хотя она значительно меньше этого храма.

На слѣдующій день мы сдѣлали экскурсію къ извѣстной пещерѣ Чимъп'угъ, гдѣ Падма Самб'ава и другіе святые предавались созерцанію.

Ледяное озеро и морены у истоковъ рѣки Зэнни (?).

Мы прошли черезъ деревню Самъѣ, населеніе которой можно исчислить приблизительно въ тысячу человѣкъ; въ деревнѣ есть нѣсколько китайскихъ и непальскихъ лавокъ. Затѣмъ мы направились по воздѣланнымъ полямъ, при чемъ по пути намъ попадались въ разныхъ мѣстахъ небольшія деревни; черезъ нѣсколько миль мы достигли подножія горы Чимъп'угъ. Горная цѣпь, часть которой образуетъ эта гора, имѣетъ въ высоту около тысячи футовъ; она покрыта строевымъ лѣсомъ. Въ лѣсу, какъ намъ сказали встрѣтившіеся дровосѣки, водятся дикія козы, овцы, олени и снѣжные леопарды.

Около полудня мы пришли къ храму. Храмъ этотъ стоитъ на скалѣ, и представляетъ собою двухъэтажное зданіе съ плоской крышей. Въ скалѣ, подъ храмомъ, находится трещина длиною въ 15 и шириною въ 6 футовъ; глубина трещины колеблется отъ трехъ до шести футовъ. Въ этой разсѣлинѣ находится маленькая часовенка, въ которой помѣщается статуя Падма Самб'авы; по бокамъ этой статуи стоятъ изображенія двухъ служанокъ послѣдняго. Наверху, въ самомъ храмѣ, находится много статуй божествъ и святыхъ, а также изображеніе царя Тисронъ. Книги, которыя я видѣлъ въ храмѣ, принадлежатъ сектѣ ньинма и не представляютъ особеннаго интереса.

Послѣ двухчасового отдыха въ Чимъ-п'угѣ, мы возвратились въ Самъѣ по другой дорогѣ, миновавъ по пути три небольшіе храма или, точнѣе, обители пустынниковъ, гдѣ, какъ говорятъ, въ древнія времена жили индійскіе пундиты.

Надъ этими храмами кружились стаи голубей, а вокругъ росли ивовыя и орѣховыя деревья, придавая всей мѣстности какой-то мирный, отшельническій характеръ.

Самъѣ медленно, но постоянно заносится песками, и большая часть города съ нѣсколькими храмами уже совершенно ими занесена. Существуетъ пророчество, которое приписывается Падма Самб'авѣ, что Самъѣ будетъ поглощенъ песками, и пророчество это нынѣ сбывается.

1-го ноября.

Сегодня я вновь посѣтилъ Ву-цэ. Главная комната гонъ-к'ана (верхній залъ) наполнена разнаго рода оружіемъ и доспѣхами, посвященными богамъ-защитникамъ религіи *(д'армапала)*. Въ великолѣпномъ храмѣ Бэхоръ и Нойчжинь-хамара [1]) есть комната, которая называется *ву-к'анъ*, и въ которой хранится духъ умирающаго въ вазѣ, спеціально посвященной для этой цѣли [2]).

Я думаю, что нѣсколько словъ о знаменитомъ монастырѣ Самъѣ и о Падма Самб'авѣ, будутъ здѣсь нелишни.

---

[1]) Бэхоръ—это, вѣроятно, Бихаръ чжялпо, одинъ изъ пяти великихъ святыхъ покровителей (*чу-чжіонъ*) Тибета. Нойчжиньхамара—быть можетъ, богъ богатства (W. R.).

[2]) *Ву-к'анъ*, повидимому, употребленъ въ смыслѣ „центральная комната или домъ". Я никогда не слыхалъ о закупориваніи дыханія или духа умершаго у буддистовъ. Это, вѣроятно, пережитокъ до-буддійской эры (W. R.).

Самъѣскій храмъ былъ построенъ царемъ Тисронъ-дэцанемъ [1]), имѣвшимъ свою резиденцію на холмѣ Хабой-ри, къ югу отъ котораго находится теперь Самъѣ,—по внушенію индійскаго мудреца Санта Ракшита и при помощи Падма Самб'авы, основателя монашества въ Тибетѣ [2]). Этотъ храмъ представляетъ собою копію великаго храма Одантапура въ Центральной Индіи. Всѣ три этажа его совершенно различной архитектуры: одинъ—тибетской, другой—индійской и третій—китайской, поэтому храму и дано было нѣсколько позже имя Сань-янъ—«три стиля», что по-тибетски произносится Самъѣ [3]); первоначально же храмъ носилъ названіе Ми-чжюръ лхуньгрубъ Цугъ-лха-к'анъ, что значитъ: «Храмъ неизмѣнной массы совершенства».

Вслѣдствіе явной вражды боньбосцевъ ни Санта Ракшита ни Падма Самб'ава не могли долго оставаться въ Тибетѣ. Одни говорятъ, что послѣдній святой оставался въ Тибетѣ въ теченіе шести лѣтъ, другіе же утверждаютъ, что онъ пробылъ тамъ 18 лѣтъ, послѣ чего возвратился въ Индію; но сколько бы времени ни длилось его пребываніе въ Тибетѣ, во всякомъ случаѣ онъ прочно утвердилъ тамъ мистицизмъ.

Царь Тисронъ собралъ въ Самъѣ много священныхъ статуй и сокровищъ изъ Индіи и пограничныхъ съ Китаемъ земель; но изъ всѣхъ собранныхъ здѣсь коллекцій самою цѣнною являлась большая библіотека индійскихъ сочиненій, о которой Атиша, посѣтившій Самъѣ въ XI вѣкѣ, сказалъ, что въ ней больше индійскихъ сочиненій, нежели въ большихъ индійскихъ монастыряхъ Будд'агая, Викрамашила и Одантапура, вмѣстѣ взятыхъ.

---

[1]) По словамъ Csoma (Tibetan Grammar, p. 183), Самъѣ построенъ въ 749 г. Ср. Emil Schlagintweit, Die Könige von Tibet, s. 53. Сананъ-Сэцэнъ (I. J. Schmidt, op. cit., p. 41) говоритъ, что постройка храма начата въ 811 г. и закончена въ 823 г. Вѣрною, повидимому, нужно признать дату, указанную у Csoma, такъ какъ Тисронъ царствовалъ съ 740 по 786 г. (W. R.).

[2]) Тибетскіе историки говорятъ, что Падма Самб'ава (*Пэмэ чюнъ-масъ*) былъ призванъ въ Тибетъ изъ Кафиристана (O-rgyan) Санта Ракшитою (*Цзи-ва-цо*), который не могъ одинъ устоять противъ нападеній боньбосцевъ. См. Emil Schlagintweit: „Die Könige von Tibet, s. 52 (W. R.).

[3]) Пишется Bsam-yas. Я не думаю, чтобы приведенное авторомъ объясненіе слова Самъѣ было вѣрно. Правда, что *Сань-янъ* по-китайски значитъ „три стиля", но китайское слово *янъ* никогда не можетъ быть произнесено по-тибетски, какъ *ѣ*. Waddell, op. cit., p. 266, переводитъ Самъѣ „академія для стяжанія массы ненарушимыхъ размышленій" (W. R.). Г. Цыбиковъ называетъ описываемый монастырь Самъяй (*ред.*).

Монастырь Самъѣ пережилъ много превратностей судьбы со времени своего основанія: онъ былъ частью разрушенъ царемъ Ландармою [1]), а позднѣе и другими послѣдователями старой религіи. Затѣмъ въ 1749 г. онъ былъ сильно поврежденъ землетрясеніемъ, а въ 1808 году (?) [2]) самый храмъ Ву-цэ былъ уничтоженъ огнемъ. На его возобновленіе тибетцы собрали 100 тысячъ унцій серебра, и шапэ Шада Доньдубъ дорчжэ, на котораго возложили завѣдываніе работами, трудился надъ постройкой храма 7 лѣтъ, при чемъ въ этомъ дѣлѣ принимало участіе до 500 человѣкъ рабочихъ.

Въ 1850 году храмъ снова сильно пострадалъ отъ землетрясенія, при чемъ обрушилась крыша, а фрески, полы и т. п. были сильно попорчены. Но поврежденія вновь были исправлены, а необходимыя для сего средства были собраны частью путемъ общей подписки, частью отпущены государствомъ, при чемъ всего было собрано около 175.000 унцій серебра.

2 ноября я покинулъ Самъѣ [3]) и отправился въ Ярлунъ, древнее мѣстопребываніе первыхъ тибетскихъ царей, если вѣрить преданію.

---

[1]) Этотъ иконоборецъ, который родился, вѣроятно, въ 861 г. по Р. Хр., запретилъ буддизмъ въ Тибетѣ въ 899 году и былъ убитъ въ 900 году. См. Csoma, „Tibetan Grammar", p. 183. Ср. Emil Schlagintweit, op. cit., p. 59, и I. J. Schmidt, op. cit., ss. 49, 362. Въ сочиненіи послѣдняго автора излагается исторія убіенія Ландармы пустынникомъ Лха-лунъ палчжьидорчжэ. Это согласуется съ тѣмъ, что говоритъ нашъ авторъ выше (стр. 199), при описаніи происхожденія „черношапочнаго" танца (W. R.).

[2]) Нашъ авторъ говоритъ только „въ годъ огня и тигра тринадцатаго цикла" и „опять по прошествіи 10 лѣтъ въ маѣ мѣсяцѣ (годъ огня и тигра 14 цикла)". Такое сочетаніе невозможно, такъ какъ „огонь и тигръ"—это третій годъ въ 60-лѣтнемъ циклѣ. Принимая первую дату за вѣрную, мы должны отнести вторую дату къ 1808 году по Р. Хр. Waddell, op. cit., p. 267, говоритъ, что библіотека была уничтожена около 1816 года (W. R.).

[3]) Наинъ Сингъ посѣтилъ Самъѣ, который онъ называетъ Сама-ѣ гомба, въ 1874 г. По его словамъ (Journ. R. As. Soc., XLVII, p. 114), «онъ обнесенъ очень высокою стѣною, образующей кругъ, длиною въ $1^1/_2$ мили, съ воротами, обращенными ко всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта. Наверху стѣны пундитъ насчиталъ 1030 чортэней (chhartan), построенныхъ изъ обожженаго кирпича. Внутренняя сторона (каменныхъ) стѣнъ покрыта очень красивыми надписями, сдѣланными буквами Hindi (санскритскими)".

Изслѣдователь A—k проходилъ здѣсь въ октябрѣ 1882 года, но въ его замѣткахъ ничего не говорится объ этомъ знаменитомъ пунктѣ. Учжѣньчжяцо посѣтилъ Самъѣ въ октябрѣ 1883 года, но его отчетъ также мало интересенъ. См. Report on Explorations from 1856 to 1886, pp. 28, 29, (W. R.). Согласно отчету Г. Цыбикова (loc. cit., p. 209), „всѣ кумирни Самъѣ отли-

Дорога, по которой мы шли, тянулась въ восточномъ направленіи по песчаной равнинѣ, мимо многочисленныхъ деревень, наиболѣе значительною изъ которыхъ является деревня До; наконецъ мы достигли деревни Тага-шо, окруженной орѣховыми (*тага*), персиковыми, сливовыми, тополевыми и ивовыми деревьями, разсаженными съ замѣчательной правильностью [1]). Здѣсь мы остановились въ домѣ одного пріятеля нашего проводника, который самъ былъ родомъ изъ сосѣдней деревни До.

Я былъ доволенъ, найдя въ Тага-шо баранину, которая продавалась по очень дешевой цѣнѣ вслѣдствіе того, что здѣсь находилась партія хорскихъ докпа изъ Радэна [2]); она привезла сюда большое количество мяса, соли и шерсти. Ихъ яки были самые большіе, какихъ я видѣлъ въ Тибетѣ.

Оставивъ Тага-шо на слѣдующій день утромъ, мы прошли мимо развалинъ деревни Таткаръ-шо. Послѣдняя, вѣроятно, одно время была резиденціей царей династіи П'агмоду, заимствовавшей, повидимому, свое имя у находящейся поблизости деревни, которая и по настоящее время носитъ названіе П'агмоду [3]). Неподалеку отсюда, на видномъ мѣстѣ находится монастырь Нари-тацанъ, основанный Далай-ламою Гэдунь-чжяцо.

У деревни Чжонъ [4]) намъ пришлось подниматься на крутой холмъ, на вершинѣ котораго стоитъ старый монастырь Дэнса-тилъ; главное зданіе

чаются сравнительною чистотою и изяществомъ отдѣлки. Въ немъ достопримѣчательно пятиэтажное сумэ (храмъ), построенное со смѣсью тибетской архитектуры съ индійской. Отличительною чертою послѣдней указываютъ то, что верхній этажъ построенъ безъ колоннъ, которыми такъ изобилуютъ постройки тибетскаго стиля». Это сумэ, очевидно, представляетъ собою храмъ Ву-цэ, но послѣдній, по словамъ нашего автора, имѣетъ три этажа (*ред.*). Саратъ Чандра Дасъ говоритъ, что полное описаніе монастыря Самъѣ имѣется въ сочиненіи: «Pama Kahthang» (Peme Katang?). См. также Waddell, op. cit., pp. 266—268 (W. R.).

[1]) Учжѣнь-чжяцо также говоритъ о садахъ и деревьяхъ и особенно объ орѣховыхъ деревьяхъ въ этой части страны. Кромѣ этого, онъ упоминаетъ также о прекрасныхъ дорогахъ. См. Report on the Explorations from 1856 to 1886, p. 28. A—k говоритъ о деревнѣ До, называя ее Dushio. *Тзо* (*shio*)—значитъ «деревня» и есть сокращеніе слова *grong-tso* (*drong-tso*)—(W. R.).

[2]) На большой дорогѣ, идущей изъ Лхасы въ Синнинъ, недалеко отъ Нагъ-чук'а находится Рэтинъ-гомба. Очевидно, упоминаемая партія происходила изъ окрестностей этого монастыря, хотя мѣстные докпа не принадлежатъ къ хорба (W. R.).

[3]) На картахъ Паму-бубъ (W. R.).

[4]) На картахъ Чжанъ (W. R.).

*

послѣдняго какъ бы гнѣздится въ утесахъ, на которыхъ тамъ и сямъ растутъ пихты и ножжевельникъ. Въ прилегающихъ скалахъ находится много пещеръ отшельниковъ [1]).

Этотъ храмъ нѣсколько отличается отъ всѣхъ прочихъ построекъ этого рода, которыя я видѣлъ въ Тибетѣ; его планъ болѣе приближается къ плану современныхъ общественныхъ зданій въ Бенгалѣ. Я видѣлъ здѣсь 18 красивыхъ серебряныхъ и мѣдныхъ чортэней, являющихся самыми лучшими образчиками металлическихъ издѣлій, какія мнѣ только приходилось видѣть. Шесть золотыхъ дощечекъ, каждая 6 футовъ въ длину и 6 дюймовъ въ ширину, свѣшивались съ потолка; кромѣ того, въ углу было еще шесть кучекъ подобныхъ, только меньшихъ дощечекъ.

Изъ всѣхъ тибетскихъ монастырей Дэнса-тилъ является, быть можетъ, самымъ богатымъ по количеству священныхъ сокровищъ [2]), почему правительство Лхасы особенно заботится объ немъ. Среди достопримѣчательностей, находящихся въ главномъ храмѣ передъ статуями боговъ, я видѣлъ нѣсколько кубковъ, наполненныхъ различнаго рода сѣменами и окаменѣлостями, между которыми было нѣсколько ячменныхъ зеренъ.

На слѣдующій день мы возобновили свое путешествіе. Сначала дорога

---

[1]) Однимъ изъ средствъ для достиженія святости буддисты съ древнѣйшихъ временъ считаютъ, слѣдуя примѣру Будды Шакьямуни, созерцаніе. Для того, чтобы вполнѣ предаться ему, буддисты покидали міръ и удалялись въ лѣсныя чащи или въ пещеры въ скалахъ. Кельи подобныхъ отшельниковъ носятъ названіе *ритодъ*. Съ теченіемъ времени большинство аскетовъ стали заботиться не только о достиженіи самимъ святости, но и о спасеніи другихъ, и ихъ полное спокойствіе было нарушено заботою о просвѣщеніи другихъ. «Тишина кельи для единоличныхъ созерцаній стала нарушаться шумомъ жаждущихъ просвѣщенія, и на долю аскета легла новая забота о духовномъ и матеріальномъ удовлетвореніи ихъ. Затѣмъ кумиръ свѣтской суеты—удобная обстановка стала соблазномъ аскетовъ, и кельи вскорѣ обратились въ болѣе или менѣе роскошные дворцы съ помѣщеніями для учениковъ. Аскетъ обращается въ полновластнаго хозяина и повелителя своихъ прислужниковъ. Въ дальнѣйшемъ, съ появленіемъ культа перерожденцевъ, ритоды дѣлаются наслѣдственными имѣніями перерожденцевъ основателя, а нѣкоторые обращаются въ отдѣльные монастыри». Ритодовъ особенно много близъ монастыря Сэра; они пользуются у народа большимъ почитаніемъ. См. Г. Цыбиковъ, loc. cit., p. 207 (*ред.*).

[2]) Цитируя историческое сочиненіе „Dsamling yeshe“ нашъ авторъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что въ монастырѣ находятся 18 серебряныхъ могилъ преемственныхъ ламъ-риньпочэ П'агмоньду.

шла лѣсомъ, который, по преданію, выросъ изъ волосъ Чжэ П'агмоду, основателя монастыря Дэнса-тилъ [1]).

Вся дорога къ Самдубъ-п'одану, столицѣ царей династіи П'агмоду, представляла собою постепенный спускъ по гравію и слюдисто-сланцевымъ скаламъ. Перейдя прекрасный деревянный мостъ, длиною около 50 ярдовъ, съ перилами по обѣимъ сторонамъ, мы очутились на главной улицѣ города, гдѣ подъ орѣховыми деревьями раскинули свои шатры докпаскіе торговцы. Трехъэтажный дворецъ, бывшій нѣкогда царской резиденціей, занятъ теперь цзонпонемъ и двумя цэ-дунами изъ Лхасы. Самдубъ-п'оданъ теперь является *гонь-шги*, т. е. лхасскимъ «казеннымъ имуществомъ».

Пройдя около пяти миль отсюда, мы пришли въ монастырь Санри к'амаръ [2]), расположенный на живописномъ холмѣ, откуда открывается прекрасный видъ на р. Цанъ-по, поверхность которой въ этомъ мѣстѣ перерѣзана огромными грудами скалъ. Вокругъ большого монастыря раскинулись обширныя поля ячменя, готоваго уже для жатвы; красота нивъ превосходила все, что я только видѣлъ въ Тибетѣ.

Нѣкогда въ Санри к'амарѣ жила святая Мачигъ-лабдонь [3]), воплощеніе Арья Тары. Я посѣтилъ келью, въ которой она жила, видѣлъ могилу и статую этой святой. Теперь здѣсь живутъ два аскета, которые дали обѣтъ никогда не выходить отсюда до конца своей жизни и не говорить ни слова. Когда я приблизился къ нимъ, они улыбнулись и, повидимому, остались довольны сдѣланнымъ имъ мною небольшимъ подаркомъ. Сторожъ, сопровождавшій меня, говорилъ, что они живутъ въ своихъ кельяхъ уже десять лѣтъ.

Продолжая свое путешествіе, мы миновали Санри-чжонъ и, идя по узкой дорожкѣ (шириною едва въ 1 ярдъ), какъ бы нависшей надъ бур-

---

[1]) Деревья, выросшія, по преданію, изъ волосъ божествъ или святыхъ, часто встрѣчаются въ Тибетѣ и въ другихъ буддійскихъ странахъ. Самымъ знаменитымъ деревомъ этого рода является «бѣлое сандальное дерево» въ Гумбумѣ, описанное Гюкомъ и другими путешественниками. Чандра Дасъ говоритъ намъ (выше, на стр. 153) о можжевельникѣ въ Ташилхуньпо, который выросъ изъ волосъ Гэдунь-дуба, перваго Паньчэнь-риньпочэ. Изслѣдователь Учжѣнь-чжяцо (Report on Explorations from 1856 to 1886, p. 28) говоритъ также о дэнсатильскомъ лѣсѣ. Csoma, op. cit., p. 185, говоритъ, что монастырь Dän-sa-tel (gdan-sa-tel) былъ основанъ въ 1156 году по Р. Х. (W. R.).

[2]) Въ „Dsamling yeshe" этотъ пунктъ называется Занри К'анъ маръ (S. C. D.).

[3]) Называется также Лабкьи Доньма (S. C. D.).

ной рѣкою, достигли перевоза Логанъ [1]). Однако хотя мы около часа звали съ другой стороны рѣки перевозчиковъ, тѣмъ не менѣе не дозвались ихъ и принуждены были возвратиться въ деревню Чжонъ, находящуюся у западнаго подножія Дэнсатильской горы. Здѣсь мы достали себѣ помѣщеніе для ночевки въ домѣ старшины.

5-го ноября.

Мы оставили Чжонъ незадолго до разсвѣта и поспѣшили къ перевозу Нанго [2]). Здѣсь есть висячій желѣзный мостъ, но онъ оказался въ такомъ состояніи, что по нему нельзя было итти, и насъ перевезли въ большой лодкѣ, при чемъ вмѣстѣ съ нами въ той же лодкѣ ѣхало нѣсколько торговцевъ съ своими ослами. Въ этомъ мѣстѣ рѣка очень узка и имѣетъ въ ширину едва 100 ярдовъ.

Миновавъ деревню К'юнгаръ, мы вошли въ Цэтанъ [3]), главный городъ Ярлуна, имѣвшій большое значеніе въ прежнее время. Нашъ проводникъ нашелъ для насъ квартиру въ домѣ одной женщины, мужъ которой, каш-

---

[1]) Отъ Санри к'амара путешественникъ повернулъ на западъ и шелъ вдоль берега рѣки до Логана (Lu-kang-tu), гдѣ есть паромъ (W. R.).

[2]) На картахъ Nyen. Я не нашелъ никакого упоминанія объ этомъ мостѣ въ замѣткахъ другихъ изслѣдователей (W. R.).

[3]) *Цэ-танъ* всѣми другими изслѣдователями называется *Чэт'анъ*. A—k называетъ его „большимъ городомъ съ 1000 домовъ, базаромъ, монастыремъ и фортомъ". (Report on Explor., p. 83). Изслѣдователь Учжѣнь-чжяцо, посѣтившій этотъ городъ въ октябрѣ 1883 года, говоритъ: «На рынкѣ есть магометанскія лавки, въ которыхъ продаются пшеница и мясная похлебка. Интересно, что лама отмѣчаетъ здѣсь особенную дешевизну свинины: три анны платятся за свиную голову и восемь аннъ за четверть свиньи. На публичномъ рынкѣ продается также рѣдиска, морковь и мясо яковъ». (Report on Explorations from 1856 to 1886, p. 27). Наинъ Сингъ, который былъ въ Чэт'анѣ въ 1873 году, говоритъ, что въ двухъ монастыряхъ этого города находится 700 ламъ (Jour. Roy. Geog. Soc., XLVII, p. 117) (W. R.). По сообщенію Г. Цыбикова (loc. cit., p. 209—210), Чэтанъ (онъ называетъ этотъ монастырь Цзэтанъ) находится въ 30 верстахъ къ востоку отъ монастыря Самъѣ, на правомъ берегу рѣки Цанъ-по (Брахмапутры), при устьѣ плодородной долины Ярлунъ. Чэтанъ «извѣстенъ производствомъ суконъ, трико и желтыхъ монашескихъ шапокъ. Въ транзитномъ отношеніи онъ занимаетъ выгодное положеніе на мѣстѣ выхода въ долину рѣки Цзанъ (Цанъ-по) дороги, идущей изъ Бутана въ Лхасу. Тамъ на границѣ съ Бутаномъ находится городъ Цона, гдѣ каждую весну бываетъ ярмарка», привлекающая много торговцевъ изъ Лхасы" (*ред.*).

Гора Синіолчумъ (D^2) въ Сиккимѣ.

мирецъ, умеръ около года тому назадъ, и которая теперь жила вмѣстѣ съ сыномъ своего мужа. Качэ (кашмирецъ) принялъ насъ очень любезно, но

послѣ недолгаго разговора со мною вдругъ возымѣлъ сильнѣйшее подозрѣніе относительно меня и моихъ дѣйствительныхъ намѣреній и все время старался переводить разговоръ на Shaheb-logs (англичанъ), которыхъ онъ зналъ въ Катманду, и на величіе «Engrez Maharani» («королевы Англіи»). Всякій разъ, когда онъ начиналъ разспрашивать меня объ этихъ предметахъ, я съ своей стороны старался узнать отъ него кое-что о буддизмѣ или о монастырѣ, въ которомъ я хотѣлъ побывать.

Вскорѣ я почувствовалъ, что моя нервная система начала совершенно расшатываться, и сказалъ своимъ людямъ, что мы должны возможно скорѣе оставить Цэтанъ, однако П'урчунъ заявилъ мнѣ, что бояться нечего, и что, кромѣ того, наши лошади крайне нуждаются въ отдыхѣ, почему намъ необходимо остаться здѣсь еще на нѣсколько дней.

На второй день по нашемъ пріѣздѣ въ Цэтанъ я взошелъ на крышу нашего дома, откуда окрестная мѣстность видна была на далекое разстояніе. Къ сѣверу отъ города находился Гоньпой-ри, одно изъ любимыхъ мѣстопребываній Шэньрэзига (Авалокитешвара), гдѣ, по преданію, царь обезьянъ и злая фея произвели свое потомство обезьянъ, отъ котораго впослѣдствіи произошелъ тибетскій народъ [1]). Вокругъ Цэтана находятся четыре монастыря, а въ самомъ городѣ имѣется около 15 непальскихъ, 20 китайскихъ и 10 кашмирскихъ лавокъ, не считая лавокъ, принадлежащихъ туземцамъ изъ разныхъ частей Тибета. Здѣсь было изобиліе баранины и масла; ячмень, хотя и былъ дешевъ, но отличался невысокимъ качествомъ.

17 октября я отправился изъ Цэтана, чтобы посѣтить Ярлунскую долину и ея памятники. Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Цэтана мы миновали Нэ-донъ-цзонъ, который обыкновенно служилъ резиденціей царей династіи П'агмоду, и въ которомъ нынѣ живетъ цзонпонъ этой области. Кромѣ монастыря Бэньчжа, лишь немногія развалины напоминаютъ о прошломъ значеніи этого города.

Пройдя нѣсколько миль по теченію р. Ярлунъ, мы достигли храма Таньдубъ, одного изъ тѣхъ храмовъ, которые, по преданію, были построены въ VII вѣкѣ царемъ Сронъ-цань-гамбо и къ которымъ Тисронъ-дэцань присоединилъ впослѣдствіи еще монастырь. Это копія, въ меньшемъ масштабѣ, лхасскаго Чжо-к'ана. Здѣсь имѣется много предметовъ, представляющихъ интересъ для благочестиваго пилигрима.

---

[1]) Эта легенда разсказывается въ 34 главѣ книги: «Мани Камбумъ», и нашъ авторъ сдѣлалъ оттуда выписку. Я перевелъ весь текстъ въ своемъ сочиненіи «Land of the Lamas», p. 355 (W. R.).

Въ трехъ часахъ ѣзды отъ Таньдуба находится Омбу лха-к'анъ, одинъ изъ древнѣйшихъ тибетскихъ дворцовъ [1]). Онъ расположенъ на склонахъ цѣпи обнаженныхъ холмовъ, въ разстояніи около 100 ярдовъ отъ деревни Омбу, заимствовавшей свое имя отъ тамарисковыхъ (*омбу*) деревьевъ, растущихъ вокругъ нея. Хотя въ Омбу лха-к'анъ есть храмы и святыни, онъ походитъ скорѣе на «залъ заслуженныхъ людей». Находящіяся въ ней статуи изображаютъ не боговъ и святыхъ, а царей, знатныхъ лицъ и министровъ. Самое зданіе представляетъ собою любопытное соединеніе индійскаго и тибетскаго стилей, внутреннее же расположеніе комнатъ и ихъ убранство совершенно не похожи на тибетскія. Всѣ комнаты, замѣчу кстати, обращены фасадомъ на востокъ.

Позавтракавъ подъ тамарисковымъ деревомъ, мы снова сѣли на лошадей и отправились въ П'оданъ-цзонъ, самый древній городъ въ Тибетѣ. Такъ какъ всѣ цари династіи, происшедшей изъ этого города, носили титулъ *чой-чжялъ* (*Chos gyal*— Majesté Catholique), то и городъ носитъ названіе Чой-чжялъ п'оданъ. Нынѣшній начальникъ этой мѣстности выводитъ свое происхожденіе отъ этого древняго рода, но даже его собственный народъ не вѣритъ въ такую генеалогію.

Къ закату солнца мы, пройдя нѣсколько миль по постепенно возвышавшейся поверхности, поднялись на вершину холма, гдѣ расположенъ Тагъ-цань бумба, или «обиталище добрыхъ предзнаменованій» [2]). Здѣсь насъ очень радушно принялъ одинъ молодой монахъ, сторожъ храма, подарившій мнѣ корзину прекраснаго бѣлаго картофеля, который, по его словамъ, съ незапамятныхъ временъ растетъ въ этой мѣстности [3]).

8-го ноября.

Мы двинулись въ путь еще до разсвѣта и, перейдя рѣку Ярлунъ, пришли вскорѣ къ монастырю Ра-чунъ, расположенному на вершинѣ крутого

---

[1]) На картахъ: Зомба лха-к'анъ („Древній дворецъ"). Это имя пишется различно: U-bu lagang, Ombo lang-gang. См. Emil Schlagintweit, Die Könige von Tibet, s. 42. Говорятъ, что этотъ дворецъ былъ построенъ царемъ Някри-цаньпо (IV в. до Р. Х.) или царемъ Тотори-нянь-цань (III в. по Р. Хр.). Schmidt, op. cit., s. 317, цитируя *Боди-муръ*, говоритъ, что онъ былъ названъ Ombu lang-ti (W. R.).

[2]) На картахъ Тагъ-ч'энь Помда (W. R.).

[3]) Молодой монахъ, очевидно, ошибался. Картофель былъ введенъ Уорреномъ Гастингсомъ въ Бутанъ и оттуда проникъ въ Тибетъ 100 лѣтъ тому назадъ. На восточной границѣ Тибета картофель былъ ввезенъ китайцами и французскими миссіонерами (W. R.).

холма; однако въ монастырь насъ впустили не сразу, такъ какъ сторожа не было, а воплощенный лама Ра-чунъ заперся въ кельѣ, гдѣ онъ исполнялъ нѣкоторые обѣты. Немного ниже монастыря намъ показали пещеру, въ которой жилъ въ теченіе трехъ лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и трехъ дней первый Ра-чунъ, величайшій изъ учениковъ Миларапы [1]).

Послѣ непродолжительнаго отдыха въ монастырѣ мы отправились далѣе въ деревню Ра-чунъ, расположенную у подножія холма; здѣсь, въ домѣ одного стараго пріятеля нашего проводника Гопоня, мы нашли себѣ хорошее помѣщеніе для ночлега.

Въ прежнія времена широкая долина р. Ярлуна или Гоньданъ-тамэ была покрыта многочисленными густо населенными деревнями, и это была самая богатая мѣстность во всемъ Тибетѣ. Но однажды снѣга, растаявшіе на Ярлха-шампо, цѣлыми потоками хлынули сюда и затопили на нѣсколько дней всю равнину. Деревни были въ конецъ разрушены, а все населеніе погибло; когда же воды отхлынули, вся равнина оказалась покрытой пескомъ. Съ теченіемъ времени страна вновь заселилась, и теперь достигла даже извѣстнаго благосостоянія, но она уже никогда не могла прійти въ прежнее цвѣтущее состояніе.

На слѣдующій день мы перешли черезъ сѣверный склонъ горъ Шэтагъ, т. е. «Черный хрусталь» *(Шэлъ-тагъ)*. Эти горы получили свое названіе отъ блестящихъ черныхъ скалъ, которыя видны вдоль дороги [2]). Черезъ нѣсколько миль мы пришли къ большому кладбищу, примыкавшему къ монастырю Ярлунъ-шэтагъ. Здѣсь П'урчунъ и Гопонь стали кататься по окровавленной скалѣ, на которой разрубались тѣла умершихъ, при чемъ произносили мантры. Въ этомъ монастырѣ живетъ 40 человѣкъ монаховъ и столько же монахинь [3]); дѣти ихъ приготовляются къ тому же роду занятій. Этотъ порядокъ санкціонированъ церковью ньинма, такъ какъ за отдаленностью этого монастыря ни одинъ монахъ не соглашался жить безъ этой привиллегіи.

---

[1]) Ras-chung Dorje gragspa („Дорчжэ драпа изъ Рачуна") родился въ 1083 году. Монастырь, который онъ основалъ, также называется Ras-chung phug gomba, т. е. „монастырь пещеры Ра-чуна" (W. R.). См. выше, стр. 200.

[2]) Вѣроятно, это былъ порфиръ (W. R.).

[3]) Это—обычное явленіе въ сектѣ ньинма. Изслѣдователь К. Р. нашелъ въ Т'умъ Цунѣ (долина нижней Цанъ-по) монастырь, въ которомъ „мужчинамъ и женщинамъ разрѣшается проповѣдывать и жить вмѣстѣ". То же самое онъ нашелъ въ сосѣдней деревнѣ Б'алъ-гоньпа и Марпунъ. (Report on Explorations from 1856 to 1886, pp. 9, 12)—(W. R.).

Отъ монастыря дорожка шла по краю пропасти, и здѣсь мы миновали нѣсколько маленькихъ келій, занятыхъ отшельниками (*цампа*), которые, когда мы проходили мимо, протягивали къ намъ руки за подаяніемъ черезъ небольшое отверстіе, сдѣланное въ передней стѣнѣ ихъ келій. Нѣкоторые изъ отшельниковъ прожили здѣсь по пяти лѣтъ; немало было среди нихъ и такихъ, которые дали обѣтъ молчанія. Немного выше этого мѣста, футовъ на 500 не доходя вершины холма, находится келья Падма Самб'авы, около которой стоитъ часовня, называемая верхнимъ лха-к'аномъ Шэтага. Сторожъ подвелъ насъ къ тяжелой двери, устроенной подъ огромной скалой; открывъ эту дверь, мы вошли въ пещеру, которую секта ньинма считаетъ величайшею своею святыней. Здѣсь находится серебряная рака, въ которой хранится серебряная статуя названнаго святого, представляющая его въ видѣ 12-лѣтняго мальчика. Передъ статуей находится дощечка съ кольцами, серьгами, бирюзою, кусочками янтаря, золотыми и серебряными монетами и тому подобными приношеніями пилигримовъ.

Миновавъ Шэтагъ, мы пришли въ деревню Зэ-к'анъ шик'а. Продолжая путь далѣе по отлогому скату, мы достигли извѣстнаго храма Цаньдань-ю лха-к'анъ («храмъ сандальнаго дерева и бирюзы»). Говорятъ, что этотъ храмъ названъ такъ потому, что его основатель, царь Сронъ-цань-гамбо, употреблялъ для постройки его только сандальное дерево, и что синія черепицы, которыми покрытъ этотъ храмъ, были глазированы посредствомъ растопленной бирюзы [1]). Архитектура храма—скорѣе китайская, но во всякомъ случаѣ это одна изъ наиболѣе красивыхъ построекъ, которыя мнѣ пришлось видѣть въ Тибетѣ. Сюда ежемѣсячно приходятъ шесть монаховъ изъ Цэтана для совершенія богослуженія.

Немного западнѣе отъ этого святилища находится Лха-бабъ-ри, или «гора спуска царя» (или «бога»—*лха* можетъ имѣть оба эти значенія), гдѣ впервые показался своему народу первый тибетскій царь Някри-цаньпо [2]). На этомъ холмѣ есть небольшое плато, называемое «Равниной царя», или Цань-танъ (Btsan-tang), гдѣ былъ построенъ храмъ, называемый Цань-танъ лха-к'анъ.

Оставивъ это интересное мѣсто, мы отправились далѣе по полямъ, которыя теперь крестьяне пахали и орошали для осенняго посѣва. Черезъ

---

[1]) Эти синія черепицы, очевидно, китайскаго издѣлія (W. R.).

[2]) Относительно этой легенды см. I. J. Schmidt, op. cit., ss. 21, 316, также E. Schlagintweit, Die Könige von Tibet, s. 39. Учжѣнь-чжяцо посѣтилъ это мѣсто въ 1883 г.; онъ также передаетъ эту легенду (op. cit., p. 27)—(W. R.).

нѣсколько часовъ мы прибыли къ святилищу Гадань намчжялъ-линъ, гдѣ Цонк'апа принялъ окончательные обѣты монашества. Это красивое зданіе, расположенное среди небольшой рощи, черезъ которую протекаетъ ручей.

Отсюда мы пошли обратно въ Цэтанъ, куда пришли въ тотъ же день, вновь перейдя рѣку Ярлунъ-чу по длинному каменному мосту около монастыря Цэ-чогъ-па; здѣсь мы видѣли много монаховъ, купавшихся въ рѣкѣ.

Долина р. Ярлунъ, повидимому, находится въ цвѣтущемъ состояніи; народъ здѣсь спокойный и добродушный. Производительность почвы здѣсь гораздо больше, нежели въ прочихъ частяхъ Тибета; масло, мясо, растительное масло, ячмень, пшеница и топливо также встрѣчаются въ изобиліи повсемѣстно.

10-го ноября мы покинули Цэтанъ и отправились обратно въ Ташилхуньпо.

Мы перешли вбродъ рѣку Ярлунъ; воды въ ней было очень мало вслѣдствіе того, что почти всю воду отвели въ каналы въ верхнюю часть долины для орошенія полей. Далѣе, миновавъ деревни Янта и Чжѣрпалъ, мы пришли къ старому ярлунскому святилищу, называемому Чяса лха-к'анъ, т. е. «храмъ отдыха птицъ», такъ какъ большія стаи перелетныхъ птицъ [1]) останавливаются здѣсь обыкновенно для отдыха во время своихъ переселеній. Это святилище расположено на берегахъ р. Цанъ-по и представляетъ собою красивое зданіе, которое содержится въ большомъ порядкѣ; стѣны украшены прекрасными фресками; при храмѣ находится большой дворъ. Статуя Будды Сакья, находящаяся въ храмѣ, сдѣлана, какъ говорятъ, изъ смѣси золота, серебра, мѣди и желѣза. Слѣдуя далѣе вдоль берега р. Цанъ-по то по сыпучему песку то по низенькимъ холмамъ, мы къ вечеру пришли въ уединенный и заброшенный поселокъ Чиньчо-линъ, въ которомъ всѣ дома окружены низкими каменными стѣнами для защиты отъ песчаныхъ заносовъ. Здѣсь мы остановились на ночь.

Когда на слѣдующее утро мы отправились въ путь, былъ густой туманъ—явленіе весьма рѣдкое въ этихъ мѣстахъ. Мы позавтракали въ маленькой рыбачьей деревнѣ Донъ-шо [2]) и, пройдя около мили далѣе, всту-

---

[1]) Называются онѣ *бя* (произносится *чя*). На картахъ этотъ храмъ называется Часа. A—k говоритъ объ немъ, какъ о «храмѣ Чяса (Cheuse) лха-к'анъ» (W. R.).

[2]) На картахъ Тонъ-шой. A—k упоминаетъ, что въ $1^1/_2$ миляхъ къ западу отсюда находится перевозъ Гэрпа Дуга (W. R.).

пили въ прекрасно воздѣланную равнину, усѣянную многочисленными деревнями и красивыми деревьями. Близъ первой попавшейся намъ деревни находится монастырь Чонду-чогъ [1]). Къ вечеру мы достигли извѣстнаго ньинмаскаго монастыря Миньдолъ-линъ [2]), находящагося въ небольшой лощинкѣ, лежащей на западной сторонѣ долины; немного ниже его располо-

Ставка коменданта крѣпости К'амба-цзонъ на моренѣ выше горы Канчань-чжанъ.

жена большая деревня, гдѣ намъ удалось, хотя и не безъ затрудненій, найти пріютъ въ домѣ одного зажиточнаго человѣка.

На слѣдующій день мы посѣтили храмъ; онъ очень красивъ, но самый монастырь такъ и не былъ возстановленъ послѣ разграбленія его чжунгарами въ XVII вѣкѣ. Притомъ секта ньинма въ настоящее время преслѣ-

[1]) Или, согласно сообщенію Учжѣнь-чжяцо, Цонъ-ду та-цанъ. (W. R.).

[2]) Этотъ монастырь раздѣляетъ съ упомянутымъ выше монастыремъ Дорчжэ-тагъ честь считаться главнымъ у секты ньинма. Waddell, op. cit., p. 277 (W. R.).

дуется господствующей сектой гэлугъ-па и далеко не пользуется прежнимъ благосостояніемъ. Каменная кладка и вообще всѣ работы по постройкѣ и отдѣлкѣ зданія выполнены замѣчательно чисто и аккуратно; дворъ правильно вымощенъ каменными плитами.

Къ югу отъ этого монастыря находится резиденція настоятеля, который всегда избирается изъ рода Тэрталинпа, такъ какъ эта должность наслѣдственна въ этомъ родѣ [1]). 12 ноября я покинулъ Миньдолъ-линъ, вернулся къ Цанъ-по и прибылъ къ вечеру въ деревню Чо. На слѣдующій день рано утромъ мы вошли въ К'эдэ-шо, откуда дальше намъ надо было ѣхать по той же дорогѣ, по которой мы уже раньше ѣхали въ Самъѣ.

13 ноября на разсвѣтѣ мы выѣхали изъ К'эдэ-шо и, слѣдуя вдоль берега р. Цанъ-по, прошли по большому лугу Динъ-нага, покрытому прекраснымъ мшистымъ дерномъ. Затѣмъ, миновавъ деревни Кьишонъ, Паньза и Чжяту-линъ, мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ Гонкарскія горы примыкаютъ къ рѣкѣ. На противоположной сторонѣ этой горной цѣпи находится городъ Гонк'аръ [2]), окруженный разрушенными, но живописными стѣнами. Здѣсь мы съ большимъ трудомъ нашли пристанище въ домѣ одного рыбака, который позволилъ намъ провести ночь въ хлѣву, заваленномъ на половину шкурами яковъ. Рыбакъ и его жена были съ нами въ высшей степени любезны и, насколько могли, заботились объ насъ и нашихъ лошадяхъ.

Въ 4 часа утра мы тронулись въ дальнѣйшій путь и подвигались впередъ медленно и очень осторожно, такъ какъ дорога шла по скаламъ, мѣстами прямо свѣшивавшимся надъ бушующей рѣкой.

На разсвѣтѣ мы миновали деревню Шяти-линъ, и вскорѣ солнце разогнало туманъ, который окутывалъ насъ. Миновавъ вслѣдъ затѣмъ низкій перевалъ Ябъ-ла, мы вышли на большую почтовую дорогу, ведущую изъ Лхасы въ Шигацэ, которую я описалъ уже выше. На ночь мы остановились въ Тамалунѣ.

---

[1]) Учжѣнь-чжяцо говоритъ, что если женатый членъ фамиліи Тэрталинъ умираетъ, не оставивъ потомства, то занимающій тронъ лама, вопреки своимъ обѣтамъ, долженъ жениться на вдовѣ и воспитать себѣ наслѣдниковъ для замѣщенія настоятельскаго поста. Полное отсутствіе наслѣдниковъ сопровождается большими бѣдствіями, какъ, напримѣръ, войною, голодомъ или другимъ общимъ несчастіемъ. Report on Explorations from 1856 to 1886, p. 29 (W. R.).

[2]) A—k говоритъ, что въ Гонъ-к'а-чжонѣ находится около 600 домовъ и около Гонъ-к'а чортэня (Гонъ-каръ чойдэ) 200 домовъ (W. R.).

На слѣдующій день, 16 ноября, мы достигли Палти-цзона.

18 числа въ разстояніи приблизительно одной мили къ западу отъ Оматава, гдѣ мы ночевали, мы встрѣтились съ китайскимъ амбанемъ и его свитою, направлявшимися въ Лхасу. Впереди ѣхало много всадниковъ, за ними шло около 300 пѣшихъ, которые несли различныя принадлежности китайскихъ процессій. Наконецъ, показались носилки амбаня, несомые китайцами и 16 тибетцами, при чемъ послѣдніе только держали привязанныя къ ручкамъ носилокъ веревки, чтобы этимъ показать свое участіе въ работѣ [1]). Два китайца, вооруженные кнутами, расчищали путь.

24 ноября я уже снова былъ въ Ташилхуньпо и немедленно принялся за приготовленія къ поѣздкѣ въ Сакья, откуда я намѣревался отправиться прямо въ Индію. Черезъ день послѣ своего прибытія я, въ величайшему моему удовольствію, получилъ отъ новаго шапэ Шигацэ паспортъ, которымъ мнѣ разрѣшалось отправиться въ Индію и затѣмъ возвратиться въ Тибетъ. Этимъ я былъ обязанъ своему пріятелю, министру.

---

[1]) См. выше, стр. 82.

ГЛАВА X.

Посѣщеніе монастыря Сакья и возвращеніе въ Индію.

30 ноября я простился съ Ташилхуньпо и въ сопровожденіи П'урчуна и Гопоня, который былъ моимъ проводникомъ во время послѣдней моей поѣздки въ Самъѣ, отправился въ Сакья, откуда предполагалъ возвратиться въ Дарджилинъ, черезъ К'амба-цзонъ и перевалъ К'онра-ламо.

Растительности въ это время года уже не было; темныя скалы, песчаная почва и далекія покрытыя снѣгами горы еще болѣе усиливали безотрадный характеръ мѣстности. Въ тотъ же вечеръ мы пришли въ деревню Нартанъ и были радушно приняты старыми друзьями П'урчуна.

На слѣдующее утро мы уѣхали изъ Нартана еще до разсвѣта, и такъ какъ прямая дорога, идущая черезъ Ланъ-ла, по слухамъ, была небезопасна отъ разбойниковъ, то мы направились по большой дорогѣ, ведущей въ верхній Тибетъ.

Мы остановились напиться чаю въ маленькой деревнѣ Чагри [1]), гдѣ намъ пришлось заплатить три анны за небольшое количество воды, такъ какъ здѣсь воду, какъ и все необходимое, надо приносить издалека.

Когда мы отправились далѣе, дулъ сильный вѣтеръ, а пыль была такъ густа, что мы принуждены были остановиться въ небольшой деревнѣ Гэчунъ, находящейся къ западу отъ Синма-ла.

Съ разсвѣтомъ мы отправились далѣе и, перейдя р. Рэ-чу (называемую здѣсь Шабъ-чу), вдоль береговъ которой разбросано много поселковъ, при-

---

[1]) На картахъ—Чякри. (W. R.).

были въ деревню Лхимпоцэ, по близости которой находится большой монастырь, построенный на скалистомъ выступѣ [1]).

Мы остановились на ночь въ деревнѣ Самдонъ; у самой деревни находится длинный деревянный мостъ. Здѣсь мы нашли помѣщеніе въ домѣ одного богатаго крестьянина, младшаго изъ двухъ мужей (они не братья) хозяйки дома. Другой мужъ былъ старостою (*са-іонъ*); онъ оказался очень услужливымъ и продалъ намъ прекраснаго пива, баранины, луку и другихъ овощей.

3-го декабря.

Выпивъ чашку горячаго пива (*чанъ*) [2]), мы отправились въ дальнѣйшій путь и, идя по теченію рѣки Шабъ-чу, пришли къ тому мѣсту, гдѣ въ нее впадаетъ р. Царонъ-чу. Отсюда мы пошли вверхъ по теченію послѣдней рѣки и шли такъ вплоть до ея истоковъ.

Поднимаясь выше, мы пришли въ большую докпаскую деревню Чжигъ-кіонъ, лежащую въ нѣсколькихъ миляхъ отъ деревни Сикья, у которой оканчивается раіонъ земледѣлія; здѣсь мы остановились на ночь. Во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ свирѣпствовала оспа, и тамъ, гдѣ ея еще не было, насъ не пускали, боясь, какъ бы мы не занесли этой страшной заразы.

На слѣдующій день, 4 декабря, мы перешли черезъ перевалъ Шонъ-ла [3]), который хотя довольно и высокъ, но имѣетъ подъемъ нетрудный. Затѣмъ мы прошли чрезъ долину Тао. Послѣ завтрака въ К'амъ-іолѣ мы пришли къ перевалу Атонь-ла, съ вершины котораго виденъ въ сѣверо-западномъ направленіи монастырь Сакья со своими зданіями краснаго цвѣта и позолоченными шпицами [4]).

Мы нашли въ городѣ квартиру неподалеку отъ моста черезъ р. Томъ-чу.

---

[1]) Лхимпоцэ на картахъ называется Линбо-чэнь. Разсказъ автора здѣсь не вполнѣ ясенъ. Если, какъ онъ заявляетъ, Рэ-чу (Шабъ-чу) протекаетъ черезъ Самдонъ, то карты неправильны, такъ какъ на нихъ эта рѣка изображена впадающей въ 7 миляхъ съ востоку отъ названной деревни (на картѣ Сань-чонъ). Очень вѣроятно, что рѣчка (?), протекающая черезъ Самдонъ, является притокомъ Шабъ-чу, но на картахъ въ томъ мѣстѣ не показано никакой рѣчки (W. R.).

[2]) Тибетцы обыкновенно пьютъ холодный чанъ. Подогрѣваніе его — подражаніе китайцамъ (W. R.).

[3]) На картахъ—Чонъ-ла (W. R.).

[4]) На картахъ я не могъ прослѣдить пути нашего автора отъ Чонъ-ла до Сакья. Онъ, очевидно, избралъ совершенно окольный путь (W. R.).

Изъ окна моей комнаты, обращенной на югъ, открывался величественный видъ на городъ, черезъ который тихо протекала рѣка; виденъ былъ также большой храмъ, а далѣе—покрытыя снѣгомъ вершины Тиньки (Тинри) и П'эрруга.

Вечеромъ я бродилъ по чистымъ, хотя и узкимъ, улицамъ, гдѣ рыночные торговцы еще продавали свои товары.

Сакья стоитъ на восточномъ склонѣ г. Поньпой-ри, у подножія которой протекаетъ р. Томъ-чу. На другой сторонѣ рѣки, фасадомъ къ городу, находится Лха-к'анъ чэньпо [1]) со своими извѣстными библіотекой и святилищемъ.

По внѣшнему виду Сакья отличается отъ большинства тибетскихъ городовъ. Стѣны почти всѣхъ общественныхъ зданій, храмовъ и жилыхъ домовъ выкрашены красною глиной, которая добывается на сосѣднихъ холмахъ. По красному фону перпендикулярно идутъ черныя и синія полосы, шириною около 9 дюймовъ каждая [2]).

Особеннаго вниманія заслуживаютъ четыре храма Лабранъ [3]) съ китайскими крышами и позолоченными шпицами. Они носятъ названія Лабранъ-шаръ («восточный» Лабранъ), Лабранъ-нубъ («западный»), Лабранъ-к'унъ и К'ансаръ чэньпо; въ общемъ они ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ храмовъ, какіе я видѣлъ въ Ташилхуньпо и другихъ мѣстахъ.

Въ красные дни сакьяскихъ іерарховъ здѣсь было четыре настоятеля, находившіеся подъ вѣдѣніемъ іерарха, управлявшаго этими четырьмя лабранами. Должности эти были наслѣдственныя, и всѣмъ этимъ настоятелямъ, а равно самому іерарху было дозволено жениться. Эта система наслѣдственной іерархіи была извѣстна подъ названіемъ *дунь-чжю*. Въ настоящее время настоятелями являются тантрическіе ламы изъ провинціи К'амъ. Мнѣ говорили, что ни ламы ни монахини въ Сакья не считаются народомъ особенно добродѣтельными, да, говоря правду, и здѣшніе міряне равнымъ образомъ не пользуются въ Тибетѣ хорошей репутаціей въ этомъ отношеніи.

Императоръ Хубилай сдѣлалъ іерарха П'агпу правителемъ Тибета [4]),

---

[1]) Это „главный храмъ" (*ред.*).

[2]) Это, какъ говорилъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, составляетъ отличительный признакъ всѣхъ ньинмаскихъ духовныхъ и свѣтскихъ зданій (W. R.).

[3]) *Лабранъ* буквально значитъ „жилище сановника-ламы"; *п'одранъ*—дворецъ или резиденція свѣтскаго чиновника (W. R.).

[4]) П'агпа (или Дро-гонь П'агпа), какъ говорятъ, родился въ 1233 году по Р. Хр.; онъ приходился племянникомъ знаменитому Сакья Пандитѣ (см. выше, стр. 19), автору многихъ классическихъ сочиненій тибетской

и уполномоченный *(паньчэнь)* [1]) послѣдняго. Кунга занбо началъ постройку сакьяскаго Лха-к'анъ чэньпо [2]); окончена была эта постройка однимъ изъ его преемниковъ по должности, Аглэнь-таши. Этотъ послѣдній оказался способнымъ и дѣятельнымъ администраторомъ: онъ присоединилъ Тагцо къ Сакьяскимъ владѣніямъ. Занпо-палъ, тогдашній іерархъ, послалъ его съ порученіемъ къ китайскому императору Буянту [3]), который пожаловалъ въ вѣчное владѣніе его и его наслѣдниковъ область у озера Ямдо. Сакьяскій паньчэнь и до настоящаго времени выбирается изъ того же рода. Послѣдній Сакьяскій паньчэнь Кунга ньинпо умеръ 20 іюня 1882 года; его гробница во время моего посѣщенія Сакьи была почти окончена; жена же его еще носила трауръ.

О покойномъ паньчэнѣ разсказываютъ слѣдующее. Лѣтъ 16 тому назадъ, послѣ смерти знаменитаго Даянь к'аньпо, казначея лхасскаго монастыря Гадань-гомба, его злой духъ причинялъ много страшныхъ бѣдствій Тибету, и всѣ попытки изгнать его изъ этой страны оставались безуспѣшными. Наконецъ правительство Лхасы, по совѣту оракуловъ, попросило сакьяскаго паньчэня посѣтить Лхасу, чтобы изгнать злого духа. У подножія

литературы. Правителемъ Тибета П'агпа сдѣлался, согласно Csoma (Tib. Grammar, p. 186), въ 1251 году. Послѣдняя дата однако не согласна съ фактами, такъ какъ Хубилай вступилъ на престолъ только въ 1260 году, а окончательно утвердился на китайскомъ престолѣ въ 1280 году и именно онъ сдѣлалъ П'агпу *го-ши*, т. е. „Государственнымъ наставникомъ". H. H. Howorth (History of the Mongols, I, p. 506) не упоминаетъ о томъ, чтобы Хубилай сдѣлалъ П'агпу правителемъ Тибета (W. R.). Хубилай въ 1264 г. принялъ отъ П'агпы (Пакба-лама) посвященіе и одновременно съ поднесеніемъ титула го-ши объявилъ его главою буддійской церкви въ Тибетѣ, Монголіи и Китаѣ. По порученію Хубилая, П'агпа составилъ въ 1269 г., пользуясь буквами тибетскаго алфавита, такъ называемое квадратное монгольское письмо, которое употреблялось въ качествѣ оффиціальнаго письма, повидимому, до конца правленія въ Китаѣ основанной Хубилаемъ монгольской династіи Юань, т. е. до 1363 г. Скончался П'агпа въ 1279 г. въ Тибетѣ (*ред.*).

[1]) *Паньчэнь*—сокращеніе слова *Поньбо чэньпо,* т. е. „высшій чиновникъ" (W. R.).

[2]) Монастырь Сакья былъ основанъ, согласно Csoma (op. cit., p. 197), въ 1071 году по Р. Хр. (W. R.).

[3]) Буянту-ханъ правилъ отъ 1312 до 1320 г. Сананъ-Сэцэнъ говоритъ, что при Буянту главою церкви былъ сакьяскій лама Срибада (I. J. Schmidt, op. cit., s. 121). Секта сакья-па, до возникновенія секты гэлугъ-па, была самой могущественной изъ реформированныхъ школъ тибетскаго буддизма (W. R.).

*

горы Потала паньчэнь зажегъ большой костеръ и, при помощи своихъ чаръ, вогналъ злого духа въ сдѣланное для этой цѣли чучело, которое послѣ этого упало прямо въ огонь. Затѣмъ паньчэнь вонзилъ свой заколдованный п'урбу [1]) въ статую, но въ то время, какъ онъ дѣлалъ это, пламя костра окружило его, и всѣ думали, что онъ погибъ, но неожиданно часъ спустя онъ вышелъ изъ пламени костра одѣтымъ въ богатое атласное платье, при чемъ не сгорѣло даже одного волоса на его головѣ.

Паньчэнь Чжимэдъ ванъ-чжялъ или другой изъ сыновей послѣдняго паньчэня будетъ его наслѣдникомъ въ званіи правителя Сакьи. Одинъ изъ сыновей является воплощеннымъ ламою и главою Танагскаго монастыря Доньп'угъ; онъ тѣмъ не менѣе долженъ постоянно пребывать въ Сакья, на основаніи правила, согласно которому въ случаѣ перерожденія ламы въ Сакья перерожденецъ не можетъ возвратиться въ ту мѣстность, въ которой онъ жилъ въ своемъ прежнемъ существованіи. Имена прочихъ четырехъ сыновей умершаго паньчэня въ скоромъ времени будутъ посланы въ Лхасу, и начунскій оракулъ укажетъ, кто изъ нихъ долженъ быть правителемъ Сакьи.

Эти царственные ламы носятъ длинные волосы, которые обыкновенно заплетаются въ двѣ косы, свѣшивающіяся на ихъ спинѣ и перевязанныя на концахъ бѣлыми бумажными платками. На ушахъ они носятъ родъ золотыхъ наушниковъ, усѣянныхъ бирюзой и изумрудами; наушники эти почти касаются плечъ. Къ нижнимъ частямъ наушниковъ привѣшиваются серьги [2]).

Въ Лха-к'анъ чэньпо имѣется пять сидѣній одинаковой высоты, на которыхъ во время богослуженія сидятъ принцы; одно изъ этихъ сидѣній, предназначенное для іерарха, остается не занятымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ избранъ новый іерархъ. При іерархѣ состоитъ шапэ, или министръ, завѣдующій свѣтскими дѣлами Сакья. Монахи раздѣляются, сообразно съ мѣстомъ своего рожденія, на двѣ общины: уроженцы Собственнаго Тибета, которые находятся подъ управленіемъ гэкора и имѣютъ свои кельи близъ главнаго храма, и уроженцы провинціи К'амъ (Восточнаго Тибета), также состоящіе въ вѣдѣніи гэкора и живущіе въ городѣ.

---

[1]) Желѣзный или бронзовый жезлъ съ треугольникомъ въ сѣченіи. Верхушка его имѣетъ видъ дорчжэ. Онъ употребляется для заклинаній. См. Emil Schlagintweit, Buddhism in Tibet, p. 257, и Waddell, op. cit., pp. 341, 483, 488 (W. R.).

[2]) Очевидно, серьги привѣшиваются къ этимъ золотымъ наушникамъ, а не къ самымъ ушамъ (W. R.).

Обширная библіотека Сакьи хранится на полкахъ, расположенныхъ по стѣнамъ главнаго зала въ Лха-к'анъ чэньпо. Здѣсь есть много книгъ, написанныхъ золотыми буквами; страницы такихъ книгъ имѣютъ шесть футовъ въ длину и 18 дюймовъ въ ширину. На поляхъ каждой страницы находятся различныя иллюстраціи, въ первыхъ четырехъ томахъ помѣщены изображенія тысячи Буддъ. Эти книги имѣютъ желѣзный переплетъ. Онѣ были изготовлены по приказанію императора Хубилая и подарены П'агпѣ во время его второго посѣщенія Пекина.

Въ этомъ храмѣ сохраняется также большая раковина съ вертушками, вращающимися слѣва направо,—это подарокъ Хубилая П'агпѣ. Въ эту раковину ламы дуютъ только тогда, если просьба сопровождается поднесеніемъ 7 ланъ серебра, но изданіе звука при помощи этой раковины вмѣняется въ большую заслугу [1]).

5 декабря я оставилъ монастырь Сакья и, проѣхавъ монастырь Чойк'оръ-лхуньпо, очутился въ широкой долинѣ р. Ялунъ, въ которой лежитъ большая деревня Лора, и, кромѣ того, разбросано нѣсколько небольшихъ поселковъ. Мы остановились въ этой деревнѣ, чтобы позавтракать, но мѣстные жители до такой степени боялись, чтобы мы не занесли къ нимъ оспы—въ деревнѣ уже было нѣсколько случаевъ этой болѣзни,—что не хотѣли имѣть съ нами рѣшительно никакого дѣла, не соглашаясь даже продать намъ хоть немного дровъ [2]).

Перейдя рѣку Ялунъ, мы поднялись на перевалъ Донъ-ла, съ вершины котораго увидѣли Чомо Канькаръ (Эверестъ) и безконечную цѣпь горъ, которая тянулась въ западномъ направленіи отъ него [3]). Въ Донъ-ла берутъ начало рѣки Арунь и Коси.

---

[1]) У тибетцевъ эта раковина называется *Я-чьилъ дунъ-каръ*, а у китайцевъ—*Ю суань бай-лэй*. У этихъ народовъ она считается безцѣннымъ сокровищемъ. Одна изъ такихъ раковинъ находится въ Китаѣ, въ Фу-чжу у Tituh (см. пекинскую газету отъ 23 февраля 1867 г.) и одна—въ Лхасѣ. См. The Land of the Lamas, p. 110 (W. R.).

[2]) „Въ 1794 году Далай-лама, по приказанію императора, построилъ спеціальные госпитали для больныхъ оспою, гдѣ больные получали пищу и все необходимое; эти госпитали находились подъ присмотромъ особаго чиновника... Примѣру Далай-ламы послѣдовали и власти Ташилхуньпо и Чамдо“ (Jour. Roy. Asiat. Soc., n. s., XXIII, p. 235). Я не знаю, существуютъ ли эти госпитали въ настоящее время (W. R.).

[3]) Подробное и интересное описаніе этой горной страны имѣется въ прекрасно иллюстрированныхъ сочиненіяхъ: L. A. Waddell, Among the Himalayas (Westminster, 1900), и Douglas W. Freshfield, Round Kangchenjunga,

Спускъ съ Донъ-ла былъ легокъ; мѣстность кругомъ имѣла видъ совершенной пустыни, нигдѣ не было видно ни одного деревца. Около 5 часовъ мы достигли деревни Чу-шо, находящейся у подножія перевала, и здѣсь послѣ долгихъ упрашиваній намъ наконецъ удалось найти себѣ пріютъ въ убогой хижинѣ, гдѣ жила одна бѣдная старушка со своимъ сыномъ.

Макалу. Чома Канькаръ.

Горная группа Лапъ-чьи-канъ со стороны Чуньчжорма (*Douglas W. Freshfield, Round Kangchenjunga*).

На слѣдующій день мы двинулись далѣе по теченію маленькаго потока, называемаго Чу шу, и вскорѣ вышли на широкую обнаженную равнину, по обѣимъ сторонамъ которой поднимались высокія мрачныя горы.

Оставивъ деревню Мапъ-чжа, въ которой находится около сотни домовъ, мы позавтракали въ Донькарѣ и затѣмъ отправились по направленію къ Шонъ-па-ла, слѣдуя по теченію рѣки Шонъ-чу. Земля во многихъ мѣстахъ была

A Narrative of Mountain Travel and Exploration (London, 1903). Вслѣдствіе задержки въ полученіи этихъ книгъ оказалось возможнымъ воспользоваться для настоящаго изданія однимъ только рисункомъ, изображающимъ горную группу Лапъ-чьи съ знаменитою вершиною Эверестъ, описанную выше на стр. 28 *(ред.)*.

изрыта норами, сдѣланными звѣрьками, называемыми сримонъ [1]), и наши лошади часто спотыкались, попадая ногами въ эти норы.

Спустившись съ Шонъ-па-ла, мы очутились въ широкой долинѣ Чибъ-лунъ [2]) и къ шести часамъ достигли деревни Доганъ, гдѣ и остановились на ночь въ одной бѣдной хижинѣ.

На слѣдующее утро мы прошли черезъ деревню Ташигонъ и позавтракали въ деревнѣ Гурэ, принадлежащей моему другу, министру. Отсюда мы начали подниматься на высокую горную цѣпь, которая отдѣляла насъ отъ озера Тэлъ-тунъ («Водопой муловъ») [3]). Этотъ перевалъ извѣстенъ подъ названіемъ Добта Лачань-ла; отсюда открывается величественный видъ на далекое пространство; отсюда видны Гималаи Непала и Сиккима съ озеромъ Тэлъ-тунъ и городомъ Добта-цзонъ, принадлежащимъ сиккимскому рачжѣ и расположеннымъ на холмикѣ передъ самымъ озеромъ.

На ночь мы остановились въ Чорка (такъ называется часть г. Добта), гдѣ одинъ крестьянинъ уступилъ намъ стоявшую у него во дворѣ палатку, сдѣланную изъ шерсти яковъ. Однако здѣсь мы пробыли недолго и выѣхали до разсвѣта, такъ какъ желали въ тотъ же день достигнуть К'амба-цзона. Было очень холодно, а сильный вѣтеръ дѣлалъ этотъ холодъ еще пронзительнѣе. Путь нашъ шелъ вдоль берега озера Тэлъ-тунъ, которое въ настоящее время уже совершенно высохло и болѣе походило на обширное пастбище, чѣмъ на озеро. Разной дичи было здѣсь изобиліе; особенно много было здѣсь дикихъ барановъ, козловъ и ословъ.

Пройдя эту равнину, мы вошли въ долину рѣки Чэ-чу черезъ низкую сѣдловину между горными цѣпями Добта и Яру-ла. Перейдя рѣку, мы остановились не надолго въ Тарчжѣ [4]), а П'урчунъ отправился впередъ въ К'амба-цзонъ, чтобы найти для насъ квартиру.

Въ пять часовъ мы пришли въ деревню К'амба, гдѣ были весьма радушно приняты пріятелемъ П'урчуна Ванъ-чжяломъ, который вмѣстѣ со своей женой старался доставить намъ всяческія удобства.

---

[1]) Сурокъ называется *чъи (п'ъи)-ва*; *монъ* я не въ состояніи объяснить; быть можетъ, это то самое животное, которое нашъ авторъ называетъ въ одной изъ своихъ работъ именемъ sremong (sri); оно меньше кота и имѣетъ красно-бурую шерсть; кожа его, прибавляетъ авторъ, употребляется для колдовства (W. R.).

[2]) Чиблунъ цанъ-по, или Верхняя Арунь, протекаетъ по этой долинѣ (W. R.).

[3]) Относительно этого озера см. выше, стр. 274.

[4]) Въ этомъ мѣстѣ путь нашего автора совпадаетъ съ тѣмъ, по которому онъ шелъ въ Тибетъ (W. R.). Чэ-чу—это Арунь, см. выше, стр. 58.

Послѣ чая я отправился вмѣстѣ съ П'урчуномъ къ цзонпонямъ, при чемъ П'урчунъ для этого случая одѣлся въ самое лучшее свое платье. Цзонъ стоитъ на небольшомъ холмѣ, куда надо подниматься по крутой каменной лѣстницѣ. Крѣпость представляетъ собою большое двухъэтажное зданіе [1]). Водою крѣпость снабжается по глиняным трубамъ, проведеннымъ съ горъ, лежащихъ къ сѣверу отъ нея; этотъ водопроводъ составляетъ немалую гордость народа [2]).

Когда я вошелъ къ цзонпонямъ [3]), они занимались чтеніемъ священныхъ книгъ. Лама задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касающихся меня и цѣли моего путешествія; на всѣ вопросы мнѣ удалось отвѣтить удовлетворительно. Я показалъ свой паспортъ, къ которому они приложили свои печати, оставивъ у себя копію съ него. Когда я уходилъ, они подарили мнѣ сушеную тушу овцы, 10 фунтовъ риса и коверъ, выразивъ при этомъ надежду видѣть меня снова въ будущемъ году. Возвратившись въ свое помѣщеніе, я нанялъ до Гэнь-панъ-тана двѣ лошади и палатку, сдѣланную изъ яковой шерсти.

Рано утромъ, простившись со своимъ вѣрнымъ проводникомъ Гопонемъ,

---

[1]) Въ своемъ отчетѣ о первомъ путешествіи въ Тибетъ (1879 г.). Саратъ Чандра Дасъ такъ описываетъ К'амба-цзонъ: „Крѣпость К'амба-цзонъ расположена на вершинѣ уединеннаго утеса. Укрѣпленія поднимаются нѣсколькими этажами отъ сѣверо-западнаго подножія утеса вплоть до его вершины, при чемъ послѣднюю они занимаютъ совершенно. Этотъ замокъ, уступающій только крѣпости въ Шигацэ, является самымъ высокимъ и величественнымъ въ Тибетѣ; разсматриваемый издали съ юга, онъ производитъ сильное впечатлѣніе. У подножія холма находится деревня К'амба, славящаяся своею бараниною. Здѣсь въ январѣ убиваются тысячи овецъ ежегодно; ихъ туши высушиваются и продаются по цѣнѣ отъ 8 аннъ до 1 рупіи за штуку. К'амба славится также своими коврами и одѣялами. Въ городѣ имѣется около 300 домовъ съ зажиточнымъ населеніемъ почти въ 1000 душъ. Въ долинѣ растетъ пшеница и овесъ. На рѣкѣ имѣется старая, недавно починенная мельница, перемалывающая въ муку ячмень. Планъ замка составленъ очень искусно; онъ приспособленъ на 1000 человѣкъ". Любопытно, что въ этомъ отчетѣ авторъ писалъ, будто „рѣка, проникая въ крѣпость, обезпечиваетъ ей запасъ воды на случай осады", между тѣмъ какъ нынѣ онъ сообщаетъ о существованіи тамъ водопровода. К'амба-цзонъ лежитъ на высотѣ 13.800 фут. См. Geographical Journal, 1904, № 1 (*ред.*).

[2]) Сооруженіе это, очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ не тибетцамъ (W. R.).

[3]) Какъ сказано выше, во всѣхъ цзонахъ имѣется по два цзонпоня — одинъ свѣтскій, другой лама (*ред*).

Чома Канькаръ.

Непальскіе Гималаи со стороны К'амба-цзона (*По фотографіи H. H. Hayden, Geogr. Journ., 1904, № 3*).

который покинулъ насъ здѣсь, такъ какъ долженъ былъ возвращаться домой, въ Чжяньцэ, мы отправились далѣе. Завтракали мы въ деревнѣ Гэру. На пути мы видѣли стадо дикихъ барановъ и нѣсколько лисицъ. Оставивъ деревню Гэру, мы начали подниматься гуськомъ на предгорье перевала Конраламо по дикой, но красивой мѣстности, пока наконецъ не достигли покрытой снѣгомъ вершины, близъ которой и расположились на отдыхъ на голой скалѣ. Благодаря палаткѣ изъ яковой шерсти и костру, разведенному П'урчуномъ изъ аргала, мы не очень страдали отъ холода и пронзительности вѣтра.

На слѣдующее утро, 10 декабря, мы въ ранній часъ достигли Гэнь-гана, который образуетъ границу между территоріями великаго ламы и сиккимскаго рачжи. Отсюда мой путь шелъ черезъ Сиккимъ по дорогѣ, по которой проходило уже много европейскихъ путешественниковъ, и о которой я поэтому не считаю нужнымъ говорить здѣсь что-либо. 27 декабря, послѣ годичнаго отсутствія, я вернулся наконецъ домой въ Дарджилинъ.

ГЛАВА XI.

Сословія и бытъ тибетцевъ.

Въ Тибетѣ все населеніе, какъ міряне, такъ и духовенство, раздѣляется на три рѣзко отличающихся другъ отъ друга класса, принадлежность къ которымъ опредѣляется рожденіемъ и соціальнымъ положеніемъ. Каждый изъ этихъ классовъ имѣетъ три подраздѣленія [1]). Подраздѣленія эти слѣдующія.

---

[1]) Я полагаю, что эти классы скорѣе существуютъ въ теоріи, нежели на практикѣ, и что приводимыя здѣсь свѣдѣнія заимствованы, вѣроятно, изъ какого-нибудь сочиненія, основаннаго на индійскихъ идеяхъ. Идея касты не тибетская, равно какъ и не китайская. *Рабъ* (*rabs*) значитъ „семья, поколѣніе, соціальный классъ". *Рабъ-кьи рабъ* значитъ „первый высшій классъ"; *рабъ-кьи динъ*—„средній высшій классъ"; *рабъ-кьи тама*—„низшій высшій классъ"; *динъ-кьи рабъ*—„высшій средній классъ" и т. д. (W. R.). Насколько можно судить по сообщеніямъ путешественниковъ, мнѣніе Рокхилл о небольшемъ практическомъ значеніи указываемаго авторомъ дѣленія на классы, отличающагося при томъ нѣкоторою неопредѣленностью, повидимому, вполнѣ основательно, и строгаго разграниченія между этими классами въ дѣйствительности не существуетъ. Этимъ, вѣроятно, нужно объяснять, что у путешественниковъ встрѣчаются различныя свѣдѣнія по этому вопросу. Несомнѣннымъ однако нужно считать, что господствующимъ въ Тибетѣ классомъ является духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся почти власть въ странѣ и громадныя богатства. Что же касается свѣтскаго населенія, то Dutreuil de Rhins (op. cit., p. 359) дѣлитъ его на 5 классовъ: дворяне, горожане, свободные простолюдины, крѣпостные и паріи. Изъ нихъ дворяне это—потомки прежнихъ владѣльцевъ удѣловъ, а равно отцовъ Далай-ламъ и Таши-ламъ. Вмѣстѣ съ монастырями и перерожденцами дворяне являются владѣльцами частной земли; имъ принадлежитъ вся та незначительная власть, которая сохранена за

Первый или высшій классъ *рабъ*:

1) *Рабъ-кьи рабъ*. Къ этому классу относятся царь, члены царской фамиліи и воплощенные ламы, появлявшіеся много разъ на землѣ.

2) *Рабъ-кьи динъ*. Этотъ классъ составляютъ дэси, или регентъ, обыкновенные воплощенные ламы, министры и государственные совѣтники, ученые ламы или настоятели, профессора въ главнѣйшихъ монастыряхъ.

3) *Рабъ-кьи тама*. Сюда относятся государственные секретари, дахпони, цзонпони и низшіе ламы или настоятели.

Средній классъ—*динъ*:

1) *Динъ-кьи рабъ* или «высшій средній классъ»; къ нему относятся роды, владѣющіе издавна большими наслѣдственными богатствами, крупные землевладѣльцы, которые не ведутъ своего происхожденія отъ знаменитыхъ министровъ или воиновъ, дунк'оры, старые роды и лица, которыя лично оказали странѣ важныя услуги, и, наконецъ, доньнѣры.

2) *Динъ-кьи динъ*. Этотъ классъ состоитъ изъ дунъ-иговъ, или писцовъ, дворецкихъ, камердинеровъ, старшихъ лакеевъ, старшихъ поваровъ и тому подобныхъ мелкихъ служащихъ.

3) *Динъ-кьи тама*. Сюда относятся солдаты и подданные [1]).

Низшій классъ—*тама*:

1) *Тамай-рабъ*. Сюда принадлежатъ дворовые, домашняя прислуга и другая наемная челядь.

мірянами духовенствомъ. Крѣпостные (*миссэръ*, *іогъ*)—лица, живущія въ помѣстьяхъ землевладѣльцевъ и служащія у послѣднихъ въ качествѣ земледѣльцевъ, пастуховъ, ремесленниковъ, приказчиковъ, писцовъ и домашней прислуги за извѣстное вознагражденіе или за участіе въ прибыляхъ; формально они, повидимому, не прикрѣплены къ землѣ, но фактически лишены почти всякой возможности перехода отъ одного землевладѣльца къ другому. Паріи соотвѣтствуютъ классу *тамай-тама* нашего автора; это представители профессій, пользующихся въ Тибетѣ всеобщимъ презрѣніемъ. Хотя кастовой замкнутости въ Тибетѣ нѣтъ и переходъ изъ одного класса въ другой возможенъ, но обыкновенно сынъ посвящаетъ себя профессіи отца. Католическіе миссіонеры (Desgodins, Le Thibet d'après la correspondance des missionnaires. pp, 246—250) дѣлятъ населеніе на чиновниковъ, ламъ, торговцевъ, земледѣльцевъ, пастуховъ и нищихъ, г. Цыбиковъ (loc. cit., p. 194)—на родовитыхъ дворянъ, именитыхъ перерожденцевъ, духовенство и крестьянъ (*ред.*).

[1]) Подъ „подданными" нашъ авторъ, я думаю, подразумѣваетъ крѣпостныхъ или арендаторовъ (*миссэръ*)—(W. R.).

2) *Тамай-динъ.* Этотъ классъ составляютъ лица, не имѣющія опредѣленнаго мѣстожительства; лица, имѣющія не женъ, а наложницъ; распутныя женщины, профессіональные нищіе, бродяги и бѣдняки.

3) *Тамай-тама.* Этотъ классъ, стоящій на самомъ низу общественной лѣстницы, составляютъ мясники, мусорщики, уборщики мертвыхъ тѣлъ, кузнецы и ювелиры.

Въ Тибетѣ нѣтъ кастовыхъ ограниченій для брака, какъ это существуетъ въ Индіи. Здѣсь богатый можетъ выдать свою дочь замужъ за

Сватъ. Женихъ. Невѣста. Подружка.
Заключительный актъ брачныхъ церемоній.

бѣдняка, а дочь бѣднаго человѣка можетъ сдѣлаться женою знатнѣйшаго вельможи въ странѣ. Но дѣвушки царской фамиліи и высшихъ классовъ обыкновенно не выдаются замужъ за лицъ низшаго класса; въ случаѣ же, если для нихъ не найдется подходящей партіи, ихъ посылаютъ въ монастырь. За то дочери простолюдиновъ часто выходятъ замужъ за знатныхъ лицъ.

Брачныя церемоніи одинаковы у всѣхъ классовъ, и разница заключается только въ размѣрѣ издержекъ на празднества по случаю брака.

Прежде всего друзья жениха выбираютъ посредника, который долженъ сдѣлать первое предложеніе родителямъ или опекунамъ дѣвушки. Если послѣдніе принимаютъ предложеніе, то родители будущаго жениха посылаютъ или сами несутъ имъ подарки, состоящіе изъ шарфа и вина (*лонъ-чанъ*, т. е., «вино сватовства»), и дѣлаютъ уже формальное предложеніе. Родители дѣвушки извиняются, говоря, что дочь ихъ и не красива и не воспитана и вовсе не подходитъ для жениха. Посредникъ все болѣе и болѣе настаиваетъ на сватовствѣ. Наконецъ послѣ обмѣна подобныхъ обычныхъ фразъ, родители дѣвушки говорятъ: «Если вы въ самомъ дѣлѣ говорите серьезно и полагаете, что наша дочь подходитъ для васъ, то мы посовѣтуемся со своими друзьями и родственниками и сообщимъ вамъ свое рѣшеніе».

Нѣсколько дней спустя ихъ согласіе формально сообщается родителямъ жениха, и послѣдніе, взявъ съ собою 20—30 галлоновъ вина, отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ они угощаютъ не только всѣхъ ея родственниковъ, но также слугъ и сосѣдей, при чемъ каждому дарятъ по шарфу. Затѣмъ платится калымъ *(ринь)*, размѣръ котораго достигаетъ для среднихъ классовъ обыкновенно 5—6 дочэ, т. е. 625—750 рупій; къ этому придается еще около 50 галлоновъ вина. Затѣмъ дарятъ еще по шарфу каждому изъ старшихъ членовъ семьи невѣсты, а равно и наиболѣе почтеннымъ лицамъ изъ числа ея друзей и сосѣдей.

Послѣ этого назначается для свадьбы благопріятный день, и обѣ стороны дѣлаютъ всѣ необходимыя приготовленія. Въ назначенный день родители жениха посылаютъ семь или восемь пользующихся уваженіемъ лицъ въ качествѣ своихъ представителей, чтобы доставить невѣсту въ домъ жениха. Они остаются въ домѣ отца невѣсты три дня, въ теченіе которыхъ ведутъ дѣловые переговоры и убѣждаютъ своихъ хозяевъ, которые снабжаютъ ихъ за это время всѣмъ необходимымъ, что ихъ дочь будетъ счастлива въ новомъ домѣ. Въ концѣ третьяго дня родители невѣсты отправляютъ ее въ домъ жениха. При этомъ они даютъ ей хорошую дойную корову или яка, лошадь, 5—6 быковъ, по двѣ смѣны лѣтняго и зимняго платья, полный наборъ украшеній согласно мѣстнымъ обычаямъ, маленькій стеганый коврикъ, небольшой обѣденный столикъ, чашки, тарелки, кухонную посуду и другія хозяйственныя принадлежности, 50 унцій серебра и служанку. Всѣ, кто прежде получилъ шарфъ, стараются теперь отдарить невѣсту шарфами и деньгами. Ближайшіе родственники и друзья родителей, начальникъ мѣстности и другіе дарятъ ей шарфы, платье, одѣяла, серебряныя монеты и т. п.

Затѣмъ пріѣзжаютъ около 20 человѣкъ друзей жениха, чтобы отвезти невѣсту въ ея новый домъ. Первая часть поѣздки дѣлается за счетъ родителей невѣсты, расходы же по второй части оплачиваются родителями жениха; поѣздка совершается верхомъ на лошадяхъ, и невѣста ѣдетъ въ срединѣ поѣзда. По прибытіи на мѣсто назначенія невѣсту сажаютъ рядомъ съ женихомъ на подушку, которая кладется на особомъ возвышеніи; вокругъ располагаются пріѣхавшіе съ невѣстою. Въ счастливый часъ деревенскій лама совершаетъ краткій религіозный обрядъ, а родители или представители обѣихъ сторонъ возносятъ моленія къ богамъ за счастіе новобрачныхъ [1]). Затѣмъ родители жениха призываютъ боговъ въ свидѣтели церемоніи брака ихъ сына и объявляютъ, что съ этого времени невѣста принадлежитъ только своему жениху и его братьямъ. Празднованіе свадьбы продолжается три дня, въ теченіе которыхъ уничтожается около 50 *чупань* вина, три быка и три свиньи. Знатныя лица изъ числа друзей жениха пріѣзжаютъ съ шарфами въ качествѣ подарковъ; гостей принимаетъ и угощаетъ отецъ жениха.

На третій день послѣ свадьбы невѣста перемѣняетъ платье и украшенія, которыя она носила при своемъ прибытіи, и надѣваетъ другія, подаренныя ей женихомъ. Послѣ краткой молитвы богамъ новобрачная чета въ первый разъ остается наединѣ, а на слѣдующее утро невѣста уже вступаетъ въ исполненіе своихъ домашнихъ обязанностей. Ея братья и родственники, сопровождавшіе ее, возвращаются по домамъ по истеченіи 7 дней.

Спустя три мѣсяца послѣ свадьбы родители невѣсты, въ сопровожденіи наиболѣе уважаемыхъ людей изъ числа своихъ друзей и вмѣстѣ со слугами, пріѣзжаютъ съ подарками, состоящими изъ съѣстныхъ припасовъ и приглашаютъ свою дочь сдѣлать имъ визитъ. Прогостивъ около 10—12 дней, они возвращаются домой, а нѣсколько недѣль спустя къ нимъ пріѣзжаетъ и молодая чета въ сопровожденіи женской прислуги, несущей подарки, состоящіе изъ шарфовъ, съѣстныхъ припасовъ, вина и т. п. Они остаются здѣсь въ теченіе мѣсяца, и при своемъ отъѣздѣ невѣста получаетъ отъ отца новое платье и различныя украшенія, а ея мужъ—полный костюмъ и неизбѣжный шарфъ.

У людей очень бѣдныхъ всѣ эти церемоніи гораздо проще, и переговоры о бракѣ ведутся самими родителями.

Въ Тибетѣ нѣтъ установленнаго возраста для женитьбы. Но средній

---

[1]) Ср. Jour. Roy. Asiat. Soc., n. s., XXIII, pp. 228 230, а также Waddell. op. cit., p. 553.

брачный возрастъ для обоихъ половъ опредѣляется отъ 15 до 25 лѣтъ, при чемъ часто невѣста бываетъ старше жениха.

Когда супруги хотятъ порвать брачныя узы, то прежде всего выясняются причины развода. Если мужъ вполнѣ безупреченъ и желаетъ жить далѣе со своею женой, но послѣдняя желаетъ расторгнуть бракъ, то въ такомъ случаѣ ее обязываютъ заплатить *ринь* въ двойномъ размѣрѣ въ видѣ штрафа за нарушеніе брачнаго контракта; этотъ штрафъ называется *борчэ* («пеня за разводъ») и *дэнь-іо*—(«штрафъ невиновности») [1]). При отсутствіи брачнаго контракта, «пеня за разводъ» устанавливается закономъ—для жены въ размѣрѣ 18 *шо* золота (135 рупій), а для мужа—въ 3 сранъ золота (180 рупій). Если невиновность мужа подвергается сомнѣнію, но обвиненія жены тѣмъ не менѣе признаются недоказанными, то она должна дать мужу въ качествѣ пени за разводъ полную перемѣну платья, пару сапогъ, постельный коверъ, постельное одѣяло и халатъ, а мужъ обязанъ подарить своей женѣ шарфъ и еще что-либо.

Съ другой стороны, если жена окажется совершенно невинною и желаетъ жить со своимъ мужемъ, а мужъ требуетъ развода безъ всякаго повода съ ея стороны, то онъ долженъ уплатить ей 12 *шо* золота (90 рупій) въ качествѣ пени за разводъ и, кромѣ того, *іогъ-ла*, т. е., «вознагражденіе за службу» въ количествѣ шести фунтовъ ячменя за каждый день и по шести фунтовъ за ночь, которые она провела съ нимъ со дня свадьбы до расторженія брака. Кромѣ того, мужъ долженъ возмѣстить стоимость всѣхъ костюмовъ и другихъ подарковъ, сдѣланныхъ его женѣ ея друзьями во время ихъ супружеской жизни. Разведенная женщина беретъ съ собою также всѣ украшенія, подаренныя ей ея родными, но она не можетъ взять тѣхъ, которыя были подарены ей мужемъ. Жена не можетъ требовать «штрафа невиновности». Если во время расторженія брака у супруговъ есть дѣти, отецъ беретъ себѣ мальчиковъ, а мать—дѣвочекъ. Если мужъ—человѣкъ состоятельный, то судъ можетъ требовать, чтобы онъ отдалъ часть своего имущества женѣ на воспитаніе дѣвочекъ. Съ другой стороны, если жена обладаетъ состояніемъ, отъ нея также можетъ быть потребована нѣкоторая часть его на воспитаніе ея сыновей.

Если знатный человѣкъ женится на женщинѣ низшаго класса или на-

---

[1]) Нашъ авторъ говоритъ, что приводимыя въ этомъ отдѣлѣ свѣдѣнія взяты изъ одного юридическаго сочиненія. Я сомнѣваюсь, чтобы эти правила примѣнялись на практикѣ. *Борчэ*, повидимому, — *hbor-ua chy* (*hyed*), т. е. «бросать, покидать». *Дэнь-іо—bden* «правда» и, можетъ быть, *e gyogs* (вмѣсто *io*)—„прикрытіе, покрытіе“ (W. R.).

оборотъ, при взаимномъ вполнѣ опредѣленномъ соглашеніи брачущихся дѣлить вмѣстѣ всѣ радости и горе, то въ случаѣ расторженія брака ихъ имущество дѣлится между супругами сообразно, во-первыхъ, степени ихъ виновности, а, во-вторыхъ, въ зависимости отъ цѣнности сдѣланныхъ ими другъ другу подарковъ во время совмѣстной жизни. Въ случаѣ расторженія брака, заключеннаго по обоюдному соглашенію ради взаимнаго наслажденія и удовольствія, судъ, не обращая вниманія на степень вины супруговъ, долженъ раздѣлить между ними ихъ имущество поровну [1]). Въ случаѣ брака между рабами и крѣпостными, отъ ихъ господъ зависитъ дать имъ разводъ или заставить продолжать совмѣстную жизнь; такъ, напримѣръ, мужчину этого класса женятъ на женщинѣ, которая, по мнѣнію хозяина, будетъ ему полезной; когда же женщина оказывается безполезной для хозяина, ее удаляютъ, давши ей $^1/_6$ имущества ея мужа, а ея мѣсто замѣняетъ другая, выбранная хозяиномъ.

Членамъ одного и того же рода воспрещается вступать въ бракъ въ предѣлахъ семи колѣнъ. Въ настоящее время это правило однако не соблюдается народомъ, и нерѣдки случаи заключенія браковъ между родственниками, состоящими между собою въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ кровнаго родства. Среди побо и к'амба браки совершаются крайне безпорядочно: братъ можетъ жениться на своей сестрѣ, племянникъ—на теткѣ [2]). У тибетцевъ-простолюдиновъ единственнымъ препятствіемъ къ заключенію брака является нынѣ происхожденіе отъ одного отца; такъ, могутъ вступать въ бракъ единоутробные братъ и сестра; можно также жениться на своей мачехѣ или на теткѣ.

Обычай, согласно которому нѣсколько братьевъ берутъ себѣ общую жену для того, чтобы сохранить цѣлымъ и нераздѣльнымъ отцовское и дѣдовское имущество, первоначально возникъ, какъ говорятъ, въ провинціи К'амъ, гдѣ онъ и донынѣ наблюдается въ широкихъ размѣрахъ. Тибетцы провинцій У и Цапъ заимствовали этотъ обычай у своихъ сородичей изъ К'ама, но онъ не имѣетъ здѣсь общаго распространенія [3]).

---

[1]) Это, очевидно, относится къ временнымъ бракамъ. (W. R.).

[2]) Что касается к'амба, то я думаю, что здѣсь нашъ авторъ неправъ. Быть можетъ, раньше дѣло, дѣйствительно, было такъ, какъ говоритъ авторъ, но теперь этого, несомнѣнно, нѣтъ; сношенія съ китайцами, по моему мнѣнію, заставили не только жителей Восточнаго Тибета, но и вообще всѣхъ тибетцевъ смотрѣть на браки между родственниками глазами китайцевъ (W. R.).

[3]) Этого нѣтъ и въ К'амдо См. мое сочиненіе: Land of the Lamas, p. 211. (W. R.).

Женщина считается женою младшихъ братьевъ своего мужа лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдніе живутъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ. Когда же они отдѣляются отъ старшаго брата, они не могутъ требовать вознагражденія за свои права на жену, и она остается законною женою старшаго брата [1]). Нерѣдко также отецъ живетъ съ женою своего сына, дядя съ женою племянника, и даже въ большомъ свѣтѣ отецъ часто пользуется супружескими правами въ отношеніи жены своего сына [2]).

Прекращеніе біенія пульса и пріостановка дыханія еще не считаются доказательствомъ полнаго прекращенія жизни. Тибетцы думаютъ, что духъ (*намъ-шэ*) остается въ тѣлѣ мертвеца обыкновенно въ теченіе не менѣе трехъ дней, хотя у лицъ, достигшихъ извѣстной степени святости, духъ покидаетъ тѣло тотчасъ же послѣ послѣдняго вздоха, чтобы соединиться съ обитателями рая, называемаго Гадань или Тушита, но примѣры такой святости весьма рѣдки.

Вслѣдствіе такого повѣрья считается великимъ грѣхомъ переносить или вообще тревожить тѣло тотчасъ же послѣ смерти. Въ настоящее время въ Тибетѣ и Монголіи покойниковъ всѣхъ классовъ общества держатъ въ теченіе трехъ дней дома, наблюдая при этомъ осторожность; въ это время при смертномъ одрѣ находятся ихъ родные и друзья, которые молятся о ниспосланіи умершимъ счастія въ будущей жизни. На четвертый день утромъ выясняютъ гороскопъ самого умершаго и того человѣка, который долженъ

---

[1]) Въ Тибетѣ семья и все ея имущество считаются въ принципѣ нераздѣльнымъ цѣлымъ, главою котораго является старшій братъ; отъ него исходятъ всѣ распоряженія, отъ его имени заключается всѣ сдѣлки; онъ же одинъ, между прочимъ, исполняетъ брачныя церемоніи, и хотя на введенную имъ въ семью женщину предоставляются права и младшимъ братьямъ, но de jure она является *женою* лишь старшаго брата. См. Dutreuil de Rhins, op. cit., p. 348 (*ред.*).

[2]) Я не думаю, чтобы авторъ намѣренъ былъ утверждать, что таковъ тибетскій обычай (W. R.). Если однако подобное кровосмѣшеніе не можетъ считаться обычаемъ, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ Тибетѣ въ отношеніяхъ половъ между собою господствуетъ полнѣйшая свобода. Безбрачіе духовенства, составляющаго весьма значительную часть населенія, освободило массу женщинъ, которыя, благодаря этому, пользуются въ Тибетѣ весьма большою самостоятельностью въ хозяйственныхъ дѣлахъ и полною свободою въ поведеніи. Имѣть дѣтей отъ временной связи тамъ не считается позоромъ для женщины; спрашивать объ имени отца въ Тибетѣ не принято. См. Цыбиковъ, Dutreuil de Rhins, Desgosdins и др. (*ред.*).

первый прикоснуться къ тѣлу покойнаго. Затѣмъ лама совершаетъ извѣстные погребальные обряды съ цѣлью заставить душу умершаго выйти чрезъ одно изъ отверстій въ его черепѣ. Если же этотъ обрядъ не соблюденъ, то душа можетъ выйти черезъ какое-нибудь другое отверстіе, и въ такомъ случаѣ она будетъ осуждена на мученія. Лама остается одинъ при трупѣ, всѣ двери и окна закрываются, и никому не разрѣшается входить въ комнату до тѣхъ поръ, пока лама не объявитъ, какимъ путемъ вышла душа умершаго [1]).

За исполненіе этого важнаго обряда лама получаетъ корову, яка, овцу или козла или же извѣстную сумму денегъ, смотря по состоянію умершаго. Передъ выносомъ тѣла изъ дома астрологъ отмѣчаетъ даты рожденія присутствующихъ родныхъ и друзей умершаго. Если окажется, что кто-либо изъ нихъ родился подъ тѣмъ же созвѣздіемъ и планетой, подъ какими родился и умершій, то таковому грозитъ опасность быть убитымъ духомъ умершаго, почему ему и не разрѣшается присутствовать на погребеніи. Астрологъ также получаетъ вознагражденіе деньгами или натурою. Затѣмъ трупъ плотно обертывается въ холстъ и кладется на носилки съ лицомъ, обращеннымъ въ ту сторону, которую астрологъ нашелъ благопріятною, послѣ чего трупъ помѣщается въ углу дома. Около головы покойника зажигаютъ пять масляныхъ лампадъ, а вокругъ разставляются ширмы, за которыми помѣщается пища и напитки, которые обыкновенно употреблялъ умершій при жизни, а также лампа. Рано утромъ въ день, назначенный для погребенія, тѣло переносятъ на ближайшее кладбище. Во время перенесенія тѣла родственники совершаютъ передъ нимъ почтительныя поклоненія. За гробомъ слѣдуютъ два человѣка, которые несутъ вино или чай, а также блюдо, наполненное цамбой. Домовый жрецъ или лама умершаго бросаетъ на носилки шарфъ и медленно идетъ позади, держась за конецъ другого шарфа, привязаннаго къ носилкамъ. На ходу онъ читаетъ похоронныя мантры, вращая при этомъ правою рукою ручной барабанъ (*дамару*), а лѣвою звоня въ колокольчикъ. Поставить носилки на землю до прибытія на кладбище считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Если же это случится, то тѣло должно быть погребено тутъ же, а не на кладбищѣ.

Около Лхасы находятся два священныхъ кладбища: П'абонка и Сэрашаръ.

---

[1]) См. Waddell, op. cit., 88. Онъ говоритъ, что «лама, изгоняющій душу», называется *hpobo* (W. R.).

*

Желающіе похоронить покойника на первомъ кладбищѣ жертвуютъ 2—3 таньки монахамъ монастыря П'абонка на покупку чая, а погребающіе на второмъ платятъ одну таньку кладбищенскому сторожу, который, кромѣ этого, получаетъ еще постельное бѣлье и носильное платье умершихъ.

На каждомъ кладбищѣ имѣется большая каменная плита, на которую кладется обнаженное тѣло покойника лицомъ внизъ. Затѣмъ лама, проведя на тѣлѣ линіи, разрубаетъ его на куски, произнося при этомъ извѣстныя молитвы. Первые куски бросаются самому большому и старому ястребу изъ живущей обыкновенно на каждомъ такомъ кладбищѣ цѣлой стаи (*танькаръ*), а остатки—прочимъ ястребамъ. Эти ястребы такъ приручены, что прилетаютъ одинъ за другимъ по зову жреца. Наконецъ, раздробляется голова мертвеца, а кости въ мелко истолченномъ видѣ смѣшиваются съ мозгомъ и также раздаются ястребамъ [1]).

Послѣ этого совершаются куренія въ часть покойника. Для этого берется новый, еще не бывшій въ употребленіи глиняный сосудъ; этотъ сосудъ наполняется аргаломъ (сухой коровій пометъ), къ которому примѣшивается немного ячменной муки и масла; затѣмъ вся эта смѣсь зажигается и ставится въ томъ направленіи, куда, по предположенію, удалился духъ умершаго. Затѣмъ присутствовавшіе при погребеніи моютъ себѣ руки, послѣ чего, отойдя недалеко отъ кладбища, завтракаютъ, а въ полдень возвращаются домой. Въ продолженіе 49 дней послѣ кончины покойнаго ему продолжаютъ приносить пищу и питье въ его любимыхъ сосудахъ, и каждый день возжигаютъ куренія изъ ячменя, масла и колючекъ можжевельника.

Въ періодъ *бардо* (такъ называется время между днемъ смерти и днемъ возрожденія) духъ умершаго, по повѣрью, блуждаетъ, и чтобы избавить его на это время отъ страданій и бѣдствій, родные и близкіе покойнаго отбираютъ на 49-ый день нѣсколько предметовъ изъ его одѣянія, обуви, головныхъ уборовъ, денегъ и т. п. и, предварительно тщательно очистивъ ихъ и опрыскавъ шафранной водой, представляютъ всѣ эти предметы воплощенному ламѣ, который благословляетъ ихъ. Церемонія эта совершается обыкновенно тантрическимъ ламою и имѣетъ цѣлью отогнать всѣхъ злыхъ демоновъ и голодныхъ духовъ, которые посѣщаютъ домъ умершаго.

На седьмой день послѣ смерти совершаются особыя моленія о дарованіи благополучія умершему, при чемъ монахамъ раздается подаяніе, состоящее изъ денегъ, пищи, чая, золота и серебра. Это повторяется каждые семь

---

[1]) Ср. Land of the Lamas, p. 287(W. R.).

дней вплоть до истеченія 49 дней, когда дается большой обѣдъ всей общинѣ ламъ. Въ настоящее время однако богатые люди Лхасы обыкновенно раздаютъ милостыню монахамъ монастырей Сэра, Дабунъ и Гадань въ количествѣ 1 таньки каждому, уклоняясь отъ выполненія остальныхъ дорого стоящихъ обрядовъ. Кромѣ того, также дарятъ платье, принадлежавшее умершему, профессорамъ и настоятелямъ названныхъ монастырей. Нѣкоторые отказываютъ все свое состояніе въ пользу тѣхъ же монастырей или въ пользу наиболѣе прославившихся ламъ.

Похоронная процессія.

Обычай дѣлать завѣщанія существуетъ въ Тибетѣ съ очень давнихъ временъ. Каждый состоятельный человѣкъ дѣлаетъ завѣщаніе, отказывая движимое имущество своимъ дѣтямъ или друзьямъ и дѣлая въ завѣщаніи подробныя распоряженія относительно совершенія по немъ погребальныхъ обрядовъ и другихъ благочестивыхъ дѣлъ.

Обычай разрубать и отдавать тѣла умершихъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ является слѣдствіемъ основного убѣжденія тибетцевъ, что величайшая изъ добродѣтелей есть милосердіе. Человѣкъ, при погребеніи котораго слетается большое число ястребовъ, считается особенно добродѣтельнымъ и наоборотъ, если на трупъ слетается мало ястребовъ и если

даже и собаки не притрогиваются къ его оскверненнымъ остаткамъ, то это считается доказательствомъ порочной жизни усопшаго.

Тѣла беременныхъ и безплодныхъ женщинъ, а также тѣла прокаженныхъ укладываются въ кожаные мѣшки и бросаются въ воды Великой Цанъ-по. Тибетская пословица гласитъ: «Женщина, у которой умираетъ сынъ послѣ рожденія,—бѣло-безплодная *(рабъ-ча карпо)*; та, у которой умираетъ дочь послѣ рожденія,—отчасти безплодная (*рабъ-ча таво)*; женщина же, у которой вовсе не было дѣтей,—черно-безплодная (*рабъ-ча нагпо)*». Трупы такихъ женщинъ, равно какъ и трупы прокаженныхъ считаются особенно нечистыми, и потому ихъ не дозволяется оставлять въ предѣлахъ страны, и они должны быть или выброшены за девять холмовъ и долинъ или завернуты въ лошадиныя или бычачьи шкуры и брошены въ рѣку.

Тѣла умершихъ воплощенныхъ ламъ обыкновенно сжигаются, а пепелъ и кости кладутся въ чортэнь. Останки святыхъ, являющихся, по повѣрью, воплощеніями бодисатвъ и буддъ, сохраняются подобно египетскимъ муміямъ: ихъ бальзамируютъ или солятъ и затѣмъ помѣщаютъ въ сидячемъ положеніи въ золотой, серебряный или мѣдный чортэнь, при чемъ имъ придаютъ созерцательную позу, какая обычно придается статуямъ Будды. Эти воплощенные ламы передъ своей смертью указываютъ, гдѣ, когда и въ какой семьѣ вновь воплотятся ихъ души; указываютъ они также имя и національность этой семьи и даютъ наставленія относительно совершенія обрядовъ и церемоній, чтобы вымолить имъ благополучіе послѣ смерти.

Въ случаѣ смерти Далай-ламы или Таши-ламы, прекращаются на семь дней занятія во всѣхъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, всѣ работы и торговая дѣятельность. Женщинамъ запрещается въ теченіе 30 дней носить драгоцѣнныя вещи, и, кромѣ того, какъ женщинамъ, такъ и мужчинамъ не дозволяется въ теченіе того же срока надѣвать новые костюмы. Ламы и монахи въ такихъ случаяхъ носятъ десятидневный трауръ и въ теченіе этого времени не бреютъ головы и не носятъ во время богослуженія церковныхъ головныхъ уборовъ. Всѣ классы общества воздерживаются на это время отъ всякаго рода увеселеній, празднествъ, спорта и физическихъ упражненій. Такой общій трауръ полагается лишь въ случаѣ кончины двухъ названныхъ высшихъ іерарховъ тибетской церкви; въ случаѣ же смерти настоятелей монастырей или главъ семей трауръ носятъ только друзья и монахи, стоявшіе близко къ покойному. Люди богатые и уважаемые въ теченіе года послѣ смерти своихъ родителей не принимаютъ участія

въ брачныхъ церемоніяхъ или какихъ-либо празднествахъ, равно какъ и не предпринимаютъ въ теченіе года далекихъ поѣздокъ.

У сиккимскихъ буддистовъ тѣла умершихъ сжигаются. На четвертый день послѣ сожженія лама совершаетъ *тусолъ* [1]), или церемонію омовенія, состоящую въ томъ, что съ мѣста, на которомъ совершено было сожженіе трупа, убираютъ пепелъ, разные остатки и т. п. и омываютъ это мѣсто водою; затѣмъ остатки [2]) кладутся въ урну, которая ставится въ чортэнь;

Разсѣченіе трупа на части.

пепелъ же бросаютъ въ какой-нибудь горный потокъ, напримѣръ, въ Тисту или Рунгитъ. Остатки ламъ и важныхъ особъ превращаются въ порошокъ и смѣшиваются съ глиною; затѣмъ изъ этой массы при помощи особыхъ формъ вылѣпляются маленькіе чортэни, которые хранятся въ священныхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ монастыряхъ, храмахъ, пещерахъ и т. п. На седьмой день совершается погребальная церемонія, называемая *тэньзунъ*.

---

[1]) *Туйсолъ* (*bkrus*—„омовеніе", *gsol*—„молиться") или „очистительная церемонія" совершается буддистами во многихъ случаяхъ и для различныхъ цѣлей (W. R.).

[2]) Здѣсь, повидимому, разумѣется то, что останется послѣ сожженія трупа. (W. R.).

Всѣ родные и сосѣди приглашаются на погребальный пиръ. Вечеромъ всѣ злые духи, которые, по повѣрью, присутствуютъ при кончинѣ умершаго, изгоняются тантрическимъ жрецомъ, которому въ этомъ помогаютъ гости оглушительными криками.

Врачи Тибетскаго нагорья, какъ мнѣ говорили, открыли въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, а также въ мясѣ и желчи нѣкоторыхъ животныхъ и даже въ ихъ испражненіяхъ столь цѣлебныя свойства для лѣченія различныхъ болѣзней, что если только сообщенныя мнѣ на этотъ счетъ свѣдѣнія справедливы, врачи цивилизованныхъ народовъ будутъ поражены чудеснымъ дѣйствіемъ этихъ лѣкарствъ. Столь замѣчательными успѣхами своей медицины тибетцы не обязаны ни китайцамъ ни индійцамъ [1]). Ихъ медикаменты по большей части туземнаго происхожденія, а ихъ открытія въ области медицины являются результатомъ ихъ собственнаго опыта. Огромное большинство докторовъ и лѣкарей у монголовъ и другихъ сосѣднихъ съ Тибетомъ племенъ—тибетцы.

О лѣченіи оспы тибетскіе доктора имѣютъ весьма слабое понятіе; впрочемъ они дѣлаютъ оспопрививаніе, а врачами Сѣвернаго Китая открытъ даже новый способъ совершенія этой операціи. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Выбирается наилучшая лимфа изъ легкихъ, свѣтлыхъ оспенныхъ пузырей здороваго ребенка; затѣмъ эту лимфу смѣшиваютъ съ камфарнымъ масломъ и вдуваютъ при помощи трубочки въ ноздрю человѣку, которому дѣлается прививка [2]). Выборъ лимфы, отъ которой зависитъ здоровье паціентовъ, требуетъ большой осторожности и опыта. Вѣтряная оспа появляется только въ легкой формѣ и проходитъ обыкновенно безъ всякаго лѣченія.

Водобоязнь очень распространена въ Тибетѣ, Монголіи и Китаѣ. По народному повѣрью, болѣзнь эта проявляется, въ зависимости отъ масти собаки, въ теченіе времени отъ 7 дней до 18 мѣсяцевъ послѣ укушенія;

---

[1]) Нашъ авторъ здѣсь не совсѣмъ правъ, такъ какъ тибетцы заимствовали большую часть лѣкарствъ изъ Китая и Индіи; большинство изъ ихъ медицинскихъ сочиненій чисто китайскія или индійскія. Я вообще не думаю, чтобы тибетцы были болѣе свѣдущи въ медицинѣ, чѣмъ китайцы, которые въ сущности тоже въ ней ничего не смыслятъ. Тибетскія лѣкарства въ большомъ ходу среди китайцевъ и монголовъ. О медицинскихъ познаніяхъ тибетцевъ см. Journ. As. Soc. Bengal, IV, p. I et sqq. (W. R.). Для ознакомленія съ характеромъ тибетскихъ медицинскихъ сочиненій можетъ служить переводъ части одного изъ нихъ—Зави-Джюдъ (Маллига), сдѣланный калмыкомъ Дамбо Ульяновымъ („Первая часть тибетской медицины Зави-Джюдъ или Маллига". Изд. II, Спб., 1903). (*ред.*).

[2]) Это обыкновенный китайскій способъ оспопрививанія. (W. R.).

вліяетъ также время дня, когда человѣкъ былъ укушенъ. Для предупрежденія этой болѣзни имѣются болѣе или менѣе дѣйствительныя средства. Прежде всего какъ можно скорѣе накладываютъ повязку на четыре пальца выше раны; затѣмъ ядъ извлекаютъ изъ раны при помощи всасывающаго аппарата, называемаго *Rnyabs-ras* и похожаго на индійскія банки, послѣ чего больному пускаютъ кровь. Если больной является къ врачу на другой день послѣ укушенія, послѣдній только прижигаетъ рану и смазываетъ ее мазью, приготовленной изъ масла, желтаго инбиря, ядовитой луковицы, называемой *бонь-ня*, и мускуса.

Въ Нижнемъ Конбо, Побо, Пэмакіодѣ и другихъ горныхъ областяхъ южнаго Тибета, а также въ Непалѣ, Сиккимѣ и Бутанѣ, по южную сторону Гималаевъ, самымъ распространеннымъ видомъ болѣзни является зобъ. Объясняется это содержаніемъ въ водѣ, которую пьютъ туземцы, большого количества извести. Тибетскіе доктора различаютъ шесть видоизмѣненій этой болѣзни, которыя соотвѣтственно излѣчиваются прижиганіемъ, пусканіемъ крови изъ яремной вены, находящейся за ухомъ, а также изъ опухшаго мускула зоба и употребленіемъ особаго лѣкарства, приготовляемаго изъ сушенаго горла яка или овцы, сушеной рыбы, различныхъ солей, Piper longum и перца и истолченной въ порошокъ раковины; при приготовленіи этого лѣкарства всѣ перечисленныя вещества сжигаются въ герметически закупоренномъ сосудѣ.

Случаи укушенія змѣями рѣдки въ Верхнемъ Тибетѣ, но въ нижней долинѣ Великой Цанъ-по, а также по западной границѣ съ Китаемъ [1]) водится много змѣй. Укушенія змѣй лѣчатся такъ же, какъ и водобоязнь, —накладываніемъ перевязокъ выше укушеннаго мѣста и извлеченіемъ яда изъ раны. Затѣмъ рана промывается кислымъ или обыкновеннымъ молокомъ, при чемъ особенно хорошо дѣйствуетъ верблюжье молоко [2]). Въ Центральной Азіи существуетъ повѣрье, что, если змѣя укуситъ верблюда, она моментально околѣваетъ, верблюдъ же остается невредимъ. Если послѣдствіемъ укушенія не является жаръ, то рану слѣдуетъ прижигать. Кромѣ того, примѣняются также и внутреннія лѣкарства, состоящія главнымъ

---

[1]) Нашему автору дали невѣрныя свѣдѣнія. Змѣй вдоль западной границы Китая очень мало, а въ особенности ядовитыхъ (W. R.).

[2]) Молоко верблюда, вѣроятно, достать очень трудно, такъ же, какъ и молоко слона, которое равнымъ образомъ считается очень цѣннымъ лѣкарствомъ (W. R.).

образомъ изъ кардамона, мускуса, перца и другихъ туземныхъ снадобій. Народъ племени Glak-los (дикій народъ) [1]) въ области Пэмакіодъ немедленно отрѣзаетъ укушенную часть или укушенный членъ тѣла, если это оказывается возможнымъ, послѣ чего къ ранѣ прикладываютъ мускусъ или желчь медвѣдя и затѣмъ рану бинтуютъ. Племя Лало употребляетъ змѣй въ пищу, но при этомъ не ѣдятъ головы и хвоста, считая ихъ ядовитыми.

Въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ, когда въ Лхасѣ происходятъ большія молитвенныя собранія (*моньламъ*), въ городѣ иногда появляется особая очень заразная болѣзнь, которая, благодаря большому стеченію тамъ народа, уноситъ много жертвъ. При несоотвѣтственномъ лѣченіи больной обыкновенно умираетъ въ теченіе первыхъ десяти дней, но если онъ проживетъ 13 дней, можно надѣяться на выздоровленіе. Тибетскіе врачи, путемъ тщательнаго изученія этой болѣзни въ различныхъ ея стадіяхъ, достигли замѣчательнаго искусства въ лѣченіи ея помощью туземныхъ лѣкарствъ.

Главною болѣзнью, отъ которой больше всего страдаетъ и гибнетъ народъ въ Лхасѣ, Шигацэ и другихъ городахъ и монастыряхъ Тибета, является параличъ [2]).

Тибетскіе врачи различаютъ пять родовъ этой болѣзни, при чемъ, по ихъ наблюденіямъ, первые симптомы ея обнаруживаются обыкновенно 4, 8, 11, 15, 18, 22, 25 и 29 чиселъ луннаго мѣсяца. Лица, старше шестидесятилѣтняго возраста, въ случаѣ пораженія ихъ параличемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ умираютъ. Болѣе легкіе случаи паралича излѣчиваются при надлежащемъ и правильномъ лѣченіи.

Въ большей части странъ Центральной Азіи очень распространена проказа. Эта болѣзнь въ различныхъ мѣстностяхъ называется различно: *glud-nad*, т. е. «змѣиная болѣзнь», и *mje-nad* [3]), т. е. «разъѣдающая болѣзнь». Происхожденіе этой болѣзни народное повѣрье приписываетъ дѣйствію различныхъ причинъ, какъ дѣйствительныхъ, такъ и воображаемыхъ: раскапывая зараженную землю, гдѣ водятся ядовитыя змѣи, поднимая камни, подъ которыми ютятся эти гады, срубая ядовитыя деревья, проли-

[1]) Вѣроятно, это то же самое, что и ло-тава, т. е. обнаженные лопа, о которыхъ упоминаетъ лама Шэрапъ-чжяцо; см. выше, стр. 160.

[2]) Нашъ авторъ называетъ эту болѣзнь gzah-nad. Jaeschke, Tib.-engl. Dict., передаетъ этотъ терминъ словомъ „апоплексія", прибавляя при этомъ, что въ западномъ Тибетѣ подъ этимъ именемъ разумѣется только эпилепсія (W. R.).

[3]) *Klu nad* или *Kliu-gnod-nad* указываетъ на то, что нага („драконы, змѣи") разносятъ эту болѣзнь. *Mje-nad*—иначе *mdje-nad* (W. R.).

вая на пылающій огонь чай, воду, различныя варева и т. п., люди раздражаютъ нага и злыхъ духовъ какъ подземнаго, такъ и надземнаго міровъ, которые стремятся погубить родъ человѣческій. Они распространяютъ эту гибельную болѣзнь своимъ дыханіемъ, заражаютъ своимъ ядовитымъ прикосновеніемъ или злобнымъ взглядомъ, или, наконецъ, насылаютъ болѣзнь одною силою своихъ злыхъ желаній. Защитою отъ всѣхъ этихъ бѣдствій служитъ волшебное знамя [1]). Обитатели Центральной Азіи обыкновенно разставляютъ такія знамена съ написанными на нихъ заклинаніями около своихъ жилищъ или на самыхъ домахъ, такъ какъ существуетъ повѣрье, что эти знамена мѣшаютъ нага проникать въ домъ. Кромѣ того, проказа, по повѣрью, можетъ явиться еще слѣдствіемъ грѣховъ, совершенныхъ въ прежнихъ перерожденіяхъ [2]). Болѣзнь эта вызывается также невоздержностью въ пищѣ и вообще неправильнымъ образомъ жизни, такъ какъ отъ этого количество черной и желтой жидкостей въ тѣлѣ увеличивается, что въ свою очередь и вызываетъ заболѣваніе. Всего различаютъ 18 видовъ проказы. Лѣченіе этой болѣзни состоитъ въ томъ, что больному даютъ различныя пилюли, приготовленныя изъ разныхъ туземныхъ снадобій, и, кромѣ того, самъ больной или докторъ поютъ гимны и мантры въ честь Будды Вачжрапани, грознаго божества, являющагося могущественнымъ побѣдителемъ всѣхъ демоновъ и нага.

Водянка вообще рѣдко встрѣчается на Тибетскомъ нагорьѣ, однако въ южныхъ и восточныхъ областяхъ Тибета заболѣванія водянкою довольно часты и являются слѣдствіемъ неумѣреннаго питья воды въ разгоряченномъ состояніи, лежанія на сырой землѣ, вообще простуды и недостаточнаго питанія, что вызываетъ вялость желудка. Извѣстны двѣнадцать видовъ водянки, которые можно раздѣлить на двѣ главныя группы, называемыя соотвѣтственно «горячею» и «холодною жидкостью». Лучшимъ лѣкарствомъ отъ этой болѣзни считается пепелъ, получаемый отъ сжиганія костей, но предписываются также и другія лѣкарства, въ составъ которыхъ входитъ виноградъ, корица, окись желѣза, гранатовыя яблоки (кожица), известь и другіе ингредіенты [3]).

---

[1]) Объ этихъ знаменахъ, называемыхъ *лунъ-та* („вѣтряныя лошади"), неоднократно упоминалось выше (W. R.).

[2]) Это одинаково можетъ относиться ко всѣмъ болѣзнямъ, на которыя буддисты смотрятъ, какъ на наказаніе за грѣхи, совершенные въ прежней жизни.

[3]) Jaeschke, op. cit., называетъ эту болѣзнь *pags chu* („кожная вода"), *snying chu* („сердечная вода") и *dmu chu* („вода, особенно въ желудкѣ и груди") (W. R.).

Диспепсія *(падъ-кау)* является одною изъ самыхъ распространенныхъ болѣзней въ Тибетѣ, и туземные врачи насчитываютъ до 43 видовъ этой болѣзни.

Зубныя болѣзни также составляютъ заурядное явленіе среди тибетцевъ. Причиною этого является чрезвычайная суровость климата и низкая температура воды. Жители отдаленныхъ провинцій Чанъ-тана обыкновенно къ 30 годамъ уже теряютъ зубы.

Среди распространенныхъ въ Тибетѣ игръ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, *мигъ-манъ* («много глазъ»), похожая на наши шахматы, *сридъ-пай к'орло* («кругъ жизни») [1]) и кости, разрѣшены даже духовенству. Другія же игры, какъ, напримѣръ, борьба, стрѣльба изъ лука, поло, пѣшіе и конные бѣга и т. п., дозволены лишь народу. Равнымъ образомъ ламамъ не разрѣшается заниматься пѣніемъ и танцами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ дней, напримѣръ, дней новогоднихъ празднествъ.

Въ половинѣ лѣта какъ простой народъ, такъ и знатныя лица разбиваютъ въ полѣ палатки и въ теченіе нѣсколькихъ дней устраиваютъ тамъ различныя игры и пирушки, танцуютъ, поютъ и т. п.

Въ восьмой лунѣ бываютъ праздники [2]), называемые *чжонь-чжю*; они продолжаются 7, 14, а иногда и 21 день. Во время этихъ праздниковъ устраиваются различныя увеселенія, игры, танцы и т. п., въ которыхъ принимаютъ участіе какъ простой народъ, такъ и ламы. Этотъ праздникъ соблюдается во всѣхъ сѣверныхъ буддійскихъ странахъ.

Во второй половинѣ 12-й луны [3]), въ каждомъ монастырѣ устраивается танецъ ламъ, послѣ котораго совершается заклинаніе злыхъ духовъ.

Иногда празднуются 4-е число шестой луны и 22-е девятой, при чемъ

---

[1]) Игра эта, изобрѣтенная однимъ изъ Паньчэнь-риньпочэ, состоитъ въ томъ, что играющіе, посредствомъ бросанія костей, выигрываютъ себѣ мѣста въ раю или въ аду (S. C. D.). Нашъ авторъ упоминаетъ также объ игрѣ, которую онъ называетъ *тэ-пи*, но, къ сожалѣнію, не указываетъ, въ чемъ состоитъ эта игра. См. также Report U. S. National Museum, 1893, p. 723 (W. R.).

[2]) Китайскіе авторы говорятъ, что во время 7-й и 8-й лунъ тибетцы разставляютъ свои палатки вдоль береговъ рѣкъ, и женщины и мужчины купаются вмѣстѣ въ рѣкѣ, что является символомъ очистительныхъ церемоній, совершаемыхъ въ 13 день 3-го мѣсяца (въ Китаѣ). Journ. Roy. Asiat. Soc., XXIII, p. 213 (W. R.).

[3]) Въ 29-й день луны (W. R.).

послѣднее число считается годовщиной сошествія Будды изъ неба Тушита [1]).

Лѣтомъ, начиная съ іюльскаго полнолунія, въ теченіе 45 дней всѣ ламы уединяются въ своихъ монастыряхъ; въ теченіе этого времени имъ не разрѣшается выходить за стѣны монастыря и принимать участіе въ увеселеніяхъ. Этотъ обычай извѣстенъ подъ названіемъ *yar-nas* [2]).

Дни рожденія Далай-ламы и Таши-ламы также считаются праздничными. Кромѣ того, происходятъ большія торжества въ тѣ дни, когда этимъ ламамъ исполняется 3, 25, 49, 61, 73 и 85 лѣтъ.

Въ случаяхъ солнечнаго или луннаго затменій тибетцы совершаютъ религіозныя церемоніи, похожія на церемоніи, исполняемыя въ подобныхъ случаяхъ у индійцевъ.

Изъ всѣхъ праздниковъ самыми популярными являются праздники новаго года.

Въ Ліасѣ правительство начинаетъ приготовленія къ этимъ празднествамъ почти за мѣсяцъ впередъ.

Кухня великаго ламы находится въ большомъ желтомъ зданіи, называемомъ П'оданъ сэрпо или Чжагъ-мингъ-к'анъ *(ljags-ming-khang)* и расположенномъ къ востоку отъ дворца. Поварскія печи украшены золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; стоимость ихъ исчисляется въ 20.000 рупій; вся кухонная утварь сдѣлана изъ массивнаго золота. Масло и молоко для стола великаго ламы доставляется изъ стада чжомо (полукровныхъ яковъ), принадлежащихъ Далай-ламѣ. При встрѣчѣ съ этимъ

---

[1]) Нашъ авторъ упоминаетъ также о слѣдующихъ праздникахъ:

15	день 1-й	луны	—день рожденія Будды.
15	„ 3-й	„	—первая проповѣдь тантры о Калачакра.
8	„ 4-й	„	—Будда дѣлается нищимъ.
15	„ 4-й	„	—погруженіе Будды въ нирвану.
5	„ 5-й	„	—праздникъ бога медицины.
4	„ 6-й	„	—первая проповѣдь Будды.
10	„ 7-й	„	—рожденіе Падма Самб'авы (Падма-чюнъ-насъ).
15	„ 7-й	„	—поклоненіе снѣжнымъ горамъ.
25	„ 10-й	„	—рожденіе Цонк'апы.

Ср. Waddell, op. cit., p. 502 (W. R.).

[2]) Въ южныхъ буддійскихъ странахъ извѣстенъ подъ названіемъ *варша* или *барсатъ*. *Yar* то же, что *dbyar* (обыкновенно произносится *чяръ*)—„лѣто“ и *nas (gnas)*—„жилище“. Я не думаю, чтобы этотъ обычай соблюдался повсюду. Ср. Waddell, op. cit., p. 224 (W. R.).

стадомъ, народъ снимаетъ шляпы и кланяется животнымъ. Этихъ яковъ пасутъ, доятъ, а также сбиваютъ масло изъ ихъ молока 20 цэ-дуновъ (ламъ-чиновниковъ).

При приближеніи новаго года пять ламъ готовятъ для великаго ламы пирожныя и яства, при чемъ на время этой работы имъ накладывается на ротъ шелковая тряпочка, сложенная въ 8 разъ, для того, чтобы они не осквернили кушаній своимъ дыханіемъ. Въ деревнѣ Шэдо-к'анъ, находящейся у подножія Поталы, 200 или 300 человѣкъ занимаются приготовленіемъ пирожныхъ и печенія для чиновниковъ, ламъ и народа; вообще всѣ отъ богатыхъ до самыхъ бѣдныхъ дѣятельно готовятся къ этому празднику.

15-го числа двѣнадцатой луны 200 рабочихъ начинаютъ мыть стѣны Поталы; эта работа продолжается въ теченіе трехъ дней. Послѣ ея окончанія, но не раньше, населенію разрѣшается мыть стѣны своихъ домовъ, и нѣтъ такого бѣдняка, который бы въ это время не обновилъ извнѣ своего жилища.

18 числа всѣ присутственныя мѣста закрываются на 50 дней. Начинаютъ строить шалаши для народа, массами стекающагося на *моньламъ чэньпо* («великое молитвенное собраніе») [1]), которое открывается въ день новаго года и продолжается цѣлый мѣсяцъ, при чемъ многіе изъ должностныхъ лицъ часто посѣщаютъ въ это время Цэдунъ-линга, прекрасный паркъ, расположенный къ югу отъ города; въ паркѣ находится китайскій ресторанъ, при которомъ содержится нѣсколько пѣвицъ и танцовщицъ, называемыхъ здѣсь *тунъ-шэма*, т. е. «пьющія дамы».

22 числа во всѣхъ монастыряхъ и во многихъ свѣтскихъ домахъ приготовляются жертвы *торма*, которыя на слѣдующій день подносятся домашнимъ божествамъ. Затѣмъ народъ купается и готовится къ поздравительнымъ визитамъ, которые начинаются съ 27 числа.

29 числа каждый домохозяинъ производитъ общую чистку всего дома, при чемъ весь соръ и грязь выбрасываетъ на перекрестки дорогъ; при этомъ предполагается, что, выбрасывая мусоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ удаляютъ отъ себя всѣ грозящія бѣды и несчастья.

Рано утромъ 29 числа на большомъ дворѣ Поталы и другихъ храмовъ разставляются большіе красиво убранные шатры, каждый вмѣстимостью на 300—400 человѣкъ. Посреди каждаго шатра устраиваются особыя воз-

---

[1]) Это собраніе установлено Цонк'апою въ 1407 г. Csoma, op. cit., p. 187 (W. R.).

вышенія въ видѣ эстрадъ изъ покрытаго рѣзьбою и позолоченнаго сандаловаго дерева, на которыхъ разсаживаются настоятели монастырей, ламы и другіе почетные гости, а на болѣе низкихъ сидѣніяхъ располагаются остальные гости. Немного поодаль отъ этихъ эстрадъ размѣщаются еще нѣсколько ламъ; передъ ними ставятся небольшіе столики сандаловаго дерева, на которыхъ помѣщаются различные музыкальные инструменты и приборы, употребляющіеся при церковныхъ церемоніяхъ, какъ, напримѣръ, дорчжэ, колокольчики, дамару и др. По окончаніи вступительнаго богослуженія начинается большой черношапочный танецъ, о которомъ уже упоминалось выше [1]).

Число танцоровъ достигаетъ 80; они одѣты въ костюмы изъ бѣлаго, краснаго и зеленаго атласа. Каждый танцоръ въ лѣвой рукѣ держитъ деревянный черепъ, а въ правой—родъ небольшой палицы, съ которой свѣшиваются пять шелковыхъ шарфовъ различныхъ цвѣтовъ. Въ теченіе получаса танцоры прыгаютъ и скачутъ, дико размахивая руками, послѣ чего вдругъ раздается дикій крикъ и появляется вторая группа танцоровъ въ маскахъ. Эти танцоры называются *камбабъ*. Они изображаютъ собою различныя божества; видъ у большинства изъ нихъ въ высшей степени безобразный. Они продолжаютъ такой же дикій танецъ подъ звуки кимваловъ, барабановъ и флейтъ въ продолженіе около двухъ часовъ.

Когда наконецъ камбабы оканчиваютъ свою пляску, на смѣну имъ появляются четыре скелетоподобныя фигуры: это *дурдаги*, или «владѣтели кладбищъ», которые также исполняютъ свой танецъ. За ними слѣдуетъ еще 16 фигуръ, изображающихъ индійскихъ *ацаръ*, которые возбуждаютъ въ народѣ дикое веселье своими костюмами и кривляніями. Затѣмъ появляются танцоры съ оленьими головами и, наконецъ, еще разъ выходятъ черношапочные танцоры, при чемъ каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ кимвалъ или барабанъ, и этимъ танецъ заканчивается.

По окончаніи танца ламы, отправлявшіе утреннее богослуженіе, отправляются торжественной процессіей выбрасывать жертвенную торму. Процессію сопровождаютъ 500 солдатъ и 24 флагоносца. Трое ламъ несутъ впереди на желѣзномъ треножникѣ торму изъ цамбы, имѣющую пирамидальную форму, высотою около 10 футовъ. Торма эта окрашена въ красный цвѣтъ; края ея выдаются впередъ и должны изображать пламя; на верхушкѣ ея часто помѣщается черепъ, сдѣланный изъ цамбы. Трое другихъ ламъ несутъ

---

[1]) См. стр. 149.

на большомъ желѣзномъ подносѣ, установленномъ также на треножникѣ скелетъ изъ цамбы. Эта процессія проходитъ такъ съ милю отъ храма до извѣстнаго мѣста, гдѣ заранѣе устраивается изъ хвороста или соломы родъ сарая (*хомъ-к'анъ*); сюда складываются принесенные торма и скелетъ и за тѣмъ все вмѣстѣ предается пламени.

Когда огонь вырывается изъ сарая, флагоносцы опускаютъ свои флаги и со всѣхъ ногъ бѣгутъ обратно къ монастырю, чтобы спастись отъ нападенія злыхъ духовъ, а солдаты начинаютъ стрѣлять изъ ружей въ огонь, чтобы воспрепятствовать злыхъ духамъ выйти изъ пламени, въ которомъ они, какъ предполагается, должны сгорѣть [1]).

Въ 30 день мѣсяца, т. е. въ канунъ самаго новаго года, вечеромъ во всѣхъ домахъ происходитъ генеральная чистка и уборка, при чемъ въ каждой домашней часовнѣ совершаются жертвоприношенія и возліянія. Стѣны, колонны, притолки и пр. моются сывороткой. На деревянныхъ полахъ комнатъ рисуютъ краской лотусъ, изображеніе человѣческихъ пальцевъ или когтей животныхъ; иногда же обжигаютъ голову овцы, при чемъ глаза, уши и носъ ея разрисовываются въ пять цвѣтовъ красками, смѣшанными съ масломъ. Это, по повѣрью, дѣйствительное средство для обезпеченія счастья; полагаютъ, что этотъ обычай существовалъ въ странѣ еще въ до-буддійскій періодъ.

Вечеромъ весь городъ иллюминуется, и иллюминація продолжается три ночи подрядъ.

День новаго года называется *чжялпо ло саръ*, или «новый годъ царя». Въ этотъ день у великаго ламы происходитъ большой пріемъ. Доньнѣръ чэньпо, или великій камергеръ, открываетъ церемонію пожеланіемъ ламѣ всяческаго счастья и благополучія (*Тра-ши дэ лэгъ п'унь-сумъ цогъ*) и поднесеніемъ ему вина и цамбы. Великій лама отвѣчаетъ: «*Тань-ду дэ-ва тобпаръ шогъ*» и, омочивъ свой палецъ въ винѣ, кропитъ вокругъ, какъ бы дѣлая возліяніе, затѣмъ пробуетъ цамбу. Затѣмъ Далай-лама при звукѣ трубъ занимаетъ свое мѣсто на тронѣ въ большомъ залѣ, а всѣ министры и духовныя власти разсаживаются по старшинству. Тогда приносится чай, а затѣмъ *тома* (родъ тибетскаго краснаго картофеля, свареннаго въ

---

[1]) Я былъ свидѣтелемъ многихъ такихъ *курмъ* или «церемоній золоченыхъ подношеній», но нигдѣ не видѣлъ такихъ величественныхъ, какія бываютъ въ Лхасѣ. Рисунокъ такой процессіи въ Лхасѣ помѣщенъ у Georgi, op. cit., p. 212 (W. R.).

маслѣ и подслащеннаго сахаромъ)[1]). По окончаніи пира, каждый изъ присутствующихъ даритъ его святѣйшеству по шарфу (к'атагъ), длиною около 18 футовъ, а тотъ въ свою очередь преподаетъ каждому благословеніе.

Тѣмъ временемъ внѣ залы происходитъ «танецъ счастливой судьбы» (*тра-ши-ги гаръ*), въ которомъ принимаютъ участіе около 20 мальчиковъ 8-лѣтняго возраста; присутствуютъ при танцѣ низшія должностныя лица, напримѣръ, дунк'оры.

Въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ домѣ хозяинъ, его жена и дѣти принимаютъ поздравленія отъ всѣхъ своихъ родственниковъ, подчиненныхъ и друзей и, съ своей стороны, угощаютъ ихъ виномъ. Когда новогоднее вино уже роспито, призываются миссэры (крѣпостные), которые поютъ различные гимны и куплеты.

Въ новый годъ тибетцы тщательно наблюдаютъ различныя примѣты. Для человѣка, которому въ близкомъ будущемъ предстоитъ какая-либо поѣздка, лучшимъ предзнаменованіемъ считается встрѣтить молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Видѣть знамя, флагъ, доеніе коровы, людей, несущихъ сосуды, наполненные водою или другой какой-либо жидкостью, лѣсъ, заготовленный для постройки дома, или дрова,—все это считается добрымъ предзнаменованіемъ; хорошо также видѣть мертвое тѣло въ гробу. Встрѣтить хорошо одѣтаго человѣка или друга, услышать счастливое имя также считается хорошимъ знакомъ. Видѣть же нищаго, оборванца, пустой сосудъ, лицъ, спускающихся съ холма или несущихъ въ рукахъ обувь, осѣдланную лошадь безъ сѣдока, слышать ругань,—все это предвѣщаетъ несчастье[2]).

Въ новый годъ на улицахъ и по домамъ появляются танцующіе нищіе (*дрэ-каръ*). Они носятъ маски, изображающія обыкновенно чернаго дьявола съ косматой бѣлой бородой, съ раковинами на мѣстѣ бровей, вокругъ лица, а иногда и на обѣихъ щекахъ. Они танцуютъ и выкидываютъ разныя штуки для забавы гостей, которыхъ въ этотъ день можно встрѣтить въ каждомъ домѣ на новогоднемъ завтракѣ[3]).

---

[1]) *Тома*—это *дрома* (или *дома*)—корень растенія Potentilla anserina; въ Восточномъ и Сѣверо-восточномъ Тибетѣ его называютъ *чуома*. Это мучнистое растеніе и вкусомъ напоминающее скорѣе бобъ, а не картофель. Длиною оно около $1^1/_2$ дюйма (W. R.).

[2]) Всѣ эти хорошія и дурныя предзнаменованія сохраняютъ свое значеніе во всякое время года (W. R.).

[3]) Я видѣлъ этихъ ряженыхъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ. См. Land of the Lamas, 246 (W. R.).

Послѣ полудня почти въ каждомъ домѣ бываетъ пирушка, при чемъ послѣ угощенія часто происходятъ танцы (*шабдо*), въ которыхъ принимаютъ участіе гости, какъ мужчины, такъ и женщины, при чемъ сначала танцуютъ однѣ женщины, затѣмъ одни мужчины и, наконецъ, тѣ и другіе вмѣстѣ [1]).

Новогоднія празднества оканчиваются на третій день въ полдень; къ этому времени монахи большихъ монастырей собираются въ Кьнлъ-к'ординѣ (Чжо-к'анѣ), чтобы послушать толкованіе вѣры великимъ ламою. Въ каждый изъ послѣдующихъ дней до 24 числа происходятъ большія молитвенныя собранія, называемыя *моньламъ чэньпо*.

Въ полдень третьяго дня Цогъ-чэнь Шалніо монастыря Дабунъ вступаетъ въ управленіе Лхасою на слѣдующіе полтора мѣсяца. Предварительно онъ извѣщаетъ полицейскихъ мѣстныхъ властей о своемъ вступленіи въ должность, и съ этого момента ему единолично передаются всѣ права по управленію городомъ, даже права калоней [2]).

---

[1]) На второй день новаго года, всѣ жители собираются вмѣстѣ, чтобы посмотрѣть на фокусы, исполняемые двумя лицами; каждый изъ этихъ фокусниковъ поочередно садится на деревянное сѣдло и скатывается внизъ по крѣпкому канату, протянутому отъ крѣпостной стѣны къ столбу, врытому въ землю на девять футовъ. См. A—k, Report on the Explorations etc., p. 33. Ср. также Jour. Roy. Asiat. Soc., n. s., XXIII, 209, и Report on lama U. G.'s Exploration', 23., гдѣ мы читаемъ, что на второй день новаго года оракулъ Начунъ чойчжіонъ предсказываетъ, что случится въ наступающемъ году. См. также Huc, Souvenirs d'un voyage, II, p. 375 (W. R.)

[2]) Ср. записки ламы Учжѣнь-чжлцо объ управленіи Шалніо въ „Report on Explorations from 1856 to 1886", p. 32, также у A—k, op. cit., 33. Huc., op cit., II, p. 380. Это правленіе Шалніо послѣдній называетъ „Lha-ssa Morou", но говоритъ, что оно дѣйствуетъ только въ теченіе шести дней; однако всѣ другіе авторы единогласно утверждаютъ, что правленіе столицею передается Дабунскому ламѣ на мѣсяцъ (W. R.). *Ц'огъ-чэнь Шалніо* (Tshogs ch'en z'al-nyo)—главный судья монастыря Дабунъ (*ред.*).

УКАЗАТЕЛЬ

къ плану Лхасы, составленному Waddell'емъ.

---

1. Чжо-во-к'анъ (Чжо-к'анъ), главный храмъ Лхасы.
2. Потала, резиденція Далай-ламы.
3. Норбу-линга, лѣтняя его резиденція.
4. Дворецъ его матери для пріемовъ.
5. Лха-лу, дворецъ («рай») его родителей.
6. Домъ перваго министра (калонъ).
7. Тэньчжѣ-линъ, резиденція нынѣшняго регента (чжялъ-бо).
8. Цомьо-линъ, » бывшаго »
9. Кунду-линъ, » » »
10. Резиденція китайскихъ амбаней.
11. Холмъ Бамо (бонба) съ китайскимъ храмомъ.
12. Холмъ Чагпо-ри (Чагъ-па) съ медицинской школою.
13. Тронный садъ (Шуктри) съ каменнымъ или кирпичнымъ сидѣніемъ для великаго ламы.
14. Заросли, которыя, по преданію, посѣтилъ Будда Шакьямуни.
15. Храмъ драконовъ, окруженный рвомъ и соединенный плотиною съ находящимся къ востоку болотомъ.
16. Небольшая каменная колонна близъ резиденціи чиновника дунк'оръ.
17. Мѣсто лагерной стоянки войскъ, отправляющихся въ первомъ мѣсяцѣ года на скаковое поле.
18. Храмъ Рамочэ.
19. Высшая мистическая школа.
20. Храмъ будды Амитаб'ы.
21. Канъ-да к'ансаръ.
22. Резиденція низложеннаго регента Рэтинъ, ламы монастыря Сэра, умершаго въ изгнаніи въ Китаѣ около 1860 г. Нынѣ здѣсь помѣщается академія.

*

23. Залъ собраній торговцевъ.
24. Перекрестокъ Намъ-дэ-лэ.
25. Резиденція матери покойнаго Далай-ламы.
26. Чанъ-ло-чэнь.
27. Китайскій ресторанъ.
28. Тибетскій ресторанъ.
29. Тюрьма.
30. Зданіе для пытокъ.
31. Рынокъ для продажи гончарныхъ издѣлій.
32. Чжя-бумъ-ганъ .
33. Низшая мистическая школа.
34. Храмъ Миру.
35. Резиденція генерала (дахпоня), посѣтившаго Дарджилинъ въ 1892 г. (Nga-pö-sa).
36. Караульное зданіе.
37. Кожевенный заводъ.
38. П'унь-канъ.
39. Жилище придворнаго астролога, имѣющаго 100 учениковъ.
40. Рынокъ для продажи шорныхъ издѣлій изъ Восточнаго Тибета.
41. Мѣсто поклоненія. Здѣсь пилигримамъ, обходящимъ Лхасу по окружной дорогѣ, виденъ дворецъ Потала, которому они и поклоняются.
42. Китайская «долина» (Чжя-мо ронъ).
43. Сѣнной рынокъ.
44. Ресторанъ для монахинь.
45. Китайскій аптекарскій магазинъ.
46. Трактиръ.
47. Внутренній китайскій мясной рынокъ съ двумя рядами лавокъ.
48. Магазинъ непальскихъ торговцевъ.
49. Рисовый рынокъ и большой молитвенный флагъ.
50. Трактиръ китайцевъ-магометанъ.
51. Лавки торговцевъ изъ Бутана и Чумби.
52. Упрощенный судъ для разбора споровъ.
53. Су-к'анъ.
54. Суръ-чжяръ-к'анъ.
55. Большой молитвенный флагъ «Восточная гора».
56. Китайскій трактиръ.
57. Баньчжѣ-шагъ, дворецъ П'алы.
58. Кармашарскій оракулъ.
59. Конный и сѣнной рынокъ.
60. Помѣщеніе китайскаго военнаго квартирмейстера.
61. Бойня.
62. Чжѣ-тöнь чжонъ-пöнь (цзонпонь).
63. Кашмирскій судъ для разбора споровъ между магометанами.
64. Рабъ-салъ.
65. Кунь-санъ-цэ.
66. Дворецъ Шата.

67. Лама-защитникъ религіи.
68. Шата-линъ.
69. Лѣтняя дача непальскаго представителя.
70. Дворецъ Самъ-дубъ.
71. Старый дворецъ.
72. Кахъ-шагъ.
73. Гахъ-ру шаръ.
74. Сонъ-чо ра, гдѣ совершается въ первомъ мѣсяцѣ года благодарственная служба.
75. Площадка, гдѣ воровъ подвергаютъ тѣлесному наказанію.
76. Рагга-шагъ.
77. Колонна съ надписью.
78. Святилище Бѣлой Тары (Долма).
79. Танцовальный залъ.
80. Домъ для лицъ, прибывающихъ изъ Ташилхуньпо.
81. Мостъ Ми-садъ.
82. Чанъ-срэбъ-шаръ (восточная ивовая роща).
83. Чортэнь (чайтья).
84. Бирюзовый домъ.
85. Лѣтній садъ для министровъ и свѣтскихъ чиновниковъ.
86. » » » ламъ.
87. Колонна съ надписью.
88. Базаръ и плавильня.
89. Конюшни Далай-ламы.
90. Ворота Парго-калинъ.

सर्वमङ्गलं

„Сарва мангаламъ“.
Заключительное пожеланіе благополучія (Grünwedel, Mythologie des Buddhismus).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, а также тибетскихъ, санскритскихъ и монгольскихъ словъ [1]).

Абида, 74.
Абид'арма, 41, 100.
Абула, 214.
Авалокита (Авалокитешвара, Шэньрэзигъ), 74, 76, 103, 120, 177, 178, 198, 221, 225.
Аглэнь-таши, 307.
Азимабадъ (Патна), 191.
*Аймакъ, 98, 143.
Алтанъ-ханъ, 226.
Ама, 39.
Ама Тунъ-ла, 127.
Амалонька, 198.
*Амбань, лхасскій, 65—72, 81 88, 167, 233—236, 303.
Амдо, 204, 257.
Амитаб'а (Ву-цэ), 74, 161, 285—288, 291.
Амитаюсъ (Аюши, Цэпамэдъ), 161, 286.
Амла, 193.
*Амчи (врачъ), 56.
*Амчи лхамо, 280.
Амчи Ривола, 255.
Амъ-чой, 130.
Ананда, 121.
Ананда Дваджа, 19.
*Ани (анни, анэхъ), 35, 41, 65.
Анла, 96.
*Анна—индійская монета, $^1/_{16}$ рупіи.
Анпути (Анъ-путта), 99, 133, 161.
Арратъ, 9.
Арунь, 6, 53, 58, 309.
*Архатъ, 121.
Арья Тара, 293.
Арьяварта, 67.
*Асура, 178.
Атиша (Чжу-Адиша), 75, 185, 286, 289
Атонь-ла, 305.
Аурэнгъ-Зэбу, 208.
*Ацара (ачарья), 151, 335.
Ачарья Ами, 147.
Ачарья Сри Данди, 147.

Бадуръ-ла, 139.
Бай-ди, 180.
Байдинъ, 10.
Байдья. 11.
Байп'ута, 67.
*Бакто, 84.
Балавэндра, 130.
*Балинъ—см. торма.
Балпо—см. палпа.
Балти (Малый Тибетъ), 71.
Баратъ, 79.
*Бардо, 179, 324.
Бардонь, 258.
Б'атагонъ, 28.
Баньчэнь риньбочэ - см. Паньчэнь-риньпочэ.

[1]) Тибетскія, санкритскія и монгольскія слова (нарицательныя) обозначены звѣздочкою (*).

Баньчжѣ-шагъ, 114, 191, 193, 210.
Бо, 120, 198.
*Богдо—святой.
Богдо-гэгэнъ, 271.
Богто, 23, 24.
Бод'имуръ—сочиненіе Цонк'апа.
*Бодисатва, 120.
Бодъ - тибетскій.
*Бок'у, 94.
Бонь – см. боньбо.
Боньбо, 10, 75, 166, 199, 255, 266—270, 278.
Бора, 81.
*Борчэ, 320.
Брабунъ—см. Дабунъ.
Брахмапутра—см. Цанъ-по.
Брогъ-ри, 240.
*Бу-дань, 95.
Будала—см. Потала.
*Будда, 120.
Будд'агая, 120, 289.
Бурханъ—статуя божества, 221.
Бурчу-цань, 265.
Б'утія, 1—9, 89.
Бэлунъ, 99.
Бэньчжа, 296.
Бэсахаръ, 114.
Бэхоръ (Бихаръ чжялпо), 288.

Вайдурья (тацанъ), 256.
Вайсравана, 151, 152, 213.
Валлунъ, 33—53.
Ванга, 56.
Вандань, 101.
Ванъ-ду, 201.
Ванъ-чюгъ-чжялпо, 146.
*Вапа, 90.
Варанаси, 96.
Вачжраварахи, 177.
Вачжрапани, 119.
Вачжрасаттва, 163.
Вачжрашена, 96.
Викрамашила, 289.
Виная, 41.
Вируд'ака, 151.
Вирупакша, 151.
Висвакарма, 196.
Ву-к'анъ, 288.
Ву-цэ—см. Амитаб'а.

*Га-к'оръ, 268.
*Гагъ-ламъ, 185.
Гадань (Галдань), 75, 154, 209, 238, 240, 242.
Гадань (рай), 225.
Гадань-к'ансаръ, 227.
Гадань намчжялъ-линъ, 300.
Гадань-намчой, 76.
Гадань-п'оданъ, 226.
Гадань сэрти-ба, 240.
Гадань-чжяху, 100.
Галдань—см. Гадань.
Галданъ бошокту, 271.
*Гампо, 69.
Ганъ, 98.
Ганъ-ро, 165.
Ганьдань лхак'анъ, 113—122.
Ганьд'ола, 120.
Гань-чань-вочжялъ, 198.
Ганьчжуръ, 28.
Гаръ (провинція), 71.
Гаръ (Могаръ), 222.
*Гарпонь, 71.
Гартокъ, 94, 103.
Гаруда (к'юнъ), 101, 178.
Гауризанкаръ, 28.
Гаутама (Готама), 105.
Гингу-ла, 101.
Гобши, 164, 165.
*Гово, 85.
Годанъ, 19.
Гокъ, 2.
Голабъ-сингъ, 71.
Гологъ (гологпа), 257.
*Гомба—монастырь, 113.
Гонамъ, 99.
Гонк'аръ, 282, 302.
Гонпой-ри, 296.
Гонтай, 100.
*Гонъ-к'анъ (гонк'анъ), 130.
Гонъ-ма-цабъ, 229.
Гонъ-са, 273.
Гонь-по, 223.
Гонданъ-танмэ, 298.
*Гоньпа—см. Гомба.
*Гонь-ши, 293.
Гопа, 43.
*Гопонь, 279, 253.
Госирша, 198.
*Граба—см. даба.
*Грово, 199.
Грогъ-цанъ, 97.
Гума-шара, 52.
Гумбумъ, 17, 157, 257.
Гумо-танъ, 22.
Гунри-чумъ-цанъ, 222.
*Гунъ-гжу—см. конъ-чжу.
Гурэ, 311.
Гурка, 20, 252.
*Гуркумъ-чусумъ, 173.
*Гуру (учитель), 121.
Гуру-тагъ-маръ, 125.
Гурунъ, 28.
Гусунъ-тукъ, 121.

Гуши-ханъ, 107, 226, 227.
Гэ (рѣка), 52.
*Гэкоръ, 308.
*Гэ-шэ (габчжу), 122.
Гэдунь-дубъ, 150.
Гэдунь-чжяцо, 85, 225.
Гэгэнъ—хутухта (святитель).
Гэлегъ-Намчжялъ, 170.
*Гэлонъ (гэлюнгъ), 80.
Гэлугъ-па (гэлугпа), 75.
Гэнь-гань, 314.
Гэнь-панъ-танъ, 312.
*Гэнѣнь, 247.
Гэра-тонъ, 281.
*Гэрпа, 242.
Гэрпа Дуга, 300.
Гэсэръ-ханъ—см. Кэсаръ.
Гэ-чунъ, 304.

Да-дунъ, 266.
*Да-лоѣ (да-лао-ѣ), 115.
Да-цзянь-лу (Дарчэньдо), 115, 235, 283.
Да-чэнь, 65.
*Даба (граба)—монахъ, 266.
Даба-нгоньпо, 39.
Дабунъ (Дайбунъ, Брабунъ), 154, 233, 240, 242.
Дабъ-лунъ, 180.
*Дадубпа, 52.
Далай-лама, 73, 215, 220, 225.
*Дамару, 168, 323.
*Дамба, 42.
Дамдулъ, 96.
Дами, 10.
*Дамра, 193.
Дамъ-цо, 189.
Д'анакоша, 272.
Данчжяй—см. Таньчжѣ-линъ.
Данъ, 166.
Даньшикъ, 222.
*Дао (да-ва), 171.
Дао Намчжялъ, 32.
Дао-сринъ, 159.
Дао-таргэ (Дова-тарчжя), 102.
*Д'арани (тарни), 35.
Дардинъ сэрго-тамо, 267.
Дарджилинъ — главный городъ Сиккима.
*Д'арма, 144.
*Д'армапала, 106.
Дару, 187, 189.
Дарчунъ-цзонъ (Тарчунъ-чжонъ), 101.
Дарчэньдо—см. Да-цянь-лу.
*Дахпонь (дайбонъ)—генералъ, 234.
Дашихлунбо—см. Ташилхуньпо.
Даянъ-ханъ, 227.
Даянь-к'аньпо, 209, 307.
*Двипа (материкъ), 178.
*Ди, 50.
Диба-Донцэ, 130.
*Динпонь—поручикъ.
*Динъ, 266, 316.
Дипанкара (будда), 196, 260.
Дипанкара Сричжняна—см. Атиша.
Дичжонъ, 9.
*Д'іяни-будда, 74.
*Діяни-бодисатва, 74.
До, 291.
До-ла, 41.
*До-паръ, 140.
*До-к'ьи, 170.
Добта (Добъ-т'а цзонъ), 274, 311.
Докпа (догпа, допа, друпа), 54, 291.
Доганъ, 311.
Догъ-цзанъ, 97.
*Докшитъ, 199.
Докъ, 20.
*Докъ, 54.
Долма (Тари), 177, 178, 214.
Долма (Долмай-ри), 151.
Долъ-каръ, 177.
Долъ-чжанъ, 177.
Домбу-чойк'оръ, 282.
Донк'ья, 55.
Донцэ, 103 111, 122, 156.
*Донъ, 4.
Донъ-ла, 309.
*Донъ-к'анъ, 18.
Донъ-шо, 300.
Донькаръ, 187, 310.
Доньпа, 43.
Доньп'угъ, 308.
*Донѣръ (доньнѣръ), 133, 220.
Дора-чуцань, 274.
*Дорамба, 122.
*Доринъ, 94.
*Дорчжэ (вачжра)—жезлъ.
Дорчжэ-ганъ (Дорчжэчякъ), 119.
Дорчжэ-лопонь, 151.
Дорчжэ П'агмо, 170—179.
Дорчжэ-сэмпо, 163.
Дорчжэ-тагъ, 50, 283, 301.
Дорчжэ-чигъ-чжэ, 161.
*Дочэ, 67.
Дранъ-лунъ—см. Танъ-лунъ.
Д'ритараштра, 151.
Друпа—см. догпа.
Ду-ла, 22.
*Ду-к'анъ—залъ для собраній.
*Ду-танъ (чай), 206.
Дугпа-наґпа, 101.
Дугпа-куньлегъ, 123, 125.

*Дугъ, 10.
Дугъ-па, 166.
*Дугъ-шинъ, 23.
Думо-цо (Дюмо-цо), 169—179.
*Дунъ-к'оръ (дунк'оръ), 101, 230.
Дунъ-чэнь, 78, 110, 121,148.
*Дунъ-шинъ, 30.
*Дунъигъ, 91, 133, 316.
Д'унькота, 29.
Дунь-на-дунь, 230.
Дунь-чжу, 306.
Дурамдѣнь, 5, 7.
Дурбаръ, 104, 278.
*Дурдагъ, 335.
Дуткоси, 6.
*Дэ, 129.
Дэ-ва-чань, 225, 264.
*Дэба—начальникъ.
Дэба-Чола, 161.
Дэба-Шика, 94.
*Дэва, 178.
*Дэва-шунъ, 229.
Дэвань, 117.
Дэвань Намчжялъ, 252.
Дэки-рабдань, 94.
Дэлахъ-Тоньдубъ, 56.
Дэлэлъ (Дэлэ), 146.
*Дэму-хутухта (регентъ), 222.
Дэнь-іо, 320.
Дэнь-чжонъ, 127.
Дэнса-тилъ, 291—293.
Дэп'у, 180.
*Дэси (регентъ), 107, 216,227, 228, 230.
Дэргэ, 77.
Дэчань, 67, 69.
Дэчань-п'оданъ, 81.
Дэчань-п'угъ, 18.
Дэчань-ролпа, 31.
Дэчань-цзонъ, 285.

За, 44.
*Зак'анъ, 73.
*Замба, 165, 180.
Занпо-палъ, 307.
Зимп'угъ, 42.
Зинань-ла, 31.
Зорваръ-сингъ, 71.
Зунхава—см. Цонк'апа.
Зэ-к'анъ Шика, 299.
Зэму, 95.
Зэнни, 287.

*Іогъ, 316, 320.
Іонъ-цзо, 22.
Іонь-цзинь Лхопа, 151.

И-дамъ, 213.
Индра, 196.
Иса, 101.

К'а, 242.
Кабили, 26, 30.
Кабу-ла, 280.
*Кабшопа, 230.
Кава-гомба, 166.
Ка-ва-шинъ-лхо-чань, 212.
Кадамъ-па, 75.
Кадонъ, 99.
*Ка-дро (дакини), 214.
*Кадунъ, 229, 230.
Кай-К'ола, 6.
Кайласъ, 71.
Калай, 9, 12.
Калачакра, 162, 163.
*Калонь, 51, 229, 230.
Калъ-занъ замба, 180.
*К'алъ, 239.
Кама-канъ-тунъ, 39.
Камай-пугпа, 39.
*Камбабъ, 335.
К'амба—см. К'амба-цзонъ.
К'амба—житель провинціи К'амъ, 149.
К'амба-ла, 181.
К'амба-ла-ри, 180.
К'амба-парц'и (К'амба-барчи), 182.
К'амба-цзонъ, 69, 79, 104, 253, 312.
К'амба-чянъ-танъ, 182.
К'амбачэнь—см. Канпа-чань.
К'амдо—см. К'амъ.
К'амсъ, 157.
Камъ—восточная провинція Тибета.
*Камъ-цань (камъ-ц'ань), 98, 143, 159.
Камъ-іолъ, 305.
К'амэдо, 280.
Канака-муни, 74.
К'андро ѣшесъ, 102.
Канла, 36.
Канла Нанмо, 30.
Канла-чэнь, 34, 40, 47—52.
Канла-чжанъ-ма, 25.
Канпа чань (Камбачэнь), 17, 32—40.
Канра-ламо, 138.
*Кансаръ—дворецъ.
Канчань, 22, 33.
*К'анъ—домъ.
*Канъ, 115, 237.
К'анъ-нѣръ, 193.
Канъ-той-шика, 123.
Кань-до-п'угъ, 31.
*К'аньпо (настоятель), 209.
Каньчаньчжинга, 31, 32.
Капилавасту, 96.
К'ара, 231.

К'ара-Тэдонъ, 94.
*Карма—2 анны.
*Карма, 125.
Карма Багши, 185.
Карма-па (секта), 75, 176.
Кармолинъ, 280.
К'арнанъ п'у-чу, 167.
Карчжю-па, 75, 166.
*Карчжя, 231.
Каръ-ла, 167, 169.
*К'атагъ (шарфъ), 16.
Катманду—столица Непала, 92, 238.
*Катора, 131.
Кахдонъ гомба, 101.
Качань-Гопа, 104.
Качань Дао, 133.
Качань Шабдунъ, 147.
*Кашагъ, 229.
Каши, 6.
Кашьяпа, 74, 121, 171.
Ки-п'угъ (Кьи-п'угъ), 46, 134.
Кики-нагпа, 155.
Кику-тамса, 153, 259.
*Кинара, 280.
*Кинькабъ, 81.
Киранта, 6.
Кирата, 6, 7, 36.
Киронъ, 70.
Кіогъ, 274.
*Ко-а, 183.
*Кодру (кудру), 89.
Конпо—см. Конъ-по.
К'онра-ламо, 304, 314.
*Конъ (гонъ), 40.
Конъ-по, 209, 241.
Конъ-по чжямдо, 209.
*Конъ-чжо, 197.
Конъ-чань-лочань, 68.
К'онь, 272.
Конь по, 160.
*Конь-чогъ, 103, 219.
*Корчагпа, 190.
Коси, 309.
К'оръ-чэ (бьедъ)—па, 190.
Краку-чандра, 74.
*К'ралдупа, 242.
Крики, 205.
Крипа, 229.
*Ку-дагъ, 215.
Ку-друнъ-па, 107.
Кудунъ-замба, 165.
Куку-хото (Гуй-хуа-чэнъ), 226.
К'умба-Карна, 22.
Кунди, 162.
Кунъ-чянъ-чань, 108, 109.
*Кунѣръ, 113.
Кунь, 44.
Куньдулинъ, 189, 228, 241.
Кунь к'ябъ-линъ, 77, 78, 82, 274, 275.
Кучаръ-к'аньпо, 218.
Куша, 176.
*Ку-поръ, 277.
*Ку-шанъ, 206.
*Кушо, 64.
Кэ-утагъ, 280.
Кэга-цаль, 87.
Кэдэ-шо (Кэдэшо-чжонъ), 282, 302.
Кэмай-цаль, 189.
Кэна, 97.
Кэсаръ (Гэсэръ), 69.
Кэта, 19.
Кэшонъ, 265.
К'юнгаръ, 294.
*К'юнъ-мо (гаруда), 173.
К'юнъ-нагъ, 166.
К'юньподо, 280.
*Кябъ-винъ, 58.
*К'ябъ-гонъ (К'ябгонъ), 170, 225, 227.
К'ябъ дванъ-чэньпо, 68.
*Кябъ-чжу, 163.
Кя-дорчжэ, 205.
*К'ямра, 199.
*Кянъ, 58.
*Кяръ, 36, 48.
Кьилъ-к'анъ, 98, 154.
Кьилъ-к'ординъ, 191.
Кьилъ-к'оръ-та-дубъ, 54.
Кьи-чу, 184, 187, 216.
Кьишонъ, 302.
*Кѣдибъ, 278.
Кѣ-па к'ансаръ, 126.

*Ла (перевалъ), 7.
*Ла (почетная приставка), 96.
*Ла-гокъ, 11.
*Ла-дугъ, 22.
*Ла-пугъ (ло-бо), 111.
Лабрадъ-догпа, 274.
*Лабранъ, 83, 135, 306.
Лабранъ, 122.
*Лабранъ-цзу, Лабранъ-цзо, 107.
Лабранъ-догпа, 59.
Лабранъ-чжялъ-цань-тоньпо, 155.
Лагъ-ри, 128.
Лама-ла, 54.
Ламбу-ла, 52.
Лампокри, 22.
Ламтэнъ, 3.
*Ламъ-игъ, 84.
Ландарма, 149, 290.
*Ланле, 131.
Ланма, 167.
Ланпагъ, 270.
Ланъ-ла, 304.
Лапъ-чьи, 25, 28, 310.

*Ларцэ, 8.
Ласа, 272.
*Ласъ-талъ, 242.
Лацзанъ-ханъ, 178.
Лачань, 113.
Лачми-покри, 22.
Лачунъ, 278.
*Леборъ, 244.
Лепча, 9, 21.
*Ли-маръ, 205.
Лимбу, 3—37.
Лимбуанъ, 6.
Лимбуду, 6.
*Линга, 108.
*Линкоръ (Линъ-к'оръ), 116, 224.
Линчамъ, 9, 11.
*Линъ, 194, 228.
Линъ (Лохъ-бу-чжонъ), 280.
Линъ-бу, 141.
Линъ-тэнь, 286.
Литанъ, 285.
Литоп'угъ, 117, 123.
Лоба, 160.
Лобдонь—пути, 60.
Лобдинъ, 94.
Лобзанъ, 148.
Лобзанъ Арья, 143.
Лобзанъ-Даньцзинъ, 64, 76.
Лобзанъ-чжяцо, 106.
Логанъ, 294.
Ломдо, 285.
*Лонъ-чанъ, 318
Лонти, 229.
Лора, 309.
*Лу (нага), 179, 265.
Лубулъ, 152.
Лугури-цжонъ, 274.
Лу-к'анъ, 213.
Лума-гома, 47.
Лункіонъ-чу, 40.
Лунмо-ла, 19.
*Лунъ, 279.
*Лунъ-та, 191, 331.
Лупа-чжялцань, 136.
*Лха, 9.
*Лха-к'анъ, 43.
Лха-ламъ-тань-сонъ, 122.
Лха-ри, 234.
Лхаризимъ-п'угъ, 117.
*Лха-солъ, 9, 25.
Лха-цунь, 30, 43, 118.
Лхагпа рида, 113, 118.
Лхагпа сринъ, 95.
Лхагпа-цэринъ, 86.
Лхадонъ, 273.
Лхак'а. 52.
Лхалу, 65, 189.
Лхалунъ П'алдоръ, 149, 290.
*Лхамаинь, 237.
Лхамо сунъ-чіонъ-ма, 228, 230, 275.
Лхамэнъ-тунь, 167.
Лхань дунь, 163.
*Лхарцэ, 272.
*Лхасрэ (Лха-срэ), 162, 230.
*Лхачамъ, 136, 205.
Лхаюмъ-кушо, 128.
Лхимпоцэ, 305.
Лхобракъ, 121.
Лхованъ, 284.
Лхок'а, 278.
Лхокабра, 160.
Лхолинъ, 89.
Лхомаръ, 167.
*Лхопа, 30.
Лхэна-цзонъ, 97.

Ма, 100.
Магад'а—(названіе страны въ сѣверной Индіи).
Магаръ, 37.
*Магпонь, 234.
*Магъ-чянъ, 259.
Мадья-Дэшъ, 6.
Ма-іо, 90.
Макалу, 28, 310.
Малая, 178.
*Мамо, 32, 40, 103, 130.
Манва, 6.
*Мандала, 162, 163.
*Мани, 5.
Мани-дара, 5.
*Мани-лхак'анъ, 98.
Манькипа, 127.
*Мантра, 15.
*Манъ, 4.
*Манъ-чжа, 171.
Маньда-ла, 31.
Маньда-п'угъ, 31.
Маньдараса, 102.
Маньдинъ-гомба, 40, 42.
Маньчжушри, 120.
Манъ-чжа, 310.
Маранъ, 7.
Марици—см. Вачжраварахи, 177.
Марк'амъ, 103.
Марпо-ри, 215, 216.
Матранкару, 177.
Маудгальяяна, 121, 198.
Махадэва, 6, 151.
Махакала, 178.
*Махаяна, 75.
Мачигъ-лабдонь, 293.
*Мачэнь, 61, 63.
Майтрея (Чямба), 74, 120, 198.

Мая-п'угъ, 40.
*Ми, 44.
Миванъ, 101.
Миза, 44.
Микіодъ-дорчжэ (Вачжра Актобія), 203.
Миларапа, 200, 206.
*Ми-понь, 232.
Миньдолъ-линъ, 301.
Мирва К'ола, 6.
Миркань-ла,
Миркань паньдита, 161.
*Миссэръ, 316.
Митоганъ, 4.
*Ми-хамъ-чи, 280.
*Мицанъ, 55.
Мишми, 160.
Млеча, 36.
Моп'амъ (Манасароваръ), 71.
*Моньламъ, 259, 318, 330.
Мохань, 7.
Мугъ, 55.
Муданъ-п'угъ, 31.
Мудгалпутра, 121.
Му-ли-динъ-ки-цо, 209.
Мумэнъ, 214.
*Мунши, 218.
Мурми, 70.
*Мэ, 280.
*Мэ мэдъ), 54.
Мэ-агцомсъ, 284.
Мэлунъ (Нѣма-лунъ), 280.
*Мэньдонъ, 4.
Мэньдэ, 57.
Мэри, 194.
Мэру, 216.
Мэтанъ, 281.
Мэтогъ-чарпа, 9.
Мюгъ-ринь, 245.

*Набо (На-бу), 56.
Набсо-ла, 181.
Нага, 160.
*Нага (лу), 79, 177, 214, 265, 284.
Нагари, 262.
Нагца-таръ, 229.
Нагъ-чука, 266.
Нагша, 185.
Нагшу-чѣма, 285.
Нагъ-ванъ-кунь-занъ, 175.
Нагъ-па (нягъ-па), 101, 143, 154, 260.
На-дагъ-щигъ, 10.
Найранчжана, 198.
Накорпа, 43.
*Нала, 59.
*Намбо, 25.
Намбу, 59.
Намбу-ла, 59.
Намбура, 12, 13.
Намга, 30.
Намга-цаль, 17, 30.
Намдо-пунь, 279.
*Намо, 123.
*Нампаръ, 200.
Намринъ, 105, 272.
Намчжялъ, 183, 221—223.
Намъ, 184.
Намъ-ганъ, 86.
Намъ-чжонъ (цзонъ), 209, 257.
*Намъ-шэ, 322.
Нангарцэ-цзонъ, 85, 179.
Нанго, 294.
Нанго-ла, 30—41.
На-нинъ, 165.
*Нао, 45.
На-Пэматанъ, 31.
Нари-тацанъ, 291.
Наринъ, 274.
Нартанъ, 94, 146, 304.
Натогъ, 98.
*На-тра, 247, 248.
Натэнь-чудугъ, 105.
Начунъ-чойчжіонъ, 188, 208, 228, 230, 308.
На-ша, 247, 248.
Нгонь-до, 67.
Неваръ, 7.
Неландра, 121.
Нинъ-ро, 165.
Ниру-чу (Ниро-чо), 116, 166.
Нога, 24.
Нойчжинь-канъ-занъ, 116, 167.
Нойчжинь-хамара, 288.
*Номунъ-ханъ, 228.
Нонь-чу, 270.
Норбу-ганъ, 185.
Норбу-линга, 189, 221.
Норпа (Норбу) кюнь-цзинь, 101, 158.
Норпу-Тоньдубъ, 72.
Норчжя-Нанпа, 97.
*Нубъ (западъ), 97.
*Нубъ-ли, 132.
Нубъ-чіогъ Дэвачань, 225.
Нумъ-чу, 94.
Нэ-донъ цзонъ, 296.
Нэмботонъ, 101.
*Нэрпа (нѣрпа, нирба), 62.
Нэсаръ, 102, 103.
Нэтанъ (Нѣртамъ), 185, 256.
*Нягпа см. Нагпа.
Нягъ-к'анъ, 150, 152, 154.
Някри-цань-по, 106, 299.
*Нямямъ-шинъ, 282.
Ня-ни, 116.
Нянъ, 112, 117.

Нянъ-чу (Нанъ-чу), 97—116, 165, 278.
Ня-шинъ, 158.
Ньи-іолъ, 104.
Ньима-дорчжэ, 142, 144.
Ньинма-па, 52, 75, 157, 166, 181, 298—302.
Ньинма-цэринъ, 115.
*Ньихогъ (нихогъ, нгихокъ), 104.
*Нья, 10.
Нья-ранъ-чюнъ, 198.
Нѣръ-цань-па, 230.
Нѣръ-чань-чэньпо, 238.

*Обо, 8.
Одантапура, 289.
*Ок'анъ (огъ-к'анъ), 161.
Ома-танъ, 167 303.
Омбо, 266.
Омбу, 297.
*Омъ-мани-падмэ-хумъ, 1, 5, 35, 52.
*Омъ-цзэ, 151, 163, 266.
*Ордо, 236.

Па-ла, 274.
Па-па-ха, 241.
*Па-цалъ, 111.
П'агмоду, 206, 291, 293.
П'агри (Пагри), 86, 137.
*Пагри, 190.
*Пагро, 58.
Пагсъ-па-ша, 241.
*Пагъ, 58.
Падма-пунъ-па, 199.
Падма Самб'ава 7, 75, 148, 272, 288.
Падоръ, 163.
Пакань, 34.
Пакпа (П'агна, Пакба), 75, 187, 206, 306.
Пала, 108, 156, 276.
Палдань-лхамо (Сримати-Дэви), 201—205.
Палдань Танпай-ньима, 239.
Палк'оръ-чой'дэ, 109—122.
Палмой полтанъ, 200.
Палпа, 91, 238.
Палри (Пэми), 100, 123.
Палри-кушо, 117.
Палти (озеро) см. Ямдо-цо.
Палти-цзонъ, 180, 181, 256, 303.
Палти-Шабдунь, 181.
Палунъ, 6.
Палчэнь-чувори, 182, 183.
Палчжоръ-рабтанъ, 191.
Палэ, 63,
Панамъ (Пайнамъ, Пэнамъ-цзонъ), 99, 117.
Панамъ-ганъ, 98.
Панамъ-дой (дой), 99.
Панбола, 31.
Панганъ (Панъ-конъ), 101.
Панри, 102.
Панъ-дэнъ, 205.
Паньза, 302.
Панькоръ-торнубъ, 97.
*Паньчэнь, 307.
Паньчэнь-риньпочэ, 77, 208, 238, 250, 264, 274, 277.
Пао-рабъ-дунь, 267.
Паоналъ-чжорма, 275.
Паонтанъ, 18.
*Парамита, 120.
Парго-калинъ, 189, 195.
Пари, 259.
Парми, 16, 17.
Паручудэ, 209.
Патама, 89.
*Патугъ (головной уборъ), 53, 99, 115, 156, 205.
*Патугъ (мучные шарики), 97.
Пахирія, 5.
*Паца, 127.
Пац'алъ, 98, 99.
Пачунри, 281.
Пи-шу, 30.
*Пилинъ—иностранцы.
Пину, 127.
*П'инъ, (пинъ), 63.
*Пипонь, 135.
Пинь, 266.
Пиши, 98, 99, 161.
По-ка-чань, 160.
По-п'угъ, 47.
Побо, 321, 329.
*Погпонь, 82, 234.
П'оданъ (П'одранъ), 306.
П'оданъ-лама, 104.
Поданъ-марпо (Побранъ марбо), 215, 224.
Поданъ-цзонъ, 297.
Поданъ-чоглегъ Намчжялъ, 176.
*Подранъ, 156.
*Подъ, 94.
Пола, 101.
Поле, 55.
Помдэ (Пундэ), 204.
Поньпой-ри, 306.
Потала (Будала), 215—224.
П'угъ—пещера.
П'угпа-карпо, 47.
Пуданъ, 15.
*Пуло, 42.
*Пумпа (бумба), 118.
Пуньло, 161.
П'уньцо, 42.
П'уньцо-кансаръ, 62, 142.

П'уньцо-линъ, 271.
П'уньцо-поданъ, 274.
П'уньцо-Ю-чжалъ, 127.
Пуранъ, 71.
П'урбу, 308.
Пурпай-килъ-чямъ, 272.
*Пуругъ—см. пуло.
П'урчунъ, 32, 38.
П'урчугъ, 48.
*Пэбъ-чямъ, 230.
П'эданба, 10, 15.
Пэди, 180.
.П'эдахъ, 6.
Пэма-Чюннасъ—см. Падма Самб'ава.
Пэмазанъ, 30.
Пэма-кіодъ, 242, 329, 330.
Пэмаянцо, 11.
Пэнбо, 216.
Пэнагандо, 98.
Пэньди-К'ансаръ, 58, 62.
Паньчжанъ, 98, 99.
Пэрбу, 91.
Пэрбунъ, 91.
Пэронь-шавэа, 94.
Пэру, 282.
Пэругъ, 52, 306.
П'эрчодэ, 257.

*Ра, 58.
Ра-чунъ, 297.
Ра-чунъ-па, 200, 298.
*Рабъ, 315, 316.
*Рабъ-салъ, 130.
*Рабъ-ча, 326.
Рава, 199.
Рагъ-цо, 270.
*Ракша, 177.
Ралунъ, 166.
Ралпачань—см. Тисронъ Дэцань.
Рамочэ, 197, 201, 203, 205, 213, 214.
*Рампа, 160.
Рампа, 65, 68.
*Ранъ-чюнъ, 153.
Рапа-чань, 38.
Ратонъ, 11, 23,
Ратна-талай ханъ, 227.
*Рачжіо, 58.
*Рачжяба, 64, 85, 213, 214, 224.
*Ри—гора.
*Ри-лха, 45.
Ри-у, 52.
Ривотагъ (ри-о-тагъ), 280.
Ринди, 12, 22.
Ринпа, 80.
Ринзинъ Намчжялъ, 135.
Ринъ-ла, 168, 279.
*Ринъ, 318.
Ринь-чэнь-ганъ, 137.
*Риньпочэ, 127, 131.
Риньсэлъ, 171.
Риньчэнь К'адома, 214.
Рирабъ (Сумэру), 151, 178, 237.
*Ритодъ, 292.
Ритой-гомба, 116.
Ритонъ, 100.
Ричжялъ, 209.
Ричжялъ-шэньдаръ, 266, 270, 276.
Риши, 7.
Рокъ, 9.
Ромбучжа, 280.
*Ронъ, 65.
*Рочжяба—см. Рачжяба.
Рудокъ, 71, 94.
Руммамъ, 3.
Рунгитъ (большой), 3, 10, 327.
*Рупія, 13.
*Рупонь, 115, 234, 236.
Рэ, 69.
Рэтой, 101.
Рэ-чу, 59.
Рэчжинъ-пай 59.

*Са-ванъ, 230.
*Са-сунъ (срунъ)-па, 190.
Сага-дао (дава), 171, 194.
*Саіонъ, 40, 305.
Сакянъ, 11.
Сакья (монастырь), 272, 273, 306—309
Сакья—секта, см. сакья-па.
Сакья-па, 52, 75, 117, 155, 206.
Сакья-муни см. Шакьямуни.
Сакья-пандита, 19, 273.
*Салра, 203.
Самдинъ, 168—179.
Самдонъ, 305.
Самдубъ-п'оданъ, 293.
Самъѣ, 242, 285—290.
*Санга, 103.
Санга-линъ, 97,
Саннагъ-чойлинъ, 11.
Санри-к'амаръ, 293.
Санта Ракшита (Цзи-во-цо), 289.
Саньчжѣ-чжяцо, 107, 216, 227.
Сарша, 94.
*Сахъ, 25.
Сиддарта Гаутама (Шакьямуни), 120.
Си-нинъ (Силлинъ), 266.
Сикіонъ, 268.
Силлинъ—см. Си-нинъ.
Синли, 3, 7, 9.
Синли-ла, 20, 28.
Синма-ла, 304.
Скардо—главный городъ Балти, 71.
*Соличи, 100.

*Солпонь (Сойбунъ), 67.
*Солъ-табъ, 146.
*Солъ-чжа, 66, 140.
Сонамъ-дорчжэ, 39.
Сонамъ-чуп'элъ, 227.
Сонамъ-чжяцо, 226.
Сонкаръ (Зункаръ, Цонъ-ка), 284, 285.
*Сонъ-чжялъ, 246.
*Сравака (шравака), 120.
*Сранъ-унція серебра, 116.
*Сридъ-пай к'орла, 332.
*Сримонъ, 311.
Сринь-по (людоѣды), 205.
Срисоб'а, 7.
Сричжанга, 7, 10.
Сронь-цань-гамбо, 75, 151, 171, 197—206.
*Срунъ-ма, 248.
*Срэгпа, 39.
*Ставира, 105.
*Стотра, 140.
*Ступа, 4.
Суб'адра, 130.
*Субурганъ—см. Ступа.
*Сугпа (Сугъ-па) 131.
Сукавати—см. Дэ-ва-чань.
Сумдонма, 41.
*Сумэ, 291.
Сумэру (Рирабъ), 151, 178.
Сунапара, 94.
*Сунъ-та, 163.
Сунъ-пань, 257.
Суньдубъ-п'угъ, 25.
*Сутра, 41.
Сэмаронь, 94.
Сэмарину, 27.
Сэмарумъ, 26, 28.
Сэму, 184.
*Сэнъ-чэнь, 262, 264.
Сэра, 154, 189, 233, 240, 242.
*Сэркэмпа, 203.
*Сэрчжэмъ, 206.
*Сэръ-бумъ, 208.
Сэхъ-гуру-чой-ванъ, 121.

*Та, 4.
Та-замба, 243.
Та-лунъ, 279.
*Та-магъ, 237.
Тао, 305.
*Та-у, 240, 243.
Та-цагъ риньпочэ, 241.
*Та-ц'анъ, 98, 143, 154.
*Тага, 291.
Тага-шо, 291.
Тагкаръ-шо, 291.
Тагнагъ, 274.
Тагъ, 284,
Тагъ-по (Такпо), 209, 257, 307.
Тагъ-цань бумба, 297.
Тагъ-ша, 213.
Таймэнь (Т'о-мань), 101.
Такаръ, 100.
Такваръ, 1.
Тале, 12.
Талинъ, 102.
*Тама, 316.
Тама-ла, 32.
Тама-чу, 23.
Тамаръ (Тагмаръ), 59.
Тамалунъ, 181, 302.
Тамбу, 182.
Тамбуръ, 4, 6, 29.
Тамбуръ-Кола, 6, 28.
Тамдринъ (Тамдинъ), 31, 173, 175, 178.
Тамирянь-кукябъ, 31.
Тана, 272.
Танагъ, 89, 308.
Тангу, 57.
Танлунъ (Танъ-лунъ), 56, 60.
*Тантра, 41, 162.
*Танъ - равнина.
Танъ-пэ, 265.
Танъ-тонъ-чжялъ-по, 183.
Танъ-янъ, 58.
Таньдубъ, 296.
*Танька, 55.
*Танькаръ, 324.
Таньта, 281.
Таньчжѣ-линъ, 193, 228.
Тара—см. Долма.
*Тара (тарагъ), 50.
Таранат'а (Дараната), 270.
*Тарни. 35.
*Тарпо-чэ, 191.
Тауганъ (Тагонъ), 99.
Тарчжѣ, 57, 274, 311.
*Таши-к'атагъ, 160.
Таши-лама—см. Паньчэнь-риньпочэ.
Таши-рабка, 46—53, 104.
Таши-чосъ-динъ, 34.
Таши-чжяньцэ, 93.
Ташидинъ, 10.
Ташиганъ, 99, 133, 156.
Ташигонъ, 311.
Ташилхуньпо, 60—92, 136—155, 257—261, 278.
Тая-цанъ-по, 57.
Ти (Тойлунъ)-чу, 187.
Ти-чу замба, 185.
Тибчжю-чу, 54.
Тибъ, 281, 282.
Тибъ-чу, 282.
*Тимпонь, 229.

*Тимъ-тэгъ, 233, 245.
Тингугма, 40.
Тинри-цзонъ, 67, 104, 108, 234, 236.
Тинь-каръ-ла, 113.
Тиньки, 306.
Тинь-ле-чжяцо, 208.
Тисронъ-дэцань (Ралпачань), 196, 284, 287, 289.
Тиста, 327.
*То-во, 199.
Тобчжялъ, 260, 277.
Той-Судулинъ, 282.
Той-ци, 182.
Тойлунъ, 187.
Тойлунъ-Цорп'у, 67.
Тойнамъ-чжялинъ, 282.
Т'ойсамлинъ, 98, 154.
*Тола, 136.
Томсэ-ганъ, 201.
*Томъ (рынокъ), 63, 114.
*Томъ-рамъ-па, 122.
Томъ-чу, 305.
Тонва кундолъ, 44.
Тонзунпа, 51.
Тонло, 7.
Тонъ-чу, 265.
Тонъ-чжялъ, 245.
Тонъ шонъ-п'угъ, 38.
Тоньдубъ К'ансаръ, 73, 84.
Тоньдубъ-линъ, 270, 272.
Тоньзанъ, 18, 19.
Тоньми Самб'ота, 222.
Тоньтонъ, 161.
Торгодъ-чьи-к'анъ, 61, 145.
*Торма (дурма), 76, 161, 335.
Торпа-ганъ, 48.
*Трипитака, 41.
*Ту (священная вода), 205.
Ту-к'амъ, 77.
*Ту-лугъ, 268, 278.
Тубдань, 265.
*Тугпа, 64, 91.
*Тулпа, 58.
*Тулъ-паръ, 140.
Тумлунъ, 139.
*Тумши, 264, 274.
Т'умъ-цунъ, 298.
Тунъ-ма, 285.
*Тунъ-чэнь, 64.
Туньпра-ла, 3.
*Тураимбагъ, 16.
Турубайху, 107.
*Тусолъ ,327.
*Тушита (рай)—см. Гадань.
*Тэ-ци, 243.
Тэбонъ, 56, 57.
Тэдинпа, 115.
Тэлъ-тунъ, 311.
Тэмпай ньима, 239.
Тэнри—см. Тинъ-цзонъ.
*Тэньзунъ, 327.
Тэрталинпа, 302.
*Тэрчой, 117.

У—центральная провинція Тибета.
Уддаяни, 272.
*Ула (улагъ), 235, 240, 241.
Унамъ, 99.
Ундуръ-гэгэнъ, 271.

Фэйлепъ, 29.

Хабой-ри, 285, 289.
*Хадакъ—см. к'атагъ.
Хайло (Ханъ), 180.
Халха, 143, 271.
Хамданъ, 98.
Хань, 7.
Хаягрива (Харьягриха)—см. Тамдринъ.
Хи, 7.
Хо-ёрлёкъ, 107.
*Хокъ (огъ), 40.
*Хомъ-к'анъ, 336.
Хоншимъ-бодисатва, 74.
Хорба, 282.
Хошоуты, 107, 178.
Хубилай, 19, 185, 206, 307, 309.
*Хубилганъ, 74.
*Хуваракъ (духовный), 222.
*Хурулъ, 222.
*Хутухту, 228.
*Хэ-шэнъ, 151.

Ца-к'анъ, 184.
*Ца-цигъ, 232.
*Цавай, 44.
Цалъ-па-нанъ, 184.
*Цамба (цзамба) — поджареная ячменная мука.
*Цампа, 299.
Цанъ—провинція (Западный Тибетъ).
*Цанъ-к'анъ, 196, 199.
Цанъ-моньпа, 6.
*Цанъ-ньидъ (Цанидъ), 113.
Цанъ-по—Брахмапутра.
Цаньдань-карпо, 18.
Цаньдань-ю, 299.
Цаньпура, 6.
Цань-танъ, 299.
Цари, 117, 160, 191.
Царонъ-чу, 305.
*Цаца, 98.
Цацамъ, 47.

*Ци-к'анъ, 231.
Ци-ши, 241.
*Ципонь, 67, 109, 230.
*Цо (цуо, цосъ), 14, 276.
Цо-домъ-донма, 24.
Цо-к'анъ, 78.
Цо-нагъ-цо, 23, 24.
Цо-чунъ-донька, 31.
*Цогпонь—см. цопонь.
Цогъ-чи (Чогъ-цэ), 100.
Цогъ-чэнь Шалніо, 338.
Цолькаръ, 6.
Цомо-линъ, 204, 228.
Цомо-тэлъ-тунъ, 274.
Цони, 204.
Цонк'апа, 18, 75, 112, 197—199.
*Цопонь (цогпонь), 232.
Цорпу, 185.
*Цунъ, 11.
*Цунь-мо, 134.
*Цэ-го, 245.
*Цэ-дубъ, 172.
*Цэ-дунъ, 231.
*Цэ-игъ, 269.
Цэ-лабдра, 231.
Цэ-памэдъ (Амитаюсъ), 161.
*Цэ-рилъ, 263.
Цэ-чань, 112, 157.
Цэ-чогъ-линъ, 172.
Цэ-чогъ-па, 300.
Цэванъ-рабтанъ, 178.
*Цэги-бумба, 161.
Цэмо, 194.
Цэринъ-таши (Цинъ-та), 84, 159.
*Цэръ-чань, 47.
Цэтанъ, 294—296, 300.
Цзайсанъ, 227.
Цзама-нагпо, 47.
Цзамбала, 213.
Цзамлинъ-чжянь, 223.
Цзари-танъ, 41.
Цзимъ-гагъ-па, 149.
Цзинь-чуань, 103, 266.
Цзинь-чэнъ, 197.
Цзинь-ша-цзянъ, 103.
*Цзо (цянь), 194.
Цзонго, 50.
*Цзоннѣръ, 69, 231, 239.
*Цзонпонь, 68, 231, 232, 239.
*Цзонъ (замокъ, область), 215, 231, 334, 239.
*Цзонъ-цзо, 232.
*Цзонъ-ши, 232.
Цзу, 197.
Цзунхава—см. Цонк'апа.
Чабугъ-ла, 54.
*Чабъ-нагъ, 267.
*Чагпа, 245.
Чагпори, 154, 186, 255.
Чагри, 304.
*Чагъ-талъ, 257.
Чаини, 40.
*Чамбимъ, 67.
*Чамданъ, 29.
*Чамъ, 148, 151.
*Чамъ-чу, 134.
Чандра Гоми, 147.
Чани, 54.
Чанпа, 282.
Чанчжоба, 73.
*Чанъ—пиво или вино, 12.
*Чанъ-кѣлъ, 39.
*Чанъ-ма, 100.
Чанъ-танъ, 71, 153, 266.
*Чаньдань, 17.
*Часагъ, 229.
Ча-т'анъ, 170.
Чатанла, 95.
Четри, 4.
Чиблунъ, 274, 311
Чибъ-замба, 243.
Чимъ-п'угъ, 287, 288.
*Чинѣръ, 268.
*Чинь-срэгъ, 263.
Чиньчо-линъ, 300.
Чо, 302.
Чойбиса, 6.
*Чойдэ—см. Чортэнь.
Чойлунъ-гомба, 116.
Чой к'оръ-чжя, 209.
Чой-таши, 64, 265.
*Чой-тимъ, 268.
*Чой-чжалъ, 105.
*Чойчжонъ (чойсрунъ), 106, 188.
*Чой-чжялъ, 297.
Чой-чжялъ п'оданъ, 297.
Чойчжялъ-рабтанъ, 117.
Чо-Каньчань, 31.
Чола Кушо, 215.
*Чома, 160.
Чома Канькаръ, 28, 309.
Чонду-чогъ, 301.
*Чонъ, 74.
Чонъ-к'оръ, 280.
Чоньчжомъ, 19.
Чорка, 311.
*Чортэнь, 4.
Чортэнь-ганъ, 5.
Чортэнь Ньима, 55, 56.
*Чоса, 93.
*Чуа, 42.
Чу-лонькіокъ, 25.
Чу-шу, 310.
Чу-шулъ цзонъ, 184.

*Чу-чжіонъ, 288.
Чумби, 117, 137.
Чумбокъ-ла, 24.
Чумигъ-ганъ, 185.
Чумо-лха-ринь, 116.
Чунъ, 4.
*Чунъ, 100.
*Чунъ-ма, 100.
Чунъ Ривочэ, 183.
Чуньчжорма, 31.
*Чусумъ (ревень), 173.
Чута, 60.
Чута-гянма, 97.
*Чура, 64.
*Чябъ-лугъ, 268.
Чябтамъ, 87.
*Чягъ-ванъ (чябъ-ванъ), 78.
*Чягъ-замъ, 182.
Чягъ-на доржэ (Вачжрапани), 199, 205.
Чягъ-цалъ-ганъ, 259.
*Чягъ-цзо-па, 126—132.
*Чягъ-цзотъ, 230.
Чямба - см. Майтрея.
Чямдо, 204, 241, 266.
*Чямпа, 272.
Чямъ Кушо, 127.
*Чянъ-бу, 127.
*Чянъ-ма, 153.
Чянь-цзо-шаръ, 147.
Чянъ-чу, 94, 134, 160.
Чянъ-чубъ-чжя-ламъ, 47.
*Чянъ-шинъ, 109.
*Чюгпо, 54.
Чюгпо-мэпалъ, 54.
Чюгпу-Шунъ, 94, 97.
Чяса лха-к'анъ, 300.
*Чэри, 187.
Чэтанъ—см. Цэтанъ.
Чэ-чу (Чи-чу), 53, 311.
Чьи-кябъ-к'аньпо, 228.
Чьи-лонь-хутухту, 228.
*Чьинъ-санъ, 230.
*Чъма, 285.
*Чжа, 218.
Чжаганат'ъ, 130.
Чжагъ-минъ-к'анъ, 333.
*Чжа-гиръ, 232.
*Чжадаръ, 194.
*Чжайк'имъ, 132.
*Чжала (чжаланъ), 81, 211.
Чжалепъ-ла, 254.
Чжа-лу-са, 69.
Чжамбудвипа, 178.
Чжанъ-той, 184.
Чжанъ-хогъ, 184.
Чжань, 187.
Чжаянъ-то, 165.
*Чжахъ-ху-танъ, 88.
Чжигъ-кіонъ, 305.
Чжимъ-К'аръ, 183.
*Чжинь-лабъ, 119.
*Чжіоп'игъ, 76.
*Чжо, 42.
Чжо-во, 106.
Чжо-к'анъ (Чжо, Чжо-во-к'анъ), 196—201, 205.
*Чжомо, 96.
Чжонъ 291.
Чжонъ-Лугури (Лугури-чжонъ), 60.
Чжонри, 17, 22, 36.
Чжонь-чжю, 332.
Чжорданъ, 18, 19.
Чжорчжя, 33, 98.
Чжуонга, 30.
Чжэбцзунъ-дамба, 271.
Чжэ К'адубъ риньпочэ, 266.
Чжэ П'агмоду, 293.
Чжэронъ, 270.
Чжэрунъ, 172, 173.
Чжэрунъ-ла, 130.
Чжэ-цунь-Кушо, 156.
Чжэ-цунь Тиньла-цомо, 175.
Чжэхъ-ла, 265.
*Чжю-каръ, 171.
Чжюнь-саръ, 32, 38.
Чжя-бумъ-гань, 201.
Чжябши, 112.
*Чжябялъ, 259.
Чжягаръ-к'амба, 52.
Чжядэ, 266, 278.
*Чжялбо, 228.
*Чжялго, 93.
*Чжялинъ, 78.
Чжялъ-ва-чжяцо, 73, 225.
Чжялъ-купъ, 136.
*Чжялъ-цабъ, 228.
*Чжялъ-цань (балдахинъ), 216, 272.
Чжя-лчжинь (Индра), 172.
Чжя-к'анъ, 184.
*Чжя-нагъ, 69.
Чжя-п'игъ—см. Чжіо-п'игъ, 152.
Чжянь-к'аръ, 163.
Чжянь-по, 184, 232.
Чжянь-то, 165.
*Чжяпонь, 115.
Чжяронъ, 103, 266.
*Чжя-талъ, 69.
*Чжятугъ, 65.
Чжяту-линъ, 302.
*Чжяцо, 226.
Чжяцо-шаръ, 94, 97, 257.
*Чжя-цугъ, 244.

Чжѣрпалъ, 300.
Чжѣръ-чжянь.
*Ша-маръ, 75.
*Ша-нагъ, 75.
*Ша-нагъ-чамъ, 149.
*Ша-сэръ, 75.
*Шабдо.
Шабдунъ, 107.
*Шабинаръ, 271.
Шабши, 280.
Шабъ-чу, 304.
*Шагсъ-понь, 230.
Шада Доньдубъ-дорчжэ, 290.
Шакьямуни (Сакьямуни), 74, 120, 196, 260.
Шакья-туба—см. Шакьямуни.
*Шалу (якъ), 50.
*Шалу (чжялу), 69.
Шалу, 97.
*Шалчэпа, 230.
Шамбала, 237.
*Шамъ-табъ, 268.
*Шанцзотба (чягъ-цзо-па), 271.
Шанъ, 87.
*Шанъ, 267.
Шанъ-по, 139.
Шаньдунъ-чу, 280.
Шаньку, 91.
*Шаньпа, 283.
*Шапэ, 51, 229, 230.
Шара, 52.
Шари, 280.
Шарипутра, 121.
*Шарпа, 36.
Шаруй-тэнъ, 180.
Шаръ, 97, 101.
Шаръ-К'амбу, 25, 36, 48.
*Шаръ-ли, 132.
Шаръ-чіогъ-Аньюнъ, 101.
Шата, 51, 228.
Шахаръ-цзонъ, 272.
*Ши-бдагъ, 45.
Шидэ, 194.
Шигацэ, 63, 65, 69, 91, 234.
*Шинса-пахмо, 30.
*Шинъ, 10.
*Шинъ-ги-тру, 183.
Шинъ-доньканъ, 187.
*Шинъ-чямъ, 167.
Шиньчжѣ-чжялбо, 263.
*Шинѣръ, 187.
*Шо (деньги), 242.
*Шо (кушанье), 51.
*Шо-мань, 173.
Шонъ-ла, 305.
Шонъ-маръ-цэ, 274.
Шонъ-пала, 310.
Шонъ-чу, 310.
Шонь-ну-друпа, 169.
Шорнубъ, 97.
Шугпа-т'анъ, 40.
*Шуленьпа, 230.
*Шунь-ши, 239.
Шэкаръ-гомба, 54.
Шэрабъ-донбу, 232.
Шэрабъ-чжяцо, 160.
Шэтагъ, 298.
*Шэтама, 127.
Шэтой (Шэтонъ), 168.
Шэнь-лугъ, 268.
Шэнь-тань срунъ-лугъ, 269.
Шэнь-цанъ, 268, 269.
Шэнь-цанъ-лугъ, 269, 278.
Шэньдаръ-динъ, 266, 278.
Шэньрабъ-Миво, 266.
Шэньрэзигъ—см. Авалокита.
*Шяк'и, 52.
Шяти-линъ, 302.

Ѣ-танъ, 185.

Эверестъ—см. Чома Канькаръ.

*Юлъ-магъ, 56, 236.
Юмъ, 100, 226.
Юмъ-цо, 180.
Юрупэ, 280.
Ютогъ (школа), 231.
Ютогъ-замба, 190, 191.

Ябъ-ла, 302.
Яго, 59, 101.
Якт'анга, 6.
*Якша, 178.
Ялунъ, 309.
Яматари, 32.
*Ямбу, 68.
Ямдо (Ямдокъ-цо, Палти), 168, 169, 179, 181, 280, 307.
Ямпунъ (Янъ-пунъ), 12—23.
Янгоро, 28.
Янма, 23, 34, 40 - 50.
Янрубъ, 6.
Янта, 300.
Яньку-танъ (Янъ-ку-танъ), 31, 46.
Яньт'анъ, 11.
*Янъ-игъ, 212.
Ярлха шампо, 298.
Ярлунъ, 206, 276, 290—301.
Ярлунъ-шэтагъ, 298.
Ярса, 38.
Яру-ла, 58, 311.
Яру-цанъ-по, 57.
*Яръ-насъ, 277.
*Ятугъ, 80.
*Я-чьилъ дунъ-каръ, 309.

ОПЕЧАТКИ:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
79	2 снизу	авгоровъ	авторовъ
81	вверху	13	81
108	1 снизу	манголовъ	монголовъ
109	1 »	W. Я.	W. R.
137	1 »	ofa	of a
168	11 сверху	профектъ	префектъ
171	7 »	дал	дала
»	8 »	мо й	мощей
»	9 »	на оялъ	настоялъ
177	11 »	Geordi	Georgi
180	1 снизу	Брахманутра	Брахмапутра
203	1 »	Чжо-к'наскимъ	Чжо-к'анскимъ
342	—	благополучія	благополучія.
»	—	Myshologie	Mythologie

На отчетной картѣ Тибетскаго плоскогорья (стр. XLV) у г. Дарджилина кружокъ перенести изъ Непала въ Сиккимъ.

549

71 575X C 55 3

Ch 294.49.5
Puteshestvie v Tibet /
Widener Library
005828722
3 2044 088 706 767